

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ

РИМСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ

РИМСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

СЕРИЯ

АНТИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии:

акад. Г. М. Бонгард-Левин, президент Российской ассоциации антиковедов (председатель); О. Л. Абышко; чл.-корр. С. С. Аверинцев; акад. М. Л. Гаспаров; чл.-корр. Н. Н. Казанский; проф. Г. А. Кошеленко; проф. В. И. Кузицин; акад. Г. Г. Литаврин; Е. В. Ляпустина (ученый секретарь); к. ф. н. А. В. Муравьев; чл.-корр. М. Б. Пиотровский; д. и. н. А. В. Подосинов; проф. А. А. Россиус; И. А. Савкин; проф. А. А. Тахо-Годи; проф. В. И. Уколова; проф. Э. Д. Фролов; проф. И. С. Чичуров.

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ

**РИМСКАЯ
РЕСПУБЛИКА**

Перевод с польского и подбор иллюстраций
Н. А. Папчинской

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2002

УДК ТЗ(0)323.3

ББК 937.02

З 48

Зелинский Ф. Ф.

З 48 Римская республика / Перевод и подбор иллюстраций Н. А. Папчинской. — СПб.: Алетейя, 2002. — 448 с. — (Античная библиотека. Исследования).

ISBN 5-89329-502-1

Основатель и руководитель серии:

Абышко О. Л.

Издательство «Алетейя» продолжает публиковать не изданные до последнего времени на русском языке труды выдающегося ученого Ф. Ф. Зелинского (1859–1944). «Римская Республика» — третий том цикла «Античный мир» Зелинского; название, которое дал этой части автор, значительно уже ее содержания. Ученый в «Римской Республике» живо и увлекательно описывает не только историю Рима с самого его возникновения из небольшого пастушеского селения вплоть до падения Республики, но, по крайней мере, частично излагает историю ряда государств Средиземноморского ареала, по очереди попадавших в орбиту интересов Рима — Карфагена, Пергама, Сирии, Египта и греческих городов и союзов.

Благодаря Зелинскому читатель становится свидетелем всех конфликтов — внешних и внутренних, общественных и политических, приводивших к взлетам и падению многих известных, да и неизвестных доселе государственных мужей, полководцев, заговорщиков, реформаторов. И хотя с момента написания работы в научном мире появилось много новых источников, документов, открыто огромное количество новых памятников материальной культуры, опровергающих или уточняющих некоторые выводы ученого, работа Зелинского остается интересной для всех читателей.

Перевод осуществлен с издания: Tadeusz Zieliński. Rzeczpospolita Rzymska. Katowice. «Śląsk». 1989.

ISBN 5-89329-502-1

9 785893 295023

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2002 г.
© Н. А. Папчинская, перевод с польского,
подбор иллюстраций, 2002 г.

ВЕРТИКАЛЬ ЖИЗНИ

(НАБРОСКИ К БИОГРАФИИ Ф. Ф. ЗЕЛИНСКОГО)

Серебряный век русской культуры непредставим без имени Зелинского.

Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) — одна из ярчайших звезд той суперзвездной эпохи. Русский по рождению и языку, поляк по крови, эллин по духу и призванию, друг Иннокентия Анненского и Вячеслава Иванова, филолог-классик, педагог, полиглот, энциклопедист, переводчик, поэт, прозаик, *деятель* культуры в истинном смысле затертого этого словосочетания, — он задался грандиозной целью: привить «к российскому дичку» неувядающую ветвь античности.

Профессор Санкт-Петербургского, а впоследствии Варшавского университета, член-корреспондент Российской академии наук, один из последних (1919 года) лауреатов Пушкинской премии, доктор *honoris causa* четырнадцати университетов Европы, окруженный почетом и признанием коллег, учеников и просвещенных читателей, — после 1922 года исчезает с культурного горизонта России, превратившейся в СССР. Краткая литературная энциклопедия с каждым новым изданием отводит тексту под именем Ф. Ф. Зелинского все меньше строк, а Большая Советская и вовсе о нем не упоминает.

Нельзя сказать, что имя это напрочь было утрачено в советскую эпоху — иногда мелькало в оглавлениях хрестоматий и сборников античной литературы, уж непременно — в сносках и комментариях, порою в редких мемуарах о Серебряном веке, в последних принадлежа как бы некому фоновому персонажу, о котором каждому следующему поколению читателей становилось известно все меньше и меньше.

Почему так произошло? Чем была вызвана семидесятилетняя полоса забвения?

Причина, лежащая на поверхности, заключалась в том, что с 1922 года Ф. Ф. Зелинский номинально перестал быть российским ученым, поскольку по приглашению Варшавского университета переехал на постоянное местожительство в обретшую независимость Польшу, на свою историческую родину. Отъезд не был высылкой, хотя по времени практически

совпал с печально знаменитым рейсом «парохода ученых»; в знак признания заслуг Зелинского его даже провожал на вокзале тогдашний нарком просвещения Луначарский; тем не менее сам факт эмиграции по идеологическим нормам того времени считался приметой политической неблагонадежности и делал Зелинского чужим и чуждым «молодой республике Советов».

Однако главная причина долгого забвения крылась глубже. Мы погрели бы против истины, сказав, что классическая филология была вовсе не востребована советской системой образования: ее продолжали изучать в Московском и Ленинградском университетах, к которым после аннексии восточной Польши присоединился еще и Львовский, но даже эта «погруженная в древности» наука была поставлена на фундамент марксистской теории, а Фаддей Францевич лишь снисходительно улыбнулся бы Марксовой трактовке древней Эллады как детской колыбели человечества: для него самого античность была не детством, а расцветной порой европейской цивилизации, живым семенем, давшим ростки всех последующих культурных достижений христианской Европы. «Не норма, а семя», — не уставал повторять Ф. Ф. Зелинский в своих лекциях и сочинениях и всей своей необозримо многогранной деятельностью стремился к выполнению жизненной сверхзадачи, а ею была идея российского и — шире — славянского возрождения.

В самых общих чертах смысл этой идеи сводился к следующему. Античный мир пал под натиском варваров, на тысячелетие окунувших Европу в мрак Средневековья. Пережив эпоху Возрождения, западноевропейские нации, оплодотворенные тем самым античным семенем, вернулись к общим культурным корням и преодолели ступень варварства. Россия же, как и другие славянские народы, этого благотворного влияния не испытала. Чтобы вернуть их в лоно европейской цивилизации, необходим славянский Ренессанс. Достижению именно этой цели были в конечном счете посвящены «труды и дни» Фаддея Зелинского. Вот как сам он формулировал ее в предисловии к первой своей книге — сборнику научно-популярных статей «Из жизни идей» (октябрь 1904 года):

«Давая своему сборнику заглавие “Из жизни идей”, я имел в виду определить его отношение к тому, в чем я вижу задачу своей жизни как ученого, учителя и писателя. С тех самых пор, как мои занятия античным миром приняли сознательный и самостоятельный характер, он был для меня не тихим и отвлекающим от современной жизни музеем, а живую часть новейшей культуры; я видел преимущественное значение античности в том, что она была *родоначальницей тех идей, которыми мы и ныне живем* (курсив автора. — О. Л.). Изучая, таким образом, античность, если можно так выразиться, с наклоном к современности, я наметил план ги-

гантского научного здания, которое бы обнимало и биографию и биологию тех идей, совокупность которых составляет современную умственную культуру».

Все силы Ф. Ф. Зелинского как педагога, исследователя и популяризатора были отданы возведению этого здания, стоящего на фундаменте классического образования и устремленного в будущее. Ключевым образом к осмыслению его подвижнической деятельности можно считать антитезу, развитую во вступительном очерке к первому тому русского Софокла («моего Софокла», как выражался сам Зелинский): противопоставление «горизонтали быта», к которой приковано большинство людей в своих каждодневных заботах, и — «вертикали жизни», выражающей художественную сущность героической трагедии Эллады классического периода. Собственная жизнь Фаддея Зелинского стала живым воплощением этой вертикали.

* * *

В тридцатые годы, будучи профессором Варшавского университета, Ф. Ф. Зелинский, вспоминая о своем жизненном пути, выделял в нем три этапа: немецкий, русский и польский. С первым были связаны годы учения; с двумя другими — самые плодотворные творческие десятилетия. Катастрофу, которая на закате жизни непредвиденным образом снова вернет его в Германию, он тогда предвидеть не мог. И все же самый долгий, самый продуктивный в творческом отношении, самый счастливый период его жизни прошел в России. И хотя ученый-эллинист свободно владел десятью европейскими языками, родным для него был русский, на котором благодаря его писательскому дару заговорили Софокл, Овидий, Цицерон. В России прошли и детские годы Зелинского.

Детство (1859—1869)

Родным городом для Фаддея Зелинского был Санкт-Петербург — пожалуй, один из самых «горизонтальных» городов мира. Но появился на свет будущий профессор Петербургского университета вдали от северной столицы Российской империи — в Киевской губернии (ныне Киевская область Украины), в поместье своего деда по материнской линии. Случилось это 14 сентября 1859 года, за полтора года до отмены крепостного права.

Отец мальчика Франц Зелинский был женат на дочери хозяина поместья. Фаддей был вторым ребенком у своих родителей (первый умер вскоре

после рождения). Отец, служивший юристом в Петербурге, был всесторонне образованным человеком.

Первые четыре года жизни прошли попеременно то в Петербурге, то в поместье деда. В 1861 году у Фаддея появился младший брат Владислав. После этого мать тяжело заболела. Лечение в Ницце не принесло улучшения. Оттуда она вернулась в родительский дом, где умерла, когда старшему сыну не исполнилось еще четырех лет. Несмотря на младенческий возраст, эта пора глубоко запечатлелась в памяти мальчика. Но детская душа восприимчива не только к печальному и непонятному, — например, к слову «сирота», каким дед с бабкой называли потерявшего мать ребенка и его младшего брата, — но также к прекрасному и радостному. Память сохранила красоты украинских пейзажей, тихие летние ночи, благоухающие цветами, плоды и ягоды щедрого юга... Впоследствии, живя в Петербурге, Зелинский всегда тосковал по югу. Украина пробудила в нем музыкальные способности, мальчик полюбил мелодичные народные песни и, хотя сам не получил музыкального образования и не владел ни одним инструментом, любовь к музыке пронес через всю жизнь. Знал наизусть и пел в дружеском и семейном кругу множество песен, не только украинских, но и польских, русских, немецких, итальянских, которые исполнял полновзвучным басом. Знание народных песен могло неожиданно отозваться в статьях и книгах Зелинского их сопоставлением с античными аналогами, что эффектно сближало казавшиеся несовместимыми образы и эпохи. Любовь к музыке он передал и своим детям.

С четырехлетнего возраста мальчик живет с отцом в Петербурге. Вскоре у него появилась мачеха, которой стала молодая русская девушка, служившая гувернанткой в доме. Это была образованная женщина, знавшая немецкий, французский и польский языки. Вероятно, наряду с врожденной одаренностью на ранних филологических увлечениях будущего ученого сказались и соответствующие способности мачехи, о которой Фаддей Францевич всегда вспоминал с любовью. При этом отмечал, что у нее не было больших хлопот по его воспитанию. «Когда она хотела, чтоб я ее не беспокоил, — рассказывал он своим детям, — она давала мне проспирать французские глаголы. Я делал это не только прилежно, но и с радостью. Таинственные связи глагольных форм друг с другом прямо-таки захватывали меня». Будущий филолог пробуждался в нем уже в ту пору.

Развитию филологических способностей сына содействовал и отец. Когда мачеха уезжала к своим родственникам в Берлин, где ее отец был священником при русском посольстве, Фаддей целыми днями оставался в квартире один и с нетерпением ждал возвращения отца со службы. По вечерам отец уделял много времени занятиям с сыном. Они вдвоем читали польских поэтов, особенно Мицкевича, который был тогда за-

прешен в России (отголоски недавнего польского восстания 1863 года). Книги привозила из-за границы мачеха, спрятав от таможни в муфте. Тогда же отец начал обучать сына латинскому языку. «Однажды, — вспоминал в зрелые годы Фаддей Францевич, — когда отца долго не было, я спрятался под туалетный столик и, чтобы заглушить страх одиночества, громко вслух спрягал латинские глаголы». Тогда же, помимо филологических, проявились и педагогические задатки будущего профессора. Подросткового брата Владислава взяли из поместья деда в Петербург, и он по отношению к учению оказался полной противоположностью старшему брату, да и вообще был эгоистичным, избалованным, упрямым ребенком, что вызывало отчаяние мачехи. Фаддей же нежно любил младшего брата, разработал самостоятельную методику его воспитания. Очевидно, влияние старшего брата оказалось благотворным. Впоследствии Владислав обуздал свой характер и избрал своим поприщем военную службу, став офицером.

Годы учения (первый немецкий период) (1870–1882)

Домашние занятия продолжались до десятилетнего возраста, а затем исключительно одаренного мальчика решили отдать в школу. Так, не покидая Петербурга, Фаддей Зелинский вступил в свой первый немецкий период. Каким образом?

Дело в том, что для обучения была выбрана родителями одна из четырех немецких школ Петербурга — школа св. Анны. Преподавание там велось преимущественно на немецком языке, а питомцами ее были главным образом дети из немецких семей. Вероятно, выбор именно такого учебного заведения был вызван тем, что недавнее польское восстание увеличило в российском обществе раскол между русскими и поляками и отец предполагал, что в русской гимназии ребенок мог столкнуться с неприязненным к себе отношением.

Когда решение было принято, главной трудностью стало то, что немецким языком никто в семье не владел в достаточной степени, даже мачеха, несмотря на свои поездки в Германию. Срочно потребовалось обучать мальчика этому языку. Но, видимо, времени на это не хватило, и, успешно выдержав все прочие экзамены, на немецком Фаддей провалился...

Впоследствии Фаддей Францевич с улыбкой вспоминал об этом эпизоде, потому что, по собственным его словам, владел этим языком не хуже любого немца. Но тогда, конечно, ему было не до смеха, и первое серьезное препятствие на жизненном пути десятилетний мальчик преодолел

с честью: экзаменационный барьер был взят со второй попытки и в школу он поступил.

В скором времени мальчик, провалившийся на вступительном экзамене по немецкому языку, стал первым учеником немецкой школы. Однако вместе с первыми успехами жизнь преподнесла и невзгоды, и новое горе.

Материальное положение семьи отца было очень тяжелым. Родственники по материнской линии были разгневаны женитьбой Франца Зелинского на русской женщине и отказали ему и детям во всякой финансовой поддержке. Пришлось продать мебель, в том числе и самую дорогую для семьи вещь — пианино. Чтобы сводить концы с концами, отец был вынужден искать дополнительную работу, а это вконец подорвало его и без того слабое здоровье. В конце концов Франц Зелинский потерял службу и вскоре после этого умер, оставив сыновей полными сиротами. Это случилось в 1873 году, когда Фаддею было 14 лет.

Опекуном осиротевших подростков стал их дядя со стороны отца, человек властный и своенравный. Он потребовал, чтобы Фаддей прекратил всякое общение со своей мачехой, которую мальчик очень любил и ценил, как и она его. Своим детям Фаддей Францевич рассказывал такой тяжело пережитый впечатлительным подростком случай. Он отправился за город навестить младшего брата и, собираясь возвращаться, с ужасом обнаружил, что потерял все наличные деньги: 65 рублей — сумму для тех времен при ограниченных доходах немалую. Пришлось возвращаться в дом дяди пешком, отмахав сорок верст по шпалам. Однако дядя не поверил, что деньги были утеряны, и обвинил мальчика в том, что он отдал их мачехе. Это еще больше обострило отношения между дядей и племянником, а окончательный разрыв между ними произошел незадолго до окончания Фаддеем школы. Дядя хотел, чтобы племянник продолжил образование в Технологическом институте, а подросток не представлял уже своей жизни без филологии. Когда мальчик стал настаивать на своем, дядя попросту выгнал племянника из дома и лишил материальной помощи. Подросток остался без каких бы то ни было средств к существованию.

В этот сложный момент жизни на помощь ему пришло руководство школы, которое к тому времени высоко оценило дарования и прилежание первого ученика. В последний год обучения ему предоставили возможность зарабатывать в качестве помощника преподавателя, и он с блеском закончил школу.

И тут подростку предоставилась возможность, о которой он не смел даже мечтать. Как раз в это время при Лейпцигском университете, на средства *российского правительства* (курсив мой. — О. Л.) был создан филологический семинар (или, как говорили тогда, филологическая

семинария) с четырехлетним курсом обучения. Чтобы поступить туда, нужно было выдержать большой конкурс. В числе его победителей оказался Фаддей Зелинский. Будущее, которое открывалось перед ним, казалось невероятным. Правительственная стипендия избавляла от забот о хлебе насущном, а сокровищница европейской культуры раскрывала свои богатства перед тем, кому они были дороже всего на свете.

Русское правительство потратило свои деньги не зря. Стипендиат учился с блеском и к концу четырехлетнего срока обучения (1880) получил степень доктора философии за диссертацию «Последние годы Второй Пунической войны». Теперь немецкий период расширился до общеевропейского. Диссертация дала двадцатилетнему доктору философии право в течение последующих двух лет изучать памятники античной культуры в лучших музеях Германии, Австрии, Греции, Италии и других европейских стран, и опять-таки оплачивало эту двухлетнюю творческую командировку юного ученого русское правительство.

После шести лет пребывания в Европе, переполненный новыми знаниями, впечатлениями и надеждами, Зелинский возвращается в Петербург.¹

Русский период (1883–1922)

В своем отечестве новоиспеченного европейца ждал не слишком радужный прием. Здешний ученый мир не признал его диссертацию и полученную за нее докторскую степень. То ли польское происхождение Зелинского кололо кому-то глаза, то ли недостаточно солидный возраст, то ли независимый, самобытный, не подчиняющийся общепризнанным догмам стиль и метод его научной работы. Как бы там ни было, молодой ученый не опускает руки, а в течение двух лет готовит новую диссертацию: «О синтагмах в древнегреческой комедии» и успешно защищает ее, но не в Петербурге, а в Дерпте (нынешнем Тарту) и публикует в столичном «Журнале Министерства народного просвещения». В ту же пору публикации

---

¹ В биографическом очерке, написанном дочерью Ф. Ф. Зелинского Корнелией, приводятся следующие сведения:

Ф. Ф. Зелинский написал и защитил в Германии диссертацию на степень магистра. Когда он вернулся в Россию, закончив учебу в Германии, его магистерская диссертация не была признана в Петербурге. Ф. Ф. Зелинский написал диссертацию на степень магистра в России заново и успешно ее защитил. После этого он написал диссертацию на степень доктора наук, но ученые Петербурга ее не признали, видимо, из-за новизны идей. Тогда Ф. Ф. Зелинский блестяще защитил ее в Дерпте.

Зелинского по материалам его изысканий в европейских музеях появляются в Италии и Германии. В 1885 году Ф. Ф. Зелинской становится профессором Санкт-Петербургского университета. Было ему тогда 26 лет.

В Санкт-Петербургском университете начался самый долгий, значительный и плодотворный этап его деятельности, продолжавшийся 37 лет, тот счастливый этап, когда горизонталь быта не препятствовала росту вертикали жизни, когда любимое дело приносило не только удовлетворение, но и материальный достаток, признание и славу, любовь друзей. Пережив полусиротское детство и одинокую юность, Зелинский обретает тепло и уют семейной жизни. В том же 1885 году он вступает в брак с Луизой Гибель, сестрой своего школьного товарища; в 1886 году рождается их первенец — сын Феликс, которому суждено стать ангелом-хранителем отца в последние, трагические годы его жизни; в 1889 году появляется на свет дочь Амата (впоследствии Людмила Бенешевич), в 1891 году — дочь Корнелия, в 1893 году — Вероника. Испытав в детстве драму бездомья и сиротства, Фаддей Францевич был горд тем, что его дети росли в атмосфере любви и заботы, получили прекрасное воспитание и образование, владели несколькими иностранными языками, играли на музыкальных инструментах...

...Забегая несколько вперед, скажем вкратце о судьбе детей Ф. Ф. Зелинского.

Феликс Фаддеевич, унаследовав от отца педагогические способности, посвятил всю жизнь преподавательской работе, но стать ученым не захотел, чем огорчил отца-профессора. Но на своем поприще сын добился всеобщей любви и уважения. Специализируясь в области биологии, преподавал также латынь, французский, итальянский; занимался художественными переводами (опубликовал немецкий перевод «Божественной комедии» Данте, переводил на немецкий русских поэтов Серебряного века и периода хрущевской оттепели). В 1919 году, потеряв реквизированную революционными матросами квартиру в Петербурге, ушел на лыжах по льду Финского залива в Финляндию, а оттуда добрался до Германии, где и провел всю последующую жизнь в деревушке Шондорф, в часе езды от Мюнхена. Именно там нашел последний приют престарелый Фаддей Францевич, но об этом речь впереди.

Корнелия (Нелли) Фаддеевна — вышла замуж за японца и всю последующую жизнь провела в Японии. Написала на немецком языке биографию отца.

Амата (Людмила Фаддеевна Бенешевич). Стала женой профессора Бенешевича, имела от него двух сыновей-близнецов 1913 года рождения. В 1937 году ее муж и оба сына были уничтожены в сталинских застенках. Жила и работала преподавателем в Ленинграде, в 1934 году

побывала в гостях у отца в Варшаве; умерла в Ленинграде в 1967 году. Трагичной была и судьба внебрачного сына Фаддея Францевича, самого известного из его детей, — А д р и а н а П и о т р о в с к о г о, переводчика Плавта, Катулла, Эсхила, Аристофана и одного из организаторов киностудии «Ленфильм», репрессированного в 1938 году (1898 года рождения).

В е р о н и к а — всю жизнь провела с отцом. Страдая болезнью сердца, собственной семьи не имела. Вместе с отцом уехала к брату в Германию, где умерла в 1943 году.

Но вернемся в 80-е годы XIX столетия.

В университете молодой профессор быстро завоевывает себе авторитет как среди коллег, так и в студенческой среде. Античная филология, вызывавшая до появления на кафедре Зелинского интерес лишь узкого круга посвященных (на первых порах случалось, что в аудитории присутствовало четыре-пять слушателей), привлекает благодаря его лекциям все большее количество студентов. Наконец, наступает такое время, когда аудитория не в состоянии вместить всех желающих и слушатели стоят в проходах, толпятся в коридорах, чтобы хоть краем уха услышать, о чем рассказывает знаменитый профессор. Лекции Зелинского стремятся не пропустить не только филологи, но и представители множества других специальностей.

Что вызывало такой интерес к ним? Не только ораторское мастерство и артистизм лектора, его умение увлечь слушателей блистательной формой изложения материала, хотя этот элемент отмечают все, но главным образом крившаяся за эффектной внешней оболочкой богатейшая эрудиция досконально знающего свой предмет специалиста, а в еще большей, вероятно, степени сила основанного на знании воображения, способного оживить, сделать зримыми и осязаемыми картины древних эпох, так что могло сложиться впечатление, что о событиях, происходящих в Древней Греции и Риме, повествует очевидец, только что вернувшийся из-под стен Трои, а то и с самого Олимпа.

Образу олимпийских жителей соответствовал и облик самого профессора: высокий рост, царственная осанка, манера высоко нести голову, глубокий, в душу проникающий голос. Почитатели находили в нем сходство с любимым им Софоклом и даже с... самим Зевсом. В Зелинском искали свою модель живописцы и скульпторы. Так, в армянской церкви Львова еще в 60-е годы XX столетия можно было увидеть фреску с изображением св. Петра, моделью для которого послужил художнику Фаддей Францевич Зелинский.

Однако «публичность», как выразились бы сейчас, педагога и лектора ни в коей мере не подменяла собой кропотливой каждодневной работы кабинетного ученого и практического исследователя, а также неутомимого

популяризатора античности, неотступно возводящего вертикаль задуманного здания.

Русское Возрождение... Славянское Возрождение... Как далеко от него Россия рубежа XIX–XX веков (но насколько ближе, чем нынешняя — добавим в скобках)! Классическое образование изгоняется в угоду так называемой реальной школе. Античная литература почти не известна широкой публике. Как сделать ее близкой и доступной русскому читателю? Зелинский находит друзей-единомышленников: крупных поэтов, для которых античность такая же духовная прародина, как и для самого профессора. Это Иннокентий Анненский и Вячеслав Иванов. Решено открыть русскому читателю сокровищницу древнегреческой трагедии. Друзья дают друг другу слово: Анненский берется перевести на русский все трагедии Еврипида, Иванов — Эсхила, Зелинскому достается его обожаемый Софокл. Другой неизменный фаворит профессора — Цицерон, которого он считает основоположником европейской художественной прозы. Но творческий диапазон Зелинского практически не ограничен. В круг его научных и литературных интересов входят не только древние авторы, но и Шекспир, Шиллер, Мицкевич, Пушкин. Virtuозное перо последователя Цицерона одинаково изобретательно и убедительно не только в поэтических и прозаических переводах, но и в оригинальных историко-философских, юридических, сугубо научных и популяризаторских статьях, очерках, эссе, этюдах символистского толка (образцом последних может служить программное эссе «Vince, sol»). Его сочинения, помимо специальных изданий, печатаются в популярнейших «Вестнике Европы», «Русской мысли», «Гермес», «Аполлоне», множестве других журналов, выходят отдельными книгами, переводятся на европейские языки, вызывают бурную полемику как в сугубо научных, так и в широких кругах русской интеллигенции. Признание, слава, апофеоз успеха!

В 1909 году научная и культурная общественность Петербурга отмечает пятидесятилетний юбилей знаменитого ученого. Приветственные адреса и поздравительные телеграммы поступают со всех концов света. Можно подводить итоги и почивать на лаврах. Но не таков Зелинский. Возводимое им здание едва-едва поднялось над фундаментом. До зримой вертикали еще далеко.

Послеюбилейное настроение омрачено внезапной смертью Иннокентия Анненского. Оставленное другом дело его жизни — пятитомник русского Еврипида — Зелинский берется довести до конца — отредактировать и подготовить к печати.

Летние каникулы, следовавшие по окончании послеюбилейного семестра, были особыми. В качестве поощрения юбиляру было позволено организовать экскурсию на землю древней Эллады. Поездка, в которой

приняли участие около четырех десятков студентов университета и слушательниц Высших женских курсов (Бестужевских курсов), где также преподавал профессор Зелинский, состоялась летом 1910 года и на всю жизнь врезалась в память всех ее участников. До Одессы ехали поездом, третьим классом. Дальше пароходом, с остановкой в Константинополе, в Грецию. Зелинский был неутомимым путешественником, объездившим всю Европу, но его путешествия происходили не только в пространстве, но и во времени. Перед экскурсантами, благодаря рассказам Зелинского, представляла въяве не только та Греция, которую они видели сейчас — захолустье новой Европы, но и Эллада прежняя, в своем расцвете и славе, и казалось, что профессор, восстанавливающий ее живое величие, сам родом оттуда, из прекрасного и вдохновляющего античного мира. Ученик Зелинского профессор Сребрны спустя много десятилетий вспоминал: «Среди всей нашей молодежи самым молодым был профессор Зелинский».

Неудивительно поэтому, что молодежь обожала своего профессора, а если такое обожание исходит от юной девушки, найдется ли мужское сердце, которое не дрогнет?..

С этой памятной экскурсии в Грецию начались близкие отношения Фаддея Францевича со студенткой Бестужевских курсов Софией Червинской, которая в скором времени стала его гражданской женой. Именно ее никогда не испытывавший недостатка в женском внимании профессор назовет своей последней любовью.

София Петровна Червинская (1892–1978) была младшей дочерью известного деятеля земской статистики, а в прошлом еще и видного литератора народнического направления Петра Петровича Червинского. Так же, как некогда Фаддей Францевич, она закончила немецкую школу в Петербурге, но не св. Анны, а частную гимназию Кебке в Тучковом переулке, затем поступила на Высшие женские курсы. Зелинский входил в число попечителей гимназии и уже там обратил внимание на способную ученицу, отлично успевавшую по всем предметам, но регулярно распекаемую на педсовете за свои шалости и недисциплинированное поведение.

С невольной шалости началось и знакомство в новом уже качестве на пароходе. Студентка по ошибке распахнула дверь каюты профессора, и тот навсегда запомнил пятна вишневого сока на белоснежном воротнике ее блузки...

Так у Ф. Ф. Зелинского появилась новая семья. В 1913 году родилась дочь Тамара, в 1919-м — младшая Ариадна.

Последняя любовь профессора, по-видимому, способствовала приливу его творческих сил, а обстоятельства удачно складывались для реализации заветных замыслов.

В 1912 году началось плодотворное сотрудничество Ф. Ф. Зелинского с выдающимися российскими книгоиздателями братьями Сабашниковыми, продолжавшееся на протяжении последнего десятилетия русского периода его жизни. Точнее, только со старшим братом Михаилом, так как младшего, Сергея, к тому времени уже не было в живых. Вот как вспоминал об этой поре сам Михаил Васильевич, говоря о подготовке к изданию серии «Памятники мировой литературы»:

«К работе... надо было привлечь петербургских филологов, в первую очередь такую мировую знаменитость, как Ф. Ф. Зелинский... По совету М. О. Гершензона, я в первую очередь обратился к Зелинскому и хорошо сделал. Ф. Ф. Зелинский отнесся к нашим начинаниям в высшей степени сочувственно... Когда я в назначенное время пришел к Ф. Ф. Зелинскому, мне передали его просьбу перейти в соседнюю квартиру, где Ф. Ф. Зелинский проводит весь день по случаю семейного праздника. Там меня радушно приняли, угостили чашкой шоколада. Но разговаривать о деле в переполненной гостями маленькой квартире было затруднительно. Ф. Ф. Зелинский предложил, благо погода хорошая, выйти на бульвар перед домом и там на скамейке и переговорить. Так и сделали».

Крупнейшим итогом содружества Зелинского с Сабашниковым стало издание объемистого трехтомника Софокла, включавшего в себя все трагедии великого драматурга с обстоятельными вступительными очерками (каждый из которых — шедевр эссеистики Зелинского) и комментариями. Начавшаяся мировая война не смогла помешать исполнению задуманного, и в течение 1914–1916 годов трехтомник Софокла украсил книжные полки просвещенных читателей России.

Были изданы также два тома Еврипида в переводе Анненского, отредактированные и прокомментированные Зелинским. Не удалось издать лишь Эсхила в переводе В. Иванова. Его работа над переводом затянулась, а когда «Орестея» была наконец готова, уже произошел слом эпох, и Вячеслав Иванов предпочел увезти неопубликованную рукопись с собой в эмиграцию.

Совместная работа Ф. Зелинского с М. Сабашниковым завершилась в 1922 году четвертым выпуском «Аттических сказок» — «Каменная нива».

Выполнив практически все задуманное в области художественного перевода античных классиков на русский язык (помимо Софокла, наивысшими достижениями стали стихотворные «Баллады-послания» Овидия и сборник судебных речей Цицерона), Зелинский вплотную приблизился к верхним этажам возводимого им здания — вынашиваемому с молодых лет замыслу многотомного свода истории античных религий. Первым, небольшим пока кирпичиком в этом своде стала книжка, выпущенная в 1918 (!) го-

ду петроградским издательством «Огни» — «Древнегреческая религия». А в рубажном для биографии Зелинского 1922 году в издательстве Российской академии наук увидела свет «Религия эллинизма». Дальнейшая работа на этом направлении велась уже в Польше, и языком последующих томов стал польский, которым Зелинский владел далеко не в таком совершенстве, как русским. Но оставить во всем послушный ему инструмент русской речи он вынужден был не по собственной воле.

В период смуты и безвременья, связанных с Гражданской войной и разрухой, Ф. Ф. Зелинский продолжает интенсивно работать. Однако условия отечественной действительности все меньше способствует успешному творчеству писателя и ученого — члена Российской академии наук. Тем временем многие университеты Европы усиленно приглашают знаменитого профессора под свой кров. Сам он делает выбор в пользу независимой Польши.

Туда же он мечтает перевезти и свою новую семью — Софию Червинскую с маленькими дочерьми Тамарой (Тамарусей) и Ариадной (Адочкой). С этой целью он отправляет их весной 1922 года из Петрограда в приграничный Полоцк, надеясь после своего обустройства в Варшаве взять их к себе. Но судьба распоряжается по-другому.

Из воспоминаний Софии Петровны Червинской.

«...Настал день отъезда. Провожал нас Фаддей Францевич. Сначала нам сказали, что нас повезут в пассажирском поезде в детском вагоне, чему мы все обрадовались, т. к. ехать надо было сутки, но оказалось, что поезд наш кому-то понадобился, и нас посадили в обыкновенный товарный поезд (кажется, его называли тогда “Максим Горький”, без каких бы то ни было удобств, даже самых элементарных). Путешествие предстояло суровое и рискованное, но все мы поняли, что всякие хлопоты были бы бесполезны.

“Поезд” наш тронулся, и мне запомнился на всю жизнь этот момент — Фаддей Францевич шел за поездом и горько-горько плакал. Оказалось, что это действительно было последнее наше свиданье...»

Таким образом прошло прощанье Фаддея Зелинского с последней любовью, с маленькими дочурками... Вскоре пришлось навсегда проститься и с Россией, и с привычным именем Фаддей.

* * *

Накануне отъезда семьи Фаддей Францевич оформил усыновление детей и официально дал им свою фамилию. «Помните всегда, что вы Зелинские», — напутствовал он их в письмах. Но в советской стране помнить

об этом было опасно. Отец за границей — темное пятно в биографии. Переписка с ним, валютные переводы на содержание детей в 30-е годы привели к тому, что София Петровна дважды попадала за решетку и только чудом избежала лагерей. Чтобы обезопасить своих девочек, она вынуждена была прекратить переписку и вписать в паспорта дочерей свою девичью фамилию. С 1937 года, когда письма перестали приходить, дети ничего не знали о судьбе своего отца. Лишь в 1968 году дочери Ариадне при посредстве Варшавского университета удалось наладить почтовую связь с жившим в Германии братом Феликсом и от него узнать о последних годах жизни Фаддея Францевича. Однако десять лет спустя (1968 год) и этот контакт был потерян.

София Петровна Червинская прожила долгую и сложную жизнь, не связав свою судьбу с другим мужчиной. Закончив заочно институт (диплом «бестужевки» советская власть не признавала), преподавала иностранные языки в Ростовском университете; выйдя на пенсию, воспитывала внуков и правнуков и умерла в возрасте 86 лет.

Тамара Фаддеевна работала в сельских школах учителем немецкого и английского языков. Живет в Ростове-на-Дону.

Младшая дочь Ариадна Фаддеевна стала кандидатом биологических наук. Сейчас на пенсии, живет в Ростове-на-Дону и в меру сил занимается сбором материалов об отце, бережно хранит его письма и фотографии.

Польский период (1922–1939)

Покинув «Россию во мгле», шестидесятитрехлетний профессор пережил второе рождение (и получил новое имя — Тадеуш). Родина отцов, независимая Польша, приняла его с такими почестями, которые затмили все, чем одарил его Петербург Серебряного века. Профессура в Варшавском университете, казенная квартира там же, ежегодные командировки на конгрессы и симпозиумы по всем европейским странам, портреты на почтовых открытках... «Меня здесь балуют, — не без гордости писал он дочери Ариадне, — даже в карикатуры и в оперетку попадаю, что тоже свидетельствует о популярности. Но при всем том меня не оставляют мысли и заботы о моих дочках, которым я мечтал изготовить такую хорошую будущность под моей опекой и с которыми живу в безнадежной разлуке» (письмо от 3 февраля 1935 г.)

«Моя жизнь по-прежнему деятельна, — сообщает он в том же письме, — треплют меня изрядно: то — статью написать, то — доклад прочесть; и то и другое выходит у меня недурно, почему я и не отказываю,

поскольку времени хватает. Про свое ноябрьское путешествие в Швецию я вам писал; теперь, в феврале, хотели было послать меня в Гельсингфорс на торжества в честь Калевалы, но я увильнул — уж очень неудобное время для поездки на такой далекий север. Зато мне улыбается другой план: в апреле в Ниццу на один международный научный конгресс...»

Восторженный прием, комфортные жизненные условия — это прежде всего возможность дальнейшей работы по возведению задуманной вертикали. Не удалось закончить ее в России — значит, нужно выполнить здесь. Два главных многотомных труда, начатых еще «там», ждут своего завершения. Один из них — тетралогия «Античный мир», первая часть которой — «Сказочная древность Эллады» — успела выйти книгой незадолго до отъезда из России. За ней на протяжении пятнадцати лет пишутся (уже на польском!) и выходят в свет «Независимая Греция», «Римская Республика», «Римская Империя». Но впереди самый заветный труд — по истории античных религий. К двум изданным в России книгам добавляются еще два тома: «Эллинизм и иудаизм», «Религия Римской Республики». А кроме двух основных работ множество иных — переведенных с русского на польский и новых, написанных уже в Польше... На исходе восьмого десятка лет неуывающий профессор полон творческой энергии и плодovit, как в лучшие свои годы! Лишь разлука с юными дочерьми омрачает жизнь Тадеуша Зелинского. Утешение его старости — только Вероника, которая всегда рядом с ним.

«Вообще у меня теперь весеннее настроение, — пишет он Ариадне 4 апреля 1936 года. — С 1 апреля даже возобновил свои утренние прогулки в нашем университетском саду. Встаю я для этого исправно в 6 часов утра, беру с собой яблоко и гуляю мерным шагом по дорожкам в гору и под гору в течение часа: столько именно требуется, чтобы обойти все дорожки и тропинки. Потом — домой, за работу. В половине девятого встает дочь (Вероника. — *О. Л.*) (ей ради ее сердца полагается дольше спать), мы вместе пьем кофе, читаем утренние газеты и рассказываем друг другу, какой кому приснился сон. После кофе опять работа этак до половины первого, потом в город по делам или за покупками; в 2 — обед, после обеда — отдых в 1 час. От 4 до 5 в учебное время моя лекция в университете, почти исключительно из университетского круга; тогда бывает скромное угощение. Вечером от 8 изредка театр или концерт — и то и другое у нас на высоком уровне, а мы — любители серьезной драмы и серьезной музыки... Вот тебе картина моей ежедневной жизни; не разнообразна она, но содержательна, и я не желал бы ее изменить».

«Не желал бы ее изменить...» Как зловеще звучат эти слова, когда знаешь, что произошло через три с небольшим года. Но ведь сам Тадеуш Зе-

линский этого не знал! Как и Архимеда, его больше всего заботил незавершенный труд.

Из письма дочери Ариадне от 23 июня 1937 года (последнее полученное ею письмо).

«...У нас теперь каникулы, но для меня это дни самой напряженной работы. К тому же выезды, или, вернее, вылеты. Неделю назад полетел с внучкой (дочерью Корнелии, наполовину японкой. — *О. Л.*) в Краков, на заседание тамошней Академии наук, коей я член, как, впрочем, и полудюжины других. Дней через десять полечу в Гдыню на лекцию, но уже один. Для меня такие леты — экономия: в Краков, например, скорым поездом ехать — часов шесть, а аэропланом — час. Сбереженное время пойдет на работу, так что расход оплачивается. Уж не говоря об удовольствии, которое громадно... Весь июль думаю провести здесь (т. е. в Варшаве. — *О. Л.*), но на август и часть сентября поеду за границу работать в тамошних библиотеках... Теперь кончаю “Римскую Империю”, выйдет солидный том; после него примусь за историю античных религий, коей недостает двух томов. Двух томов! Легко сказать. Как их напишешь, когда тебе стукнуло уже 78 лет? Ну, как, этого не знаю, а стараться надо».

...К осени 1939 года первая из упомянутых в письме книг была в рукописи закончена. 1 сентября гитлеровская, а 17 сентября Красная армия приступили к новому разделу Польши. В промежутке между этими двумя датами Тадеушу Зелинскому исполнилось 80 лет.

Второй немецкий период

В содержательной статье Н. А. Добронравина, заключающей переизданный издательством «Алетейя» в 1997 году 4-й том цикла статей Ф. Ф. Зелинского «Из жизни идей» под названием «Возрожденцы», наряду с множеством интересных фактов биографии профессора приводятся и такие, которые не представляются достоверными. Главные из них касаются именно последнего, предсмертного периода жизни Фаддея Францевича. Во-первых, это относится к датировке и продолжительности его пребывания в Германии, а во-вторых, к его оценке нацизма. Источники, которыми располагает автор настоящих заметок, позволяют исправить неточности, имеющиеся в статье Н. А. Добронравина.

Из письма Карин Зелинской Ариадне Фаддеевне от 26 сентября 1958 года.

Карин Зелинская (1892–1964) — невестка Фаддея Францевича, жена его старшего сына Феликса Фаддеевича и ближайшая подруга Софии Петровны Червинской.

«Дорогая Ариадна! Мне переслали твое письмо от 29 марта, которое ты написала в надежде найти следы своего отца. Он умер 8 мая 1944 года, ему было 84 года... Последние годы своей жизни он провел здесь (т. е. в д. Шондорф, Верхняя Бавария. — *О. Л.*). Он прибыл сюда в ноябре 1939 г., после первого разгрома Варшавы, вместе со своей дочерью Вероникой... После взятия Варшавы они оба провели очень тяжелое время. Их квартира сгорела, как почти весь Варшавский университет, и в связи с этими потрясениями его постиг удар, так что он едва мог передвигаться, а Вероника уже давно страдала болезнью сердца. К счастью, удалось получить, благодаря нашему содействию, разрешение приехать к нам, и нам удалось их сравнительно хорошо устроить. Он был рад быть с нами, но очень страдал от тяжелой судьбы, постигшей его любимую родину. После удара он сравнительно оправился, мог ходить, хотя и с трудом. Духовные его способности не пострадали... Незадолго до своей смерти он закончил шеститомный труд своей истории религии... рукопись 5-го тома сгорела в Варшаве, он ее написал заново и закончил свой труд незадолго до смерти 6-м томом».

Итак, последние этажи возводимого всю жизнь здания все-таки были достроены, и вертикаль жизни до последнего дыхания строителя не пошатнулась. Можно ли поставить в укор немощному восьмидесятилетнему старцу, что он, пытаясь спасти дело своей жизни, оставшись без крова, без средств к существованию, с тяжелобольной дочерью, нашел спасительный приют у собственного сына, жившего пусть и во вражеской стране? Да еще объяснять его переезд в Германию какими-то идеологическими мотивами? Но и версию о неких чуть ли не симпатиях к нацистам можно опровергнуть материалом почти что из первых рук.

Из письма Феликса Зелинского Ариадне Фаддеевне, 60-е годы.

«...папа, живя у нас, не делал разницы между нацистами, ненависть к которым я вполне с ним разделял, и немецким народом. А разница была коренная. И именно со стороны здешнего народа папа встретил столько уважения, любви и услужливости, что неприязнь его была крайне несправедлива».

Какие уж тут симпатии к нацистам. Впору упрекнуть несчастного старика в несправедливости другого рода. Но не будем этого делать. Бывают в жизни ситуации, когда любые идеологемы отступают в тень перед глубинными жизненными связями: отец и сын. Когда-то, в 1919, «когда мы, — пишет Феликс, — насильно были лишены нашей квартиры, и я, бесприютный, ринулся к нему, прося убежища, он обнял меня, сказав: ты первый, назвавший меня отцом». Тридцать лет спустя бездомный отец нашел последнее пристанище у своего первенца. Нужно ли это как-то объяснить?

Новейший русский период**Только библиография:**

Зелинский Ф. Ф. Сказочная древность Эллады. М.: Моск. рабочий, 1993.

Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Киев: Синто, 1993.

Зелинский Ф. Ф. Сказочная древность. М.; СПб.: Соваминко; Изд-во «Культура», 1994.

Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. СПб.: Алетейя, 1995.

Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. СПб.: ТОО «Марс», 1995.

Зелинский Ф. Ф. Соперники христианства. СПб.: Алетейя, 1995.

Зелинский Ф. Ф. Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 1997.

Зелинский Ф. Ф. Возрожденцы. СПб.: Алетейя, 1997.

Зелинский Ф. Ф. Римская Империя. СПб.: Алетейя, 1999.

Зелинский Ф. Ф. Аттические сказки. СПб.: Алетейя, 2000.

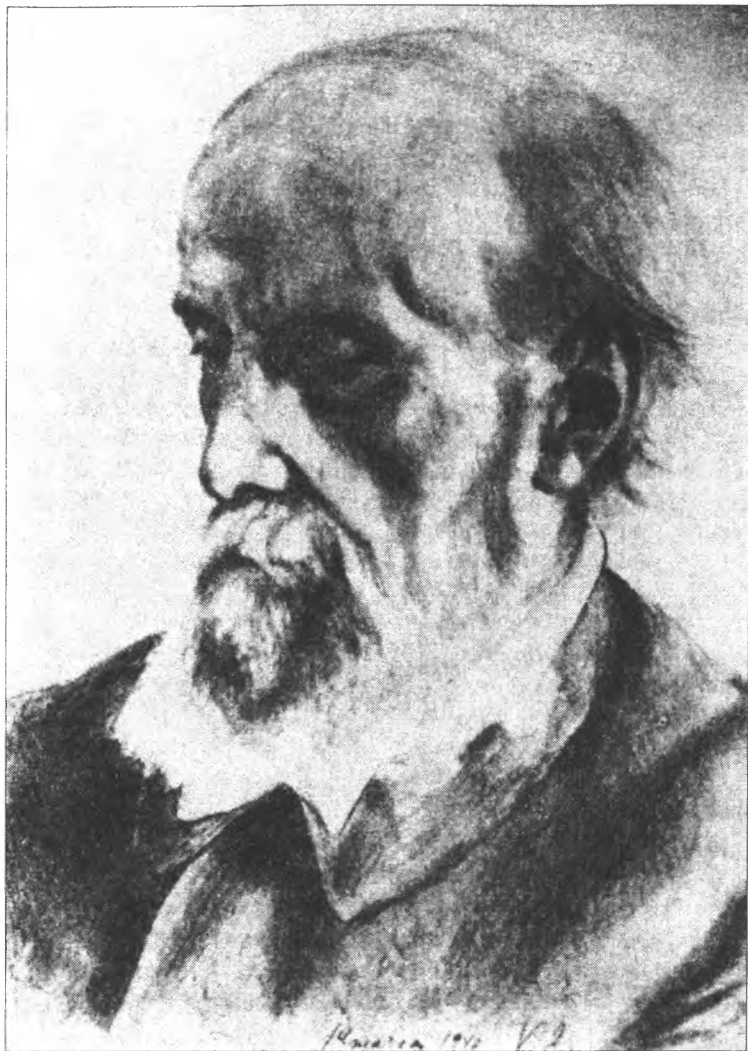
Кажется, Фаддей Францевич возвращается в Россию?

Олег Лукьянченко

Ростов-на-Дону

**Издательство «Алетейя» (СПб.)
выражает искреннюю благодарность
за предоставленные материалы
к труду Ф. Ф. Зелинского «Римская Республика»
его дочери Ариадне Фаддеевне.**

РИМСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

Ф. Ф. Зелинский.
*Портрет, сделанный его дочерью Вероникой
(Карандаш. 1940 г.)*

I. ЦАРСКИЙ ПЕРИОД

1

ОСНОВАНИЕ РИМА

В незапамятные времена, когда и Спарта и Афины в Греции представляли собой еще небольшие государства, в Италии, на берегах Тибра, зародился город, которому было предназначено стать властелином мира. Это был Р и м. Позднее датой основания Рима стали считать 753 год до н. э.; о том, как происходило возникновение города, рассказывает историческая традиция.

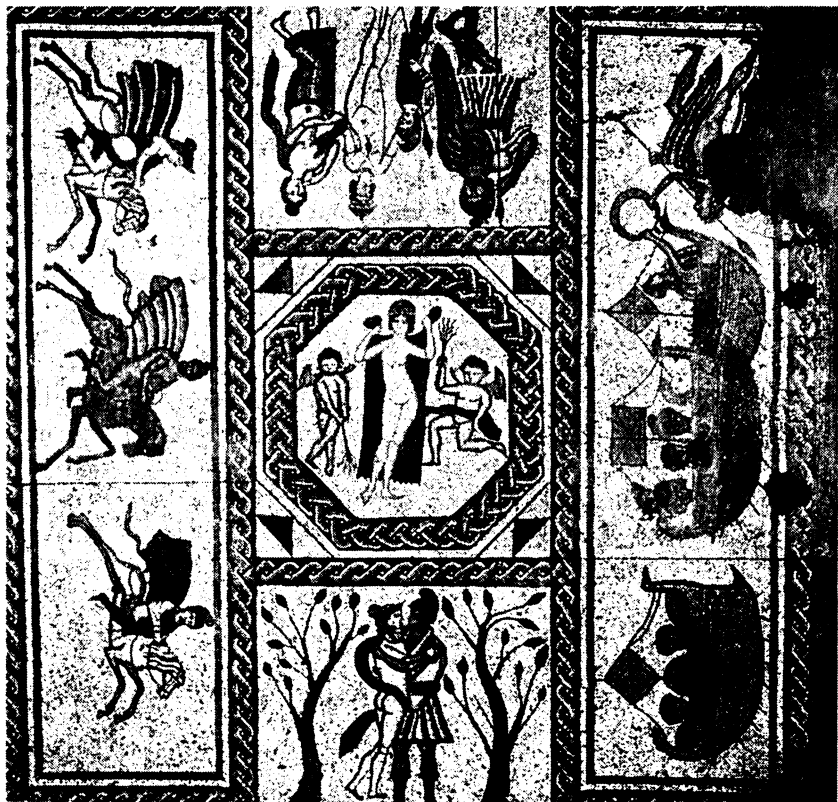
После разрушения Трои Эней, член семьи погибшего царя Приама, с группой троянских бойцов отправился на поиски нового местожительства. Согласно предсказанию оракула Эней должен был в далекой Италии основать новую Трою. Но не сразу он нашел путь к земле обетованной: буря прибила его корабли к берегам Северной Африки, где незадолго до этого финикийская царица Дидона, бежавшая из Тира, основала город Карфаген.

Дидона милостиво приняла путника, и Эней со своей дружиной провел у нее долгое время. Казалось, что троянский герой станет мужем Дидоны и царем в ее городе. Но вещий сон напомнил Энею о его миссии; с болью в сердце он покинул свою великодушную хозяйку. Дидона не вынесла разлуки, она бросилась в костер, моля богов о том, чтобы из ее праха восстал мститель за ее поруганную любовь.

Эней со своими спутниками поплыл дальше; после многочисленных странствий он добрался до места, где река Тибр, пересекая бесплодные поля, впадает в море. Жившим там народом правил тогда Латин; от его

имени якобы и народ получил название латинов. Добродетельный царь был посвящен в намерения богов и знал о миссии своего гостя; он не только дружески принял Энея, но и готов был отдать ему в жену дочь Лавинию, чтобы обеспечить своему роду судьбу, предназначенную герою. Однако жена Латина, Амата, и слышать не хотела о том, чтобы троянский бродяга стал ее зятем; она благосклонно относилась к молодому царю рутулов Турну, который давно претендовал на руку Лавинии. Вспыхнула война. Эней убил Турна, получил Лавинию в жены и основал город, названный в честь царицы Лавиний.

Потомки Энея переселились из лежащего на равнине Лавиния в построенный на холме город Альбу («Белый»), протянувшийся вдоль берега Альбанского озера (совр. Альбано), который с тех пор стал называться Альба Лонга («Долгий»).

История Энея. Мозаика из Лоу Хэм (Англия). IV в. до н. э.

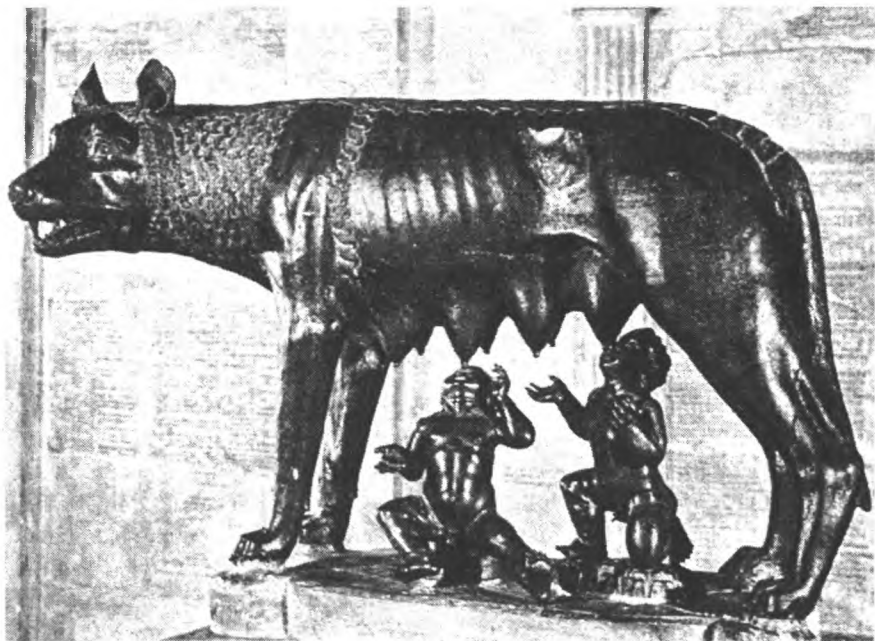
Через несколько поколений после царей из рода Энея трон достался некоему Н у м и т о р у, человеку доброму и спокойному. Но именно мирный характер Нумитора вызвал преступные надежды у его младшего брата, А м у л и я; последний лишил Нумитора трона и убил его сына. Однако узурпатор недолго наслаждался плодами своего преступления. У Нумитора была дочь по имени Р е я С и л ь в и я, Амулий отдал ее в жрицы девственной богини очага общины, Весты. Обязанностью весталок было поддерживать вечный огонь на алтаре богини; они не имели права выходить замуж. Отдавая Рею в весталки, Амулий намеревался обречь ее на вечную девственность, дабы она не могла родить будущего мстителя за Нумитора. Но расчеты не оправдались: от бога войны Марса Рея Сильвия родила двух близнецов.

Амулий, узнав об этом, пришел в ярость, и приказал бросить в реку и мать, и новорожденных. Рея Сильвия погибла, но дети спаслись, потому что царский палач сжалился над ними и оставил младенцев в корзине на мелкой воде Тибра. Волны выбросили корзину на берег. На плач близнецов прибежала волчица и накормила их своим молоком. Вскоре их нашел царский пастух Фаукул; увиденное зрелище показалось ему необычным, и так как он знал о несчастье, постигшем Рею Сильвию, то легко догадался, чьи дети перед ним. Фаукул осторожно поднял младенцев и отнес их к своей жене. Дети, воспитанные в пастушеской семье, стали, разумеется, пастухами; они получили имена Ромула и Рема. В то время пастухам приходилось защищать свои стада не только от диких зверей, но и от алчности других пастухов; вооруженные стычки были явлением обычным, и естественно, что отвага и сила ценились весьма высоко. Ромул и Рем вскоре стали предводителями остальных молодых пастухов.

В одном из столкновений Рем попал в плен; но его противниками оказались люди Нумитора, поэтому пленника отправили для наказания к изгнанному царю, его деду. Фаукул испугался и, чтобы предотвратить несчастье, раскрыл тайну и своим воспитанникам, и Нумитору. Юноши решили вернуть деду трон и власть; вместе со своими товарищами они напали на царский дворец и убили Амулия. Нумитор вновь был провозглашен царем Альбы.

Но Ромул и Рем не захотели оставаться в городе, где пролилась кровь их рода; с согласия Нумитора они решили основать новый город в том месте, куда их вынесли волны Тибра. Там возвышался холм П а л а т и н, граничивший с другим холмом, меньшим по площади, но более высоким, под названием К а п и т о л и й. Собственно город братья задумали построить на Палатине, а на Капитолии — одну вершину превратить в крепость, другую — посвятить богу, владыке неба и молний.

*Капитолийская волчица. Бронза. V в. до н. э.
(фигурки Ромула и Рема исполнены в эпоху Возрождения на месте утраченных античных). Рим, Дворец консерваторов*

К нему же братья вознесли молитвы, чтобы он соблаговолил указать, который из близнецов должен дать имя новому городу и стать его царем. Чтобы лучше понять волю бога, Ромул и Рем разделили небесный свод на две части и каждый из братьев искал знаки на своей половине. Вскоре на половине Рема появилось шесть орлов. Юноша торжествовал победу, но на половине Ромула появилось двенадцать птиц. Этот знак был более благоприятным, ибо предсказывал новому городу существовать двенадцать веков, что и исполнилось с удивительной точностью. Всеобщее ликование заставило Рема уступить удаче брата. Ромул стал царем и назвал город своим именем — Рома (Рим).

Итак, Рем сдался, но в душе затаил гнев и стал думать, как ослабить значение предсказания, полученного братом. Вскоре такая возможность ему представилась: во время строительства стены вокруг города Рем перескочил через нее, когда высота была в половину человеческого роста. Разгневанный Ромул убил брата со словами: «Так погибнет каждый, кто осмелится переступить через мои стены!»

Первыми жителями города были молодые пастухи, ровесники Ромула. Чтобы пополнить их число, царь объявил пространство, лежащее между вершинами Капитолия, местом, гарантирующим неприкосновенность каждому, спасающемуся от преследования (*asilum*). Вскоре туда стали переселяться юноши из окрестных поселений. Новая община быстро росла, превращаясь в буйную и воинственную шайку, опасную для соседей. Жители из соседних племен неохотно отдавали своих дочерей в жены палатинским разбойникам, и очень немногие из них обзавелись семьями.

Чтобы решить эту проблему, Ромул придумал следующий план: он устроил празднества и игры в честь бога посевов и земледелия, Конса, пригласил на пир своих соседей; отказ приехать на торжество был бы равносителен оскорблению бога, поэтому все приглашенные прибыли на праздник; в их числе были сабиняне из близлежащего города *К у р ы*, они пришли со своими женами и дочерьми. На это и рассчитывал Ромул. Во время празднества по данному им знаку римляне набросились на молодых участниц пира и увели их в свои дома.

«Похищение сабинянок» не могло остаться безнаказанным. Квириты, жители *Кур*, начали готовиться к войне. Военные приготовления продолжались довольно долго; за это время сабинянки успели привыкнуть к новым мужьям, а Герсилия, жена Ромула, даже гордилась положением царицы Рима. Война тем не менее началась. Сабиняне под предводительство царя *Т и т а Т а ц и я* осадили Капитолий, но в течение долгого времени не могли его взять. Однажды дочь начальника, руководившего обороной Капитолия, *Тарпея*, спустилась в долину за водой. Ее тотчас окружили сабиняне и предложили высокую награду, если она откроет ворота Капитолия. Сабиняне были богаты — на руке каждого из них сверкал золотой браслет, невиданная роскошь для римлян. Соблазн был велик. «Если пообещаете мне то, что носите на левой руке, — сказала она, — я готова исполнить вашу просьбу». Сабиняне обещали наградить девушку и отпустили ее. *Тарпея* сдержала слово, и на следующий день сабиняне овладели Капитолием. Когда предательница явилась за обещанной наградой, *Таций* приказал своим воинам забросать ее щитами, которые, как и браслеты, они носили в левой руке; *Тарпея* погибла под тяжестью щитов, а склон Капитолия, по которому она провела врагов, римляне называли *Тарпейской скалой* (*Saxum Tarpeium*). *Тарпею* же навсегда проклинали. С той поры с этой скалы сбрасывали тела преступников.

Итак, сабиняне стали хозяевами Капитолия, а судьба Палатина зависела от исхода битвы. Но когда оба войска встали друг против друга в боевом порядке, между противниками кинулась Герсиния вместе с другими сабинянками, умоляя своих отцов и братьев не допустить позорного кровопролития. Сабиняне опустили оружие: тестя и свекры вынуждены

были помириться со своими зятьями. Мир был скреплен союзом, союз — совместным проживанием. Римляне уступили квиритам холм, занятый последними во время подготовки осады Капитолия, и с того момента он стал называться К в и р и н а л о м. Ложбина между тремя холмами (Палатином, Капитолием и Квириналом), так называемый Форум, превратилась в место для торговли и общественных собраний.

Поначалу каждая из общин имела своего царя, но после смерти Тация они окончательно объединились. Было решено, что во время войны оба народа будут именоваться р и м л я н а м и, а в дни мира — к в и р и т а м и. Позже обитатели Палатина заняли соседние холмы, А в е н т и н и Ц е л и й, а жители Квиринала — В и м и н а л и Э с к в и л и н: так образовались известные и поныне «семь холмов» Рима.

2

РИМ ПРИ ПЕРВЫХ ЦАРЯХ

Предание гласит, что преемником Ромула был сабинянин Н у м а П о м п л и й. Римляне считали его первым законодателем и творцом культа богов. Высшими богами Нума провозгласил трех — Марса, Квирина и Юпитера.

Первый поначалу был богом латинского Рима, второй — города сабинян, Кур, а третий — общим для обоих племен. Старшие жрецы, фламины (flamines) были служителями этих богов. Еще при Ромуле существовала коллегия авгуров (augures), определявших будущее по полету птиц; Нума учредил коллегия понтификов (pontifices), которая решала все вопросы, связанные с религией. Самому старшему из понтификов Нума отдал власть над коллегией весталок, позаимствованной из Альба Лонги. Как упоминалось выше, весталки охраняли вечный огонь Весты в небольшом круглом храме на Форуме. Других храмов в Риме еще не было, не создавали и статуи божеств.

Нума войн не вел; мирный характер своего правления он подчеркнул многозначительным приказом запереть военные ворота. Эти ворота были посвящены Янусу, богу всякого начала и намерения, имя которого существует и поныне в латинском названии месяца январь (Januaris). Римляне называли военные ворота просто Янусом. Стоит отметить тот факт, что со времен Нумы и до начала нашей эры ворота запирались всего два раза.

Укрепив свои силы в царствование Нумы, народ готов был к новым войнам в правление его преемника, отважного Т у л л а Г о с т и л и я (Tullus Hostilius). В то время Альба Лонга, предтеча Рима, главенствовала над латинскими городами, образующими своего рода одну семью среди

Нума Помпилий. Рим, Вилла Альбани

прочих италийских племен: гражданин одного города мог приобрести земельную собственность в другом (*ius commercii*), взять в жены дочь гражданина данного города (*ius connubii*). Но Рим уже стал значительно сильнее Альбы, и Тулл Гостилий постановил добыть для Рима право гегемонии. Предлог для войны вскоре нашелся. Во время подготовки к ней внезапно умер царь Альбы и народ назначил **М е т т и я С у ф е т и я** (Фуфетия) **д и к т а т о р о м** — так по-латински называли вождей с неограниченной властью, вождей, выбиравшихся на время войны. Желя избежать кровопролития, Суфетий предложил царю Рима решить вопрос о гегемонии при помощи поединка между представителями обоих городов. Тот согласился. Самыми достойными из римлян были три брата-близнеца из рода Горациев, из альбанцев — три юноши из рода Куриациев. Им и доверили сразиться за свой город, остальные воины обеих сторон могли лишь присутствовать на решающем поединке в качестве зрителей.

Поначалу счастье было на стороне Куриациев: двое Горациев погибли, третий, невредимый, начал отступать. Альбанцы уже торжествовали победу. Римляне, видя смерть своих двух воинов и трусость третьего, пришли в отчаяние. Однако скоро выяснилось, что отступление последнего Горация было вызвано не трусостью, а расчетом: враги были изранены; преследуя противника, они значительно отделились друг от друга. На это и рассчитывал Гораций: внезапно обернувшись, он оказался лицом к лицу с преследующим его противником и молниеносным ударом сразил первого, а затем и остальных врагов; сняв с них плащи, Гораций возвратился в Рим победителем с трофеями.

Весь Рим вышел его встречать; во главе шли престарелый отец и юная сестра героя. Однако радость девушки сменилась отчаянием: на плече брата она увидела плащ, собственноручно ею вытканый для своего жениха, одного из Куриациев. Слово страшное предзнаменование прозвучало ее страдальческий стон среди торжествующих криков граждан. Гораций не смог стерпеть подобного оскорбления, выхватил меч и зарубил сестру со словами: «Пусть так погибнет каждая римлянка, осмелившаяся сожалеть о смерти врага!» Народ замер, пораженный ужасом: любимый ими герой мгновенно превратился в убийцу, заслуживающего смертной казни.

Судить мог только царь. Теперь он должен был или осудить спасителя Рима, или, простив, тем самым нарушить закон. «Обратись к народу, — сказал царь преступнику, — пусть он решит твою судьбу».

Это был первый случай решения дела подобным образом, и с тех пор такой порядок стал обязательным. Каждый гражданин, приговоренный к смерти, имел право «обратиться к народу» (*provocare ad populum*) и не мог быть наказан вопреки его, народа, воле.

Народ собрался на суд. Отец Горация умолял простить его сына, чтобы не лишиться последней опоры в старости. Народ внял его мольбе и простил юношу, но приказал ему искупить совершенное преступление следующим образом: на одной из улочек города укрепили над землей брус и провели под ним преступника с покрытой, низко склоненной головой. Брус этот существовал долго; народ прозвал его «сестрин брус» (*tigillum sorogium*), глядя на него, все вспоминали предание о героическом подвиге и проступке Горация.

Тем временем побежденная Альба ждала распоряжений победителя. Царь Гостилий, рассчитывая на помощь альбанцев против нового врага, приказал Суфетию не распускать его армию. Причина такого решения была в том, что на территории к северу от Тибра находилось могущественное племя *э т р у с к о в*. Из множества городов, принадлежащих им, ближе всего к Риму находился город Вейи (*Veii*), с которым постоянно

происходили столкновения. Суфетий для вида согласился, но в душе задумал измену: он послал к врагам гонца, предлагая принять сражение и обещая в решительный момент перейти на их сторону. Так и произошло. При виде покидавших поле боя альбанцев среди римлян возникло замешательство. Тогда Тулл Гостилий, моментально оценив обстановку, громко крикнул: «Не бойтесь, альбанцы отходят по моему приказу, чтобы ударить врагу в тыл». Его слова услышали воины Вей и пришли в ужас, думая, что Суфетий их обманул. Римляне воспользовались замешательством противника, смело бросились на врага и вскоре одержали полную победу.

Суфетий не без тревоги прибыл поздравить Гостилия с победой. Тот молча выслушал его поздравления, созвал своих воинов и в их присутствии объявил свой приговор:

— Подобно тому, как ты разделил душу свою между двумя народами, так и тело твое будет теперь разделено на части.

Сказав это, царь потребовал привезти две боевые колесницы, запряженные четверкой лошадей. Изменника привязали к одной из них за руки, к другой — за ноги. Возницы погнали коней в разные стороны и разорвали предателя.

Альбанцам было приказано переселиться в Рим и заселить холм Целий; город Альба Лонга был разрушен.

Занятый всецело войной Гостилий мало внимания уделял культу богов, введенному его предшественником. Но пришло время болезней и старости, он вспомнил о богах и начал тщательно изучать книги Нумы. О Нуме рассказывали, что путем тайных обрядов тот мог вызывать самого Юпитера и общаться с ним с глаза на глаз; естественно, что и Гостилий постарался вникнуть во все подробности этих обрядов. Когда он счел, что в достаточной мере ими овладел, то направился один на Капитолий. Некоторое время там было тихо, но вдруг тишину разорвал оглушительный гром. Царская свита бросилась на вершину холма, но обнаружила лишь мертвое тело Гостилия, столь бездарно пытавшегося приблизиться к богу-громовержцу.

Преемник Гостилия, четвертый царь Рима Анк Марций (Anclus Marcius), помня судьбу предшественника, в области богопочитания старался во всем подражать своему деду, Нуме, однако при этом он не пренебрегал и военными вопросами. Латинские города с трудом признавали гегемонию победителя Альбы, поэтому во время правления этого незлобивого царя врата Януса практически все время держались открытыми.

Как видно из вышесказанного, царская власть в Риме не была наследственной: после смерти правителя народ выбирал преемника. В периоды междуцарствия в силу обстоятельств власть принадлежала царскому

совету — так называемому с е н а т у. Согласно традиции, сенат был создан еще Ромулом из наиболее приближенных к нему «отцов семейств» (*patres familias*). Их потомков называли п а т р и ц и я м и. Остальные римляне, не принадлежавшие к патрициям, составляли так называемый п л е б с. Они не входили в состав сената, не могли заниматься определением воли высшего божества по полету птиц (*auspicia*); плебеи служили в войске и поэтому имело право голосования в народных собраниях, созываемых по так называемым т р и б а м (*tribus*). Трибы соответствовали греческим ф и л а м (*phyle*); в Риме было три трибы, одна — из коренных римлян Ромула (*ramnes*), другая — из сабинян Тита Тация (*Tities*), третья, видимо, из альбанцев, переселенных при Гостилии. Каждая *tribus* состояла из десяти куриЙ (*curiae*), поэтому и народное собрание, созывавшееся по трибам, называлось *comitia curiata*.

Анк Марций вынужден был переселять в Рим покоренных им латиняи; их, однако, не принимали в сословие патрициев, они не могли и образовывать новые трибы. Все переселенцы становились плебеями, поэтому многие исследователи считают Анка создателем римского плебса. Бесспорно, что в его правление количество плебеев в Риме значительно выросло.

3

ТАРКВИНИИ

После смерти Анка Марция на римском троне мы видим уже не римлянина, а этруска, выходца из этрусского города Тарквиния, — Т а р к в и н и я П р и с к а (*Tarquinius Priscus*). Его называли Древним, Старшим, чтобы отличить от другого царя с тем же именем, но правившего позднее, и о нем речь пойдет ниже. Присутствие на римском троне неримлянина традиция объясняет тем, что Тарквиний, переселившись из родного города в Рим, приобрел там большое влияние благодаря своему богатству; однако более правдоподобным представляется простое объяснение: этрусский царь завоевал Рим и сделал его своей столицей. В любом случае не вызывает сомнений, что именно Тарквинию Рим обязан своим необычайным расцветом; помимо земель, принадлежащих Риму, Тарквинию подчинялись и значительная часть Этрурии, и многие латинские города. Этрурия, благодаря оживленным связям с Грецией, была намного цивилизованней своего южного соседа, теперь эта цивилизация начала проникать и в Рим. Тогда-то и возникла идея строительства храма на Капитолии. Разумеется, Тарквиний хотел посвятить этот храм прежде всего Юпитеру, но в качестве «совладельца» он назначил латинскую Юнону и этрусскую Минерву (греки отождествляли последнюю с Афиной). Но этот обет исполнил позднее его сын.

*Статуя Юноны Соспита (покровительница города) из Ливиния.
II в. н. э. Ватикан, Музей Пио Клементино*

Следует отметить, что под влиянием красоты религии греков Тарквиний достаточно пренебрежительно относился к древним установлениям Нумы. Рассказывали, что когда для военных нужд ему понадобилось увеличить численность конницы, этому воспротивился авгур А т и й Н е в и й, заявив: «Ромул создавал свою конницу, следуя ауспiciям, потому и изменять ее численность без ауспiciй непозволительно». Тарквиний иронически возразил: «Если ты так веришь своим птицам, то скажи мне — возможно ли сделать то, о чем я в эту минуту подумал?» Атий совершил полагающиеся для гадания по полету птиц обряды и ответил: «Да, это возможно». «Отлично, — отвечал царь. — Я подумал о том, чтобы ты бритвой рассек оселок». Оба предмета оказались под рукой. Не колеблясь ни минуты, Атий схватил бритву и ударил ею по оселку, который тут же распался на две половины. Увидев такое чудо, Тарквиний отказался от своих нововведений, а Атию приказал соорудить памятник — первую в Риме статую человека.

Проявлением могущества Тарквиния было установление им права престолонаследия для своего рода. Правда, умирая, он оставил двух своих сыновей еще несовершеннолетними, и потому трон занял его зять, шестой римский царь — С е р в и й Т у л л и й (Servius Tullius). Его царствование имело большое значение для Рима: подобно Солону, он разделил все свободное население на пять имущественных классов. От принадлежности к тому или иному классу зависели размер налога, уплачиваемый в казну, и род военной службы: самые богатые граждане I класса служили в коннице (equites), пехоте и должны были являться в полном вооружении. Воины V класса являлись в строй легковооруженными. Сервий Туллий считал, что только защитник отечества имел право решать ее судьбу, поэтому на народные собрания созывались лишь те граждане, которые служили в войске; войско комплектовалось на основе ц е н т у р и й (сотни), имущественной классификации римских граждан; центурия стала теперь и голосующей единицей. Созвав граждан, царь задавал им вопрос: «Хотите ли вы, квириты, чтобы то-то и то-то было исполнено?» Каждый гражданин отвечал «да» или «нет», и мнение большинства считалось мнением всей центурии. Потом подсчитывались голоса всех центурий (каждая имела один голос), и мнение большинства их считалось выражением воли народа. Такое голосование называется опосредованным; в Афинах, например, голосование было прямым, на народном собрании подсчитывали голоса всех граждан, и волю народа решало их большинство. Римляне очень гордились голосованием по центуриям, полагая, что такая форма способствует поддержанию порядка на народных собраниях. Другой характерной чертой римского народного собрания было то, что выступать

там мог только царь или другое официальное лицо; народ же отвечал либо «да», либо «нет», но ораторов из своей среды выдвигать не мог.

Так выглядели организованные Сервием Туллем «центуриатные комитии» (*comitia centuriata*), или «центуриатное собрание». Но, предоставляя народу такие права, царь не хотел, чтобы бедные, которые составляли очевидное большинство, имели преимущество перед богатыми, ибо он полагал, что богатые больше жертвовали в пользу страны, а потому и должны обладать большим влиянием. Итак, богатые люди получили больше центурий, чем люди среднего достатка; центурия богатых была численно меньше, а, следовательно, голос каждого ее представителя имел больший вес, чем в центурии бедных. Вот почему систему Сервия Туллия мы называем *аристократической*. Принадлежность к той или иной группе зависела от материального положения гражданина, а поскольку его имущественное положение часто менялось, возникла необходимость регулярно проводить оценку этого имущества. Такие оценки, переписи, организованные весьма торжественно, римляне называли *цензом* (*census*).

Другой большой заслугой Сервия Туллия считается возведение стены вокруг Рима и всех его семи холмов. Остатки Сервиевой городской стены сохранились до наших дней.

Римляне всегда с большой благодарностью вспоминали этого царя, жизнь которого сложилась крайне несчастливо.

Мы уже упоминали, что после смерти Тарквиния Приска остались два его сына — *Луций* и *Аррунт*. Первый из них был человеком страстным и вспыльчивым, второй — спокойным и кротким. Признавая их законными престолонаследниками, Сервий Туллий выдал за них своих дочерей, причем мягкую за Луция, а страстную за Аррунта, надеясь, что в обоих случаях более рассудительный из супругов окажет благотворное влияние на другого. Но его расчеты не оправдались. Более необузданная из двух Туллий (*Tulliae*) — ибо так, согласно римской традиции, звали дочерей Сервия Туллия, сумела сойтись с тем из царских сыновей, кто был ей по характеру ближе. Вскоре внезапно умер Аррунт, а вслед за ним и кроткая Туллия, после чего Луций женился на овдовевшей невестке, подтвердив этим непристойным союзом достоверность слухов о свершении двойного преступления.

У старого Туллия не было ни желания, ни сил преследовать преступников в собственной семье, а между тем Луций, подстрекаемый нетерпеливой супругой, начал разными путями вербовать своих сторонников. Когда он собрал достаточное их количество, то приказал гражданам явиться на Форум, к зданию сената, «к царю Тарквинию». Многие удивлялись: «Что это значит? Неужто старый Сервий умер?» На собрание пришел

и престарелый царь со свитой. Именно этого и ожидал Тарквиний: по данному им знаку его сторонники напали на свиту Сервия. Сам Тарквиний схватил старого царя, пронес его через все здание к выходу и грубо вышвырнул на площадь. Сервий надеялся уйти во дворец, чтобы вернуться с отрядом дворцовой стражи. Тарквиний послал вдогонку вооруженных палачей, которые настигли старика на одной из узких улочек, ведущих к Эсквилину, и зверски убили его.

Вскоре о случившемся стало известно во всем городе; обрадованная Туллия нарядилась в царские одежды и отправилась в колеснице в сенат. Радостная и гордая, приблизилась она к мужу: «Поздравляю тебя, царь Тарквиний!» — «Возвращайся домой, — мрачно ответил муж, — женщинам здесь не место». Краска залила лицо царицы. Не помня себя от стыда и гнева, она вскочила в свою повозку и приказала гнать на Эсквилин, к царскому дворцу, чтобы занять его в качестве царицы. Быстро помчалась повозка; улицы были пустыни, ибо страх заставил всех попрятаться по своим домам. Вдруг повозка встала. Что случилось? Возница, онемев от ужаса, указал на безжизненное тело, лежащее поперек дороги, — Туллия узнала в нем своего отца. Безумие окончательно овладело ею: вырвав плетью из рук возницы, она хлестнула лошадей, и те пронеслись по телу убитого царя. Кровь брызнула из свежих ран и забрызгала одежду новой царицы. С таким отцовским «благословением» вошла Туллия в его покой. Народ по-своему увековечил ее поступок: переулок, на котором произошла трагедия, получил название «Злодейского» (*Vicus Sceleratus*).

Царь Сервий Туллий благодаря своей кротости и справедливости оставил в народе добрую память. Его преемник был полной противоположностью: он не считался с мнением сената и даже не назначал вместо умерших новых сенаторов; всеми делами занимался сам; относившихся к нему враждебно граждан приговаривал к смерти, — одним словом, поступал подобно греческим тиранам Перияндрю или Гиппию, за что и получил прозвище Тарквиний Гордый (*Tarquinius Superbus*).

Однако в военных делах и в отношении с соседними государствами он показал себя энергичным и мудрым правителем; благодаря удачным и выгодным договорам он добился расширения власти Рима и к северу от Тибра — над этрусками, и к югу — над латинами и родственными им племенами. Так он превратил свое царство в величайшую державу Италии.

В то же время возрастало влияние Греции как в Этрурии, так и на юге от Лация, в так называемой Кампании, где находилась знаменитая греческая колония Кумы (*Cumae*). Рассказывали, что однажды к Тарквинию пришла из этого города некая таинственная старушка и предложила ему купить девять исписанных свитков неизвестного содержания. Женщина запросила за них непомерно высокую плату; царь со смехом отказался. Тогда она бросила три свитка в огонь, а за остальные попросила ту же

сумму. Царь назвал ее безумной. И снова в огонь полетели три свитка, но и последние предлагались за прежнюю цену. Настойчивость женщины заставила Тарквиния задуматься, и он уступил ее требованию. В тот же миг старуха исчезла, оставив в руках царя три таинственных свитка. Оказалось, что это были пророчества на греческом языке, написанные гекзаметром; они указывали городу пути спасения в случае несчастья. Тарквиний понял, что под видом старухи к нему явилась бессмертная пророчица Аполлона С и в и л л а из Кум.

Полученные свитки, так называемые «Оракулы Сивиллы» (*Oracula Sibyllina*), Тарквиний отдал для изучения и хранения специальной коллегии (*sacrorum*), которая получила то же значение, что и основанная Нумой

*Этруская урна из Канопы. VII в. до н. э.
Флоренция, Археологический музей*

коллегия понтификов. В коллегии обращались, если городу грозило несчастье, и на основании предсказаний «Сивиллиных книг» назначались обряды в честь тех или иных богов. Обряды, равно как и божества, были греческие, а потому и римская религия приобретала все более греческий характер. Главных римских богов отождествляли с греческими: Юпитера с Зевсом, Юнону с Герой, Минерву с Афиной Палладой, Венеру с Афродитой, Диану с Артемидой, Цереру с Деметрой, Марса с Аресом, Меркурия с Гермесом и т. д.

Чтобы придать своему царствованию больше блеска, Тарквиний, выполняя обет, данный отцу, украсил Капитолий великолепным храмом, посвященным главным богам, покровителям и союзникам Рима — Юпитеру, Юноне, Минерве. Строители были привезены из Этрурии, а потому и план, и характер храма оказались этрусскими, что, однако, римляне не шокировало. Тарквиний осуществил и другие нововведения: прежде Рим не знал изображений богов в виде человека, божество было лишь воплощением неких таинственных сил; в новых храмах появились статуи Юпитера, Юноны и Минервы — пластическое воплощение образа богов, характерное для греческого искусства, что еще более сближало эти два мира.

Мало того, для укрепления будущего своей власти Тарквиний отправил посольство в Дельфы, город, который уже в VI в. до н. э. достиг вершины славы; в качестве посланца он направил туда своих сыновей и племянника, Л у ц и я Ю н и я. Это был осторожный человек: видя, что царь старается избавиться от людей умных и влиятельных, Луций притворился простоватым, за что и получил прозвище Б р у т («Простак»). Такое мнение о нем позволяло Бруту жить в царской семье без опасений и зорко присматриваться ко всем и всему. Итак, Тарквиний назначил его сопровождать сыновей. Те взяли с собой богатые дары для Аполлона Дельфийского; то же сделал и Луций, но он взял с собой в качестве дара золотой брус в обычной оправе из рога — своего рода отражение его собственной души. После выполнения отцовского поручения царские сыновья, стоя у алтаря перед храмом, объявили жрецам, что хотят задать богу еще один вопрос от себя. Вручив роскошные дары, они попросили жреца узнать у бога, кто из них унаследует царскую власть. Брут также протянул свой дар, что вызвало у царевичей громкий смех. Взяв дары, жрец исчез внутри храма, а через минуту явился с ответом: «Тот, кто первым запечатлеет поцелуй на лице матери». Брут упал на землю, чем еще больше рассмешил царевичей. «Не станем ссориться, — сказал один другому, — вернемся в Рим и с помощью жребия решим, кто из нас должен первым поцеловать нашу мать».

Брут, однако, знал, что делает: притворившись, что упал неумышленно, он оставил легкий поцелуй на лице Матери-Земли.

В Риме тем временем росло недовольство Тарквинием. К его собственным преступлениям добавились преступления его взрослых сыновей, особенно старшего, Секста. Однажды во время осады римлянами г. Ардеи, на пиру среди знатных молодых людей возник спор, чья жена красивее и добродетельнее. Тарквиний Коллатин (Tarquinius Collatinus), родственник царевичей, утверждал, что нет никого краше и добродетельнее его Лукреции. Решено было проверить это в ту же ночь. Оседлав коней, все отправились в Рим, незаметно прокрались в царский дворец; везде шел пир горой — так царские невестки коротали время разлуки с мужьями. Затем молодые люди направились к дому Коллатина, в окна которого также ярко горел свет: там Лукреция в окружении служанок прядла шерсть. Победа была признана за Коллатином.

Красота и целомудрие Лукреции зажгли преступную страсть в сердце Секста Тарквиния, проигравшего в споре. Не рассчитывая добиться взаимности, он решил овладеть ею силой. Лукреция не вынесла позора и в доказательство своей невиновности покончила жизнь самоубийством. Весь Рим принял участие в похоронах. Все горевали по поводу ее преждевременной кончины и осуждали преступление царевича. Этим воспользовался Брут. Сбросив, наконец, маску шута, он вырвал кинжал из груди Лукреции и поклялся над ее телом не допустить царствования рода Тарквиниев. Он призвал и других дать такую же клятву. Своими словами и действиями Брут увлек всех. Царица Туллия бежала в лагерь к мужу, а вслед летели проклятия, напоминавшие ей преступление, совершенное в Злодейском переулке.

Когда Тарквиний, узнав о происшедшем, вернулся в Рим, он нашел закрытые городские ворота. Римский народ, собравшись в соответствии с законом, провозглашенным Сервием Туллием, на *comitia centuriata*, постановил признать монархию уничтоженной на вечные времена, а власть отдать двум ежегодно избираемым консулам. Первыми консулами были избраны Брут и Коллатин. Так исполнилось предсказание Аполлона из Дельфы.

Это произошло в 510 г. до н. э., одновременно с изгнанием Гиппия из Афин и свержения там тирании.

II. БОРЬБА СОСЛОВИЙ

4

ПЕРВЫЕ ГОДЫ РЕСПУБЛИКИ

Тарквиний Гордый не сразу отказался от надежды получить назад римский трон. Прежде всего он решил использовать влияние своих родственников в самом Риме; для этого он послал туда делегатов, чтобы они потребовали вернуть ему личное имущество. Мнения сенаторов в этом вопросе не были единодушны. «Мы изгнали тирана», — говорили одни. — «Но по какому праву можно отобрать у Тарквиния то, что ему принадлежит?» — вопрошали другие. — «Нелепо отдавать тирану богатства, которые он будет использовать против нас», — настаивали первые.

Дело затянулось, что было на руку делегатам. Пока сенат совещался, они договорились со сторонниками изгнанного царя. А таких было немало, особенно среди амбициозной молодежи из богатых семей. «Право?! — говорили они. — Право одинаково для всех, право неумолимо. А царь за верную службу наградит своих друзей». Так в Риме возник заговор для возвращения Тарквиния к власти.

Консул Брут, как мы помним, был родственником Тарквиниев. Его молодые сыновья помнили об этом родстве и без труда дали себя вовлечь в заговор. Но благодаря бдительности и хитрости одного из рабов заговор был раскрыт, заговорщики, в том числе и сыновья Брута, попали в руки консулов. Согласно римскому закону отец имел право судить и наказывать своих детей. Все напряженно ждали, что решит Брут. Он повелел прежде всего громко прочитать списки. Затем, обращаясь к сыновьям, Брут строго сказал:

— Тит, Тиберий, защищайтесь!

Юноши молчали. Трижды отец произнес свой призыв, но ответа не было. — Итак, — обратился он к палачам, — исполняйте свой долг.

В те времена наказание за измену было чрезвычайно суровым: бичевание и смерть. Все произошло на глазах консула; он не дрогнул, не обронил ни одной слезинки.

Итак, заговор был раскрыт, и послам Тарквиния отказали; имущество царя признали собственностью государства. Пригородные поля посвятили богу войны Марсу, богу-праотцу и покровителю Рима; так возникло известное с той поры Марсово поле. Во время выборов здесь собирался народ по центуриям, здесь же проходили игры и гимнастические упражнения молодежи.

Родственников царя отослали к Тарквинию; по неизвестной для нас причине с ними уехал и Коллатин; вместо него вторым консулом рядом с Брутом был избран некий В а л е р и й. Он первый ввел законы, которые обеспечили существование республиканского строя в Риме. Особенно известен восстановленный закон Гостилия, согласно которому консул не мог приговорить к смерти римского гражданина, а должен был отдать его на суд народа (*provocabat ad populum*) — знаменитый «Закон Валерия о праве апелляции» (*lex Valeria de provocatione*). За этот закон Валерий получил почетное прозвище Публикола («Друг народа»).

Когда замысел изгнанного царя рухнул, он придумал новый план. В свое время Тарквиний, заключив ряд разумных союзных соглашений, объединил этрусков и латинов; теперь, с момента его изгнания, союз оказался перечеркнутым. Рим вновь стал своего рода небольшой общиной, каковой был при первых царях; а к услугам Тарквиния были силы и этрусков, и латинян. Сначала против римлян он направил войска из самого близкого к Риму этрусского города, полагая, что этого достаточно. Битва закончилась победой Рима, но консул Брут погиб в бою. Весь город оплакивал его героическую смерть; помня благородное поведение Брута при гибели Лукреции, римские матроны носили траур по нему целый год, как по родному отцу.

После поражения Тарквиний решил быть более осторожным и обратился за помощью в г. Клузий к могущественному царю этрусков, П о р с е н н е. На этот раз успех был на стороне Тарквиния, и грозная армия Порсенны отбросила римлян к самому Тибру и заняла холм Яникул на правом берегу. Это как раз то самое место, где, согласно традиции, несколько столетий спустя был распят апостол Петр. Сейчас там стоит посвященный ему костел, а из портика открывается изумительный вид на царский город.

Левобережный город в то время соединялся с холмом деревянным мостом. Побег римлян был столь стремителен, что они не успели разрушить

за собой мост и этруски чуть не прорвались за ними на левый берег. В последнюю минуту положение спас римский воин, Гораций. Став с двумя товарищами поперек моста, он крикнул остальным перерубить крепления у левого берега. Горацию выкололи пикой глаз, но он сражался до тех пор, пока опора моста не рухнула в воду. Когда дело было сделано, он с молитвой бросился в волны и вплавь добрался до своих. Одноглазый Гораций получил прозвище «Коклес» (греч. «одноглазый»); это почетное прозвище перешло и на весь его род.

Порсенна решил осадить город, а в те времена осада длилась очень долго. Осажденные римляне оказались в очень тяжелом положении. Один знатный юноша, Гай Муций, чтобы положить конец осаде, задумал убить царя неприятеля. Надев вооружение убитого этруска, он проник в палатку Порсенны как раз в ту минуту, когда казначей выплачивал денежное довольствие воинам.

Казначей был богато одет, и Муций решил, что это и есть царь. Он встал в очередь, а когда казначей давал ему деньги, быстрым ударом кинжала пронзил ему грудь. Разумеется, его сразу схватили и все раскрылось. Муций ничего не отрицал, но категорически отказался назвать своих сообщников. Когда царь стал грозить пытками, в ответ — увидев близости алтарь с огнем, — Муций положил на него правую руку; сжав зубы и смело глядя на царя, он мужественно переносил чудовищную боль.

Потрясенный Порсенна приказал освободить Муция, и тогда тот сказал: «Мы, триста юношей, поклялись, что убьем тебя; на меня первого выпал жребий, теперь очередь других».

После такого признания Порсенна предпочел снять осаду. За свой подвиг Муций получил прозвище Сцевола («Левша», *Scaevola*). Род его просуществовал долго и прославился не одним государственным мужем, деяния которых для прославления законности и справедливости были не менее тверды и полны самопожертвования.

Но Тарквиний еще сопротивлялся. Теперь на римлян он бросил латинов, но и это оказалось напрасным. Наконец смерть положила конец его беспокойной жизни. В 496 г. до н. э. Рим навсегда был избавлен от тирании.

5

СВЯЩЕННАЯ ГОРА

Смерть Тарквиния, избавив Рим от одной проблемы, высветила иную, ставшую для героического города источником многих страданий и тревог.

*Золотая подвеска в форме головы бога Ахелоя.
Конец VI в. до н. э. Париж, Лувр*

Правящим сословием в Риме была социальная группа, которая вела свой род от тех граждан, что основали город вместе с Ромулом, или тех, кто перебрался сюда вместе с Титом Тацием, или живших там со времен Туллы Гостилия. Как потомки «отца рода» (*patres*), они называли себя *патрициями* (*patricii*). Кроме них, благодаря естественному росту города, здесь оказалось много переселенцев, прибывших в эти места и по собственной воле, и принудительно, когда римский царь захватывал или разрушал соседние города. Это был так называемый *плебс* (*plebs*), то есть «наполняющие» город массы народа. Поначалу плебс не имел гражданских прав.

Итак, положение плебеев разного происхождения было, естественно, различным. Прибывшие добровольно искали покровительства у какого-нибудь рода патрициев и как только его получали, становились «клиентами» (*clientes*) данного рода; не имея другой связи между собой, кроме родовой, они, конечно, его поддерживали, поскольку их личное благополучие зависело от мощи данного рода. Иным было положение насильственно переселенных; переселенные царем, они становились клиентами царя. В тот момент, когда царская власть была уничтожена, клиентела распалась, а с нею рухнула и всякая связь между ними и патрициатом. Все эти люди, разумеется, будучи часто из одной местности, были связаны и между собой. Вот этих бывших царских клиентов и принято называть плебеями в узком значении данного слова.

Пока был жив Тарквиний, с ними обходились относительно неплохо. Валерий Публикола признал всех плебеев гражданами и даже принимал в сенат наиболее влиятельных и богатых из них. Это были так называемые *conscripti*, т. е. «вместе записанные»; консул, обращаясь к этим сенаторам, называл их *patres conscripti*, «патриции и вместе записанные». Причина такого отношения понятна: бывшие клиенты царя легко могли начать сочувствовать своим бывшим опекунам. Но эти люди не обманули надежды патрициев, они мужественно сражались в римской армии и против этрусков, и против латинов.

Правда, бывали и притеснения: повод для него давали римские законы об обязанностях должников; кредитор имел право бросить должника в тюрьму, надеть наручники. Не раз на Форуме происходили душераздирающие сцены: сбежавшие из тюрьмы плебеи созывали граждан и показывали им шрамы на груди от ран, полученных ими в сражениях, а на спине — следы от ударов, полученных в тюрьме. Порой доходило до вспышек недовольства, в таких случаях консулы подавали в отставку, и один из них назначал на какое-то время *диктатора*; так воскрешалась в своей полноте царская власть без права апелляции (*provocatio*).

После смерти Тарквиния притеснения приобрели чрезвычайно жесткий характер; тогда доведенные до отчаяния плебеи отказались участвовать в военном походе. Диктатором был назначен упомянутый Валерий, он успокоил бунтовщиков, обещав, что закон о заключении в тюрьму будет снят. Но когда армия после победы над вольсками, эквами и сабинами вернулась в Рим, сенат не принял предложения диктатора. Тогда плебейская часть армии покинула город и заняла холм между Тибром и его притоком, Анио¹, угрожая основать там другой, плебейский, Рим.

¹ Совр. Аниене, или Тевеоне. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Патриции вынуждены были пойти на уступки. Начались переговоры, на которые послали мудрого сенатора из плебейского рода, Агриппу Менения; тот выслушал громкие жалобы своих товарищей по сословию на тщеславных патрициев, угнетавших народ, своим трудом укрепляющий государство. В ответ, рассказывали, Менений поведал им следующую притчу:

— Было время, когда части человеческого тела не образовывали одно целое, как теперь; каждая часть имела свой голос и волю. Однажды им показалось несправедливым, что все работают исключительно на пользу одного желудка, а тот, находясь в центре, ничего не делает и наслаждается лакомствами, которые ему добывают другие части тела. Ноги заявили: «Не будем более ходить за продуктами», руки: «а мы не будем подносить еду к губам», губы: «а мы не будем ее брать», зубы: «а мы не будем жевать», желудочный тракт: «а я не буду ее направлять в желудок». И все, гневно косясь на желудок, торжествуя ожидали: «Посмотрим, что с ним станет, когда придется самому бегать, хватать и пережевывать!» Сказано — сделано. Желудку и в самом деле пришлось плохо, он расхворался не на шутку. Но другие части тела заметили, что и их здоровье ухудшается, ноги ослабели, руки повисли, зубы стали шататься и чуть не выпадали и т. д. Тогда части тела поняли, что желудок тоже исполнял свою роль, незаметную, но важную, переваривая пропитание и разливая ее соки по отдаленным участкам тела. Поняв это, они отказались от своего упрямства, снова взялись за работу, и вскоре здоровье вернулось к телу.

Задумались плебеи; они поняли, что государство — это тело, и не пристало вредить любой его отдельной части, не вредя при этом всему организму. Они постановили вернуться в Рим, но поставили условия, главным из которых было сохранение власти их лидеров (*tribuni*), под началом которых плебеи отправились на холм. Они потребовали также право защищать плебеев против произвола патрициев (*ius auxilii*) и право выбирать каждый год своих собственных должностных лиц исключительно из плебеев. Так возникли столь знаменитые в будущем народные трибуны (*tribuni plebis*).

Патриции вынуждены были принять эти условия. Плебеи, прежде чем вернуться в город, торжественно поклялись, что будут охранять неприкосновенность своих трибунов и все, как один, будут бороться с теми, кто осмелится оскорбить трибунов или мешать их избранию. Благодаря этой клятве власть трибунов стала называться «священной» (*potestas sacrosancta*), а холм, на котором плебеи приняли такую клятву, — Священной горой (*mons Sacer*). Потому и события 494 г. до н. э. мы называем «Исход плебеев на Священную гору» (*Secessio plebis in montem sacrum*).

*Голова Минервы. Полихромная терракота.
Ок. 530 г. до н. э. Рим, Музей di Villa Giulia*

6

КОРИОЛАН

Итак, начиная с 494 г. до н. э. в Риме утвердилась двойная власть. У патрициев были свои консулы, своего рода наследники царской власти, с весьма широкими полномочиями, особенно во время войны вне границ Рима, когда приостанавливалось право об апелляции. В мирное время только эти консулы могли созывать сенат и собрание народа и проводить в нем законы, обязательные для всех. Консулам подчинялись квесторы (quaestor), которые поначалу были судебными следователями, затем они осуществляли финансовый надзор. Теперь и плебеи получили право выбирать трибунов, число которых было доведено до десяти. Трибуны должны были жить открыто, чтобы каждый плебей мог в любое время дня и

ночи обратиться к нему за помощью; это происходило довольно часто, поэтому количество их было увеличено. Однако трибунов это не удовлетворило, они заявили, что предоставленные им права дают возможность вмешиваться только в ситуации, когда консулы вводят предписания, вредные для народа вообще. Плебеи поддержали требования трибунов, после чего они помимо общей помощи (*ius auxilii*) получили право *и н т е р ц е с с и и* (*ius intercessionis*), то есть право объявить недействительным уже принятый официальный акт, представлявшийся им пагубным для плебса. Наконец, они добились права созывать плебеев на собрания, на которых предлагали свои законодательства. Легко понять, что патриции такие собрания одного сословия не считали равноценными собранию всего народа и называли их не *comitia*, а скорее митингами (*consilia plebis*). Постановления таких митингов были обязательны лишь для плебеев, но не для всех римлян; избрание народных трибунов и было поручено именно этим *consilia plebis*.

Как бы то ни было, расширение прав плебеев произошло не сразу; патриции ждали удобного случая, чтобы ликвидировать институт трибунов. Мы помним, что в результате изгнания Тарквиниев союз, поставивший Рим во главе этрусских и латинских племен, распался; чтобы восстановить положение, маленькому Риму пришлось воевать более чем сто лет. Проще была ситуация с братским племенем латинов; уже в первые десятилетия удалось заключить с ними дружественные соглашения. Весьма неподатливыми с этой точки зрения были северные соседи, говорившие на непонятном и для Рима, и для нас языке (этрусском), равно как и горные народы, вольски и эквы, родственные римлянам, но чрезвычайно приверженные своей исключительной независимости. Итак, войны с вольсками, эквами, этрусками заполняют первое столетие истории Римской Республики, войны тем более опасные, что они совпадали с внутренними беспорядками.

Обе стороны проявили немало героизма: Гораций Коклес и Муций Сцевола имели многочисленных последователей. Одним из них был патриций Гней Марций. Он отличился особенно в войне против вольсков, когда благодаря неслыханной отваге сумел захватить самый укрепленный город, Кориолы. Марций был абсолютно бескорыстным человеком, и, не видя иной возможности его вознаградить, римляне придумали для него личный почетный титул и называли *К о р и о л а н о м*.

Но Кориолан был патрицием, завзятым врагом плебса и его трибунов. Через несколько лет после установления системы трибунов на римских землях случился неурожай; чтобы накормить голодный народ, консулы вынуждены были покупать зерно в далеких провинциях Сицилии. Этим несчастьем воспользовался Кориолан. «Почему, — говорил он в сенате, —

*Шествие жрецов. Полихромная терракота
(т. наз. пластина Бокканера).
Ок. 550–530 гг. до н. э. Лондон, Британский музей*

мы должны кормить плебеев бесплатно? Если хотят хлеба, пусть откажутся от института трибунов!»

Трибуны узнали о его речах: они усмотрели в этом заговор против своей «священной» власти и потребовали, чтобы Кориолан предстал перед судом народа. Кориолан был возмущен: «Что за дерзость!? У вас есть право помогать плебеям, но нет права выступать против патрициев!» Но трибуны были непреклонны, а за ними стояла многотысячная толпа. Мудрого Агриппы Менения уже не было в живых. Он умер незадолго до выступления Кориолана, в нищете, и был похоронен за счет государства. Другие ораторы, которых патриции посылали к плебеям, доверяя там не вызывали. Толпа твердо стояла на своем, и трибуны назначили день суда над Кориоланом. Гордый Марций не вынес такого унижения: одинаково презирая и малодушие своих друзей, и злобность врагов, он покинул Рим и обратился к вольскам. За это он был заочно приговорен к смерти.

Предводителем вольсков тогда был Тулла Атий. Некогда побежденный Кориоланом, он испытывал к последнему глубочайшую ненависть. И вот просящий Кориолан у алтаря. Несчастье замечательного противника потрясло Атия. Он протянул руку и пригласил его к себе. Но Кориолану этого было мало. Он искал у вольсков не убежища, а возможности для мести своей неблагодарной родине. О том же мечтал и Атий. Правда, время было неподходящее: в результате потери города Кориолы вольски пошли на унижительный мир, который невозможно нарушить. Следовало так провести дело, чтобы сами римляне нарушили это соглашение.

Римляне как раз недавно проводили игры в честь Юпитера; случилось так, что в тот же день некий патриций, желая наказать раба, тащил его по арене цирка, подгоняя ударами кнута. Вскоре одному из неименитых граждан привиделся во сне Юпитер: «Скажи консулам, что меня рассердил быстро бегающий на празднике». Но несчастный не посмел нарушить полуденный отдых консулов — и у него неожиданно умер сын. И вновь приснился тот же сон. Проснувшись, он опять не осмелился исполнить волю бога — и его разбил паралич. Тогда несчастный упросил, чтобы его отнесли на носилках в сенат; там он рассказал все, что ему было велено. Как только рассказ был окончен, болезнь мгновенно покинула паралитика и он самостоятельно вернулся домой.

Консулы поняли, что нельзя наказывать рабов в день священного праздника, и постановили молить Юпитера о прощении на вновь организованных играх. Пригласили и соседей, в том числе и вольсков, поскольку с ними был заключен мир. И вот Атий тайно сообщает консулам, что он не ручается за своих соотечественников, которые в своем исступлении могут совершить что-либо неподобающее. Консулы перепугались: неужто снова во время игр произойдет некая профанация? Они издали распоряжение о том, чтобы все вольски покинули Рим до захода солнца.

Это как раз и было нужно Атию. Вольски возмутились новым оскорблением и решили вновь начать войну с Римом. Военачальниками стали Кориолан и Атий. Однако с первой же минуты опытный римский воин затмил вольска, и Атий понял, что он военачальник лишь на словах, а всем управляет Кориолан. Все преимущества римлян в последней войне были уничтожены; Кориолы вернули вольскам, затем и другие поселения освободились от римлян, а Кориолан водрузил свой штандарт недалеко от ворот Рима. Положение Рима стало опасным, и консулы охотно согласились снять приговор с Кориолана за его отход от города. На заседании сената решено было отправить к Кориолану послов, предлагая ему мир. Но победитель поставил жесткие, унижительные для Рима условия. Потерпев первую неудачу, римляне отправили в армию вольсков новое посольство — жрецов в роскошных одеяниях, но и на этот раз Кориолан был неумолим.

И тогда вмешались римские женщины; они направились к дому Кориолана, где в грусти и трауре находились его мать, Ветурия, и молодая жена, Волумния, с двумя малолетними сыновьями. Все вместе они тайно отправились в лагерь неприятеля. Вождь-изгнанник, заметив третье посольство, готов был отказать и ему, но кто-то из сопровождавших военачальников сказал, что среди прибывших узнал его мать. Одетая во все черное, с невесткой с одной стороны и внуками с другой, она, в сущности, была во главе нового посольства. Не выдержал такого вида Кориолан, выбежал к ней навстречу, но мать остановила его суровыми словами:

— Сначала я хочу знать, кто стоит передо мной, сын или враг?

— О мать моя! — в страшном волнении ответил Кориолан. — Ты спасла Рим, но погубила сына!

Отправив просительниц, он дал приказ отойти. Армия-победительница вольсков, естественно, возмутилась, особенно разгневался Тулл Атий, которого Кориолан унижил дважды, один раз как неприятель, другой — как друг. Вчерашний любимец ныне стал предметом всеобщей ненависти. Напрасно он пытался оправдаться. Да и как он мог объяснить? За такое двойное предательство он и заплатил своей жизнью. Это случилось в 488 г. до н. э.

7

ЦИНЦИННАТ

Итак, выдержав первое серьезное испытание, плебеи укрепились. В течение целого поколения они развивали свои силы, готовясь к новой атаке против угнетателей. Главным их требованием была запись законов, законов, известных всем и одинаковых для всех. Права римляне, разумеется, имели, но это были, скорее, права традиции, сохранявшиеся в памяти патрициев, передаваемых от отца к сыну. Легко понять, что судьи-патриции в случае необходимости использовали тот факт, что плебеям эти права неизвестны, и тем самым могли ими манипулировать. В греческих государствах в V в. до н. э. почти везде существовала запись права. Об этом, разумеется, знали и римские плебеи, поскольку в Риме были греческие боги, появившиеся благодаря Сивиллиным книгам, греческие жрецы и жрицы. И народные трибуны выставили требование записи законов. Патриции и слышать об этом не хотели, боясь потерять такое мощное орудие власти. Началась борьба.

Борьба была жестокой и длилась много лет. Для плебеев главным средством борьбы был отказ от военной службы. Консул приказывает плебею вступить в войско — тот отказывается. Консул велит своим *ликторам* (от *ligare*) (так назывались должностные лица при высших магистратах)

схватить ослушника, но тот призывает трибунов, а те, в свою очередь, велют отпустить захваченного. Понятно, что подобные беспорядки были чрезвычайно на руку внешним врагам Рима — вольскам, эквам, этрускам. Патриции оказались вынужденными прибегнуть к последнему средству — назначить д и к т а т о р а, с властью которого вся магистратура, как и право на апелляцию, теряли свою силу. Но чувство своей правоты у плебеев усиливалось, и они не отказывались от попыток противостоять диктатуре.

Об одном из диктаторов сохранилась особая слава; это был Луций Квинций Ц и н ц и н н а т. В 458 г. эквы, пользуясь смутой в Риме, нарушили договор и отправили большой отряд на Альбанскую гору¹ угрожая тем самым землям латинов, союзников Рима. Сенат Рима отправил к ним послов, но вождь эквов гордо ответил: «Ваши жалобы расскажите тому дубу, у меня нет времени!» — и показал на большой дуб, растущий у его палатки. Глава посольства вовсе не был смущен таким заявлением. Он громко закричал: «Услышь, священный дуб, услышьте боги! Эквы нарушили соглашение и начали несправедливую войну. Помогите нам покарать их!»

Послы удалились, и вскоре против эквов выступил один из консулов, Минуций, с двумя легионами. Он, правда, оказался не на высоте: пока готовился к нападению, вождь эквов неожиданно окружил римский лагерь и, заняв высоты, терпеливо ждал, пока осажденное голодное войско не сдастся.

Разведчики вернулись в Рим: «Мы окружены!»

Сенат приказал консулам собрать новое войско. Но трибуны были неумолимы: «А права получим?»

— Нет!

— Значит, не будет и войска.

Оставалось назначить диктатора. С согласия сената консул назначил диктатором Цинцинната, человека уже пожилого, но известного своей честностью и силой характера. У него был небольшой участок земли в деревне, за Тибром, и он сам со своими сыновьями ее обрабатывал. К нему и направились послы сената. Одетый лишь в фартук (дело происходило летом), Цинциннат копал землю. Удивился старик, увидев послов в торжественных тогах (так называлась у римлян верхняя мужская накидка, под которой виднелась полоса красной туники).

— Чем могу служить? — вежливо спросил он, опершись на лопату.

— Соблаговоли надеть тогу и выслушать приказ сената.

— Что такое? Рацилия! — крикнул он жене. — Принеси тогу!

¹ Совр. Монте-Каво.

Умывшись и надев тогу, он вышел к послам.

— В чем дело?

— Приветствуем тебя, диктатор! — отвечали послы. — Рим просит спасти его легионы.

Узнав обо всем, Цинциннат немедленно направился в Рим, провел новую вербовку войска и, не теряя ни дня, отправился в Альбанские горы. Эквы не ожидали подобного развития событий; оказавшись между двумя огнями, они из осаждавших превратились в осажденных и вынуждены были сдаться. Теперь их посланцы пришли к диктатору, со слезами умоляя о пощаде.

— Выдайте ваших начальников, — сказал Цинциннат, — а остальных я выпущу на свободу; а чтобы впредь было неповадно нарушать соглашение, вы пройдете под ярмом (*sub jugum*).

Следуя древнему обычаю, Цинциннат велел построить «ярмо» — воротца из двух вертикально воткнутой в землю копий и одного горизонтального, под которым пленные без оружия и в нижнем белье проходили, наклонившись в знак покорности; после такой процедуры унижения каждый мог уйти, куда хотел.

Весь неприятельский лагерь стал добычей римлян. Цинциннат раздал добычу своим легионерам, а солдатам Минуция сказал: «Благодарите богов, что сами не стали добычей врага».

Дуб, к которому эквы предлагали обратиться жалобы, стал отныне невольным свидетелем унижения и грабежа их сокровищ. Своему диктатору Рим предоставил самое высокое военное торжество — т р и у м ф.

На богато украшенной колеснице, в пурпурном плаще и лавровом венке на голове въехал победитель в Рим через ворота Сервиевой стены. По бокам героя стояли его сыновья; за колесницей в кандалах шли начальники разбитой армии, за ними ликторы вождя. Привычный знак их должностей и карающей власти, фасция (*fascies*)¹, на этот раз был украшен веточкой лавра. За ними шли остальные войска. Следует еще обратить внимание на группу людей рядом с главнокомандующим — это шуты, им позволялось в такой счастливый день петь в честь вождя язвительные песни, некоторые подхватывало все войско. В таких добродушных насмешках не было ничего унижительного или оскорбительного: они должны были напоминать триумфатору, что он — лишь человек, и помочь смягчить гнев богов против избранника фортуны. Все шествие направлялось Священной дорогой на Капитолий; здесь победитель с молитвой посвящал свой венец Юпитеру и приносил заведенную жертву. После такой церемонии

¹ Фасция — связанный кожаными ремнями пучок прутьев с воткнутым в него топориком.

Цинциннат отказался от диктатуры, и консулы вновь вернулись к своим обязанностям.

Цинциннату было отпущено шесть месяцев для свершения своего долга, а он это сделал за 16 дней.

8

ДЕЦЕМВИРЫ

Такие личности, как Цинциннат, объясняют нам, почему внешние враги Рима не могли его победить, невзирая на внутренние беспорядки. Однако эти государственные мужи не могли остановить борьбу сословий; необходимы были взаимные уступки. Патриции согласились на составление записанных законов, но требовали, чтобы в качестве законодателей избрали на год десять человек, чтобы во время их правления не было ни консулов, ни трибунов и чтобы было приостановлено право апелляции. Трибуны согласились.

Конечно, столь серьезный вопрос необходимо было тщательно готовить. Поэтому в греческие государства, известные своими законами, а особенно в Афины, где уже полтора столетия действовало мудрое законодательство Солона, направили специальную комиссию. После ее возвращения можно было приступить к избранию коллегии из десяти человек. Это произошло в 451 г. Коллегия *д е ц е м в и р о в* (*decemviri legibus scribendis*) состояла исключительно из патрициев, и ей была дана вся полнота власти; все их решения принимались только единогласно: каждый член коллегии имел право протеста (*ius intercessions*) против действий других; коллегия объявляла войну, управляла государством и составляла законы. При такой разнообразной деятельности дела по составлению законодательства не могли продвигаться достаточно быстро. К концу года были составлены лишь десять таблиц законов, поэтому на следующий год следовало избрать новых децемвиров.

Существовала в Риме традиция, по которой, за исключением некоторых случаев, одни и те же лица не избирались два года подряд. Думали, что так будет и на этот раз. Но среди децемвиров первой коллегии оказался весьма амбициозный патриций *А п п и й К л а в д и й*. Он превосходил остальных и своей знатностью, и знанием дела; кроме того, он так привык к власти, не ограниченной ни трибунами, ни апелляциями, что ни на минуту не хотел с нею расстаться. И он начал заигрывать с рядовыми гражданами, особенно с плебеями — подавал им руку при встрече, называл каждого по имени, одним словом, всячески льстил их самолюбию. А те и не замечали, что, например, имена их подсказывал Клавдию раб.

обязанностью которого было знать всех по имени. Такие средства римляне называли *ambitus* и считали их безнравственными. Аппий, однако, достиг своей цели и оказался среди децемвиров следующего года; единственный из предыдущей коллегии он был избран и на 450 г.

И тогда он сбросил маску: стал гордым и недоступным, вел себя соответственно своим капризам и по отношению к гражданам, и своим коллегам децемвирам, которые, будучи новыми людьми, вынуждены были подчиняться его воле. Но работу по составлению новых законов Аппий не оставил. Были составлены еще две таблицы законов. Так возникли «З а к о н ы XII т а б л и ц» (*leges duodecim tabularum*), которые стали с того времени основой римского кодекса. Граждане, разумеется, были благодарны за исполнение их устремлений, но Аппий не был Солоном и потому решил использовать эту благодарность для сохранения своей власти в Риме навсегда.

Мы видели, что самыми приближенными к консулам людьми были ликторы; они шли всегда впереди, разгоняя толпу; в руках держали убедительный символ власти — пучок прутьев (*fasces*) или розог, среди которых был и топорик. Топорик исчезал, когда в городе действовало право апелляции; при децемвирах же он всегда был на своем месте, объявляя таким образом, всем гражданам, что властители могут своим судом приговорить не только к телесному наказанию, но и к смерти.

В первый год существования децемвиров было двенадцать ликторов, и они по очереди переходили от одного к другому. Во время второго срока Аппий издал распоряжение, по которому каждый из децемвиров мог иметь двенадцать ликторов. Поскольку все децемвиры были волею обстоятельств подвластны Аппию, то он получал в свое распоряжение отдел гвардии из 120 человек, что в тогдaшнем Риме представляло огромную силу, при помощи которой Аппий мог делать, что хотел. Граждане роптали, но сохраняли спокойствие, надеясь, что скоро кончится год и будут новые выборы.

Год прошел, но Аппий и не думал назначать выборы децемвиров. Наступил новый, 449 г., а он правил по-прежнему. Напрасно сенат протестовал. «Вы, — говорил Аппий децемвирам, — теперь частные лица; согласно правилам наших предков, ныне у нас междуцарствие (*interregnum*) и власть принадлежит нам, собранию патрициев; мы должны избрать из нас в р е м е н н о г о ц а р я (*interrex*), а тот через пять дней назначит второго и т. д. А один из этих “временных” царей, начиная со второго, и созовет собрание народа для избрания консулов».

Итак, Аппий и децемвиры поступали как тираны. Они объявляли набор в войско, подавляя малейшее сопротивление при помощи своих ликторов. Часть децемвиров отправилась на войну, а Аппий предпочел остаться в Риме.

Мы видели уже, что осознание прав у римлян было не менее сильным, чем их религиозность. Их угнетало сознание, что в бой ведут неполномочные начальники, поэтому они сражались плохо, заведомо уверенные в поражении. Был среди них воин героической храбрости и силы, звали его Луций Сикций; за бесчисленные доблести он получил прозвище римского Геркулеса. С огромным вниманием все слушали его гневные слова против несправедливостей, чинимых децемвирами:

— Каждый властитель, выбранный народом, обращается с молитвой к богу, чтобы тот признал его владыкой Рима на один год и чтобы позволил ему молиться от его имени и при помощи ауспиций просить о благоговении. Теперь децемвиры не признают ауспиций; их молитвы перед битвой — это богохульство, потому что боги им не давали на это права. Вот почему враг нас побеждает, и так будет, пока мы не поможем себе сами. Мы должны пойти вслед за нашими отцами, организовать новые выборы, назначить себе новых трибунов, и тогда без децемвиров у нас появится законная власть.

Разумеется, такая речь не понравилась децемвирам; они отправили Сикция как бы на разведку, а вместе с ним и тайных убийц, от рук которых он и погиб. Преступление, однако, было раскрыто, и все тогда поняли: наступает снова царская власть, Аппий — новый Тарквиний. Вскоре тому нашлось еще одно подтверждение.

В Риме жила одна девушка необычайной красоты. Она была из плебейской семьи, звали ее Виргиния. Обрученная с народным трибуном, Ицилием, она по причине своей молодости не могла еще вступить в брак. Аппий постановил отобрать ее у жениха; чтобы избежать недовольства народа, он попытался сделать это на правовой основе. Поэтому он сговорился с одним из своих клиентов, вольноотпущенником, которого звали также Клавдий; в Риме обычно вольноотпущенники получали родовое имя своего хозяина, который становился его «патроном»; так вот, этот Клавдий должен был заявить перед судом, что Виргиния — дочь его рабыни, а в детстве ее украли и отдали теперешнему отцу. Так и сделали. Момент выбрали удачный: отец девушки, Виргиний, был вне Рима, в армии. Однажды утром, когда Виргиния со своей нянькой шла в школу, к ней приблизился Клавдий-клиент и с помощью слуг начал тянуть Виргинию к себе, уверяя, что она рабыня. «Эй, квириты!» — закричала в отчаянии нянька. Сбежался народ, но Клавдий заявил, что он поручит это дело суду децемвиров. Обратились к трибуналу Аппия.

— Я утверждаю, — торжественно сказал Клавдий, держа за руку еле живую Виргинию, — что эта девушка — моя рабыня.

— А я заявляю, — сказал Ицилий, который вовремя прибыл, — она свободная гражданка.

— Твое заявление, — сурово перебил Аппий Ицилия, — согласно Законам XII таблиц имело бы силу только тогда, когда речь шла о взрослом человеке; ныне это может подтвердить лишь отец данной особы. Дело откладывается до завтра. А пока что путь она останется у Клавдия.

— Это невозможно! — закричал Ицилий.

Народ также начал роптать.

— Хорошо — сказал Аппий, — пусть останется у матери, — а мысленно добавил: «Так или иначе, отец и завтра не придет».

*Фигурка этрусского воина. Бронза.
Ок. 450 г. до н. э. Флоренция, Археологический музей*

Но Аппий просчитался; римское войско, терпевшее постоянные поражения, было отброшено до самого Рима. Виргиний накануне узнал об опасности, грозившей его дочери; всю ночь он мчался галопом, на рассвете уже был в городе и, одетый в траурное одеяние, сам привел дочь на суд Аппия. Здесь были и Клавдий, и двое подкупленных свидетелей. Но Аппий, опережая показания, заявил, что прежние доказательства Клавдия достаточно убедительны и что он присуждает девушку ему. После этого он подал знак и ликторы окружили Виргинию.

— Я теперь вижу сам, — сказал отец Аппию, — что был обманут и что в мою семью ввели дочь рабыни. Позволь мне, однако, расспросить няньку, как все произошло.

Довольный смирением отца Аппий охотно согласился. Дело происходило на Форуме; поблизости были расположены мясные лавки. Под видом тайного разговора Виргиний провел туда дочь и няньку. В одно мгновение он выхватил нож у мясника и ударил им в грудь девушки.

— Теперь ты свободна, дочь моя! А кровь ее — на твоей совести, Аппий. — И, не теряя ни минуты, с окровавленным ножом, он бросился к воротам, где были его солдаты.

Быстро свершилось наказание. Народ взбунтовался; два благородных патриция, Публий Валерий и Марк Гораций, встали во главе недовольных. Виргиний собрал войско, и, как когда-то плебейская армия, оно отправилось на Священную гору, плебеи города пошли за ними. Это был второй исход. Децемвиры вынуждены были сложить с себя власть. Валерий и Гораций от имени сената направились к плебсу: по всеобщему согласию решено было вернуть власть трибунов и право апелляции; там же были избраны новые консулы, ими стали Валерий и Гораций. Аппия бросили в тюрьму: в ожидании суда, понимая, что надежды на помилование нет, он покончил жизнь самоубийством.

9

НОВЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Итак, с 449 года плебс вновь получил право выбирать трибунов. Значит, можно праздновать триумф — есть записанные законы, трибуны. Теперь следует приступить к борьбе за полное равноправие с патрициями.

Прежде всего, стоит напомнить, что браки между представителями плебеев и патрициев не считались законными; плебеи не имели доступа ни в консулат, ни в квестуру (заведование казной), ни к жреческим должностям. Они потребовали ликвидировать такую несправедливость, но им ответили, что это невозможно, потому что у них нет ауспиций.

*Борцы. Роспись с Гробницы Авгуров в Тарквинии.
Ок. 520 г. до н. э.*

— Как это нет?

— Когда Ромул основал Рим, Юпитер послал ему знак птичьего полета как свое благословение. Таким путем он дал тогдашним римлянам право призывать его милость при помощи молитвы. Данное им благословение переходит с родителей на детей; потомки древних римлян — это сегодняшние патриции. Поэтому необходима чистота сословных браков, а магистры,¹ которые обращаются с мольбами к Юпитеру от имени Рима, безусловно должны быть патрициями.

Плебеи уже давно чувствовали, что они для Капитолийского Юпитера словно пасынки; они имели свой храм Цецеры, основанный еще в первые годы Республики по велению Сивиллиных книг. Храм этот называли просто aedes; там хранились плебейские архивы, а их хранители, эдилы (aediles plebis), стали самыми близкими помощниками народных трибунов, как квесторы — консулов-патрициев. Теперь плебеи решили покон-

¹ Магистратура (magistratus) — высший римский выборный орган власти. магистр — должностное лицо.

чить с подобным противопоставлением. Следовало признать правомочность смешанных браков, признать и право доступа в консулат.

Ситуация была серьезной, и патрициям пришлось согласиться — первое требование приняли, и отныне никто не мог препятствовать бракам патрициев и плебеев; оставался вопрос о допущении плебеев к высшей магистратуре, для разрешения которого понадобилось почти сто лет.

Прежде всего патрициат исключил из полномочий консула ряд особо важных прав, которые нужно было охранять от всякого покушения со стороны плебеев. Дело в том, что до сих пор именно консулы, как некогда цари, обладали правом проведения *ц е н з а*: это означало, что они могли оценить имущество гражданина и соответственно этой оценке приписывать людей к тому или иному имущественному сословию, что мгновенно определяло и характер военной службы данного лица; консулы могли их причислить к всадникам, в сенат, или исключить оттуда, могли, наконец, за нарушение старых добрых обычаев подвергнуть публичному осуждению. Патриции не могли смириться с самой мыслью о том, что подобным правом будут обладать и плебеи. В 443 году создается специальная должность *ц е н з о р а*, разумеется контролируемая патрициями. Закон был принят, и отныне каждые пять лет избирались два цензора; они составляли имущественные списки, т. е. определяли состав гражданской трибы в Риме, которую после очистительного праздника (*lustrum*) посвящали милости богов. Впоследствии цензура стала одним из самых важных органов в Риме, а в цензоры избирались наиболее заслуженные граждане.

В конечном итоге патриции просчитались, полагая, что им удастся сохранить это ведомство для себя; поначалу так и было, по крайней мере внешне. Консулат их не беспокоил, потому что почти столетие он находился в руках патрициата. Можно, конечно, задать вопрос, почему плебеи, имея столь деятельных народных трибунов, не достигли своей цели раньше. Помехой было их количество. Выше говорилось, что трибуны обладали так называемым правом протеста (*intercessio*) на постановления магистров, а следовательно, и приостановку их деятельности. Таким правом пользовались оба «лагеря», выступая друг против друга. Народных трибунов было десять, и патриции с легкостью могли завербовать кого-нибудь из противной среды, чтобы тот вмешался против своих коллег. Потому плебеи и не могли достичь необходимого успеха. Борьба продолжалась, и, казалось, конца ей не видно. Но прежде чем она закончилась успехом, Рим испытал такое потрясение, какого не знал до той поры.

10

КАМИЛЛ

Внешние враги Рима оставались все те же: вольски и эквы на юге, этруски на севере. Эти последние были особенно многочисленны и, если бы все объединились, Рим не смог бы им противостоять. Но именно единства между ними и не было, а лишь хрупкий союз двенадцати городов, в котором каждый действовал на свой страх и риск. Самый близкий из них к Риму был город-государство Вейи, владения которого начинались сразу за Тибром. Однажды царь Вей приказал убить римских послов, началась война, но вскоре было заключено перемирие. Теперь, в 406 г., срок двадцатилетнего перемирия истек и война началась вновь. Римлянам удалось окружить Вейи; не желая прерывать осаду, они решили вести войну и летом и зимой; до того времени война велась лишь летом, а осенью войска возвращались домой. Однако осада растянулась на долгие годы, причем жителям Вей время от времени удавалось разрывать кольцо блокады и добывать продовольствие.

Наконец, на десятый год осады римляне нашли вождя достойного, смелого и стойкого. Это был **М а р к К а м и л л**. Поняв невозможность взять город штурмом, он приказал копать длинный подземный ход с таким расчетом, чтобы его выход оказался на городском рынке. Рассказывают, что в это время жители Вей приносили жертву своей богине, Юноне; этруски славились искусством предсказания будущего по рисунку желудка жертвенного животного. И вот когда жертвенное животное уже было убито и выпотрошено, жрец, посмотрев на желудок, воскликнул: «Радуйтесь, граждане! Юнона даст победу тому, кто первым принесет ей эту жертву!»

Эти слова услышали римляне, находящиеся поблизости под землей. Еще несколько ударов мотыгой — и брусчатка мостовой рынка рухнула, из-под земли вышли римские солдаты; первый из них мгновенно выхватил жертву из рук жреца и с молитвой на устах положил ее богине от имени Рима. Другие солдаты бросились в крепость, к стенам: Вейи были взяты. Это произошло в 396 году.

Теперь, впервые после смерти Тарквиния, Рим стал обширным италийским государством. Но после внешней победы внутренняя смута обострилась еще более. Трибуны косо смотрели на Камилла и постарались натравить на него плебеев, обвинив победителя в незаконности раздела добычи. Предвидя неблагоприятный для себя исход спора, Камилл добровольно уехал в изгнание в соседнюю Ардею. Именно в тот момент, когда Рим сам лишил себя своего командующего, и разразилась буря.

Вейовис. Бронза. I в. до н. э. Витербо

Сегодняшнюю Францию в то время заселяли галлы, дикий, но необычайно смелый народ. Еще за два года до начала войны с Вейями часть галлов перешла через Альпы в долину реки По, которая тогда была занята этрусками; галлы отбросили этрусков за Апеннины и заняли долину. Римляне называли этот край Галлией Цизальпинской¹. Здесь галлы основали свою столицу, знаменитый в будущем Милан. Вскоре галлам стало тесно на этой территории, их дружины перешли Апеннины, превратившись в прямую угрозу наиболее укрепленному городу этрусков — Клузию (ныне — Кьюзи). Жители Клузия обратились за помощью к Риму.

Просьба оказалась весьма кстати — впервые к нему обратились из такого «далека», признавая тем самым, что Рим — это италийское государство. К галлам направились три посла, которые попросили от имени Рима уладить дело мирным путем. Предводитель галлов Б р е н н удивился:

— Никогда о вас не слышал, хотя знаю, что вы достаточно смелы, если к вам обращаются за помощью. В любом случае мы намерены атаковать клузийцев.

— А чем они вас оскорбили? — спросили послы.

— А тем, что не отдают нам свои земли! — со смехом ответил варвар.

Пришлось переговоры прервать. Послы попросили клузийцев включить их в свою армию и таким образом приняли участие в сражении, которое окончилось неудачно для последних.

Послы нарушили нейтралитет, поскольку не имели права участвовать в военных действиях; это возмутило галлов. Оставив Клузию, Бренн направил свои отряды прямо на Рим. Молодая Республика собрала все силы против врага. На берегу реки Аллии, притоке Тибра, произошла одна из самых жестоких битв с момента возникновения города. Римляне умели побеждать своих италийских соседей, но неукротимая отвага северных варваров, которые бросались в бой с дикими завываниями, была им непривычна. Римское войско было смято одним ударом; часть разбитой армии бежала в Вейи, другая искала спасение в Риме. День трагической битвы — 18 июля 390 года считался с тех пор у римлян «черным днем» (*dies Alliensis*).

А Бренн отправился дальше, все ближе и ближе к Риму. Стало ясно, что остатки разбитого римского войска город не спасут, следовало подумать лишь о защите Капитолия. Там укрепилась готовая сражаться молодежь. Женщины с плачем бежали в соседние деревни. Старики, однако, отказались покинуть город: большая часть осталась в своих домах, а самые знатные, бывшие консулы и цензоры, облачившись в белые праздничные

¹ Т. е. Галлией по «эту» сторону Альп.

тоги с красной оторочкой, направились к Форуму и заняли кресла из слоновой кости, готовые умереть с благословением капитолийских богов. Вскоре появились галлы, видят — дома открыты, улицы пусты, сопротивления никакого. Отправились на Форум, а там молчаливая толпа неподвижных стариков. Что это? Люди или статуи богов? Подошли ближе. Один из галлов наклонился к сидящему — это был достопочтенный Марк Папирий — и дернул его за бороду (в то время римляне носили бороды). Не стерпел такого унижения гордый сенатор и ударил нахального галла тростью. Свирепый галл убил Папирия, и это стало сигналом для всеобщей резни. Город был разграблен и подожжен; Рима не стало (390).

Но оставался еще Капитолий; его крутые, почти отвесные стены давали возможность долго защищаться. Часть галлов окружила Капитолий, другие разбежались по равнине, грабя и уничтожая все на своем пути. Один достаточно многочисленный отряд направился против Ардеи (столицы рутулов), где находился Камилл. Он успокоил напуганных горожан и уговорил их доверить ему войско. Напряженно следя за развитием военных событий, столь трагических для его родины, победитель Вей прекрасно знал, что галлы смело и решительно сражаются днем, а вечерами — как истинные варвары — безмерно пьют и забывают о ночном дозоре. На этом и построил свой план Камилл: ночью с небольшим отрядом жителей Ардеи он набросился на галлов и вырезал почти всех галльских воинов.

Весть о первой победе быстро распространилась во все стороны. Узнали об этом и римляне в Вейях и почувствовали боль и стыд. «Мы отдали Ардее самого великого нашего героя, и вот нас бьют, а они побеждают». И решили вызвать Камилла и просить его стать главнокомандующим.

— Я приговорен к изгнанию, — ответил тот. — Как я могу стать вашим начальником?

— Мы отменили твое изгнание.

— Вы не вправе это сделать, вы жители Вейи, а не Рима. Римляне — это те, кто в данный момент на Капитолии. Если они меня призовут, то я пойду.

Послы вернулись в Вейи. Что было делать? Капитолий окружен, туда не пробраться. Но молодой Понций Коминий решил выполнить эту задачу. Он покинул вечером Вейи, незаметно переплыл Тибр, подобрался к наиболее крутой, а потому менее охраняемой стене, нашел знакомую ему расщелину и оказался на холме. Собрав народ, Коминий рассказал о победе Камилла и о решении вейанского войска. Разумеется, приговор Камиллу был немедленно снят, а сам изгнанник назначен диктатором. В ту же ночь он выехал из Ардеи и добрался до Вейи.

*Статуя Аполлона. Полихромная терракота.
Ок. 500 г. до н. э. Вейи. Рим, музей di Villa Giulia*

Но передвижения Камилла не остались незамеченными галлами. Рано утром дозорные, обходя дежурные посты, заметили свежие следы на стене и догадались, что произошло. Галлы решили воспользоваться своим открытием, и на следующую ночь несколько смельчаков, держа в зубах мечи, один за другим влезли на стену дорогой Коминия. И вот первый из них сравнялся головой с уровнем стены. Видит — везде пусто, никакой охраны: никто не допускал, что она здесь нужна. Галл приготовился сделать последнее усилие, чтобы попасть на верхнюю террасу, и в этот момент раздался отчаянный крик. Не человеческий, а птичий.

Это загоготали капитолийские гуси, священные птицы Юоны. Римская стража проснулась. Бывший консул Марк Манлий первым схватил щит и меч и поспешил к стенам. Там он увидел галла, готового перешагнуть через стену. Мощным ударом щита он столкнул врага в пропасть; та же участь постигла и остальных галлов. Вскоре сбежались другие защитники, на галлов посыпались камни, и враги были перебиты. Вот так «гуси спасли Капитолий».

Тем временем Камилл принял командование над вейанскими легионами; он сразу понял, что, прежде чем вести их в бой, нужно обучить их военному делу. На Капитолии ничего не знали, осада продолжалась, провианта не было, и защитники начали думать о переговорах. Конечно, никто не говорил о сдаче, и варвары готовы были оставить римлянам их холм за соответствующий выкуп. Договорились о сумме — 1 тыс. фунтов золота.¹ Бренн согласился отвести свое войско. Принесли огромные весы и гири: на одной чаше — гиря, на другой золото. Гири показались римлянам подозрительными, и они затеяли спор с Бренном. Тот со смехом снял свой длинный галльский меч и вместе с тяжелым поясом бросил на весы:

— Горе побежденным! — был его ответ (*Vae victis!*).

Спор возобновился, и в этот момент раздался знакомый звук медных римских труб. Все замерли. «Легионы Камилла!» — раздалось радостные крики с Капитолия.

И в самом деле, это был он. Появившись перед участниками спора, он приказал убрать золото, а Бренну заявил:

— Не золотом, а мечом Рим купит себе свободу.

— Как это? — возмутился Бренн. — А договор?

— Какой договор? Римский диктатор — это я, а без меня никакой договор не имеет силы.

Все разошлись, послы — на Капитолий, Бренн — в свою палатку, а Камилл — к своим легионам.

---

¹ Римский фунт равнялся приблизительно 327, 5 г.

Вскоре на руинах Рима произошло новое сражение. На этот раз галлы были разбиты и отошли за Апеннины.

Теперь перед римлянами встал вопрос: что делать? Город разрушен, а там, за Тибром — нетронутые Вейи, город больше и красивее их прежнего Рима. Много было таких, которые хотели туда переселиться, и Камиллу пришлось долго переубеждать их не покидать священное пепелище, на котором лежит благословение Ромула, матери-Весты и капитолийских богов. Наконец римляне признали его правоту и решено было заново отстроить Рим; Камилл, таким образом, стал его вторым основателем.

Как только эти трудности были преодолены, Камиллу опять пришлось взяться за оружие для защиты восстановленного города от неприятеля. Это вновь были этруски, эквы, вольски. Радуюсь гибели Рима, они рассчитывали, что после ухода галлов смогут завладеть его богатствами. Теперь, думая, что их надеждам суждено сбыться, они решили действовать совместно. Долго длилась борьба, но гений Камилла и на этот раз одолел неприятеля. Враги вынуждены были признать себя побежденными и уступили Риму значительную часть своих земель.

Оставалось теперь решить еще одну проблему — извечный спор двух сословий, патрициев и плебеев. Плебеи не забыли своего давнего требования — доступа в консулат, но стали вести борьбу умнее. Среди плебеев появилась достаточно многочисленная группа, выделявшаяся и богатством, и даже родовитостью; именно они и стремились получить возможность быть избираемыми в консулы. Для бедных же главным было не участие богатых во властных структурах, а получение земли и льгот по кредитным долгам. Земли теперь было достаточно, предыдущие победы принесли казне значительную часть захваченных земель, а благодаря успехам Камилла размеры земельных угодий увеличились еще больше. Но сенат не раздавал земли бедным, а оставлял их в качестве общественных (*ager publicus*); их постепенно занимали патриции, чтобы, обрабатывая при помощи рабов и клиентов, использовать для своих целей. И вот в 375 году два весьма влиятельных народных трибуна, Г а й Л и ц и н и й и Л у ц и й С е к с т и й, постановили объединить все требования бедных и богатых плебеев в общий законопроект; они представили народу три вопроса сразу.

1) Один из консулов безусловно должен был избираться из плебеев. Специально оговорили «безусловно». Законотворцы предвидели, что если потребуют, чтобы плебеи «могли» занимать пост консула, то патриции каждый раз постараются забаллотировать кандидата, пугая народ, что те не имеют ауспий, и пр. и пр.

2) Уплаченные по долгам проценты должны засчитываться в погашение основного долга, а остаток вноситься в три срока.

*Голова Гермеса. Полихромная терракота.
Ок. 500 г. до н. э. Вейи. Рим, музей di Villa Giulia*

3) Патриции не могут занимать более 500 югеров¹ (iugera) государственной земли, остальные земли должны быть поделены между бедными.

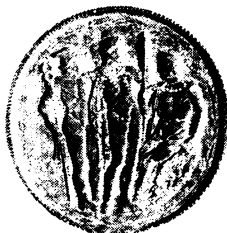
Патриции категорически были против, особенно по пункту о консулах. Многие из плебеев готовы были отказаться от него, лишь бы прошли остальные, но на это не соглашались трибуны. Либо все три, либо ни одного пункта. Лициний и Секстий были настолько влиятельны, что их избирали трибунами несколько раз. Ожесточенная борьба длилась десять лет. Наконец решено было принять компромиссный вариант. Плебеи согласились на то, чтобы из-под юрисдикции консулов были изъяты судебные функции, а для рассмотрения судебных дел избирался так называемый претор (praetor) и обязательно из патрициев. По другим вопросам патриции уступили. Первым плебейским консулом стал один из двух

¹ Югер — наиболее употребительная единица площади в Риме (квадрат 120×240 шагов), один югер — 2523, 3 м², 500 югеров — около 1/4 га.

энергичных борцов за права плебеев, народный трибун Луций Секстий Камилл, много способствовавший заключению соглашения, для ознаменования его построил на Форуме храм Согласия (Concordia).

Вскоре Камилл умер. Весь народ почтил кончину своего спасителя и объединителя, понимая, что со времени основания Рима не было еще столь великого и заслуженного гражданина.

В храме Согласия на Форуме вплоть до конца Республики собирался сенат; это место как бы свидетельствовало о том, что нет ни патрициев, ни плебеев, а есть только единый римский народ, кому завешание Ромула и Камилла возвестило стать первым народом на земле.

III. ОБЪЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

11

ПЕРВАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

Итак, четыреста лет спустя после основания Рима наступил самый славный период его истории. Правда, размер владений был немногим больше территории до изгнания Тарквиния. Но латинские города, сохраняя свою автономию, признавали гегемонию Рима и исправно направляли в римские легионы свои вспомогательные отряды в подчинение консулов и тем самым увеличивали силу армии страны. Захваченным городам вольсков и эквов также была оставлена автономия, но они должны были уступить Риму часть своих владений; на эти землях, согласно законам Лициния и Секстия, селились римские безземельные бедняки. Помимо этого для предотвращения восстаний среди захваченных народов Рим направлял своих граждан на присоединенные земли, создавая таким образом колонии или исключительно из римлян (римские колонии), или из латинов (латинские колонии). Благодаря колониям римляне получили полную гегемонию на территории всего Лация (Latium).

Следует помнить, что в те времена только на этой территории говорили по-латыни; правда, отдельные племена, например вольски или эквы, имели свои наречия, родственные латыни, но отличные от нее. Далее, на севере, за Апеннинскими горами, жили этруски, язык которых не имел ни малейшего сходства с латынью. Еще дальше на север, между Апеннинскими горами и Альпами, разбойничали дикие орды галлов, как и прежде угрожавшие этрускам. Но большая часть Италии на восток и на юг от Лация, почти до самого моря (Тирренского. — Н. П.) была заселена могущественным,

но разобщенным племенем, которое мы по главной его ветви называем с а м н и т а м и; их язык — оскский (*lingua osca*), родственный латыни, был тогда наиболее распространен в Италии и имел даже бóльшее значение, чем латынь.

С племенем самнитов Рим соприкоснулся тогда, когда в стране наступил относительный мир. Повод был очень похож на тот, что вызвал поход галлов.

На юге Лация вдоль побережья раскинулась самая плодородная равнина всей Италии, до сегодняшнего дня называемая «счастливой Кампанией». Ныне здесь главенствует у подножия Везувия Неаполь; тогда там была греческая колония со столицей в городе Капуя, основанной еще этрусками в период наибольшего их могущества. Теперь здесь, как и на всей территории Кампании, поселились потомки самнитов, выходцев из горных областей. В результате ассимиляции этрусский язык был заменен на оскский. И недаром Капуя была столицей «счастливой Кампании»: захватив ее, горцы оценили преимущества удобств цивилизованной жизни и забыли суровую жизнь горца-солдата.

Итак, самниты вновь стали угрожать Капуе, стремясь захватить прекрасную благословенную долину. Первым городом на пути спустившихся из своих горных гнезд самнитов стал город Теан у самого подножия гор. Жители обратились за помощью к Капуе, но жители последней не были уверены в своих силах. Но когда самниты, обозленные вмешательством в их дела, послали отряды против капуанцев, те попросили помощи у Рима.

Прибытие послов из Капуи вызвало в Риме беспокойство: самниты были добрыми соседями, с которыми еще в 354 году заключили союз. Совещание длилось долго, но осторожность взяла верх.

— Самниты — наши друзья, — ответили послам, — и мы не можем с ними воевать. Единственное, что мы можем предложить, это направить к ним послов с предложением решить вопрос миром.

— Тогда, — закричали те в отчаянии, — мы отдаем вам Капую, а ваши союзники не осмелятся тронуть ваших подданных.

Такого решения сенат не ожидал. Капуя была вторым после Рима городом в Италии, но более богатым и красивым. Соблазн был велик, и сенат смягчился. Кампанцы получили римское гражданство, а самнитам было велено передать остановить неприятельские действия против римского города. Самниты, разумеется, призыв не услышали, и начались С а м н и т с к и е в о й н ы, длившиеся с перерывами почти пятьдесят лет (342–295).

Впрочем, первая война была достаточно короткой. Несколько быстрых атак римских легионов лишили самнитов охоты тратить силы на бесперспективные сражения, и воюющие стороны заключили мир, по которому самниты отказались от претензии на Капую, но сохранили право на

Теан. Этим были недовольны жители Капуи — во-первых, они не хотели терять Теан, а во-вторых, испытывали стыд за то, что в момент опасности малодушно отдали город римлянам, отказавшись от автономии. Они, конечно, не осмеливались сразиться с Римом, но видели, что гегемония Рима вызывает недовольство среди многих латинских племен, не говоря уже о вольсках и эквах, имевших на своих границах римские колонии. Кампанцы были скверными воинами, но весьма преуспели в организации интриг. И цели своей достигли — в один прекрасный день весь Лаций отошел от Рима. Началась Латинская война (340–338).

Она тоже недолго длилась. Разумеется, положение было более сложным, но Рим не потерял самообладания; используя разногласия в стане врагов, он смог восторжествовать. Вскоре латины признали себя побежденными, Лаций опять лежал у ног Рима. А римский сенат чрезвычайно умно использовал эту победу: главное, чтобы латины не только признали власть Рима, но сделали это с радостью. Только самые упорные города были жестоко наказаны, и у них отобрали значительную часть территории; те, которые выразили смирение и сожаление по поводу бунта, получили римское гражданство и превратились в так называемые *муниципии*. Это значило, что граждане данного города, например Тускула, пользуются правами римских граждан, принимают участие в выборе римских консулов и других магистратур, в голосовании по поводу законопроектов, служат в римских легионах, а не во вспомогательных отрядах союзников; сами же города сохраняют собственное самоуправление.

Особенно памятным в римском сенате стало обсуждение судьбы города вольсков Приверна. Во время Латинской войны город сражался до последнего; теперь делегаты города ожидали приговора. Сенат, как и следовало предвидеть, настроен был весьма жестко; раздавались голоса, чтобы жителей выселить вовсе, а город уничтожить. Ведущий заседание консул, стараясь смягчить ситуацию, спросил:

— Какой участи для себя вы желаете?

— Такой, какую заслуживают люди, боровшиеся до конца за дело свободы.

Среди сенаторов раздался ропот недовольства. И снова вопрос:

— Если мы заключим с вами мир, как будете поступать?

— Если хороший мир — служить будем верно и вечно, если плохой — то до первой возможности, чтобы его разорвать.

— Это угроза! — закричали сенаторы; но более благоразумные из них не могли не восхищаться искренностью посланника. — Тот, кто выше всего ценит свободу, — достоин быть римлянином.

Город Приверн получил права римского гражданства — и сдержал свое слово.

ВТОРАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

Захватив Кампанию, Рим не только укрепил там свои позиции, но и основал у подножия Самнитских гор две колонии. Это, естественно, вызвало беспокойство самнитов. «Нам хотят закрыть доступ к равнине!» — говорили одни. Другие считали, что это не достаточный повод для нарушения соглашения. Военная партия, во главе которой стоял некий Брут Папиус, получила перевес и была объявлена война. Так началась Вторая Самнитская война (328–304).

Консул в Риме, которому сенат поручил вести военные операции, тяжело заболел, и на его место был назначен диктатор. Им оказался человек, которому судьба предназначила стать подлинным героем Второй Самнитской войны. Звали его Луций Паприй Курсор. Рослый и красивый, ловкий во всех спортивных состязаниях, особенно в беге (потому и получил прозвище Курсор — бегун, скороход), Луций Паприй прекрасно знал военное дело и обладал железной волей. Это было как раз то время, когда Александр Великий прославился на весь мир своими действиями на Востоке. Никто не мог тогда предвидеть его преждевременной смерти, и в Риме с беспокойством спрашивали себя, что случится, если Александр, разбив Персию и Индию, перенесет свое оружие на Запад, чтобы прежде всего захватить Италию. Но утешали себя мыслью: «Мы пошлем против него нашего Луция Паприя!»

Согласно обычаям предков, Паприй после назначения его диктатором объявил начальником всадников (*magister equitum*) своего помощника. По желанию сената он избрал некоего Квинта Фабия. Далее правила требовали, чтобы, прежде чем покинуть Рим, диктатор при помощи ауспиций вымолил милость богов. Он сделал и это, но, торопясь на встречу с неприятелем, совершил обряд излишне поспешно. Оказавшись уже в Самнии, Паприй встретил жреца, который сказал ему, что боги не принимают его жертв и молитв, а его ауспиции были «сомнительными», и необходимо их провести еще раз; «*auspicia incerta*» — для верующего римлянина равнозначно приговору. Паприй немедленно приказал легиону занять боевую позицию на возвышенности, а Фабия, начальнику конницы, заявил, что отправляется в Рим для повторения церемонии. «Пока я не вернусь, обеспечив себе милость богов, не начинай сражения». Сказав это, Паприй покинул лагерь.

Самниты узнали о его отъезде. Захватить штурмом недоступные укрепления римлян они не решались, а поскольку в отсутствие диктатора римская атака была нереальной, то они не очень заботились об охране своего лагеря. Фабий не смог удержаться от искушения и, нарушив приказ, не-

ожиданным броском захватил лагерь самнитов и вынудил их к бегству. О своих действиях Фабий немедленно написал в сенат. Все принялись поздравлять Папирия за успехи его легионов. Но тот был мрачен:

— Не враги оказались разбитыми, а власть диктатора, а с нею и военная дисциплина.

С этими словами он покинул Рим и поспешил в армию. Предупрежденный заранее о его гневе, Фабий обратился к легионерам за охраной.

— Папирий нам завидует и не может простить, что мы победили без него.

— Не бойся, мы не дадим тебя в обиду, — ответили солдаты.

Вскоре прибыл Папирий. Собрав войско, он вызвал на суд Фабия.

— Признаешь ли ты, что нарушил мой приказ и при ненадежных ауспичиях дал врагу сражение?

Когда Фабий начал оправдываться, Папирий грозно закричал:

— Ликтор! Отвяжи розги и топорик!

Солдаты начали молить о пощаде, слышен был и ропот возмущения, но никто не посмел воспротивиться грозному диктатору. Фабий, скрывавшийся у ветеранов, по совету последних, пользуясь темнотой, спасся бегством в Рим.

Узнав о победе, Папирий также поехал в Рим и направился в сенат, где уже находился Фабий. Рядом сидел его старый отец. Все считали, что Папирий слишком суров, но тот не произнес ни слова. Тогда старый Фабий сказал гневно:

— Поскольку на тебя не действуют ни воля сената, ни мольбы отца о единственном сыне, я обращаюсь за защитой к народным трибунам. Пусть они объявят *intercessio* против диктатора.

Трибуны собрали народ; одновременно на Форум направились и диктатор, и оба Фабия, и весь сенат. Здесь тоже настроение было не в пользу диктатора. Всех взволновали речи старого Фабия о блестящей победе его сына:

— За такую победу его хотят погубить?!

— Да, — ответил диктатор. — К многочисленным победам римлян Фабий добавил еще одну, но при этом нарушил солдатский долг послушания, а с ним и основу будущих побед. И если вы, народные трибуны, считаете это правильным, тогда можете объявить недействительным мое решение.

Наступило гробовое молчание в шумном собрании; все понимали, что диктатор прав, что им руководила не зависть, а забота о величии Рима. Старый Фабий тихо плакал, понимая, что сын проиграл.

Трибуны посмотрели друг на друга. «Мы отказываемся от *intercessio*, — сказал старший, — но просим тебя простить Квинта Фабия, учитывая его молодость и преклонный возраст отца».

Весь народ начал умолять Папирия.

Впервые улыбка появилась на суровом лице военачальника.

— Военная дисциплина была спасена вашей уступкой, трибуны! Квинт Фабий, диктатор прощает тебя. Смирись ли ты с Луцием Папирием — зависит от тебя. А римскому народу, который просил за тебя, ты лучше всего отплатишь, если всю дальнейшую жизнь будешь примером служения законности как во время войны, так и в мирной жизни.

Затем он вернулся к войску и в жестокой битве победил самнитов. Его преемники продолжили дело. Терпя поражения, самниты начали жалеть, что несколько лет назад, поддаваясь уговорам Брутула Папия, нарушили соглашение с Римом. У самнитов, как и у римлян, были свои жрецы, знавшие все законы, касавшиеся вопросов войны и мира; их называли фециалы (*fetiales*); решено было спросить, какого выкупа требуют боги за нарушение соглашения, свидетелем которого они оказались. Жрецы посоветовали направить в Рим делегатов, выдав Брутула как виновника нарушения договора; вместе с ним отослали римских пленников и добычу. Брутул упредил выдачу его римлянам и покончил жизнь самоубийством; в Рим послали его тело и соответствующую его имуществу сумму серебра. Римский сенат не принял посланников, и те вернулись домой.

Самниты возмутились: «Напрасно мы унижались, отправляя послов!»

— Нет, не напрасно, — воскликнул новый командующий, молодой и смелый Габий Понтий, — мы успокоили не римлян, но богов. Теперь они будут на нашей стороне.

Будущее показало правоту его слов.

Еще со времен законов Лициния в Риме установилась традиция при чрезвычайных обстоятельствах не выбирать два раза подряд одного и того же консула. Поэтому и теперь выбрали не самого лучшего командующего, Папирия, а двоих честных, но мало известных людей — Постумия Спурия и Ветурия Кальвина. Казалось, что успех гарантирован, поскольку враги сами просят о мире. Для того, чтобы добиться убедительной победы и как можно скорее, консулы взяли все римские легионы и повели их в самое сердце Самнии.

Дорога шла через узкое лесистое, ставшее известным с той поры Кавдинское ущелье (*furculae Caudinae*). Консулы ожидали именно здесь встретить противника и были приятно удивлены, узнав от разведчиков, что дорога свободна. Быстрым маршем военачальники повели армию, но у выхода из ущелья обнаружили, что попали в засаду. Со всех сторон с возвышенностей на них шла самнитская армия. Положение было безвыходное, так как пробиться не представлялось возможным. Со всех сторон их окружали враги. Кавдинское ущелье оказалось ловушкой.

Римляне попытались укрепиться, чтобы встретить неприятеля, когда тот спустится вниз. Но самниты и не думали спускаться. Атаковать самнитов было полным безрассудством: они занимали полосу крутых, почти отвесных скал и с легкостью отражали любое нападение. Оставалось одно из двух — либо умереть, либо сдаться... Начальники начали думать о сдаче.

Габий Понтий торжествовал, но пока не очень представлял, что делать с побежденными легионами. На военном совете звучали разные мнения. Наконец кто-то сказал: «Война — дело молодых, а переговоры — стариков».

Решили обратиться к Гереннию Понтию, отцу Габия. Послали гонца с письменным вопросом: «Что делать с римлянами?» Ответ был краток: «Отпустить, не причиняя вреда!» Такой ответ вызвал в лагере возмущение — лишиться результатов такой блестящей победы?! Габий снова написал отцу: «Так нельзя, посоветуй что-либо другое». Геренний ответил: «Истребить всех до одного». И снова в лагере недоумение; сам Габий выразил опасение, не обезумел ли старик. Другие настаивали на том, чтобы пригласить Геренния на совет.

Тот не мог ехать верхом и приехал на повозке.

— Мы не понимаем твоих указаний.

— А как сами считаете?

— Да нужно отпустить, мы не можем прокормить более десяти тысяч солдат; но надо поступать по закону войны.

Тогда Геренний объяснил:

— Если вы их отпустите, руководствуясь моим первым советом, кстати, наиболее приемлемым, то навеки привяжете к себе своим великодушием могущественный народ и тем самым обеспечите его дружбу; если поступите по второму совету, то навсегда лишите римлян возможности нападать на вас. Впрочем, ваше решение не имеет никакого значения — ни друзей не получите, ни от врагов не избавитесь.

Но его не послушали, и старик вернулся домой ни с чем.

Позже Габий Понтий разъяснил римлянам, как он понимал «закон войны»:

— Безоружные, полураздетые, вы пройдете под ярмом.¹ Вы выведете из Кампании колонии и заключите с нами союз на равных правах. В обеспечение этих условий вы оставите нам шестьсот всадников в качестве заложников.

Пришлось согласиться. Цвет римской молодежи был отправлен в рабство. С консулов сняли их пурпурные одеяния и знаки должности, раз-

¹ «Под ярмом» — см. подробнее на с. 54.

дели почти догола — под громкие рыдания всей армии. То же сделали и с легатами, трибунами, центурионами. Наступил черед солдат. Все должны были снять оружие, плащи и, склонив голову, пройти под перекладиной унижения под смех и издевательства торжествующих самнитов. После такого позора они направились в Капую, но не осмелились войти в город, а, обессиленные, легли на землю у ворот.

Весть о случившемся быстро разнеслась по городу. Всех охватила жалость к еще недавнему гордому врагу. Население отправило им одежду, оружие, продукты, пригласило войти в город, и весь сенат вышел им навстречу. Римляне приняли их любезное приглашение, но не проронили ни слова и не подняли глаз. Молчали и на следующий день, когда молодежь Капуи вела их на границу своего государства. Вернувшись с отчетом в сенат, сопровождавшие воинов заявили, что Риму, по всей вероятности, приходит конец: мол, пресловутая храбрость римлян потонула во всеобщем отчаянии. «Ошибаетесь, — ответил им старый сенатор Калавий, — пройдет немного времени, и римское молчание вызовет крики и стоны самнитов».

В Риме уже все было известно. Город оделся в траур. Магистраты сняли парадные тоги, золотые перстни. Магазины закрылись. Никто не вышел навстречу войску, никто не приветствовал у ворот собственного дома. Жены стыдились мужей, матери — сыновей. Но консулы нигде не могли спрятаться. Сенат велел им назначить диктатора для избрания новых консулов. Созвали всех сенаторов, и снятые консулы должны были присутствовать на заседании.

Согласно римской традиции консул, который вел собрание, сообщал полный регламент заседания, а потом по очереди спрашивал мнение присутствующих. Выступить первым было большой честью, а она принадлежала самому заслуженному сенатору, который назывался *princeps senatus*. Тем временем консул, представлявший дело, а именно «Кавдинское дело», непосредственно обратился к одному из отстраненных консулов:

— Твое мнение, Спурий Постумий?

Несчастный понял, что такое обращение к нему вовсе не означает премиущества, а, наоборот, своего рода наказание, и он ответил:

— Я думаю, что народ не связан договором, который мы, консулы, не имея полномочий сената, заключили. Только мы ответственны за все. Пусть нас, виновников, фециалы отведут к самнитам и выдадут им. Новые консулы должны собрать войско и начать войну. Вы же, боги, — он обратился к Капитолию, — коль осуждаете поход Постумия и Ветурия, то дозвоьте замолить позор и благословите новую войну римского народа, как благословляли прежние.

Такими благородными речами Постумий мгновенно завоевал сердца всех, гнев и презрение уступили место сочувствию и восторгу. Сенат поступил согласно его предложению, но изгнание к самнитам, изначально позорное, по сути дела стало триумфом — такой любовью окружили римляне его начало. Самниты были в недоумении от решения римлян. Они не приняли изгнанников — какую корысть можно было получить? Так или иначе им грозила война. И теперь было ясно, насколько прав оказался старый Геренний, который говорил, что врага следует обезвредить, а еще лучше — сделать другом.

Как бы то ни было, но одно утешение для самнитов оставалось: много заложников, оружие легионеров и прочая добыча от кавдинской победы. Все это было увезено в глубокий тыл, в Луцерию, почти на побережье Адриатического моря, где с Самнией граничит родственная, но настроенная не очень-то дружелюбно А п у л и я.

Одним из новых консулов в Риме стал, как и следовало ожидать, Луций Папирий. Главной своей целью он считал захват Луцерии. Самниты ожидали этого, но не придавали большого значения, потому что дорога к Луцерии шла через Кавдинское ущелье. Папирий, однако, обманул их и быстрым маршем провел войско вдоль самнитских владений к Адриатике, затем морским путем достиг Луцерии и осадил город, прежде чем самниты пришли в себя. Тем не менее этот его шаг казался безумием: самниты легко могли перерезать все дороги, ведущие к Риму, и закрыть тем самым возможность снабжения войска.

Однако Папирий все обдумал заранее; как только армия достигла Луцерии, ей немедленно было доставлено необходимое количество провизии. Его привезли апулийцы по предварительной тайной договоренности с консулом, привезли в надежде освободиться от небезопасного для них соседства самнитов.

В осажденной Луцерии дал себя знать голод, и самнитская оборона вынуждена была начать переговоры. Папирий отвечал, что условия будут такие же, какие в свое время были поставлены римлянам в Кавдинском ущелье.

Так был смыт «кавдинский позор» римлян. Папирий захватил Луцерию, освободил заложников и вернул римское вооружение.

С этого момента перевес был на стороне Рима. Правда, война продолжалась еще долгие годы, поскольку самниты получили помощь со стороны северных соседей Рима, этрусков. Жители Апулии также выражали недовольство в связи с возникновением в Луцерии римской колонии. Тем не менее каждый год приносил римлянам очередной успех, и в конце концов сопротивление самнитов было сломлено: они признали себя побежденными и попросили мира.

КВИНТ ФАБИЙ И АППИЙ КЛАВДИЙ

В упомянутых выше сражениях Папирий практически участия не принимал из-за своего преклонного возраста. Теперь выдвинулся Квинт Фабий, тот самый, с которым когда-то у Папирия возникли острые разногласия. Несколько раз Фабия избирали консулом, и он одерживал одну за другой победу. Но с Папирием мириться не хотел. Когда в 316 году возобновились военные действия, римские силы были разделены, армия Фабия действовала в Этрурии, а другая в юго-западной Самнии; римские и самнитские войска встретились около г. Таррачины, римляне потерпели жестокое поражение, консул-командующий был ранен, и в Риме не знали, жив он или нет. Возникла ситуация, когда следовало объявить диктатуру.

Назначить диктатора мог только консул. Сенат направил к Фабию делегатов с особым распоряжением-просьбой назначить диктатором Луция Папирия. Фабий вздрогнул, вспомнив, как когда-то за победу, одержанную им вопреки приказу, чуть не погиб из-за Папирия. Ночью, среди всеобщего почтительного молчания, началась торжественная процедура назначения диктатора. Все ждали, что скажет консул; послы сената уже потеряли всякую надежду. Вдруг раздался громкий голос Фабия:

— Для счастья римского народа назначаю диктатором Луция Папирия!

Все бросились его благодарить, но он молча, движением руки, отослал послов и направился в свою палатку. Папирий еще раз стал начальником легионов и в кровавой битве разбил неприятеля наголову. Это была его последняя победа.

Еще до окончания самнитской войны в 312 году был избран цензором некий А п п и й К л а в д и й, потомок известного децемвира; он получил титул не столько благодаря военной славе, сколько за ум и красноречие. Удачные военные походы обогатили римскую казну, а использование этих богатств находилось в руках цензоров. Аппий прежде всего занялся строительством военной дороги, соединившей два главных города Италии, Рим и Капую.

Названная в честь своего строителя А п п и е в а дорога (via Appia) стала первой магистралью, шедшей от Капенских ворот Рима до Капуи. Таких дорог не знала даже Греция. Позднее она была продолжена через Беневент и Тарент до Брундизия на Адриатическом море. Позже строились и другие дороги, получавшие имя своих создателей. Постепенно римляне покрыли страну густой сетью прекрасных дорог, а потом, по мере усиления своего влияния, и соседние страны в Европе, Африке и Азии; некоторые из этих дорог являются средством коммуникации до сих пор.

Что касается «праматери римских дорог» — *via Appia*, от нее остались значительные следы, особенно вблизи Рима, где она, по обычаю античного времени, была украшена статуями. И сегодня путник, с почтением и любовью ступая по широким плитам древней брусчатки, может посетить одинокую гробницу римского командующего Цецилия Метелла, погибшего в 284 году, и помолиться у небольшой часовни, где, согласно преданию, покидающему Рим апостолу Петру явился Христос и услышал вопрос: «Господи, куда идешь? (*Domine, quo vadis?*)»

И это не все. При Аппии был построен первый римский водопровод, также названный его именем (*aqua Appia*). Сейчас воду ведут по каналам и трубам, частично подземным, а дальше при помощи насосов она поднимается на нужную высоту. В античное время такого способа не знали, и Аппий, стремясь снабдить Рим чистой родниковой водой с соседних Сабинских гор, должен был построить особые арочные пролеты в местах понижения уровня земной поверхности — так называемые акведуки (*aquae-ductus*). Такие сооружения по мере расширения гегемонии Рима также получили широкое распространение; один за другим акведуки появлялись в разных местах, а в городах засверкали фонтаны. Многие из акведуков действуют и поныне, и благодаря им Рим с точки зрения снабжения чистой водой является самым здоровым городом в Европе. Другие уже разрушены, и их печальные руины представляют незабываемое зрелище для каждого, кто бывал в так называемой римской Кампании в окрестностях Рима.

С другой стороны, Аппий был человеком крайне вздорным и капризным. Свое право цензора проверять и расширять списки сенаторов он использовал таким образом, что практически всегда первенство отдавал не прежним магистратам, а тем, к кому был милостив. Так же он вел себя и в других вопросах, не считаясь ни с давними традициями, ни с указаниями богов. Когда в конце своего цензорства он потерял зрение, это сочли наказанием богов. В хрониках его обычно называют Аппий Клавдий С л е п о й (*Caecus*).

Его преемник на посту цензора четыре года спустя, а стал им Квинт Фабий, отменил самовольные назначения, за что от сената получил уважительное прозвище, которое своими победами заслужил давно, *Quintus Fabius Maximus*. С этого момента началась совместная многолетняя деятельность двух патрицианских родов — Фабиев и Клавдиев.

14

ТРЕТЬЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

Вернемся, однако, к истории Самнитских войн. После недавних побед римлян наступил хрупкий мир, который был использован победителем

для основания нескольких колоний на захваченных землях. Так римляне достигали двойной выгоды: с одной стороны, римские бедняки получали землю и хозяйство, постепенно превращаясь в зажиточных граждан, с другой, поскольку эти колонии были военными поселениями, римская власть простиралась теперь и до второго моря (Адриатического. — *Н. П.*), и колонии способствовали распространению латинского языка. Самниты сохраняли внешнюю верность заключенным договорам, но ровно столько, сколько им нужно было времени для того, чтобы прийти в себя от поражения. И как только они почувствовали себя достаточно сильными, то сразу возобновили военные действия. На этот раз самниты не только призвали на помощь этрусков, но и уговорили последних призвать своих соседей, северных галлов, любивших смелые вылазки, обещавшие богатую добычу. Более того, самниты привлекли к военным действиям малоактивный, мечтательный народ, живший в долине Апеннин, между Этрурией и Самнием — умбров. Удалось переманить на свою сторону и мелкие племена между Умбрией и Самнием, марсов, пелигнов и др., — так Лаций оказался окруженным плотным кольцом неприятеля. Началась Третья Самнитская война (298–290).

Героем новой войны стал Квинт Фабий Максим. Он неохотно согласился на вызов сената: сурового стража закона коробило, что со времени его последнего консульства не прошло полагающихся десяти лет. Когда, однако, сенат начал настаивать, то согласился, но с условием, чтобы вместе с ним стал консулом давний его друг П у б л и ц и й Д е ц и й М у с. Фабий был из патрициев, Деций — из плебеев; теперь мы видим, как мало осталось от прежних сословных противоречий. Желание Фабия было выполнено, и консулы со своими армиями направились в Умбрию, где стояли неприятельские войска.

Чтобы облегчить себе неслыханной трудности задачу, начальники приказали своим заместителям, легатам, направить отряды против ближайших этрусских городов. Весть о марше довольно быстро достигла вражеских войск, и, как всегда бывает в подобных случаях, в сильно преувеличенном виде. Цель была достигнута. Этруски не могли допустить разрушения своей страны и, покинув общие знамена, оставили союзников. Остальные войска ожидали римлян у Сентина в северной Умбрии; даже после ухода этрусков они значительно превосходили по численности римские легионы. В первые дни происходили мелкие стычки, сражение началось на третий день. Римляне мужественно выдержали атаку неприятеля; Фабий скорее оборонялся, а Деций наступал. В конце битвы появился отборный галльский отряд на боевых колесницах, запряженных лошадьми в доспехах. Солдаты Деция почувствовали тревогу — напрасно их

вождь уговаривал, умолял — в паническом страхе римляне начали отступать. Казалось, бой проигран.

В этот последний момент Деций вызвал жреца Ливия, который сопровождал армию в походе.

— Жрец римского народа! — торжественно произнес командующий. — Прочти жертвенную молитву!

Жрец говорил тихо, а Деций повторял за ним громовым голосом:

— Юпитер, Марс, Квирин, боги холмов, что господствуете над нами и над врагами, и вы, боги равнин и подземных просторов! Дайте силы и стойкость, а на врагов наших ниспошлите страх, ужас и смерть! Себя и вражеские легионы я приношу в жертву богу Тартару и Матери-Земле!

С этими словами Деций вскочил на коня и бросился в гущу неприятеля. Враги тут же его окружили, и он упал под ударами вражеских копий.

— Победа за вами, — крикнул герой, умирая, — а враги приговорены к смерти!

Отступление римлян прекратилось: глубокая вера в действенность жертвенной молитвы удвоила их силы. Сражение началось вновь и закончилось полной победой Рима. Из двоих консулов остался в живых только Фабий: жертвенность его друга обеспечила ему победу. И когда он прибыл в Рим во главе легионов, на триумфе в честь победы над союзом галлов, самнитов, этрусков и умбров обычные радостные песни солдат прославляли не только военное искусство полководца, но и героизм погибшего Деция.

Битва у Сентина (295) разбила союз врагов, но война еще не кончилась. Она перекинулась на горные районы Самнии. Доведенные до отчаяния мужественные люди всеми силами защищали свою страну, и порой безуспешно. Но сила римлян перевесила. Один за другим самнитские города перешли в руки римлян. Наконец, в 290 году побежденные горцы попросили о мире. Своим мужеством они заслужили себе уважение победителя, и римский консул **М а н и й К у р и й Д е н т а т** заключил с ними мир на почетных условиях согласно римской традиции. Далее был заключен союз, по которому самниты обязались посылать в помощь римским легионам особые союзнические отряды. Мы помним, что такие условия были поставлены латинам, но теперь почти все латины получили римское гражданство, их города были преобразованы в муниципии, а жители служили в римских легионах.

Как прежде Рим был ядром Лация, так ныне Лаций стал центром Италии. Для упрочения своей власти в стране, только что присоединенной к союзу, Рим создал несколько новых колоний, среди которых выделялась **В е н у з и я** в Апулии, в очаровательной местности у подошвы погасшего вулкана Вультур. Сюда направили более двадцати тысяч

колонистов, и Везувия стала мощным оплотом латинизации среди оскских племен. Однако больше всего внимания она заслуживает по другой причине: здесь 200 лет спустя родился один из величайших римских поэтов — Гораций.

Другие народы Италии — этруски, умбры, апулы, луканы — раньше или позже присоединились к этому союзу. Таким образом, в начале III века до н. э. римляне могли гордиться тем, что под своей гегемонией объединили всю Италию до северных Апеннин; и в это время произошло событие, из-за которого Рим чуть было не потерял все плоды многолетних усилий.

15

ТАРЕНТ

Мы помним, что юг Италии был занят греческими колониями, столь многочисленными, что вся эта страна получила название Великой Греции. Наиболее сильным и процветающим среди колоний был Тарент на берегу залива с тем же названием. Когда-то его основала Спарта, но в дальнейшем этот город стал более похожим на Афины, чем на свою суровую метрополию-основательницу. Мягкий климат, плодородная местность, оживленная торговля стали источником многочисленных богатств и силы Тарента. В городе кипела бурная жизнь, на улицах звучали песни, а в праздничные дни жители проводили все время на театральных представлениях. Но и серьезные люди любили этот город: великий греческий мыслитель VI в. П и ф а г о р оставил после себя целую философскую школу пифагорейцев, и большинство ее представителей находилось здесь. В те годы Тарент производил на приезжих такое же впечатление, какое сегодня производит Париж. Жители Тарента гордились своей просвещенностью и изысканностью жизни, на римлян смотрели сверху вниз, как на солдат и крестьян. В сущности, действительно, в ту эпоху у римлян не было ни поэтов, ни мыслителей, ни ученых, ни настоящего театра.

Уже в момент разгара Третьей Самнитской войны жители Тарента потребовали от римлян, чтобы те отдали на их суд свои споры с самнитами; римский консул, однако, ответил: «Боги и без вас обещали нам победу».

Теперь, после объединения итальянских народов, отношения римлян с Тарентом оживились: посольства, разнообразные миссии постоянно ездили в обоих направлениях. Жители Тарента не скрывали неприятия римских побед, постоянно выражали свое пренебрежение к римлянам, считая последних варварами, — и однажды дошло до прямого оскорбления римских послов. Тогда Рим объявил Таренту войну (281).

Одна сторона была настолько сильнее другой, что исход войны казался совершенно очевидным. Может показаться даже странным, что жители Тарента осмелились бросить вызов такому сильному противнику, каким был Рим: в конце концов, если уж хотелось воевать, то следовало это сделать раньше, когда силы самнитов и других италиков еще не были укрощены. Но власти Тарента, которые довели свой народ до войны с Римом, имели определенный стратегический план.

Как только была объявлена война с Тарентом, его правители немедленно вызвали на помощь самого знаменитого полководца того времени, нового Александра Великого, как его называли, царя Эпира, П и р а.

16

ПИРР, ЦАРЬ ЭПИРА

Царство Пирра лежало там, где ныне живут албанцы, на другом берегу Ионического моря, напротив греческого острова Керкиры, греческое название которого дало имя и государству (ερεϊκος, по-гречески значит «постоянная суша»). Во многом отношении Эпир был похож на граничащую с ним Македонию; и тут и там жили варвары, в обоих государствах правители, однако, стремились ввести греческий язык и греческие нравы для укрепления идеи, согласно которой их род происходит от греческих героев. Цари Македонии считали себя потомками Геракла, цари Эпира — Ахилла. Именно такой генеалогии царь Эпира обязан своим именем — Пирр (ρυρρhος — «рыжий»), прозвище Неоптолема, сына Ахилла.

В обоих государствах происходили постоянные беспорядки, связанные с наследованием трона, и передача власти от отца к сыну редко проходила без жестокой борьбы. Во время такой междоусобицы, когда Пирр был еще младенцем, его отцу пришлось бежать; противники хотели захватить и ребенка, но друзья и нянька спасли дитя, бежав вместе на север страны.

На заходе солнца беглецы достигли реки, которая поднялась от наводнения. Моста не было. Напрасно они звали рыбаков на противоположном берегу: из-за шума воды те ничего не слышали. Тогда один из сопровождавших сорвал кусок коры тополя и написал на нем: «Спасите малолетнего царевича!» Кору бросили в воду — и рыбаки прочитали призыв. Один приплыл по разбушевавшейся реке.

— Как зовут тебя? — спросили беглецы.

— Ахилл, — ответил рыбак.

— Счастливое предзнаменование! Берегись, Ахилл, не выдавай Пирра!

Беспрепятственно переплыли на другой берег, но настоящая опасность ждала их впереди. За рекой начиналась Иллирия, где правил некто Главкий. К нему и пришли спасители молодого Пирра, друзья его отца и кормилица; Главкий с женой сидели у очага. Положив ребенка на пол, вошедшие рассказали о себе. Задумался Главкий, да и было о чем думать. Иллирия еще со времен Филиппа признавала власть македонских царей, а в тот момент царем Македонии был зять Александра Великого, Кассандр, самый грозный противник отца Пирра. А что будет, если тот потребует выдачи царевича? Пока Главкий размышлял, ребенок помог себе сам. Ему надоело лежать на земле, и, быстро работая руками, он подполз к Главкию, схватил его за плащ и, забравшись на колени, с интересом заглянул в глаза. «Тебя воодушевил сам бог! — ответил он ребенку, взяв на руки и отдал супруге. — Мы воспитаем его вместе с нашими детьми».

Он сдержал свое слово. Правда, Кассандр, узнав, где ребенок, потребовал его выдачи, но получил категорический отказ. Кассандру тогда хватало других забот, так что эфирские дела отошли на задний план.

Когда Пирру исполнилось 12 лет, Главкий отправил его под охраной назад на родину и помог получить отцовский трон. Пирр начал править сначала под управлением опекунов, а затем и самостоятельно.

Времена на Востоке тогда были весьма бурные. Преемники Александра Великого жили между собой в постоянной борьбе; Пирр довольно быстро проявил себя как предводитель смелый и решительный. Его особенно полюбил старый Птолемей, царь Египта; он женил его на своей дочери, Антигоне, и до конца жизни любил, как сына. Благодаря этому браку сила Пирра укрепилась чрезвычайно, а подданные льстиво называли его «Орлом». «Как же мне не быть орлом, — отвечал он шутливо, — если у меня такие крылья, как вы!»

Бесстрашный и неодолимый в сражениях, с людьми Пирр был прост и добродушен. Как-то, узнав, что некие молодые сорванцы за бутылкой вина позволяют себе говорить о нем пренебрежительно, он вызвал их к себе:

— Правда, что вы так выражались?

— Правда, царь, — ответил один из них, — а если бы нам давали вина больше, то мы наговорили бы еще.

Пирр засмеялся и простил.

Но в собственной любви, честолюбии он не знал меры. Лавры Александра не давали ему покоя. Счастье ему улыбалось — идя от победы к победе, он стал хозяином Македонии, — но сдерживать себя не научился. Враги объединились против него, и ему пришлось уступить их силе, уйти из Македонии и вернуться в Эпир, который теперь, после македонской роскоши, казался ему жалким и незначительным.

И вот теперь, когда он находился в невольном бездействии, перед ним стояли послы Тарента, прося о помощи. Пирр согласился, но, зная беспокойный характер тарентинцев, он поставил условие — дать ему власть над городом. Те постановили обдумать предложение; некоторые говорили, что, может, проще удовлетворить римлян и тем закончить все проблемы и получить почетный мир. Особое впечатление на них произвел некий Метоп, умный и толковый человек. Такое могло произойти только в Таренте. В день народного собрания, на котором предполагалось обсуждать условия Пирра, он появился в театре (народное собрание происходило обычно в театре) с венком на голове и с посохом в руке: рядом шла флейтистка, а Метоп под звуки музыки пританцовывал, словно возвращался с какой-то вечеринки. Собравшимся это понравилось, все начали аплодировать, весело смеяться, раздались крики:

— На трибуну, Метоп, спой нам песню!

Этого как раз и хотел Метоп. Он взшел на трибуну и крикнул:

— Радуйтесь, граждане, пока есть время. Вот придет Пирр и прощай, свобода!

— Правду говорит, правду! — прозвучало в ответ. — Да здравствует мир и Рим. Долой Пирра!

Произошла потасовка, но сторонники войны взяли верх и вытолкнули Метоп со сцены; условия Пирра были приняты.

При дворе Пирра был мудрый советник по имени Кинеас. Ученик Демосфена, прекрасный оратор, он часто помогал Пирру в его отношениях с различными общинами и государствами. Пирр не раз говорил, что Кинеас помог добыть ему больше городов силой слова, чем он сам своим оружием. Заморский поход очень не нравился советнику, и он ничего хорошего от этой затеи не ожидал. Как-то он начал разговор с царем.

— Итак, — сказал он, — мы в союзе с Тарентом будем воевать с Римом. Допустим, одержим победу. А дальше?

— После Рима, — высокомерно ответил Пирр, — в Италии не останется государства, способного нам противостоять. Этруски, самниты, умбры, луканы, апулы, столько раз побежденные римлянами, признают нашу власть. Вся Италия будет наша!

— А дальше?

— На юге Италии лежит благословенный остров Сицилия, покрытый греческими городами: Сиракузы, Агригент, Тавромений, Мессана и много, много других. Теперь они в ссоре друг с другом, с туземным населением, с внутренними врагами, везде беспорядок и смуты. Как ты полагаешь, если мы присоединим силы Италии к силе Эпира и появимся там неожиданно, разве нам не удастся сделать то, что до сих пор не получалось ни у Сиракуз, ни у Афин, — объединить Сицилию под нашей властью?

— А дальше? — настаивал советник.

— Дальше вот что. Напротив Сицилии, на северном африканском побережье лежит могучий Карфаген. Он господствует над приморским краем на востоке — до греческой Килены, на запад — до нумидийских степей, на юг — до Великой пустыни. Карфагену принадлежит и Сардиния, и часть Испании. Но это не все: подобно тому как финикийская колония завладела всеми торговыми путями Средиземного моря и сильна на море, так Рим господствует на суше. Ныне Карфаген сражается в Сицилии с Сиракузами, держа в своих руках всю западную часть острова. Но как думаешь, если к итальянским и эфирским силам мы добавим силы Сицилии, если станем на защиту греков и объявим войну Карфагену — разве мы не победим?

— А дальше?

Тут глаза царя загорелись: он вспомнил Македонию, которую так быстро завоевал и сразу же потерял.

— Объединив, — продолжал он, — силы Эпира, Италии, Сицилии и Карфагена, имея великую армию, мы повернем на Восток. Там наследники Александра по-прежнему дерутся между собой, и их царства, одно за другим, перейдут в наши руки. Я стану вторым Александром, более великим, чем первый: мне будут подчинены не только Восток, но и Запад, мое государство будет простирается от границ Индии до Геркулесовых столбов на океане (Атлантическом. — *Н. П.*).

— Ну и что дальше? — невозмутимо спрашивал Кинеас.

Пирр засмеялся.

— Дальше... Давай назначим себе заслуженный отдых, будем жить, праздновать и слушать мудрые речи за бокалом вина, которым обнесут гостей за столом.

— О, царь, — ответил Кинеас, и голос его задрожал, — так что же мешаешь тебе заняться этим немедленно?

Но Пирр не послушался мудрого советника.

17

ПИРР И ФАБРИЦИЙ

Пирр направился в Италию, имея в своем распоряжении не только пехоту, но и конницу, боевых слонов, которых ему прислал его зять, египетский царь Птолемей II Филадельф, сын Птолемея I, умершего несколько лет назад. В Таренте Пирр ввел жесткий порядок, закрыл все увеселительные места и забрал в армию всю молодежь. Предвидение Метопы исполнилось полностью. Тарентинцам пришлось опять привыкать к усло-

виям жизни своей метрополии, Спарты. Следовало спешить: римская армия стояла у Гераклеи в Лукании (280), очень близко от Тарента. Туда и направился Пирр во главе эпирских и тарентских сил. Увидев мощный фронт римских войск, он удивился:

— Организуют свои силы не по-варварски, посмотрим, как будут сражаться.

Увы, ему пришлось убедиться в том, что сражаются римляне также не по-варварски; правда, он одержал победу, но обязан был прежде всего своей личной отваге и прозорливости, а также слонам. Никогда прежде римляне не видели этих чудовищ, которые от места сражения получили название «Луканские быки» (*boves Lucanae*). Кони не выдерживали ни их вида, ни запаха, бросались в разные стороны, производя хаос в популярном строе римлян. Римляне вынуждены были отступить, многие погибли, многие попали в плен; но и потери Пирра были велики — среди погибших оказались многие его преданные друзья, — поэтому естественно, что такая победа не могла радовать.

Так или иначе, Пирр решил воспользоваться плодами победы и двинулся с войском дальше по направлению к Риму, через страну луканов и самнитов. Многочисленные жители, недовольные Римом, охотно к нему присоединялись, увеличивая армию.

Однако Пирр потерял охоту к борьбе с римлянами. Он отправил Кинеаса в качестве посла в римский сенат с предложением заключить почетный мир. Главным требованием была независимость Тарента и других греческих колоний, прекращение действия союза с луканами, апулами и самнитами, а также освобождение от колонистов Венузии. Разумеется, это было совсем не то, о чем он мечтал в разговоре со своим советником, но, гарантировав себе Южную Италию, Пирр смог бы отплыть на Сицилию, казавшуюся ему легкой добычей, а позже могла бы появиться возможность для организации похода, прерванного в Италии. Кинеас отправился в Рим. В полном соответствии с обычаями Востока он привез от имени царя римским сенаторам и их женам ценные дары и был премного удивлен, когда получил все обратно. Но его убедительная речь в сенате произвела сильное впечатление — большинство сенаторов уже тогда понимали по-гречески, — и многие полагали, что условия мира вполне приемлемы; особенно радовала всех перспектива возвращения военнопленных, среди которых почти каждый сенатор имел сына или родственника.

Еще велась дискуссия, но неожиданно среди сенаторов возникло замешательство. В зал на носилках внесли слепого старца. Это был Аппий Клавдий, тот самый, который 30 лет назад, уже и тогда не очень молодой, будучи сенатором, построил первую дорогу и первый водопровод. Из-за пре-

клонного возраста он давно не принимал участия в заседаниях сената, но теперь опасность вынудила его прийти. Все молчали, когда старец, поддерживаемый сыновьями и зятем, медленно направился к передней скамейке, где прежде сидели консулы; не ожидая своей очереди, он начал речь:

— До сих пор, — сказал он, — я жаловался на свою слепоту, но теперь мне хотелось бы стать и глухим, чтобы не слышать ваши недостойные разговоры.

И далее зазвучали страшные слова о постыдности принимать мир из рук победителя, говорить о мире, когда неприятель находится в пределах Италии. Аппий Клавдий и прежде слыл прекрасным оратором, но в тот момент он превзошел себя. Его выступление «против мира с Пирром» было записано слушателями и публично оглашено; с него началась история римского красноречия. До нас, правда, эта речь не дошла. Простота первого «представителя римского правительства» победила искусство ученика Демосфена: мир был отклонен. Вернувшись к Пирру, Кинеас описал ему впечатление, какое он вынес от встреч с римским сенатом:

— Мне все время казалось, что я нахожусь на собрании царей.

Вскоре и сам Пирр смог в этом убедиться.

Римляне направили к нему в качестве легата некоего Гая Фабриция, о котором тот уже знал от советника как о человеке мужественном и благородном, но бедном.

Фабрицию было поручено выкупить римских военнопленных. Пирр и сам был склонен это сделать, но все откладывал, желая познакомиться ближе с послом. Сначала для укрепления дружбы Пирр предложил послу значительную сумму, которую тот не пожелал принять. Назавтра царь принял Фабриция в палатке перед завесой, за которой находился боевой слон; по приказу Пирра занавес был неожиданно поднят, и римлянин увидел перед собой грозно поднятый хобот. Но он бесстрашно произнес:

— Ни твое золото вчера меня не соблазнило, ни твое чудовище сегодня не испугало.

В другой раз царь спросил Фабриция за обедом:

— А слышал ли ты о наших мудрецах?

— Знаю Пифагора, мы недавно поставили ему памятник на Форуме.

— Теперь у нас новый — Эпикур.

— И чему он учит?

— Он учит, что главной целью жизни является удовольствие, что боги живут в вечном блаженстве и потому не заботятся о людских делах, так как в заботах нет удовольствия.

— Пусть этому он учит наших врагов; наши отцы учили нас, что цель жизни — добродетель и что боги любят хороших, но карают дурных людей.

Вскоре и Пирр убедился, до какой степени был прав Фабриций. Личный врач Пирра написал римлянину письмо следующего содержания: «Я могу освободить вас от дальнейшей войны, отравив царя. Сколько дадите за это?» Фабриций отослал письмо Пирру, добавив от себя: «Подумай, насколько твои враги лучше твоих друзей!» Пирр был потрясен. Считая себя должником Фабриция, он освободил всех римских военнопленных, не приняв за них выкупа. Сто лет спустя, талантливый римский поэт Квинт Энний в поэтических строках «Римской хроники» увековечил этот поступок царя-рыцаря:

*Злата не требую я, и выкупа мне не давайте;
Мы не торгуем, войну мы ведем, и жребий о жизни
Нам подобает железом решать, а не золотом презренным.
Вас ли владыка-Судьба, меня ль пожелает возвысить,
Храбростью нашей решим. Теперь мое слово послушай:
Ваших героев, кого и счастье войны пощадило,
Должно и мне пощадить: я решил даровать вам свободу;
В дар их примите, того и великие боги желают.*

Пер. И. И. Холодняка

Не только Пирр со своими сановниками, но благодаря ему и вся Греция сохранила память о Фабриции. В Риме тогда было много таких, как он; греки же ничего о них не знали. Теперь вслед за греками для определения честности человека мы используем сравнение — «честный, как Фабриций».

Зиму Пирр провел в Таренте, а весной отправился на север. Римский консул встретил его у г. Аускула в Апулии (279). В течение зимы римляне тщательно подготовились к борьбе против слонов — они соорудили специальные повозки с подвешенными факелами и заостренными прутьями. Это, правда, почти не помогло. Слоны опять смели римскую конницу, и войско было разгромлено. Однако и потери Пирра были страшные: бродя по полю битвы среди гор трупов своих солдат, он воскликнул: «Еще одна такая победа — и я погиб!» До сих пор победа, оплаченная ценой огромных потерь, зовется «Пирровой».

18

СМЕРТЬ ПИРРА

Но Пирр ошибся: он погиб без новой победы. Раненный во время сражения, он вынужден был прекратить атаку. Наступила осень, и царь Эпира возвратился в Тарент. За зиму римляне собрали новое войско, и пришлось

начинать все сначала. События торопили: пока Пирр бесплодно сражался в Италии, карфагеняне в Сицилии грозили Сиракузам и с суши, и с моря. Если Пирр намеревался встать на защиту сицилийских греков, то следовало это сделать немедленно, иначе Сиракузы погибнут. Пирр решил приостановить войну с Римом; оставив в Таренте гарнизон и приказав ему держать оборону, он направился на Сицилию. Карфагеняне были отброшены к западной границе острова, но его самодовольное и презрительное отношение к жителям острова испортило все дело. В Сиракузах возникло недовольство и даже начались переговоры с Карфагеном. Последний умело воспользовался ситуацией, и это помогло ему расширить свое влияние на острове.

Нетерпеливый Пирр вынужден был оставить Сицилию и вернуться в Италию. Весной 275 года он направился в Самний. Римским войском командовал Маний Курий Дентат, тот самый, который пятнадцать лет назад заключил мир с самнитами; он встретил войско Пирра у Малевента. Консул обратил внимание на то, что его солдаты озабочены названием города: для римлян Maluentum напоминало словосочетание malus eventus — «плохой результат». Чтобы успокоить солдат, он заявил:

— С сегодняшнего дня город будет называться Beneventum («хороший результат»)!

Название красивого горного городка сохранилось до наших дней.

Для римской армии такое название оказалось пророческим. Пирр, как всегда, все тщательно обдумал, но его отряд, посланный для занятия луч-

Жертвоприношение троянских пленников. Роспись гробницы Франсуа в Вульчи. III в. до н. э. Рим, музей Торлониа

шей позиции, сбился с пути и не успел прибыть вовремя. Слоны на этот раз не помогли Пирру; римские стрелы попадали им в хоботы и другие чувствительные места; разъяренные животные бросились на свои войска. Курий Дентат одержал полную победу.

Напрасно Пирр посылал гонцов к своим союзникам за Ионическим морем, прося солдат и денег; эллинистические монархи, субсидировавшие его италийскую экспедицию, потеряли всякую веру в его удачу и отказали в помощи. Он и сам разуверился в своем успехе и вернулся в Эпир. Всего пять лет он провел в Италии, но там похоронил главную мечту своей жизни. Еще три года Пирр принимал участие в различных греко-македонских столкновениях, иногда одерживал незначительные победы, иногда терпел поражения. Как-то ему удалось вместе с отрядом прорваться в Аргос, но в уличной схватке какая-то женщина бросила из окна кусок черепицы и разбила ему голову.

Так бесславно погиб эпирский «Орел», возомнивший себя вторым Александром Македонским.

Пока Пирр был жив, Тарент достаточно успешно сопротивлялся против осаждавших его римлян; наместник ждал помощи со стороны царя, но, узнав о его гибели, решил сдать город римлянам (272). Рим и на этот раз проявил себя великодушно. Тарент, правда, должен был сравнять оборонительные стены с землей, отдать римлянам оружие и военные суда. Разумеется, в союзе с Римом город скоро расцвел вновь, римляне полюбили этот греческий город за его изысканность и красоту. Здесь многому можно было научиться, а учились римляне охотно. И действительно, не прошло и тридцати лет, как Тарент дал миру человека, ставшего первым римским поэтом, переведшим на латынь «Одиссею» Гомера и ряд греческих трагедий. Это был римский гражданин **М а р к Л и в и й А н д р о н и к**.

Вместе с падением Тарента вся Италия оказалась под властью Рима. После многолетних жестоких войн для нее начался период мира и благосостояния при либеральной и справедливой гегемонии господствующего города. Это произошло без малого пятьсот лет после основания Рима.

IV. КАРФАГЕН

19

ПРОШЛОЕ КАРФАГЕНА

Рассказывают, что Пирр, покидая Сицилию, воскликнул:

— Какие прекрасные поля сражений я оставляю Карфагену и Риму!

И действительно, прошло всего десять лет, и между Римом и Карфагеном вспыхнула война за Сицилию.

Что представлял собой Карфаген и какими силами он располагал? Начало могучей державы, по-видимому, как и Рима, уходит в глубокую древность. Письменных источников сохранилось мало, есть только предания (легенды), которые мы знаем по греческим авторам, добавлявшим многое от себя. Вот что нам рассказывают предания.

Царь финикийского города Тира, а по другим данным Синода, оставил после себя сына Пигмалиона и дочь Дидону. Дочь была обручена со знатным финикийцем, Сихеем; ее брат, человек жадный и завистливый, не захотел отдать сестре большое наследство, которое оставил ей отец. Воспользовавшись семейным праздником, он затеял ссору с Сихеем и убил его около алтаря семейных богов. Дидона поняла причину убийства. Женщина смелая и решительная, она тайно собрала принадлежавшие ей сокровища, погрузила на несколько судов и вместе с верными ей финикийцами, готовыми разделить с ней судьбу, отправилась искать счастья к далеким западным морям. После долгих скитаний она высадилась в Африке около местечка Малый Сирт, где река Баград впадает в море (ныне залив Сидра и Кабес), и послала подарки местному царю Ярбе с просьбой

предоставить ей кусок земли, на котором она могла бы поселиться. Царь, видимо, не очень хотел новых поселенцев, он послал Дидоне кожу убитого быка, сказав, что даст ей столько земли, сколько она сможет покрыть этой шкурой. Дидона поблагодарила царя и велела разрезать шкуру на тонкие полоски и окружить ими достаточно значительное пространство земли на возвышенности у моря. Хитрость Дидоны привела царя в ярость, но, связанный словом, он не мог ей отказать. Так возник Карфаген; на возвышенности был построен укрепленный замок, который до последнего времени назывался *Vurgsa*, что по-гречески значит «шкура».

По-гречески, но не по-финикийски — следовательно, и само предание, видимо, греческого происхождения, а не местного. Греки умели наблюдать и верно отметили особенности новых жителей и их способности, необходимые не только для развития, но и для господства при помощи хитрости и обмана людей, их не любивших, но не могущих сравниться умом. В сущности, Карфаген не был первой финикийской колонией в этих местах; его название по-финикийски означало Новый Город, рядом находился и Старый Город, то есть Утика, к которой город Дидоны всегда относился с большим уважением, как к старшему брату.

Еще рассказывают, что когда Эней после гибели Трои искал новую родину в обетованной Италии, буря направила его корабль в карфагенский порт, где он был милостиво принят царицей Дидоной. Город строился, троянцы Энея могли увеличить силы новых поселенцев, да и самим путникам было приятно отдохнуть после долгих скитаний. Прибывший герой понравился Дидоне, и все шло к тому, чтобы он стал ее мужем и царем города. Но у Энея был вещий сон: он услышал голос богов, напоминавший о его великой миссии и предназначении основать новую колонию в Италии, а не в Африке. Подчиняясь велению богов, он тайно покинул Африку, оставив Дидону. Гордая царица не снесла такого горя и унижения, приказала разжечь костер и бросилась в него, посылая проклятья вслед уходящему судну своего неверного гостя:

— Пусть из праха Дидоны восстанет в будущем мститель!

Так погибла основательница города, которому суждено было на многие годы оставаться властителем западного моря.

Карфаген, как и вообще все финикийские колонии, весьма отличался от колоний греческих. Греки были прежде всего землепашцами, а потом купцами; они сами обрабатывали землю и любили ее как мать-кормилицу, сами и защищали ее от врагов. Финикийцы же были главным образом купцами; владея огромным флотом, зная, где можно добыть товар и где его продать, они приобретали неисчислимые богатства и этим богатством оплачивали и работы тех, кто их кормил, и тех, кто их защищал. Другими словами, Карфаген обрабатывал землю руками своих рабов и вел войны

при помощи наемных солдат, и его граждане умели, главным образом, править и торговать.

Поэтому представляется неуместным их славить: они первыми ввели в культурный мир хозяйство крепостного типа — так называемую плантаторскую систему. Обширные и плодородные поля в долине реки Баград обрабатывались рабами, работавшими под кнутом жестоких надсмотрщиков; на ночь их запирали в душных темницах, обращаясь с ними как со скотом. Люди гибли, но урожай был всегда дешевый и обильный, так что карфагеняне могли кормить не только себя, но и вывозить излишки. Постепенно дешевое африканское зерно распространилось на все рынки Запада.

Итак, Карфаген, расположенный на главных морских путях, стал центром обмена ремесленных изделий Востока на сырье Запада и Юга. Карфагенские купцы, активные и ловкие, постепенно добились невероятных успехов. Гегемония Карфагена распространялась на финикийские колонии в Испании, богатой серебряными рудниками, на Сардинию, где благодаря той же плантаторской системе добывалось зерно для пропитания и торговли. Наконец, Карфаген укрепил свою власть и в значительной части Сицилии, где ему принадлежали города Панормо (Палермо) и Лилибей (Марсала). Тем не менее карфагенянам везде угрожали греки — на севере жители Массалии (совр. Марсель), на Сицилии — главным образом сиракузяне; поэтому приходилось думать о союзниках. На севере Карфаген был в союзе с этрусками, но как только мощь последних начала ослабевать, карфагеняне заключили союз с молодым римским государством.

В Сицилии дело обстояло сложнее: здесь владения Карфагена граничили с греческими землями, от которых их отделяла небольшая река Гимера. Общая опасность вынудила греческие города забыть взаимные претензии и объединиться. Когда персидский царь Кир завоевал Финикию, Карфаген как финикийская колония невольно оказался в сфере интересов Персии; позже персидский царь Ксеркс с легкостью заключил с ним соглашение с целью совместного похода против греков на востоке и западе. В 480 году Ксеркс со своим войском и финикийским флотом направился в собственно Грецию, а карфагенский начальник Магон во главе наемников должен был перейти Гимеру и напасть на восточную Сицилию. Главными городами там были Сиракузы и Акраган (Агригент), «два глаза» острова; во главе греческих войск стоял сиракузский тиран Гелон. В то время как восточные греки победоносно сражались под Саламином, Гелон с сицилийскими греками встретил значительно превосходящие силы Магона у Гимеры и разбил его наголову. Как раз в это время Магон стоял на холме, совершая обряд жертвоприношения карфагенскому Ваалу; уви-

дев поражение своих войск, он бросился в костер, где догорали его бесполезные жертвы. Таково было сражение на реке Гимере, самая прекрасная страница в истории сицилийских греков.

Рим не мог помогать своим союзникам; небольшой город, каким он тогда был, с трудом отражал нападения соседних вольсков и эквов; ситуация осложнялась внутренними распрями между патрициями и только что избранными народными трибунами.

После сражения на Гимере Карфаген долго жил в мире с Сиракузами и вообще с греками на Сицилии. И только когда афиняне затеяли свой неудачный сицилийский поход, принеся им жестокое поражение, но ослабивший Сиракузы, только тогда Карфаген снова начал действовать; казалось, наконец-то ему удастся овладеть островом. Сиракузяне вынуждены были признать власть тиранов — сначала Дионисия Старшего, затем Младшего и других. Начались бесконечные войны, успешные поочередно для каждой из сторон, но так и не принеся никакого результата.

20

МАМЕРТИНЫ

Так выглядела историческая картина, когда Пирр ввязался в сицилийские дела. Он рассчитывал на то, что легко перетянет на свою сторону Сиракузы и таким образом освободит от карфагенян и западную часть острова. Мы уже видели, как он ошибся в своих расчетах; следует добавить, что, имея общего врага, Пирра, Рим и Карфаген вспомнили о своем давнем соглашении и сблизились еще больше, причем Карфаген обязался предоставить Риму свободу действий в Италии, а Рим Карфагену — на Сицилии.

В скором времени Пирр покинул Сицилию и Италию; и вот, когда Рим осадил Тарент с суши (флота у Рима не было), Карфаген не мог преодолеть искушение, и огромный его флот осадил город с моря. Теперь Тарент мог выбирать, кому сдаться — Риму или Карфагену. Мы видели, что он предпочел Рим, но римляне были неприятно удивлены, обнаружив в порту военный карфагенский флот.

— Кто позволил вам, вопреки соглашению, вмешиваться в наши италийские дела?

— Мы пришли вам помочь как ваши союзники.

В Риме не очень этому поверили, ведь никто не просил карфагенян о помощи; если бы Тарент надумал сдаться Карфагену, то более чем вероятно, тот оставил бы его себе и сделал бы из него такой же пункт опоры в Италии,

как на Сицилии Лилибей. До открытого конфликта между союзниками пока еще не дошло, но обе стороны были крайне недовольны друг другом.

Вскоре произошло еще одно событие, которое превратило недовольство в открытую войну.

Повод для нее дали опять жители Кампании. С тех времен, когда их страна признала римскую власть и не вела войн собственными силами, молодежь постоянно призывалась вступать целыми группами на платную службу у чужих, а не у себя дома, под суровым надзором римских консулов. И вот одна такая группа (это произошло еще до войны с Пирром) завербовалась в армию сицилийской Мессаны (ныне Мессина). Следует напомнить, что это был тот город, куда четыреста лет назад переселились остатки разбитых войск Аристомена, героя мессенцев в освободительной войне против Спарты. Эти наемники называли себя «мамертинами» (Mamertini), что на языке осков значило «люди Марса».

Оказавшись в Мессане, мамертины скоро убедились, что они и есть здесь единственная военная сила. Так зачем служить там, где можно господствовать? По заранее составленному списку они перебили всех мессанских граждан, захватили их жен и домашних, а имущество разделили между собой. Так наступил конец греческой Мессане, с этого момента она стала мамертинском государством — *civitas Mamertina*. Произошло нарушение присяги в самом наихудшем смысле: наемники принесли в свое время присягу на верность тому государству, которое их наняло! Но честность редко бывает главной чертой тех, кто продает свою кровь; судьба Мессаны отчетливо показала главный недостаток наемного войска. Разумеется, сильному государству гораздо выгоднее вести войну при помощи платного войска, чем приносить в жертву войны жизнь своих граждан; но одновременно это государство ставит себя в зависимость от нанятых им людей.

Другие греческие общины на Сицилии не могли смотреть равнодушно на подобный переворот; особенно забеспокоились Сиракузы. Именно там и появился человек, в равной мере умелый на войне и мудрый в управлении страной. Это был потомок Гелона, того самого, который два столетия назад разбил карфагенян у реки Гимеры, звали его Г е р о н. Прежде всего он ликвидировал наемные войска в самих Сиракузах, заменив их на гражданское ополчение, затем заключил союз с Римом и выступил против мамертинов. После первых неудач Гиерон нанес им поражение и начал осаду города. Те поняли, что без посторонней помощи им не уцелеть. Но к кому обратиться? Они могли выбрать или Рим, или Карфаген. После некоторого колебания решено было просить Рим. Это случилось в 265 году.

Мамертинских послов представили членам сената.

— Мы отдаем вам наш город, спасите нас!

— От кого? От Гиерона, союзника Рима?!

Положение оказалось такое же, как восемьдесят лет тому назад, когда жители Кампании, предки этих мамертинов, отдавали родную Капую римлянам, прося о защите от самнитов, римских союзников. Тогда Рим прислушался к их просьбе, почему бы не поступить так и теперь?

— Нет, — отвечали им другие, — сейчас положение иное; тогда нас просили защитить честных граждан, теперь перед нами убийцы и клятв-вопоступники. Кроме того, мы обязались перед Карфагеном не вмешиваться в дела Сицилии. Закрывая соглашение с мамертинами, мы нарушаем договор с Карфагеном!

Что касается первого возражения, трудно было бы не признать его убедительность: идти вместе с этими людьми Риму не пристало. Правда, можно было возразить: во-первых, Карфаген и сам однажды нарушил договор, послав свой флот в Тарент, а во-вторых — мамертины — это жители Кампании, значит, италики. Кто же может запретить заключить Риму союз с италиками? Самым веским, однако, оказался следующий аргумент. Если Рим откажет мамертинам, те обратятся к карфагенянам, которые в помощи не откажут. Большая часть Сицилии и так уже была в руках Карфагена, а отдавая ему Мессану, Рим приводит своего несомненного врага прямо на порог Италии.

Таким образом, сенат не решил вопроса о помощи, а направил решение проблемы на народное собрание. Здесь настроение было совсем иное. Сблудн оказался слишком большим, и решено было заключить с мамертинами соглашение и дать об этом знать Гиерону и Карфагену. Гиерон, в свою очередь, хотя и не сразу, но счел за лучшее подчиниться и стать союзником Рима, за что римляне заплатили ему благодарностью. Карфаген, напротив, не подчинился, и разразилась война, так называемая Первая Пуническая война, как позже назвали ее римляне.¹ Война длилась с 264 по 243 гг.

21

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

В этой войне римляне сразу получили перевес на суше — первые же римские войска захватили почти весь остров и вытеснили карфагенян к их укрепленным морским городам. Там они держались достаточно твердо, поскольку карфагенский флот постоянно и без затруднений поставлял

---

¹ Римляне называли финикиян Карфагена *Роени*, *Рупи*, «пунами», отсюда и название войн.

морем необходимый провиант и боеприпасы. Кроме того, используя флот, пунийцы могли захватывать торговые римские суда и корабли их союзников, расстраивая римскую торговлю. Наконец, при помощи флота они организовывали грабительские нападения на италийское побережье, высаживая военные отряды там, где их не ожидали.

Итак, Рим осознал, что без военного флота он никогда не победит Карфаген. Флота у него не было, потому что до сих пор во всех италийских войнах Рим не чувствовал в нем необходимости. Теперь наступили иные времена: двести лет назад легкие афинские суда с тремя рядами весел, так называемые триеры, быстро решили судьбу сражения у Саламина. Теперь строили большие корабли, с пятью рядами весел, пентеры, которые нужны были каждому, кто хотел помериться силами с карфагенянами на море. Но римляне не умели строить такие суда.

Помог случай. Однажды буря выбросила на берег остов карфагенской военной пентеры. Он и послужил образцом. Работа закипела, и вскоре римляне имели достаточно значительный военный флот. Но как его использовать? Самой главной задачей капитанов было умелое маневрирование, чтобы ударом в корпус вражеского корабля продырявить его и потопить. Карфагенские моряки были искусными мастерами кораблевождения, и, разумеется, римлянам пришлось бы потерять много судов, прежде чем сравняться с ними в этом искусстве. Придумали другое. На палубе своих пентер римляне установили подвижные подъемные мостки с поручнями. При сближении с неприятельским судном это сооружение закидывалось на него; железный крюк спереди моста накрепко вонзался в неприятельскую палубу, сцепив таким образом два судна, давая возможность морякам быстро перейти на вражеский корабль. А в рукопашном бою римляне не знали себе равных.

Итак, новый флот под командой консула Г а я Д у и л и я вышел из мессанского порта навстречу карфагенянам. Оба флота встретились около мыса Милы (260). Расчеты римлян полностью оправдались, они одержали первую морскую победу над сильнейшей державой мира. Радость их не знала границ, на Форуме была водружена колонна, украшенная снятыми носовыми украшениями вражеских судов (*columna rostrata*). Дуилия называли создателем морской мощи, его считали своего рода римским Фемистоклом и почитали, помимо «морского триумфа», еще особой почестью, характерной для тех суровых времен: каждый раз, когда Дуилий возвращался с какого-либо праздника ночью, принадлежащий государству раб должен был нести перед ним горящий факел, а государственный флейтист играть соответствующую мелодию.

Теперь, когда флот Карфагена перестал угрожать Риму, можно было ставить перед собой и другие, более широкие задачи. Естественно, что

окончательная победа могла быть одержана только в Африке, куда и следовало высадить римские войска. Спустя четыре года после мильской победы римляне, построив еще более сильную эскадру, направили ее с войском в Африку, под командованием *Марка Атилия Регула*. Карфагенский флот, посланный навстречу, был разгромлен, и его остатки укрылись в порту Карфагена в попытке противостоять осаде города. Регул, однако, высадился в другом месте и повел свои войска по суше. И здесь выяснилось, насколько слаба власть Карфагена на его собственных территориях: все города и селения на пути армии Регула радостно встречали войско как избавителя. Оставалось начать штурм столицы. Регул посчитал, сколько понадобится для этой цели солдат, остальных отослал домой. Конец войны, казалось, был близок. Если бы Регул успел осуществить свой план, Первая Пуническая война не только окончилась бы в 255 году, но и стала бы единственной.

Но план Регула оказался ошибочным. В тот момент, когда решалась судьба города, карфагеняне преодолели в себе мелочную гордыню и командование над войсками доверили талантливому спартанскому командиру *Ксантиппу*, для которого война была занятием жизни. В военном искусстве он оказался настолько выше Регула, насколько последний был выше всех карфагенских военачальников. *Ксантипп* нанес Регулу жестокое поражение, сам Регул и большая часть его войска попали в плен, остальные бежали к морю и спаслись на римских судах. Так неудачно для римлян закончилась их попытка перенести войну на территорию врага.

Карфагеняне немедленно воспользовались плодами своей победы. С неслыханной жестокостью они наказали жителей городов, перешедших на сторону римлян, полагая, что таким способом они обезопасят себя от предательства на будущее; разумеется, это лишь усилило общее недовольство, и оно, как мы увидим позже, постепенно спровоцировало новую войну, в которой нынешние победители едва не погибли. С Римом, однако, Карфаген предпочел заключить мир, поэтому туда послали своего пленника, консула Регула, поручив ему вести переговоры. Если он не достигнет цели, то добьется, по крайней мере, достойного выкупа за пленных римлян, а если не получится и это — вернется в Карфаген. Регул понимал, что в таком случае его ожидает жестокая смерть.

Регул предстал перед сенатом в храме на Марсовом поле и по знаку консула изложил предложения Карфагена. Наступило молчание.

— А ты что нам советуешь? — спросил консул.

— Я советую, — ответил Регул, — не заключать преждевременного мира и не отказываться от победы, которая суждена нам рано или поздно. Я советую не давать выкупа за пленников, чтобы не было дурного приме-

ра для будущих поколений. Пусть знают римляне, что нельзя спасать жизнь, позорно слагая оружие перед врагом.

Пространно и убедительно развивал свою мысль Регул. Сенат согласился с ним.

— Да благословят вас боги! — сказал Регул и вышел из храма. У выхода его ждала жена и дети, они хотели его приветствовать, но он оттолкнул их со словами:

— Я не имею права вас приветствовать, я уже не римский гражданин, и для вас, значит, я не муж и не отец.

То же судно отвезло его в Карфаген, на этот раз навсегда.

Однако предсказанная Регулом победа пришла не скоро. Правда, под властью Карфагена осталась лишь западная оконечность Сицилии с городом Лилибеем и горой Эрикс, и здесь он держался прочно. На море удача покинула римлян: они потеряли одну за другой три больших эскадры и, отчаявшись, решили не строить новый флот, полностью отказавшись от войны на море. Успех был на стороне Карфагена, особенно с того момента, как командование над сицилийскими войсками принял молодой Гамилькар, прозванный Барка («Молния»). Захватив гору Эрикс на западе, он укрепился на ней, как когда-то мессенцы на своей Итоме,¹ беспокоя римские войска постоянными вылазками на подвластной Риму территории.

Казалось, война будет длиться бесконечно: все понимали, что без военного флота победить Карфаген невозможно, хотя строить его после стольких неудач и боялись. Наконец группа богатых и наиболее бесстрашных граждан сделала то, чего не хотел делать сенат: построила новую эскадру за свои деньги и пожертвовала ее государству. В 241 году консул Гай Луций Катул провел эту эскадру мимо карфагенских портов на западе Сицилии для блокады острова с моря, чтобы перерезать пути, по которым шло снабжение, и тем самым вынудить его сдать. Для Карфагена эта акция оказалась полной неожиданностью, он привык к мысли, что у римлян флота нет. Быстро снарядив собственную эскадру, они направились против римлян. Встреча произошла около Эгатских островов. Карфагенский флот был более многочислен, но действовал крайне неосторожно, считая противника недостойным себя; римляне, напротив, понимали, что эта эскадра, созданная на пожертвования, их последний шанс на море. И Рим не только победил, но победил окончательно: вражеские суда частично были потоплены, частично захвачены в плен.

---

¹ Итома (ныне Вуркано) — обрывистая известняковая гора высотой 802 м в Мессении, во время 1-й Мессенской войны в течение 20 лет была осаждена спартанцами.

*Гамилькар Барка в венке и с палицей Геркулеса-Мелькарта.
Серебряная монета. Новый Карфаген*

Теперь Карфаген был достаточно истощен многолетней войной: оплата наемных войск каждый год опустошала государственную казну. Гамилькар получил распоряжение вывести свои войска из Эрикса и заключить с Римом мир на любых, но достаточно приемлемых условиях. Лутаций тоже должен был подумать, какие условия поставить карфагенянам.

В прежнее время после победы над неприятелем Рим заключал соглашение, обязующее противника поставлять каждый год вспомогательные союзнические отряды для помощи легионам, порой забирал часть земель, чтобы основать там римские колонии. Но это всегда были италики, жившие практически рядом, близкие по крови и признававшие тех же богов. Теперь был побежден враг далекий, заморский, чужой. Что с ним делать? Совершенно очевидно, что условия должны быть иными. Лутаций выставил следующие условия:

1) Карфаген уступит Риму подвластную ему Сицилию, отдаст весь остров, за исключением Сиракуз Гиерона, верного союзника Рима.

2) Карфаген заплатит Риму контрибуцию, четко определенную значительную сумму. А поскольку казна Карфагена пуста, то выплата этой суммы раскладывается на несколько лет.

3) Карфаген возобновляет соглашение с Римом, причем обе стороны обязуются не беспокоить союзников и «не ходить войною ни на сиракузан, ни на союзников их» (Полибий, I, 62, 8–9)

ГАМИЛЬКАР БАРКА

Последний пункт договора со временем стал очень важным, хотя поначалу для римлян наибольший интерес представлял первый. В их руках оказалась огромная сицилийская территория: что с ней делать? Принять греческие и финикийские города Агригент, Панорму, Лилибей и другие в число союзников, как это было сделано в Италии с Капуей, Клузием, Бовианом, и обеспечить их верность созданием новой римской колонии? Разумеется, так поступить невозможно. И римляне приняли принцип, которому в дальнейшем римский сенат неуклонно следовал: на заморских территориях нельзя основывать колонии. Была еще одна разница с предыдущими завоеваниями. В Италии Рим имел дело со свободными общинами и он оставлял их свободными, не направляя туда своих наместников и не требуя от них подати. Иначе поступил Карфаген — завладев Сицилией, он обложил ее данью, навязал ей своих «надсмотрщиков». Система управления на началах подданства была усвоена Римом. Сицилия стала первой римской провинцией, доходы от которой шли в государственную казну. Наконец, Карфаген, для того чтобы в наибольшей степени использовать хозяйственные богатства острова, ввел там свою плантаторскую систему. Римляне не тронули этот жестокий и вредный порядок. Сицилийское зерно, добытое трудом рабов, было более дешевым, чем итальянское, следовательно, и итальянское земледелие постепенно начало бы перестраиваться по тому же принципу. Это произошло не сразу, но такая опасность существовала. Итак, победа над Карфагеном вынудила Рим встать на новый путь исторического развития. Скоро он совершил еще более решительный шаг в этом направлении.

Отдав Риму Эрикс, Гамилькар начал отсылать своих наемников небольшими отрядами в Карфаген, прося сенат немедленно с ними расплатиться и освободить от службы. Но, как мы помним, денег в казне не было, наемникам не платили, новые отряды все прибывали из Сицилии — их собиралось все больше и больше. Когда, наконец, все наемные войска оказались в Карфагене, им открыто заявили, что платить нечем; возмущение наемников привело к войне, которая быстро приобретала устрашающие размеры. Подвластные Карфагену африканские города вспомнили бессмысленную и жестокую резню после кампании Регула и перешли на сторону наемников. Восстание перекинулось и на Сардинию, подняв многочисленных рабов. Казалось, что все подданные Карфагена устремились уничтожить своего властелина.

И Карфаген неминуемо погиб бы, если бы не гений одного человека, все того же Гамилькара Барка. Встав во главе небольшого карфагенского

ополчения, он сумел заманить наемников в своего рода «Кавдинские ущелья» и уничтожить их до основания. Восстановив порядок в Африке, он обратил внимание и на Сардинию. Но там происходили события непредвиденные и угрожающие.

Туземцы Сардинии, оттесненные карфагенянами в горы, поняли, что пришел час возмездия, время окончательного освобождения острова от чужаков. Теснимые карфагенянами повстанцы и рабы предложили Риму отдать Сардинию. В Риме было много недовольных условиями мира, заключенного Лутацием. Теперь, когда Карфаген оказался на грани гибели, голоса недовольных зазвучали еще громче, сторонники ужесточения добились того, что предложение сардинских бунтовщиков было принято. Похвальным назвать такое решение трудно; согласно договору, Карфаген был союзником Рима, и теперь получалось, что Рим пользуется критической ситуацией союзника, чтобы вырвать у него еще одну территорию. Однако общее ослепление было настолько велико, что голоса разума и порядочности никто не слушал. Карфагену на его жалобу ответили угрозой, а Рим получил еще одну провинцию, Сардинию, к которой сразу же присоединил независимую до тех пор Корсику, чтобы все Тирренское море сделать римским. С этой минуты его называли *mare nostrum* («наше море»).

Карфагеняне, конечно, были возмущены, особенно Гамилькар. В Карфагене у него была как большая партия сторонников, так и много врагов,

*Боевой слон на монете Баркидов. Испания.
237–218 гг. до н. э.*

которые ревниво следили за его действиями. Командующий понимал, что создать сильную и надежную армию можно только вне границ своей страны; после потери Сардинии и Сицилии оставалась еще одна территория — испанское побережье. Туда и направился Гамилькар, взяв с собой в качестве помощника Гасдрубала и своих малолетних «львят» — Ганнибала, Гасдрубала (Барка) и Магона. Самому старшему было едва десять лет, когда отец вывез его из Карфагена. Принося прощальную жертву Ваалу, Гамилькар подвел сына к алтарю и велел поклясться оставаться всю жизнь врагом Рима. «К л я т в а Г а н н и б а л а» запомнилась потомкам надолго.

23

ГАЛЛЫ

Вернемся, однако, в Рим. Там кипела работа. Сенат должен был создать новое управление для появившихся провинций; помимо двух преторов для Рима, надлежало еще избрать двоих для Сицилии и Сардинии. Однако скоро все внимание было поглощено опасностью, идущей с севера страны.

Мы помним, что вся равнинная часть Италии между Апенниннами и Альпами находилась под властью галлов цизальпинских (заальпийских), как называли их римляне. Они задумали новое нападение на Италию и призвали себе на помощь многочисленные орды родственных племен. Но времена наступили другие, нежели полтора столетия назад: объединенная сильной и разумной властью Рима, Италия могла считать себя счастливой. Продвижение галлов к Этрурии довольно быстро было остановлено римлянами, а затем началась неизбежная война, имевшая своей целью охранять Италию от галльских вторжений. Особенно отличились в этой войне два римских начальника; первым стоит назвать консула Г а я Ф л а м и н и я; энергичный воин и мудрый администратор, он не только достиг значительных военных успехов, но организовал строительство различных сооружений, в частности, дорогу из Рима на север через Этрурию и Апеннины до моря (Фламиниева дорога); дорога виа Аппиа из Рима в Капую уже после Самнитских войн была продолжена до Венузия, а затем до новой римской колонии Брундизий на Адриатическом море — теперь вся Италия оказалась пересеченной прямой, удобной трассой.

Вторым вождем, проявившим себя во время цизальпинской войны, был М а р к К л а в д и й М а р ц е л л, человек железной воли и выдержки, нанеший галлам окончательное поражение у Кластидия в северо-восточной Плаценции.

Римляне реализовали плоды своей победы в соответствии со своими древними обычаями — они забрали часть земель галлов по обеим сторонам

*Ганнибал в венке и с палицей Геркулеса-Мелькарта.
Серебряная монета. Новый Карфаген*

реки По и основали колонии Кремону и Плаценцию. Работы было много: следовало расчистить девственные леса, прокладывая дороги, строить оборонные сооружения. И вдруг все остановилось: у альпийских ворот появился новый враг, самый грозный из всех, какой когда-либо существовал на италийских землях. Проклятие Дидоны исполнилось: объявился мститель не только за ее легендарное оскорбление, но и за униженную правду старого льва Гамилькара; это был его сын — Г а н н и б а л Б а р к а.

24

БАРКИДЫ В ИСПАНИИ

Чтобы понять ситуацию Ганнибала, вернемся назад, к тому моменту, когда его отец перенес свою деятельность из спасенной им родины в Испанию.

На этой территории Карфагену принадлежало лишь побережье, известное финикийцам еще в давние времена; там, на противоположном берегу Гибралтара, они основали одну из самых древних своих колоний — Гадес (Кадикс, Кадис) в устье реки Бетис (*греч.* Тартес, ныне Гвадалквивир). Гамилькар поставил себе цель занять весь полуостров для своей родины. Страна была очень плодородной и благодаря своему климату более близкой Африке, чем остальная Европа. Жители тогдашней Испании

отличались смелостью и благородством, но состояли из множества племен, постоянно враждовавших между собой, что приводило к неминуемому уничтожению богатой земли. Объединение и мир при умной и умеренной власти могли бы стать для них настоящим благом. Так и понимал свою задачу Гамилькара, основав в Испании государство — не столько испанское или карфагенское, сколько свое личное, баркидское; но так как он был верным сыном своей родины, то она и стала естественной хозяйкой новой провинции, более значимой, чем Сардиния и Сицилия вместе взятые.

Когда он умер (229), его дело умно продолжал зять, Гасдрубал, основатель столицы государства, Нового Карфагена. Но в то же время в Риме обратили внимание на новую опасность для них, возникшую на далеком западе. Дело в том, что неутомимые греки, особенно жители Массалии (совр. Марсель), также разместили свои колонии на испанском побережье, между Пиренеями и рекой Ибер (Гибер, ныне Эбро). Ощущая постоянно угрозу со стороны Карфагена, они, естественно, обратились к Риму, союзнику метрополии, за помощью. Тогда Рим заключил с Гасдрубалом договор, который как бы разделил сферы влияния обоих государств по границе реки Эбро.

После короткого, но мудрого правления умер и Гасдрубал, второй царь баркидской Испании; к этому времени вырос старший сын Гамилькара, Ганнибал, который и стал преемником Гасдрубала. Сделавшись властителем богатой страны и многочисленных поселений, безгранично преданный Баркидам, Ганнибал вспомнил клятву, данную им в свое время отцу. Он не собирался нарушать договор, заключенный Гасдрубалом, но сложилась такая ситуация, что можно было, не нарушая трактата, спровоцировать желаемую войну. Соглашение давало Карфагену право расширять свою власть до реки Эбро, но на пути к реке находился пока что независимый город Сагунт. Его положение было особенным: по происхождению несомненно иберийский, он оказался под сильным влиянием многочисленной греческой колонии и эллинизировался до такой степени, что даже название свое считал произошедшим от имени греческого острова на Ионическом море (Закинф, *Zakynthos*). Обеспокоенные опасным соседством Ганнибала жители Сагунта обратились к Риму с просьбой принять их в число союзников или под покровительство. Рим благосклонно отнесся к такой просьбе, полагая, что и в третий раз (Капуя и Мессана) известный им опыт даст достойные плоды. Но ныне нашла коса на камень.

Воспользовавшись столкновениями между сагунтинцами и соседним племенем, подчиненным Карфагену, Ганнибал начал осаду Сагунта (219). Римляне не преминули послать к нему послов с требованием оставить в покое римских союзников. Ганнибал оставил без внимания многочислен-

ные посольства. Для римлян такое поведение оказалось неожиданным, но отступить было поздно. Сагунтинцы сражались с отчаянным мужеством, однако становилось ясно, что долгой осады они не выдержат. Если союзник Сагунт представлял для Рима какое-то значение, нужно было помочь ему немедленно. Но в то время Рим был вовлечен в войну с цизальпинскими галлами (см. раздел 23), и естественно, что столкновение с Ганнибалом представляло большую опасность.

Сенат постановил послать делегацию в Карфаген. Здесь Рим имел достаточно благоприятную почву для переговоров: в карфагенском сенате у Баркидов было много врагов, считавших своим вождем Г а н н о н а, прозванного Великим. Это был государственный деятель тонкого и холодного ума, он от «царей» из рода Баркидов не ждал ничего хорошего для свободной, республиканской родины и ее испанской провинции. Когда, наконец, римское посольство явилось в сенат, Ганнон поддержал их всем своим авторитетом, требуя, чтобы Ганнибал, нарушивший заключенное с Катуллом Лутацием соглашение, был выдан Риму. На это не могли пойти даже умеренные члены сената:

— Выдать Риму?! Легко сказать! Как можно выдать вождя, обожаемого армией, сила которого превышает всю силу Карфагена?

Крайние сторонники Баркидов пытались юридически обосновать свой спор с Римом:

— А при чем здесь соглашение с Катуллом?

— Он обязывает обе стороны не задевать интересы союзников.

— Сагунт в то время не был вашим союзником.

— Ну и что? Разве там сказано «союзников на данный момент»? Разве, заключая соглашение с вами, мы лишились права заключать новые союзы? Или права поддерживать их требования?

Мы не знаем всех подробностей того соглашения и потому не можем настаивать на чьей-либо правоте, трактуя его разными способами, но сторонники Баркидов не уступали, что крайне раздражало главу римского посольства. Наконец тот потерял терпение. Подобрав переднюю полу тоги таким образом, что углубление образовало форму чаши, он сказал:

— В этой чаше я несу вам войну и мир, что вам подать?

— Чего пожелаешь сам! — крикнули ему в ответ.

Распустив полу, тот гневно сказал:

— Я даю вам войну!

— Принимаем!

Так была объявлена злополучная война, которая длилась восемнадцать лет — Вторая Пуническая война (219–201).

Однако объявить ее было гораздо легче, чем начать военные действия против далекого врага. В римском сенате шли бесконечные совещания,

что предпринять. Но «пока длились дебаты, Сагунт был взят» — так сами римляне с горечью комментировали эту недостойную страницу своей истории.

25

НАЧАЛО ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Наградив свое войско богатой добычей за восьмимесячную осаду Сагунта, Ганнибал отправил его на зимние квартиры в Новый Карфаген. На следующий год начался его поход в Италию, легендарный марш, долгие годы не имевший аналога в мировой истории. Армия Ганнибала состояла из 50 000 человек — отборной конницы, пехоты с тяжелым вооружением и несравненной легкой нумидийской кавалерии. Всадники последней были родом из Алжира, страны на западе от Карфагена, богатой кочевничьими пастбищами. Именно эти кочевья и дали греческое название живущим там народам (*Numidae*, *гр.* *Nomades* — кочевники). Ганнибал получил незаменимую дружину от Карфагена взамен за посланные туда для защиты страны испанские отряды; из Карфагена же он получил и слонов, которые, правда, доставили ему больше хлопот, чем пользы.

Он оставил Испанию под началом своего героического брата, Гасдрубала Барки, а сам отправился в поход. Переправа через реку Ибер (Эбро), проход через Пиренеи, благословенные равнины сегодняшнего Лангедока (центр — Тулуза), переправа через Родан (Рона) — все было просчитано и продумано самым тщательным образом. Ганнибал очень точно предусмотрел и смог использовать естественную настороженность к римлянам галлов вдоль Родана за угнетение последними их цизальпийских соплеменников; тем не менее везде возникали неожиданные преграды, задерживающие поход; наступила осень, когда карфагенский главнокомандующий увидел перед собой самого страшного и естественного противника — Альпы.

Казалось, что сама природа решила испытать молодого вождя, вынуждая его преодолеть неслыханные трудности с самого начала похода. Провести пятидесятитысячное войско, конницу с тяжелым вооружением через крутые склоны, по узким тропам, между покрытыми снегом горами, снабжая достаточным количеством провианта, — все это представляло почти невыполнимую задачу для рядового командира. К перечисленным трудностям добавлялась еще безграничная и потому почти непреодолимая ненависть местных племен; вместо того, чтобы как можно быстрее пропустить захватчика, они всеми способами задерживали армию — то неверно указывая дорогу, то устраивая постоянные засады и предатель-

ски нападая на лагерь. Поздняя альпийская осень делала свое дело: метели, неожиданные лавины, заваливавшие ненадежные тропы, ливни, бури. Гибли кони, люди, таяло войско; но верность и отвага солдат были несокрушимы, и Ганнибал мог еще раз убедиться в том, насколько армия его любила.

— Вперед, друзья — сказал он солдатам, когда они дошли до склона перед долиной. — Видите, там, у ваших ног Италия, там благословенная долина Пада (По). Мы прошли сквозь стены самого Рима, теперь все будет наше!

Еще несколько дней пути — и они могли отдохнуть после невероятно-го напряжения и нечеловеческих усилий на протяжении всего марша, радостно принятые союзниками, цизальпинскими галлами.

А что в это время делали римляне?

В 218 году консулами были Публий Корнелий Сципион и Тибериус Семпроний. Ведя войну на два фронта, с Ганнибалом и Карфагеном, сенат поручил первому двинуться с легионами в Испанию, второму — через Сицилию в Африку. Но Корнелий опоздал в Испанию; узнав, что Ганнибала там нет, он передал командование своими легионами брату, Гнею, а сам, собрав новое войско, решил встретить врага у Родана. Он переправился туда по морю, но опоздал снова; вернувшись тем же путем в Италию, Корнелий поспешил с конницей навстречу Ганнибалу на реке Тицин (Тичино, приток По). Здесь произошла первая битва между карфагенянами и римлянами; Ганнибал не мог, конечно, предвидеть, что в лице консула Корнелия он имеет перед собой отца будущего своего победителя; еще меньше он мог его увидеть в шестнадцатилетнем юноше, сражавшемся рядом с консулом и спасшем тому жизнь в минуту опасности. Пока что успех был на стороне Ганнибала, Корнелий отступил к легионам, оставленным в лагере, разбитом к западу от реки.

Первая неудача не обескуражила Корнелия и даже оказалась полезной. Она научила его, что конница Ганнибала непобедима и потому следует избегать сражений на открытой равнине. Похоже, что еще один полезный урок извлек командующий от первого соприкосновения с противником: как можно дольше уклоняться от решительных сражений, и, изнуря наступающего врага упорной оборонительной войной, тем самым постоянно вынуждать его испытывать на прочность сомнительную выдержку поставщиков провианта, галлов. Так или иначе, но Корнелий отступил, под покровом ночи снялся с лагеря и отошел на правый берег реки По к востоку за р. Требия, там где отроги Апеннин спускаются к берегу.

Именно здесь, в цветущей долине Страделла, были созданы Римом упомянутые выше колонии Кремона и Плаценция. Заняв Страделлу, Корнелий Сципион ждал подхода армии другого консула, Семпрония; тот также

не успел переправиться в Африку и был вызван для воссоединения с Корнелием. Семпроний явился вовремя. Четыре римских легиона стали у Требии; положение Ганнибала, казалось, безвыходное: он сидел как бы «в мешке» между грядой Альп и Апеннин, а завязанный узел находился в руках римских командующих. Его друзья, галлы, народ смелый, но легко возбуждающийся и близорукий, требовал быстрых действий, не желая бесконечно кормить его войско; приближалась зима. Решительное сражение для Ганнибала было столь же необходимо, как нежелательно для Рима. Но ускорить его он не мог — слишком мощными были засовы Страделлы.

Вот здесь-то и проявилось органическое отсутствие римской стратегии, которое ощутилось именно тогда, когда наступило время состязания с твердой волей сильной личности. Органическая слабость республиканской стратегии в борьбе с монархической в значительной степени объясняется особенностями республиканского строя, имевшего весьма сложную структуру управления. Ганнибал сам решал, как действовать, он не был связан сроком своей власти, он мог составлять планы на многие годы вперед, неукоснительно выполняя поставленные перед собой цели. Его враги подчинялись власти двух консулов, одинаково правомочных и действующих только один год. Возникает естественный вопрос: что мешало Риму в минуту опасности выбрать или назначить одного главнокомандующего, предоставив ему власть на более долгий срок, до полной победы? Мешало опасение, что тот единственный вождь, подчинив себе армию, вознамерится оставить эту власть себе, захочет стать царем. История греческих государств полна подобных ситуаций: еще недавно Гиерон в Сиракузах именно таким образом получил царскую власть над своими согражданами.

Подобная ситуация возникла и теперь. Наученный опытом Корнелий наверняка задушил бы Ганнибала в цизальпинском мешке одним лишь ожиданием у Требии; но у него был товарищ, такой же консул, Семпроний, амбициозный и пылкий, он и слышал не хотел об отсрочке. Пока они тут будут ждать, пройдет зима, а в марте новые выборы, к власти придут новые консулы и слава победы достанется им, а не ему! Нет, нужно принять бой немедленно. И вот, выбрав день, когда высшая власть была в его руках — а консулы получали такие полномочия по очереди. — Семпроний повел свои легионы за Требию. Этого и ожидал Ганнибал; у него было еще одно преимущество перед римлянами: он умел пользоваться военной хитростью, каковой те, — пусть это послужит к их чести. — не пользовались вовсе, предпочитая смелое и открытое сражение. Ганнибал разместил засаду в одном из оврагов долины Требии. Легионы Семпрония были атакованы с двух сторон, и карфагенский вождь украсил свои штандарты первой значительной победой у Требии.

Остатки римских отрядов, в том числе 10 тысяч пехотинцев во главе с Семпронием, сумели добраться до Плаценции; ни Плаценции, ни Кремоны пока что Ганнибал захватить не мог. Корнелий направился к своему брату в Испанию, где они вместе начали готовить долгую войну против Гасдрубала Барки, войну, которую им не суждено было окончить. Мы к ней еще вернемся. Семпроний поторопился в Рим для руководства консульскими выборами. Больше о нем не было слышно. Галлы выражали крайнее недовольство тем, что обе римские «занозы» остались в их теле. Они предоставили Ганнибалу многочисленный вспомогательный отряд и потребовали покинуть их земли. Для этого пришлось бы пройти через Апеннины; Ганнибал мог уйти только весной, да и то не без труда. Весна 217 года оказалась очень теплой, все пространство между Апеннинскими и этрусской рекой Арн превратилось в сплошное болото. Войско все время продвигалось вброд, ночуя под открытым небом; начались болезни. Сам Ганнибал, разделяя все трудности со своими солдатами, заболел тяжелой лихорадкой и потерял глаз; такой ценой он заплатил за победу.

26

ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО И КАННЫ

На что же рассчитывал мудрый полководец, покидая союзническую, хотя и ненадежную Галлию и переходя в собственно Италию, откровенно ему враждебную? Неужто собирался повести свои войска против Рима? Нет, он знал, что у него не хватит сил для осады. Или, может, намеревался завоевать Италию по частям, сначала Этрурию, потом Умбрию, Самний и пр.? Он понимал, что в таком случае он постепенно терял бы армию, расходуя свои силы на осаду отдельных городов. Нет, план его был иной; чтобы понять его, нам следует отчетливо себе представить ситуацию в тогдашнем Риме и самой Италии.

Большая ошибка считать Италию того времени единой державой, похожей на Италию современную, говорящую на одном языке, управляемую из одной столицы и защищаемую единым войском. Нет, объединена была только небольшая территория на юге от Рима, Лаций и его муниципии, а также около тридцати римских и латинских колоний, рассеянных по всей Италии, от Кремоны и Плаценции до Брундизия; именно на этой территории говорили на латинском языке, только здесь граждане обладали полными или частичными гражданскими правами и служили в римских легионах. Все остальные — этруски, самниты, апулы и другие были для римлян только союзниками, они пользовались самоуправлением, говорили на своем языке и помогали римлянам вспомогательными отрядами.

по численности не сильно превосходившими легионы Рима. Одним словом, Рим не был в Италии единым государством, а лишь имел гегемонию над самоуправляющимися общинами. Рим вместе с Лацием и колониями был сильнее каждого союзника в отдельности, но значительно слабее взятых их вместе.

Зная такое положение, Ганнибал и составил свой план. Прежде всего он мечтал ослабить и разрушить гегемонию Рима, предоставить его полусвободным союзникам полную независимость, вернуть в Италию положение, существовавшее до Самнитских войн. Думал ли он о восстановлении стародавнего союза с этрусками? Чтобы при помощи новых союзников стереть Рим с лица земли? Мы об этом не знаем. Поначалу он поставил лишь одну задачу — оторвать от Рима его союзников.

Вот почему после каждой победы, забрав ту или иную часть войска в качестве пленников, Ганнибал отделял от них собственно римских воинов. Только с ними он поступал как с плененными врагами, остальных освобождал без выкупа, иногда даже с наградами, подчеркивая, что сражается не с Италией, а исключительно с Римом, что его намерение — дать им свободу, получив их дружбу; так он старался посеять семена доверия к себе и ненависти к Риму.

Теперь он оказался в Этрурии. Дали ли брошенные семена какие-либо ростки? Увы, пока еще нет. Ни один этрусский город не раскрыл перед ним ворота. Арреций, Клузия, Фезулы — все они в унылом молчании смотрели со своих холмов на мощный поток карфагенских войск у подножия гор. Нет, сильна была еще вера в Рим, в его неодолимую мощь; нужны были новые успехи оружия Ганнибала, чтобы поколебать эту веру!

Ганнибал провел свои войска через молчаливую Этрурию в гостеприимную и желанную Умбрию. Здесь, между Кортоной и Перузией раскинулось среди гор прозрачное Тразименское озеро, здесь-то и вышли навстречу Ганнибалу новые римские войска. Во главе их стоял герой галльской войны Гай Фламиний, человек острого ума, но недостаточно выдержанный и трезвый. Окрыленный славой своих цизальпинских успехов, любимец плебса, он получил от него весомую поддержку в борьбе с нобилитетом в недавних новых консульских выборах и приобрел много врагов среди последних; Фламиний знал, что за каждым его шагом внимательно следят и любая ошибка будет использована, чтобы его погубить; знал он также, что только новая победа даст ему возможность упрочить и умножить свою славу. Вот почему он повел свою армию на Тразименское озеро, стремясь перерезать дорогу Ганнибалу в долину Тибра.

Но берега Тразименского озера, по словам Ливия, были местом, «созданным для ловушек»: горы подходят к берегам сначала вплотную, затем отходят и снова приближаются. Войска Ганнибала остановились на воз-

вышенности. Фламиний вел свои войска по дороге к берегу. Казалось, сама судьба помогала пунийцам: густой туман покрыл всю долину на северном берегу озера; он увеличивал призрачность предательского озера: на взгорьях сверкало яркое солнце, что давало Ганнибалу возможность удобно и целесообразно разместить на холмах ливийскую и иберийскую пехоту. Он выждал, пока римляне прошли первую теснину, затем занял ее сам. Другая часть была им уже занята заблаговременно. Для римлян наступил день второго «Кавдинского ущелья». На этот раз, правда, они могли хотя бы сразаться и бились с таким ожесточением, что даже не заметили землетрясения, разрушившего несколько городов. Но их героизм был напрасен. Сам Фламиний погиб от руки галла, отомстившего ему за поражение 223 года. Несколько тысяч солдат погибли, другие попали в плен.

В Риме со страхом ждали результатов сражения; народ собрался на Форуме. Вышел претор:

— Мы проиграли великую битву, — сказал он с благородной открытостью.

Народ снова проявил замечательную выдержку, которая никогда не покидала римлян в минуту испытания. Решили прибегнуть к старому испытанному средству — к диктатуре, давно не практиковавшейся. До этого диктатора назначал консул, но один из них погиб, другой сражался далеко от Рима и не мог покинуть войско. Первый и единственный раз выбор диктатора и его помощника, начальника конницы (*magister equitum*), был поручен народному собранию. Диктатором стал наиболее подходящий в тот момент человек, К в и н т Ф а б и й К у н к т а т о р («Медлитель»); так его прозвали благодарные потомки, о чем написал поколение спустя молодой тогда еще Энний в своей «Хронике»: «Неторопливостью своей он Рим сумел спасти».

Увы, начальником конницы был избран совсем не похожий на Фабия военачальник, честный, но легкомысленный Марк Минуций Руф.

Создав новое войско, Фабий двинулся навстречу Ганнибалу. А тот задыхался среди взгорий и узких долин центральной Италии, стремясь к просторным равнинам Апулии, где он смог бы использовать свою конницу. Фабий не преграждал ему пути, но неотлучно следовал шаг за шагом по горным склонам, словно туча, повисшая над армией Ганнибала, всеми способами замедляя передвижение. Стратегия Фабия, знавшего превосходство карфагенской кавалерии над римской, была рассчитана на затягивание войны. Однажды ему удалось заманить противника в котловину, и положение карфагенянина стало весьма тяжелым. Но Ганнибала спасла военная хитрость, в изобретении которой он не имел себе равных; он приказал пригнать ночью большое стадо быков, к их рогам прикрепили

горящие факелы и погнали с гор против римлян. Рассвирепевшие от боли и страха животные давили легионеров, бросившихся на «противника». Необходимый Ганнибалу проход остался открытым, и полководец благополучно его миновал. Добыча ушла из рук римлян.

Нетерпеливый Минуций воспользовался неудачей Фабия; через своих друзей в Риме он добился вызова диктатора в столицу, а там постановили разделить диктаторскую власть между двумя полководцами. Так в результате интриг вновь возникло несчастное «двоевластие». Фабий подчинился, отдал Минуцию половину войска, два легиона, а со своей армией продолжал оберегать возвышенности. Ганнибал мгновенно воспользовался ситуацией: он оставил в качестве приманки Минуцию одинокий холм на равнине, уверенный, что тот попадет на нее; сам укрылся в засаде. Минуций проглотил крючок, но когда окружил злополучный холм, довольный неосторожностью противника, тот набросился на него с тыла.

Римляне опять оказались в ловушке, положение стало угрожающим. К счастью для римлян, Фабий неусыпно следил за действиями как карфагенского полководца, так и своего неосторожного коллеги; в критическую минуту он бросился с занятых им высот с такой молниеносной быстротой, что Ганнибал счел за лучшее отойти к своему лагерю со словами:

— Я говорил вам, что эта висящая над нами туча когда-нибудь разразится бурей и ливнем!

Минуций был спасен; по сути своей он был человеком благородным и потому открыто перед солдатами признался Фабию в своем легкомыслии, назвал его «отцом» и просил принять полное командование над уцелевшими отрядами. Так Фабий одержал необычную двойную победу.

Закончился 217 год. Передавая свои полномочия вновь избранным консулам, Фабий мог совершенно обоснованно сказать, что он помешал Ганнибалу победить римлян, а победа римлян над карфагенянами — вопрос будущего. За военные успехи Фабий получил почетное прозвище «Щит Рима». Сам, правда, он считал, что окончательная победа над Ганнибалом — дело весьма отдаленного будущего: пока что он с тревогой следил за результатами выборов консулов на следующий год; консулами стали спокойный и умный Луций Эмилий Павел и крикливый хвостун и демагог Гай Теренций Варрон, один из авторов недостойных сплетен о герое. Опасения Фабия подтвердились. В том же 216 году Рим испытал новое страшное несчастье.

Следует подчеркнуть, что дорога от Тразименского озера до Апулии не прошла гладко для Ганнибала. Главная его задача — двигаться как можно быстрее; он оказывался всегда там, где его меньше всего ожидали и где он всеми способами старался ослабить римскую гегемонию. Теперь он остановился у Канн на реке Ауфиде, недалеко от римской коло-

нии Венузии, служившей важным продовольственным складом для римлян. Когда оба консула двинулись против Ганнибала, он сумел занять весьма выгодную для себя позицию, и горячий и полный пыли ветер, обычный в Апулии, дул римлянам прямо в глаза. Эмилий Павел настаивал отложить сражение, чтобы успеть занять более удобные позиции. Варрон же горел от нетерпения; он хотел немедленно принять сражение, рассчитывая на количественный перевес римской армии. Выбрав день, когда высшая власть над армией была в его, Варрона, руках, он вывел легионы в поле. Ганнибал в этом сражении превзошел себя в искусстве предвидения и холодной выдержке и нанес сокрушительное поражение римлянам. На поле боя, на окровавленной земле лежали более 70 тысяч римских солдат, а Варрон, с остатками своих легионов, пытался спастись бегством. Эмилий Павел, не желая его сопровождать, раненный, слез с коня, отданного ему одним из солдат, и пал смертью храбрых на развалинах римской славы. Позже Гораций, рожденный на этой земле, назвал Эмилия Павла «расточителем своей великой души».

27

ГАННИБАЛ В КАПУЕ

В минуту самой страшной опасности гибели Рима его сенат проявил невероятное самообладание и железную волю, чем и прославил себя навеки. Это был триумф духа над судьбой. Никто не думал о мире с врагом, под знамена нового войска призывали молодых граждан с семнадцати лет, за счет казны купили 8 000 рабов и приняли в армию, обещая за добрую службу свободу и гражданство. Для того чтобы доказать всему миру веру в свою силу наиболее убедительно, в Апулию послали гонца к консулу Варрону, выразить ему благодарность за то, что «не усомнился в возможности спасти Республику».

Правда, в лагере Варрона царило подавленное настроение. Часть патрициев, желая избежать судьбы Павла, приняла решение перенести столицу из обреченной на уничтожение Италии в другое место, где-нибудь на море. Однако об этом узнал молодой Сципион, тот самый, который два года назад у р. Тицин спас жизнь своего отца, прорвавшись с горсткой верных ему солдат к заговорщикам и вынудив тех отступить. Заговорщики тогда поклялись, что откажутся от всякой мысли изменить своей родине, древнему городу Ромула на семи холмах.

Но то были ростки прекрасного будущего; настоящее выглядело скорее угрожающим. Под влиянием кровавого потопа под Каннами начали, наконец, всходить семена, брошенные предусмотрительным Ганнибалом.

Капуя, сестра Рима, вторая столица государства, открыла Ганнибалу свои ворота; ее примеру последовали и другие союзные города. Впервые после того как Ганнибал покинул Испанию, он получил возможность разместить свои войска на зимние квартиры в самом богатом и красивом городе во всей Италии. Правда, в итоге это сказалось крайне неблагоприятно на его закаленных солдатах; подобный отдых не способствовал укреплению их духа и тела, а только изнежил и избаловал. С тех пор словосочетание «Ганнибал в Капуе» стало символом победы наслаждения над человеком, неодолимым в труде.

Готовя новую атаку на Рим, Ганнибал послал в Карфаген своего брата Магона с сообщением об успехах. Ему было чем гордиться: Трeбия, Тразимен, Канны! Для демонстрации значимости своей последней победы Ганнибал велел высыпать перед членами совета деревянный ковш золотых колец, снятых с убитых под Каннами римлян — а ведь только сенаторы и всадники имели право носить золотые перстни! Ганнибал мог еще похвастаться тем, что Капуя и другие города изменили римскому союзу, впустив карфагенские войска. Кампания, Самний, Апулия, Лукания, Брутий — в руках Ганнибала! Пусть теперь карфагенский сенат окажет своему полководцу помощь войском и деньгами, и он ценой небольшого последнего усилия добьется мира и власти на все времена!

Но непримиримый враг Баркидов Ганнон Великий и на этот раз не отказался от своей мелочной и завистливой политики. Он даже осмелился усомниться в подлинности сообщения о выдающейся победе:

— «Я уничтожил три вражеские армии»?! Отлично, и что из этого? «Пришлите мне солдат!» Вот как? А о чем бы ты просил, если бы Рим разбил твою армию? «Я захватил три римских лагеря с их имуществом». Очень хорошо, — значит..? — «Пришлите мне деньги»? А что станешь просить, если захвачен будет твой лагерь? «На нашу сторону перешли Капуя и столько-то союзнических Риму городов». Нет, ты скажи, есть ли среди них хоть одно латинское поселение? Перешел ли на нашу сторону хоть один римлянин? Послал ли Рим хоть одно посольство с предложением о мире? Нет?! Значит, главная война еще в будущем!

И критика возымела действие: Ганнибалу не отказали вовсе, но и нужной поддержки он не получил. Карфаген не оценил должным образом решающий момент и — заплатил за это своей гибелью.

После битвы у Канн война распалась на отдельные столкновения; Италия стала главной добычей для обеих сторон, но ни одна из них не предпринимала решительных действий. Ганнибал по-прежнему колебался, направить ли войско против Рима; рассказывали, что после победы над Каннами один из солдат его эскорта как раз потребовал такого действия, закончив свой пламенный призыв такими словами:

— Через четыре дня ты будешь пировать на Капитолии!

Но осторожный полководец ответил решительным отказом. Раздосадованный советчик сказал:

— Побеждать ты умеешь, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой...

Ганнибал оказался прав. Главной целью в Италии было для него разрушить римский союз; целью Рима — удержать верных союзников и объединить тех, кто отошел. Поэтому война и превратилась в серию отдельных мелких сражений.

Во всех союзных городах в то время не прекращалась борьба между аристократией и демократами. Аристократия почти везде была на стороне Рима и его сената, демократы — на стороне Ганнибала; там, где демократы были у власти, — наступал разрыв с Римом. Во главе римской политики в то ненадежное время мы видим исключительно способных людей. Прежде всего, это известный нам Фабий Кунктатор, «Щит Рима», и герой галльской войны Марк Клавдий Марцелл, который сумел один раз даже разбить отряды Ганнибала, за что и получил прозвище «Меч Рима».

Конечно, первым условием для дальнейших успехов Рима было возвращение Капуи. Напрягая все свои силы, Рим окружил неверную союзницу железным кольцом легионов. Напрасно Ганнибал пытался это кольцо разорвать... Чтобы оттянуть римские войска, осаждающие Капую, карфагенский полководец первый и единственный раз повел свою армию против Рима. Он сумел довести ее до самых стен города, разбив свой лагерь между Тибром и Аниеном, откуда он мог наслаждаться видом Капитолия и другими холмами неприступной столицы. Наверное, именно знаменитый позже крик «Ганнибал у ворот!» и напугал римлян, но особых последствий не имел. Ворота города были заперты, никто не вышел — и с горечью и досадой узнал Ганнибал от своих разведчиков, что именно в это время в Риме происходили торги той самой земли, на которой был разбит его лагерь, — и продали ее по самой обычной цене, словно карфагенян там и не было...

Убедившись в полной бесполезности своих попыток, Ганнибал отошел от города, а Капуя вскоре сдалась. Рим сурово расправился с ней, многие граждане заплатили своей кровью. Римский сенат, не одобрявший жестких мер, послал к карателю-консулу, Квинту Фульвию Флакку, письмо с приказом воздержаться от резни. Не распечатывая письма, консул положил его на колени и велел палачам продолжать свою работу; и только тогда, когда был убит последний из виновников разрыва с Римом, он соизволил прочитать послание.

Для Ганнибала потеря Капуи стала поворотным пунктом италийской кампании. Конечно, некоторым утешением могло служить успешное занятие главного греческого города в Италии, Тарента, давнего соперника Рима. Но, во-первых, завоевание было неполным: начальник римского гарнизона Марк Ливий Макат полностью контролировал неприступный кремль, а во-вторых, Рим направил против Тарента своего опытного командующего, Фабия Кунктатора, который после долгой осады сумел отобрать у Ганнибала эту жемчужину Южной Италии.

Это была последняя военная акция престарелого полководца. Отчет об осаде Тарента показался Ливию Макаату оскорбительным:

— Квинт Фабий, признайся, — сказал ему Ливий, — без меня ты не смог бы взять Тарент!

— Разумеется, нет, — ядовито ответил Кунктатор, — я не смог бы его взять, если бы до этого ты его не потерял!

Смерть Архимеда. Мозаика. III в. н. э.

Франкфурт-на-Майне, Государственный институт искусств

28

АРХИМЕД

Итак, Ганнибал, запертый в Бруттии и покинутый соотечественниками, мог надеяться только на своего брата, полководца карфагенской Испании, Гасдрубала Барку. Но чтобы оценить его положение, нам следует представить развитие военных событий на других театрах войны. Теперь их было три: Греция с Македонией, Сицилия и Испания.

В Македонии тогда правил царь с гордым именем Филипп, хотя он был мало похож на основателя величия своей родины. Македонский царь отчетливо понимал, что победа Рима гораздо более опасна для него, чем победа Карфагена, поскольку планы последнего никогда не охватывали восточной части Средиземного моря; учитывая это, он и заключил соглашение с Ганнибалом. Однако этот союз из-за бездарности Филиппа V мало чем мог быть полезен пунийскому полководцу. Македонские послы попали в руки римлян, сенат, не ожидая, пока силы Филиппа появятся в Италии, постановил послать свои войска против восточного соседа. Конечно, больших сил Рим собрать не мог — не более одного легиона, под командованием Марка Валерия Левина, тем не менее римлянам удалось удержаться на прибрежной полосе Адриатического моря. Левин оказался весьма ловким человеком и, используя временные конъюнктуры, менявшие в зависимости от ситуации взаимоотношения на Востоке, он создал Филиппу V столько врагов, что тот был вынужден оставить всякую мысль о походе в Италию; Первая Македонская война, на которую Рим призвал один легион, имела лишь один результат — разрушение страдающей Греции. А Рим скоро припомнил Филиппу его враждебные намерения.

Более серьезной ситуация была в Сицилии.

Мудрый правитель Сиракуз Гиерон в течение 50 лет неизменно соблюдал союз с Римом; он умер в глубокой старости вскоре после тяжелого поражения римлян под Каннами. Народ любил умного царя и эту любовь перенес на его преемника, несовершеннолетнего внука, Гиеронима.

Несмотря на свою молодость, — а было ему тогда пятнадцать лет, — он отличался невероятной распущенностью и легкомыслием. Считая дело Рима проигранным, он принял соблазнительное предложение поменять союз с Римом на соглашение с Карфагеном. И когда римские послы явились к Гиерониму, чтобы обновить союзный договор, некогда заключенный с его дедом, он дерзко спросил их, что произошло у Рима с Ганнибалом под Каннами. «Карфагенские послы, — добавил он язвительно, — рассказывают невероятные вещи...» Глава римского посольства ответил

спокойно, что они вернутся к нему, когда тот будет в более серьезном настроении.

До открытого разрыва, однако, дело не дошло. Гиероним сумел за несколько месяцев разрушить любовь и привязанность, которых его дед добился в течение пятидесяти лет мудрого и умеренного правления; возник заговор, и Гиеронима убили. Сиракузы снова стали республикой. Но хаос, возникший после уничтожения тирана, дал возможность сторонникам карфагенской партии ловить рыбу в мутной воде. Вскоре они достигли своей цели, и Сиракузы заключили союз с Карфагеном против Рима.

Для Рима это был страшный удар. Конечно, ослабленные внутренними противниками военные силы республиканских Сиракуз не представляли особой опасности непосредственно для Рима, но теперь Карфаген снова получил возможность опереться на Сицилию, откуда в любую минуту можно протянуть руку помощи Ганнибалу в Бруттии. И хотя именно тогда Рим осаждал Капую, он напряг последние силы, чтобы не допустить расширения карфагенского влияния на Сицилии. Римляне послали туда своего лучшего полководца Марцелла, «Меч Рима», и даже сумели получить некоторую выгоду от войны, вспыхнувшей на Сицилии, чтобы продемонстрировать там пример спасительной решимости и строгости: остатки «каннских легионов» были отправлены на остров с запретом возвращения в Италию, пока не закончится война. Несчастные умоляли снять с них пятно позора, но сенат оставался неумолим: «Беглецы, бросившие своих товарищей на поле боя, не должны возвращаться на родину, пока не искупят своего греха».

Можно удивляться выдержке римлян и их сената, но сердце наполняется болью, когда представляешь, что копья легионеров были направлены против самого прекрасного греческого города, против подлинной жемчужины Запада. Долголетний мир, которым Сиракузы наслаждались во времена Гиерона, позволил городу украситься всеми волшебными произведениями греческого искусства; замечательные старые и новые храмы соседствовали со столь же великолепными светскими зданиями, публичными и частными; среди колонн на площадях прятались дивные статуи из мрамора и бронзы. Собственно говоря, это был не один город, а скорее четыре города, соединенных между собой, каждый из которых окружала своя стена. Напротив Острова (Ортигия), самой древней части города с цитаделью (отметим, что это единственный застроенный участок современного города), на суше сияла богатая Ахрадина, с изысканными домами магнатов, купцов и знати, рядом — район Тихе, названный по имени божества и ее храма (лат. *Fortuna*), и так называемый «новый город», Неаполь. По размеру Сиракузы не уступали Риму, по красоте и изысканности значительно его превосходили.

И вот этот город стал теперь театром войны, ничего ему не приносящей, кроме ада. Карфаген и на этот раз не торопился оказать необходимую помощь; сиракузяне в борьбе с железной силой Марцелла обречены были сражаться, полагаясь только на свои силы, на благородный дух граждан и на наемников. Кто знает, как долго они могли бы выдержать, если бы не гениальное изобретение одного из их сограждан, А р х и м е д а.

Архимед был математиком по призванию; среди прочих достижений следует упомянуть его расчеты объема цилиндра и шара, подлинная гордость Архимеда; на своем надгробии он просил изобразить эти два тела. Механику и связанные с нею некоторые разделы физики ученый считал «геометрией для развлечения» и смотрел на нее сверху вниз. Но и физику и механику он обогатил бессмертными открытиями. Еще при Гиероне, своем покровителе, Архимед решил задачу, поставленную перед ним царем — рассчитал удельный вес; именно к этому открытию и относится его знаменитое восклицание: «*Ευρηκα!* (я (это) нашел!)». Теперь его привлекала задача из области механики: как, используя наименьшую силу, произвести наибольшую работу. Далее Архимед не столько открыл, сколько развил и обосновал закон рычага, открыл основной закон гидростатики и сконструировал так называемый Архимедов винт.

Успешное проведение таких исследований дало ему право смело заявить:

— Дайте мне точку опоры, и я подниму земной шар!

Сторонник умершего Гиерона, Архимед не мог поддерживать безумную политику его преемников. Тем не менее, когда война стала реальностью, гражданский долг велел ему помогать родине. И он помог ей самым фантастическим образом. Марцелл осаждал Сиракузы со стороны суши и со стороны моря, но рассчитывал захватить город при помощи флота. К стенам Ахрадины и Ортигии подплыли тяжелые пентеры, несущие на себе огромную осадную башню — и вдруг на укрепленной городской стене возник гигантский журавль, на толстой цепи опускается крюк, зажав судно, поднимает его в воздух, встряхивает — и судно с грохотом падает в море. Архимед изобрел много подобных вещей для помощи осажденным. Каждый раз это вызывало у римлян большую тревогу; если показывалась какая-либо балка, они кричали: «*Машина, машина!*» и прятались в свои укрепления.

Но и Марцелл не прекращал попыток захватить город. Привычная тактика железного кольца постепенно начинала давать результаты. Пали Тихе, «новый город». Теперь римские легионы стояли под стенами прекрасной Ахрадины. Со слезами смотрел просвещенный и гуманный Марцелл на творения человеческих рук, обреченные на уничтожение. Но легионеры были ослеплены яростью, и полководец знал, что ему не удержать их

от грабежа богатого города. Почти одновременно пали Ахрадина и Ортигия. Начался грабёж. Архимед даже и не заметил, что город уже взят, не слышал криков и грохота; его ум был полностью погружен в очередные научные исследования: в своем перистиле он рисовал циркулем на песке. Ворвались легионеры. «Друг, — сказал одному из них раздосадованный мудрец, — не стирай мои рисунки». Не зная, кто перед ним, солдат, не раздумывая, убил ученого. Узнав о случившемся, Марцелл велел похоронить Архимеда со всеми полагающимися почестями, а соотечественники украсили его могилу памятником, о котором в свое время просил погибший.

Во время захвата города много прекрасных творений погибло, остальные произведения были вывезены для украшения столицы. Тогда впервые и познакомились римляне с замечательным греческим искусством. Несомненно, влияние его на культурное развитие будущего владыки мира оказалось весьма благотворным, и следует отметить, что просвещенные люди Рима крайне не одобряли разрушения побежденных городов, более того, осуждая алчность Марцелла, вспоминали сдержанность Фабия Кунк-

Портрет Марцелла. Берлин

татора при взятии Тарента. В свое время люди из окружения Фабия советовали ему забрать с собой мраморные и бронзовые статуи, но тот с улыбкой отвечал:

— Нет, оставим тарентийцам их разгневанных богов!

Самое печальное было в том, что примеру Марцелла последовали многие жадные наместники как в Сицилии, так и позже в других местах греческого Востока. Рим украшался трофеями побежденной Греции, а у ее сыновей сердце разрывалось при виде того, как безжалостный победитель забирал все созданное для них великими художниками великого прошлого.

Сиракузы пали — и пали навсегда (212). С тех пор о них нет упоминания в истории. С того времени город превратился в провинциальную столицу объединенной провинции Сицилия, резиденцию римских наместников. После падения Рима и Сиракузы потеряли всякое значение, и ныне это небольшой городок, который едва ли занимает территорию древнего Острова (Ортигии). С грустным чувством проходит сегодня путник по выжженной равнине, среди развалин храмов, театров и каменоломен — остатков давней красоты Ахрадины, Тихе, Неаполя.

29

СЦИПИОНЫ В ИСПАНИИ

Однако ни македонские, ни сицилийские события не привели к окончанию войны; конец наступил в том самом месте, где война началась, в Испании. Мы видели, как в первый год войны (218) сенат направил туда войско под командованием Гнея Корнелия Сципиона; после сражения у Требии к нему присоединился его брат, Публий Сципион; тогда и началась славная десятилетняя деятельность Сципионов в Испании, которая длилась до последней минуты освобождения страны от власти Карфагена. Римляне проявили здесь в полной мере свойственную им выдержку и предусмотрительность, помня неукоснительно, какое значение для Карфагена имеет Испания; даже римский сенат в самые тяжкие минуты истории, после Тразименского озера, Канн, не отзывал в Италию свои испанские легионы.

Задача Сципионов была двоякой: победить карфагенян и отколоть от них иберийские племена; и то и другое они выполнили блистательно. Прежде всего они освободили от карфагенян земли между Пиренеями и Эбро (р. Ибер), поскольку здесь командовал армией противника второ-разрядный военачальник; ситуация осложнилась, когда римские знамена прорвались на другой берег реки. Здесь перед ними оказался сам Гасдрубал

Барка. Избегая решительных сражений, римляне медленно продвигались вперед, увеличивая количество своих сторонников. Особенно много их стало после восстановления Сагунта, который таким образом был щедро вознагражден за свою верность Риму. Сципионы приказали выкупить проданных в неволю жителей Сагунта и вернуть их на родную землю. Столицей стал приморский Тарракон, отныне соперник Нового Карфагена. Успехи римлян вызвали беспокойство пунийцев, и на помощь Гасдрубалу было послано новое войско под командованием сына Гасдрубала, Гискона; третьей армией командовал брат Ганнибала, Магон Барка. Римляне не смогли должным образом усилить войска Сципионов, поскольку не преодолели печальные итоги поражения под Каннами. Сципионам приходилось опираться на помощь многочисленного племени кельтиберов, живших в центральной части полуострова. Поддержка казалась надежной; но под напором армий с двух сторон Сципионы совершили в этот момент фатальную неосторожность: они разделили свои силы. Карфагенянам это было на руку; перекупив кельтиберов, они уговорили их отряды в самый разгар сражения покинуть римских союзников. И действительно, туземные контингенты массой дезертировали из римских войск, и обе римские армии были поочередно разбиты в сражении у Амторгиса (212); оба Сципиона погибли.

Известие о разгроме, словно молния, потрясло Рим. Казалось, что освобождение от опасности вторжения врага в Италию было так близко: Капуя недавно сдалась, падения Сиракуз ждали со дня на день. Ганнибал в Бруттии почти разбит. Но на Западе начала собираться новая буря. Все успехи шестилетнего похода пропали даром. Испания, вплоть до р. Ибер вновь признала власть Карфагена. Сагунту грозило уничтожение, Гасдрубал с минуты на минуту мог перейти р. Ибер, овладеть горной цепью Пиренеев и с новым войском броситься на истощенную Италию.

В эту отчаянную минуту спасителем надежд римлян в Испании оказался простой солдат римской конницы разбитой армии Гнея Сципиона, Г а й М а р ц и й. Он сумел организовать переправу остатков войск за Ибер. Солдаты назначили его своим начальником, и он провел дальнейшую операцию настолько умно и толково, что его отряды не только смогли продержаться до прибытия новых подразделений, но и укрепили позиции, гарантировавшие дальнейшие успехи.

Вся Испания до Ибера снова стала римской.

Тем более крайне важно было найти достойных преемников погибших полководцев у Амторгиса. Задача представлялась неразрешимой — охотников не было. Наконец, свои услуги предложил человек, на которого из-за его молодости никто прежде не обращал внимания. Это был молодой П у б л и й К о р н е л и й С ц и п и о н, сын убитого Сципиона, тот самый,

который на реке Тицин спас жизнь отцу и который после сражения у Канн раскрыл заговор против Рима. Чрезвычайные события, в которых этот юноша принимал участие с юных лет, развили в нем помимо мужества и рассудительности глубокую религиозность с налетом некоторого мистицизма; он часто молился на Капитолии, укрепляя в себе чувство уверенности в своем избранничестве, и в особой опеке над ним богов-покровителей Республики. Римский сенат тем не менее не считал возможным взять на себя такую ответственность — молодой вождь не имел соответствующего стажа и до сих пор занимал только должность курульного эдила; выбор должен был сделать народ. Когда Сципион стоял перед народным собранием — молодой, красивый, скромный, когда он произнес свою первую речь, захватывающую и взвешенную одновременно, то мгновенно расположил к себе, был избран единогласно и стал командующим армии, наследником отца и дяди.

К двум задачам, стоящим перед армией его предшественников, добавилась третья: любым способом задержать Гасдрубала Барку в Испании и не пропускать его к Пиренейскому перевалу. Молодой Сципион знал об этом и готовился соответствующим образом. Испанская армия приветствовала его с энтузиазмом; он, со своей стороны, оказывал всяческое уважение Гаю Марцию, видя в нем естественного советника и помощника. Конечно, более всего он верил самому себе, на что позволяли его выдающиеся способности. От своего великого противника, Ганнибала, он многому научился, и прежде всего тому, что с таким трудом воспринимали римские военачальники, — он научился искусству военной хитрости, сложным планам сражения и другим операциям. Вскоре появились возможности применить это мастерство на деле.

Не дожидаясь ослабления военного азарта в армии, он провел ее за р. Ибер, не сообщая, однако, никому, куда ведет солдат. И свои, и чужие были уверены, что Сципион готовит поход против одного из карфагенских начальников, стоявших в глубине материка. Но неожиданно он резко повернул к морю, и римляне оказались у высоких стен пунической столицы в Испании, Нового Карфагена.

Это казалось безумием, ведь пока Сципион будет расходовать силы на бесперспективную осаду, придут карфагенские войска и возьмут его в кольцо! Но Сципион все предугадал: он знал, что небольшой полуостров, на котором лежал город, был отделен от суши узким проливом, и там пуниции, доверившись естественной защите, не построили достаточно укрепленных фортов; знал он также от тарраконских рыбаков, что вода там во время отлива не глубокая. Сципион выбрал день, когда благодаря ветру с суши отлив был особенно сильным. Часть войска он послал начать штурм

города — своего рода отвлекающий маневр, — а другой части армии показал отступающую воду:

— Смотрите! Сам Нептун показывает нам дорогу в город. Последуем его призыву!

Солдаты бросились в залив, и вскоре город оказался в руках Сципиона.

Такая фантастическая удача имела решающее значение на весь испанский поход. Пала пунийская столица в Испании, гордое творение Гасдрубала Первого, а вместе с ней римлянам досталась огромная добыча, все снаряжение карфагенской армии и многочисленные заложники со всей Испании, при помощи которых пунийцы держали в послушании непокорные испанские племена. Сципион получил бесспорное право на триумф, хотя и признавал, что как бы ни велико было его военное искусство, перед ним враг, практически ни в чем ему не уступающий.

30

ГАСДРУБАЛ БАРКА

Гасдрубал понял, что дальнейшие успехи карфагенян в Испании нерезультативны. Оставалась единственная надежда — провести войска в Италию, соединиться там со старшим братом и вместе с ним атаковать Рим. Он поручил младшему брату, Магону, и сыну Гисгона, Гасдрубалу, спасти, что возможно, а сам с основными силами отправился к Пиренеям. Сципион был спокоен: все самые близкие подходы к Средиземному морю перекрывали его отряды. Но Гасдрубал показал свойственную Баркидам гениальную смелость. Быстрым маршем он отправился к истоку р. Таг, прошел через территории диких племен, мало известные по названию римлянам, дошел до самых отдаленных бискайских перевалов, прорвался сквозь них — и оказался в Галлии прежде, чем Сципион вообще узнал о его походе. Сколько упреков раздалось в адрес молодого полководца: выпустить Гасдрубала!! Увы, ничего не поделаешь... Столь же молниеносными оказались и другие действия брата Ганнибала. Римляне надеялись задержать его на долгом пути в Италию, но случилось обратное. Наученные горьким опытом общения с грозным Баркидом галлы поняли, что гораздо выгоднее для них пропустить как можно скорее эту грозную тучу, вовсе не против них направляющую свои молнии. Одно за другим неслись в Рим тревожные сообщения: Гасдрубал у Роны! Гасдрубал в Альпах! Гасдрубал в долине По принят с триумфом цизальпинскими галлами!

Так начался для римлян 207 год, самый грозный из всего десятилетия. Что теперь будет? Новая Требия? Тразимен, Канны? Самое страшное в том, что теперь два великих Баркида держат в своих клещах ослаблен-

ную страданиями Италию. Следовало принимать экстренные меры. Сенат и на этот раз проявил прекрасное знание дела: он предоставил народу в качестве кандидатов в консулы *Марка Ливия* (не путать с защитником Тарента) и *Гая Клавдия Нерона*. Первый был храбрым, но угрюмым человеком, его отстранили от всяких дел после несправедливого приговора народного собрания; второй хотя и обладал способностями, но в делах второстепенных. Ливия послали против Гасдрубала, Нерона против Ганнибала, и Рим ждал развития событий.

До сих пор удача сопутствовала Гасдрубалу. Первым серьезным препятствием для него, равно как и для Ганнибала, была Страделла. Он также не мог овладеть Плаценцией, а галлы требовали вытащить эту занозу из своего тела; после бесплодной осады Гасдрубал направился далее дорогой между Апенниннами и Адриатическим морем, чтобы соединиться с братом. Он успел пересечь границу собственно Италии, но на р. *Метавр* его настигла армия Ливия.

В то же самое время Ганнибал покинул Бруттий; окрыленный надеждой на воссоединение с армией брата, он, сломив сопротивление консула Нерона, двинулся в Апулию, к Каннам, свидетельнице его недавней славы, и стал ждать гонцов от брата. Шесть гонцов Гасдрубала отправились в путь, но попали в руки Нерона; последний узнал от них о намерении Гасдрубала — разбить Ливия и направиться в Умбрию, чтобы в назначенном месте, недалеко от Рима, встретить брата. План, пока неизвестный Ганнибалу, стал известен Нерону.

Получив такие сведения, Нерон принял смелое до безумия решение. Оставив в лагере часть войска, уверенный, что Ганнибал будет жать вестей от брата еще несколько дней, Нерон взял самые отборные войска и спешно направился в Умбрию на встречу с Ливием. Под покровом ночи Ливий впустил его в лагерь, не расширяя территории, чтобы Гасдрубал не заподозрил о прибытии подкрепления. В соответствии со своим планом карфагенский полководец начал переправу через р. *Метавр*, чтобы прорваться в Умбрию. Сопротивление Ливия его не тревожило, он готов был к нему и смело принял сражение.

И вдруг в самый решительный момент в тылу появляется с войском второй консул, Нерон, который, по расчетам Гасдрубала, должен сражаться с Ганнибалом и находиться в Апулии. Как могло произойти, что он здесь? Неужто Ганнибал разбит? Всякое отступление было отрезано, оставалось принять бой с превосходящими силами. Все войско Гасдрубала погибло в неравном бою, сам полководец, сражаясь как лев, погиб с остальными смертью героя.

Победа Рима была полной. Один день у р. *Метавр* разбил все надежды Ганнибала. Сам он все еще стоял в Апулии, не подозревая, что противник

уже ушел. Оба консула торопились возвратиться, пока хитрость не будет раскрыта. С удивлением увидел Ганнибал неожиданное усиление противника. Разгадка была болезненной. Жестокий по природе Нерон не преминул осквернить военные успехи отвратительным, до того времени не имеющим аналога актом: в тот момент, когда Ганнибал с растущей тревогой ожидал вестей от брата, Нерон велел бросить на передовые посты карфагенян отрезанную голову Гасдрубала. Теперь все стало ясно: «Узнаю счастье Карфагена!» — горестно воскликнул обреченный вождь обреченного города и тайно вернулся в Бруттий, чтобы там ожидать предначиненной судьбы.

31

ПОБЕДА РИМА

Теперь события начали развиваться значительно быстрее. Следующий год принес римлянам желанную весть о покорении Испании и изгнании оттуда карфагенян. Это известие привез сам Сципион, а потому стало очевидным, что в награду ему полагается консульство на 205 год. Спор возник только по одному поводу: вести ли войну в самой Италии, чтобы изгнать Ганнибала, или же высадиться в Африке, рассчитывая на то, что Карфаген, оказавшись под угрозой, сам вызовет своего великого полководца. Сципион, питая пристрастие к смелым решениям, требовал именно второе. Ему противостоял постоянный сторонник осторожных поступков, пожилой уже Фабий Кунктатор. Сенат принял компромиссное решение: молодой консул получил Сицилию в качестве своей провинции с разрешением переправиться в Африку, если сочтет это целесообразным. Разумеется, он счел нужным так поступить, но его задержали необходимые приготовления, и поэтому отплытие в Африку произошло лишь в 204 году.

Именно здесь, в Африке, в течение последующих двух лет разыгрался последний акт великой средиземноморской трагедии. Чтобы ее понять, посмотрим, как выглядели там карфагенские дела.

Помимо собственно карфагенской территории, относительно небольшой, между Сахарой и морем находились земли союзнических с Карфагеном финикийских городов, из которых большая часть находилась около Малой Сирты (Цирты); обычно ее называли греческим словом *εμπορία*, т. е. торговые порты. Несмотря на племенное родство с Карфагеном, народы относились к нему с недоверием. Уже во время Первой Пунической войны они перешли на сторону Регула, а после окончания — к наемникам. И теперь они готовы были поменять карфагенскую власть на любую другую — разительное отличие отношений с Римом его латинских союз-

ников. Далее на Западе, на территории теперешнего Алжира, простиралась независимая от Карфагена Нумидия, область, находившаяся под сильным влиянием его культуры. Именно Нумидия дала испанской армии Баркидов самую лучшую конницу. Из всех многочисленных племен наибольшее значение имело племя, во главе которого стоял царек западной Нумидии, Сифакс, враждовавший с соседним племенным вождем Гаем. Когда началась война, Сифакс, предпочитая иметь патрона более отдаленного, разорвал свои вассальные отношения с Карфагеном. Гай, в свою очередь, склонен был подчиниться Кафрагену.

Карфагенская знать, члены правящего городом и Африкой сената по обыкновению подчиняли себе соседних царьков и вожей полудиких племен не только обещанием материальной выгоды, но и браками, заключенными между этими правителями и дочерьми сенаторов. Таким образом в государственных интересах использовалась необыкновенная красота восточных пунийских женщин. Так было и сейчас. Во время отсутствия Ганнибала во главе баркидской партии стоял уже известный нам Гасдрубал, сын Гискона; для укрепления союза Карфагена со старым Гаем он договорился об обручении его сына, молодого и умного Масиниссы, со своей дочерью, Софонисбой, тогда еще девочкой. Когда Гасдрубал направился в Испанию на помощь Баркидам, он взял с собой Масиниссу как будущего зятя и не ошибся в нем; Масинисса со своей смелой дружиной оказалась весьма кстати, и благодаря их отваге карфагеняне добились решительной победы в 212 году.

Позже обстоятельства изменились. Гай умер; в семье начались споры, активно разжигаемые Сифаксом, который в итоге завладел всем наследством Масиниссы. С другой стороны, с того момента, как Гасдрубал Барка отправился в Италию (208), карфагенянам стало небезопасно защищать Испанию от растущей мощи Сципиона. Заявив, что Карфаген покидает Испанию (206), сенат дал своим военачальникам, находившимся там, два различных распоряжения: Магон Барка получил предписание направиться со своим войском в Италию на помощь Ганнибалу, а Гасдрубал, сын Гисгона, должен был перевезти своих солдат в Африку для помощи на месте.

Действия Магона Барка оказались безуспешными, да он и не рассчитывал на победу, его поход в Италию был скорее всего актом отчаяния. Ему удалось переправить войско в Италию, он даже захватил морской город Геную, но в сражении с римским войском был разбит, ранен и умер во время горестной переправы в Африку (204).

Гасдрубал, сын Гисгона, наоборот, весьма успешно исполнил свою несложную задачу. Готовя оборону Африки против неизбежного похода Сципиона, он, естественно, обратил главное свое внимание на нумидийские

дела. Лишенный трона Масинисса потерял для него интерес как союзник, а Сифакс, разумеется, стал главным объектом, тем более что тот успел уже заключить союз со Сципионом. Дальновидный полководец тем не менее не терял надежды. Сципион был далеко, а он, Гасдрубал — близко, да и его красавица дочь уже выросла. Страстное сердце Сифакса не выдержало, и он согласился жениться на Софонисбе, заключил союз с Карфагеном, а Сципиону отправил сообщение, чтобы тот при подготовке похода в Африку на него не рассчитывал.

Для Сципиона это был страшный удар: собственных сил у него не хватало для ведения войны в Африке, сенат не мог решиться отправить легионы из Италии, пока там находится Ганнибал. Некоторым утешением для Сципиона стал переход Масиниссы на его сторону; разумеется, не очень приятно было подавать руку человеку, который привел к поражению, а возможно, и к смерти его отца и дяди. Но, во-первых, помощь представлялась весьма условной, Масинисса пока не мог ему ничего, кроме самого себя и небольшой банды разбойников, предоставить. Во-вторых, и эта помощь могла быть нейтрализована: Сифакс и карфагеняне готовили облаву на изгнанного, но по-прежнему опасного князька и не сегодня-завтра собирались его уничтожить. Поэтому смелый римский полководец решил не откладывать поход. Не рассчитывая на возможность высадиться в Нумидии, Сципион выбрал Эмпорию у Малой Сирты, наиболее раннее место неприятеля, и приказал Масиниссе ожидать его там.

Но, казалось, все боги настроились против Сципиона. Во время плавания весь флот окутал туман: не было видно ни неба, ни водной поверхности. Медленно, наугад, суда продвигались вперед. Наконец туман слегка рассеялся и на горизонте показалась какая-то гора.

— Что это? — спросил Сципион.

— Мыс Меркурия, — ответил рулевой. В древности так назывался теперешний мыс Бон, отделявший Карфагенский залив от Малой Сирты.

— Отлично, — ответил обрадованный Сципион, — бери на восток, ближе к порту.

Опять туман, мгла, снова прояснение. Земля — подплывают. Что за земля? Как оказалось, это было побережье Утики, на западе от Карфагена! Утика — самый верный союзник и друг Карфагена! А Масинисса тем временем ждал Сципиона совсем в другом месте...

Что делать, ошибку не исправить. В данной неудаче было, по крайней мере, одно утешительное обстоятельство — карфагенское войско находилось далеко, и никто не мешал высадиться на берег. Человек быстрых решений, Сципион немедленно приступил к осаде Утики, полагая, что успех и здесь будет ему сопутствовать, как когда-то в Новом Карфагене. Осада, правда, ни к чему не привела, но к Сципиону присоединился и

Масинисса, который с невероятной смелостью прорвался из Эмпорий через враждебные территории. С другой стороны, на помощь Утике явились Сифакс и Гасдрубал; но наступила осень, и было решено разбить укрепленный зимний лагерь. Сципион получил на некоторое время передышку и использовал ее со свойственным ему мастерством.

Сципион сделал вид, что готов на мирные переговоры и своим посредником видит Сифакса как давнишнего союзника. Такое доверие польстило самолюбию варвара, он охотно принял римских послов, которые имели тайное поручение тянуть время и тщательно изучить местоположение и характер вражеских лагерей. Прошла зима, наступила весна 203 года; под незначительным предлогом Сципион прервал перемирие и, воспользовавшись темной и грозной ночью, отправил своих людей забросать нумидийские палатки горящими факелами. Легкие соломенные и тростниковые шалаши запылали мгновенно, возникла паника, бегущие люди наткнулись на страшные копья римских легионеров. Многие погибли от огня, остальные были перебиты, римляне же практически не понесли никаких потерь. Гасдрубал и Сифакс едва успели спасти небольшую часть своего войска.

Но и оставшаяся часть представляла опасность; впрочем, Сифакс с легкостью мог обойтись без дополнительного набора, и он счел возможным атаковать римскую армию на так называемых Больших полях (*Magpi Campi*), в нескольких днях пути к юго-западу от Утики. Сифакс проиграл, а военный талант Сципиона проявился в этом сражении в полном блеске; первая большая битва на карфагенской земле закончилась для него победой.

Сифакс отступил, чтобы защищать столицу Сирты, но Сципион решил не давать ему покоя. Стремясь расширить подвластную ему прибрежную территорию, он выслал против нумидийского царя конницу под командованием своего друга Лелия и Масиниссы. Около Сирты они догнали неприятеля; в новом сражении Сифакс был не только разбит, но и попал в плен. Не теряя ни минуты, Масинисса направился в царский дворец; на пороге его встретила давняя невеста, теперь жена Сифакса. Одну просьбу имела Софонисба: «Не отдавай меня римлянам живой!» Дрогнуло сердце сурового нумидийца при виде красивой женщины, и недолго думая он протянул ей руку и совершил брачный обряд.

Но радость была недолгой. Наутро явился Лелий с римской конницей.

— Где царица, жена Сифакса, дочь Гасдрубала?

— Она теперь моя жена, — хмуро ответил Масинисса.

— Немедленно отправь ее к начальнику, — холодно приказал римлянин.

С трудом уговорил несчастный новобрачный оставить женщину в покое, пока не скажет свое слово Сципион. Но и Сципион был того же мнения.

Он помнил, что красота дочери Гасдрубала причинила ему в свое время больше вреда, чем военное искусство ее отца; он не хотел и не мог ставить в зависимость судьбу всей войны от жара африканских сердец. Сципион высоко ценил военное искусство Масиниссы, но сурово осудил его брак:

— Война, которую ты ведешь, не твоя лично, а под знаменем римского народа. Жена царя-врага, дочь полководца-врага — это пленница римского народа и должна быть ему выдана.

С болью в сердце Масинисса уступил. Он послал письмо жене: «Я могу выполнить только твою первую просьбу — не выдать тебя римлянам живой». При письме была чаша с ядом. С презрительной улыбкой гордая дочь карфагенского патриция приняла письмо и чашу.

— Спасибо и на том. Скажи, однако, моему мужу, что этот дар был бы мне милее, если бы не был свадебным подарком. — Сказав это, она выпила содержимое чаши.

До этого ее отец покончил жизнь самоубийством; теперь у Карфагена оставался только один защитник, Ганнибал. Сенат направил к нему послос с требованием переправить армию в Африку для защиты родины. «С тяжелым чувством и стоном, — рассказывает римский историк Тит Ливий (30; 18, 20), — едва сдерживая слезы, выслушал Ганнибал слова послос. Теперь уже не обиняками, а явно отзывают меня те, кто уже давно побуждал меня покинуть Италию, не давая присылать подкрепления и деньги, так что победил Ганнибала не римский народ, столько раз битый и обращенный в бегство, но карфагенский сенат недоброжелательством и завистью!» И вот наконец, в 203 году, пятнадцать лет спустя после своего молниеносного вторжения в Италию, тридцать лет спустя после «клятвы Ганнибала», которую он выполнил до конца, африканский лев вернулся в свое логово.

Италия вздохнула свободней, но радость, что грозный враг покинул ее земли, была отравлена тревогой о Сципионе; что будет теперь с ним и его войском, если против них выступит неодолимый дотоле сам Ганнибал? У всех в памяти были предупреждения старого Кунктатора; сам он, правда, не дожид до свершения их, умер в ту же зиму (203–202) в возрасте девяноста лет.

Ганнибал провел зиму в приготовлениях. Необходимо было собрать все карфагенские силы для решающей битвы, подготовить город для возможной осады. Весной 202 года обе армии двинулись навстречу друг другу. Они встретились близ г. Замы, в пяти днях пути к югу от Карфагена. Перед сражением Ганнибал предложил своему противнику встретиться для переговоров; он рассчитывал на неотразимость своего имени и личности и полагал, что Сципион отступит перед грозным риском и согласится на мир, выгодный Карфагену.

— Имей в виду, — сказал он ему, — ты теперь тот, кем я был у Тразимена, под Каннами. Не искушай капризную военную фортуна!

Но Сципион не принял условий Ганнибала, битва стала неизбежной.

В этом сражении оба военачальника превзошли самих себя. Искусство Ганнибала в использовании сил своей разноплеменной армии не имело себе равных. Но и гений не в состоянии противостоять дамоклову мечу, висевшему над ним. Победила проверенная не один раз выдержка римских легионов, победила все преодолевавшая на своем пути отвага конницы Масиниссы. Около Замы закончилась великая средиземноморская трагедия, навечно зашло солнце Карфагена. После этого сражения Рим стал владыкой всей западной части цивилизованного мира того времени, не имея при этом и соперника на Востоке.

Что же, теперь следовало заключить мир. Самые главные условия были такие:

1) Карфаген сохраняет свою независимость и все свои территории в Африке, но не имеет права вести какую-либо войну без разрешения Рима.

2) Испания переходит под власть Рима.

3) Масинисса признается царем всей Нумидии, и Карфаген заключает с ним союз.

4) Карфаген обязуется возместить весь ущерб, причиненный во время нарушения перемирия прошлого года, выплачивая ежегодно контрибуцию в течение пятидесяти лет.

5) Карфаген должен возвратить всех пленных и перебежчиков, выдать все военные суда, кроме десяти триер (трехпалубников), равно как и всех слонов.

Как видно из условий, Рим отказался от территориальных притязаний в Африке; единственное, на чем он настаивал и чего добился, — утверждение на троне Масиниссы, который и в самом деле оказался верным союзником в течение всей долгой жизни.

Лишенный своей силы Карфаген перестал быть для Рима опасным; никогда он уже не мог излечиться от военных ран. В Европе же Рим сохранил для себя Сицилию, включая и Сиракузы, ставшие ее столицей. Рим получил Испанию, поделенную на две провинции — Ближнюю (*Hispania citerior*) и Дальнюю (*Hispania ulterior*). Правда, под названием «Испания» следует понимать не весь Пиренейский полуостров, а только восточную и южную части средиземноморского побережья; на завоевание центральной части и побережья Атлантики понадобилось еще около двухсот лет. Как бы то ни было, Рим уже владел четырьмя провинциями: Сицилией (всей), Сардинией (с Корсикой) и двумя Испаниями. Главное же достижение заключалось в том, что отныне Рим стал полновластным хозяином Италии; латинские его территории прошли испытание, став

более сплоченными, чем прежде, а италийские союзники после падения и захвата Капуи окончательно признали Рим своим владыкой. На Рим теперь были обращены взоры всего остального цивилизованного мира, все видели в нем вершителя своей судьбы.

V. ГРЕЧЕСКИЙ ВОСТОК

32

ДЕМЕТРИЙ ПОЛИОРКЕТ («ОСАЖДАЮЩИЙ ГОРОД»)

После победы над Карфагеном Рим, бесспорный хозяин всей западной части Средиземноморья, начинает обращать свой взор и на Восток, ставший греческим благодаря завоеваниям Александра Македонского. Значение этих без малого двух столетий между триумфом Сципиона и основанием империи заключается в том, что созданный Александром Великим греческий «заселенный мир» (oikumene) постепенно превращается в римский. Поэтому прежде чем продолжить историю Рима, нам стоит заняться судьбой греческого мира с момента смерти его основателя. Выше был повод коснуться того особого мира в связи с Пирром, царем Египта, и его вмешательством в италийские и сицилийские дела; теперь нам придется исследовать эти отношения более подробно.

Итак, наш рассказ возвращается к 323 году, то есть к смерти Александра Македонского в Вавилоне.

Первые годы после смерти великого полководца проходят в бесплодных усилиях наместников Александра, правивших от имени его малолетних детей, сохранить единство монархии. Бесплодными попытки были хотя бы потому, что главную провинцию, а именно Египет, сразу же занял один из преемников умершего царя, Птолемей. Эта страна, охраняемая пустынями, не опасалась нападения врага, и египтяне были благодарны своему мудрому властителю, на долгие годы обеспечившему им спокойную и закрытую жизнь.

Богиня Фортуна

Пример Птолемея подействовал заразительно на других диадохов Александра; они объединились для совместной борьбы с наместником Македонии. В итоге этой борьбы постепенно погиб весь царский дом; внутренняя война отличалась неимоверной жестокостью, неслыханным вероломством вождей как во взаимных отношениях, так и во внутрисемейных; все эти люди были весьма способные, с сильным характером, но нравственные законы для них не существовали: сын убивает мать, отец — сына, хозяин — гостя, если это им сколько-нибудь выгодно. Греческий мир был потрясен, видя мерзость творимого там бесправия, каким северные варвары запятнали их собственную историю... И все они стали игрушкой в руках безжалостной и капризной богини, которая сегодня человека поднимала на вершину удачи и достижений, чтобы завтра низвергнуть его в пропасть. Греки эту богиню называли Т и х е, римляне — Ф о р т у н о й и видели в ней главную богиню эпохи, начавшейся после смерти Александра, эллинистического периода, как принято его называть.

Второй после Александра наместник, А н т и п а т р, враг Демосфена, был достаточно благоразумен, чтобы, несмотря ни на что, спасти целостность государства, но, умирая, к несчастью, передал свою власть старому товарищу по оружию, обойдя собственного сына, К а с с а н д р а. Честолюбивый юноша не вынес подобного оскорбления, выступил против воли отца и добился своего: Македония оказалась в его власти, а с нею и традиционная политика вмешательства в греческие дела.

Это почувствовали прежде всего Афины; Кассандр разместил там свой гарнизон, гражданскую власть доверил разумному и достойному человеку, ученику Аристотеля, Деметрию Фалерскому (так мы называем его по названию города, где он родился, в отличие от героя нашего рассказа). Известно, какие близкие отношения были между Аристотелем и его школой с македонским двором; дружба Кассандра с Деметрием, следовательно, была продолжением дружеских отношений Александра Великого с Аристотелем. Разумеется, в Афинах Деметрий опирался на македонскую партию, сторонников Фокиона, партию, состоящую из аристократов, честных и достойных людей. Одним словом, десятилетнее правление Деметрия стало для Афин периодом достойного отдыха и даже блеска (317–307).

Самым старшим из диадохов был А н т и г о н; при разделе завоеванных территорий Александра он получил Фригию в Малой Азии; родившийся в 380 году, Антигон принимал участие во многих походах не только Александра, но и его отца, Филиппа. В одном из походов он потерял глаз, за что его прозвали Одноглазым. Но и оставшимся глазом он видел значительно лучше, чем иные двумя; его гордыня не позволяла после смерти Александра признать над собой чью-либо власть. Он много способствовал

неудаче попыток наместников сохранить единство страны, впрочем, вовсе не потому, что был противником единства, а потому, что хотел видеть объединенное государство под своим началом. Впрочем, для себя, возможно, он и не стал бы бороться, учитывая преклонный возраст, но у него был сын, которого он любил и который любил его, — Деметрий, герой нашего рассказа.

Итак, отец любил сына, сын любил отца, явление для того времени достаточно редкое. Как-то Антигон принимал посольство другого диадоха; Деметрий, вернувшись с охоты, зашел к отцу, держа в руках охотничий дротик. Видя, что отец занят, юноша хотел выйти, но тот попросил сына сесть около него, а уходящим послам сказал:

— Расскажите своему хозяину о том, что вы здесь видели.

А что они там увидели? Отец посадил рядом с собой вооруженного сына, не опасаясь, что тот, воспользовавшись удобным случаем, его убьет. Да, вот такие нравы господствовали среди диадохов...

Антигон был прав, любовь сына являлась для него самой надежной силой; полагаясь на нее, он решил завладеть короной Александра Великого. К собственной территории, Фригии, после победы над наместником Пафлагонии и Каппадокии Эвменом, войско которого перешло на его сторону, Антигон достаточно легко присоединил и другие провинции Малой Азии. Оглядываясь вокруг, он понимал, что многие люди, пока что его союзники, без колебания могут превратиться во врагов. На Востоке, в Вавилоне, сидел С е л е в к, на юге, в Египте — упоминавшийся выше Птолемей, запад находился под властью Кассандра, хозяина Македонии и значительной части Греции; наконец, на севере, по ту и другую стороны пролива, правил Л и с и м а х, спрятавший свою богатую сокровищницу в неприступном Пергаме. Следовало умной и хитрой политикой одолеть всех диадохов, одного за другим, а более мелких царьков можно тогда не опасаться.

Антигон начал с Селевка и потребовал от того отчета за доходы, получаемые от его провинции. Селевк понял, что значит подобное требование. Удовлетворить его — признать себя подчиненным; сопротивляться, однако, он был не в состоянии, поскольку после победы над Эвменом Антигон располагал значительными силами. Обманув бдительность врага, Селевк с небольшим отрядом бежал через пустыню к Птолемею, давнему своему товарищу по походам Александра Македонского. Там его приняли почтительно; Антигон вздохнул с облегчением: одним врагом меньше, а победа досталась без кровопролития! Радость его, однако, оказалась преждевременной — перед Селевком было блестящее будущее.

О рождении Селевка рассказывали невероятные истории: когда, например, его отец, Антиох, сопровождал Филиппа в одном из многочис-

Селевк I Никатор. Неаполь. Национальный музей

ленных походов, его матери, Лаодике, приснился Аполлон; он подарил ей перстень, повелев отдать его сыну, который родится у нее через девять месяцев. Проснувшись, Лаодика крайне удивилась необычному сну, но ее охватило еще большее удивление, когда на своем ложе она увидела перстень, который ей приснился. Действительно, в положенное время родился сын: это был Селевк. Приказание бога, она, разумеется, выполнила, и перстень Аполлона с той минуты оберегал Селевка во всех его походах. Вот и теперь он благополучно провел его мимо охранников Антигона и диких бедуинов арабской пустыни — в преддверии еще больших чудес в будущем.

Находясь «в гостях» у Птолея, Селевк сумел настроить того против Антигона, а при помощи посольств к Кассандру и Лисимаху подговорил тех заключить договор против владыки Малой Азии. Соглашение было

заклучено, и Антигону предъявили требование принять принцип нового разграничения провинций. Отказ Антигона привел к войне — первой совместной войне диадохов (317–311). Правда, в этой войне Кассандр, занятый македонскими и греческими делами, непосредственного участия не принимал; против Лисимаха Антигон направился сам, а против Птолемея и Селевка послал своего сына Деметрия, которому тогда было всего 22 года.

Надежда на сына не оправдалась: сколь бы не был рассудителен и мужествен Деметрий, война с бывшими товарищами Великого Александра превосходила возможности его неопытной молодости. У палестинской Газы Птолемей и Селевк разбили его наголову, даже богатая его палатка попала в руки Птолемея. Последний, правда, ее охотно вернул Деметрию, потому что в нем он видел сына своего давнего товарища. Деметрий принял ее вежливо, тем более что вскоре ему представилась возможность отплатить той же монетой.

Случай, действительно, представился, и итогом войны стал почетный для Антигона мир, по которому в его распоряжении оставались все его прежние земли. Селевк после победы у Газы быстрым маршем направился через Аравийскую пустыню в Вавилонию, далее успел добраться до границ Персии и Индии; что он там делал, мы скоро увидим. В заключении мира 311 года он участия не принимал.

Мир оказался непродолжительным. Нарушил его Птолемей, который рассчитывал на успехи Селевка. Тихе-Фортуна со свойственной ей ядовитостью предала союзников. Антигону удалось собрать очень многочисленную армию. С одной ее частью он направился против Птолемея, а другую, под командованием Деметрия, отправил против Кассандра, но не в Македонию, а в Грецию, справедливо полагая, что это и есть его, Кассандра, ахиллесова пята.

Деметрий возвещал на своем пути, что он идет сражаться за «свободу Эллады», правильно оценивая привлекательность такого обещания для потомков Фемистокла и Перикла. Ему удалось тайно провести флот до Пирея — удалось потому, что его суда были приняты за обещанные Птолемеем корабли. Когда обман обнаружился, было уже поздно. Деметрий Фалерский вынужден был сдаться. Его тезка принял побежденного со всякими почестями и отпустил на свободу, чем и воспользовался властитель Афин, направившись ко двору Птолемея. Мы с ним там еще встретимся.

Афины приняли своего «освободителя» с большой радостью. Внутриполитическим итогом «освобождения» явилось то, что власть перешла из рук македонской аристократической партии к демократии, во главе которой некогда стоял Демосфен. Но теперь лидерами этого движения

были не люди масштаба Демосфена, а жалкие льстецы, старавшиеся любым способом использовать слабость молодого героя. А слабостей у него было достаточно: непобедимый и неутомимый на войне, в мирное время он предавался наслаждениям, вину и любви.

Это злополучное качество, которому позже было суждено погубить Деметрия, проявилось в нем достаточно рано. Рассказывают, что как-то раз, занятый очередным любовным приключением, он сообщил отцу, что болен. Когда отец входил во дворец сына, то встретил молодую особу весьма привлекательной внешности, которая поторопилась спрятаться. Войдя в комнату «больного», Антигон присел около сына и начал шупать пульс. Пульс был предательски нормален.

— Лихорадка покинула меня, — сказал Деметрий.

— Знаю, — ответил старый Циклоп с хитрой усмешкой. — минуту назад я с ней встретился.

Следует подчеркнуть, что Деметрий ростом был ниже отца, но красив, просвещен и обаятелен в общении; так что у него были все возможности восхищать афинян. Он охотно участвовал в вихре игр и празднеств, следовавших одно за другим.

Но звуки труб неоконченной войны прервали райский сон; Антигон под давлением Птолемея вызвал сына на помощь. С его отъездом затихли развлечения, а Деметрий отправился воевать. В одну минуту он стянул с себя сладостное ослепление и превратился в действенного и рассудительного полководца.

Война шла на острове Кипр около Саламина, который был свидетелем победы и смерти Кимона.¹ Деметрию пришлось вести осаду Саламина, занятую братом Птолемея. Напрасно Птолемей пытался прорваться к городу, чтобы воссоединиться с братом; наголову разбитый Деметрием, он вынужден был возвратиться в Египет.

Для сообщения отцу о победе Деметрий послал одного из придворных, Аристодема из Милета. Тот, сойдя с корабля, спокойно, с сосредоточенным выражением лица направился к дому Антигона; на вопросы встречавших он ничего не отвечал. Все были уверены, что случилось большое несчастье. Сам Антигон, бледный и встревоженный, вышел к нему навстречу у ворот дома. Неожиданно Аристодем выпрямился и, подняв правую руку, громко сказал:

---

¹ Кимон — афинский государственный деятель (510–450 гг. до н. э.) и стратег, предводитель антиперсидски настроенной аристократии, лаконофил; активный участник борьбы за создание Афинского морского союза. Одержал победу над персами на суше и на море (469–465). Умер при осаде Китиона.

— Радуйся, царь Антигон! Наша победа, мы взяли Кипр и шестнадцать тысяч пленных.

— Радуйся и ты! — облегченно вздохнув, ответил ему Антигон. — Однако ты нагнал на нас страху. Я тебе это припомню.

Полные восторга крики заглушили его слова. «Да здравствует царь Антигон! Да здравствует царь Деметрий!» — слышалось со всех сторон. Друзья Антигона немедленно его короновали, а Деметрию сам Антигон послал царскую корону. Узнав о случившемся, Птолемей, Кассандр, Лисимах и Селевк также приняли царский титул: распад державы Александра Македонского стал свершившимся фактом.

Но до конца войны было еще далеко. Следует помнить, что владения Птолемея не ограничивались пределами только Египта. Не говоря уже о Кирене, которая в войне никакой роли не играла, о Кипре с Финикией, с которого его вытеснили, — власть Птолемея сохранялась еще над греческими островами. Самый важный — остров Родос, объединенный под гегемонией города с таким же названием, города, основанного в конце V века. Находясь на перекрестке новых торговых путей, Родос достиг невероятного расцвета и в течение последующих трех столетий до нашей эры был самой сильной свободной греческой республикой, входящей в Афинский морской союз. Здесь процветала риторика, недавно введенная Эсхином. Вот к Родосу и обратился Деметрий, требуя, чтобы тот разорвал отношения с Птолемеем и открыл свою пристань для его, Деметрия, судов. Подобное требование было равносильно признанию зависимости: Родос, разумеется, отказал, и Деметрий начал его осаду.

Во время осады Родоса Деметрий в полной мере проявил свои качества военачальника, за которые Греция дала ему прозвище *Poliorketes* («Осаждающий город»). В его распоряжении был целый штаб военных инженеров; все известные тогда изобретения использовались самым эффективным способом, многие из них усовершенствовались на месте. Последним словом техники была движущаяся осадная башня, так называемая *helepolis* (гелепола). Она состояла из нескольких этажей с амбразурами, на верхних площадках размещались артиллерия, катапульты и баллисты, там же находились приспособления для метания так называемых огненных стрел (*falaryk*). Там же были и разводные мосты, которые опускались на стены осаждаемого города; двигалась эта башня очень медленно, при помощи сложной системы кранов.

Осада длилась долго, жители Родоса защищались с мужеством и героизмом, достойными самых славных страниц греческой истории. Наконец Птолемей сумел прийти на помощь осажденным. Деметрию удалось продвинуть башню до такого места крепости, откуда можно было подвергнуть все предместье уничтожающему обстрелу артиллерии. Начало об-

стрела было приостановлено замечанием одного из сподвижников Деметрия, что именно в этом районе находится произведение замечательного художника Протогена, живописца из Кавна; картина представляла местного полубога, героя Иалиса, и являлась одним из чудес тогдашнего искусства живописи. Картина несомненно погибла бы во время стрельбы. Современный начальник, разумеется, ответил бы, что уничтожение картины есть «военная неизбежность»; но для Деметрия, эллина по духу, мысль, что его *helenopolis* могла стать причиной гибели произведения искусства, была невыносимой. Он ответил: «Я бы предпочел уничтожить портрет моего отца». А это, действительно, для сына Антигона являлось святыней. Картину спасли, но осада продолжалась еще долго.

*Портрет Деметрия Полиоркета.
III в. до н. э. Неаполь, Национальный музей*

Тем временем Кассандр продолжал свою акцию против греческих городов; Афины, не имея достаточных сил для борьбы с врагом, призвали на помощь своего «освободителя». Опасение за судьбу Афин вынудило Деметрия заключить с Родосом почетный для обеих сторон мир и поспешить для защиты греков. Родосцы, в память освобождения, построили в порту огромную фигуру бога Гелиоса-Солнца. Статуя была так высока, что между ее ногами могли проплывать большие суда. На пьедестале Колосса Родосского, одного из Семи чудес света, вырезали следующие слова:

*До неба этот Колосс воздвигли тебе, почитая,
Те, что в дорийском живут Родосе, о Гелиос!
Волны жестокой войны успокоив, они увенчали
Родину славную их взятым оружием врагов.
Не над одним только морем, но, властвуя также над сушей,
Светоч свободы они неподъяремной зажгли.
Ибо ведущим свой род от Геракла, по праву наследства,
Должно владыками быть моря и суши всегда.*

Пер. С. П. Кондратьева

Афины Деметрий защитил без особого труда, но льстецы из партии демократов превзошли себя в недостойной услужливости. Они не остановились даже перед богохульством — предоставили победителю место в сокровищнице Паллады на Акрополе; Деметрий отдыхал после военных трудов и вовсе не думал отказывать себе в наслаждениях и разгулах, тем самым оскверняя святыню. Защитники древних нравов глухо роптали, но горе тому, кто посмел бы протестовать.

За успехом в Афинах наступили другие; шаг за шагом Деметрий забирал у Кассандра земли Греции, но довести дело до конца опять не удалось. Уступая требованиям Кассандра, Лисимах и Птолемей вторглись на территорию Антигона, и старый полководец вновь вынужден был вызвать сына на помощь. Он мог бы справиться с двумя противниками и один, но с Востока шел третий, грозный вождь.

Мы оставили Селевка в тот момент, когда он, воспользовавшись победой Птолемея над Деметрием у Газы, отправился со своим небольшим отрядом к границам Индии. В той прекрасной, но изнеженной стране, под влиянием свежего веяния греческой культуры впервые на срединном Ганге возникло сильное и способное к сопротивлению царство; царем там был Чандрагупта, которого греки называли Сандракотт. Селевк намеревался его разбить, но это оказалось вовсе не простым делом, и он предпочел заключить с ним почетный мир, за что царь подарил ему пятьсот боевых слонов. Для греческого мира того времени поистине сказочный подарок.

Двинувшись с такой новой силой от Индии на Запад, Селевк захватил Бактрию, Парфию, Мидию, везде создавая вассальные территории и набирая солдат в свою армию. Конечно, это задерживало его продвижение, но чрезвычайно увеличивало военные силы.

Антигон, полный беспокойства, узнавал о потере одной за другой провинций, но пока он не предпринимал каких-либо действий, потому что у него хватало забот в Малой Азии.

Но вот Селевк уже в Вавилоне, он идет вверх по Евфрату, разбивает лагерь для зимовки у границ Фригии; понятно, что будущее лето станет решающим. А что будет, когда он соединится с Лисимахом и Птолемеем? Действительно, три врага стягивали свои войска к Фригии, все теснее и теснее сжимая кольцо. Доведенный до отчаяния Антигон решается на хитрость. Через доверенных людей он начал распространять слухи по Сирии о своей решительной победе над Лисимахом и Селевком. Поверили ли этому Птолемей, неизвестно, но солдаты поверили, и этого оказалось достаточно, чтобы подрубить крылья египетскому царю. Прекрасно зная, до каких границ можно доверять войску, Птолемей опять, как у Саламина, повернул к дому.

Антигон торжествовал; получив помощь сына, он спокойно принял известие о соединении армий Лисимаха и Селевка.

— Пусть соединяются! — со смехом говорил он. — Я заставлю их разлететься, как птичек, в которых бросили камень.

Фригия была главной провинцией Антигона, именно здесь начался его успех и фантастическое восхождение к вершинам власти; и здесь, около Ипсы, произошла решающая битва с неприятелем (301).

Силы противников были более менее равными — по 75 000 солдат на каждой стороне. Но Селевк имел еще пятьсот боевых слонов, против которых не знали средств обороны. Кроме того, Антигону исполнилось семьдесят лет, и хотя этот огромный Циклоп был еще крепок, но старость делала свое дело. Позже вспоминали, что непосредственно перед битвой он был задумчив и долго вел разговоры с сыном, чего прежде не случилось. Как всегда, битва началась со схватки конницы, и хотя силы, как говорилось, были одинаковы, но быстрота удара Деметрия дала ему преимущество, конница союзников заколебалась; Деметрий начал теснить противника и остановился, только достигнув полной победы. Захватив большое число беглецов, он вернулся назад.

Но ему заградил путь Селевк; последний оставил между ним и пехотой отца неодолимую преграду — тесный фронт боевых слонов; непривычные к запаху и виду животных кони бросились в разные стороны. Тем временем пехота Селевка клином врезалась в шеренги Антигона, отрезала значительную часть и окружила ту, в которой находился сам Антигон.

— Они на тебя нападают! — крикнул один из солдат.

— Конечно, на меня, — ответил старый герой, — но ничего, мой сын Деметрий мне поможет!

Кольцо сжималось сильнее, но он повторял:

— Мой Деметрий поможет, — повторял он и тогда, когда первый дротик вонзился в его тело, повторял, пока не был засыпан вражескими стрелами...

Вместе с его гибелью рухнула и его армия. Войско почти целиком перешло на сторону союзников — явление весьма распространенное в армиях диадохов. Войны, которые они вели, не были народными, а македонским и греческим наемникам, в сущности, было безразлично, кому служить: Антигону или Лисимаху с Селевком, поскольку все они принадлежали к окружению Александра Македонского. У Деметрия не осталось и 10 тысяч солдат, царство его отца поделили Лисимах и Селевк; Птолемея, разумеется, обошли. Селевку досталась львиная доля территорий. Теперь он стал наиболее могущественным из диадохов.

Он незамедлительно построил вечный памятник своей победы, заложив на реке Оронт в Сирии столицу, которую в честь отца назвал Антиохией. Вскоре она стала одним из самых красивых и людных греческих городов; главная широкая улица, украшенная с обеих сторон колоннадой, прорезала столицу насквозь. В северной части сверкал построенный на самом берегу реки царский дворец, за городом был посажен по персидскому образцу великолепный парк, названный Дафния и состоящий в основном из лавровых деревьев; в центре парка находился прекрасный храм Аполлона Дафнийского, скульптуру которого изваял Бриаксис. Так Селевк отблагодарил бога за чудесным образом охранявший его перстень.

Деметрий потерял все, кроме себя и своей внутренней силы. Он вынужден был покинуть Азию, возлагая надежду на Афины, которым оказал столько заботы и добра, где его встречали, как бога, где, наверное, осталось столько друзей... Сев на корабль в Эфесе, он направился в Афины. Но как только добрался до Киклад, к нему приплыли афинские послы с просьбой не приближаться к городу, поскольку демократическое государство не может принимать «царя». Так Деметрий увидел разницу между дружбой и лестью.

Но та же Тихе-Фортуна, которая столь неожиданно низвергла Деметрия с высот его величия, вскоре решила снова его возвысить. Когда изгнанник со своим флотом колесил воды греческого Архипелага, ведя войну не столько партизанскую, сколько пиратскую, против Лисимаха, — к нему прибыли послы от Селевка; на вопросы удивленного изгоя они заявили, что царь просит руки его дочери, Стратоники.

Когда Деметрий был еще очень молодым, его отец как-то сказал, что намерен женить сына на дочери Антипатра, сестре Кассандра, Филе. Деметрий нахмурился: невеста была значительно старше и уже находилась в брачном союзе с лучшим начальником Антипатра. Антигон ответил слегка измененной цитатой из Еврипида: «За прибыль станешь ты невольно женихом» (вместо «и нехотя рабом». — *Н. П.*). (Пер. М. Е. Грабарь-Пассек).

Мудрая проницательность Антигона и здесь оказалась на высоте. В-первых, Фила стала Деметрию прекрасной женой; любя своего красавца-мужа, она терпимо относилась к его непостоянству и изменам. Во-вторых, она родила ему сына, Антигона, ставшего в будущем одним из лучших эллинистических царей, и красавицу дочь, Стратонику. В-третьих... но об этом речь пойдет ниже.

Вот к этой молоденькой Стратонике и сватался шестидесятилетний Селевк, разумеется, ради «прибыли»... Но что ему подсказало такую идею? Он видел, что оба его союзника, Лисимах и Птолемей, считали себя обделенными при разделе завоеванных стран и в борьбе с ними он крайне нуждался в помощи столь смелого и достойного человека, как Деметрий. Тот, конечно, согласился с большой радостью и во главе своего флота отправился к Селевку в Киликию. Страна эта, согласно договору, была отдана брату Кассандра, но Деметрий, воспользовавшись ситуацией, занял ее — и остался.

*Антиох I Сотер в диадеме.
Тетрадрахма. Селевкия на Тигре. 280–261 гг. до н. э.*

Что касается Стратоники, то Афродита решила иначе. Селевк, унаследовавший во всех отношениях счастье Антигона, тоже имел весьма отважного и преданного сына. Звали его Антиох. Когда Стратонику ввели во дворец Селевка, молодой царевич увидел ее и воспылал к ней неодолимой любовью; уважая прежде всего отца, он молчал, страдал и хирел от угрызений совести и страсти. Эти страдания довели его до тяжелой болезни, причины которой он не объяснял никому, надеясь, что его тайна умрет вместе с ним.

В это время у Селевка гостил самый знаменитый врач не только того времени, но и всей античности, один из величайших наследников Гипократа, Эрасистрат из Кеоса. К нему и обратился Селевк с просьбой спасти сына. Опытный глаз Эрасистрата быстро определил причину болезни; труднее было, из-за упорного молчания Антиоха, найти виновницу фатальной болезни. Целыми часами просиживал врач у постели больного, держа его за руку, не спуская глаз с лица несчастного, а в то время, по его поручению, по очереди вводили в комнату всех красивых придворных женщин; но напрасно, Антиох словно окаменел. Как-то его навестили Селевк со Стратоникой: немедленно легкий румянец покрыл лицо больного и сердце учащенно забилося. Эрасистрат вздрогнул, не веря своим глазам; он повторил опыт, и каждый раз первое наблюдение подтверждалось.

Что оставалось делать? Эрасистрат был не только прекрасным врачом, но и мудрым человеком. Он направился к царю.

— Ну как, — спросил Селевк, — нашел виновницу?

— Найти-то нашел, — таинственно ответил врач, — но теперь дело совершенно безнадежное.

— Почему?

— Дело в том, что твой сын влюблен в мою жену.

Селевк возмутился:

— Как это? Неужто ты не принесешь такую жертву, чтобы спасти жизнь царевича?

— А ты бы так поступил? — испытующе спросил его Эрасистрат.

— Без малейшего колебания, — с жаром ответил Селевк.

Тогда врач раскрыл всю правду. Он не ошибся в своих расчетах; Селевк благородно развелся со Стратоникой и женил ее на сыне, гораздо более подходившем ей по возрасту; Эрасистрат получил щедрое вознаграждение.

В это время Деметрий, хозяин Киликии, расширял свое могущество. Добившись определенного успеха в Греции, он направился против Афин и начал осаду с моря и суши. Афиняне, конечно, поняли, что им нечего

ждать от человека, которому они отплатили черной неблагодарностью. И когда голод в городе дошел до такой степени, что сын дрался с отцом из-за дохлой мыши, волей-неволей пришлось подчиниться. Войдя в Афины, Деметрий велел всем жителям собраться в театре, там, где обычно проходили народные собрания. Афиняне пришли, полуживые от голода и страха. Опасались за свою жизнь и демократы-льстецы. Деметрий вышел на сцену, но, ко всеобщему удивлению и радости, ограничился спокойной речью, посоветовал народу выбрать магистратуру и... дал жителям сто тысяч мер зерна. Только в одном отношении он стал более осторожным: разместил в Пирее гарнизон.

Незадолго до описанных событий (297) умер Кассандр, и в его доме начались обычные для Македонии кошмары. Старший из двух несовершеннолетних сыновей, Антипатр, убил свою регентшу-мать, Фессалонику, и начал угрожать младшему, Александру. Испугавшись, тот призвал на помощь своего соседа, уже известного нам эпирского царя Пирра и дядю, Деметрия. Пирр был ближе и явился первым, а за оказанную помощь отрезал себе значительную часть Македонии. Потом появился и Деметрий, и Александр оказался в сложном положении, поэтому он решил использовать самое надежное «домашнее» средство — убить дядю, защитника и гостя. Но одного желания мало, и первая попытка не удалась. Вторую попытку упредил сам Деметрий, приговорив негостеприимного племянника к такой же судьбе. Матереубийцу Антипатра ненавидели все, и македоняне избрали царем именно Деметрия (294).

Это был второй взлет величия и счастья Деметрия, и только от него зависело удержаться на вершине. Условия складывались весьма благоприятные, македоняне быстро полюбили своего храброго и милого в обращении монарха; еще более они полюбили царицу Филу, не только в память о ее отце, наместнике Антипатре, но и за многочисленные добродетели. В делах правления помогал его сын, уже взрослый Антигон Гонат (прозванный от места рождения, фессалийском Гонне), унаследовавший сыновнюю любовь. Да, и в самом деле, удержаться было нетрудно. Но Деметрий не выдержал, вновь его увлекла жажда наслаждений, и к ней добавилась неслыханная до сих пор гордыня по отношению и к своим, и к чужим. Нравы в Македонии были патриархальные, непохожие на фригийские или киликийские; азиатского рабства здесь не знали вовсе, и по отношению к своему царю македоняне вели себя достаточно свободно. Во время одного объезда города Деметрия встретила толпа просителей. Он милостиво принял их прошения и положил под плащ. Дорога домой вела через реку Аксий и, переходя через мост, царь распахнул плащ и бросил все жалобы в воду. В другой раз, когда он выходил из дворца,

к нему подошла старушка и начала рассказывать о своих бедах. «Нет времени», — небрежно ответил Деметрий. «Тогда откажись от царства», — гневно ответила старая женщина. Многозначительные слова насторожили царя, но ненадолго.

Деметрий чувствовал, что земля уходила из-под ног, но не мог удержаться от легкомысленных планов. Занимая трон Александра Великого, он вознамерился восстановить его державу и с этой целью начал собирать многочисленную армию. Македоняне стали роптать, соседние цари беспокоиться, и тогда в третий раз был заключен союз — Птолемей, Селевк, Лисимах, — но теперь против сына Антигона. К ним присоединился и Пирр, у которого Деметрий самовольно отобрал занятые тем македонские земли. Деметрий оказался как бы в клещах между Лисимахом на востоке и Пирром на западе. Сначала он направился против первого, но с беспокойством увидел, что македоняне, имея перед собой выбор — Лисимаха, сподвижника Александра Македонского, и его, склонны были, скорее, встать на сторону первого. Поэтому он приостановил план похода против Лисимаха и направился против Пирра в надежде, что здесь не будет колебаний. Но ошибся; молодой «орел» успел завоевать сердца македонян, и те сначала по одному, а потом целыми отрядами стали переходить на сторону Пирра, не желая, как говорили, сражаться ради тщеславия Деметрия. Так он оказался без армии и без царства (288). На этот раз оставила его и Фила, не перенесшая второго и, как полагала, окончательного поражения своего мужа; она решила уйти из жизни, выпив яд. Вместе с ней и счастье покинуло Деметрия. Правда, оставив Пирра царем Македонии, он достиг некоторых успехов в Греции и появился в Малой Азии, чтобы отобрать у Лисимаха хотя бы прежние провинции своего отца, но эти попытки закончились полным провалом.

Теснымй Агафоклом, храбрым сыном Лисимаха, все более на юг, он, наконец, оказался во Фригии, которая давно ему не принадлежала. Здесь против него с юга шел предвестник его судьбы, Селевк. Окруженный, как дикий зверь, со всех сторон, Деметрий, после длительной и безнадежной борьбы, написал Селевку послание, в котором «передавал в его руки свои дела и самого себя».

Сжалось сердце у Селевка при мысли о такой судьбе человека, который был ему если не тестем, то отцом его невестки; Деметрия приняли не только почетно, но и с честью. Но такое великодушие произвело неожиданное впечатление на придворных: считая, что Деметрий станет первым человеком при дворе старого Селевка, они всячески стремились добиться его внимания. Деметрий же и теперь если хотел, то мог производить

чарующее впечатление. У Селевка возникла тревога за своего сына, Антиоха, и, отказавшись от первоначального плана, он назначил своему «дорогому» гостю новое местожительство — замок в Апамее на реке Оронт. Там тот и жил как почетный пленник.

Последние дни своей жизни Деметрий использовал для того, чтобы писать письма своим друзьям в Греции. Предвидя свою судьбу, он просил их отныне не верить ни его письмам, ни печати, которые могут быть предъявлены от его имени; он передал своему сыну Антигону Гонату, чтобы тот считал его покойником, и призвал верных людей во всем слушаться сына. Деметрий не ошибся в предчувствиях. Конечно, Селевк предоставил ему царское содержание; леса около его дворца были полны дичи, друзья могли навещать пленника. Но Деметрий чувствовал себя несчастным, он оказался в руках того, что считал всю жизнь самым опасным своим врагом — бездеятельности. Поначалу Деметрий развлекался охотой, но война с дикими животными вскоре наскучила великому «Осаждающему город». Жизнь, центром которой он был когда-то, продолжала кипеть, но без его участия. Известия о событиях вокруг раздражали его, как и воспоминания о прошлом, и он стал искать забвения в вине и игре в кости. Так он падал все ниже и ниже, пока тяжелая болезнь не свела его в могилу в 283 году на 54 году жизни.

Узнав о смерти Деметрия и ее причине, Селевк очень сожалел о своей подозрительности, вследствие которой он пытался держать этого благородного и достойного всяческого доверия человека вдали от ненужных влияний. Он жалел бы еще больше, если бы знал, какая судьба ждет его самого от другого просителя, которого он окружал большим уважением. Тело Деметрия сожгли на костре, а пепел положили в золотую урну, которую с большими почестями отправили в Грецию сыну умершего, Антигону. Тот встретил прах отца морским парадом; покрытую пурпуром и украшенную царской диадемой урну перенесли на флагманский корабль; молодые копьеносцы стояли в почетной страже, лучший флейтист исполнял торжественные мелодии, плеск волн из-под весел вторил плачем горестной песне. Жители всех городов, мимо которых проплывали суда, рыданием провожали прах усопшего, и к эскорту присоединялись послы в траурных одеяниях.

Так доплыли до Фессалии; здесь на месте древнего Иолка, родного города Язона, Деметрий в свое время основал город, получивший название Деметриада. По греческим представлениям, он был основателем-полубогом, и здесь поэтому должно быть место для могилы нового аргонавта, жизнь которого была не менее богата трагическими страницами, чем жизнь древнего обладателя золотого руна.

33 МЕНАНДР

Как следует из предыдущей главы, роль, какую Афины играли во времена Деметрия Полиоркета, нельзя назвать излишне почетной для города Паллады. Сначала жители проявили неблагодарность по отношению к Деметрию Фалерскому, человеку, давшему им десять лет экономического и интеллектуального расцвета; потом соревновались в лживой и шутовской лести к победителю Деметрию Полиоркету; наконец, еще одна неблагодарность, — когда от него отвернулась Фортуна. Разумеется, главная вина была со стороны демагогов.¹ Правда, в давние времена существовали способы бороться с ними: с подмостков театра Диониса часто звучали протесты против злоупотребления Пникса,² а Аристофан в своих комедиях («Всадники», «Мир») призывал к ответу всемогущего Клеона.³

Стоит спросить, неужто теперь (т. е. при Деметрии. — *Н. П.*) совершенно замолк голос осуждающей комедии?

Не совсем. В момент праздника, оказываемого Деметрию как богу, когда несли Панафинейский пеплос через Керамик, налетел ураган и разодрал священное одеяние в клочья; в следующую зиму стужа уничтожила все виноградники; намекая на эти события, комический поэт Филиппид видел в них доказательства гнева богов против демагога, демонстрировавшего богохульство:

*Он — тот, по чьей вине на лозы иней пал,
И кто нечестием порвал богини плащ;
Воздал он смертным людям почести богов,
Вот кто народ сгубил, а не комедия!*

Пер. М. Е. Грабарь-Пассек

Однако подобные критические стихи появлялись редко; время политической комедии прошло еще в начале IV века, когда свобода комической насмешки была ограничена.

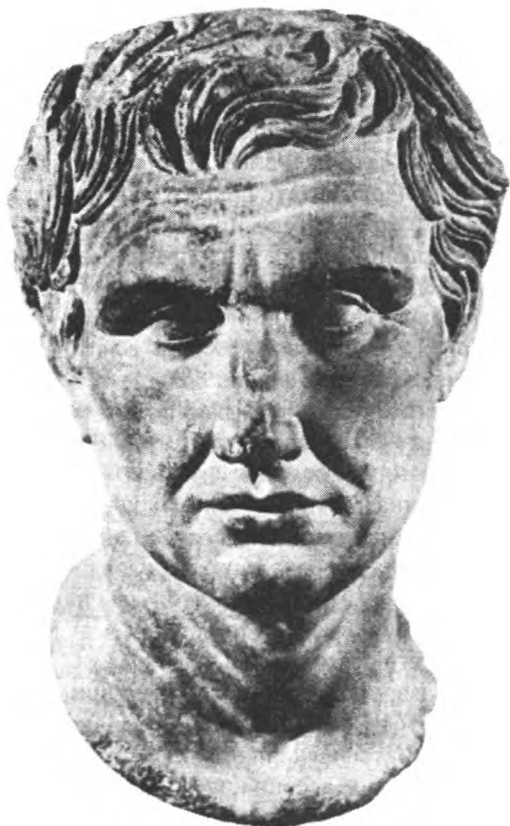
Ныне комические писатели главное внимание уделяли фабуле своих произведений, они придумывали смешные ситуации, вводя в повествова-

¹ Демагог (*греч.* вожди народа) — политические деятели, действовавшие в интересах народа, их влияние основывалось на ораторских способностях (Перикл).

² Пникс — холм в зап. части Афин, на котором вплоть до IV в. до н. э. собиралось народное собрание.

³ Клеон — (умер в 422 г.) — афинский политический деятель, в качестве стратега участвовал в Пелопоннесской войне; предводитель партии радикальных демократов, сторонник увеличения налога с союзников Афин.

ние забавные типы хвастунов, шарлатанов, веселых прихлебателей и т. д.; авторы разнообразили действие изображением гулянок, пьяных потасовок, любовных перепалок, разглагольствований отцов с легкомысленными сыновьями — одним словом, на сцену вводилась разнообразная частная жизнь. Это был период так называемой средней аттической комедии (до Александра Македонского). Когда нравственная философия в лице Аристотеля и Теофраста (Феофраста) подала руку поэзии и научила ее, кроме отдельных типов, вводить и представлять в своем разнообразии еще и х а р а к т е р ы, вот тогда из плутовской средней аттической комедии родилась серьезная (несмотря на свою определенную веселость) н о в о а т т и ч е с к а я комедия. Представителем ее был упоминавшийся Филиппид, но главой школы стал Менандр.

*Менандр. III в. до н. э. (?).
Вашингтон. Коллекция Dumbarton Oaks*

Аристофан и Менандр представляют две вершины в развитии аттической комедии. Аристофан вследствие особых, невозможных повториться условий своей эпохи не имел последователей; Менандр, создатель жанровой комедии, наоборот, через своих римских учеников, Плавта и Теренция, стал отцом современной комедии.

Менандр родился в середине IV в. до н. э., подробности его жизни практически неизвестны. Ученик Теофраста и друг Эпикура, он, как и они, с одной стороны, отдавал предпочтение размышлениям, с другой — любил изысканные наслаждения; вместе с тем, как и они, он уходил от активной жизни. Поклонник одухотворенного спокойствия, он остался равнодушен к приглашению Птолемея в Александрию, не связал свою жизнь семейными узами, дабы не умножать заботы; но поскольку ради того же спокойствия считал необходимой женскую опеку и дружбу, то жил, не оформляя брака, с некоей Гликерией. Правда, подобный брак, по афинским законам, в любом случае считался недействительным. Мы не знаем Гликерию, но, как увидим из дальнейшего, она заслуживала высокой оценки не только в плане умственном, но и в моральном.

Время правления Деметрия Фалерского, тоже ученика Теофраста, видимо, было для Менандра достаточно благополучным; но и позже мало что изменилось. Отсутствие интереса к активной жизни привело его к отрыву от политики; он никому не мешал, и его оставили в покое. Так Менандр прожил до глубокой старости в своем красивом доме на морском берегу около Пирея, деля свой насыщенный отдых между Гликерией и другой подругой, Талией, музой комедии. Благодаря ее покровительству он написал за свою долгую жизнь более ста комедий. Представление о его произведениях может дать комедия, в которой он прославил в равной мере обеих муз, комедия с достаточно странным названием *Perikejromene* («Отрезанная коса»).

Некая бедная женщина нашла двоих подброшенных детей, мальчика и девочку; она сжалилась над ними и взяла их на воспитание. Мальчика, Мосхиона, вскоре забрала соседка, богатая вдова Миррина, чтобы воспитать его как сына; девочка осталась. Этой девочке, героине комедии, Менандр дал имя Гликерия, выразив тем самым благодарность женщине, которая была услугой его собственной жизни.

Наступили тяжелые времена, и у бедной женщины не осталось средств к существованию; в этот момент появляется некий хилиарх (солдат) по имени Полемон (новоаттическая комедия заимствовала от старой любовь к именам, вызывающим ассоциации).¹ Этот «солдат» вовсе не обя-

---

¹ В комедии Полемон — хилиарх, начальник гвардии. Александр Македонский учредил хилиарха как высшую государственную должность.

зательно рядовой военный. В комедии он — искатель приключений, человек темпераментный, легко воспламеняющийся, каких много было во времена Александра Македонского и его диадохов, человек храбрый, порой хвастливый, обладающий достаточным богатством, полученным за военную службу у какого-нибудь щедрого Деметрия или Птолемея. Таков был и наш Полемон, который решил использовать богатства в родных Афинах для наслаждения. Гликерия ему понравилась, и он предложил женщине отдать девушку, разумеется, не в качестве законной жены, так как для безымянной девицы это было невозможно, а спутницы, с которой которой жил создатель комедии Менандр. Старая женщина, не видя иного выхода для своей воспитанницы, согласилась. Вскоре она умерла, но перед смертью открыла тайну Гликерии, что Мосхион, якобы сын богатой Миррины, ее родной брат.

Но благородная девушка не захотела воспользоваться открытием. Мосхион, прекрасный юноша, богатый наследник, полноправный гражданин, перед которым раскрывалось замечательное будущее, — мог потерять все, если бы стало известно, что подруга Полемона — его сестра. Но при каждой встрече она невольно с заметным теплом глядела на юношу. Мосхион это заметил: упоенный прежними успехами, он не сомневался, что красивая соседка влюблена в него. Однажды, встретив ее у входа в дом, он решительно приблизился к ней, обнял и поцеловал. Не выдержало сердце Гликерии, и на страстный поцелуй влюбленного она ответила чистым сестринским поцелуем. В этот момент появился Полемон. Безумная любовь превратилась в столь же необузданную ревность. Выхватив из ножен меч, он отрезал прекрасную косу Гликерии, чем кровно ее оскорбил. Она могла бы достаточно убедительно объяснить, раскрыв свое истинное отношение к Мосхиону, но теперь в ней заговорила гордость; молча она покинула дом Полемона.

Здесь, собственно, и начинается действие комедии. Гликерия уходит, но куда? У нее нет иного убежища, кроме дома Миррины, названной матери ее брата. Она идет к ней и рассказывает все о своем происхождении. Миррина не отказывает девушке, но, не желая, чтобы Мосхион перестал считать ее матерью, требует от Гликерии сохранять тайну. Из этого возникает новая сложность; Мосхион, развлекающийся с приятелями, узнает от своего раба, что его мать приняла в дом девушку, в которую он влюблен. Юноша видит в этом особую заботу со стороны матери и радостный возвращается домой. Что делать? Гликерия и Мосхион могут оставаться в доме только как брат и сестра, но Миррина настаивает на том, чтобы воспитанник по-прежнему считал ее матерью. Выход один: надо заставить его поверить, что Гликерия тоже ее дочь, когда-то пропавшая,

а теперь найденная. Миррина решает поступить именно так, к огромному разочарованию Мосхиона.

Что касается несчастного «солдата» Полемона, то он после конфликта с Гликерией, не зная еще о ее местопребывании, покинул свой дом и жил у друга, немолодого Патэка, ценившего врожденное благородство покинутого влюбленного. Но любовь не оставляет Полемона: что делает Гликерия? Полемон под разными предложениями посылает в свой дом рабов и узнает, что Гликерия покинула его. Вновь вспыхнул гнев в душе влюбленного, он даже готов напасть на дом соседки. С огромным трудом Патэк отговаривает его от нападения и предлагает поговорить от его имени с Мирриной. Но Гликерия сердита и оскорблена до глубины души: «Он обошелся со мной как с последней рабыней, со мной, благородной девушкой!» Благородной?! Да, она уверена. В доказательство того у нее есть предметы, данные ей, по греческим обычаям, родителями, которые ее бросили... Какие? Можно посмотреть? Можно. Гликерия посылает рабыню за своей шкатулкой. Патэк смотрит на принесенные вещи: да, сомнений нет, перед ним та, которую он когда-то, под влиянием двойного несчастья — смерти жены и утраты имущества бросил на произвол судьбы. Но с ней был и ее брат, где он? Вот именно; Мосхион подслушал их разговор. Что за польза из того, что Гликерия, верная клятве, не хочет ответить на вопросы старца? Мосхион начинает обо всем догадываться. Миррина тоже начинает кое-что подозревать. Но ее нельзя обидеть. Мосхион в любом случае останется ее сыном. Патэк вдовец, и самое естественное для него — стать мужем женщины, которая уже давно была матерью его сына. Остается еще одна, но важная проблема: Полемон. Гликерия и слышать не хочет о воссоединении; да и можно ли от нее этого ожидать, коль она оказалась счастливой дочерью Патэка, то есть свободной гражданкой и богатой невестой? Да, именно теперь и именно поэтому можно. Патэк восклицает: «Мы победили, как должно эллинам, дочь моя, и время соединиться!»

Гликерия возвращается в дом Полемона, на этот раз как гражданка и законная жена.

Комедия окончена. Понравилась? Читатель, разумеется, скажет, что элемент случайности играет в ней большую роль, чем принято у нас в литературе. Да, конечно; но здесь проявился характер эпохи Менандра, которая и в самом деле была царством Тихе-Фортуны. А «разумная случайность» Менандра в новоаттической комедии имеет своего родича в трагедии, там она называлась «неизбежное», рок (Ανάγκη). Иокаста (мать и жена Эдипа. — *Н. П.*) узнает своего сына по таким же предметам, как Патэк свою дочь, Гликерию, но не на радость, а на свою погибель. Впро-

чем, уже трагедия использовала переход от печали к веселью, частично в произведениях Софокла, но особенно Еврипида, в сохранившихся до наших дней «Ионе» и фрагментах «Ипсипилы». К Еврипиду близок и Менандр с привычной фабулой о детях, найденных родителями. Данный мотив оказался весьма живучим; маловероятный в наше время, он потерял свое место и в драме, но, как видим в «Миньоне» Гете, «Двух сиротах» д'Эннери и нашем (польском. — Н. П.) «Веславе»,¹ не исчерпал себя до конца.

Менандр пошел вслед за Еврипидом еще в одном отношении, и не столько в «Отрезанной косе», сколько в других комедиях: он следовал чрезвычайно сложной и н т р и г е, игравшей более существенную роль в комедии, чем в трагедии. Это вторая после «случайности» руководящая сила новоаттической комедии; но кто ведет интригу? Старцы? Нет, они «комические отцы», как правило, скупые и слишком осторожные люди, и годились скорее на роль жертв; положительные персонажи вроде нашего Патэка тоже не годились вследствие своего благородства. Молодые люди? Также нет: они из-за отсутствия жизненного опыта опять же не могли играть эту роль; правда, в качестве «молодых влюбленных» они давали повод к возникновению интриги, если при этом не выступали в роли «рассудительных юношей», безуспешно мешавших плавному развитию сюжета. Нет, направляли интригу «комические рабы», которым активно помогали «комические слуги» прабабки ловких субреток Мольера, Бомарше и Фредро.²

Таковы персонажи. Но, как мы заметили, Менандр проявил мастерство в создании индивидуальных характеров, социальных типов. И это уже ощущается даже в кратком содержании «Отрезанной косы», в образах Полемона, Гликерии, Мосхиона. Разумеется, лучше всего в этом убеждает чтение подлинника с исключительно богатым и изящным, чисто аттическим диалогом; еще лучше прочесть другие его комедии с чередой скупцов, мотов, нелюдимов, хвастунов и пр. Именно изображение таких персонажей, характерных для «мещанского» бытия обыденной жизни, являлось главной задачей Менандра; в этом искусстве он зна-

¹ «Веслав» — поэма К. Бродзинского (1791–1835), ее называли — «Кравовская пастораль», а автора — Иоанном Крестителем польского романтизма, он искал вдохновения в народной поэзии, в полном единстве с национальными чертами.

² Фредро Александр (1793–1876) — выдающийся польский комедиограф. Комедии «Пан Гельдхаб», «Дамы и гусары», «Магнетизм сердца», «Месть» и др. — о быте и нравах польской шляхты. Комедии Фредро отличались меткостью социально-психологических характеристик.

чительно опередил свою эпоху, потому что хотя и создал более ста комедий, только восемь раз получил награду. Он понимал, что причиной его неуспеха были не недостатки, а именно достоинства его сценических произведений. Однажды, после очередной неудачи, он встретился со своим соперником, получившим награду, Филемоном; последний афинянам нравился больше, потому что показывал в своих пьесах забавное действие, полное изобретательности и неожиданных, с некоторой даже фиглярностью персонажей. Менандр спросил Филемона: «Тебе не стыдно, что ты меня победил?»

Потомки совершенно иначе оценили Менандра, считая его отцом новоаттической жанровой комедии. Его «Отрезанная коса», «Третейский суд», «Хозяин», «Иллюзии» и другие являются подлинным сокровищем, которое знакомило с бытом того времени; филолог Аристофан из Византии сто лет спустя выразил всеобщее мнение, когда сказал о нем: «О, жизнь и Менандр! Кто из вас есть тот, который открыл второго?!»

*Менандр и Муза. Рельеф.
Ватиканский музей. III/II в. до н. э.*

* * *

Когда античная культура в Египте шла к закату, пустыня начала забирать территории, освоенные в свое время трудолюбивым жителям и правителями городов; многочисленные города, расцветшие при Птолемах и их римских последователях, вновь стали добычей непримиримых врагов — ливийских песков и бурь. К таким городам принадлежал и Афродитополь; жители его, убедившись, что они не могут противостоять стихиям, покинули свои жилища. Как следует предполагать, распоряжение прозвучало неожиданно и беглецы вынуждены были многие вещи оставить на месте, надеясь на возможность возвращения. Один из владельцев сложил все важные документы во вместительный чан, находившийся в подвале дома; для большей сохранности он вырвал несколько страниц из лежащей рядом ненужной книги большого формата и покрыл ими ценные материалы. Но вернуться не пришлось; город разрушался и наконец был окончательно засыпан песком ливийской пустыни.

Полторы тысячи лет его руины лежали под песком.

Когда Египтом овладели французы, а потом англичане, наступление культуры на пустыню началось в обратном направлении. Теперь опять, как когда-то при Птолемах, зазеленели долины, селения, почивавшие пятнадцать столетий под желто-бурым саваном смерти. В 1907 году пришла очередь и тайны Афродитополя. «Ценные» документы, спрятанные в чане, поначалу вызвали крайне сдержанный интерес; зато ученые с все более растущим удивлением читали страницы, покрывавшие документы. Эти «ненужные» листы содержали целые акты и сцены комедии Менандра, а среди них и описанную выше «Отрезанную косу».

Таким чудесным способом к нам вернулся отец комедии.

34

АЛЕКСАНДРИЯ

Если спросить, какой из диadoхов интересует нас больше всего как личность, то ответ будет один: Антигон, за ним его сын и наследник, Деметрий. Если спросить, кто заслуживает наибольшее уважение за свои добродетели, то ответ звучит: царь-воин Селевк; наконец, если мы взвесим заслуги для человечества и культуры, то награду получит фигура трезвая и прозаическая: Птолемей. До сих пор мы видели его как полководца, который из-за медлительности и расчета часто отходил на дальний план в сравнении со смелостью Деметрия и непреодолимой решимостью избранника судьбы Селевка. Но чтобы по достоинству оценить Птолея,

нам придется присмотреться к его царству, Египту и, конечно, к столице, Александрии.

Александрию, правда, построил не он, а тот, кто дал ей имя, на таком месте, какое более всего отвечало двойному назначению города, столице и порту. Естественных гаваней нет во всей дельте Нила, но здесь, перед холмистым перешейком, который отделяет пресноводное озеро Маря (Мареотис) от моря, лежит известный еще Гомеру длинный остров Фарос. Расстояние от берега — семь стадий (около километра); восточная часть с островками, являющимися их продолжением, поворачивает к суше, к мысу Лохиады. Правда, все это еще не образует порт, потому что между сушей и островом находится пролив. Но достаточно построить дамбу между островом и сушей — и прекрасный порт готов. Плотина (heptastadion) была построена по приказу Александра; в течение двух тысячелетий море наносило на отмель пески и расширяло ее: теперь на ней размещается арабский город. Птолемей закончил дело Александра Великого и дал порту, как благое предзнаменование, счастливое имя одного из своих зятей — Эвност («Счастливое возвращение»). И только теперь египтяне, которые боялись моря, поняли, что их родина является первоклассной морской державой.

Эта новая роль страны вынудила Птолемеев ценить свои богатства, лежащие вне границ Египта, богатства, являвшиеся одновременно их ахиллесовой пятой. Им нужен был сирийский Ливан с его кедрами для строительства судов, нужны были греческие острова для вербовки моряков — элины всегда не имели себе равных в морском деле на всем Средиземном море.

Характер местности и перешейка определили форму города; поневоле Александрия получила форму удлинненного прямоугольника, «македонской хламиды»¹, как шутливо ее называли. Регулярность и четкость в планировке вновь создаваемых городов были особенностью греческой урбанистики. Уже со времен архитектора и философа Гипподама из Милета, которому Перикл поручил составление плана основанной им «всеэллинской» колонии Фурии в юго-восточной Италии, греки прославились в градостроительстве. Традиции Гипподама перенял Динократ из Родоса, архитектор, избранный Александром для проектирования плана задуманного им «царского квартала». Тот разрезал «хламиду» на четыре части, проведя вдоль и поперек улицы шириной 15 сажень. На северном окончании мыса Лохиада над портом и большей частью города господствовал

---

¹ Хламида — легкий плащ — кусок прямоугольной ткани, закрепленный узлом, застежкой, пряжкой-фибулой на правом плече или под подбородком и спадающий складками. Обычно естественного, белого, цвета шерсти и льна.

царский дворец с примыкающими к нему дворцами знати; они занимали почти четверть всей площади Александрии. В этом и заключалась особенность главного города, отличающая Александрию, царскую столицу, от Афин и других республиканских городов. Значительную часть занимал роскошный парк со зверинцем, саженцами, прудами и пр., а в нем, как принято на Востоке и до сих пор, разместились монаршие здания с той разницей, что там были «киоски» — павильоны, здесь — постройки, внутри и снаружи украшенные колоннами, палестры, бани, купальни, казармы, пекарни и т. д.

Среди диковинок первое место занимает построенный на острове Фарос первый в истории человечества морской маяк — высокая башня, квадратная у основания, восьмиугольная в центральной части и цилиндрическая наверху. Здесь, в верхней части, горел «спасительный огонь», видимый на очень большом расстоянии. Для него по специальному лифту постоянно доставлялось масло. Этот маяк, единственный по размерам на греческом Востоке, был гордостью и гербом Александрии; насколько он был известен, можно судить и по тому, что и сегодня слово «фарос» (pharos) в ряде западноевропейских языков обозначает «маяк».

Другим чудом города был мавзолей Александра Македонского. Птолемей весьма умело использовал тело основателя своей столицы, заранее убедив остальных диадохов не оставлять его в гробнице предков Александра в Македонии, а перенести в оазис среди ливийских пустынь в храм Зевса-Амона, считавшегося, согласно официальной традиции, отцом великого македонянина. Когда траурный кортеж в сопровождении войск проходил по подвластным ему территориям, Птолемей велел направиться в Мемфис, где Александр и был временно похоронен. Одновременно Птолемей начал строительство монументальной гробницы в Александрии, но не дожидаясь окончания работ, и помещение тела героя на место вечного покоя стало уделом его сына и наследника — Птолемея II Филадельфа. В последующее время это сооружение стало гробницей всех египетских царей династии Птолемеев. С мавзолеем был тесно связан обычай, характерный для Ближнего Востока и Египта, — царский апофеоз. Согласно религии Египта, царь при жизни и после смерти был богом; в других регионах Востока в теории этого не признавали, но на практике существовало то же самое. Проникнувшись восточной гордыней, Александр как преемник царей и фараонов, к большому возмущению македонян, уже при жизни потребовал для себя божеских почестей. Трезвомыслящий Птолемей I, естественно, не пошел по этому пути; но сын Птолемея, похоронив Александра в Александрии, создал для него культ бога, включая в сонм богов и своих родителей в качестве «богов-Спасителей» (theoi Soteres). Со временем и он сам был включен в данный культ. Антиох II,

внук Селевка, пошел по его следам, но в отличие от энергичного отца его называли «Антиох-бог» (Antichos Theos), некоторые в шутку, некоторые всерьез.

Третьей достопримечательностью города стал построенный в юго-западной части Серапейон (Серапеум, Serapeum), храм Осириса и Изиды (Исиды). История его возникновения — факт весьма примечательный для античной религии позднего периода. Заботясь о духовных потребностях нового города, Птолемей пригласил в Александрию некоего Тимофея из Элевсина, из жреческого рода Эвмолпа; тот учредил в городе, а точнее, в восточном предместье (названном поэтому Элевсином) культ Деметры Элевсинской. Но греческая богиня, столь милая сердцу эллинов благодаря возвышенной и утешающей сущности своих обрядов, осталась абсолютно чуждой египтянам.

Птолемей, однако, мечтал объединить своих подданных под одной крышей общей религии. Чтобы реализовать это намерение, он собрал ученых мужей во главе с одним греческим и одним египетским жрецом — упомянутым выше Тимофеем и Манефоном (из Себеннита); знаток греческой религии Манефон написал, в частности, историю своей родины, известную под названием «История Египта». Собравшиеся договорились, учитывая давно существующее стремление греков отождествить Деметру с египетской Изидой, дать греческой богине имя Изиды, поскольку египтяне придавали большое значение имени. Оставалось определить соответствующее мужское божество. Легенда рассказывает, что Птолемей

*Птолемей I Сотер и Береника I.
Октодрахма Птолемея III Эвергета. 246–221 гг. до н. э.*

вспомнил сон, который ему как-то приснился: явился муж в образе бога и приказал установить в Александрии, для прославления столицы и ее царя, его, бога, статую. Судя по описанию, выяснили, что это — бог Гадес (Аид) из понтийского Синопа, созданный одним из лучших греческих скульпторов, Бриаксисом. Птолемей направил к нему послов. Жители Синопа ни за какие сокровища не хотели отдавать своего бога, тесной толпой они обступили городской храм и никого туда не впускали. И тогда, продолжает легенда, произошло чудо: мраморный бог сам покинул пьедестал, прошел среди толпы, в страхе расступившейся перед ним, сел на судно Птолемея и после короткого путешествия, длившегося всего три дня, счастливо прибыл в Александрию...

Легенда легендой, но действительно, наравне с Изидой в Александрии почитался бог с египетским именем Серапис (т. е. Осирис-Апис), статую которого изваял греческий скульптор Бриаксис. Египтяне дали имя, греки — изображение; каждый народ дал то, что ценил превыше всего. Содержание и духовная сторона обрядов Деметры Элевсинской были, по возможности, перенесены на обряды в честь Изиды; разница была в том, что здесь не мать ищет дочь, а жена мужа, которого растерзал его злой брат Сет-Тифон и которому она своей любовью возвращает жизнь. Воскресение Осириса было залогом воскресения его последователей. Празднества в честь Изиды носили характер мистерий с многочисленным персоналом, они были обращены главным образом к душе, поэтому и Деметра в образе Изиды Тимофея возобладала над всем миром. В последние столетия до Рождества Христова, а особенно в эпоху Римской империи, этот культ пользовался покровительством государства, везде сооружались храмы Сераписа и Изиды; но прообразом этих храмов, наиболее священным и почитаемым, был Серапеум в Александрии.

Конечно, храм как таковой был чрезвычайно важным местом в культуре более позднего времени, но еще большее значение имела созданная Птолемеем I четвертая достопримечательность Александрии, ее знаменитый М у с е й о н. Поговорим о нем особо. Мы помним, что Деметрий Фалерский, десять лет достойно правивший в Афинах, покинул город из-за своего тезки, Деметрия Полиоркета (307); он тогда направился к Птолемею, жена которого, Эвридика, сестра его друга Кассандра, весьма приветливо его встретила. Деметрий много рассказывал новому патрону о школе, к которой принадлежал, о ликее, гимнасии Аристотеля; своими рассказами он вызвал у Птолемея желание создать нечто подобное и в Александрии; осуществлением данного намерения и стал Мусейон. Собственно говоря, это был храм Муз, служителем которых был главный жрец храма. Но музы были не только покровительницами поэзии, но и наук,

поэтому при храме возникли различные «учреждения» научного характера: обсерватория, лаборатории, клиники, библиотека; Птолемей денег не жалел, и работа закипела.

Благодаря своим знаниям, полученным в гимнасии, Деметрий стал для Птолемея неоценимым советником и в организации научных центров, и в поисках ученых. Уже при Птолемее I, а тем более при его сыне, Филадельфе, Александрийский Мусейон сосредоточил в своих стенах сливки тогдашнего ученого мира: математик — отец геометрии, Евклид, астроном — Аристарх из Самоса, первым открывший движение Земли вокруг Солнца, врачи — уже известный нам Эрасистрат и современный ему Герофил из Халкидона, автор учения о пульсе человека; гуманитарные науки представлял Зенодот, автор первого критического издания поэм Гомера. Да и Птолемей мог бы занять почетное место в этой компании: он был автором истории походов Александра Македонского (сохранилась во фрагментах в «Anabasis Alexandrii» Арриана); суровая правдивость изложения была высоко оценена еще в античное время.

Это были пионеры, но и при преемниках Птолемея Мусейон не терял своей славы, время его расцвета стало эпохой расцвета греческой науки вообще. Можно назвать лишь некоторые имена. Самый гениальный последователь Евклида, правда, не работал в Александрии, это известный нам Архимед из Сиракуз. Учеником Аристарха был величайший астроном античности Гиппарх из Никеи, определивший с большой точностью расстояние от Земли до Луны; ученик Герофила, Filinos, опытным путем определил действие лечебных средств на различные болезни и стал основателем эмпирической медицины; работу Зенодота довел до совершенства другой Аристарх — Самофракийский, имя которого стало синонимом критики как науки. Но самым известным был современник Птолемея III Эвергета («Благодетеля») — Эратосфен из Кирены, работавший в различных областях науки, который везде мог бы занять если не первое, то во всяком случае второе место; кстати, по этой причине его прозвали «Бета» (вторая буква греческого алфавита). Заслуживает восхищения его достижение в области основанной им математической географии — определение длины окружности земного шара и теоретическое обоснование возможности кругосветных путешествий. И это всего лишь одно из многочисленных результатов его научных исследований. Стоит упомянуть еще об одном расчете Эратосфена, возможно, сомнительной ценности, но крайне важной для его потомков. Ученый определил год разрушения Трои (1184–1183 до н. э.), а это значило, что в недалеком будущем (184–183) наступит тысячелетие того трагического события. Не без волнения слушал Рим, сын разрушенной Трои, это пророчество.

Для научной работы членов Мусейона необходима была библиотека. Собрания книг существовали уже и в Афинах, но Птолемей мечтал о том, чтобы Александрийская библиотека по количеству собранных в ней рукописей превысила и афинскую, и прочие центры. Не жалея средств для осуществления своей цели, он спросил Деметрия, сколько, по его мнению, нужно собрать книг; тот, поразмыслив, ответил, что около двухсот тысяч. При Филадельфе, когда мечты Птолемея стали реальностью, библиотека насчитывала полмиллиона томов. Таковы были итоги литературной деятельности греков до 300 года.

На выделенные царем деньги возможно было приобрести много; но если хозяин не желал расставаться со своей книгой, то ее по специальному распоряжению переписывали. При библиотеке находился целый штаб копиистов, материал искать не приходилось — на берегах Нила в большом количестве произрастал папирус, давший свое имя бумаге в некоторых современных языках. Из папируса тогда не делали толстых томов для размещения на полках, а лишь свитки, которые и хранили в скрынях, специальных цилиндрических ящиках или ларцах. Библиотека того времени мало чем напоминала современную библиотеку, полки в шкафах там заполнялись сотнями и тысячами рулонов с рукописями.

И все-таки не следует забывать, что музы прежде всего покровительствовали поэзии, поэтому ученые Мусейона были одновременно и поэтами. Но какими? Эпос был запрещен, соревнование с Гомером считалось греховной заносчивостью, а Аполлоний Родосский, написавший сохранившуюся до наших дней поэму «Аргонавтика», вызвал гневное возмущение. Скорее можно было пробовать перо в трагедии; после смерти Софокла и Еврипида этот жанр драматургии весьма успешно развивался в течение всего IV века в Афинах, а теперь переместился и в Александрию. Здесь трагедия была представлена так называемой Плеядой трагиков (их часто называли «Семизвездье» по количеству писателей); к сожалению, мы почти ничего о ней не знаем. Комедия развития не получила, мы помним, что Птолемею не удалось переманить в Александрию верного своим Афинам Менандра.

Нет, говоря об «александрийской поэзии» или об «александринизме», мы имели в виду нечто другое. С точки зрения формы это были эпиллий (малый эпос), элегия, с несколько измененным содержанием, идиллия (eidyllion), буколические стихи с доминирующим описанием жизни пастухов и селян и, наконец эпиграмма; она приобрела присущую ей остроту, простоту и четкость формулировок и стала наиболее жизненным жанром той поэзии, которой было суждено пережить ее упадок в римскую эпоху. Для александринизма наиболее характерен

именно дух; это прежде всего научная поэзия, и это понятно, потому что авторами ее были ученые. «Ученость» выражалась в найденном стиле, в использовании редко встречающихся выражений, что являлось в значительной степени результатом филологических изысканий авторов; с другой стороны, авторы искали редкие мифы, забытые легенды о богах, культах, обрядах и др. Таким поэтом был Каллимах, глава александрийской школы поэзии; основное его произведение — «Причины» (*Aitia*), сборник элегий мифологического содержания для объяснения «причин» появления различных наименований, обычаев и праздников. Помимо духа, в александрийской поэзии постепенно на первое место ставится любовь (как и в современных ей комедиях Менандра); среди мифов выбирались истории эротического содержания, любовная тематика вводилась даже в такие мифы, которые прежде ее и не знали. Наконец, эту поэзию отличал не только интерес, но и любование каждой деталью, подробностью тогдашнего быта: обстановкой, пейзажем, семейной жизнью и пр., то есть тем, что составляет жанровый реализм. С этой точки зрения, пожалуй, самым знаменитым был Геронд (Герод), недавно открытый автор великолепных бытовых сцен, поучительных мимиямб. Для александрийской поэзии характерна и некая неявная, скрытая тоска по чему-то далекому, исчезнувшему — по славе великого прошлого независимой Эллады или у горожан — по простоте и теплу сельской жизни. В этом «сельском романтизме» особенно и выделялся крупнейший александрийский поэт, создатель не только давно исчезнувшей «пасторали», но и вообще поэзии, воспевавшей современную ему сельскую жизнь.

Мусейон Александрийский, следовательно, был не только центром науки, но и поэзии, и потому бесконечна благодарность человечества не только этому «центру», но и его основателю — Деметрию Фалерскому. Но, преуспевая во всех своих начинаниях, этот человек в конце своего пути испытал много поражений, связанных с семейной трагедией Птолемея I. Изложением этой истории мы и закончим настоящую главу.

Я уже писал, что Птолемей был женат на Эвридике, дочери наместника Антипатра, сестре Кассандра. Правда, браки диадохов отличались редкой непродолжительностью, так как их заключение и разрыв зависели от политической конъюнктуры; Александр Македонский, стремясь и в этой области соответствовать нравам Востока, установил для себя и своих приближенных многоженство, женив в один прекрасный день своих уже женатых и холостых военачальников на знатных персиянках. Эти браки тоже оказались недолгими: тотчас после смерти Александра диадохи постарались избавиться от жен из варварских племен, и только Селевк, царь-

воин, остался верен своей Апаме, в честь которой даже назвал несколько основанных им городов.

Ничего поэтому не было удивительного в том, что наследники Александра и вовсе не стеснялись в подобных делах. У Птолемея и Эвридики было несколько детей, старший Птолемей получил прозвище К е р а в н («Молния»). Любил ли Птолемей свою жену? Сказать трудно, доподлинно известно, что особенно он любил одну из придворных дам знатного рода, Беренику; будучи женатым, он часто брал Беренику в далекие морские прогулки, когда расширял свое царство на островах Архипелага; здесь, на чудесном острове Кос, родился их сын, тоже Птолемей, позже получивший имя Ф и л а д е л ь ф а. Отец дал ему хорошее воспитание; старшего сына воспитывал сторонник Эвридики, Деметрий Фалерский, учителем младшего был гуманист Зенодот, позднее глава библиотеки Мусейон. Старший отличался диким и неуправляемым характером, младший обладал мягким и добрым нравом. Уже в те годы его считали наиболее вероятным преемником Птолемея. На это надеялась и Береника, а ее влияние на царя в ту пору было огромно. Что делать? Деметрий всеми силами старался помочь своему воспитаннику, скорее всего, не только из личных побуждений. Династия еще не успела окрепнуть, против наследования трона старшим сыном никто бы не возражал, но лишение его прав в пользу младшего могло вызвать опасное недовольство; примером служила история с детьми Кассандра. Но чары Береники победили: в 285 году, когда Птолемею было восемьдесят лет, он, предвидя близкую смерть, назначил соправителем младшего сына. Эвридика с сыном еще до этого его покинули, уехав к Деметрию Полиоркету, мужу своей давно умершей сестры Филы; Керавн обратился за помощью к великому Селевку, самому могущественному тогда правителю. Через два года царь Египта умер. Как можно было предвидеть, младший сын, всеми любимый Птолемей II, без труда получил трон отца. Его сорокалетнее правление — это эпоха расцвета Египта Птолемеев, прославлению которой посвящено знаменитое стихотворение уже упоминавшегося поэта Феокрита «Похвала Птолемею». Однако в стране были не только его сторонники, но и противники, к последним принадлежал Деметрий Фалерский. Молодой царь не мог забыть его стараний в пользу старшего брата; вступив на престол, он сослал его в небольшой египетский городок, где бывший архонт Афин и советник Птолемея I и закончил свою насыщенную жизнь.

Это была его главная ошибка, фатальные последствия которой осудили высший суд — суд истории. О том, каким чудовищным преступлением воспитанник философа искалечил свою жизнь и как был за это наказан, мы увидим в следующей главе.

РАЗГРОМ ГАЛЛОВ

Деметрий Полиоркет и Птолемей I умерли почти одновременно; из диадохов Александра оставались в живых только Селевк и Лисимах. Оба находились на вершине славы и могущества. Лисимах, «обиженный», как мы помним, при разделе наследия Антигона у Ипсы, получил определенное вознаграждение в Европе. Пирр, с которым мы простились, когда он стал владыкой Македонии, некоторое время еще держался на троне. Поражение Деметрия вызвало разрыв его соглашения с Лисимахом, заключенного против общего врага, и их отношения обострились.

Македоняне недолго размышляли над выбором между ними: навязанным царем Эпира и старым Лисимахом, давним товарищем Александра Великого. Пирр возвратился в Эпир и оставался там до тех пор, пока события в Италии не предоставили ему новые возможности для удовлетворения честолюбивых намерений. Лисимах занял Македонию и Фессалию, оставив Антигону Гонату, сыну Деметрия, лишь некоторые, признававшие его власть, небольшие греческие города-полисы.

Македония и Фессалия, Фракия и Малая Азия до Тавра являлись весьма внушительной силой, если к ней добавить личные достоинства Лисимаха, выдающегося полководца, правителя и администратора. Его умная финансовая политика дала ему возможность распоряжаться огромным сокровищем, размещенным в недоступном Пергаме под охраной военного казначея крепости, Филетера. Лисимаху уже исполнилось семьдесят лет, но его правой рукой был сорокалетний сын, храбрый Агафокл, доказавший свое военное мастерство в войне против Деметрия. Казалось, что наконец-то мир обеспечен на Балканском полуострове; неожиданно Лисимах своим преступным и безумным поступком разрушил все, что построил в течение жизни.

В сущности, трагедия семьи Лисимаха стала дальнейшим продолжением семейной драмы Птолея I. Сын Лисимаха, Агафокл, был женат на дочери Птолея от первого брака, Лисандре, родной сестре Птолея Керавна; сам Лисимах на старости лет женился на Арсиное, дочери Птолея и Береники, т. е. родной сестре Птолея Филадельфа. Успех Береники в деле наследования трона Египта сулил удачу и ее дочери: нельзя ли так повести дело, чтобы царская власть старого мужа Арсиной перешла в руки ее, Арсиной, малолетнего сына? Конечно, Агафокл был помехой, но Лисимах оказался полностью под влиянием новой жены. Свое влияние Арсиноя осуществила таким образом, что очернила Агафокла в

глазах подозрительного отца и старика, который, видимо, не отдавал себе полный отчет в ситуации; она довела Лисимаха до того, что тот велел заключить сына в тюрьму и убить.

Всеобщим возмущением подданные Лисимаха встретили весть о позорном сыноубийстве. Лисандра, вдова Агафокла, бежала к Селевку, где находился ее брат, Птолемей Керавн. Уступая их просьбе, Селевк, хотя и был уже восьмидесятилетним стариком, перешел Тавр и вступил на землю Малой Азии, подвластной Лисимаху. Его везде радостно приветствовали как освободителя от гнусного сыноубийцы; так Лисимах остался один, без друзей. Его верный казначей, Филетер из Пергама, покинул его и признал власть Селевка; это уже был весьма болезненный удар для несчастного царя-убийцы, потому что вместе с Пергамом он терял все свои бесчисленные сокровища, которые собирал в течение десятков лет. Приходилось опять надеть кольчугу на стареющее тело и лично выступить против врагов. Снова оба воина встретились во Фригии, но на этот раз как противники. На равнине Курупедион (Курупедий) произошла битва (281). Перстень Аполлона снова, в последний раз, обеспечил Селевку успех, Лисимах потерял царство и жизнь, его войска перешли на сторону победителя.

А после? Лисандра была уверена, что Селевк начал войну во имя мести за ее мужа, Агафокла, и что трон Лисимаха перейдет к ней, как к вдове. Того же мнения был и Птолемей Керавн, с той разницей, что править будет он, брат царицы. Однако кроме них и Селевка еще был гордый народ, который уже неоднократно сам решал вопрос о наследии трона, — македоняне. А что случится, если этот народ вместо пришельцев, Лисандры и Керавна, захочет отдать власть над собой в чистые руки Селевка, которого считали «отцом» для своих подданных?! Хотя тот и не видел свою родную Македонию почти пятьдесят лет, он любил ее, и у себя в Сирии многие названия изменил на македонские: там была у него новая Пиэрия, новая Эдесса, новая река Аксий. Что будет дальше? Все знали, что если Селевк во главе объединенных войск переправится через Гелеспонт, вся европейская часть царства Лисимаха будет у его ног. Конечно, он обещал Керавну вернуть египетский трон отца, и это не составит труда, потому что в его распоряжении остается полное наследие Александра. Селевк полагал, что сначала прогонит младшего брата Птолемея, захватит Египет, якобы для Керавна... но кто может поручиться, что после захвата Египта он и его не оставит себе? Действовать надо было быстро и решительно, чтобы не опоздать. Селевк приближался к Лисимахии, основанной побежденным царем, где его весьма почитали, а Селевка ненавидели. Воспользовавшись подходящим моментом, Керавн хитростью заманил Селевка к себе и подло убил старого диадоха, своего гостепри-

имного хозяина, который так тепло и милостиво принял у себя изгнанного с родины царевича.

После убийства Керавн немедленно отправился в Лисимахию и там был признан вождем; армия Лисимаха, потеряв полководца и главу, перешла на его сторону. Но помех оставалось немало: Арсиноя, вторая жена Лисимаха, находилась еще здесь, со своими детьми, от имени которых она подговорила своего умершего мужа совершить преступление. Керавн предложил ей стать его женой. Предложение было вдвойне отвратительным: во-первых, он являлся родным братом Лисандры, мужа которого Арсиноя убила, во-вторых, «невеста» была его единокровной сестрой. Тем не менее та согласилась на предложение, пытаясь любой ценой стать царицей Македонии.

Но Керавн думал совсем о другом: заключив подобный брак, он рассчитывал исключить притязания со стороны трех сыновей Арсинои. А после отпразднованной с величайшей пышностью свадьбы предательски убил всех троих. Теперь — одной помехой меньше. Увы, только одной. Оставались еще претенденты — Пирр, Антигон Гонат и сын Селевка, Антиох. Но Пирра в тот момент признавали жители Тарента, и он охотно отказался от притязаний на македонский трон в пользу Керавна, взамен на военную помощь его походу против Рима; Антигон находился далеко, а Антиох, захваченный врасплох вестью о смерти отца, слишком увяз в малоазийских делах и не мог принимать участия в македонских распрях. Внешне казалось, что все благоприятствовало преступнику: он спокойно занял македонский трон, на который как сын Эвридики и внук Антипатра имел прямое право.

Но когда он получил, наконец, столь обильно политую кровью власть, Судьба приближалась к северу и вызывала такой ужас, какого Греция еще до сих пор не испытывала.

Читатель, несомненно, не забыл о галлах и их набеге на Италию сто лет назад. Когда победа Камилла повернула их уничтожающий все на своем пути поток, большая часть их сил направилась далее на восток, через долины Альп. В начале III века мы встречаем их у Савы и Дуная. Когда власть над Балканами находилась в крепких руках Лисимаха, всякие попытки галлов прорваться на полуостров терпели неудачу и оказывались безрезультатными. Но когда власть его рухнула после поражения в долине Курупедион, галлы неисчислимыми ордами двинулись на юг. Многие из них там манило, и прежде всего храм в Дельфах, сведения о сокровищах которого дошли до них, но, как обычно бывает со слухами, сильно преувеличенными. Для Греции началась истинно священная война, самая священная из всех, какие были до сих пор, и, как часто бывает в подобных войнах, она обросла буйной порослью легенд, развенчивать которые мы не станем.

Первый, кого необходимость вынудила взяться за оружие, чтобы противостоять диким ордам, был наследник Лисимаха, новый царь Македонии, Птолемей Керавн. Но его забрызганные кровью руки не вправе были защищать святое дело, он скоро потерпел поражение и погиб, а его войско было уничтожено до основания. Македония оказалась безоружной. Спустившись с гор на побережье Архипелага, варвары разделились, и часть их войск во главе с Бренном направилась для занятия Греции и Дельф.

И вот повторяется то, что уже имело место 300 лет назад, когда войска Ксеркса направилась в Элладу; в дни отчаяния и бедствий засиял героизм Леонидов и Фемистоклов. Теперь положение оказалось еще более угрожающим, от нового врага нельзя было избавиться данью «земли и воды», а его, врага, жестокость по отношению к побежденным и безоружным не имела границ. Но произошло опять то, чего мы не видели в течение двухсот лет: перед лицом безжалостного врага Греция объединилась. Правда, не под руководством Спарты — со времен Эпаминода, беотийского полководца, это государство стало бессильным, а возрождение его началось поколение спустя. Гегемония в Элладе, если и можно об этом говорить, принадлежала этолийцам. Объединившись во время войны Пирра с Деметрием, они привлекли и другие государства для создания политического противовеса Македонии, создав «свой» Этолийский союз и получив возможность выставить значительные силы; они направили их для встречи врага в Фермопилах; афиняне послали со своей стороны сильный флот. И действительно, повторился незабываемый 480 год, когда греки во главе с Леонидом в течение нескольких дней мужественно защищали «Теплые ворота» от персов; славное ущелье между горой Эта и морем стало опять свидетелем героизма эллинов. Орды Бренна, до сих пор неодолимые, не смогли сломить сопротивление защитников Эллады.

Фессалийцы, отчизну которых галлы разоряли постоянной данью, решились избавиться от непрошенных гостей, но для этого существовало лишь одно средство: повторить предательство Эфиальта и, как когда-то, горными тропами провести врагов в тыл защитников Фермопил. Поняв безнадежность борьбы, этолийцы сели на прибывшие из Афин суда и переправились через Эвбейский залив к Дельфам, чтобы грудью защищать «общий для всей Греции очаг».

Тем временем галлы, не встречая сопротивления, прошли от Эты к Фокиде в Центральной Греции; до прекрасного храма, вожделенной цели, было недалеко. Перепуганные жители обратились к Аполлону, но бог повелел им успокоиться. Враг тем временем приближался, помощь не приходила, и вскоре склоны крутых Федриад запестрели шлемами и щитами галлов; казалось, что еще немного — и храм станет их добычей.

Но они не успели даже разбить лагерь, чтобы передохнуть после успешного похода через горы, — земля задрожала под ногами. Незнакомые с землетрясением галлы в страхе жались друг к другу и не смели приблизиться к храму. А тучи, обычно покрывавшие макушку Парнаса, начали расти, темнеть, молнии прорезали небо, загрохотал гром — и в призрачном свете бури жители Дельф увидели в горах огромные фигуры героев-защитников, которые направляли огонь Зевса на захватчиков, сжигая их щиты и их самих. Так прошел день, а следующая за ним ночь была еще более страшной. Неожиданно наступил ледяной холод, падал обильный снег, о сне не могло быть и речи. Галлы тесной толпой окружали костры, которые им удалось развести в этой почти безлесой стране. Вспышки молний, удары грома прекратились, им на смену раздался страшный грохот, во стократ более мощный: это отрывались куски скал с вершины Парнаса и, словно кем-то направляемые, низвергались прямо в гущу галлов. Всю ночь они провели, еле живые от страха, а наутро взошедшее солнце осветило военные лагеря тысяч эллинов из-под Фермопил. Галлы охотно уклонились бы от сражения, но легковооруженные полки фокейцев, обойдя Парнас известными им тропинками, отрезали путь к отступлению. Зажатые в клещи двух огней, они вынуждены были принять сражение, которое и закончилось их полным разгромом; сам Бренн был ранен. Галлы положили его на носилки, а остальных, не имея возможности забрать, добились. Все время при отступлении призрак наступающего врага преследовал галлов; в следующую ночь они испытали настоящую атаку панического страха: свою собственную речь они принимали за греческую, собственное оружие за вражеское и в конце концов начали битву между собой, положив на месте почти десять тысяч воинов. Галлы отступали дальше по тем самым, давно уже разрушенным районам, ночевали среди еще тлеющих руин и, наконец, испытали еще одно страдание: голод. Бренн не вынес подобного унижения; раненый и больной, он начал пить. Показалось море и Фермопилы, но фессалийцы, предупрежденные о приближении галлов, вовсе не собирались впускать их в свою страну. Без особого усилия они окружили их и вырезали до единого.

Так сдержал слово Аполлон. Теперь свет легенды гаснет, и дальнейшее происходит при дневном свете истории.

Ослабленные поражением войск Бренна галлы, которые остались во Фракии, не знали, как поступить; на помощь им пришли гражданские воины в Малой Азии, которые вспыхнули там после падения государства Лисимаха. Царь Вифинии — так называлась северо-западная часть полуострова — предложил галлам перевезти значительную часть их армии (20 000) через Геллеспонт при условии гарантирования с их стороны помощи в войне против брата. Галлы сдержали обещание, после чего, слов-

но лава, разлились по богатой, изнеженной стране. Для них началась блаженная в их понимании жизнь: нигде никакого сопротивления, города, опасавшиеся нападения, предпочитали откупаться от захватчиков, ни в чем не было недостатка. Правда, не всегда им сопутствовала удача, их несказанно манили Пергамские скалы, где до сих пор находился Филетер с огромным сокровищем Лисимаха; но захватить его они не могли.

В то время как осевшие в Азии войска галлов вели беззаботную жизнь, дела у основных сил на европейском побережье ухудшались. Антигон Гонат, урегулировав свои проблемы, наконец направился на север. Занявших Херсонес галлов он разгромил, остальные же, отброшенные от моря, основали свое отдельное государство в глубине страны. Там они уже давно селились и охотно вступали в греко-македонские войска, вследствие чего Фракия, бывшая под значительным влиянием Эллады, возвратилась снова к дикому состоянию, в каком и находилась в течение всего античного периода. Что касается Антигона, то после быстрой победы над галлами его с распростертыми объятиями приняли в Македонии, где после смерти Птолемея Керавна царил абсолютная анархия. Итак, он вновь занял трон своего отца Деметрия «Осаждающего город» и вернул Македонии династию Антигонидов, которая правила там вплоть до утраты Элладой самостоятельности.

Сделаем передышку.

Со смертью Селевка I Никатора («Победителя») ушел навсегда последний из диадохов, непосредственных «наследников» Александра Македонского, обосновывавших свои права участием во многих походах великого царя. Эпоха диадохов охватывает первое сорокалетие после его смерти, до сражения при Курупедионе (281), ставшим после битвы при Ипсе (301) вторым эпохальным событием в истории греческого Востока. Следующая эпоха, эпоха эпигонов, занимает шестьдесят лет, до 222 года. С точки зрения внешних событий она менее интересна, незначительные войны эпигонов лишь в отдаленной степени напоминают сражения диадохов, точно так же, как внутренние войны Эллады IV века повторяют войну Пелопоннесскую. Мы не будем на них останавливаться.

Но личности царей-эпигонов вполне достойны нашего внимания. Самые главные три — Антигон Гонат македонский, внук Антигона и Антипатра, Антиох I сирийский, сын Селевка, и, наконец, Птолемей II Филадельф египетский, сын Птолемея I «Спасителя». Четвертый диадох, Лисимах, лишь в следующем поколении нашел достойного себе преемника в лице пергамского царя.

Это были умные, решительные и достойные люди; особенно отличался среди них заслуживающий всякого уважения Антигон. Гениальная жизнь его отца Полиоркета гармонично соединялась в нем с унаследованной

от матери Филы, дочери Антипатра, сдержанной рассудочностью и чувством долга. В зрелом возрасте Антигон с азартом обратился к стоической философии, начало которой заложил Зенон в первые годы столетия в stoia poikile («Пестрый портик») в Афинах. Антигон вызвал ко двору ученика Зенона, Персея; свои царские обязанности он стремился согласовать с основами учения стоиков. В соответствии с этим учением и свое правление он называл «почетным служением» (endoxos douleia), вводил в жизнь принципы, которым позже следовали наиболее выдающиеся римские цезари Траян, Марк Аврелий, а затем и наиболее передовые современные правители. Антигон вывел Македонию из разрухи, сделал из нее великое государство, обеспечив ему гегемонию над Грецией. Конечно, не сразу он удовлетворился своей ролью: сначала он мечтал об объединении царства Лисимаха, но это вызвало войну с Антиохом сирийским; здравомыслие победило, и этот план он оставил. Было заключено соглашение, укрепленное браком Антигона с сестрой Антиоха, Филой-младшей. Так завязалась многолетняя дружба Антигонидов с Селевкидами. Двор Антигона превратился в очаг культуры, где, помимо философии, процветала история в лице Гиеронима из Кардии, автора исторического труда о диадохах и эпигонах; этот труд, дошедший до нас во фрагментах, отличается любовью к истине, компетентностью в военных делах, справедливостью отношения как к сильным, так и слабым личностям.

Иного характера был властитель Египта, долго и неудачно воевавший с Антигоном за влияние в Греции, Птоломей II Филадельф.

*Птоломей II Филадельф и Арсиноя II.
Октодрахма Птолемея III Эвергета. 246–221 гг. до н. э.*

Обаятельный в обхождении, тонкий политик, он сделал свой двор центром изысканности и знания. Поклонником философии он не был, но, как мы видели в предыдущей главе, предпочитал поэзию, точные и гуманитарные науки. По-своему он был чрезвычайно деятельным. Одному льстецу, прославлявшему его успехи, Птолемей ответил: «Друг мой, если бы ты знал, сколько мне приходится писать правительственных бумаг, ты ни за что не поднял бы диадему, даже если она лежала бы у твоих ног».

Природа не одарила его крепким здоровьем: один раз, стоя на веранде своего дворца и наблюдая за рабочими, тащившими огромный валун для строительства, он с завистью вздохнул: «Почему я не один из них?» Естественно, что он особенно покровительствовал врачам. Из Александрии Птолемей привез Эрасистрата и Герофила, создателей анатомии и физиологии, всеми силами поддерживал их научную деятельность, даже разрешив проводить рассечение на приговоренных к смерти преступниках. Он мечтал о том, чтобы эти ученые изобрели эликсир жизни. Мечта до сих пор не выполнена, но под влиянием царской идеи Египет, увлеченный магией, занялся изучением изменения материи, что привело в конечном итоге к возникновению химии. Птолемей больше, чем отец, следовал египетским обычаям. От брака с Арсиноей-старшей, дочерью Лисимаха, родился сын, будущий Птолемей III Эвергет («Благодетель»). Когда после смерти жены вернулась его сестра, Арсиноя-младшая (злой дух Лисимаха), Птолемей, в соответствии с традицией фараонов, сделал ее своей женой, что и стало в дальнейшем причиной его прозвища «Любящий сестру» (Филадельф). К счастью, этот брак был бездетным и ближайшему поколению Филадельфа не грозило вырождение — страшное проклятие, бросаемое природой на кровосмесительные браки.

Третий из упоминавшихся выше эпигонов, Антиох, занял отцовское место при достаточно неблагоприятных обстоятельствах, вызванных неожиданной и скандальной смертью отца; затем произошло вторжение галлов, спровоцированное изменой царька Вифинии, Никомеда. Антиох не сумел того наказать и был вынужден признать независимость Вифинии. Против галлов же выступил решительно и разбил их окончательно, за что и получил почетное прозвище «Спаситель» (Soter).

После отторжения Вифинии в конце правления Антиоха (261) произошло еще одно знаменательное событие. Филетер, правитель Пергама, признавший после смерти Агафокла власть Селевка, остался верным и его сыну, но преемник Филетера, Эвмен, не хотел признавать эту зависимость. Он получил в наследство от Филетера огромные сокровища Лисимаха, поэтому смог собрать многочисленную армию, победил Антиоха у г. Сарды и провозгласил независимость. Преемник Антиоха Спасителя, Антиох II «Бог» (Theos), не имел сил, чтобы привести Эвмена к послушанию, тем

более что его ослабляла хроническая болезнь Селевкидов: бесконечная война с Египтом из-за Сирии с городом Дамаском. Конец его правления характеризуется тяжелыми неудачами не только его лично, но и вообще эллинов; восточные провинции отделились, и это привело к возникновению за Евфратом Парфянского царства Аршакидов (247), а в итоге государство Селевкидов замкнулось границами Сирии и Месопотамии. При таком положении вещей у властителей Пергама были развязаны руки, теперь им следовало бояться не Селевкидов, а галлов, быстро забывших об уроке, данном им Антиохом Спасителем и возобновивших свои набеги; многие города взамен за мир и согласие платили им постоянную дань.

Откупался данью и Эвмен, которую он платил регулярно до самой смерти. Однако его преемник, А т т а л, постановил изменить такое унижительное положение и в первый же год правления (241) заявил галлам, что больше они ничего не получают. В ответ галлы вошли на территорию Аттала, но он решительно встретил захватчиков у истоков реки Каик (в Миссии, близ Пергама) и одержал блистательную победу, уничтожив почти всех врагов. С этого времени галльская опасность для греко-азиатского мира перестала быть актуальной.

Местопребывание галлов ограничилось северо-восточной частью Фригии, вокруг города Анкира (Анкара, в Галатии); Аттал очень гордился своей победой, он объявил себя царем и принял предложенное греками прозвище «Спаситель». Всю свою долгую жизнь он посвятил укреплению родного Пергама, и благодаря ему эта страна стала одним из важнейших центров культуры греческого Востока, а город мог равняться с Александрией и Антиохией. Разумеется, он был несравним по величине, но по интеллектуальному потенциалу тогдашнего эллинизма имел такое значение, что мы вынуждены посвятить ему отдельную главу.

36

ПЕРГАМ

Античные легенды не обошли столицу Атталидов, новый Иллион, град Телефа, царя Мизии, ставший по недоразумению приманкой для армии Агамемнона, когда та направилась против Трои. В эпоху независимости Эллады Пергам стоял в стороне; это был один из многочисленных укрепленных городов Персии, которые царь отдавал под власть «тиранов», т. е. наместников. Пергам расположен на недоступной скале, и это привлекло внимание Лисимаха, который, как мы уже видели, избрал его местом хранения своих сокровищ, доверив их умному и верному Филетеру. О дальнейшей истории Пергама вплоть до занятия трона Атталом I (241–197)

мы говорили выше. В течение правления Аттала и его преемника Эвмена II (197–159) Пергам достиг вершины величия.

Забегая вперед, следует сказать, что расцвету Пергам обязан и соглашению с Римской республикой; религиозной основой договора было так называемое «общее» происхождение от древней Трои. Главной жертвой соглашения стали Селевкиды, которых пергамские Атталиды, да и не без основания, считали основными своими врагами. Их участие в римских победах, равно как и победа Аттала I над галлами, стали поводом для строительства великолепных памятников, о которых необходимо сказать. Той же политики держался и брат Эвмена, Аттал II (159–138), сын которого, Аттал III (138–133), увенчал ее завещанием сомнительного свойства, сделав римлян наследниками Пергамского царства. И все-таки это завещание стало достойным окончанием государственной организации, возникшей, можно сказать, как торговое предприятие из богатств Филетера.

Возможно, не очень благопристойное начало и еще менее достойный конец не должны нам закрывать глаза на великолепие эпохи. Для нас Пергам, так же как и Александрия, столь непохожие друг на друга, одинаково важные центры эллинизма.

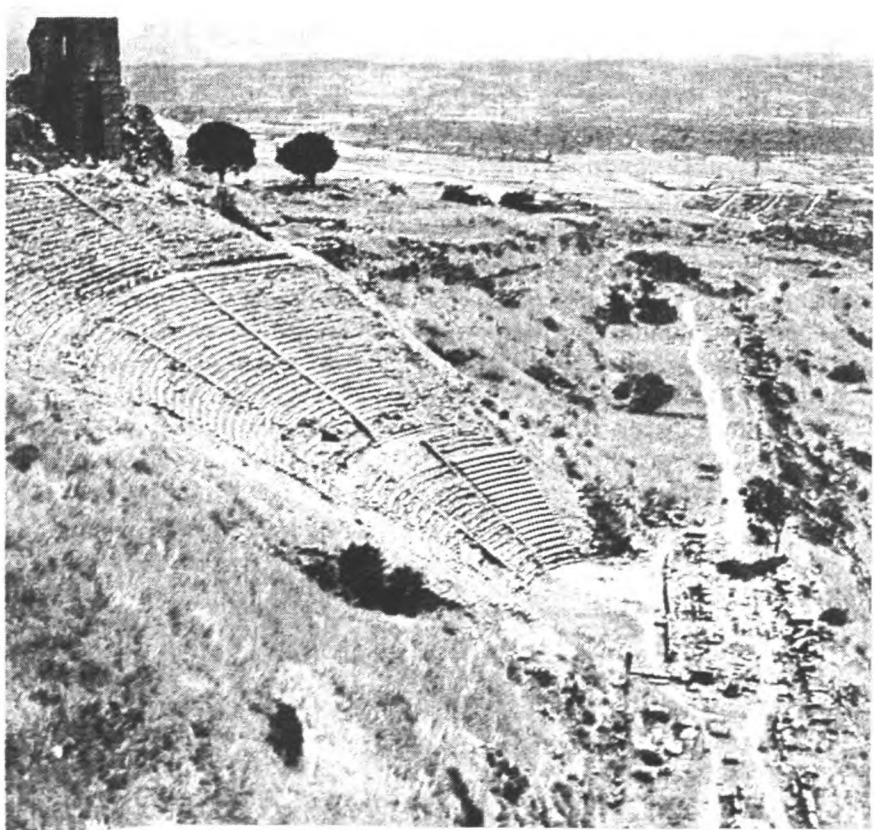
Александрию, правда, мы знаем только по литературным памятникам; тот факт, что город почти два тысячелетия неподвижно находился на одном и том же месте, не способствовал сохранению памятников и позже крайне затруднил проведение археологических раскопок. Иное дело Пергам. Он, после крушения античных государств, как бы сместился со своей родной скалы, оставив ее в руинах. Теперь эта скала — пустырь, и только благодаря тщательным разысканиям немецких археологов, проведенным в конце прошлого века, мы получили представление о том, каков был Пергам некогда. Ныне путник, проведя ночь в греко-турецком Пергаме, у подножия горы, подступающей к границам Нижнего рынка Старого города, наутро седлает коня и по крутой тропинке попадает в столицу Атталидов, чтобы осмотреть ее памятники. Правда, он не найдет скульптуры, которая когда-то ее украшала: ныне она находится в Берлинском музее. Но то, что осталось, представляет огромную ценность с точки зрения архитектуры и топографии.

В противоположность Александрии Пергам не был основан в одночасье и согласно определенному плану. Поэтому здесь невозможно найти регулярность планировки, характерную для Александрии. По мере роста города акрополь использовал свободное место для монументального строительства, а жители должны были занимать горные склоны, где возник нижний город; поскольку эти процессы шли медленно, то четкость и ясность планировки не могли иметь место. Но тем не менее особенности

гористой территории использованы полностью, включая и живописность ландшафта. Окончательный итог исторического развития Пергама вовсе не дает нам оснований жаловаться на отсутствие предварительного плана.

В нижней части города на склоне горы находится Нижний рынок, окруженный колоннадой, над ним на трех террасах возвышался Гимнасий, место для физических упражнений молодежи; это здание состояло из трех частей для разного возраста учеников — мальчиков, подростков и юношей. Каждая терраса также была окружена колоннадой и колоннадой же отделялась от других. Теперь все это лежит в руинах, конечно, если еще существует и не использовано для другого строительства; но в свое время леса дивных греческих колонн возвышались один над другим и своим

Фрагмент театра в Пергаме

видом производили неизгладимое впечатление. Строители и здесь учитывали особенности поверхности — колонны дальние делались двойными, двухэтажными, что создавало возможность использовать разные стили. Еще прежде, в Пропилеях Афин, например, мы встречаем в одном и том же здании дорические и ионические ордера. В Пергаме объединение сделано с учетом оптического восприятия — нижний этаж состоял из более тяжелых, массивных дорических колонн, верхний — из легких, ионических. Такое рациональное использование ордеров заимствовали позже римляне, а еще позже и современные архитекторы. Впрочем, современные «дорические» колонны значительно легче, чем они были во времена Перикла, и вообще четкость архитектурных форм со временем исчезла.

Не останавливаясь на менее важных объектах, перейдем прямо из верхнего Гимнасия на обширную террасу, на которой размещен храм Деметры и Керы. Это подражание Элевсину, перенесение его священных мистерий в эллинистический город. Справа мы видим монументальный колодец, явно напоминающий элевсинский, у которого дочери Келея обнаружили опечаленную богиню. Правда, это было в Элевсине, но и в колониях, надо сказать, с уважением относились к элевсинским святыням, почитали легенды, связанные с Деметрой и ее дочерью, добавляя новые подробности к известным мифам. Направо — несколько ступенек вверх, откуда доверенные лица созерцали разыгрываемую священную драму, изображавшую в мимических и символических сценах поиски Деметры и ее воссоединение с дочерью. Закладка храма относится к самому началу III века в эпоху Лисимаха. Тогда храм несомненно находился за стенами тогдашнего города, так же как и Элевсин александрийский. Конечно, культовыми таинствами руководили жрецы Деметры Элевсинской, как это делал в Александрии Тимофей. Возможно, даже он сам. Известно из различных источников, что он бывал в этих местах, и об этом мы скажем ниже.

Теперь перед нами собственно крепость, Пергам, подлинное гнездо «орла» Филетера и его преемников, полукругом окружающее нижний город. Центральную часть полукруга на склоне горы занимает театр, так же как в Афинах; так же как там, над ним возносится священная колонна Паллады и ее храма. Это дело Аттала I, как в свое время храм Аполлона стал символом победы над персами, так и этот священный участок в Пергаме должен был напоминать о победах над галлами. Как Перикл для осуществления своих великих замыслов нашел исполнителя в лице Фидия, так и Аттал для своих призвал наиболее талантливого скульптора того времени, Эпигона.

Помимо высокого пафоса, достигнутого Скопасом, технических усовершенствований, введенных Лисиппом, Эпигон «добавил» характерный для эпохи эллинизма реализм; исторический материал давал неисчерпаемые возможности для развития достижений греческого искусства V—IV вв. до н. э., передачи душевного напряжения, движения и т. д. Галлы, как и другие кочевые племена, брали с собой в повозках жен и детей, следовательно, поражение в бою воинов касалось и этих безоружных созданий. Можно себе представить, какая богатая гамма чувств и переживаний предстала в тех условиях перед скульптором, когда он получил заказ Аттала на серию «Поражение галлов у реки Каик» для фриза храма Афины в Пергаме. Судить об этом можно лишь по копии. Всем известен «Умирающий галл»: смертельно раненный молодой воин полулежит на своем щите, опираясь на правую руку; голова опущена, на лице выражение с трудом сдерживаемой муки и тень приближающейся смерти; еще минута — и напряженная рука ослабнет и галл упадет на щит.

Еще больше пафоса во второй группе, представляющей галла с женой; чтобы спасти от неволи, он убивает ее, и та, испутив последний вздох, повисает у него на левой руке; правой, все еще глядя на врагов, воин наносит себе смертельный удар. Не сохранилась третья группа, столь же выразительная: галльская женщина лежит мертвая, живой младенец жметя к матери и не понимает, почему она не отвечает на его ласки. Упомянутый реализм особенно проявился в передаче характерных

Умирающий галл. Рим, Национальный музей

*Фрагмент памятника в честь победы Аттала над галлами.
Рим, Капитолийский музей*

типов варваров, их жестких волос, грубой кожи, суровых черт лица. Но этот реализм придает особую ясность и четкость принципиальной идее скульптора, которой он следовал в первую очередь, невзирая на указания монарха, — идее сочувствия врагам и неприятия войны и ее жестокости.

Аттал не ограничивался прославлением своих достижений в столице; стремясь увековечить их в самом центре эллинистической духовной жизни, он посвятил Афинам четыре скульптурные группы; первая представляла победу богов над гигантами, вторая — победу эллинов над амазонками, третья — над персами и, наконец, четвертая — его собственную победу над галлами. Основная идея всех скульптур — победа законности над диким беззаконием. Отдельные фигуры композиции невелики, все они были размещены в Афинском Акрополе, так же как и в Пергаме, на террасе театра Диониса. От всех групп сохранилось много копий отдельных фигур, причем следует отметить, что это главным образом фигуры побежденных: они выразительнее отражали эллинистический пафос победы и потому находили больше сторонников, нежели победители со своим триумфом.

Спустившись с галереи храма Афины, мы видим направо самый знаменитый памятник Пергама, тот, которому, как предполагают, автор Апокалипсиса в момент самой острой борьбы с язычеством дал имя «трона дьявола», великолепный алтарь Зевса. О самом алтаре судить невозможно, можно говорить лишь о его «обрамлении»; монументальные ступени ведут на небольшую площадку, окруженную портиком, основание которого было украшено мраморным фризом с изображением борьбы богов с гигантами. Алтарь был сооружен в память победы Эвмена II. У нас есть возможность судить о нем, потому что значительные его части были открыты немецкими учеными в результате уже упоминавшихся раскопок; теперь этот фриз находится в Берлине. Алтарь на два поколения моложе творений Эпигона, и автор нам известен. В рельефе фриза, в сущности, подведен итог многовековому развитию греческого искусства; здесь — необычайная резкость движений, неслыханная выразительность напряженных лиц; да, уровень мастерства достиг необычайной высоты, тяготея, правда, скорее к Скопасу. Конечно, каждый волен предпочесть сдержанную «нравственность» Праксителя или великолепную «невозмутимость» Фидия. Но подобные предпочтения бесплодны, поэтому удовлетворимся самим фактом существования пергамской гигантомахии; здесь и Дионис, сразивший страшного Эфрита, и Зевс, низвергший молнией Порфириона, и Афина, содравшая кожу с еще живого Палланта... Когда наши глаза утомятся от созерцания борьбы, обратим взор на прекрасный образ Матери-Земли, которая молит о снисхождении для своих сыновей. Мать протестует против ужасов войны.

Поднимаясь по монументальным ступенькам, мы добираемся до великолепных ионических портиков, которые некогда окружали алтарь... Увы, «некогда» относится теперь и к самим портикам. Внутреннюю сторону заднего цоколя также украшали горельефы, представлявшие сцены из мифа о Телефе, легендарном царе Пергама. Этот фриз, более поздний по сравнению со сценами гигантомахии, представляет дальнейший этап в развитии скульптуры, но не в характере окраски изображенного, — гигантомахия, кажется, достигла недоступных высот; сцены борьбы богов с гигантами изображены в согласии с традициями аттической эпохи на так называемом «пустом» фоне, а эпизоды «фриза Телефа» изображены на фоне скал, деревьев, храмов, одним словом, перед нами появляется пейзаж, передаваемый горельефом в период наивного детства, не отдававшего еще отчета в трудности решения данной задачи; в классическую эпоху искусство сузило свои проблемы, отказавшись от фона, чтобы достичь большего совершенства, имея в своем распоряжении новые технические средства. Нетрудно догадаться, что подобный пейзажный фон в высшей степени соответствовал настроению идиллической пасторали, который мы видим в александрийской поэзии. Кстати, многочисленные сохранившиеся до наших дней горельефы на пейзажном фоне, независимо от их происхождения, называются «александрийскими горельефами»; они блестяще иллюстрируют если не конкретные сцены буколических произведений Феокрита, то, по крайней мере, сущность его поэзии.

Открытие памятников Пергама дало возможность поставить в одну линию развития греческой скульптуры серию великолепных, но рассеянных фигур и групп, таких как Лаокоон, Афродита Милосская, Аполлон Бельведерский, атлет Боргезе и пр. Можно сказать, что все это плоды одного и того же дерева. Итак, прежде чем проститься с искусством Атталидов, стоит вспомнить еще об одной заслуге династии; ее представители не только строили новые памятники, но были и первыми в истории культуры собирателями (коллекционерами) древних произведений искусства, разумеется в копиях, потому что Греция ни за какие деньги не отдавала оригиналы. Так возник обычай копирования скульптуры. Атталиды завоевали себе благодарность мастеров, которым они тем самым давали возможность существования; еще большую благодарность испытываем мы, ведь абсолютное большинство античных скульптур, которыми славятся наши музеи, это копии со старых оригиналов, и сделаны они или по заказу Атталидов, или их поздних преемников и последователей.

В крепости Пергама еще много памятников архитектуры, но мы оставим их и вернемся к храму Афины, а от него пойдем влево, к небольшому зданию. Это Пергамская библиотека, состоящая из большого зала для

чтения и нескольких комнат-хранилищ со статуей Паллады, покровительницы письменности, и бюстами известнейших греческих писателей.

Атталиды активно соперничали с Птолемеями в деле собирания книг, хотя им приходилось преодолевать значительные трудности. За пределами Египта папируса нигде не было, египетские власти весьма ревниво оберегали свое сокровище и старались сохранить монополию на книжное дело, для чего и был введен запрет на вывоз его за границу.

Но как бывает всегда, жесткость таможенной службы повышала изобретательность контрабандистов, а также вызвала изготовление заменителей. Пергам научился изготавливать из кожи свиней, тысячами приносившихся в жертву Деметре, тонкие белые листы, которые могли служить материалом для письма. Именно столица Атталидов и дала название известному до наших дней материалу — пергаменту. В отличие от папируса, который скручивали в рулон, листы из пергамента сшивали по четыре штуки, получались так называемые *tetradia*, а из последних делали «тома». Пергамская книга была совершенно похожа на нашу, от нее и происшедшую. Таких «томов» библиотека Пергама насчитывала более двухсот тысяч.

Вполне естественно, что это был не мертвый капитал. Как и Александрия, Пергам стал крупнейшим центром науки того времени. Что касается ориентации, то бросается в глаза их соперничество; философия, к которой весьма прохладно относились в Александрии, расцветала в Пергаме, причем особенно была в почете суровая нравственная наука Зенона и его «Стоя»; в точных науках Пергам стоял значительно ниже Александрии. Филология почиталась в обоих городах, но представители пергамской «школы» сверху вниз смотрели на ученых Александрии, на их работы в области языка и «критики текстов». Они изучали авторов, подходя к ним с высокой, философской точки зрения, рассматривая многие произведения как аллегории. Себя они называли не грамматиками, а критиками. Наиболее известным и популярным из них был Кратет из Маллы (Киликия), сторонник стоической теории аномалии и противник теории аналогии. Кстати, Кратет служил своему царю и в области политики.

Все изложенное выше не должно производить впечатления, что Пергам был чисто греческим городом. Конечно, местные жители не могли играть такой роли, какую в Александрии играли гордые своей многовековой культурой египтяне. Как бы то ни было, местный элемент культуры и религии существовал, и стремление объединить это с прошлой греческой культурой заботило не только Атталидов, но еще и Лисимаха. Выбор культуры был предопределен: пергамские мизийцы, соседние лиды, фригийцы и другие чтили богиню, называемую ими Великой Матерью. Главный ее храм, окруженный лесистыми горами, находился в г. Пессинунте, в глу-

бине дикой Фригии. Город этот, своего рода Мекка того времени, управлялся жрецами; их власть, освященная веками, была настолько сильна, что даже галлы, занявшие эту местность, не посмели прикоснуться к сокровищам великого храма, в котором жрецы проводили празднества и тавроболии¹ в честь богини Великой Матери и ее культового спутника и возлюбленного Аттиса.

Церемониал Матери Пессинунтской было необходимо приобщить к религии греков. Задача оказалась действительно в духе той, какую в свое время решал Тимофей в Александрии; там важно было соединить в одно целое греческую Деметру с египетской Изидой, здесь следовало наполнить глубиной таинственности духа дикий культ Великой Матери. К Тимофею и обратился Лисимах, а учитывая дружественные отношения последнего с Птолемеем, это было вполне уместным и логичным. Тимофей и на этот раз чрезвычайно удачно решил поставленную перед ним задачу. Пергам обогатился новым храмом в честь малоазийской богини, его назвали *Megalesion* (от *Megale* — Великая), а тайные обряды (мистерии) культа Аттиса начали привлекать и тех, кого не удовлетворяли чистые тайны Деметры Элевсинской.

37

ГРЕЧЕСКАЯ ШКОЛА (ОБРАЗОВАНИЕ)

Рассказывая о памятниках Пергама, мы вскользь упоминали о Гимнасии, состоявшем из трех отделов: для мальчиков, подростков и юношей. Такое разделение, равно как и размеры и монументальная форма здания, свидетельствуют о заботе, с которой власти относились к вопросам воспитания молодых; теперь, пожалуй, эта забота стала повсеместной и можно уже говорить о греческой школе вообще.

Школа как таковая, разумеется, существовала давно, и в суровой Спарте, но там по закону Ликурга она была государственной, а в свободных Афинах частной. В Спарте воспитание было исключительно физическим, из остальных предметов «общего» образования учили чтению и музыке, обязательной для участия в государственных праздниках; даже наука счета стояла на крайне низком уровне. Но развитие физических способностей было доведено до совершенства и в активной области, и в пассивной. Охота, военное искусство, всякого рода гимнастика изучались и приви-

---

¹ Тавроболии — жертвоприношения быка, известный уже во II в. до н. э. религиозный обряд, своего рода крещение кровью: участник стоял в яме, в то время как над его головой убивали быка.

Статуя богини Кибелы. Неаполь, Национальный музей

вались тщательно и неукоснительно. Юноши тренировались в умении переносить любую боль не только безропотно, но и без видимых признаков страдания. Широко известна история об одном подростке, принесшем под плащом лисенка; тот безжалостно его грыз, но ни один мускул не дрогнул у него на лице, и он ничем себя не выдал. Для развития подобной способности существовал даже специальный экзамен: публичное истязание розгой перед алтарем Артемиды; тот, кто оказывался самым стойким, получал титул «Победителя перед алтарем».

Этим, конечно, можно восхищаться, но фактом остается то, что не аскетическая Спарта, а свободные Афины стояли во главе школьного дела в Европе. С давних пор здесь воспитание делилось на три вида: гимнастическое под руководством наставника (*пайдейя* от *pais* — ребенок), музыкальное под руководством мастера кифары и, наконец, собственно элементарное обучение под руководством грамматика. Самым широко распространенным было гимнастическое, и оно требовало большого пространства, поля для упражнений; второе ограничивалось весьма скромным помещением, и лишь позже, для реализации плодов обучения, т. е. выступления в х о р а х, участвовавших в культовых и ритуальных обрядах, в песнях и плясках в честь своих богов, также потребовало пространства. Совершенно иным, с этой точки зрения, был третий вид воспитания, при котором изучались науки чтения, письма, счета, проводилось штудирование известных поэтов, главным образом Гомера. Еще в V веке тот, который прошел эту элементарную школу, мог считаться образованным человеком. «Воспитанные в палестре, хороводах и музыке» — это люди, которым Аристофан советует доверять государственные дела. Не все проходили данный «курс» до конца, но не прошедших его вовсе, то есть в современном понимании неграмотных, Афины V века не знали. «Я ведь ничего не умею, едва читаю, да и то слабо», — говорит у того же Аристофана один, в общем, необразованный персонаж.

Такие низшие школы в Афинах были не государственные, их финансировали, содержали сами учителя, по их имени школы и различались. Во времена Сократа говорили: «Такой-то посещает школу Тавра». Туда ходили юноши из богатых семей вместе с «п е д а г о г о м», т. е. воспитателем (домашним рабом); пожилой раб на почтительном расстоянии нес школьные предметы, таблички, покрытые воском, для занятий письмом, стиль (*stylos*) — бронзовый стержень для нанесения текста и флакон с оливковым маслом для гимнастических упражнений. В классе стояла фигура музы, покровительницы науки, в палестре — Гермеса, покровителя телесных упражнений. Посторонним вход был запрещен, но показательные выступления юношей в палестре, которые являлись гордостью учителя, привлекали в минуты досуга и отцов молодежи, и их друзей,

и мастеров-скульпторов, находивших здесь великолепные образцы для своих работ; в зале часто бывал Сократ, который пользовался любой возможностью, чтобы частные дела превращать в дискуссии по общим духовным вопросам.

Методы изучения языка долгое время преследовали чисто практические интересы. Первую греческую грамматику написал в Александрии Дионисий Фракийский, ученик упоминавшегося выше Аристарха Самофракийского; она стала, следует подчеркнуть, матерью всех грамматик, вплоть до нашего времени. Из современных и древних поэтов, особенно Гомера, мальчики учили целые отрывки на память; так знакомство с литературой вместе с умением декламировать становилось гордостью учеников. На семейных праздниках и общенародных торжествах они часто соревновались друг с другом. Были такие любители, которые знали наизусть всю «Илиаду» и «Одиссею», встречались и неисправимые честолюбцы. Александрийский поэт Геронд в одном из своих мимов описывает характерную ситуацию: бедная вдова, Метротима, приводит в школу упи-

*Мужской портрет (Митридат VI Евпатор) (Агасий)
Нач. I в. до н. э. Из Делоса. Афины, Национальный музей*

рающегося сына, Коттала; по ее словам, сын не знает даже, где расположен вход в школу, а игорный дом стал для него родным. Доска, которую она усердно трет воском, «подобно сироте, лежит в сторонке», а бабки, которыми играет сын, разложены аккуратно в мешочках. «В письме ни черта не понимает и из “Марона” делает “Симона”. Ему б о слов пасти...» Мать просит учителя наказать ленивца, «всыпать по первое число». Учитель Ламприск готов дать сыну «по заслугам» и требует бич для наказания. Для воспитательных целей у Ламприска есть два ремня: один легкий, другой тяжелый, и он выбирает второй. В школе Ламприска телесное наказание имело обычное педагогическое значение, и в этом нет ничего особенного. Особенным было то, что именно в греческой школе возникла мысль о недостаточности этих физических средств воздействия и о необходимости опираться на благородные задатки человеческой природы, чувство чести, стремление к соревнованию. Таким образом, гуманистическая педагогика возникла именно в греческой школе, но, конечно, не в школе Ламприска... Основателями гуманистической педагогики в последующее время можно считать Плутарха и Квинтилиана.

Мы говорили о начальной школе. На более высоком уровне стоит школа в V веке, и ее можно назвать высшей. Это школа софистов, после которой появились школы Исократы, Платона и Аристотеля в IV веке, где преподавание велось в форме семинаров в течение трех- или четырехлетнего курса, не говоря уж о практической школе медицины среди Асклепиадов на острове Кос. Как начальная, так и высшая школы сначала были частными. В конце IV века были проведены реформы в области педагогики, они привели к тому, что обе школы (правда, не везде) перешли в руки государства; вместе с тем возник и так называемый переходный, т. е. средний, тип школы.

В эпоху Александра Македонского в Афинах существовали две философские школы — Академия Платона и Перипатос Аристотеля. Эти школы были основаны частными лицами, почитателями муз, и содержались на частные вклады основателей и учеников. Но когда один из учеников, Деметрий Фалерский, стал управлять Афинами (по поручению Кассандра), то, стремясь обеспечить существование своего родного Лицеума, он придал ему статус государственного. Такой же статус позже получила и Академия и основанные позднее школы Зенона и Эпикура. Все четыре школы в Афинах образовывали нечто вроде университета, охватывавшего в значительной мере широкий круг историко-филологических наук, юридических и естественно-математических. Во главе каждой из четырех школ стоял *scholarcha*; оплату учителей производило государство, заинтересованное в наличии учащихся университета, особенно после утраты Афинами прежнего политического значения и превращения города в спокойный

научный центр. Такой центр можно с некоторыми оговорками уже считать основой для будущих университетов.

Временно оставим эту тему, поговорить о жизни афинского университета нам еще представится случай. Незадолго до смерти Деметрия Фалерского была основана в Афинах средняя школа, и Деметрий сам принимал участие в ее организации. Она называлась эфебия. Сначала там получали военное образование для службы внутри страны: достигшие 15 лет юноши проходили специальную подготовку в течение двух лет; постепенно возникла идея придать эфебии общеобразовательный характер. Эфэбов собирали по филам, причем особое внимание уделялось их гражданскому происхождению; как говорит Аристотель, отцы призванных собирались по филам, приносили присягу, затем от каждой филы отбирали трех человек старше сорока лет, наиболее способных для наблюдения за эфебами; из этих трех народ избирал одного *sofronista*, а из общего числа *kosmeta*. Эти кураторы, если можно так их назвать, приглашали учителей, известных как в области военного искусства, что было главной задачей обучения, так и учителей по общеобразовательным предметам, риторики, философии и пр. Организованная таким способом эфебия скоро приобрела повсеместное признание как в самих Афинах, так и в прочих городах и странах. Участие в государственных праздниках являлось строго обязательным для учеников эфебий; впрочем, радостный характер греческой обрядовости не представлял никакой трудности для юношей, а скорее положительно влиял на молодые души.

Тем временем, правда, не везде, и низшая школа перешла в руки государства, что было вызвано определенной сакральной необходимостью. Мы помним, что в начальной школе ученики изучали и музыку, вернее игру на кифаре (*kitharistike*), и пение под аккомпанемент кифары (*kitharodike*); это искусство использовалось во время службы богам своей страны, а кроме того, и давно, в хорах для детей. Для того чтобы иметь для всех празднеств нужное количество исполнителей, государство вынуждено было взять в свои руки вопросы обучения. Наряду с мужскими хорами существовали и женские, и поэтому после Александра Македонского государственная школа занимается не только воспитанием юношей, но и девушек. Таково было благотворное влияние равноправия женщины в отношении бога: из области религии оно перешло в область воспитания.

Теперь мы можем вернуться в Пергам с его трехступенчатым Гимнасием, живописно разместившимся на террасах склона горы. Именно государственный характер школы того времени позволил три гимназии соединить в одно целое; один вестибюль был общим входом для всех трех. При этом оставались три разные школы: низшая для маленьких, средняя для эфэбов и высшая для юношей. У нас есть тому доказательство: были

найлены списки мальчиков, которые «перешли» в эфебы. В каждом заведении имелось несколько классов — младшие, средние и старшие эфебы, и тому тоже есть доказательства в других городах. Школьные классы были отдельные, помещение для спортивных занятий — общее. Допустив, что такое же разделение на классы существовало и в других школах, мы имеем дело с определенным заведением, институтом, дающим воспитанникам полное образование. Окончившие полный курс могли смело считаться «получившими курс гимназии»; в Египте, равно как и в других странах, соответствующий «диплом» являлся условием, без которого не представлялось возможным думать о месте чиновника; он же давал и доступ в интеллектуальную элиту страны.

Хорошо бы узнать, какие точно предметы преподавались в разных классах Гимназия в Пергаме и других городов. Увы, сохранившиеся в камне документы ничего об этом не говорят. И тем многозначительней становятся для нас иные, может, менее важные стороны школьной жизни, те стороны, которые живо свидетельствуют, насколько сильным объединяющим фактором была для греческой молодежи школа. Корпоративная жизнь взрослых, конечно, проникала и сюда. Эфебы и юноши, а порой и совсем маленькие ученики часто выступали вместе, особенно когда возникала необходимость в оказании почестей какому-нибудь достойному гражданину или почитания его могилы. Естественно, что и внутри каждого заведения существовали более узкие кружки, которые приобретали корпоративный характер; они имели своего председателя, секретаря, казначея, естественно, из своего класса. Кружки эти иногда имели чисто спортивный характер, иногда представляли собой чисто товарищеское объединение, своего рода кружки «друзей». Мы можем лишь представить дух такого товарищеского общения, но, к сожалению, документов не сохранилось.

Выше говорилось о заслуженных гражданах; для воспитанников школы ими были прежде всего люди, много вложившие в дело развития воспитания и обучения. Именно здесь мы и соприкасаемся с наиболее симпатичной стороной греческой жизни, явлением, сохранившимся до наших дней; мы имеем в виду широкую благотворительность в области школьного дела. Беря на свои плечи заботу о развитии школьного дела, государство таким образом часто принимало на себя слишком большие обязательства: с учеников брали весьма скромную сумму за вступление в школу, а годовой платы не существовало. И здесь на помощь приходила филантропия. О ней свидетельствуют сохранившиеся государственные постановления, как, например, изданные в честь некоего Политроса из Тео: «Дабы все свободные дети могли получить образование, торжественно подтвердил это перед народом Политрос, сын Онезима, построив замеча-

тельный памятник своей славы и выделив на эту цель 34 000 драхм; а посему ежегодно на выборах назначать трех учителей чтения для мальчиков и девочек, с оплатой в старших классах по 600 драхм, в средних 550, в младших 500, а также для учителей гимнастики и музыки. Экзамены учителей чтения проходят в зале совета, гимнастики — в самом Гимнасии».

Здесь жертвователю Политросу выражена обыкновенная благодарность в словах; в иных случаях она выражалась в особых проявлениях почести. Но каких? Вот пример, взятый из постановления жителей Милета в честь благодетеля Эвдема: «Известно, что Эвдем, сын Таллиона, пожелав оказать благотворительность народу и на вечные времена оставить по себе самую светлую память о своей приверженности благу, обязался внести десять талантов серебра на образование свободных детей, а именно (и здесь идет перечисление всех пунктов об использовании денег). А посему в день, когда закончит свою работу народное собрание, в оркестр надлежит ставить треножник и курильницу для благовония (*thy-miaterion*) и на нем жрец Гермеса и Муз и глашатай культа, а также вновь избранные кураторы и сам **Эвдем до конца жизни**, а потом старший из его рода имеют право возжигать фимиам в честь Гермеса, Муз и Аполлона Музагета (водитель муз)». Вот такие почести получал благодетель. Справедливо, как видно, говорил о греках Гораций, что «греки ничего не требовали, кроме восхваления» (*praeter laudem nullius avari*).

Этим их «требованием», «стремлением» объясняется и то, что гимназии часто носили имена тех, на вклады которых они полностью или частично существовали. Если основателем был царь, то получали его имя; так возникли школы с названием Атталейон, Птолемейон и т. д. Часто встречались имена частных лиц. Такой обычай существует в Греции и поныне, и путешественник, который на здании школы читает не сразу для него понятные названия вроде Варвакийон или Арсакийон, может быть уверен, что речь идет о каком-либо последователе Политроса или Эвдема, который также возжелал «оставить самую красивую память о своей любви к славе».

38

ВОЗРОЖДЕНИЕ СПАРТЫ

Существуют три роковые даты в истории греческого Востока: 301 год (Ипса), 281 (равнина Курупедий) и 241 год, когда Аттал разбил галлов у истоков Каика; после победы над галлами установился новый расклад эллинистических государств: Македония, Пергам, Сирия (без Парфии)

и Египет. Такая расстановка достаточно ярко отделяет первое поколение царей-эпигонов от второго. Во втором поколении мы видим македонского царя Антигона II Дозона («Желающего дать, но не дающего»), пергамского Аттала I, египетского Птолемея III Эвергета («Благодетеля»); что касается Сирии, то значительная часть этого периода заполнена братоубийственными войнами сыновей Антиоха II Теоса, Селевка II Каллиника и Антиоха Гиеракса. Мы не будем заниматься этими войнами. В настоящий момент внимание историка направляется опять в Грецию; причина такого интереса — явление, которым мы озаглавили наше повествование, — краткое, но яркое возрождение Спарты.

Удар, нанесенный Спарте беотийским полководцем Эпаминодом, исключил ее из состава значительных государств; потеря Мессении была равнозначна политическому и экономическому уничтожению Лакедемона. Особенно чувствительным оказалось именно второе; спартанцы, владевшие землями в Мессении, были разорены. Теперь, как обычно бывает в периоды экономического хаоса, началась безумная спекуляция землей, в итоге вся земля перешла в руки незначительного числа богатых граждан, а рядовые спартанцы попали в экономическое рабство к этим богачам. При таком положении вещей нельзя было даже думать о каком-либо политическом весе. Разумеется, незначительные мелкие войны проходили

Птолемей III Эвергет в сияющей лучами короне, эгиде, и с трезубцем. Октодрахма Птолемея IV. 221–204 гг. до н. э.

не без участия Спарты, но то были именно мелкие войны и мелкая политика, в большой же — никто со Спартой не считался.

Тем не менее старый героический дух граждан Ликурга вовсе не угас. Когда Пирр, после неудавшегося похода в Италию, сражаясь с Антигоном Гонатом, вознамерился захватить их земли, все как один взяли за оружие, и царь Эпира предпочел не доводить конфликт до точки кипения. Неужто существование Мессении было обязательным для подлинного спокойствия? А владела ли Спарта Мессенией тогда, когда Ликург впервые установил в греческом государстве правовые основы? Нет, и тогда было то же самое, что и теперь: небольшая горстка ловкачей захватила пахотные земли, низводя до нищеты остальных граждан. Но появился государственный деятель, сильный и смелый, и закон перевесил насилие, а Спарта набрала сил. Так неужели то, что возможно было тогда, теперь неисполнимо?

Политическое положение Греции способствовало реформам. Как известно, межэллинистическая гегемония не существовала уже со времен Филиппа и Александра. Македонская длань то жестким и тяжелым, то более слабым бременем висела над Грецией, и это весьма тяготило Элладу. Мощных государств, которые могли бы противостоять этому давлению в одиночку, не было и тогда, но стали возникать союзы мелких государств-полисов. Таким был в первой половине III века Э т о л и й с к и й с о ю з, в состав которого поначалу вошли города и племена исключительно Этолии; после победоносной борьбы с галлами и успешной обороны Дельф к союзу присоединились и другие города в Фокиде, Локриде до Фермопил, а потом и Беотия: таким образом, Этолийский союз стал в Греции значительным государственным объединением. Присоединение полиса к союзу не нарушило его самостоятельности; участник союза терял право самостоятельного ведения войны, взамен получил возможность участия в собраниях союза, где избирался главнокомандующий, *strategos* союза. Армия союза состояла из полков участников, его казна — из взносов государств. Чтобы предотвратить перевес одного участника над другим, собрание членов проходило не в городе, а в мегароне священного храма Зевса в Фермах.

В 280 году на Пелопоннесе возник А х е й с к и й с о ю з, первоначально из общин одной области, Ахайи. Вместе с Этолийским союзом он с середины III века представлял политический и военный противовес македонскому господству. Арат из Сикиона (271–213) освободил свою родину от господствовавшего в ней тирана и привел ее к включению в союз. Став стратегом союза, Арат расширил его значение, присоединяя и другие города Пелопоннеса, в которых снимал македонских чиновников. Так, благодаря усилиям двух союзов, Греция в ту пору стала действительно неза-

висимой. Теперь вся сложность была в мирном сосуществовании обоих союзов, в случае необходимости взаимно помогавших в борьбе против общих врагов.

Самым значительным государством Центральной Греции вне Этолийского союза были, конечно, Афины, слишком гордые, чтобы стать обычным, рядовым членом. Правда, между Афинами и союзом сохранились достаточно добрые отношения, и они свидетельствовали о проведении разумной для Пелопоннеса политики. Ведь рядом с Ахейским союзом находилась Спарта, и если бы удалось здесь достичь согласия, мир в Элладе получил бы прочную гарантию.

Во время всех политических переворотов последних столетий Спарта сумела сохранить нерушимым свой политический строй. По-прежнему здесь правили одновременно два царя, один из рода Эврисфенидов, другой из рода Проклидов, а их власть ограничивалась коллегией эфоров (наблюдателей) и советом старейшин (герусией), состоявшим из 30 геронтов, включая обоих царей; они готовили постановления для народных собраний, составляли решения по важнейшим государственным делам и уголовным процессам. Лишь в самых ответственных случаях народное собрание имело право сказать свое «да» или «нет». В описываемую эпоху царями были А г и с IV и Л е о н д II, из которых последний опорочил славное имя тем, что вместе со своим отцом, Клеоменом, принял участие в упомянутом выше нашествии Пирра на Спарту, чтобы захватить трон, занятый тогда другим представителем его рода. Агис же, наоборот, пользовался всеобщим уважением и любовью; красивый, мужественный, мягкий и доступный всем, он казался воплощением всего самого лучшего в человеке.

Именно Агис решил провести в жизнь социально-экономические реформы в Спарте, вернув законы Ликурга; для этого следовало провести раздачу земельных владений, принадлежавших знати, безземельным спартанцам и таким образом увеличить количество полноправных граждан. Но прежде предстояло побороть сопротивление в собственной семье: его мать Агесистрата и бабка Архидамия принадлежали как раз к многоземельной аристократии города. Как бы то ни было, влияние Агиса распространялось и на его окружение, и большую помощь ему оказывал дядя, Агесилай. Подобная готовность могла показаться подозрительной человеку пронизательному и менее доверчивому, чем Агис. Агесилай был не только богат, но и любил богатство и роскошную жизнь. Агис, будучи благородным и честным, помимо воли приписывал эти качества и остальным. Он поверил, что Агесилай разделяет его идеи и действительно стремится вернуть Спарте правопорядок времен Ликурга.

Действовать в обход герусии, совета старейшин, представлялось невозможным, поэтому Агис добился сначала того, что его сторонник Лисандр

стал эфором; через Лисандра Агис представил в герусию свой закон. Текст закона ему продиктовал Агесилай, который, разумеется, прежде всего заботился о своей собственной выгоде. Дело заключалось в том, что земля, как мы уже отмечали, перешла в руки небольшой горстки (около ста) спартанцев; большинство из них уже успело заложить свои владения, так что по существу владельцев, может, было не больше десяти. Агесилай предложил Агису ликвидировать долговые обязательства, и тогда, уверял он, собственники земель охотно поделятся с безземельными братьями. А сам он рассчитывал, что, освободившись от долгов, вопрос о разделе земли можно будет решить совсем иначе...

Лисандр внес законопроект в герусию, но там возникло много противоречивых мнений, и решение вопроса передали в народное собрание. Агис вышел к народу, представил ему преимущества предлагаемой реформы, но забыл добавить, какую жертву несет он сам и его близкие, отдавая свою землю в раздачу. Но и второй царь, Леонид, не бездействовал, стараясь всеми силами помешать намерениям Агиса. В ответ Лисандр, как эфор, обвинил Леонида в его предыдущих предательских деяниях, направленных против отчизны. Напуганный враждебным к себе отношением, Леонид не осмелился появиться в суде, спрятавшись в храме Афины. Его осудили заочно, а царскую власть отдали его зятю, Клеомброту, сыну Павсания. Леонид бежал в соседний город Тегею, в Аркадии. Хитрый Агесилай, опасаясь его даже в изгнании, нанял несколько освобожденных им преступников убить изгнанника. Агис узнал об этом заблаговременно, послал вслед беглецам надежных людей, которые и довели Леонида до Тегеи.

Тем временем кончился срок эфората Лисандра; следующие выборы по неизвестным нам причинам привели в герусию людей, не поддерживавших реформы. Друзья Агиса решили использовать последнее средство: опираясь на поддержку нового царя Клеомброта, они лишили должности новых эфоров и назначили своих, среди которых оказался и Агесилай. Закон приняли немедленно, и сразу же первая его часть была проведена в жизнь. Это не представляло больших трудностей: собрали залоговые списки, принесли на городской рынок и торжественно сожгли. Агесилай потирал руки:

— Никогда, — говорил он насмешливо. — не видел более красивого пламени!

Так сотня богачей оказалась свободной от долгов. Наступила очередь младших братьев. Те напомнили о себе: когда же наступит передел земли? Но Агесилай находил все новые и новые причины для проволочек, пока не дождался того, что Агиса отвлекла война.

Агис, учитывая взаимную выгоду и Спарты, и Греции, старался поддерживать нормальные отношения с Ахейским союзом; когда Арат при-

звал его на помощь против этолийцев, он с готовностью поспешил во главе своей армии. Его поход через Пелопоннес с дисциплинированной и организованной армией возбудил восторг эллинов, но до сражения дело не дошло. Арат, политик хитрый и ловкий, предпочитал войне дипломатию. Агису, так и не увидевшему врага, ничего не оставалось, как вернуться домой. А дома, пока он отсутствовал, всеобщее настроение изменилось не в его пользу.

К этому, конечно, приложил руку Агесилай. Когда Агис отправился на войну, царский дядя перестал даже стараться маскироваться, и все те, кто принял закон Лисандра и освободил богатых от долгов, в надежде, что будет реализована вторая часть закона, теперь поняли, что их жестоко обманули. Это открытие привело к падению репутации не только Агесилая, но и благородного Агиса; вернувшись домой, он везде встречал хмурое молчание.

Мало того, недруги Агиса сочли момент подходящим, чтобы вызвать из ссылки Леонида, и все встречали его как спасителя. События стали развиваться чрезвычайно быстро: Агесилай вынужден был бежать, Агис также скрылся в храме Афины, Клеомброт спрятался в другом храме. Последнего спасла жена, дочь Леонида, она молила отца о милости для мужа и добилась ему свободы, а затем отправилась с ним в изгнание. За Агиса никто не хотел вступиться. Леонид и на этот раз воспользовался благородством души Агиса и его верой в людей. Посланные палачи хитростью добились доверия царя и, когда тот покинул храм, чтобы умыться, бросили его в тюрьму. Там устроили над ним своего рода судилище, причем судьи не отличались беспристрастностью. Только один сжалился над ним и, открывая путь для помилования, спросил, не находился ли он под влиянием Агесилая, когда предлагал свой злополучный закон?

— Нет, — ответил Агис, — под влиянием Ликурга.

Герусия приговорила его к смерти, и приговор немедленно привели в исполнение.

Агесистрата, узнав о грозящей сыну опасности, поспешила со своей матерью к месту заключения. Приспешник Леонида, которому поручили исполнение казни, утешил несчастную:

— Все в порядке. Войди и убедись.

— С матерью?

— А хотя бы и с матерью!

Старая Архидамия вошла первая, и там ее убили рядом с мертвым внуком. Потом вызвали и Агесистрату. Увидев убитых мать и сына, она поняла все: поняла и свою участь.

— Твоя мягкость и любовь к людям погубила тебя и всех нас, — грустно сказала она, обращаясь к убитому.

Так Леонид отплатил своему спасителю.

Теперь в живых остались только жена Агиса, Агиата, с грудным сыном, Эвдамидом; современники утверждали, что она была красивейшая женщина во всей Элладе, не только телом, но и душой. Леонид заколебался. Она владела огромным богатством, а алчный царь жаждал переложить его в свою сокровищницу. Поэтому он силой выкрал женщину из дома Агиса и отдал ее в жены собственному сыну, Клеомену, тогда еще совсем мальчику. Молодой царевич полностью подчинился чарам своей красивой жены. Агиата, даже после смерти мужа мечтая осуществить его планы, сумела постоянными беседами привлечь нового мужа на свою сторону; в результате погибший Агис получил в Клеомене, сыне его заклятого врага, самого жаркого сторонника и почитателя.

Но, несмотря на свое увлечение идеями Агиса, Клеомен получил от отца в наследство уверенность, что для достижения цели все средства хороши. В новом муже Агиаты мы не увидим кристальной честности, которая нас так восхищала в Агисе. После смерти своего отца Клеомен, естественно, получил и трон; он постановил исполнить завещание Агиса, но постарался извлечь определенную выгоду из якобы ошибок последнего. Агис из патриотических соображений поддерживал добрососедские отношения с Ахейским союзом и уважал Арата за его большой опыт. Клеомена судьба Эллады не интересовала вовсе, он скорее мечтал о гегемонии Спарты, и для успеха дела ему нужна была военная слава; кроме Ахейского союза он не имел ни одного противника, поэтому и постарался любым способом спровоцировать с ним войну.

Найти повод не составило труда. Присоединив на принципах справедливого равноправия Аркадию к своему сообществу, Ахейский союз стал непосредственным соседом Лаконии, следовательно, пограничные споры становились неизбежными. Различными хитрыми способами Клеомен добился-таки объявления войны со стороны союза. Война шла с переменным успехом, причем стремительный натиск молодого царя не раз торжествовал над осторожностью пожилого Арата. Но эфоры Спарты с крайним неодобрением смотрели на бессмысленное с их точки зрения кровопролитие; все складывалось так, что со стороны герусии возникло еще большее сопротивление задуманным реформам, поэтому Клеомен решил избавиться от этого института, связывавшего свободу действий.

Оставив свое войско в Аркадии, Клеомен во главе наемников неожиданно возвратился в Спарту, рассчитав так, что оказался в городе в момент трапезы эфоров. Окружив здание, Клеомен перебил всех членов герусии, находившихся в здании, а заодно и тех, кто поспешил им на помощь. Наутро царь созвал народное собрание, в своей речи подчеркнув, что закон Ликурга не признает эфоров, что надлежит вернуться к перво-

начальному закону, что при государственном перевороте насилие неизбежно и т. д. Он умело закончил выступление обещанием немедленной раздачи земли, что было встречено всеобщим энтузиазмом, — и убийство эфоров осталось безнаказанным. Второй царь, брат Агиса, Архидам, счел необходимым покинуть Спарту, многие, опасаясь преследования, отправились вслед за ним. Но Клеомен слово сдержал: отобранные у богатых земли были в равных частях поделены между свободными гражданами, причем количество их увеличили; теперь перизков стало почти 4 000. После земельной реформы наступили и другие: возвращение к прежней суровости воспитания в соответствии с принципами Ликурга, одним словом, произошло в о з р о ж д е н и е С п а р т ы. Мечта, ради осуществления которой Агис отдал свою жизнь, стала действительностью. Надо добавить, что Клеомен вел себя безупречно: он отдал собственную землю и богатое наследие жены; одним словом, старался быть образцом простоты и суровости.

Поскольку трон второго царя оставался свободным, то Клеомен убедил Архидаму вернуться из добровольного изгнания. Но когда тот вернулся, то был убит тайным убийцей. Палача, конечно, не нашли, но подозрение пало на Клеомена, который дал тому основания, предоставив дважды пустевший трон родному брату, Эвклеиду. Принцип двойного царствования сохранился, но все понимали, что создававшаяся ситуация совсем не похожа на возвращение законов Ликурга, а скорее на издевательство над этими законами.

Тем не менее положение внутри Спарты упорядочилось и Клеомен мог вернуться ко второй части своей программы — возвращению гегемонии Спарты. Правду сказать, идея эта уже устарела. Эллада находилась под влиянием союзов, которые осуществляли задачу объединения на более справедливых принципах. Но, проведя внутренние реформы, Клеомен приобрел новый козырь: он распустил слух, что гегемония Спарты означает дальнейшее распределение земель и ликвидацию долгов, что, естественно, вызвало поддержку беднейших слоев населения. Итак, радикально изменилось состояние дел в стране по сравнению с положением столетий назад, когда Спарта была покровительницей аристократии; ныне поднимали голову самые непримиримые демократические партии.

Это обстоятельство в значительной степени объясняет новую войну с Ахейским союзом, разгоревшуюся после первого этапа реформ; война казалась совсем бесплодной и в конце концов привела лишь к опустошению несчастного Пелопоннеса. Скажем сразу: надежды на успех себя не оправдали. В сущности, и экономические реформы в Спарте не были проведены как задумано, потому что отсутствовала база для нее, то есть то, что содержалось в «конституции» Ликурга. Как мы уже упоминали, мир

между Спартой и Ахайей нужен был Элладе для ограждения ее от внешней интервенции. Когда мир был нарушен — произошла и интервенция.

Энергичный Эвергет, колебавшийся поначалу, на чью сторону стать — Ахейского союза или Спарты, выбрал наконец Клеомена, предложил ему союз, но потребовал от того заложников, мать и детей. Клеомен, только что потерявший любимую жену Агиату, опасался сообщить матери о предложении египетского царя; но мать сама решила вопрос.

— Только и всего? — сказала она с улыбкой. — Поторопись, ради счастья Спарты отдай это старое тело, пока оно не рассыпалось в прах.

Таким решительным способом она советовала принять предложение Птолемея. Птолемей, надо сказать, помогал Клеомену только деньгами, но этого больше всего и хотел царь Спарты. Клеомен успешно прошел весь Пелопоннес и уже приближался к Ахайе. Жители города попросили о мире, а Клеомен в качестве условия потребовал признать гегемонию Спарты.

«Тогда Арат, — пишет его биограф Плутарх — принял решение и впрямь неприличное и недостойное эллина, и тем более позорное, что противное его действиям до того времени и политике. Арат вызвал именно в Элладу Антигона и заселил Пелопоннес македонянами, которых сам некогда, будучи еще молодым, выгнал из страны».

Антигон Дозон принял вызов Арата. Войска Антигона, несмотря на сопротивление этолийцев, достигли Истмы; Клеомен, имевший некоторые преимущества, вынужден был в итоге покинуть северный Пелопоннес и заняться обороной своей страны.

На северной границе Лаконии, у Селласии, произошла решительная битва (221). Итог ее принес гибель тому, кто эту несчастную войну затеял: Клеомен в том сражении потерял почти все свое войско и брата Эвклеяда и бежал в Спарту. Дома — пусто, ни жены, ни брата, ни матери, ни детей. Прислуга просила его поесть, но он упорно отказывался от еды и питья и все стоял, опершись о колонну. Мать, дети — он сам послал их заложниками к Птолемею. И тогда Клеомен решился: гражданам посоветовал принять Антигона, а сам отправился в порт Гифей (Гифий), откуда на корабле поплыл в Египет.

Антигон занял Спарту. По отношению к жителям повел себя благородно, но реформы Клеомена признал недействительными, вернул институт эфоров, временно приостановил царскую власть. Спарта была принята в Ахейский союз, но гегемоном его остался Антигон на тех же правах, как и некогда Филипп в Греции. Тогда предполагался поход на Восток, теперь тучи приближались к Западу; Рим и Ганнибал готовились к окончательной войне за владение миром.

Тем временем Клеомен приплыл к острову Эгилия, между Киферой и Критом. Здесь один из его друзей, Таврион, обратился к нему со словами:

— Лучшая смерть, смерть в бою, нас обошла. Не свершились наши честолюбивые надежды, что только через труп спартанского царя Антигон перейдет границы Лаконии. Не будем терять другую возможность. Если и сдаваться, то Антигон настолько лучше Птолемея, насколько Македония лучше Египта. Из Македонии видны горы Лаконии. И пока они не исчезли с глаз, постараемся оправдаться перед павшими под Селласией.

Но Клеомен лишь кивал головой: «Мать... дети...» Тогда Таврион удалился и на берегу моря, обратив взор к горам Лаконии, покончил жизнь самоубийством.

Клеомен доплыл до Александрии. Птолемей Эвергет принял своего гостя с почестями, как союзника, и предложил ему царское содержание: даже собирался вернуть землю и ждал удобного случая. Но в это время смерть забрала Птолемея. Его наследник, Птолемей IV Филопатор, проводил все время между пьянством и распутством, с одной стороны, и ханжеством — с другой. Судьба Клеомена его не интересовала. Он оставил тому средства на жизнь, но держал вдали от себя. Придворные косо смотрели на гостя: что делает этот лев среди овец? Увы, лев не был одновременно лисом, хотя и отличался от Агиса; он тоже был очень доверчив. Как-то его навестил прибывший царь из Мессены, Никагор, который всячески старался изобразить дружеское расположение.

— С чем приехал?

— С боевыми копьями для царя.

Клеомен рассмеялся.

— Вряд ли с этим примут милостиво, лучше бы привез флейтистку или паяца.

Никагор донес об этой шутке Птолемею, и тот велел перевести Клеомена в другой дом и держать там как узника.

Клеомен быстро почувствовал перемену отношения. Он вспомнил совет своего друга, но сначала решил совершить дело, достойное истинного спартанца. Не зная характера восточных людей, он полагал, что для жителей Александрии невыносимо подобное позорное правление. Клеомен подговорил друзей выступить в определенный день с оружием, но боязнь предательства вынудила его к преждевременному выступлению. Ликвидировав стражу, они бросились на улицу, призывая народ к свободе, словно были в Аргосе или Коринфе, а не в столице восточного царства. Александрийцы, любившие скандалы, очень благосклонно смотрели на «весельчаков», но никто и не подумал присоединиться. Попытка разрушить крепость и освободить узников и вовсе не удалась. И спартанцы, видя свое поражение, один за другим покончили жизнь самоубийством.

Птолемей не разгневался, а решил по-своему отомстить человеку, вздумавшему организовать в его государстве «революцию». С мертвого Клеомена он велел содрать кожу, а его мать и детей убить. Старая спартанка без страха выслушала приговор, она просила только, чтобы ее убили первой. Но палачи отвергли просьбу, они привели семью Клеомена на место казни и на глазах бабки убили всех внуков, а потом, рядом с останками невинных жертв, и ее.

39

ВОСТОК ВО ВРЕМЯ ГАННИБАЛОВЫХ ВОЙН

Год сражения у Селласии (221) следует считать четвертым поворотным моментом в истории греческого Востока. Завершая первый, самый плодотворный, так называемый период эллинизма, он открывает новое двухсотлетие, за время которого греческие и греко-восточные государства, опасаясь растущей экспансии Рима, одно за другим попадают под его власть; присоединение последнего из них, Египта, в 30 году завершило превращение греческого мира в греко-римский.

Почти в то же время в греко-восточных государствах, кроме самого молодого, Пергама, последние цари-эпигоны сходят в могилу, а троны занимают представители нового поколения. Рассмотрим вкратце эти перемены.

Вскоре после победы над Клеоменом в Македонии умирает Антигон II Дозон. Энергичный, но болезненный монарх (он страдал от чахотки, от которой и умер) был младшим сыном Антигона I Гоната и занял трон в качестве опекуна сына старшего брата. Он назывался царем, а не регентом, хотя постоянно обещал, что отдаст власть племяннику, за что и получил ироническое прозвище (Dосon). После битвы у Селласии обстоятельства вызвали его на север, где нужно было защищать страну от нашествий варваров. Не обращая внимания на усиление болезни, он лично принял участие в бою и одержал решительную победу над варварами. «Прекрасная победа!» — воскликнул в восторге Антигон, кровь хлынула у него из горла, и он скончался.

Смерть, наконец, привела на трон племянника, Филиппа V, человека столь же храброго, но уступающего Дозону с точки зрения политической прозорливости. Он, как увидим, тоже стал объектом первых атак Рима.

В Сирии в то время пришел к власти двадцатилетний Антiox III, не без основания прозванный Велким. Братоубийственная война его отца с дядей, о которой мы говорили выше, давно уже закончилась, но Сирия вышла из нее сильно урезанной в размерах и униженной; мы по-

мним о потере восточных провинций, из которых образовалось Парфянское царство Аршакидов; против Сирии начала выступать Месопотамия, провинциями Малой Азии овладел Пергам, Египет занял все побережье вместе с портом в Антиохии, Селевкию; в итоге некогда могущественное государство Селевкидов превратилось в самое маленькое эллинистическое государство. Своему возрождению Сирия обязана именно Антиоху. Быстрыми и решительными действиями он подавил Месопотамию, отбросил Пергам и Египет и вынудил даже отошедшие было восточные провинции признать его верховную власть. Правда, как только Антиох ушел, взбунтовавшиеся государства опять провозгласили свою самостоятельность, но восстановилась определенная стабильность, существовавшая до братоубийственной войны, что при тогдашних политических условиях уже являлось наилучшим из всех возможных итогом. Государство Селевкидов опять стало силой, с которой надлежало считаться.

Успехам Антиоха способствовало то обстоятельство, что вскоре после занятия им трона в Египте умер знаменитый Птолемей III Эвергет, а после него стал царствовать его недостойный сын П т о л е м е й IV Ф и л о п а т о р («Отцелюбец»: прозвище он получил за то, что убил свою мать, а не отца...). Мы его уже знаем; вопросами государства управлял могущественный «министр» фаворит Сесибий, правда, не вмешивавшийся в вопросы международной политики. Царь с интересом следил за развитием блистательной драмы на западном Средиземноморье; Птолемей не дождал до ее окончания, но понял, что будущее принадлежит Риму. Видимо, поэтому в своем завещании именно Риму он доверил опеку над своим малолетним сыном, Птолемеем V Эпифаном, плодом кровосмесительного союза с сестрой Арсиной. С этой минуты Рим выступает в качестве государства, покровительствующего Египту, значение которого, в свою очередь, все более ослабевает.

Вернемся, однако, к началу описываемой эпохи, к 221 году.

Филипп V Македонский, Аттал I Пергамский, Антиох III сирийский и Птолемей IV египетский — вот цари, которых сама судьба назначила стать свидетелями войн Ганнибала. Из перечисленных монархов только Филипп был правителем и в своем царстве, и наследником гегемонии (от дяди, Антигона) в Ахейском союзе и Спарте. Но гегемония оказалась ахиллесовой пятой. От республик Ахейского союза его отделяли земли Этолийского союза, недружественно настроенные как по отношению к ахейцам, так и к самому Филиппу. Спарта, присоединившаяся к Ахейскому союзу под давлением Антигона, после смерти последнего оторвалась от союза и присоединилась к этолийцам. Возвращенная на короткое время царская власть уступила место неслыханной тирании, которая довела Спарту до полного разрушения; социально-экономический эксперимент Клемена

явился для Спарты началом потрясений, после которых ей никогда не суждено было вернуть равновесие.

Если окинуть общим взглядом все упомянутые выше политические образования и их взаимоотношения, то поражает одна закономерность, которая помогает сориентироваться в безнадежном на первый взгляд хаосе. Взаимная приязнь или неприязнь опиралась на принцип, который мы назовем принципом трансвицината (*transvicynat* — близость, сходство, соседство). Государства, которые соприкасались друг с другом, не обязательно границами, а сферами влияния и интересов, в силу необходимости относились друг к другу враждебно или настороженно; и наоборот, в дружбе жили те государства, разделенные каким-нибудь третьим образованием, разумеется, значимым и внушительным. В этом смысле Македония «соприкасалась» с Пергамом, Пергам с Сирией, Сирия с Египтом, а следовательно, отношения между Македонией и Сирией были дружественные, но против Македонии объединились Пергам и Египет. В Европе она соприкасалась с Этолийским союзом, от которого ее отделяли Фермопилы; Этолийский союз соседствовал с Ахайей с другой стороны перешейка Истм, а Этолийский союз — со Спартой. А потому Македония поддерживала Ахейский союз, выступая против этолийцев и Спарты. Конечно, дальнейшее развитие политического разброда приводило и к исключениям, но, как правило, такой принцип действовал достаточно определенно.

Помимо указанных выше стран, эллинистический мир включал в себя еще множество прочих государственных образований, о которых все-таки следует упомянуть. На всей этой территории существовали варварские и полуварварские государства, как, например, Эпир, нам уже знакомый, на севере от него пиратская Иллирия, которая как раз недавно получила от Рима суровый урок международного права, галльское государство во Фракии, Вифиния, Галатия, Каппадокия с Понтом, Армения, Босфорское царство на Азовском море, Парфия. Добавим еще независимые греческие города-полисы и острова — помимо Афин, Родос, далее Византий, Гераклея на Черном море с колонией в Херсонесе, Синоп, Хиос и много других. Это целая группа замечательных греческих республик, по словам Теодора Моммзена, своего рода Ганза античного мира. Не стремясь к захвату, они прежде всего мечтали о мире, и главным образом мире торговом.

Таков был невероятно разношерстный мир, который теперь со все растущей тревогой следил за гигантомахией на Западе. На чью сторону встать? После такого вопроса вставала еще одна проблема — к чему стремиться: сохранить свободу или подчиниться? Если говорить о свободе, то ответ не вызывал сомнения. Карфаген за всю историю своего суще-

ствования ни разу не проявил претензии к Средиземному морю, останавливаясь на треугольнике, какой образует Испания, Италия и северо-западная Африка. Рим, наоборот, по причине географического положения захваченной им Италии на границе между восточным и западным Средиземноморьем постоянно оказывался втянутым в дела греческого Востока. В самом деле, уже упоминавшийся урок, преподанный пиратскому государству Иллирия Римом, как раз и был первым шагом в этом направлении. Неудивительно поэтому, что уже во время Первой Пунической войны, а еще больше в период Второй Пунической войны симпатии греков были на стороне Карфагена. Правда, Рим с большим интересом и симпатией относился к греческой культуре, но то же самое можно сказать и о Карфагене. Проэллинистические настроения были весьма сильны, и великий Ганнибал не только держал при дворе греческих историков, но и сам опирался на греческом языке историю своей войны.

Но если греческий мир и в самом деле во имя собственной свободы в этой мировой борьбе стремился к победе Карфагена, то должен был протянуть ему руку помощи, а для этого следовало прежде всего хотя бы на короткое время прекратить взаимные раздоры. К прекращению споров призывал в самом начале войны Ганнибала мудрый военачальник и государственный деятель Агелай. Он говорил Филиппу, что стоит лишь один раз допустить, чтобы тучи с Запада сгустились над Элладой, то все договоры и войны, «эти детские забавы», будут вырваны из рук. Слова действовали, и мир был заключен, но ненадолго. Вскоре в Греции война разгорелась вновь.

Это была так называемая Союзническая война. Ее вел Филипп, став во главе Ахейского союза против союза Этолийского. Именно эта война привела к тому, что Филипп не смог оказать действенной помощи Ганнибалу. Римляне все прекрасно поняли, и им оказалось достаточно выслать на восток один легион и одного толкового командира, чтобы уберечь себя от вторжения Филиппа. Договариваясь то с этолийцами, то с городами, оказавшимися под угрозой со стороны Филиппа, Рим сумел создать ему столько препон на Балканском полуострове, что македонский царь не мог перебросить свои силы через Адриатическое или Ионическое море. Тем временем война в Италии, Сицилии, Испании постепенно приобретала для Рима благоприятный оборот, и в итоге Сципион перенес свои действия в Африку. Затем наступила Зама (202), после которой заключили мир, и Рим, наконец, получил возможность призвать Филиппа к ответственности за соглашение, которое тот заключил с самым страшным для Рима врагом в самую опасную для него минуту.

Так началось вмешательство Рима в дела греческого Востока, окончанием которого явилось завоевание Римом всего греческого мира, вплоть

до Скифии, Евфрата и устья Нила. Следует ли нам сожалеть о случившемся с точки зрения человечности? Сожалеть, что греки утратили возможность заниматься своими общими «детскими забавами»?

Разумеется, свобода — великая вещь, и мы справедливо сочувствуем тем, которые за нее сражаются, но этот вопрос имеет и другую сторону. Земли, окружающие Архипелаг, — это самим Творцом созданный национальный парк всего древнего мира. Природа не одарила эти территории особым плодородием, поэтому сам труд и стойкость воспитали их жителей. Но постоянное взаимное проникание суши и моря благодаря исключительной мягкости климата и другим причинам, суть которых нам до конца неизвестна, привели к тому, что именно здесь родились самые ценные и высокие человеческие идеалы, те идеалы, которыми мы живем до сих пор, идеалы, ради которых только и стоит жить. Если идеалы существуют, значит, их нужно сохранять. Они были созданы в военное время, но для их сохранения нужен мир и главное условие — о б ъ е д и н е н и е. Кто мог обеспечить Элладе и то и другое?

Прежде всего, естественно, сама Эллада, и попытки достичь такой цели охватывают весь период ее независимого существования. Зарождается идея межэллинской гегемонии; совершенствуясь, она переходит от Аргоса к Спарте, от Спарты к Афинам — но напрасно. Конец V века ознаменовался падением афинской гегемонии, а IV стал крушением межэллинской гегемонии вообще. Так произошло политическое отмирание эпохи независимости, начало которому положила битва у Херонеи в 338 году. Упадок государственной самостоятельности северной и центральной Греции заложил основу гегемонии Македонии в союзе греческих государств.

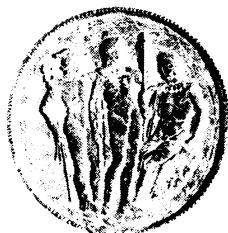
Итак, предоставленная себе Эллада показала, что она не в состоянии объединиться и обеспечить мир, упреждая тем самым бесконечные разрушительные и опустошительные войны. Может, эту цель достигнет чье-то чужое господство, опирающееся все-таки на греческую государственность? Возникло государство с властью Филиппа, потом Александра, цель казалась достигнутой с умопомрачительной скоростью, но Александр умер в расцвете лет, держава его распалась, и бесконечные войны сначала между диадохами, потом эпигонами занимают место прежних внутригреческих войн. Попытка достижения единения и мира снова оказалась бесплодной.

Теперь наступило время третьей попытки. Рим стучится в двери греко-восточного мира, требует власти, обещая взамен единство и мир. Цель, которую провозглашают лучшие его носители, несет моральное оправдание войн, проводимых Римом на Востоке в течение следующих двухсот лет. Правда, так думали лучшие римляне, большинство же руководствовалось жадностью славы и алчностью. Но сила всех мировых явлений и за-

ключается в том, что она запрягает для своей службы людей и с менее благородными чувствами и более слабым разумом, независимо от воли и сознания их самих. В результате проблема так или иначе решилась, и человечество достигло единства и мира, и пока что единственный раз в истории.

В этом и заключается высший смысл и целесообразность наступающих событий, о чем надлежит помнить при их изучении. Линия развития их не была прямой и гладкой, так как имелось достаточно сил, им мешающих, противодействующих, которые невольно поглощают наше внимание, запутывая суть процесса. Но если наш дух поднимется над ничтожностью отдельных явлений, мы убедимся со всей очевидностью, что именно главная задача — единение и мир превалировала в неумолимом стремлении Рима.

Объединение государств и мир были необходимы для того, чтобы в вихре постоянных войн не затерялись сотворенные Грецией идеалы, великой задачей которых была гуманизация человечества.

VI. ЭПОХА СЛАВЫ

40

РИМСКАЯ ДЕРЖАВА

Полибий, греческий хронист римской исторической миссии и величия, описав трагедию у Тразименского озера и Канн, ставит вопрос: что же явилось стержнем той силы, которая позволила Риму выстоять после таких тяжелых ударов и в конце концов восторжествовать? И он видит суть этой силы в римском государственном строе, содержащем в равной мере монархические, аристократические и демократические факторы. Поэтому и нам, прежде чем пойти вслед за этим государством по пути роста его величия, полезно представить, каким это государство было в начале пути вплоть до неурядиц и переворотов, потрясавших его в течение столетия.

Исследование мы начнем с его географического положения. В состав его тогда входили Италия и четыре провинции: Сицилия, Сардиния вместе с Корсикой и Ближняя и Дальняя Испания. Две последние занимали лишь прибрежную полосу Средиземного моря, достаточно широкую; но главная глубинная часть полуострова оставалась самостоятельной. Этот район не представлял одно целое ни в смысле современных государств, ни государств греко-восточных. Правда, каждая провинция могла бы образовать отдельное государство, если бы не ежегодная смена наместника. Римский наместник правил провинцией, опираясь на военное управление и легионы: население платило налоги, но в войско оно принималось только в случае необходимости: обычно из местных жителей создавались вспомогательные отряды; в остальном провинция пользовалась самоуправлением и всеми благами мира.

Положение Италии было более сложным. Объединенная политическая в руках Рима, она не объединилась ни в языковом отношении, ни в отношении единого управления. Рим никому не навязывал латинский язык. Среди северо-италийского населения — если не считать галлов на равнине Пад (По) — этруски на западе говорили на совершенно непонятном римлянам, загадочном до сегодняшнего дня языке, на востоке умбры, хотя и родственные латинам, образовывали достаточно отличное от них племя. На востоке от Лация и на всем южном пространстве полуострова самниты и другие племена из группы сабеллов говорили по-окски; этот язык в Италии был распространен более, чем латынь; в многочисленных греческих колониях сохранился, естественно, греческий. На латинском языке, кроме непосредственно прилегающей к Риму Лации, говорили только в «римских» и «латинских» колониях, разбросанных по всему полуострову. Эти колонии, основанные главным образом с военной целью, постепенно превращались в очаги романизации территории.

Что касается администрации, то по мере захвата италийских городов Рим заключал с ними союз, по которому им сохранялось самоуправление, а зависимость от Рима ограничивалась снабжением рекрутами для римских легионов; эти контингенты в нормальных условиях по численности были одинаковы с «главными» легионами. Большой количественный перевес «союзников» в населении Италии привел в конечном итоге к значительному облегчению их воинской повинности по сравнению с ситуацией среди римских граждан. Практически повторилось то, что уже имело место в так называемом Афинском морском союзе, основанном в 478–477 гг. как антиперсидское объединение греческих государств; государство, которому принадлежала верховная власть, не бесплатно удерживало эту власть, а ценой достаточно болезненной подати кровью.

Из сказанного становится понятным, чем был Рим (город), в сравнении, например, с Нолой или Теаном: бесспорно не тем, чем в сегодняшней Франции является Париж в сравнении с Лионом. Для парижанина факт, что в его городе находятся центральные правительственные органы, представляет лишь практический смысл; жители Лиона также французы, и они обладают всей полнотой прав парижанина. Рим же был господствующим, правящим городом; жители Нолы составляют союзнический контингент при римском легионе, и этот контингент направляется туда, куда прикажет римский полководец, консул и пр.; что касается войны, по причине которой данный контингент созывается, об этом решает римский народ, и представителей Нолы никто об его мнении не спрашивает.

Возникает вопрос, а правильно ли это? Разумно ли? Можно ответить, что результаты постепенного развития оказались положительными; для объединения и упорядочения всеобщего хаоса политических микроорга-

низмов подобная зависимость от главенствующего города была состоянием необходимым и переходным, а постепенность развития основывалась на том, чтобы римские гражданские права планомерно распространять из города Рима на Лаций, из Лация на Италию, из Италии на провинции. Такой путь был предназначен Риму; с мудрыми правителями он шел этим путем добровольно; когда возникали препятствия, то само развитие событий как бы напоминало о назначенном пути и вынуждало строптивых к послушанию даже вопреки их воле. Насколько «послушно» город шел по предназначенному ему пути, свидетельствовала война с Ганнибалом и та сплоченность, которую проявила подвластная городу Италия перед лицом нашествия неприятеля.

Итак, жители провинций, италийские «союзники» и римские граждане — вот состав свободного населения римского государства, не считая промежуточных, менее значимых составных частей. Правящий класс — римские граждане, правили только в самом Риме. Посмотрим, как выглядели эти органы.

«Три составляющие государственного строя, — пишет упоминавшийся выше Полибий, — столь равномерно, надлежащим образом и целенаправленно разделили между собой управление, что никто даже из самих их граждан не мог бы с глубоким обоснованием сказать, является ли этот государственный строй в сущности аристократическим, демократическим или монархическим. Если примем во внимание принадлежащие консулу полномочия, они покажутся нам в правовом отношении монархическими, если же отметим значение сената — строй представится аристократическим, если, наконец, мы вспомним о правах народа, он со всей очевидностью окажется демократическим». В таком равновесии греческий историк, многоопытный государственный деятель, и видит основу совершенства римского строя. Был ли он прав? Может, более обоснованно видеть совершенство в постепенно проводимой демократии? Когда возникнет политическая наука, основанная не на психологии, а на алгебре, она даст нам научный ответ на этот вопрос, возможно, отличный от Полибия; пока что нам придется довольствоваться данными, которые приносит опыт, убеждающий нас, что благодаря своей взвешенной конституции Рим восторжествовал и над аристократами, и над аристократическим строем (как Карфаген), и над демократиями всего мира.

Главным демократическим элементом были народные собрания разного характера, причем различие обуславливалось разнообразием групп, от имени которых гражданин отдавал свой голос. Римляне очень гордились тем, что у них, не как в Греции, народ голосовал не хаотической массой, а группами, и что большинство складывалось не из простого, а двойного подсчета голосов — голосов граждан по комициям и обще-

го количества комиций; другими словами, голосование было не прямое, а опосредованное. Состав комиций не зависел от принадлежности к прежним классам, сословиям, — патрициям или плебеям; патрициев было немного, а новое сословие, возникшее за последние полтора столетия, *pobilitas*, состояло, скорее, из разбогатевших плебеев, нежели из аристократических родов. Все решал имущественный ценз, от которого и зависела принадлежность граждан к тому или иному из пяти «классов». Наделение некоторыми политическими правами плебеев вызывало необходимость организации центуриатного собрания (или комиции), в которых должны были участвовать оба сословия. На этих собраниях избирались все высшие ординарные магистраты, вершились суды по всем уголовным делам, связанным с лишением подсудимого гражданских прав, объявлялась война и заключался мир. Собрания по трибам (*comitia tributa*), трибутные собрания, были наиболее демократическим видом народного собрания, так как они были бессловными и не требовали ценза. Они собирались для голосования над новым законом или для выбора низших чиновников. Независимо от количества представителей разных сословий право голоса каждому гражданину было гарантировано. Выбор падал на того чиновника, проходил тот закон, которые собрали больше голосов. Председательствующий выставлял кандидатов и оглашал законодательство; народ мог принять или отклонить кандидата и закон, но какие-либо замечания с его стороны не допускались. Не допускались и дискуссии перед голосованием, но накануне комиций проходили оживленные сходки (*contiones*), созываемые консулами, преторами или народными трибунами, и на них все стороны внесенных проектов и предложений (*rogatio*) обстоятельно представляли свою точку зрения. Что касается возможности принять участие в народном собрании, то, конечно, все выглядело иначе, чем во времена Кориолана или Камилла; попасть на Марсово поле гражданину, жившему в Риме, было легче, чем жителю Тускула на Альбанской горе, а тому легче, чем римскому колонисту в Брундизии. И все-таки комиции собирали если не всех римских граждан, то значительную их часть; до утраты значения народных собраний, которое наступило в I столетии до нашей эры, было еще далеко.

Дух демократии тогда был в высшей степени высок. «Все, чего можно было требовать от римских граждан, т. е. осознания того, что именно всем приносит пользу — разумное послушание по отношению к избранному вождю, холодное сердце в мирное и беспокойное время, способность принести в жертву личные интересы во имя общего блага, успеха сегодняшнего дня во имя будущего, — все эти качества римское общество проявляло в такой степени, что если бросить взгляд на целое, то критики частностей замолкают, уступая место удивлению и восхищению» (Моммзен).

Но тяжелую машину народных собраний запускали относительно редко; органом постоянного руководства, управления делами, был сенат, заседавший в нормальных условиях под председательством одного из консулов. Если Полибий приписывает сенату аристократический характер, то потому, что он имеет в виду его малочисленность, всего триста членов, и, конечно, состав — подавляющее большинство сенаторов принадлежало к *nobilitatis*, т. е. к правящей касте римского общества. Действительно, члены сената не были выборными; это право оставалось за консулами (а с IV века по закону Овиния оно перешло к цензорам); этот орган, венчающий карьеру государственного деятеля, по своему характеру был консервативным и аристократическим. Правда, свободу действия цензоров ограничили; исключить сенатора без официального обнародования стало невозможно, равно как при назначении нового сенатора на опустевшее место обойти кандидата, занимавшего какую-либо магистратуру; но это последнее условие все-таки не меняло характера данной коллегии, потому что чиновников всегда выбирали из нобилитета. Что касается вопроса, оказался ли сенат на высоте положения и доверия, которое ему оказывал народ, ответом может быть история войны с Ганнибалом. Немного найдется примеров в истории руководства столь решительного, разумного и непреклонного, свидетельствовавшего о безграничной любви к родине, проявившейся в страшные для Рима дни. И невозможно без волнения читать описания Ливия заседаний сената того времени; да, тогда римский сенат был тем органом, каким он проявил себя во времена Пирра: «собранием царей».

Наконец, магистратура с консулами во главе, наследница власти древних царей и представительница, по Полибию, монархического элемента в римской системе. Состав ее при бросающейся в глаза неоднородности поразительно прост: 1) два консула, стоявших у руля Республики; 2) шесть преторов с четырьмя заместителями провинций; 3) четыре эдила, два «курульных» и два плебейских; 4) 10 народных трибунов без определенных административных функций и, наконец; 5) двенадцать квесторов для управления финансами, из которых четыре находились в Риме, — вот, собственно, и весь состав магистратуры, если не считать двух цензоров, избираемых один раз в пять лет. Могло ли такое количество ответственных лиц быть достаточным для такого государства, как Рим? Конечно, нет; все перечисленные — это лишь представители власти, своего рода мозговой центр администрации; самое большое значение для государственной жизни Рима имела квестура, управлявшая сложным финансовым хозяйством.

Власть консулов, предоставленная им конституцией, была весьма обширной; сенат по сути своих прав был скорее органом совещательным,

войско находилось в полном распоряжении консулов, чиновники, за исключением народных трибунов, также зависели от них. Если у консулов возникала необходимость управлять государством, не считаясь с сенатом, как это делал в 217 году консул Фламиний, то они пользовались полной свободой. Но сила традиции была настолько велика, что почти никогда консулы к этому не стремились; кроме того, после практического исчезновения или, по крайней мере, стирания сословных различий, трибуны перестали быть своего рода противовесом сената, а, наоборот, становились на защиту его, сената, освященных если не конституцией, то традицией, правомочий. С другой стороны, не было причин протестовать и у народа. Обаяние имени рода превратилось в большую силу: Фабии, Клавдии, Корнелии, Валерии, Эмилии — на истории этих семейств можно было изучать всю римскую историю от ее колыбели до Республики. Принадлежавшие к славным родам имели безоговорочную поддержку в глазах общества. Тем не менее Рим не погряз в сословном аристократизме, а способности и заслуги «нового человека» (*homo novus*) могли дать дорогу к власти; на этом и был основан амортизатор аристократической «предвзятости» государства, возможности существовали не только для нобилитета, но и для всего народа.

Благодаря описанным положительным сторонам государственного устройства Рима, страна могла решительно встать на путь, принесший ей бессмертную славу, и следовать до тех пор, пока эти качества преобладали. Поэтому в следующих главах нам придется говорить не только об успехах Рима, но и тех явлениях, развитие которых стало предвестником падения.

41

ЭЛЛИНИЗМ В РИМЕ

Если теперь зададим вопрос, почему, цитируя Ливия, «на смену пуническому миру немедленно пришла война с Филиппом», ответ, без сомнения, дать нетрудно: потому что к этому стремился римский *nobilitas*. Но из подобного объяснения возникает новый вопрос: а почему римский нобилитет этого хотел? Вот на этот вопрос ответить не так просто. Цели войны выходят порой на поверхность одновременно с результатами побед, но, забегая вперед, мы убеждаемся, что победа над Филиппом не принесла Риму никаких материальных выгод. Значит, причина лежит глубже, она в самом характере римской знати (*nobilitas*) и в позиции, какую она заняла по отношению к эллинистическому миру.

Воздействие греческого духа на Рим началось очень рано, и благодаря связям с эллинистическими колониями, и благодаря соприкосновению

с эллинизированной Этрурией; начало было положено в области религии. Мы говорили о перенесении Сивиллиных пророчеств из Кум; для изучения текстов, написанных греческим гекзаметром, была назначена специальная «сакральная коллегия», члены которой, разумеется, знали греческий язык. На основе Сивиллиных книг в Риме в первом столетии существования Республики было введено много греческих культов, и среди них особое место занимал культ Деметры-Цереры, храм которой стал главным святилищем плебеев и их религиозной базой в борьбе с патрициатом. Следует подчеркнуть, что это было время демократической эллинизации Рима, эллинизации, так сказать, снизу. Самнитские войны отодвинули греческую религию и вообще эллинизм на дальний план, но во время войны с Тарентом и с Пирром они напомнили о себе. Почти в то же время успела укорениться легенда о происхождении римлян от троянского Энея и его воинов. Но Троя — не совсем Греция, и для поддержки одной легенды возникает вторая; согласно ей, вступив на берег Тибра, Эней столкнулся на месте будущего Рима с Эвандром, сыном Меркурия и прорицательницы Карменты, переселившимся до Троянской войны из Аркадии в Италию и основавшим там колонию Паллантеум. Отсюда возникло название холма — Палатин. И получалось, что римляне были... греками, по крайней мере древние роды патрициев Фабиев, Клавдиев, Юлиев, Корнелиев, давшие начало римлянам... Это придавало римскому эллинизму III века совершенно отличную от предыдущего периода ауру аристократизма.

Мимоходом мы упоминали, что в Рим был вызван житель Тарента Андроник, чтобы организовать благодарственные «тарентские» игры (249): тот блистательно решил доверенную ему задачу, а позже, уже как римский гражданин Марк Ливий Андроник, стал во главе школы для учеников из богатых семей, где преподавал, в частности, греческий и латинский языки; Ливий Андроник, изучая греческий язык со старшими учениками на произведениях Гомера, нуждался в аналогичном труде на латыни. Он создал его сам, переведя сатурническим стихом «Одиссею», и этот перевод явился прекрасным учебником для школьников. Благодаря работе Андроника римские юноши получили возможность знакомиться с греческой мифологией и удивительными персонажами — Цирцеей (Кирка) и Калипсо, Навсикаей и Пенелопой. В 240 году, после окончания Первой Пунической войны, Андронику поручили украшение праздничных игр греческими трагедиями, и тогда он перевел на латынь ряд трагедий и комедий. Возможно, перевод не отличался безупречностью, но именно благодаря Андронику римляне познакомились с греческой драмой и в Риме была создана первая коллегия писателей и актеров.

Семена, брошенные Андроником, дали плоды в период Третьей Пунической войны, когда началась новая энергичная эллинизация Рима, на этот раз эллинизация сверху, благодаря стремлениям и усилиям филэллинистической римской знати. Движением руководил блистательный род Фабиев; один из наиболее выдающихся его представителей, К в и н т Ф а б и й П и к т о р, написал первую историю своей родины, но написал ее по-гречески, чтобы доказать грекам, что римляне, независимо от языка, такие же эллины. Греческая религия вновь обрела преимущество перед римской, и тот же Фабий Пиктор, после поражения у Тарента и Канн стоял во главе посольства, направленного в Дельфы, которые, уцелев от галльского погрома, засверкали прежним блеском. Ему предстояло обратиться за советом к прорицательнице с вопросом, как спастись от грозящей катастрофы. Спасение Рима приписывалось Аполлону Дельфийскому, и это увеличило его влияние. Десять лет спустя, когда победа над Гасдрубалом Баркидом принесла уверенность в успешном окончании войны, посольство направилось в Дельфы во второй раз, дабы испросить объяснение пророчества Сивиллы, которая велела «привить» Риму культ Матери-Земли. Дельфы направили послов в Пергам, к царю Атталу; благодаря его посредничеству удалось перевезти в Рим черный камень Матери Песинунтской. Так начался ее величественный культ на Палатине. Это был, надо сказать, знаменательный шаг. Рим всегда мечтал о главной богине своей воображаемой троянской родины, но получил из Пергама не греческую богиню, а восточную, с чужим, почти отталкивающим ритуалом. Пергам второй раз оказался «фальшивым Илионом» для разыскиваемой истинной Трои.

Пример Андроника нашел последователей, и немало, хотя до нас дошло лишь несколько имен. Первым можно назвать Н е в и я родом из Кампании, из Капуи; его родным языком был окский, но он в совершенстве овладел латинским языком и на своем надгробии с «истинным кампанским хвостовством», как утверждали римляне, поместил такие слова:

*Когда б бессмертные могли б о смертных плакать,
Над Невием-поэтом плакали бы музы.
Когда в обитель Орка Невий погрузился,
Владеть забыли в Риме языком латинским.*

Пер. И. И. Холодняка

Невий дал римлянам первую оригинальную эпопею, эпопею о Первой Пунической войне. Следуя Андронику, он написал ее сатурническим стихом, о котором дает представление цитированная выше эпитафия. Сатурническим стихом его называли иронически позже, когда в римской поэзии появился и прославился гекзаметр, и связан этот стих с именем Сатурна,

легендарного царя Лация. Невий продолжил начатое Андроником дело ознакомления римлян с греческой драмой, причем с гораздо большим успехом, потому что он был, бесспорно, настоящим поэтом, в то время как Андроника можно назвать лишь добросовестным составителем стихов. Когда Капуя отделилась, положение капуанца Невия весьма осложнилось, а из-за его гордого и вызывающего поведения поэт впал в немилость у сильных мира сего, был лишен свободы и умер в изгнании.

Андроник, наоборот, дожил в Риме до старости, любимый и всеми уважаемый за заслуги на поле эллинизации. Он основал союз поэтов и актеров при храме Минервы на Авентине; разумеется, этот союз проигрывал при сравнении с Мусейоном Александрийским, но все-таки он стал надежным и оживленным средоточием эллинской культуры. Когда перед лицом войны с Гасдрубалом Баркидом решено было обратиться к богам с молитвенной просьбой, то составление такого обращения поручили Андронику, который и стал для своей новой родины лирическим, драматическим и эпическим поэтом. Таковы о нем последние вести.

Почитание, которое оказывалось почтенному мэтру римской поэзии, представляет нам эллинизировавшийся нобилитет в весьма благоприятном свете. Выше Андроника как поэта стоит не только Невий; вторым серьезным его соперником следует назвать П л а в т а, родом из Умбрии, кстати, характерная особенность — ни один из ранних римских писателей не был выходцем не только из Рима, но и из Лация; для всех латинский язык являлся не родным, а приобретенным.

Плавт — первый римский поэт, творчество которого мы можем оценить не на основе сохранившихся отрывков или свидетельств более поздних авторов, но по его собственным полным произведениям, а их сохранилось около двадцати. Плавта нельзя назвать разножанровым автором, какими были Андроник, Невий, более поздний Энний; он писал только комедии. Правда, не первый, но именно он весьма успешно привил Риму театр Менандра и его последователей.

Плавт по своей природе был далек от идеалистических устремлений. Простолудин по происхождению, он присоединился к театральной труппе, исполнявшей, видимо, пьесы Андроника, Невия, но чаще — любимые публикой жанровые сценки с потасовкой, где он исполнял роль простака, за что и получил прозвище Макк (Maccius), по имени одного из персонажей комедии масок. Собранные средства Плавт пустил в дело и вложил в торговое предприятие (на современном языке это называется «открыть магазин»), деньги потерял и вынужден был работать у мельника, крутить жернова. Об этой тяжелой работе он писал позже в своих комедиях с персонажами провинившихся рабов. Механический характер работы не занимал его мыслей, поэтому Плавт мог погружаться в воспоминания об

актерском прошлом, о том, что слышал и читал, вращаясь в актерской среде; как-то под грохот жерновов ему пришло в голову изложить все эти мысли на латинском языке. Так он написал две комедии, и, конечно, не из идеалистических расчетов: за хороший перевод платили не очень много, но больше, чем за ту работу, которую он выполнял своему работодателю. Перевод понравился, гонорар заплатили, и это решило вопрос о дальнейшей судьбе нашего Макка.

Заплатили, но кто? Известно, что со времени Андроника театральные зрелища стали составной частью народных игр, которые всегда организовывались эдилами; от успеха у народа зависела дальнейшая его, эдила, популярность, а следовательно, и карьера. Нужно так организовать зрелища, чтобы угодить публике. А чем? Греческой драмой, трагедией или комедией в стиле Менандра? Увы, нет. В середине II века публика, смотревшая «Свекровь» Теренция, толпами покидала скучную для нее пьесу и шла смотреть показываемый по соседству спектакль с танцором на канате. Тем не менее, желая воспитать римский народ, следовало неустанно ставить Менандра и Еврипида, даже в ущерб своей популярности, ценной карьеры, ставить до тех пор, пока не «раскроются» глаза публики. Так поступали эдилы-нобилы. Именно нобилитет стал на филлэллинистический путь и превратился в воспитателя римского народа, доказывая тем самым свои права на главенствующую роль в государстве.

Но, осуществляя подобную высокую культурную цель, следовало принимать во внимание способности и наклонности масс, чтобы не получить результаты, совсем обратные желаемым; следовало поступать так, чтобы не отвратить народ вовсе от цели, о чем часто забывают учителя не по призванию. Вот почему люди, подобные Плавту, не оценивались должным образом. Плавту не приходилось размышлять о том, что народу понравится, а что нет, — он сам был из народа и мог руководствоваться своим вкусом. Комедии Менандра были целиком построены на декламации, а это скучно; значит, нужно добавить музыку, пение. И вот Плавт, перерабатывая греческие пьесы, переделывает монологи в арии, диалоги в дуэты и терцеты, комедии в водевили. Менандр, наверное, был бы возмущен такой «обработкой», но римская публика аплодировала. Менандр испытывал пристрастие к утонченным нюансам в длинных разговорах, а это тоже скучно. Плавт добавил тяжеловесный, порой грубоватый юмор, а если помогало мало, попросту выбрасывал излишне сложные сцены. Может, излишне сокращал пьесы? Но с этим можно бороться: он дополнял их смешными эпизодами из других комедий — по-научному их называли контаминациями, — чем придавал большую живость действию, внося бодрый смех и многообразную буффонаду. Менандр, конечно, считался с нравами и обычаями афинян, с законодательством Солона, тимократи-

чекскими судами и пр. Римскому народу все это было непонятно. Плавт с поразительным спокойствием и уверенностью перемещает в Афины сюжеты и образы, созвучные римской действительности его времени, используя эдикты претора и посылая своих греков на Капитолий. И добивается своего. Два столетия спустя вкусы римского общества приобретают бóльшую изысканность и его грубоватая манера теряет признание; но во время Плавта именно она и была необходима.

Так происходило знакомство с Грецией, особенно с Афинами, в Риме; молодежь из знатных семей с восторгом аплодировала аттическим произведениям, палестры, стадионы, симпозиумы, дионисии с удовольствием использовали в своих латинских беседах греческие обороты, мечтали об Афинах. Всеобщий восторг увеличивали привезенные Марцеллом из Сиракуз произведения искусства. Разумеется, сам факт варварского разграбления побежденного города, захват его художественных сокровищ, не может не вызвать всяческого осуждения, но была и другая сторона, позитивная, и она имела далеко идущее значение — эллинистическая культура приобрела таким горестным путем многочисленных сторонников и поклонников в будущей столице мира. Если столь великолепны статуи и другие произведения, вывезенные из Сиракуз, то каковы же могут быть творения прославленных Фидия, Праксителя, Зевксиса? Каковая же их родина, Афины?

О восхищении филэллинистической молодежи, выросшей в школе Андроника, трудно составить полное и беспристрастное впечатление; но восторг был настолько велик, что филэллы старшего поколения, такие как Фабий Кунктатор, видели в нем преувеличение. Оно бросалось в глаза, особенно после отъезда Сципиона на Сицилию: «Образ его жизни недостоин не только римлянина, но и просто солдата: греческий плащ и греческую обувь надевают, идя в гимназию; он погружен в греческие книги и развлечения в палестре» (Ливий). И в самом деле, Сципион был лидером молодых сторонников филэллинизма, количество которых росло, особенно среди образованных нобилей.

И произошло то, что с этого времени не раз повторялось в жизни человечества и, смеем надеяться, будет повторяться вплоть до таинственных последних дней. Рим, назначенный и избранный Фатумом победитель греческого культурного мира, победитель силой оружия и материального преимущества, этот Рим в момент претворения в жизнь разгрома Эллады переходит на сторону жертвы: молодой Рим становится другом и поклонником обреченной Греции. Победа Рима избавилась от катастрофической окраски; она, эта победа, не уничтожила греческую цивилизацию, но сохранила ее и через объединение и мир спасла ее для себя и для нас.

42

ФЛАМИНИН

Теперь вопрос, поставленный в начале предыдущей главы, можно поставить иначе: что явилось причиной того, что филэллинистически настроенный римский нобилитет мечтал о войне с Филиппом? Ответим так: недоброжелательная по отношению к эллинам позиция, какую занял честолюбивый, но неразумный наследник рассудительного и гуманного Антигона II.

Первую войну с Римом Филипп закончил заключением мира, еще до начала приготовлений Ганнибала; он не принес карфагенянам никакой выгоды. Карфаген не мог, конечно, ожидать со стороны Рима излишне дружественных чувств, но эти соображения не мешали ему затевать новую рискованную войну на Востоке. Когда смежил очи Птолемей IV, оставив на троне совсем юного Птолемея V Эпифана, Филипп достиг соглашения с Антиохом Великим и затевал раздел Египта, выговорив себе все греческие территории Птолемеев (Кипр, Киклады, Кирену). Подобные планы вызвали недовольство Родоса и упоминавшейся выше «Ганзы» греческих островов и городов, во главе которых и стоял остров Родос. Следствием беспокойства стало обострение отношений с Атталом Пергама. Поэтому Филиппу следовало начинать «обработку» именно с «Ганзы».

Действуя решительно и прямо, Филипп напал на приграничные города и сравнял их с землей. Во всем греческом мире раздался крик негодования — не было до сих пор в Элладе царя, настолько злоупотреблявшего своей властью! Наиболее трагической была судьба города Абидос на азиатском берегу Геллеспонта, виновного лишь в том, что в силу своего географического положения он мешал отношениям Филиппа с Азией. После отчаянной борьбы жители Абидоса решили сдаться. Филипп заявил, что оставляет им три дня для добровольной смерти. Они воспользовались его «великодушием»: лишив жизни жен и детей, покончили с собой, и победитель получил истинное царство смерти в побежденном городе.

Абидос оказался на пороге новой войны в той же ситуации, как Сагунт во время Второй Пунической войны, но поводом ее объявления могли служить лишь оскорбления, нанесенные союзникам. А союзником был Египет, государство, которому покровительствовал Рим; Филипп, однако, пока не осмеливался поднять на него руку. Оставались Афины, от недавнего времени союзные Риму, земли которых Филипп опустошал руками продавшихся ему жителей Акарнании. Разумеется, это была лишь правовая уловка, истинной же причиной можно назвать желание римского нобилитета выступить в защиту угнетаемых и притесненных эллинов. Редко в истории человечества объявлялись и велись войны без малейших

*Голова юноши. Бронза. III—II вв. до н. э.
Флоренция, Археологический музей*

материальных расчетов, а ради возвышенных мотивов, но именно здесь мы имеем такой исключительный случай.

Но филэллинистические настроения охватывали по-прежнему в основном нобилитет, а не римский народ вообще, без согласия которого объявить войну не представлялось возможным. Народ был изнурен только что закончившейся войной с Ганнибалом, поэтому совершенно естественно, что предложение начинать сейчас, в 200 году, новое кровопролитие он решительно отверг. Но знать настаивала на своем. Она доказывала, что во время Первой Пунической войны Рим поддерживал мамертинов (наемников на службе сиракузского тирана Агафокла, после его смерти захвативших Мессану), во время Второй не оказали помощи Сагунту в Испании и получили две войны — одну в самой Италии, вторую за пределами страны. Что лучше? Этот аргумент подействовал, и повторное предложение об объявлении войны народ одобрил.

И все-таки следовало считаться с изнуренностью граждан; больших сил для Второй Македонской войны (200—197) Рим выставить не мог, и каза-

лось, что в этом нет необходимости. Учитывая принцип межсоюзнических отношений, Рим мог рассчитывать на союзников. Это были, кроме Египта, роль которого ограничивалась лишь оттягиванием на себя союзного Филиппу Антиоха, Пергам со своим старым царем-воином Атталом, Родос с морскими силами, Этолийский союз и, наконец, Эпир, западный сосед Филиппа, а следовательно, его враг. Впрочем, Эпир активного участия в войне не принимал, соблюдая дружественный нейтралитет, но разрешил, к счастью, высадить на своем берегу римские войска.

Так можно ли полагаться на этих союзников? Нужно постараться вникнуть в глубь греческой души. Конечно, намерения Рима теперь самые чистые, но кто может поручиться на будущее? И всегда ли филэллины будут главенствовать среди нобилитета и подчинять себе волю римского народа? Этолийцы, самые важные для Рима союзники, колебались: македонская партия имела большое влияние. «Наступит время, — говорил один из них, — и римский властитель вынудит нас пожалеть о союзнике Филиппе!» Но на этот раз римская партия одержала победу.

Становилось очевидным, что только успех римского оружия может дать ей решительный перевес; но начало войны не принесло сколько-нибудь заметных успехов. Разгневанный на Афины Филипп отдал Аттику на растерзания своим грабительским ордам, которые не щадили ни могил, ни храмов. Лишь города, которые не удалось захватить, смогли спасти свои сокровища. Надо иметь в виду, что именно в Аттике находились прославленные мраморные залежи (острог горы Парнет, Пентеликон), а потому вся территория была покрыта чудесными памятниками скульптуры и архитектуры, что делало ее истинным музеем всей Эллады. Теперь все это стало жертвой грабителей. Римские филэллины роптали: почему римский вождь не приходит на помощь поверженным союзникам?

А римский вождь тем временем застрял в лабиринте гор между Эпиром и Македонией и после незначительного военного успеха направился обратно к родным берегам на зимние квартиры. Год спустя его преемник тем более ничего не мог изменить. Похоже, что сама природа одарила Македонию лучше, чем можно было предполагать, и в таких условиях война могла длиться бесконечно.

Для быстрого окончания войны Рим не имел нужного количества военных талантов; нужен был второй Сципион. Почему второй, могут спросить? Почему не тот первый, победитель Ганнибала?

Чтобы вести войну в качестве полководца, главнокомандующего, следовало иметь тот вид власти, который римляне называли и м п е р и е й (*imperium*); ею обладал консул или претор в течение всей своей магистратуры и мог ею распоряжаться в следующем году (*prorogatum imperium*); но посылать на войну человека, не занимавшего какой-либо государственной

должности, не допускалось, как и облекать его ответственной властью (*privatus cum imperio*); республиканский строй этого не разрешал. Недопустимо было также избрание одного и того же человека консулом до истечения десятилетнего срока после первого выбора. Эти сложности еще во время войны с Ганнибалом вынуждали порой нарушать правила, но сейчас Рим стремился вернуться к суровости республиканских обычаев.

К счастью, второй Сципион нашелся, им стал молодой **Тит Квинций Фламинин**. Он служил еще у Марцелла во время Пунической войны, участвовал в осаде и защите Тарента; знакомство с греческим искусством укрепило его филэллинистические чувства, в чем он, пожалуй, превосходил самого Сципиона. Фламинин в совершенстве знал греческий язык; будучи человеком, легко поддающимся восхищению, великодушию, он сам покровительствовал людям, склонным к благодеяниям или казавшимся таковыми; новый Сципион обладал выдающимся военным талантом и казался самым подходящим с этой точки зрения для руководства армией в греческой войне. Зная это, друзья выдвинули его кандидатуру на консула на 198 год. Но ортодоксальные блюстители республиканских законов начали негодовать. Как? Молокосос, он лишь квестор (низший класс в сенате. — *Н. П.*), и сразу в консулы? А трибун, эдил, претор? Но поскольку в данном случае мешала традиция, а не закон, сенат принял решение предоставить право выбора народу. И Фламинина избрали.

Приняв после своего предшественника командование над легионами в Эпире, Фламинин вскоре оказался в таком же сложном положении. Ключ к Македонии с противоположной стороны находился у истоков реки Аой (в Иллирии) — лесистый овраг, где развернуть широкий фронт не представлялось возможным. Фламинин долго держал свои войска в этом овраге, не решаясь на какие-либо действия и терзая себя мыслями, что он попусту теряет драгоценное время. Неожиданно появился эпирский пастух, который заявил, что проведет его горными тропинками, в обход македонских лагерей. Фламинин опасался, что в таком предложении кроется ловушка, хотя и понимал, что успех мог решить судьбу всего похода. Он спросил эпирского царя, можно ли верить пастуху. «Верь, — ответил тот, — но так, чтобы не ты был в его руках, а он в твоих».

Фламинин отделил часть своего войска под водительством военного трибуна и, заковав пастуха в цепи, велел показывать дорогу; в случае успеха обещал крупную сумму. И действительно, скоро огни в тылу македонцев показали Фламинину, что удалось успешно обойти врага. Филипп, оказавшись под двойным огнем, не мог долго сопротивляться, отошел к Фессалии, куда за ним направился и Фламинин.

Но до конца войны еще было далеко. Тем временем римский консул старался использовать выгоду, которую принесла ему победа на реке Аой.

чтобы использовать ее как можно успешнее для достижения мира. Главной опорой македонян в Греции со времен Антигона II, как мы знаем, был Ахейский союз, расцвет которого произошел во времена правления его стратега Арата. Филипп старался придерживаться политики своего предшественника относительно Ахейского союза, но как человек необузданный и неуважающий законы, он злоупотребил гостеприимством ахейского правителя и обольстил его невестку, красавицу жену его сына, Арата Младшего, и увез с собой; юноша, по всей вероятности, не собирался молча терпеть такое унижение, поэтому Филипп приказал убить обоих, отца и сына, при помощи медленно действующего яда (213). Конечно, этим преступлением он окончательно испортил отношения с союзом, у которого в будущем появится замечательный преемник Арата, Ф и л о п е м е н (из Мегалополиса).

Однако принцип трансвизината был весьма силен, и даже теперь союз между ахейцами и Филиппом не распался окончательно, хотя поведение царя в 200 году, разрушение Абидоса и других греческих городов, опустошение Аттики и прочие насилия значительно ослабили этот союз и его

*Портрет Публия Корнелия Сципиона Африканского на перстне.
III–II вв. до н. э. Неаполь, Национальный музей*

влияние. На собрании 198 года среди десяти старейшин («демиургов») пять высказалось за переход на сторону Рима, но это еще не большинство, поэтому с одним из сторонников Македонии провел долгую беседу его отец и после бесплодных и долгих просьб пригрозил смертью в случае упорства. Демиург подчинился, и Ахейский союз перешел на сторону Фламинина. Такой акт также мог считаться успехом полководца, потому что он стал итогом его победы на р. Аой.

Тем временем наступила осень, и стало ясно, что в этом году война не закончится. Филипп предложил переговоры о мире, Фламинин в принципе не противился, но потребовал от царя отказаться от всех греческих владений с Фессалией включительно, присоединенной еще Филиппом II, отцом Александра Македонского, к Македонии; Филипп, естественно, не согласился, и война продолжилась. Сенат продлил Фламинину консульский срок еще на один год.

197 год принес быстрое решение проблемы. В течение зимы оба войска укрепили свой личный состав, каждый из полководцев располагал по 26 000 солдат, в том числе 6 000 этолийцев, сражавшихся на стороне Фламинина. Обе армии стояли в Фессалии, оба полководца понимали, что конец войны зависит от решительного сражения. Встреча произошла около взгорья, которое из-за формы его вершины называли Киноскефалы («Собачьих головы»). Неровная территория давала обеим сторонам возможность устраивать засады, что вызывало тревогу. День выдался туманный, тучи то покрывали странные формы вершук гор, то их обнажали, увеличивая тревожное ощущение беды. Войска сошлись широким фронтом, поэтому то, что происходило на одном крыле, не видели воины другого — закрывала пелена тумана. Первыми дрогнули римские легионы, один за другим появлялись гонцы, просящие полководца о помощи. Направили этолийцев, успех теперь был на стороне римлян, у македонян — паника. Но и к македонской армии прибыло подкрепление, и снова силы оказались равными. Правое крыло Филиппа занимало холм, и поэтому здесь он одержал победу, потому что характер местности давал ему возможность использовать боевые качества фаланги; на левом фланге Фламинин оставил своих слонов, остатки карфагенской добычи, и против них македонская фаланга была бессильна. Поражение здесь практически ликвидировали успехи правого крыла; а когда солнце пронизало тучи, оно осветило поле битвы, покрытое телами погибших македонян, и вдали их разбитые отряды, спасающиеся бегством.

Победа у Киноскефал решила судьбу войны, но одновременно посеяла первые семена разногласий в рядах победителей. Этолийцы победу приписывали себе, отодвигая римлян на второй план; впрочем, именно они были виноваты в том, что Филипп спас от полного разгрома остатки

своего войска, потому что этолийцы сразу после победы бросились грабить брошенный лагерь, чтобы опередить бросившихся в погоню римлян. На гробовом камне, поставленном на поле сражения якобы в честь погибших македонян, сильно завышая их количество, этолийцы вырубили такие многозначительные слова:

*Без похорон и без слез, о прохожий, на этом кургане
Мы, фессалийцы, лежим — три мириады борцов, —
Пав от меча этолийцев или латинян, которых
Тит за собою привел из Италийской земли.
Тяжко Эмафии горе; а дух дерзновенный Филиппа
В бегство пустился меж тем, лани проворной быстрей.*

Пер. Л. Блуменау

Этой надписью хотели уязвить Филиппа, который, в свою очередь, отплатил их автору, носившему имя великого греческого поэта первой половины VI в. до н. э., родом с острова Лесбос;

*Без коры, без листвы, о прохожий, на этом кургане
Для Алкея большой сооружается крест.*

Пер. Л. Блуменау

Правда, они своим хвастовством задели скорее Фламинина и римлян вообще. Узнав, что Фламинин дал положительный ответ на предложение Филиппа о мире, этолийцы стали громко заявлять о том, что римский полководец продал врагу плоды их побед и оставил в теле Эллады «занозу», которую ныне они могли бы с легкостью вытащить.

Но подобные хвастливые и необоснованные претензии дали Фламинину возможность проявить еще раз свое благородство; ему крайне неприятны были бахвальство и неблагодарность этолийских союзников, но он ни йоту не сошел с избранной им дороги. Напомним, что основой македонской власти на землях эллинов являлись крепости, занятые македонскими военными отрядами: в фессалийской Деметрии (античный Иолк, родина Язона), в Халкиде (главный город Эвбеи на р. Эврип) и в Коринфе; эллины опасались, что, убрав македонян, Фламинин введет туда свои гарнизоны. Но Фламинин начал с того, что пригласил союзников участвовать в переговорах с царем. Таким поступком он выбил оружие из рук тех, кто настаивал убить или изгнать Филиппа, а его царство разрушить. Фламинин вежливо, но решительно заявил, что такие действия противоречат извечному римскому принципу щадить побежденного. Он объяснил, что убийство не гарантирует безопасности Эллады. Конечно, на равнине Куро (Курупедион) погиб Лисимах, но в результате получилось, что мощный поток галльских варваров прорвал слабую дамбу и залил земли

Эллады. А что произойдет, если теперь, вместе с уничтожением Македонии падет последняя преграда от северных варваров? Слова звучали убедительно; история подтвердила мудрость их автора.

Мирное соглашение содержало достаточно мягкие условия. Для себя Рим требовал лишь возвращения военных расходов, Филипп должен был заплатить контрибуцию, вернуть пленных и перебежчиков; правда, заложники, которых предполагалось поначалу отослать в Рим, были вскоре освобождены. Главное — Филипп должен отказаться от всех владений в Элладе, включая Фессалию. Для кого?

Как раз в тот год (197) проходили Истмийские игры при храме Посейдона около Коринфа; по случаю заключенного мира сюда приехали многочисленные греки со всех частей Эллады. И вот когда все находились на стадионе и ожидали сигнала начала соревнований, раздался звук военной трубы и глашатай провозгласил среди всеобщего молчания: «Римский сенат и полководец с консульской властью Тит Квинций, победивши в войне Филиппа и македонян, даруют свободу коринфянам, фолкидянам, локрам, эвбейцам, ахейцам фтиотским, магнетам, фессалийцам, перребам, предоставляя им не содержать у себя гарнизонов, не платить дани и жить по отеческим законам» (Полибий, XVIII, 46). Далее перечислялись еще государства, над которыми до сих пор простиралась власть тяжелой руки македонского владыки.

С замиранием сердца слушала Эллада эти слова; то, во имя чего сражался и умер Демосфен, то, чего не могли добиться в течение долгих полутора веков изнурительных войн, наконец стало явью! Люди позабыли об играх, бросились к палатке Фламинина, начали засыпать его цветами и гирляндами, всем хотелось коснуться руки полководца и услышать его слова. Три дня, почти без перерыва, тянулась процессия с проявлениями благодарности, поздравлений. Значит, есть на земле народ, который ведет войны, не шадя сил, не боясь опасности, за свободу других! Есть народ, готовый преодолеть водные просторы, чтобы не было на земле несправедливой власти, чтобы сила всегда была рядом с законом и честью! Слова, произнесенные глашатаем на ристалище, возвращали свободу всем городам Греции и Азии. Если бы кто-нибудь посмел такое представить в мечтах, его сочли бы за безумца; сколько же храбрости и удачи надо было иметь, чтобы подобные мечты претворить в жизнь!

Когда Фемистокл после победы у Платеи (Беотия) обратился к эллинам, он смиренно признавал, что не себе обязан подобной победой, но помощи родных богов и героев. Теперь собравшиеся на Истме могли повторить слова Фемистокла, но к этим богам следовало добавить Гомера, Ахилла, Софокла, Еврипида, Сократа, Платона, Фидия, Праксителя, Зевк-

сиса, всех мудрецов, художников, словом, всех тех, благодаря творчеству которых очарование Эллады покоряло сердца благородных юношей.

Фламинин возвращался в Италию, но не без даров. Среди римских граждан, взятых во время войны с Ганнибалом в плен или проданных в неволю, разбросанных по всему свету, несколько тысяч проживали на греческих землях. Пробыв несколько лет в неволе, они уже утратили всякую надежду увидеть когда-либо семью, домашний очаг, мать-землю. Их, этих людей, теперь нашли и отдали Фламинину. Когда римский полководец, по римскому обычаю, праздновал свой триумф, зрелище было необычайное: не вражеские военачальники, закованные в кандалы, шествовали за его триумфальными носилками, а длинный кортеж из римских граждан с покрытыми тканью головами в знак освобождения из рабства.

Так выглядел дар, какой освобожденная Греция принесла своему освободителю.

43

БРАТЬЯ СЦИПИОНЫ

Занятые греческими делами и Второй Македонской войной, мы потеряли из виду обоих героев Пунической войны, Сципиона и Ганнибала. Оба еще жили, но какова была эта жизнь?

Мы уже знаем, какие политические побуждения не позволяли использовать блестящие способности Сципиона как полководца во внешних войнах. При этом победитель Ганнибала был настолько лояльным гражданином, что этому не противился и не пытался вопреки сенату, воспользовавшись, например, порукой какого-нибудь трибуна, требовать для себя от народа «чрезвычайной власти» (*imperium extraordinarium*). Взамен он получил от нобилей другие различные должности в рамках республики. Избираемые один раз в пять лет цензоры сделали его «первым сенатором» (*princeps senatus*); это означало, что во время дискуссии председательствующий консул именно к нему обращался за мнением, то есть «спрашивал о мнении» (*sententiam rogare*). И мы можем с полной уверенностью сказать, что его суждения собирали вокруг себя большинство голосов. Так он стал общепризнанным главой правящего в государстве нобилитета. Не подлежит сомнению, что консульские списки и прочих высших должностных лиц составлялись, согласуясь с его мнением. Именно он и был невидимым исполнителем войны с Филиппом и инициатором отправки главнокомандующим Фламинина. В 194 году, по истечении десяти полагающихся лет после его первого консульства, он опять был избран; год выдался спокойным, и Сципион ничем особенным себя не проявил.

Но в этом же году приняли некоторое нововведение, с нашей точки зрения совершенно незначительное, но сильно повредившее Сципиону в глазах народа: по распоряжению цензоров эдилы назначили для сенаторов особые, отдельные места в театре — кресла в оркестре; до сих пор таких привилегий не существовало. Собрание общественности в театре — в сущности своего рода народное собрание, на котором, может, и не обсуждались правовые вопросы, но симпатии и антипатии выражались абсолютно свободно. Когда народ впервые после «нововведения» собрался в театре и увидел сенаторов на их новых местах, раздались громкие протесты: Что это значит? Неужто с презрением сторонятся рядовых граждан? Разве не пристало сенаторам соседствовать с обычным человеком? Атаковали эдилов, цензоров, прозвучали голоса с упреками и в адрес Сципиона. Противники с удовольствием молча потирали руки.

Пока что молча. Гораздо тяжелее было положение его врага в побежденном государстве. Органом карфагенской олигархии являлась в то вре-

*Голова мужчины (т. наз. Брут).
Бронза. II в. до н. э. Рим, Дворец консерваторов*

мя могущественная «коллегия судей» («Совет судей»); совет состоял из 104 судей, «суфетов» (по-финикийски shofetim).

Будучи высшим контрольным и судебным органом, он захватил в свои руки все богатство страны и согласно тайным постановлениям управлял имуществом и жизнью граждан. Одновременно со Сципионом Ганнибал в Карфагене был второй раз избран суфетом. Видя чудовищные нарушения «судей», он решил с помощью народа сломать их власть. Коллегия, увидев опасность, обратилась к сенату Рима с жалобой: якобы Ганнибал, словно хищный зверь, не может привыкнуть к мирной жизни, постоянно твердит, что его страна от состояния бездеятельности впадает в сон и что только звон оружия может пробудить ее к жизни. В римском сенате нашлись люди, на которых подобные инсинуации производили впечатление.

А если это правда? Ведь в то время, когда Восток занимает все наше внимание, неукротимый Ганнибал готовит в Африке Третью Пуническую войну?! Еще придется столкнуться с этим жаждущим власти неукротимым человеком, он постоянно держит Рим в состоянии тяжелой тревоги!

Напрасно благородный Сципион выступал против недостойных интриг: «Годится ли нам, римскому сенату, прислушиваться к оскорблениям мелких врагов великого человека?» Охваченные паникой сенаторы не прислушивались к аргументам Сципиона. В Карфаген направили посольство, якобы для решения спора с Масиниссой. Но Ганнибал разгадал истинную цель: переодевшись, он бежал в один из приморских городов и там сел на корабль. Итак, он покинул родину. Навсегда ли?

Нет, Ганнибал верил в возвращение. Недаром греческое предсказание, которое он когда-то услышал, гласило:

«Песок ливийской земли покроет Ганнибала».

Карфаген был финикийской колонией, а Финикия находилась тогда под властью Антиоха Великого, единственного серьезного врага Рима. Только бы он послушал его, Ганнибала, совета: союз Сирии с побежденным, но не разгромленным Филиппом и с возрожденным Карфагеном создаст такую силу, против которой не сможет противостоять высокомерный владыка Италии! И действительно, Антиох принял Ганнибала с должным уважением, всегда внимательно выслушивал, но никогда не следовал его советам. Они не могли достичь согласия: Антиох только назывался «Великим», а Ганнибал им действительно был.

Правда, сама идея войны с Римом сирийскому царю нравилась. Конечно, подходящий момент он пропустил: не поддержал в свое время Филиппа, равно как и Филипп не поддержал Ганнибала. Но, может, еще не все потеряно? Как раз недавно умер престарелый царь-воин Пергама, Аттал I, и трон занял его младший сын, Эвмен II; с Египтом Антиох заключил нечто вроде личного договора, выдавая свою дочь Клеопатру за Птолемея V

Эпифана, молодого царя земли фараонов. С другой стороны, вечно неспокойные и полные гордыни этолийцы Греции не брезговали ничем, выражая свое недовольство при разделе македонской добычи. И вот началась предательская двойная игра по отношению к благородству, проявленному Фламинином к грекам. Лавируя между городами-государствами эллинов и Антиохом, этолийцы обманывали обе стороны, уверяя эллинов, что Антиох ударит всей мощью своего огромного царства, а Антиоха — что с его приходом вся Греция, как один, встанет против македонского ярма.

Есть такие, кто упрекает Фламинина в легковёрности и доверчивости, что, мол, ему не следовало выводить свои гарнизоны ни из Деметриады, ни с Халкиды, ни из Коринфа. Но именно недостойное поведение этолийских интриганов и показало, что он был прав. Когда, наконец, Антиох переправился в Европу, вся Греция «как один» сохраняла абсолютное спокойствие, и когда его эмиссары пытались их убедить, что царь пришел Грецию освободить, то в ответ услышали: от кого?

Но мы забегаем вперед. Переправиться в Европу оказалось не так легко; сначала пришлось овладеть некоторыми ионическими и эолийскими (совр. Липарские острова) городами, признававшими власть Птолемеев. Скажем прямо, для будущего «освободителя» Греции подобное действие было весьма необычным, но для морских операций ему, конечно, было необходимо владеть малоазийским побережьем; особенно следует отметить Эфес, куда Антиох перенес главную стоянку сирийского флота. Наконец, в 192 году ему удалось переправиться в Европу. Первым итогом его появления в Греции стало глубокое взаимное разочарование. Этолийцы, несмотря на активную предусмотрительность, не могли дать никаких иных, кроме собственных, сил; а он рассчитывал на большее и взял с собой немногочисленное войско. Поэтому Фламинин на ахейском собрании шуточно заметил:

— Войско Антиоха напоминает мне праздник у моего халкидского друга. Подавали блюда из дичи разного рода, были и зайцы, глухари, куропатки и неизвестно еще что. Я выразил ему свое удивление, спросив, откуда в середине лета столько дичи, на что он ответил со смехом: «Я открою секрет: это мой повар готовит из обыкновенной свинины разные блюда». Так и здесь. Антиох приводит к вам мидян, халдеев, эламитов и пр., но это лишь видимость, потому как в сущности это всего лишь обыкновенные сирийцы.

Но дальше терпеть было нельзя. Римляне пытались призвать этолийцев к разуму, но получили достаточно нелепый ответ: «Узнаете наши условия, когда этолийский лагерь станет на берегу Тибра». Антиох тоже получил заявление, что его прибытие в Европу будет считаться Римом как повод к войне, но царь высокомерно ответил, что как правнук Селевка Победителя он считает эти земли своими, добытыми его прадедом почти

сто лет назад в войне с Лисимахом. Итак, надлежало объявить войну, что и произошло в 192 году.

В римском государстве мы снова видим у руля правительство Сципиона. Год назад он получил от сената поручение отправиться с посольством к Антиоху в Эфес; тогда ему казалось, что спокойный обмен мнений сможет предотвратить войну. Серьезность его миссии и заключалась в переговорах, но они никакого результата не дали. Современники достаточно высоко оценили его вторую встречу с Ганнибалом. Рассказывали даже, что однажды они вели беседу о великих полководцах. Ганнибал, кажется, сказал Сципиону, что самым великим он считает Александра Македонского, на второе место ставит Пирра эпирского, на третье — себя. Сципион, усмехнувшись, спросил Ганнибала:

— А что бы ты сказал, если бы у Замы победил меня?

— Тогда, — ответил тот, — себя поставил бы не на третье, а на первое место.

Вернувшись в Рим, Сципион продолжал руководить политикой Республики. Консулом на 191 год был избран его активный сторонник, Манний Ацилий Глабрион, так называемый «новый человек», но, как позже оказалось, весьма достойный.

Антиох, наоборот, странным образом опустил руки; похоже было, что он не отдавал себе отчета в серьезности положения, зиму провел в Халкиде в развлечениях и даже счел уместным отпраздновать там свадьбу с некоей греческой красавицей, дочерью рядового гражданина Халкиды. Легкомыслием царя заразилось и его окружение, так что зимовка в Халкиде крайне ослабила дисциплину сирийского войска.

Ацилий же энергично принялся за дело и неожиданно для всех появился с армией в Македонии. К несчастью для Антиоха, план Ганнибала относительно Филиппа не был в свое время приведен в исполнение; македонский царь честно выполнял свои обязанности, вытекавшие из соглашения с Римом. Римское войско быстрым маршем прошло из Македонии до Фессалии, очистило страну от гарнизонов Антиоха и остановилось у входа в Центральную Грецию. Антиоху оставалось думать об обороне, а для этого существовало только одно место, назначенное самой природой и предсказанное историей — Фермопилы. В третий раз это прославленное ущелье между горами и морем напоминает о себе; но на этот раз наше сочувствие не на стороне его защитников. Антиох велел своей армии занять восточные «ворота» из двух входов в ущелье, доверив этолийцам защиту предательской «тропинки Эфиальта».¹ Но этолийцы обманули его ожидания.

¹ Эфиальт — трахинец, который в битве при Фермопилах (480) провел персов в тыл Леониду, в 469 г. был убит за предательство.

В войске Ацилия служил в качестве военного трибуна (*tribunus militum*) человек, который как бывший консул был выше командующего; звали его *Марк Порций Катон*, с которым мы еще не раз встретимся. Почему он хотел получить должность в армии, стало понятным позже; пока что, как обычный офицер, он исправно и бескорыстно исполнял все распоряжения главнокомандующего. Ацилий поручил ему обойти тропу Эфиальта. Мы помним, что там стояли этолийцы, но римляне не имели причин высоко оценивать их храбрость; и в самом деле, они дали возможность врагу подойти незамеченными и были ликвидированы. Тем временем сражение началось и Антиох достаточно успешно отражал напор Ацилия; неожиданно кто-то заметил, что с высоты Каллидрома (восточный отрог Эты, к югу от Фермопил) какие-то отряды вступают в ущелье. «Это этолийцы», — спокойно ответил царь. Разочарование наступило тогда, когда солдаты оказались совсем близко, но было уже поздно. Окруженные римлянами в диком ущелье сирийские войска были вырезаны, а царь во главе небольшого отряда с трудом добрался до Халкиды. Антиох отказался от намерения «освободить» упрямую Грецию и поплыл назад в Эфес.

Но конец войны еще не наступил, а на азиатской земле Ацилий ее вести уже не мог. Упорядочение греческих проблем, особенно этолийских, заняло остаток года, а затем с чувством успешно и честно исполненного долга Ацилий вернулся в Рим, где и получил вполне заслуженный триумф.

Окончания войны ожидали в следующем, 190 году. Одним из двух консулов был избран Луций Корнелий Сципион, брат героя у Замы. Избрание еще не означало, что ему доверят ведение войны, подобная честь могла быть оказана второму консулу. Но неожиданно Публий Сципион заявил в сенате, что если его брату доверят командование, то он сам готов его сопровождать в качестве легата, то есть заместителя командующего, назначенного сенатом. Его слова вызвали громкое одобрение и, казалось, что прославленная «встреча у Замы» может повториться: рядом с Антиохом — Ганнибал, а у римского консула — Сципион, победитель карфагенянина, и оба настоящие полководцы. Само собой разумеется, что предложение «первого сенатора» было принято, и тысячи ветеранов битвы у Замы поспешили под знамена консула, радуясь возможности почетной службы под началом любимого вождя.

Но чтобы победить Антиоха, следовало переправиться в Азию, а это задача непростая. На море господствовал сирийский флот, который во всех отношениях превосходил флот Рима; римляне на море чувствовали себя крайне неудобно, как во время Первой Пунической войны. Правда, у них были союзники, Пергам и Родос; опираясь на них, можно было помериться силами с Антиохом. Но... в военных делах три третьих всегда меньше одного целого. Антиох к тому же имел энергичного и весьма пре-

данного адмирала Поликсенида, ренегата родосского. Этот человек построил чрезвычайно простой план уничтожения трех противников по очереди, начиная со своей родины, которую ненавидел. Согласно плану, он велел передать родосскому адмиралу, что если ему будет предоставлено безопасное возвращение на Родос, то он, Поликсенид, готов сдать царский флот. Родосец ему поверил, направился со своим флотом к Эфесу якобы за добычей, и — расплатился потерей почти всех судов. Но Родос не зря считался самым несокрушимым и деятельным из всех греческих городов, и он не позволил подавить себя — психологически — такой тяжелой утратой; родосцы напрягли все силы, построили новый флот, наняли новых моряков и довольно быстро заняли прежнее место среди морских держав. Конечно, такая проволочка достаточно тяжело отразилась на приготовлении римских операций. На подготовку ушла значительная часть года, пока римляне не смогли переправиться через Геллеспонт. После переправы половина задачи казалась выполненной. «Этот конь чувствует не только узду, но и ездока», — шутил Сципион.

Так он говорил скорее для успокоения солдат, задача предстояла весьма серьезная: римлян ожидала встреча с Антиохом на его собственной земле, с армией, в два раза превосходящей по численности римскую. Но превосходство последней было в другом. Пришла очередь нового поединка между Сципионом и Ганнибалом; если в римской армии легат, признавая превосходство своего великого брата, во всем был ему послушен, то сирийский царь, похваляясь своими прежними успехами, за которые получил прозвище «Великий», смотрел на старого карфагенского льва свысока.

При Магнезии (у горы Сипила) должна была произойти решающая битва. Имея в своем распоряжении огромную армию, царь нуждался в большом пространстве. Азиатский владыка имел преимущество не только в количественном отношении; он готовил врагу и другие неожиданности, о которых не было речи в Фермопилах. Это были, во-первых, слоны, с которыми старым войскам у Замы предстояло обновить знакомство, во-вторых, наследие персов — серпоносные боевые колесницы, в-третьих, полки из диких галлов, тысячами служившие в армии богатого царя. Все это Сципион мог противопоставить только мужеством и выдержкой своих солдат, личным талантом командующего и преданную и умелую помощь молодого союзника Рима, Эвмена. И благодаря этому он победил.

В плане Антиоха было использовать в полной мере широту своего фронта, обойти противника движением левого крыла и одновременно двинуть боевые колесницы на центр. Но здесь Эвмен II проявил свои блестящие военные способности. У него в распоряжении было всего несколько минут, чтобы остановить напор колесниц, прежде чем Антиох успеет обойти войска с флангов; Эвмен приказал солдатам целиться не в возниц,

а в лошадей, справедливо рассчитывая, что испуганные кони понесут. Так и случилось, а страшные серпы косили не врагов, а своих, сея страх и замешательство в сирийских войсках. Не давая времени им прийти в себя, Эвмен бросил всю кавалерию на сирийскую конницу, против лучшей ее части, так называемых катафрактосов («закованные в панцирь»); своим ходом он нейтрализовал окружающий маневр противника и отрезал катафрактосов от остального войска. Подоспела и римская пехота, вместе с Эвменом она ударила по левому крылу, где находились галлы. Одновременным натиском на центр и на крылья римляне вынудили сирийское войско к бегству, обнажая, таким образом центр армии, ядро Антиоха, испытанную в стольких сражениях македонскую фалангу с ее знаменитыми длинными копьями, сариссами.¹ Эвмен немедленно ударил со своей стороны, в то время как легионы начали наступать с фронта. В такой ситуации требовалось быстрое решение командующего, но так могло быть, если бы во главе войска стоял Ганнибал. Антиох как раз этого старательно избегал, не желая, чтобы тот затмил его славу. Фалангистам оставалось лишь отступить к своему лагерю; он отступили пока что в боевом порядке, затем с растущим замешательством и, наконец, в паническом бегстве.

А где же Антиох? Антиох руководил правым крылом и там опрокинул римскую кавалерию и отрезал ее от главного оплота, реки. Но торжествовал рано. Римский лагерь уже близко, отступающие легионеры получили подкрепление и остановились, и Антиох, оглядевшись, увидел, что его центр и левое крыло распались. Возвращение к армии ничего не могло спасти, победа противника была полной.

Все потеряно; следовало смириться со свершившимся и заключить мир. Условия римлян известны: отказаться не только от Греции, но и от Малой Азии до Тавра, кроме Киликии, заплатить контрибуцию в течение 12 лет, не держать слонов и не иметь более 10 военных кораблей; кроме того, Антиох обязался выдать наиболее известных врагов Рима, находившихся под его покровительством, в том числе и Ганнибала. Для себя Рим и на этот раз не требовал ни одной пяди земли. Отобранная часть Малой Азии была отдана Эвмену, который, как известно, по этому поводу воздвиг роскошный алтарь Зевса для родосцев. Сирийская война окончилась, и номинальный вождь Луций Сципион, по примеру брата, Сципиона Африканского, получил прозвище «Сципиона Азиатского» (Asiagenus).

Но в то время как Сципионы в Азии завоевывали славу римскому оружию, в самом Риме происходили события, которые, мягко говоря, не очень соответствовали героическим действиям у Магнезии. В 189 году кон-

¹ Сариса — длинное (до 6 м) копьё, которым была вооружена тяжелая македонская пехота: сариссофоры.

чился срок цензоров, среди кандидатов находился и Маний Ацилий, победитель Антиоха в Фермопилах. Его избрание казалось несомненным, после Сципиона и Фламинина не было в Риме более известного имени. Его поддерживали и нобили как сторонника Сципиона, и народ, считавший его своим «новым человеком». Вдруг два народных трибуна, два Семпрония, призывают его к ответственности перед народным судом за то, что он якобы удержал у себя сумму, полученную от Антиоха. Тогдашний народный суд был органом достаточно неповоротливым, голосование проходило в несколько этапов, и лишь последнее голосование было приговором. И если народ был шокирован самим обвинением, то еще более странным казалась личность одного из свидетелей: им оказался Катон, тот самый, который своими удачными действиями помог Ацилию одержать победу под Фермопилами. Катон заявил, что среди добычи видел золото и серебряную посуду царя, которых не оказалось на триумфе. Таким заявлением он запутал всех нормальных людей, потому что сам был в числе добывавшихся должности цензора. Вот почему он, будучи военным трибуном, так стремился попасть на войну: чтобы следить за Ацилием и доносить на него! В такой ситуации участвовать в выборах Ацилию не хотелось, и он снял свою кандидатуру; оба Семпрония мгновенно отказались от своих обвинений. Но и народ показал свои возможности: Ацилия, правда, теперь он выбрать не мог, но Катона забаллотировал.

Люди знающие уже тогда догадывались, что Семпронии и Ацилий являлись всего лишь прикрытием дела, а душой обвинения был другой — тот, который оказался свидетелем; главная цель тоже была иной. Через два года это стало еще более очевидным. На заседании сената неожиданно два трибуна, опять два Петилия, вносят предложение представить сенату счет об оплаченной царем Антиохом контрибуции — тех самых 3 000 талантов, которые при заключении мира он вручил римскому консулу. Формально требование было направлено Луцию Сципиону, но по сути, конечно, Публию, бывшему душой всего похода. Публий, «первый сенатор», должен отвечать первым. На вопрос председательствующего: «Твое мнение, Публий Корнелий?», тот, повернувшись к брату, попросил принести хранившиеся дома счета. Все удивились подобной уступчивости и ждали развития событий. Когда Луций принес документы, Публий сухо сказал:

— Счета есть, но обязанности их показывать нет.

С этими словами он разорвал в клочья принесенные бумаги.

Трибуны замолкли, и дело в сенате больше не поднималось. Но пошли разные слухи: вот, мол, теперь квириты сами убедились в том, что призывать к ответу в сенате большого человека безнадежно.

Прошло два года, и новый трибун, Марк Невий, на собрании плебейских трибунов вновь призывает к ответу Публия Сципиона за то, что,

подкупленный Антиохом, он, якобы, согласился на слишком мягкие мирные условия. Вот как оценивали в народе бескорыстную политику Сципионов и Фламининов... Опять созвали народный суд с длительными голосованиями. Гордый патриций и на этот раз поразил всех уступчивостью. Он явился, спокойно занял свое место. Трибун произнес первую обвинительную речь. Сципион выслушал и обратился к народу:

— Сегодня, квириты, годовщина того дня, когда 18 лет назад я разбил Ганнибала у Замы. В этот день я приношу необходимые благодарственные жертвы Юпитеру. Кто готов возблагодарить богов, прошу со мной.

Сказав это, он встал и направился на Форум по Виа Сакра на Капитолий; народ толпой последовал за ним, а трибун-обвинитель остался наедине со своим секретарем.

После очередного поражения недруги стали более осторожными. Несколько месяцев спустя второй трибун обвинил перед тем же судом Луция Сципиона в присвоении денег, полученных от Антиоха; в качестве наказания он предлагал заплатить штраф, весьма высокий. На этот раз цель была достигнута: Луция признали виновным. Это вовсе не значит, что он действительно совершил преступление. Обстоятельства «дела» нам не известны, а партийные страсти — сомнительные гарантии справедливости. «Виновный» не мог заплатить, и трибун-обвинитель велел ликтору увести его в тюрьму. За Луция неожиданно вступился второй трибун, Тиберий Семпроний Гракх:

— Я — враг Сципионов, — сказал он народу, — но не могу допустить, чтобы победитель Антиоха оказался в тюрьме, куда он сам, будучи вождем, отсылал врагов римского народа.

Так, используя «трибунскую интерцессию», он спас от позора не столько Луция Сципиона, сколько честь римского народа.

Конечно, в результате подобных интриг влияние Сципионов было ослаблено. Публий «Африканский» покинул Рим и уехал в свое приморское имение в Кампании, в г. Литерне, где и умер в 183 г. Умирая, он поручил жене, Эмилии, похоронить его здесь же, в Литерне, а не в родовой усыпальнице в Риме, около Порты Капена.

— Не хочу, — сказал он, — чтобы мой прах покоился в неблагоприятном городе.

Вторым распоряжением он просил выдать их младшую дочь за его великодушного врага и защитника, Тиберия Гракха.

Почти в то же время римское посольство находилось у царя Вифинии на Пропонтиде¹. Звали царя Прусий, его имя до сих пор живет в названии

¹ Propontis (греч.) — переднее море Понта Эвксинского, античное название современного Мраморного моря.

основанного им города Пруса (тур. совр. назв. — Бурса) у подножия вифинского Олимпа. Не останавливаясь на прочих вопросах, глава посольства начал с того, который считал главным.

— У тебя нашел пристанище тот, в ком римский народ видит самого заклятого врага, по его совету ты вел войну с нашим союзником, Эвменом; но ты можешь стать другом римского народа, если выдашь Ганнибала.

Действительно, великий карфагенянин после поражения Антиоха бежал сначала на Крит, а затем ко двору вифинского Прусия, рассчитывая, что тот, будучи соседом Пергама, конечно же, его, Ганнибала, друг. Разумеется, гостеприимство он считал временным, понимая, что ему будет хорошо там, где ненавидят Рим, а потом родина сама позовет на новую, решительную борьбу. Он не сомневался, что ему суждено вернуться, ведь было предсказано, что «ливийский песок покроеет Ганнибала».

И вот теперь римляне требуют выдачи. Ганнибал усмехнулся: неужели Прусий не предвидел такого поворота вещей и не позаботился о безопасности? Зловещий стук в дверь. Пусть себе стучат, есть другие двери, в подвале, потайные, они ведут к подземному выходу, а там — в глухой загородный лес. А дальше — свобода, вот недалеко и море. Судно? Есть, конечно, ведь ему предначертано вернуться на родину. А пока он немного отдохнет в приморской деревушке.

— Как зовется твоя деревня?

— Ливия, — ответил крестьянин.

Ганнибал вздрогнул, но долго размышлять не приходилось. Уже слышен топот — погоня! Главное, избежать неволи. Предвидящий все Ганнибал всегда носил с собой флакон с ядом. Услышав погоню, он вспомнил о нем.

В один и тот же год прибрежный песок далеких друг от друга морей покрыл прах обоих противников, некогда столкнувшихся у Замы. Это был год тысячелетия со дня разрушения Трои.

44

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ТРОИ

Выше мы упоминали, что согласно серьезным хронологическим расчетам Эратосфена, ученого III в. до н. э., разрушение Трои произошло в 1183 году. С другой стороны, в Риме с давних времен укрепилась вера в то, что его основателем был бежавший из Трои Эней. Правда, оба эти события произошли в разное и очень отдаленное друг от друга время: Рим был основан если и не обязательно в 753 году, как установлено позже,

то в любом случае близко к этой дате. Когда такое расхождение обнаружили, его «убрали» допущением, что Эней был лишь опосредованным основоположником Рима, а между ним и Ромулом правили несколько альбанских царей. Никто при этом не сомневался, что Троя были истинной прародительницей Рима; когда римские вожди или послы проходили мимо прославленного холма, на котором ныне стоит небольшой городок Новый Илион, они никогда не забывали войти в храм и принести жертву Афине Илионской. Это обстоятельство укрепило, как уже говорилось, дружбу Рима с Пергамом, в границах которого находился Новый Илион.

Приближалось тысячелетие разрушения праматери Рима. Тысяча лет, значит, десять веков; а век — самая большая возможная длина человеческой жизни, такой она была определена Платоном и другими философами. Что касается э т и х десяти веков, то в книгах Сивиллы содержалось загадочное, но страшное пророчество. Каждое столетие находится под опекой отдельного бога, а последний, десятый — под покровительством Аполлона. Это столетие закроет движение круга, доведет все до исходной точки. Тогда наступит обновление мира, но ему будет предшествовать уничтожение предыдущего. Как в предыдущем цикле уничтожение настигло Трои, так и ныне городом, предназначенным на разрушение, станет ее потомок над Тибром. Непобедимый враг явится извне, «Форум покроется палатками», огонь поглотит город на семи холмах, и потом родится новый, неведомый мир.

В религии античного Рима книги Сивиллы играли ту же роль, что в мире христианском для людей, настроенных мистически, — Апокалипсис. Сивиллины книги разрешали загадку конца света и создавали туманные и тем самым пугающие намеки относительно возможного ответа. Что за могучий народ, которому суждено стереть с лица земли властелина западного мира?! Римляне привыкли считать своими заклятыми врагами галлов, которые однажды, два столетия назад, уже заняли Рим. Недавно еще самым страшным врагом Рима был Ганнибал, который в 213 году чуть было не захватил город. С другой стороны, Троию взяли греки, значит, пророчество могло иметь в виду и их, и, наконец, когда приближался трагический срок, самым грозным и единственным противником Рима был Антиох Великий, и именно ему служили галлы (азиатские, правда, но все-таки галлы) и Ганнибал, а из греков — этолийцы. Действительно, если кому и предначертано одержать победу над Римом, то именно ему. На фоне такого убеждения даже приведенный выше ответ этолийцев «ответим вам, когда развернем свой лагерь на берегах Тибра», представляется до определенной степени понятным; и тем более естественной становится уверенность в своих силах самого Антиоха, правнука того Селевка, которого считали любимцем Аполлона.

Следует принять во внимание, что идея подобного периодического обновления мира была взрошена греческой философией. Она уже присутствует в учении Пифагора (числу придается универсальное мистическое значение, суть всего сущего содержится в числе); принял эту идею в свою систему и его противник Гераклит, допуская, что мир периодически испепеляется в огне (огонь есть непрерывное самоуничтожение); физика Гераклита была основой стоицизма, придворного философского учения пергамских царей. Конечно, философская наука, учение о всемирном сожжении, принципиально отличалась от пророчества Сивиллы о роке, висящем над городом; рок можно умилоствить с помощью астрологии, которая после перенесения на греческую почву пустила глубокие корни и породила многочисленные, прекрасные ростки...

— И хочется вам слушать подобные греческие бредни!

Такие гневные возгласы раздавались все громче из уст *Марка Порция Катона*, наиболее достойного деятеля той эпохи. Родом из Тускула, латинского города на Альбанской горе, давно пользовавшегося римскими гражданскими правами, Катон вел аскетическую жизнь; убежденный домосед и работающий хозяин, он мог бы прожить среди мелких домашних забот, если бы богатый сосед, патриций Луций Валерий Флакк, не склонил его к политической деятельности. Но в политике Катон встретил много трудностей: «новый человек» должен был пробивать себе то место, которое его аристократические соперники получали без труда. Такая жизнь сделала его язвительным и озлобленным. В качестве квестора он служил под началом консула Сципиона, прогреческие настроения которого были глубоко антипатичны староримской душе тускульского землевладельца; здесь и зародилась его ненависть к спасителю родины, которая через двадцать лет одержала невеселую победу.

Возвращаясь домой через Сардинию, Катон познакомился с отбывающим службу в тамошнем контингенте «союзников» молодым поэтом Квинтом Эннием и взял его с собой. Что вызвало такую симпатию, сказать трудно, но, разумеется, Катон тогда не предвидел, что в лице Энния он даст Риму наиболее влиятельного проповедника столь ненавистного ему филэллинизма. Ненавистен филэллинизм ему был по многим причинам; самая главная причина, которая и тогда и позже создавала врагов эллинизма, да, пожалуй, создает и сейчас, заключалась в его абсолютном незнании Греции. Греческий язык Катон изучил лишь к старости, поняв, что это необходимо и что иначе он не сможет узнать греческую литературу.

Во-вторых, филэллинизм являлся, так сказать, любимым коньком нобилитета, который «новому человеку» везде создавал препоны в карьере магистра. Его возмущало, что *nobilitas* старались льстить греческим «болтунам», что римскую историю пишут на греческом языке; действительно,

упоминавшийся выше перевод Фабия Пиктора получил многочисленных последователей. В пику им Катон решил (правда, это случилось позже) написать собственную римскую историю на латинском языке. Так возникло семь книг его «Происхождений» (Origines). Название дано по первым трем книгам. Небольшое с точки зрения охвата временного промежутка сочинение, как свидетельствуют сохранившиеся фрагменты, оказалось весьма ценным по своему содержанию. Конечно, одно обстоятельство сильно мешало Катону: говоря о триумфе римского оружия, ему приходилось прославлять всех Корнелиев, Фламиниев, Клавдиев, то есть тех, кого он так ненавидел. Но Катон решил эту проблему и вообще не упоминал никаких имен: выиграл битву «римский полководец» и все...

В-третьих, расчетливый и умеющий считать прибыль хозяин с возмущением наблюдал, как все эти патриции под влиянием идеи филэллинизма затевали заморские войны, проливали италийскую и римскую кровь, а потом заключали мир безо всякой пользы для Рима. Вот и Сципион Африканский оставил Карфаген нетронутым, а больше заботился о Масиниссе, чем о римском народе, которому африканское зерно очень бы пригодилось. Так же поступил потом Фламинин с Филиппом, Сципион «Азиатский» с Антиохом... получалось, что римский народ посылал их вести войны в интересах ахейцев и Эвмена, а не собственных.

В-четвертых, воспитанник суровой, хоть и бесцветной римской религии не мог равнодушно смотреть, как под влиянием филэллинизма древние римские боги, боги Нумы Помпилия, отступали на второй план перед чужими божествами, пришедшими частично из эллинизированной Этрурии, частично из эллинизированных городов Италии, а частично из самой Эллады и даже с Востока. Зло началось с Этрурии. Ведь Ромул и Нума, создавая институт авгуров, указали, как следует молить бессмертных богов; так зачем же эти патриции при каждом удобном случае приглашают этрусских «гаруспиков» для чтения непонятных рисунков желудка жертвенных животных? Можно себе представить, как эти шарлатаны в душе издеваются над бездумным доверием нобилитета Рима их лживой науке: «Удивляюсь, как может гаруспик без смеха смотреть на другого гаруспика». Это, конечно, еще пустяки, по сравнению с разрушительной деятельностью греческих культов, введенных патрициями на принципах Сивиллиных книг. Повсеместно староримские обряды уступают место не только греческим, но хуже всего — восточнгреческим; начали с Аполлона и Деметры, а закончили (пока?) фригийской Матерью Богов с ее отвратительным для римской души калечением жрецов. Но «она — троянская богиня, а Троя — мать Рима». Да, много выгоды принесло нам это материнство! Из-за него на всех углах кружат вороны и пророчат «палатки на Форуме», скорое уничтожение нашей родины!

Катон был хорошим оратором, хотя и без греческой школы; он сжато, со староримской жесткой логикой, следовал своей любимой поговорке «Овладей содержанием, а слова найдутся (*rem tene — verba sequentur*)».¹ Он первым издал свои выступления, которых к концу жизни накопилось около ста пятидесяти; естественно, влияние Катона было огромно, множество людей староримского кроя, противников филэллинизма, собирались его послушать. Поддержка эта помогла ему стать претором в 198 году, и вместе со своим покровителем, Флакком, он получил консульство в 195. Катон уже был претором в Сардинии и там много сделал для ослабления влияния ростовщиков. После консульства он управлял Испанией и там храбро сражался с местными племенами, не желавшими признать римскую власть, за что и получил триумф. Вскоре потом началась война с Филиппом, и мы помним, что именно он, военный трибун в армии Глабриона, помог последнему блистательным обходом врага победить под Фермопилами; затем Катон выступил в качестве свидетеля обвинения против бывшего командующего и вынудил того отказаться от кандидатства на цензора. Катон стал душой борьбы трибунов против патрициев, особенно Сципионов, которых с упорством, достойным лучшего применения, преследовал в течение следующего десятилетия, вплоть до того момента, когда должна была решиться судьба римского государства.

В эти беспокойные дни получили широкое распространение различные тайные секты, приобретавшие многочисленных сторонников. Одна из них, по-видимому, наследница разгромленного ордена пифагорейцев и укрепившаяся в суверенной Этрурии, теперь перебралась в Рим. Как и пифагорейский союз, эта секта имела сильно выраженный политический характер. Ужасающее предзнаменование давало членам секты надежду, что поскольку после победы над Антиохом внешнего врага уже нет, то после страшного дня «палаток на Форуме» старый Рим падет во всепоглощающем предродовом огне. О тайной секте было известно лишь то, что ее члены на тайных собраниях прославляли Вакха, потому и собрания назывались «вакханалиями». Что именно происходило на этих вакханалиях, никто, конечно, знать не мог, но, как обычно бывает с тайными обществами, народная молва приписывала им все кошмары, доступные человеческому воображению: безграничное пьянство, противоестественное распутство, подготовку различных преступлений против граждан и государства.

Как бы то ни было, но секта оставалась нераскрытой, и этому не приходится удивляться: сицилийская мафия яркий тому пример в наше время. На след секты навел случай, грустная история одной разбитой семьи. Мать

¹ Выражение принадлежит Юлию Виктору (IV в.), «Наука риторики», I.

вдова, сын подросток, вторичное замужество, знакомство брошенного сына с некоей, казалось бы, вполне добропорядочной красавицей тогдашнего Рима, желание отчима избавиться от ненужного пасынка, согласие матери, — наконец — ее требование посвятить сына в вакханалии.

Юноша пришел к своей подружке.

— Мы не можем видеться десять дней.

— Почему?

— Мать собирается посвятить меня в вакханалии...

Крик удивления: «Ты знаешь, что это такое? Прощай честь, здоровье, жизнь!»

Испуганный юноша ищет совета у знающих людей, постепенно обо всем узнают консулы, оба из партии Катона. Хватают парня, девушку, признания обоих наводят, наконец, консулов на след заговора. Он оказался очень разветвленным и чрезвычайно опасным; пришлось провести специальное расследование под руководством консулов, получивших особые полномочия, чтобы обезвредить участников. Схватили ни много ни мало, а семь тысяч человек, большинство из которых приговорили к смертной казни. Но этого было недостаточно, потому что после раскрытия римского гнезда стали известны еще различные отделения, и после римского расследования наступили итальянские суды, количество жертв росло и росло, а пугающий год неотвратно приближался.

Наступил 184, предпоследний до страшного предзнаменования год. Учитывая настроения среди народа, вполне естественно, что цензорами были избраны Катон и Валерий Флакк, его покровитель и коллега по консульству. Оба цензора действовали чрезвычайно сурово. Катон, воспользовавшись полученной возможностью, удалил из сената ненавистных патрициев, и среди них Луция Фламинина, брата победителя у Киноскефал (197). Конечно, сам Луций был достаточно известен, помогая брату, он оказал стране весьма значительные услуги, но теперь Катон исключил его из сената. Наступил день театральных представлений, сенаторы заняли свои места, а Луций Фламинин вынужден был искать место среди толпы зрителей. Такое унижение и покорность потрясло народ, и по единоголосному требованию бывшему сенатору возвратили прежнее место хотя бы на время зрелища.

Наконец наступил год предназначения, 183-й. Что принес он? С чего начнется уничтожение? Год как год; правда, умер главный жрец (Pontifex maximus), Публий Лициний Красс. Кончина таких людей всегда вызывает среди населения смешанные чувства — с одной стороны, жаль терять достойного человека, с другой — тризна по сановнику такого ранга может быть обильной, ведь Великий понтифик! Духовный глава Рима! Конечно, поминовение было великолепным: сначала битвы гладиаторов (с этим

жестоким развлечением мы еще встретимся),¹ затем, в течение трех дней другие игры, а потом праздник для всего народа. На Форуме устанавливались так называемые «триklinии», три скамейки вокруг каждого стола, на столе — мясные блюда и прочие лакомства, конечно же, вино. Как назло, день случился ветреный; видимо, от излишнего усердия строителей, для большего удобства участников, вокруг триklinиев поставили палатки. Разумеется, это сразу заметили. «Палатки на Форуме?!» — с восторгом кричали присутствующие... Пророчество исполнилось и перестало пугать град Ромула.

Катон удивлялся, как могли гаруспики «смотреть друг на друга без смеха»; но мы бы не удивились, если бы история сохранила нам рассказ о том, как в тот день оба цензора, Катон и Флакк, проходя по Форуму, улыбались многозначительно друг другу.

45

ЭМИЛИЙ ПАВЕЛ

После тревожного для Рима года наступило десятилетие тишины. Конечно, на границах государства не прекращались мелкие столкновения, на севере восставали лигуры (около Генуи) и галлы; народы глубинной Испании постоянно беспокоили римские провинции. Римским консулам и наместникам подобные непорядки были на руку, они давали им повод посылать в сенат обширные послания о своих победах и требованиях триумфа.

Но самым важным занятием сената, помимо внутренних вопросов, было рассмотрение жалоб царьков и восточногреческих общин. И это было вполне естественным: именно так Фламинин и его сторонники понимали роль Рима на Востоке, когда требовали установления мирного протектората над свободными государствами. Жалоб было слишком много, фессалийцы требовали помощи против Филиппа, ахейцы считали, что их недостаточно вознаградили за помощь Риму, жители Родоса возмущались занятием Эвмена признанной за ними малоазиатской границы и т. д. Надо сказать, что сенат весьма терпеливо рассматривал все жалобы, отправлял на места послов, стараясь все проблемы решить мирным путем. Но для противников филэллинистической политики здесь было много материала для их атак.

Однако более грозным, чем эта шумная, но по сути достаточно безвредная ссора, оказалось то, что готовилось в тишине и тайне.

¹ О гладиаторах см. подробнее: *Зелинский Ф. Ф.* Римская Империя. СПб., 1999.

Филипп Македонский с исключительной тщательностью, против которой ничего нельзя возразить, выполнил свои обязательства в войне Рима с Антиохом; неизвестно, делал ли он это из соображений чести или хотел отплатить своему неверному союзнику, который покинул его в войне с западным владыкой. Римский сенат не остался в долгу, простил оставшуюся часть контрибуций и освободил его сына, молодого царевича Деметрия, который прежде был взят в заложники. Но именно это и стало началом семейной трагедии, отравившей последние годы правления македонского царя.

Филипп имел двух сыновей. Старшим был Персей, но его права на трон могли быть оспорены, поскольку его мать не была законной женой Филиппа; законным считался младший Деметрий. Естественная в такой ситуации ненависть между братьями усиливалась их политической несхожестью. Филэллинистическая знать во главе с Фламинином получила в лице Деметрия горячего сторонника Рима; естественно, что в Риме не скрывали желания увидеть на троне именно его. Персей же, стараясь разжечь ненависть отца к Риму, умело пользовался проримскими симпатиями брата, чтобы очернить его в глазах Филиппа. С этой целью ему удалось использовать возникшую на вечеринке ссору, во время которой Деметрий якобы покушался на его жизнь; он довел подозрительность царя до такой степени, что тот стал опасаться за свою жизнь.

Страшная развязка этой воистину македонской трагедии наступила в связи с одним фантастическим путешествием Филиппа. Ему не давала покоя мысль о Ганнибале и его смелом походе из Испании через Альпы в Италию. Марш по суше от границы Македонии до Дардании (нынешней Сербии) и через Альпы на венецианскую территорию вполне возможен... Неужто возможен? И чтобы убедиться в этом, Филипп предпринял поход на самую высокую гору Балкан (античное название — Гем, горная цепь сев. Македонии и Фракии. — *Н. П.*), с которой, как рассказывали, открывается вид на Адриатическое и Черное моря. Филипп направился туда с обоими сыновьями, три дня длилась эта интересная «экскурсия», итогом которой было, конечно, полное разочарование. И все-таки Филипп не отказался от трансальпийского похода; но для обдумывания плана римские симпатии его младшего сына были только помехой, и он отослал его назад в столицу, Пеллу. Этим решил воспользоваться Персей. Он успел разузнать от близких Деметрию людей, что тот, опасаясь за свою жизнь, задумал бежать в Рим; естественно, что подобную «измену» он представил Филиппу в соответствующем свете. Более того, он подделал письмо Фламинина к брату и тоже показал отцу. При помощи подобных подлогов ему удалось убедить несчастного царя в том, что благо государства и успех задуманной операции требуют устранения Деметрия. По дороге

в Пеллу начальник сопровождающего Деметрия отряда, стратег Пеоний Дидас, по приказу Персея и с согласия Филиппа дал ему яд.

Еще одно братоубийство в кровавой хронике македонских царей — ничего удивительного. Но друзья Деметрия сообщили царю, что его законный сын невиновен. После такого открытия Филипп не мог считать сыном Персея. Он приблизил к себе племянника, Антигона, а Персей счел за лучшее удалиться. Тем временем Филипп начал представлять городам и войску Антигона в качестве наследника; но его настигла неожиданная смерть... Естественная? Кружили различные противоречивые слухи. Так или иначе Персей немедленно занял трон отца (врач Каллиген очень быстро сообщил о смерти Филиппа), и одним из первых его действий было отправить и двоюродного брата вслед за родным.

Как мы видим, вступление на трон Персея вместо Деметрия означало неудачу римской политики на Балканах. С этой минуты все недовольные римским протекторатом видели в македонском царе своего естественного вождя. Если бы Персей оказался более дальновидным и умелым политиком, он смог бы создать сильную восточнореческую коалицию против Рима, хотя и без этого он располагал достаточно значительными силами.

Еще Филипп сосредоточил в Пелле большие сокровища, на которые можно было долго содержать наемное войско, а наемников, и прекрасных, поставляла Греция и галльские государства во Фракии. Не менее значителен был запас зерна и вооружения; оставалось только умело этим управлять, не жалеть средств в решительную минуту — вот этим умением Персей и не обладал. Его способности не выходили за инсценирование разбойных заговоров, впрочем, и они не всегда удавались; он, в частности, пытался организовать покушение его приятеля Эвандра на Эвмена, приехавшего в Дельфы для жертвоприношения. Персей не только не достиг своей цели, а опозорился на всю Грецию как святотатец. Вел он себя крайне бесцеремонно, беспрестанно нарушая соглашения, заключенные его отцом с Римом. Рим долго не хотел использовать силу; но Персей по-прежнему оскорбительно относился к его, Рима, союзникам и пришлось объявить войну. Так началась Третья Македонская война (172–168).

Насколько эта война была некстати для Рима, свидетельствует абсолютная его неподготовленность. Римский посол Марций Филипп вынужден был прибегнуть к хитрости и склонял македонского царя заключить длительное перемирие, чтобы дать Риму необходимое для подготовки время. Марций очень гордился своим умением, но похвалы в сенате не дождался. «Ты поступил умно, — говорили ему, — но не по-римски». Да и приготовления не очень помогли. Снова приходится вспомнить о римских республиканских законах: командование во время войны доверялось

только старшему магистрату (обычно консулу), избиравшемуся на один год. Кого народ выбирал консулом, того и посылали на войну, независимо от военного таланта. Поэтому совершенно естественно, что такой полководец, как Персей, имел больше шансов на победу, потому что с молодых лет он находился в армии, руководил ею не один год, а всю жизнь.

Наступил первый год войны, римское войско было разбито. Во втором году опять ничего не добились; в третьем — консулом стал сам Марций, который проявил большую смелость и провел войско крутыми тропинками через Олимп. Он окружил Персея, но тот вовремя отступил и занял недоступный перешеек на юге от Пидны (ок. Термейского залива); военные действия прекратились. Все это крайне отрицательно сказывалось на армейской дисциплине. В союзнических городах правительственные чиновники своими злоупотреблениями дискредитировали авторитет Рима и вызывали среди населения недовольство и ненависть. Разве это мирный, по замыслу Фламинина, протекторат? Солдаты, видя никчемность высшего руководства и алчность чиновников, умело использовали ситуацию, критикуя одних и азартно следуя за другими. Городская чернь, не видя побед, жадно слушала невообразимые сплетни, страстно осуждала деятельность командования и предлагала собственные стратегические планы.

Стало очевидным, что так дальше продолжаться не может; для того чтобы одолеть Персея, нужен не первый попавшийся новичок, а зрелый и опытный полководец. Нобилитет убедился, что необходимо провести на выборах в консулы кого-нибудь из испытанных вождей старшего поколения, одного из тех, кто уже был консулом. Выбор остановился на Л у ц и и Э м и л и и П а в л е.

Это имя мы встречаем не в первый раз, читатель не забыл «расточителя великой души», который не хотел пережить поражения Рима под Каннами. Это — отец нашего Эмилия; его старшая сестра, тоже Эмилия, была женой великого Сципиона, о ней мы уже говорили. Но близкое родство с победителем Ганнибала не помешало ему заключить столь же тесный союз с самым заядлым врагом: одну из своих дочерей он выдал за Марка Катона, сына сурового цензора 184 года. Сам он был отцом счастливого семейства: жена его, Папирия, родила ему двоих сыновей, весьма способных юношей. Тем не менее Эмилий счел уместным развестись с Папирией, жениться на другой, которая также родила ему двух сыновей. В них он видел дальнейшее продолжение своего рода, а старших отдал для усыновления двоим бездетным приятелям, как и он, патрициям: первого — Фабию Максиму, второго — сыну Сципиона Африканского, своему родственнику и ровеснику. Оба проявили себя достойно, но позже мы в нашем повествовании встретим лишь второго, который носил фамилию при-

емного отца, а имя родного унаследовал в качестве прозвища; это был Корнелий Сципион Эмилиан. Но вернемся к его отцу.

Тогда Эмилию было около шестидесяти лет. Первый консульский срок он с честью провел на войне с лигурами, командуя восьмитысячной армией против пятикратно превосходящего его врага. Благодаря умелым стратегическим действиям он оттеснил лигуров к укрепленным городам и вынудил капитулировать. Затем предложил мир на весьма мягких условиях, забрав лишь суда, которыми противник пользовался для пиратских нападений по всему побережью Средиземного моря вплоть до Геракловых столбов. Основой успехов явилась установленная в армии железная дисциплина, но она же и ослабила обаяние сурового патриция среди простого народа. После истечения необходимого десятилетнего перерыва он выставил свою кандидатуру второй раз, но не получил большинства голосов. Эмилий вернулся к семейной жизни и с азартом занялся воспитанием горячо любимых детей. Филэллин, по примеру Фламинина, Сципиона и других патрициев, он пригласил для своих детей греческих учителей, не только по литературе и философии, но и живописи. В таких условиях вырос новый вождь римского народа Сципион Эмилиан.

Нобилитет теперь постановил провести на консульство именно Павла Эмилия, прекрасно понимая, что возвращение утраченной дисциплины является не только обязательным условием успешного ведения войны, но и успехом для самого государства. К счастью, и народ это понял. Павел стал консулом на 168 год. Прежде чем отправиться в армию, он собрал народ и обратился к нему с жестким напоминанием:

— Удивительные вещи я заметил во время войны. Не было ни одного кружка, ни одной вечеринки, где бы ни встречались умные люди, прекрасно знавшие, как следует вести армию в Македонию, где разбить лагерь, в каких местностях разместить гарнизоны, продовольственные склады и т. д. Мало того, что они все это знают, но как только что-либо сделано не по их разумению, они немедленно требуют консула явиться к ним с разъяснением, словно перед судом. Для нас, ведущих войну, это — большая помеха, не все столь равнодушны к мнению людей, как великий Фабий, готовый отдать на растерзание свое доброе имя, чем, спасая его, подвергнуть страну опасности. Это не значит, что я буду сторониться критики, наоборот, я требую ее, но пусть это будет критика людей, знающих суть дела. Поэтому если среди вас есть люди, считающие, что могут давать полезные для дела советы, — милости прошу к нам на суда, в армию, в Македонию. Те, кому милее мирные условия города, пусть не руководят с суши моим кораблем и наслаждаются пищей городских сплетен. Перед лицом врага нам не нужны их советы.

Обычная, но трудная дорога из Италии в Македонию вела по морю до Эпира, затем через горы в Фессалию. Через пять дней после отъезда из Брундизия Павел уже был в Дельфах, где не преминул принести жертву Аполлону, еще через пять дней он оказался у подножия Олимпа среди ожидавших его легионов. Появление уважаемого старика, преемника молодых консулов минувших лет, произвело впечатление на безнаказанных солдат. Павел нашел нужные слова для них:

— Руководство военными действиями — прерогатива полководца и созданного им военного совета. Солдат должен заботиться о трех вещах: о силе и здоровье своего тела, о состоянии оружия и о запасе пропитания для исполнения неожиданных приказов. Остальное он должен доверить бессмертным богам и своему руководству.

После его выступления даже старые солдаты признали, что впервые поняли, что такое долг солдата. Третью и, по-видимому, наиболее жесткую речь Павел произнес в главном штабе, в своей «когорте», откуда назначались уполномоченные для союзнических городов; но о ней, конечно, не осталось никаких следов в исторических хрониках.

Павел быстро перешел от слов к делу. Персей с 43 000 солдат по-прежнему стоял на юге от Пидны на удобной для него позиции, загоразивая дорогу в Македонию; менее многочисленная римская армия стояла практически там же, южнее македонян. Фланги обеих армий упирались в Олимп с одной стороны и в море — с другой. Следовательно, ситуация могла долгое время не меняться, но время работало скорее на Персея, а горячим грекам казалось, что Рим не в состоянии закончить объявленную им войну; необходимо было немедленно нанести удар, и Павел сумел это сделать.

Он послал отряд в 8 000 солдат под руководством своего племянника, молодого Сципиона Назики, чтобы обойти Олимп с юга, затем с запада, севера и востока; в назначенный день Назика должен был оказаться в тылу у Персея. Маневр блестяще удался, и Персей, который всегда терял голову в неожиданных ситуациях, покинул свою прочную позицию в узком проходе и отступил к Пидне. Павел, разумеется, бросился за ним; оба противника опять заняли позиции друг против друга, разделенные небольшой речкой с крутыми берегами (р. Левкос). Пылкий Назика на военном совете требовал немедленного сражения.

— Я тоже требовал бы, если бы был в твоём возрасте; и ты, когда проживешь столько, сколько я, поймешь, что именно теперь принять бой нельзя, — спокойно возразил ему Павел.

Солдаты устали, им необходим отдых, но Павел руководствовался не только человеческими соображениями; благочестивый государственный деятель начал военный поход с торжественного жертвоприношения в Дель-

фах, он чувствовал обращенный на него взгляд Зевса и ничего не хотел предпринимать без его благословения. Жертва за жертвой ложились на алтарь, уже около двадцати быков были заколоты, но греческий жрец все еще не обещал успеха, наконец, после двадцать первого удача гарантировалась, но только в оборонительном бою.

В это время, то есть в три часа дня, неприятельский конь вздумал переплыть реку, и несколько фракийцев из форпоста Персея бросились за беглецом; но тут их встретили римские солдаты, которые выступили в защиту нового союзника. Крик, смех, драка. Фракийцы, видя, что их земляков бьют, побежали на подмогу и встретились с римской пехотой. Постепенно все левое крыло Персея (сам он командовал правой фалангой) оказалось на римском берегу. Произошло то, чего хотел Павел, — оборонительное сражение. Римляне отошли к лагерю, и наступающий левый фланг неприятеля оказался окруженным тяжелой пехотой легионеров. Пришлось отступить, сначала медленно, потом в беспорядке, наконец в панике; ряды фаланги разорвались, и римские манипулы бросились в образовавшиеся интервалы. Разбив левый фланг, легионы столкнулись с отборной силой войска Персея — фалангистов с сариссами, но общий план битвы оказался разрушенным глупым случаем, и римляне приобрели уверенность в победе.

Наступление римлян было приостановлено сариссофорами; увидев это, Сальвий, командующий самнитским отрядом пелигнов, бросает штандарт прямо в гущу врага. Отдать знамя — несмылаемый позор, пелигны все как один бросаются на сариссы и все до единого погибают. Павел, находившийся в передних шеренгах, в отчаянии разрывает на себе плащ, понимая, что боги не хотят дать ему победу. Римляне опять отступают, ближе всех находится Марк Катон, зять главнокомандующего, он отважно рубит мечом, но какой-то солдат неожиданным ударом выбивает меч из рук. Вернуться без меча?! Немыслимо!! Катон знаками показывает своим о случившемся. К нему подбегают несколько смельчаков, и все вместе снова бросаются на фалангистов. Натиск врага задержан, Катон находит среди трупов свой меч, поднимает его, солдаты приветствуют его криками радости. Фаланга дрогнула, легионеры бросаются в образовавшуюся брешь, рубят направо, налево, легионеров больше и больше, и вот, наконец, центр македонян не выдерживает и бросается в бегство.

На правом крыле стояла македонская конница и до сих пор не принимала участия в сражении; теперь, когда пришла и ее очередь, она не сочла нужным решительной атакой предотвратить поражение. Видя поражение пехоты, она стала уходить, но теперь ярость отступающих фалангистов обратилась против конницы. Пехотинцы бросались на всадников, стаскивали с коней, избивали. Вражеское поражение стало еще более

позорным. Поле битвы было усеяно двадцатью тысячами трупов, Белая река (Левкос) стала красной от крови, с римской стороны погибло всего сто человек, почти все — пелигны. Наступил вечер. При свете факелов римляне искали и находили смельчаков, отправившихся в погоню. Каждый подходивший отряд увеличивал радость победителей — не хватало одного, сына командующего, молодого Сципиона. Неужто Немезида потребовала себе такую жертву за одержанную победу?! Нет... пока еще нет — вот и Сципион, он слишком далеко ушел во время погони и потому вернулся последним.

Персей бежал, он достиг Пеллы, там забрал семью и сокровища и, воспользовавшись свободным морским путем, доплыл до Самофракии, сопровождаемый немногочисленными родственниками и придворными. Самофракия — священный остров, дававший право убежища; здесь издавна совершались те самые тайные обряды, которые, согласно преданию, Язон возобновил на о. Лемнос, мистерии божеств, ведавших плодородием и мореплаванием. Греки их отождествляли со своими Диоскурами. Итак, святыня давала убежище; и Персей появился там, прося об убежище для себя и своих родных.

Но право убежища не дается преступникам, а таковым был... царь-братоубийца! Македонская история была достаточно темной, и пусть она остается тайной богов и царя, но вся Эллада прекрасно знала о покушении в Дельфах на Эвмена; исполнитель покушения, Эвандр, находится в царской свите. Но только ли в нем дело? Вопрос можно легко решить, правда, чисто по-македонски: блеснул кинжал — и Эвандр мертв. Помехи больше нет! Вздروгнули жрецы: можно ли преступлением смыть преступление? Павел, как помним, был человеком набожным, он уважал даже сомнительное право убежища и поэтому потребовал только, чтобы «богомольцу» воспрепятствовали побег. Но данный богомolec очень богат, он сумел сохранить свои сокровища и с легкостью нашел смельчака, согласившегося перевезти беглеца во Фракию, к царю Котию. Когда Персей расправился с Эвандром, остальные придворные оставили царя и его семью. Наступил назначенный вечер, сначала на судно перенесли царские сокровища, а потом... Потом парусник неожиданно поднимает якорь и оставляет царя с семьей на пустынном берегу.

Последняя неудача окончательно сломила Персея, и он направил Павлу письмо: «Приветствие от царя Персея...» Письмо возвращается обратно. «От царя»? Какого? Пишет второе: «Приветствие от Персея...» Теперь можно принять, победитель в милостивых выражениях приглашает его к себе в штаб. Персей приходит и, забыв о всяком достоинстве, бросается вниз лицом к коленям Павла.

— Встань, — гневно кричит тот, — не унижай мою победу!

Битва при Пидне была полной победой. Чтобы собрать ее плоды, сенат, в соответствии со старыми обычаями, отправил к Павлу десять послов из своего состава. Принцип Фламинина оставался в силе, и Рим не захватил ни пяди земли на Балканах. Македония была разделена на четыре изолированные самостоятельные республики; царский дом, ведущий свой род от Геракла, в лице последнего потомка, Персея, навсегда был отстранен от власти. Подать, которую Македония платила царю, уменьшили в два раза, и она теперь выплачивалась Риму, в римскую казну. Иными словами, македонские республики превратились не в провинции, а в вассальные территории, это была новость. Особое внимание было обращено на те государства, которых Персей пытался склонить на свою сторону, в частности, на ахейцев, союзников его деда, Антигона. Номинально они сохранили самостоятельность, но «подозрительные элементы», около 1 000 человек, стали заложниками, в том числе и сын их стратега Ликорта, замечательный в будущем историк Полибий. Видимо, многие из них вспоминали теперь слова предшественника Персея на македонском троне, сказанные их отцам тридцать лет назад: «Римский владыка заставит вас пожалеть о союзнике Филиппе!» Не только они, но и Эвмен, и жители Родоса почувствовали, что после македонского разгрома все они перестали быть нужными Риму.

Теперь победители могли вернуться домой, где их ждал заслуженный триумф. Заслуженный, но все-таки сомнительный, потому что личные враги Павла старались настроить против него солдат, якобы недовольных суровой дисциплиной. Триумф ему признали, но празднование было омрачено несчастьем в доме триумфатора: из двух младших сыновей, которых он оставил при себе как наследников своего имени, один умер за пять дней до торжества. Несчастный старик вынужден был преодолеть свою скорбь и с радостным лицом предстать перед богами и народом. В процессии перед колесницей триумфатора шагал побежденный и взятый в плен царь со своими детьми — таков был извечный, жестокий обычай, которого Павел изменить не мог; он довольствовался тем, что от него не требовали, согласно традиции, убийства узника в темнице после праздника. Персей знал об этом; испив до дна чашу унижения, он молил Павла подарить ему хотя бы последнюю муку... Но получил холодный ответ:

— Это в твоей власти, не в моей.

Персей понял ответ, но рука, которая недавно поднялась на Эвандра, на этот раз подвела.

Празднество длилось три дня. Весь путь процессии, цирк между Авентином и Палатином, затем Форум и ведущая на Капитолий Священная дорога с обеих сторон были уставлены помостами, на которых толпился народ; все храмы открыты, везде горели лампы и звучали молитвы.

В первый день перевозили предметы искусства, принадлежавшие царю, знати и городам Македонии. К несчастью, этот обычай, введенный Марцеллом после захвата Сиракуз полвека назад, сохранился, и на двухстах пятидесяти возах везли мраморную и медную скульптуру, барельефы и картины. Скоро они украсят колоннады и храмы Рима, а пока пусть народ посмотрит на самую ценную часть добычи.

Во второй день римлянам показывали добытое у врага оружие, уложенное на многочисленных боевых колесницах; несмотря на внешний беспорядок, вид его производил внушительное впечатление своей живописностью и необычностью. Вся эта масса из-за неровности дороги издавала лязг и звон. После оружия наступила очередь неисчислимого количества серебра, в слитках и обработанного, замечательной посуды, украшенной фигурами и рисунком.

Но самым торжественным был третий день. Во главе процессии шли трубачи, исполнявшие военные сигналы. За ними вели сто двадцать быков с позолоченными рогами, украшенных венками и гирляндами — для жертв Юпитеру Капитолийскому. Далее шли одетые в парадные одежды слуги с жертвенными чашами, потом — юноши, несущие золотую чашу, пожертвованную Павлом Юпитеру, огромную, тяжелую, усыпанную драгоценными камнями... Очевидно, знатоки предпочли бы другие, меньшие чары, также золотые, которые несли за первой — изделия античных мастеров эпохи Антигонов и Селевкидов. Но вот среди шума восхищения раздается громкий крик: появляется колесница Павла, за ним несут его оружие, царскую диадему и, наконец, душераздирающее зрелище — маленькие дети побежденного царя, заплаканные, не понимающие происходящее, но ощущающие его тяжесть: два мальчика и девочка. За ними шел сам царь, их отец, достойный жалости в своем унижении, которое предпочел самоубийству. На Персея, правда, мало обращали внимания, вид его заплаканных детей помимо воли вызывал слезы на глазах собравшихся.

— Вот пример изменчивости счастья!

— Чьего?

— Разумеется, побежденного, царя Персея!

— А не того ли, кто едет за ним?

— Как?! Победителя?

На золоченой колеснице появился триумфатор, старик в лавровом венке. Кто же счастлив более, чем он? Даже солдаты, идущие за ним, поют веселые песни, чтобы смягчить ревность божества.

— Но почему он один? Почему сыновья не сопровождают его, как полагается по традиции?

— Он одного на днях похоронил...

— Одного, а где второй?

Триумф закончился. Персея выслали на поселение в Альбу Фуцинскую, где он прожил несколько лет; дети его вели частную жизнь, ими история не интересуется. А триумфатор после священного жертвоприношения снял лавровый венок, плащ полководца и вернулся как обычный гражданин к скорбному ложу своего младшего, последнего сына. Немезида в полной мере вернула себе долг: трехдневный триумф лишь отделил одни похороны от других. И когда потомки хотели представить неумолимую изменчивость Фортуны и ее жестокие игры, что переплетают между собой траур и триумф, они вспоминали Луция Эмилия Павла.

46

МАККАВЕИ

В то время как Рим обрел равновесие после напряжения Третьей Македонской войны, на Востоке происходили события, внешне столь незначительные, что современная им греческая историография не считала нужным даже о них упоминать. Для нас эти события, однако, чрезвычайно важны.

Напомним, что Антиох Великий, заключая мир с Римом после поражения под Магнесией, обязался отдать в качестве заложника своего младшего сына, тоже Антиоха. Сам он вскоре был убит, его трон унаследовал старший сын, Селевк IV Филопатор, слабый и не способный для активных действий человек. Все эти четырнадцать лет младший Антиох находился в Риме, вращаясь, разумеется, среди знати; традиционный роду Селевков филэллинизм усилился в нем еще более благодаря тому, что он слышал в римской среде. Смерть брата в 175 году открыла ему дорогу на трон. Рим охотно выразил согласие, зная о дружеских чувствах юноши. Антиох вернулся на родину, став горячим сторонником всего греческого. Проезжая через Афины, он увидел прекрасный фундамент основанного еще тираном Писистратом почти четыреста лет назад храма Зевса Олимпийского. Задача показалась ему достойной его имени, и он выделил средства на дальнейшее строительство; закончил, правда, не он, а триста лет спустя цезарь Адриан.

Крайний филэллинизм — одна из черт характера Антиоха Эпифана, «Прославленного», «видимого бога», как называли его в соответствии с сирийской тенденцией обожествлять царей. Другая черта — это страстное желание вернуть и расширить державу своего отца. Время способствовало таким намерениям. В Египте умер Птолемей V Эпифан, муж Клеопатры I, сестры Антиоха; под опекой вдовы остались двое сыновей и дочь, Клеопатра II, явление, впрочем, обычное. Один из сыновей Птолемея —

Птолемей VI Филометор был несколько симпатичнее, но другой, Птолемей Эвергет (фамильярно его называли Фискон — «толстяк»), несколько умнее; оба не отличались особым умом, но в Египте привыкли к подчинению и со стороны народа не ожидали возражений, тем более что Филометор в соответствии с местным обычаем женился на своей сестре Клеопатре. Сложности начал создавать их дядя, Антиох Эпифан, решивший воспользоваться ситуацией и под предлогом опекунства завладеть Египтом. Ему удалось склонить на свою сторону старшего сына. Но в это же время александрийцы провозгласили царем младшего. Антиох выступил против них с войском — в защиту прав старшего престолонаследника и достиг цели; братья помирились и таким образом лишили Антиоха повода для дальнейшего вмешательства.

Но Антиох не выпускал из рук своей добычи; Птолемеи обратились к главной опоре опекунства, к Риму, и римский сенат прислал для изучения сирийско-египетских дел одного из сенаторов, Гая Попилия. Со стороны Рима Антиох не ждал помех, он считал сенаторов своими друзьями еще со времени долгого пребывания в Риме в качестве заложника. Но римляне не любили шутить в государственных делах, и Попилий заявил царю о требовании сената вывести армию из Египта.

— Я подумаю над этим, — ответил Антиох.

Тогда Попилий — а дело происходило под открытым небом — начертил тростью вокруг царя круг и сказал:

— Прежде чем выйдешь из этого круга, дашь ответ, что передать сенату!

Потрясенный Антиох смиренно ответил:

— Я исполню волю сената.

Сирийская армия вышла из Египта, а «круг Попилия» стал нарицательным у потомков.

То настроение, в каком Антиох покидал Египет, легко возбуждает в человеке желание сорвать свою досаду на ком-нибудь. Этот «кто-нибудь» попался Антиоху по дороге из Египта в Антиохию, где в долине Иордана жил немногочисленный, но упорный народ, который словно сосредоточил в себе все, что было неприемлемо для души сирийского царя.

Историю иудеев мы знаем исключительно по их собственным хроникам и поэтому невольно смотрим на них их глазами. Антиох выразил желание узнать о своих подданных, и от советника он услышал такую информацию:

— Это странный народ, не похожий на остальных в твоём царстве. Живет в долине Иордана, еще с троянских времен. Царство этого народа, поначалу единое, постепенно распалось, большая часть стала называться Израилем, меньшая — Иудеей. Народы обоих государств попали в раб-

ство: израильтяне к ассирийцам, иудеи в Вавилон. В то время как Израиль погиб, растворившись среди окружающих племен, Иудея сохранила свою независимость и компактность до того момента, когда Кир, победитель Вавилона, позволил им вернуться к себе. С того времени Иудея вновь занимает долину Иордана, но уже без прежней компактности. Главный ее центр и оплот находится в долинах и в горах около Мертвого моря, здесь же и столица — Иерусалим. Южнее, тоже иудейская, но еретическая Самария, не признающая Иерусалим, далее на юг — языческая Галилея. Высшая верховная власть в Иудее принадлежит первосвященнику. Эти люди убедили себя, что их бог заключил с ними особое соглашение как с избранным народом; они приносят ему в праздничные дни жертвы всежжения, толпой ходят в Иерусалимский храм, не позволяют делать изображение своего бога. Три вещи отличают их от остальных народов. Во-первых, обрезание, во-вторых, строгое соблюдение шаббата, который празднуется в полной бездеятельности настолько, что даже во время войны их отряды не проводят военных действий, и, в-третьих, запрет употреблять некоторые продукты, поэтому и стал этот народ самым негостеприимным в мире, так как совместная трапеза невозможна. Сами они говорят, что это право дал им их бог для охраны от общения с идолопоклонниками (так называют они все прочие народы), что вело бы к забвению его завета. Видимо, их бог ошибся в своих расчетах: привлекательность нашей эллинистической жизни часто соблазняет их магнатов, олигархов и пр., поэтому они все чаще пренебрегают обрезанием и стараются быть похожими на нас. Еще несколько поколений — и с ними произойдет то, что произошло с лидийцами, карийцами, памфилийцами и многими иными, некогда варварскими народами, ныне эллинизированным населением. При разделе державы Александра Македонского они вместе с Сирией перешли под власть Птолемея. Тот обращался с ними хорошо и часть переселил в Александрию, где они забыли свой язык, приняли греческий и вынуждены были даже свои священные книги завета перевести на греческий. Твой отец, Антиох Великий, вместе с южной Сирией присоединил их к своему царству, и так они стали твоими подданными. Народ спокойный и, кажется, не воинственный, налоги платит регулярно и настаивает лишь на том, чтобы ему было позволено служить своему богу и с азартом спорить друг с другом о толковании его предписаний. Мой тебе совет — оставить его в покое.

Но Антиох ответил:

— У меня нет времени ждать несколько поколений, пока они растворятся в окружающем эллинистическом мире и станут такими, как все. Наша эллинистическая жизнь настолько лучше какой-либо иной, что мы окажем им только благо, если уже теперь приобщим к ней. Поэтому приказываю

внести в их храм статую Зевса, обрезание отменить, свитки с заветами отобрать и уничтожить, шаббат забыть и, если понадобится, то силой заставить употреблять те продукты, которые они по своей глупости считают вредными.

Царский приказ был исполнен.

Подобное безумие с тех пор совершалось много раз и безрезультатно. Увы, человечество не хочет пользоваться уроками истории, не осознавая, что введение силой религии, даже самой совершенной, является актом безнравственным и бесплодным. Действия Антиоха Эпифана стали таким примером, наверняка не первым, но для нас самым ранним.

Намерения его, видимо, были самыми благими, он был убежден в превосходстве эллинистической религии. Статуя Зевса Олимпийского перед жертвенным алтарем — разве существует что-либо более прекрасное для возбуждения религиозных чувств? Но иудеи не признавали образа бога в телесном, их религиозность существовала в ином русле, и великолепная статуя, творение вѣщей мечты великого Фидия, поставленная в Иерусалимском храме, стала для них олицетворением «мерзости». Обычай обрезания, который даже среди просвещенных иудеев порой вызывал насмешки и обречен был на исчезновение, теперь стал дорогим и священным. Угроза сотворила любовь — молчаливую в Иерусалиме, резкую и бунтовщическую в деревенских общинах.

В селении Модейна царский посланник, установив алтарь по греческому образцу, начал приглашать народ на жертвоприношение; один напуганный крестьянин хотел было пойти, но на него набросился старик, рьяный сторонник религии отцов, одним ударом он убил парня, другим — посланника, а третьим разрушил алтарь.

Это был Маттафий, отец пяти сыновей, его действие стало сигналом для восстания. Каждый, кому дорога была вера отцов, пошел за ним и его семьей в опаленные солнцем горы Иудеи, дававшие возможность защищаться даже от значительно превышающей силы врагов. По воле отца вождем стал самый сильный из пяти сыновей И у д а, прозванный М а к к а в е е м («Молот»). Это прозвище перешло и на его братьев, поэтому восстание, о котором идет речь, мы называем восстанием Маккавеев (166).

В традиции иудеев сохранились рассказы о многочисленных геройских поступках горстки молодых людей, которые умели превратить партизанскую поначалу борьбу в подлинную войну против многочисленных неприятельских войск; греческая традиция, однако, как упоминалось, об этом молчит. Окончательный успех Маккавеев оказался возможным благодаря счастливому стечению внутренних обстоятельств. Вскоре после того как вспыхнуло восстание, Антиох Эпифан погиб, после его смерти начались династические распри в роду Селевкидов, из-за чего Маккавеи,

поддерживая то одного, то другого претендента, могли обеспечить своей родине не только свободу культоуправления, но и более или менее полную политическую независимость.

Для нас особенно интересным в этом военно-дипломатическом хаосе является попытка Иуды Маккавея обеспечить стране протекторат Рима: «Иуда, — рассказывает о нем историк-иудей, — слышал о славе римлян, что те сильны и могущественны и принимают всех, кто к ним обращается. По отношению к друзьям и тем, кто им доверился, он, Рим, соблюдает договор; все, кто прослышан о них, опасаются римлян. И ни один римлянин не стремился к царской власти; они создали у себя совет и постоянно, ежедневно сто двадцать человек обсуждают все, что касается народа и его процветания. Каждый год одному человеку (это не совсем точно) доверяют верховную власть над собой и над всеми своими землями; все слушают одного, и не бывает меж ними ни зависти, ни ревности. Рим, — продолжает тот же историк, — милостиво отнесся к этой попытке (от Иуды. — *Н. П.*), но специальной помощи своему новому другу и союзнику не оказал». Любопытно выражение такой симпатии со стороны иудеев к далекому владыке на Тибре, симпатии, которой суждено было со временем превратиться в жестокое неприятие и ненависть.

Гораздо больше, чем Рим, Маккавеям помогли упоминавшиеся внутренние раздоры среди Селевкидов. После военных успехов Иуды Маккавея, закончившихся его гибелью на поле брани, наступили успехи дипломатические; брат Иуды, Йонатан, был утвержден верховным жрецом (первосвященником) в Иерусалиме (153). Это был важный шаг, но не последний в достижении независимости. Маккавеи стремились к полной самостоятельности своей родины и к полной своей власти. То и другое удалось достигнуть третьему брату, Симону, и он стал не только царем (династом) освобожденной Иудеи, но и получил возможность передать по наследству трон своему сыну; так он стал основателем новой династии, Хасмонеев.

Итак, на Востоке появилось еще одно царство. Государство это возникло на фундаменте ненависти иудеев вследствие навязывания им чуждой эллинистической религии; но когда давление ослабло, остыла и ненависть. Снова давала себя знать привлекательность эллинистической красоты; находившаяся между эллинистической Сирией и эллинизированным Египтом, окруженная венцом эллинистических городов, Иудея не могла долго противостоять действующему снаружи влиянию. Династия Хасмонеев со временем стала почти эллинистической; эллинистические нравы и обычаи проявлялись везде, начиная от царского двора, филэллины занимали влиятельные и почетные должности среди «учителей» иудейского народа. Правда, они встретили столь же сильное противодействие;

конец II века и еще более I век стал эпохой яростной борьбы эллинизма с иудаизмом. Но это была плодотворная и благородная борьба, она переходила из поколения в поколение и, разрастаясь, создала наконец ту почву, на которой расцвел в дальнейшем самый яркий цветок всей истории человечества.

47

«CETERUM CENSEO...» («А КРОМЕ ТОГО, Я ПОЛАГАЮ...»)

Как мы указывали, двадцатилетие после победы у Пидны (168) стало для Рима эпохой передышки и мирного расцвета. Конечно, мелкие столкновения и войны еще продолжались: галлы и лигуры на северных границах Италии, разбойничьи банды на Сардинии и Корсике, независимые племена испанских гор немало причиняли хлопот римским наместникам. Но эти войны велись, как правило, при помощи военных гарнизонов на местах и союзнических отрядов, а римский народ узнавал о них порой только по случаю триумфов отдельных командующих.

В это же время культурная жизнь в Риме текла, словно бурный поток; уже существовало два центра, ведущих между собой острую борьбу, хотя и смягченную личной дружбой их руководителей. Филлэллизм по-прежнему был популярен среди нобилитета; после смерти Фламинина главными его сторонниками стали Эмилий Павел и его племянник, ровесник и друг Публий Сципион, сын героя при Заме. Их дружба окрепла благодаря тому, что, как мы помним, бездетный Сципион усыновил старшего сына дяди, названного Сципионом Эмилианом. Наследник обоих отцов, биологического и юридического, он унаследовал и их филлэллизм. Вокруг него группировались самые выдающиеся представители литературы, как римляне, так и живущие в Риме греки.

Среди первых наше внимание привлекает прежде всего талантливый поэт К в и н т Э н н и й. Известно, что Катон привез его с Сардинии, где Энний, родом из Калабрии, служил в союзнических отрядах против карфагенян; он владел тремя языками: окским (т. е. самнитским), греческим и латинским, в связи с чем говорил о себе, что «у него три сердца». Какое для него значение имело окское сердце, мы не будем выяснять, но греческое дало ему возможность глубже, чем кому-либо до него в Риме, проникнуть в душу греческой поэзии; римское же сердце позволило ему передать то, что он чувствовал, на прекрасном латинском языке.

Катона постигло разочарование: Энний отошел от своего покровителя и присоединился к ненавидимому им эллинистическому движению. Поэтическая деятельность Энния была богатой и разнообразной; нам же

Энний. Мозаика из Тревира. III в. н. э.

в соответствии с его желанием достаточно оценить его как эпического поэта и драматурга — латинского Гомера и римского Еврипида. В духе первого написана историческая поэма «Анналы» (*Annales*), охватывающая историю Рима от основания города до последнего времени (т. е. до войн с Востоком. — *Н. П.*) и ограниченная, разумеется, событиями, которые можно было трактовать поэтически. Пример я привел выше, в связи с войной с Пирром. Энний в своем эпосе отказался от «сатурнова» стиха, который отныне был забыт, и перенес на римскую почву гибкий гомеровский греческий гекзаметр, который прочно утвердился в римском эпосе и дал толчок развитию латинского поэтического языка.

Не меньшими были его заслуги и как драматурга и трагика. Энний не стремился к творческой самостоятельности, а черпал из греческой сокровищницы; афинская тройка трагиков V века, а особенно Еврипид, указывали ему путь, которым можно смело идти, не опасаясь заблудиться. Трагедии Энния были по содержанию переделками греческих для римского театра, но задача представлялась весьма трудной. Следовало научить латинскому языку музу трагедии, добиться того, чтобы патетическая жалоба пророчицы Кассандры поразила сердца собравшейся в римском

театре римской публики. Энний этого достиг. Он возглавил римскую тройку драматургов-трагиков; вторым членом был племянник Энния, Марк Пакувий, третьим — Акций (Аттий), деятельность этих троих озарила П в. до н. э.: первый период римской литературы. Их произведения практически не сохранились, если не считать отрывков, но и то, что дошло до нас, с полным правом соответствует высокой оценке Цицерона «сеятелей эллинизма» в Риме Сципионов.

Будучи поэтом разносторонним, Энний писал и комедии, которые, правда, не очень ценились римской критикой. В этой области еще со времен Плавта установилась определенная «специализация»; продолжателем Энния был поэт П у б л и й Т е р е н ц и й, родившийся незадолго до смерти Плавта и умерший в молодом возрасте. Родился Теренций в Северной Африке, но по воспитанию был римлянин, по духу близкий Сципиону Младшему. Благодаря ему римская комедия еще более приблизилась к греческим оригиналам. Теренций не считал себя вправе переделывать драмы любимого Менандра на шуточные пьесы, он сохранял в них характер диалогов и не боялся потерять симпатию публики, привыкшей к ариям и дуэтам Плавта. Враги обвиняли его в том, что он пользовался услугами образованных друзей для стилистического приглаживания своих пьес; Теренций не пытался опровергнуть подобное мнение, оно, видимо было для него даже лестным. Все его шесть комедий сохранились до наших дней; Теренций умер молодым, но, судя по сохранившимся произведениям, можно говорить об огромном таланте писателя. Теренций и Плавт — это вдохновение и образец для будущих комедиографов.

Если условием оригинальности и своеобразия должно быть полное отсутствие заимствованных мотивов, то наиболее самобытным может считаться третий член сципионовского кружка, Г а й Л у ц и л и й. Он также не был знатным римлянином, но происходил из «муниципии» с правом римского гражданства из сословия всадников, поэтому занимал более высокое общественное положение, чем два предыдущих. Он мог ни с кем не считаться, создавая свои произведения, то есть мог стать сатириком. Сатиру изобрел не он (слово *satira* не находится в непосредственном родстве с греческим *satyros*, означает по-латински блюдо с различными плодами, всякая всячина); в поэзии — стихотворение смешанного характера; в таком невинном смысле писали сатиры и Невий, и Энний. Но творцом сатиры в современном значении, т. е. произведения обличительного и порицающего характера, был именно Луцилий. Плодовитый автор, беспечный человек, он откликался на любое событие в политической и частной жизни. Тридцать книг его стихов, в основном написанных гекзаметром, стали, по точному определению Горация, «вотивной табличкой этого старца».

Таковыми были представители римской литературы в кружке Сципиона; среди них следует упомянуть и греков. Это прежде всего Полбий и Панеций. Первый, сын ахейского стратега Ликорта, оказался в числе тысячи заложников, привезенных римлянами после битвы при Пидне; благодаря высокому положению отца судьба Полибия отличалась от участи остальных товарищей по несчастью. Павел и Сципион заинтересовались Полибием, он стал приятелем их сына и товарищем в многочисленных путешествиях, поэтому у него была широкая возможность наблюдать мало известный грекам мир Запада, политическую жизнь Рима. Полибий стал историком, историком целой «эпохи славы» римского государства; его позитивные суждения о ценностях системы великой Республики дают и нам, по мере возможности, решить эту проблему; можно лишь сожалеть, что из сорока книг его истории в целостности сохранилось пять, из остальных — отрывки, хотя и обширные.

Второй грек, Панеций (Панэций), философ-стоик, первый представитель Средней Стои, ввел это направление в аристократические круги Рима. Направление стоицизма возникло в Афинах, в эпоху Александра Македонского; центром направления была этика, лозунгом — «добродетель самодостаточна», чтобы обрести в жизни счастье. Разумеется, доказать это на собственном примере мог только человек совершенный, независимый от внешних событий и невзгод, иными словами, мудрец. Это — почти недостижимый идеал. Поэтому необходимо в целях нравственного воспитания людей предоставить им доступный, так сказать, подчиненный идеал — о б я з а н н о с т ь, долг. Польза, по Панецию, основной этический принцип, а цель жизни — исполнение того, к чему стремится здравый рассудок, стремление жить, согласно естеству. Этика пользы, долга Панеция смягчила ригоризм Древней Стои. Брошенные им семена принесли обильные плоды именно на ниве римского национального сознания, которое самой природой было более подготовлено для их восприятия; благодаря Панецию героическая стоическая философия стала национальной римской философией.

И все-таки эллинизм второго и третьего поколений не имел столь возвышенного горения, каким отличалось оно у поколения Сципиона Старшего и Фламинина. Это видно даже по отрывкам сатир Луцилия, который среди прочих, не принимаемых им явлений, высмеивал также и крайнюю грекоманию эпохи Фламинина. Это видно и на практических поступках: сравнивая результаты Третьей Македонской войны со Второй, нельзя не заметить нового в поведении победителя: подать на македонские провинции, суровость в отношении ахейцев; в итоге это привело к напряженной атмосфере недоверия, характерной для греко-римских отношений. По всей вероятности, мы не ошибемся, если главенствующую роль в таком

охлаждении припишем националистической политике известного нам Марка Порция Катона.

Катон также любил литературу, но создавал ее и сам, и цель, которую он ставил, была чисто практической. Почему не занимался поэзией? А какой в ней прок? Другое дело — воспитание; Катон имел сына и большую часть написанного посвятил ему. В частности, и упоминаясь выше римскую историю. Он даже писал ее большими буквами, чтобы мальчик мог сам читать текст. Ему же он посвятил малую энциклопедию, сборник полезных сведений для будущего гражданина и землевладельца; в ней автор, в частности, славит здоровые правила гигиены отцов и традиционную медицину, резко нападает на греческих врачей, учеников Эрасистрата, Герофила и др. «Этот народ, — писал Катон, — не имея силы победить римлян мощью оружия, решил уничтожить его своими микстурами».

Катон вовсе не стремился к философским идеалам, будучи уверенным, что идеал добродетели содержится в староримской работающей жизни земледельца; для поучения потомков он написал еще одно произведение, «О земледелии», единственный труд, который сохранился. Надо сказать, что это сочинение читается с огромным интересом, это, несомненно, первый сохранившийся до наших дней образец римской прозы (недаром Катон считается основоположником латинской прозы), но каким холодом веет от этой сухой книги! Рабы существуют и должны существовать, без них нельзя обойтись в хозяйстве, их надо использовать как вьючных животных, а когда состарятся, продавать, дабы уберечь владельцев от дармоедов... Плутарх, биограф Катона, пытается отдать должное его заслугам, но и его греческое сердце возмущается, и он напоминает о том, с какой гуманностью его земляки трактовали не только рабов, но и вьючных животных, обеспечивая даровую еду тем, кто был занят при строительстве Парфенона. И мы снова убеждаемся, что филэллинизм — единственный учитель человечества, который учит, что гуманизм и человечность равнозначны.

Более симпатична нам другая черта затверделого римлянина. Последствием конкуренции провинциального, особенно сицилийского зерна явилось падение италийского сельского хозяйства. Катон знал об этом и даже смирился, но до нас дошел весьма характерный для него разговор:

- Какая деятельность самая прибыльная?
- Успешное скотоводство.
- А еще?
- Среднее скотоводство.
- А еще?
- Плохое скотоводство.
- А потом?

- Сельское хозяйство.
- А выдача денег под проценты?
- А убийство людей?

Итак, наш тускуланский земледелец ростовщичество приравнивает к убийству; из этого видно, с каким презрением он должен был трактовать тот класс людей, который занимался в Риме ростовщичеством и вообще денежными спекуляциями, — так называемых эквитов. Тем более странно, что в одном вопросе, и в принципиальном, он даже поддерживал их алчную политику, потому что являлся крепким землевладельцем, связанным с рынком, следовательно, сторонником превращения завоеванных государств в провинции.

Римские спекулянты были достаточно хитры, но с выработанной веками оперативностью Карфагена соревноваться не могли. Униженный и разрушенный соперник на Баграде по-прежнему представлял для Рима угрозу; излечившись от страшных ран поражения при Заме, его верфи работали с удвоенной энергией, порт был заполнен судами, рынки изобиловали товарами, и по существу несломленный город оставался торговым центром западного Средиземноморья. О, почему же Сципион Африканский, держа в своих руках этот заносчивый город, выпустил его на свободу!?

Именно в этом вопросе Катон выступил неожиданным союзником эквитов. Он тоже в молодости воевал с властительницей финикийских городов на африканском побережье и горел по отношению к ней пылкой юношеской ненавистью. Его возмущали те умеренные условия, которыми удовлетворился победитель при Заме, этот неисправимый гуманист и грекоман, которого, как мы помним, Катон, мягко говоря, не очень любил. Теперь Катон сидел среди первых лиц в римском сенате и мог в качестве *sensorius* (т. е. бывшего цензора) высказывать свое мнение по всем вопросам первым. И в этом качестве он не чувствовал себя неловко. Он имел право на *egredi sententiam*, т. е. высказавшись по данной теме, мог говорить и о проблемах, его занимавших. И Катон приучил своих слушателей-сенаторов к тому, что по любому вопросу, по которому его просили высказаться, он заканчивал выступление словами:

— А кроме того, я полагаю, что Карфаген должен быть разрушен (*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*).

Но гуманизм филэллинов все еще противостоял ожесточению; один из его замечательных представителей, Сципион Назика, прославившийся окружением врага у Пидны, использовал в своих речах в сенате совсем противоположный рефрен:

- А кроме того, я полагаю, что Карфаген нужно сохранить.
- Теперь сенаторам предстояло решить, какой путь лучше.

Что означало это известное *ceterum censeo* сурового Катона? В плане нравственности оно означало, что Рим должен уничтожить свою всемирную славу актом варварства, разрушить город, факел культуры в северо-западной Африке; до последнего времени римские хроники не знали подобной казни, ни Капуя, ни Тарент, ни Сиракузы не испытывали со стороны Рима столь ужасной участи. В смысле государственной гигиены, если так можно выразиться, Риму предстояло разгромить своего соперника на западном Средиземноморье и таким образом приобрести чрезмерное могущество, которое именно в силу своей чрезмерности позже обернется против того, кто им владеет, и станет причиной его гибели.

Обнаружение Ариадны. Фрагмент терракотового украшения храма. II в. до н. э. Болонья, музей Civico

Вот та пропасть, которая грозила Риму из-за этого страшного *ceterum censeo* Катона, и смысл умного, предостерегающего голоса Назики. Но не только сам Катон толкал свою родину к этой пропасти, его усилия поддерживали и римские *equites*, и те, которые поддерживали его политику в сенате. Наконец все усилия увенчались успехом — Карфагену была объявлена война. Война жестокая и несправедливая, спровоцированная только тем, что царский город на Баграде хотел жить, что упорно сопротивлялся нанесению себе убийственного удара. Катон стремился к уничтожению Карфагена, но не успел узнать об исполнении своих мрачных желаний; его унесла смерть, когда ему исполнилось восемьдесят лет (149). Ненавидимые им греки отметили его смерть следующей эпиграммой:

«Волчица рыжеволосая и синеокая! Даже к умершим, Порций, не примет тебя Персефона!»

Потомки оценили его иначе. Несмотря на все ошибки жизни, победоносно засияла его пламенная и бескорыстная любовь к римской отчизне; римская легенда сравняла все противоречия, объединив его с врагом, Сципионом, видя в обоих одинаковых представителей Рима эпохи славы.

48

СЦИПИОН МЛАДШИЙ

Каждый народ обычно тесно связан с той формой правления, которая ему больше отвечает, а если извне навязывается иная, чуждая форма, то такое явление нельзя назвать иначе, как бездумное и неоправданное насилие. Такой естественной формой правления для Афин была республика, для Македонии — монархия; Рим заменил монархию на четыре республики и тем самым нанес стране удар, более тяжелый, чем наложенная подать. Персей, правнук Деметрия «Осаждающего город», состарился и умер вдали от своего народа, в далекой Альбе. Македоняне возлагали надежды на его сына, царевича Филиппа. Какова была его судьба? Ничего достоверного неизвестно; похоже, он умер в ранней молодости в качестве школьного учителя или простого писца в Альбе.

Тем временем в Македонии появился юноша, сообщавший всем и каждому, что он сын Персея, законный наследник македонского трона. Это было в 149 году, двадцать лет спустя после сражения у Пидны. Утверждение врагов новоявленного Филиппа, что в действительности это сын сукновала из Адрамития в Мезии, не принималось всерьез, и Филипп получил всю любовь народа к «кровному» наследнику Полиоркета; плотина рухнула, вся Македония в мгновение ока была охвачена пожаром восстания; римлянам пришлось силой оружия защищать свою политику. Поначалу

самозванец даже достиг некоторого успеха, разбив немногочисленный отряд, высланный против него. Тогда Рим направил в Македонию настоящую армию под командованием опытного полководца Квинта Цецилия Метелла. Лже-Филипп был вскоре разбит и выдан Риму фракийским царем, у которого тот искал убежища. Квинт Метелл Македонский (так его прозвали для ознаменования его победы) приказал превратить Македонию в провинцию, новую римскую провинцию на греческом Востоке. Таким образом, от Фламинина до Эмилия Павла, от Эмилия Павла до Метелла Македонского римская политика постепенно и последовательно менялась, переходя от идеи протектората к идее господства. Теперь перед греческим Востоком предстала ожидавшая его судьба.

Среди главных последствий Четвертой Македонской войны были и «второстепенные». Рим навсегда покончил с либерализмом сципионовской политики, перейдя к системе полного присоединения завоеванных территорий. Македония снова была объединена; Рим взял на себя задачу защиты полуострова от северных варваров и прежде всего построил военную дорогу, первую на Балканах, от эпирского порта Диррахий (совр. Дуррес) через горы до Фессалоник; дорога называлась по имени строителя, Эгнатиева, и соединяла Ионическое море с архипелагом; она стала заморским продолжением виа Аппиа, соединявшей Рим через Капую с портом Брундизий.

Впрочем, эти перемены не коснулись непосредственно собственно Греции; ни Метелл, ни римский сенат не собирались нарушать ее самостоятельность. Из четырех более сильных государств, на которые распалась континентальная Греция в эпоху Фламинина — Афины, Спарта и два союза, Этолийский и Ахейский, — только Этолийский союз был ликвидирован после Сирийской войны; римляне не простили этолийцам, что те своими интригами спровоцировали войну и разрушили их союз. К ахейцам же относились доброжелательно: забрав сначала за их политику во время войны с Персеем заложников, всех возвратили в 150 году. И вот после семнадцати лет разлуки Полибий увидел наконец свою «аркадскую» родину. Для ахейцев его возвращение могло быть весьма благотворным: никто лучше его не знал Рима, его жизнь, настроения и прежде всего умонастроения борющихся между собой различных кругов. Разумеется, он не скрывал перед земляками, что бескорыстный филэллизм Фламинина приближается к закату, что на него давят, с одной стороны, представители «новой демократии» с Катонем во главе, с другой — партия «материальных интересов», эквитов, лично не представленных в сенате, но сильных своим закулисным влиянием. Полибий утверждал, что нужно руководствоваться мудрой, сдержанной политикой, чтобы не давать в Риме преимущества врагам греческой свободы. Увы, как часто бывает

в демократиях, народ все-таки пошел за теми, кто заигрывал перед ним и демонстрировал свою любовь; в итоге разыгралась мрачная трагедия 148—146 годов, которая ликвидировала остатки греческой свободы, провозглашенной полвека тому назад Фламинием.

Поводом послужили распри ахейцев со Спартой, которая хоть и была членом этого союза, но не отказывалась от остатков давней независимости. Особенно яростные нападки против Спарты и степени ее автономии были инициированы ахейским стратегом Д и е м.

Мирное посредничество Рима, предпринятое Метеллом Македонским, результата не принесло. Ахейцы неразумно поверили Диею, что, мол, оказываемая владыкой мира снисходительность есть проявление слабости, источником которой являются нарастающие трудности на Западе. Что касается трудностей, то, как мы увидим, они и в самом деле имели место, но не были столь значительными, чтобы лишить Рим свободы действия против ахейцев, столь пренебрежительно к нему относившихся.

Главным городом Ахейского союза тогда был прекрасный Коринф, лежавший на пересечении водного пути через Коринфский и Саронический заливы с дорогой на суше — из Центральной Греции на Пелопоннес; Коринф беспечно наслаждался под сенью своей неприступной крепости с Акрокоринфом. Именно здесь отозвались громким эхом ахейско-спартанские разногласия; своевольная чернь позволяла всякого рода выходы по адресу живущих там спартанцев; не щадили и их защитников, римлян. Дией своей цели — войны с Римом — достиг.

На самом деле — лишь с мизинцем Рима; Метелл мог с легкостью довести войну до конца: собранное Диеем ополчение ахейской черни не выдержало напора победоносных легионов. Тем временем, согласно римским правилам, командование принял другой консул, Луций Муммий. Но эта замена ненадолго задержала решающий удар. Муммий, хотя и был *homo novus*, «новым человеком», но смелым и энергичным.

Был он еще человеком мягким и, к сожалению, вынужденным поступать согласно указаниям сената, а тот целиком зависел от количественного соотношения и настроения партий. Филэллины были разбиты; благодаря объединенным усилиям националистически настроенных представителей и крупных торговцев им удалось провести предложение, требующее от Муммия разрушения Коринфа, торгового конкурента Рима на Истме (146). Трудно понять причины подобной жестокости и невозможно ее оправдать.

Невольно возникает вопрос: а где же в то время был Публий Сципион Младший, душа филэллинистического Рима? Он, как и Муммий, должен был руководить разрушительной войной против врагов Рима, но не на Востоке, а на Западе; в тот мрачный год насилия он находился под стенами К а р ф а

гена. События развивались следующим образом. После победы при Заме Рим, не расположенный к захвату провинций в Африке, оставил, однако, невыносимую занозу в теле Карфагена, каковой был нумидийский царь Масинисса, непосредственный сосед на западе. Пользуясь недомолвками и двусмысленностью римско-карфагенского договора, тот отрывал у своего униженного соседа территории кусок за куском. Карфаген, связанный трактатом, запрещающим ему вести войны с союзниками Рима, мог отвечать на подобные демарши лишь жалобами в римский сенат. Но такой путь ничего не давал, жалобы врага не вредили другу Рима, зато для старого Катона они представляли прекрасный повод еще и еще раз произносить свое «*ceterum censeo...*». Все-таки, наконец, Рим понял, что отправка в Карфаген посольства и даже с Катонем во главе становится неизбежной. То, что увидел Катон собственными глазами, наполнило его сердце испугом: в самом деле, за два поколения, ушедших в могилу после Замы, град Ганнибала успел возродиться; жизнь на улицах и площадях была ключом, торговый порт полон разнообразных кораблей, море перед ним белело от парусов, а на суше, на благословенной долине Баграды — другое море, богатые нивы, избавляющие горожан от угрозы голода! Видя такое положение дел, победа Сципиона показалась Катону невероятной: появится новый Ганнибал, и придется начинать все сначала.

Следующее десятилетие стало временем медленной кончины приговоренного к уничтожению Карфагена. Город стал ареной острого соперничества собственных политических партий: мирной и военной, влияние которых зависело от меняющейся ситуации; поскольку успех Масиниссы в римском сенате равнялся поражению пацифистов, то ничего удивительного, что сторонники войны подняли голову. Их вождем был некий Гасдрубал — увы, кроме богатства, никакими другими достоинствами не обладавший для выполнения столь ответственного дела. Поначалу война шла в Африке между ненасытным Масиниссой и доведенным до отчаяния Карфагеном.

Но это было только начало: на берегу Тибра более беспощадный враг готовил другой, смертельный удар. Слепленный алчностью Масинисса не понимал, что готовит гибель если не себе, то своим наследникам, а уничтожив совсем безопасного соседа, сам он потеряет всякое значение для победителя. Но подобную ошибку совершали и более опытные в политике цари, как, например, Эвмен Пергамский. Так или иначе Катон, наконец, достиг своей цели: в 149 году Рим объявил Карфагену войну, Третью Пуническую войну.

Такая весть упала на несчастный город как гром среди ясного неба. Сначала думали, что еще не поздно и можно катастрофу предотвратить. Опять партия мира взяла верх. Гасдрубал и его сторонники были приговорены к смерти, но избежали казни, спасаясь бегством. В Рим отправи-

ли послов для оправдания перед сенатом. Аргументы послов в Риме сочли неубедительными. Не обескураженные неудачей карфагеняне снова направили в Рим представителей с неограниченными полномочиями, они соглашались на все условия, лишь бы спасти город.

И вот владыка приказывает — внешне весьма сдержанно: он оставит покорившимся карфагенянам их территорию, самоуправление и частную собственность; город должен выдать консулам триста заложников из знатных родов и **выполнить дальнейшие приказы**. С замиранием сердца слушали посланники условия: территориальное самоуправление, имущество — но где самое важное, где их город? Ведь было сказано: ожидать дальнейших приказов консулов! А консулы тем временем погружали войска на суда в Лилибее сицилийском, полученных заложников отправили в Рим, а сами с армией высадились в Утике, которая без колебаний сдалась Риму и отдала свой порт в полное распоряжение римлянам для решительных операций против обреченного родственного города. Сюда же прибыл карфагенский сенат за «этими» дальнейшими приказами.

И они прозвучали: «**С д а т ь о р у ж и е!**»

Сенаторы уехали, чтобы через некоторое время вернуться. Все морское дальнобойное вооружение, как частное, так и государственное, даже имитацию оружия, привезли и послушно сдали врагу.

— А теперь, когда мы выполнили ваши условия, может позволите вернуться к каждодневной жизни?

Все иллюзии рухнули; карфагенянам сообщили, что римский сенат постановил разрушить город, однако они имеют право поселиться в другом месте, но не ближе чем в двух милях от моря (80 стадий).

Сегодня мы спокойно читаем о жестокости давно прошедших веков. Карфаген для нас — пустой звук, не все ли равно, какой пункт Малой Африки обозначен этим именем? Но совсем иначе думает тот, кто был на месте античного Карфагена, в одном из прекраснейших городов земного шара. Вот крутая скала вблизи моря, ныне там стоит костел Св. Людовика — это карфагенский кремль, историческая Бирса. Здесь, где открывался вид на широкий морской простор, жили патриции, отсюда они могли смотреть, как подплывают их суда. А в глубине — живописная цепь гор на полуострове с мысом Добрый; он далеко, но хорошо виден благодаря прозрачному южному воздуху; между мысом и Бирсой — Карфагенский залив. Сюда подплывают суда, их можно распознать издали по фигуре на носу (ростры) опять же из-за прозрачности воздуха. Судно заходит в залив, минует прибрежные взгорья, поворачивает к пристани. Подножия гор, их склоны, вся местность вокруг усеяна домами. За городом узкий перешеек между двумя морскими пространствами, укрытый фортификациями, созерцание которых укрепляет надежду, покой;

наконец, взгляд отдыхает на приморской полосе, великолепных виллах на левом берегу, спускающемся к голубому морю. В течение многих веков создавалась эта красота, эта родная тишина, и вот прозвучал приказ покинуть эти места, отдать на растерзание всеуничтожающего огня, искать другое место для поселения далеко от моря — пусть обессиленный дельфин закончит свои дни на суше.

Но родина Ганнибала проявила себя достойной наследницей своего прошлого, она очнулась и устыдилась проявленной покорности. Партия мира снова потеряла влияние, жизнью заплатили те, которые советовали сдать оружие безжалостному врагу; к сбежавшему Гасдрубалу отправили гонцов с просьбой принять командование над городом в его последнем, отчаянном сражении... Одновременно послали делегатов и к консулам с призывом на тридцатидневное перемирие для отправки посольства в Рим. Консулы охотно согласились на отсрочку. Беззащитный город умело воспользовался появившимся временем; закипела работа в мастерских и на верфях, и когда минул срок перемирия, Карфаген уже не был безоружным. Карфагеняне ковали оружие, строили метательные машины; когда не хватало свинца, его доставали из шелей строений, не хватало волоса для канатов — женщины отрезали свои косы, принося в жертву родине свою красоту. Все это происходило в большой тайне, и среди защитников святого дела не нашлось ни одного предателя. Захватить город голыми руками оказалось невозможно, пришлось прибегнуть к осаде, притом двойной — с суши, с мыса и с моря. Итальянские гости не ждали сопротивления, а гнев — дурной советник на войне. Наступило лето, а с ним и болезни. Ждали помощи от Масиниссы, но тому исполнилось 90 лет, и он вскоре умер; его сыновья не очень спешили сменить слабого соседа на сильного. Операция затягивалась. Напрасно старый Катон в Риме ожидал желанной вести о победе; он дождался объявления войны, но не дождался ее результатов. Жадно прислушивался к известиям из римского штаба; консулы, легат, трибуны — все, видимо, оказались не на высоте, кроме одного трибуна, самого молодого; им был родственник Катона, его политический противник, зять сына, Сципион Эмилиан. Сравнивая его активную деятельность с убожеством других, Катон направил ему стих из недавно им узнанного Гомера, в котором тот следующим образом характеризует прорицателя Тиресия:

*Душу пророка, слепца, обладавшего разумом зорким,
Душу Тиресия фивского должно тебе вопрошить там.
Разум его сохранен Персефоной и мертвуму: в аде
Он лишь с умом; все другие безумными тенями веют.*

Пер. В. А. Жуковского

Римский сенат разделял мнение Катона, за сенатом пошел и народ; когда Сципион в 147 году выступил кандидатом на должность эдила, а по возрасту (35 лет) и по стажу он не подходил, то специальным постановлением ему поручили ведение войны, назначив консулом.

Задача не была столь героической, какую этот же народ поручил когда-то его деду, спасителю Рима в тяжелые дни. Не без сожаления смотрим мы на благородного юношу, как на палача, исполняющего страшный приговор несчастному городу, корчившемуся в предсмертной агонии. Итог неравной, отчаянной борьбы был предрешен, железная тактика Сципиона принесла плоды, а положение защитников становилось все более безнадежным. Они отступали шаг за шагом, обильно орошая кровью каждую пядь оставляемой врагу земли, теряя отряд за отрядом. Вслед за ними распространялось пламя поджигаемых домов. Наконец, остался лишь карфагенский кремль, священная Бирса с храмами Мелькарта, финикийского Геракла. Здесь укрывался Гасдрубал с семьей и последними защитниками Карфагена. Зная, что им не спастись, герои подожгли храм. Один лишь Гасдрубал проявил слабость, он неожиданно спустился вниз и бросился к ногам Сципиона, моля сохранить ему жизнь. В ответ раздался полный возмущения и боли крик его жены. Сломленная последним позором гордая женщина бросила в пылающий храм сначала своих детей, а затем и сама кинулась в огонь.

Так Сципион исполнил тяжелый, жестокий долг перед своей родиной. Со слезами на глазах смотрел Младший Africanus на огонь, превращающий в пепелище вечную красоту измученного города. Он чувствовал то, чего не видели ослепленные ненавистью глаза его повелителей; он понимал, что в этом пожаре гибло не только могущество побежденного Карфагена, но и слава победоносного Рима.

VII. ЗАКАТ

49

РИМСКОЕ ОБЩЕСТВО

Со времени возникновения в мире различных форм сосуществования в человеческом сообществе становится заметным стремление к выделению, обособлению внутри относительно немногочисленной элиты, обладающей по отношению к остальным более широкими государственными правами и большими удобствами в личной жизни. Подобное стремление, будучи в принципе явлением здоровым, вызвало две противостоящие друг другу тенденции: элита стремилась ограничить свой круг и одновременно свою принадлежность к нему избавить от переизбытка заслуг, которые единственно и могли оправдать эту принадлежность; остальная масса пытается полностью уничтожить элиту и захватить ее место в общественной жизни. Тенденция первая сама по себе вредоносна, потому что провоцирует вторую тенденцию; вторая так же вредна, потому что вызывает потрясения в жизни страны и, не достигнув цели, в итоге приводит к замене прежней элиты, относительно приемлемой, на новую, худшую.

Когда-то римская элита носила название «патрициат». Это была аристократия меча, потомки тех, которые силой оружия добились независимости своего тогда еще небольшого родного города. К несчастью, тогдашний Рим замкнулся в кругу избранных, став недоступным даже для наиболее выдающихся представителей лишённого прав плебса. Со временем возникли те политические беспорядки, которые ныне мы называем классовой борьбой. Во главе плебса стояли личности, приспособленные для борьбы, то есть наименее зависимые от патрициев. Независимость их вы-

текала из материальной самостоятельности. Таким образом, наряду с античной аристократией патрициата, аристократией меча, возникала новая аристократия, аристократия кошелька, начавшая борьбу достаточно давно. Политическим оружием плебеев в той двухвековой борьбе был народный трибунат; борьба окончилась победой трибуната, а следствием победы явилось то, что обе аристократии, патрицианская и плебейская, слились, создавая новую элиту — нобилитет (*nobilitas*). Правящий слой знати отделял себя от «выскочек», «новых людей», не принадлежавших к сенаторскому роду, таких как Цицерон — сноб «без благородства». Образовав такое сообщество, нобили, со своей стороны, восприняли по образцу прежнего патрициата стремление не допускать в свои ряды проникновения «новых людей» (*homines novi*). В результате наряду с формированием родовой аристократии (*nobilitas*) образовалась и новая аристократия денег. Это были «римские всадники» (*equites Romani*, эквиты), которые уже в значительной степени утратили связи с конницей.

Посмотрим сначала внимательнее на *nobilitas*, которые все больше смыкались с сословием сенаторов. В сущности, о принадлежности к этому сословию решал также ценз: наряду со всадническим цензом существовал «сенаторский ценз», значительно более высокий. Но если всаднический ценз давал его обладателю право (если не тяготели на нем нравственные обвинения) на включение в число *equites*, то сенаторский ценз открывал перед кандидатом дорогу в сенат, а через сенат и в нобилитет. Как эта возможность осуществлялась? На освободившееся вакантное место в сенат цензоры выдвигали кандидатов, но свобода выбора была ограничена традицией, которая требовала избрания сначала бывших магистратов, т. е. прежде всего лиц, занимавших консульские должности, преторов, эдилов, если те еще не были сенаторами, а затем трибунов и квесторов, после избрания которых, как правило, не оставалось свободных мест. Получалось, что в сенат попадали исключительно лица, уже занимавшие должности, прежние магистры. А кто был магистром? Тот, кого выбрал народ. Принцип, несомненно, демократичный: народ ничем не связан и мог выбирать любого гражданина, даже среди самых «новых». Мог, но не выбирал. Почему? Потому что не хотел.

Станный демократизм, не правда ли? Дело в том, что римская демократия имела чрезвычайно аристократическую структуру. В качестве кандидатов выступали Корнелий Сципион, Цецилий Метелл, первый — патриций, второй — плебей, но это не имело значения, потому что оба были *pobiles* в самом высоком смысле; одни фамилии немало стоили. И вот рядом с ними появляется Муммий. Муммий? Что еще за Муммий? Кто такой? Как ему пришло в голову мериться со Сципионами и Метеллами? Конечно, в девяти случаях из десяти его кандидатура проваливалась, и что

*Статуя римлянина, держащего в руках портреты предков.
Нач. I в. до н. э. Рим, Капитолийский музей*

еще очевиднее, что он в девяти случаях из десяти не выставлял себя на посмешище и предпочитал оставаться эквитом. Такова была сила традиции: *pobilitas* умели укреплять традицию и извлекать из нее выгоду.

Что касается нас, то охватывает поразительное чувство удивления, когда мы узнаём, что единственным, точно установленным законом правом *pobilitas* было *ius imaginum*, т. е. право выставлять в своем доме, в атриуме, восковые маски предков, начиная с того, кто получил первым курульную магистратуру.

Возникает вопрос, кому какое дело, что помещают на стене собственной комнаты? Нет, контроль был; был он и в обычное время и тем более в торжественные мгновения, когда окруженные почестями *imagines* покидали свои места. Поводом были похороны, культовый характер которых терялся в покрытом тумане прошлом. Начинался он возвращением глашатая:

— Такого-то квирита забрала смерть; кто готов, пусть присоединится к траурному кортежу, чтобы почтить покойного. Вот выносят его тело.

Во главе процессии шли плакальщицы, за ними музыканты, танцоры... да, и танцоры; античный мир знал траурный танец, равно как и веселый, праздничный, и был прав. Во всем пока что не было ничего необычного, но вот показывается «сам» покойник. Да, он сам переходит улицу, таким, каким его знали в жизни; его одежда, движения, его — правда, из воска — лицо. А за ним на колеснице, повозках, один за другим, его предки, начиная с первого, который когда-то занимал курульное кресло, каждый в соответствующих одеяниях, в окружении полагающегося количества ликторов, двенадцати для консульской должности, шести для преторов. Вот для чего нужны были маски, которые висели на стенах атриума. Теперь, пожалуйста, представьте бесконечные ряды всех Клавдиев (если хоронили Клавдия), начиная с Атта, который в первый год Республики перешел от сабинов к Риму. Все они уже покинули свои имения, все отправились проводить к могиле своего потомка. Можно себе представить разговоры провожающих: «А, этот тот, кто разбил эквов; а этот — построил Аппиеву дорогу, этот осаждал Капую, а тот, — добавляли вполголоса, — лишился своего флота у Дрепана (ныне Капо Трапани)».

Так вся история страны проходила перед глазами зрителей вместе с историей рода Клавдиев. Вот что значило быть Клавдием; так как можно отдать преимущество какому-то Муммию?

Не только смерть, но и жизнь отличала представителя *pobilitas*. Нельзя сказать, что она была окрашена только блаженством; ведь домашние празднества являлись для хозяина источником бесконечных забот и хлопот, связанных с приемами друзей и родных; конечно, это можно назвать блаженством. Но возьмем обычный рядовой день. На восходе солнца *pobilis* покидает свою постель, направляется в атриум, переполненный людьми.

Это — клиенты,¹ у каждого к нему есть дело. Один выдает замуж дочь и хотел бы знать, принимает ли патрон выбор жениха; его надо тщательно расспросить, приказать жениху тогда-то и тогда-то лично представиться; если понравится, то патрон не поскупится на приданое для невесты. Другой клиент хочет купить дом в Субуре (оживленный район Рима. — *Н. П.*), прибыль несомненная, капитал также почти собран, не хватает каких-то десяти тысяч сестерциев. Может, патрон соблаговолит?.. Еще кому-то грозит суд за растрату; он, конечно, не виноват, но обвинение собрало группу лжесвидетелей, может, патрон найдет возможным взять на себя защиту?! Наконец, еще двое ведут тяжбу друг с другом, они — оба его клиенты, пусть патрон их рассудит. Часы идут, пора на Форум. До Форума нашему *nobilis* очень далеко (он, разумеется, живет в «роскошных Каринах»,² *lautae Carinae*, а в Риме повозок для мужчин нет). И вот он направляется пешком, в тяжелой тоге, в июльский солнечный зной, идет медленно (сенатору не пристало ходить быстро), все чаще отирая обильно смоченный потом лоб. На Форуме его уже ждут. У одного процесс, за другого надо поручиться у ростовщика, за третьего внести залог (кауцию); трудный совет, если только не суровый урок, преподанный легкомысленному франту, приносит внутреннее облегчение. Так продолжается почти до захода солнца, и только вечером, вернувшись домой, можно отдаться семейной жизни.

Само собой разумеется, что все эти «услуги» бесплатны. Даже если среди клиентов и есть люди обеспеченные, то патрон ни от кого из них не принимает ни малейшего приношения: не позволяет честь. Его клиентела — это своего рода государство; в нем господствует собственное божество — Гений³ «нашего Гая», именем которого не советуют совершать клятвopеступление; собственные празднества — рождение «нашего Гая» и членов его семьи; собственные суды, даже собственная монета, — оловянная разменная монета с выбитым символом «нашего Гая», имевшая обращение во всех магазинах его района. Но возникает естественный вопрос, из каких фондов содержит патрон свой дом в дорогостоящих Ка-

---

¹ Клиенты (*cliens*), *букв.* послушный. Особая форма социальной зависимости. Клиентами становились либо чужеродные, либо иноплеменники, либо младшие сородичи, попавшие в зависимость.

² Карины (*Carinae*) — один из самых богатых кварталов Рима у подножия у Эсквилинского холма.

³ Гений (*Genius*) — у римлян первоначально сверхъестественное существо, олицетворяющее мужскую силу, спутник и дух-покровитель мужчин вообще и отдельного мужчины в частности, защитник семьи, дома, общины. День рождения римлянина считался праздником его Гения.

ринах, виллу в Тибуре, Тускуле, Анции, свою многочисленную челядь и солидную часть клиентелы?

Главным образом, на доходы, которые приносят ему крестьяне, — и здесь мы подходим к наиболее болезненному факту нашей эпохи. Дорога к торгово-промышленному обороту для нобилия была закрыта еще законом, изданным в самом начале Второй Пунической войны; этот закон жестко ограничивал сенаторов в использовании транспортных средств, считая всякий заработок (*quaestus*) позорным делом для отцов города. На этом выиграли эквиты, аристократия кошелек, которая таким образом освободилась от опасного соперника. А нобиль тем более вынужден был стремиться к увеличению земельных владений, что достигалось с помощью так называемого завладения, т. е. занятия италийских государственных земель (*ager publicus*), захваченных некогда в пользу Рима у покоренных общин.

Сенаторам, следовательно, было оставлено натуральное хозяйствование, эквиту — денежное; таков был раздел благ между двумя привилегированными сословиями. Огромное множество сырья сосредоточивалось в деревенских домах (*villae rusticae*) магната: изобилие зерна, вина, тканей и т. п. везли в Рим или в пригородные владения. Ничего общего с имением нашего типа эти хозяйства не имели; возьмем виллу Клавдиев на Аппиевой дороге с ее «безумными сооружениями», где находили убежище сотни вооруженных людей; это был скорее средневековый замок, предшественник тех, из которых пятнадцать веков спустя распространяли угрозу Колонна и Орсини.¹ В те годы ничего угрожающего здесь не было, в Риме царствовал порядок и господствовал закон.

От клиентов не требовалось с оружием в руках охранять своего патрона, свою благодарность они могли выражать другим способом: например, когда патрон выставлял свою кандидатуру на какой-нибудь высокий пост. В такой день он, патрон, одевался в сверкающую белизной тогу, *toga candida* (кстати, именно от этого названия и произошло слово «кандидат»), и проходил по главным улицам (*ambiebat*) избирателей. Таков был древний обычай, имевший смысл в те давние времена, когда все граждане маленького Рима знали друг друга в лицо: он сохранился и позже. Сам кандидат понимал его бессмысленность. Рассказывали, что один из них, блуждая так с греческим философом, попросил того отойти: «Мне стыдно перед тобой, поскольку сейчас мне придется водить людей за нос». Но иначе невозможно, без этого — провал.

¹ Орсини (*Orsini*) — римский феодальный род. К этому роду принадлежали 5 римских пап, кардиналы и пр. В XIV–XVI вв. Орсини находились в длительной вражде с родом Колонна.

И вот кандидат кружит по улицам, за ним в белых тогах тянется нескончаемый хвост клиентов. Чем хвост длиннее, тем больше влияния, значения, популярности кандидата, тем больше и его шансы. Но самого хвоста мало. Надо обеспечить себе поддержку влиятельных граждан из третьего сословия. Но как их распознать, если их тысячи? С этой целью рядом с кандидатом крутится «специалист» в этой области, его раб — *поменclator*. Это — ходячая адресная книга, в его обязанности входило знать имена граждан города и рабов в его доме. Вот он незаметно шепчет кандидату: «приближается Квинт Ауфидий Галл, один из представителей суконщиков за Тибром, очень влиятельный в трибе *Mesjiusa*, недавно похоронил старшего сына». И кандидат протягивает суконщику руку (*ргrensat*):¹ «Как дела, Квинт Ауфидий?» Далее выражает соболезнование по поводу тяжелой утраты. Уже одно то, что магнат знает его по имени, чрезвычайно того радует, а выраженное сочувствие привлекает на сторону кандидата. Ясное дело, что голоса этого района ему гарантированы. Теперь надо выбросить из головы весь этот мусор, потому что приближается Луций Торий, владелец городских бань с улицы Высокой, он на днях выдает замуж дочь. Надо его поздравить: «Он, — подсказывает номенклатор, — держит в руках все голоса своего района». Все дальше и дальше продвигается длинный удав, поглощая один район за другим. Хвала бессмертным, дело идет удачно, кандидатура на выборах не будет отброшена (*repulsa* — отклонение, поражение в притязании на государственную службу).

Но получение магистратуры — это еще только одна часть задачи; другая часть — так ею воспользоваться, чтобы гарантировать выборы на следующий срок. Искусство, рвение, честность — все это прекрасно, но мало заметно. Народу нужны праздники, особенно если магистрат является эдилом, то есть принадлежит к тем, кто устраивает игры для народа. Конечно, государство выделит эдилу определенную сумму для этой цели, но с позором освищут того, кому придет в голову этой суммой и ограничиться. Нет, надо добавить в два, три раза больше от себя. Здесь мы встречаемся с еще одним большим местом волшебного колеса карьеры магистрата. Должность эдила была на редкость разрушительной; человек, владевший средним достатком, покидал ее совершенно разоренным. Как поправить подорванное состояние? Некоторую возможность давала должность претора, если судьба предназначала ему провинцию; должность наместника, даже если ограничиться лишь законными поборами, была достаточно прибыльной, тем более если человек не имел излишней совестливости и не брезговал взятками и вымогательством... Добавим, дома его

¹ *Prensatio* (от *prehensio*) — домогательство, обращение с просьбой о должности.

ждал суд, процесс (*de repetundis*), но можно рискнуть. В итоге получалось, что за развлечения римской публики платила провинция.

Такова была жизнь первого, правящего сословия сенаторов. Более многочисленным было второе сословие — эквитов; их называли *ordo honestissimus*, в отличие от *ordo amplissimus*, сенаторов. Их представителей также можно встретить на Форуме; их легко узнать по узкому красному поясу на том месте туники, где она расходится, т. е. на груди; сенаторы в этом месте носили широкий красный пояс. Именно здесь можно встретить тех банкиров, которым давал поручительство упоминавшийся сенатор; около ворот Януса находилась их биржа, где *equites* совершали денежные сделки, достаточно сложные, надо сказать, с использованием процентов, акций, со сложной, а порой с двойной бухгалтерией и т. д. Поскольку *quaestus* ими не считался делом позорным, то они в своих торговых операциях не подвергались никаким ограничениям; основным их занятием были денежные операции, а принципиальной территорией — провинции. Вот пример. Город обложен данью, он должен в определенный срок заплатить такую-то сумму квестору своего наместника. А денег нет. Тогда необходимую сумму дает ему местный банкир, римский эквит, Марк Цильний (Кильний)... Один человек всему городу? Да. Ведь он представляет фирму — М. Цильний и К°, говоря современным языком. Эта фирма владеет большим оборотным капиталом благодаря участию акционеров и пайщиков, которые могли быть и сенаторами, тем или иным способом обошедшими закон о *quaestus*. Конечно, деньги займы давались под проценты, порой очень высокие, если город находился в безвыходном положении. А что же делать, если город окажется не в состоянии деньги вернуть? Тогда банкир направляется к наместнику. А дальше? Если банкир в милости у наместника (а сам наместник был пайщиком его фирмы), тогда в строптивый город высылается вооруженный отряд, арестовывает десятка два самых богатых граждан, их имущество продается на аукционе и таким путем возвращается банкиру нужная сумма. Но могло случиться иначе, наместником мог быть какой-нибудь Марк Катон; он мог потребовать предъявить вексель и, убедившись, что банкир требует 48%, снизить сумму до 6% и предложить полагающуюся обеим сторонам ее выплачивать в рассрочку. Такого наместника народ благословлял, а банкир, проклиная его про себя, думал, какой бы найти способ для подчинения наместников.

Вот еще одна картинка. Мы на Сицилии, ее жители, земледельцы, обязаны вносить в римскую казну десятую часть от собранного урожая. Конечно, претор-наместник и его немногочисленный штаб (*cohor praetoria*) не имеют персонала, необходимого для собирания этой десятины, поэтому претор сдает это право в аренду живущим на Сицилии римским эквитам,

которые становятся таким образом откупщиками государственных доходов (*publicani*). Кому же доверить сбор, например, в области Панормо? Разумеется, тому, кто заплатит за такое право больше. Это выгодно и для казны, особенно если конкурентов много. Но конкуренты отлично понимают, что, соревнуясь друг с другом, могут прогадать, поэтому они заключают договор и на аукционе выступает один, предлагая самую низкую цену, которую наместник вынужден принять. Придуманно неплохо, но опять же могла возникнуть и другая ситуация. Участником «соревнования» мог оказаться сам город Панормо, и он предложит наместнику более высокую цену, чем откупщики, и обе стороны на этом выиграют — и крестьяне, и римская казна, а откупщики за алчность будут наказаны. И опять проклинают наместника и придумывают способы подчинить его и лишиться права передачи на откуп кому-либо иному, а не им, публиканам. Должен предупредить, что не все эквиты принадлежали к банкирам

Семейный портрет. Из Помпей. Неаполь, Национальный музей

и откупщикам; они даже не составляли большинство. Среди эквитов были люди, занимавшиеся торгово-промышленным делом, были земледельцы муниципальные, которые в своих муниципиях (т. е. в италийских городах с римским гражданским правом) играли такую же роль, как сенаторы в Риме; таким и был в Тускуле Марк Катон до переезда в Рим.

Таковыми представляются два привилегированных сословия, сенаторы и эквиты; о третьем, безымянном, говорить трудно из-за чрезвычайной его неоднородности. К нему принадлежало даже несколько сословий.

Во-первых, группа канцелярских служащих, *scribae*, скрибы (писари, переписчики), значительная часть которых сосредоточилась в канцеляриях квесторов, своего рода министерствах финансов. Проводя всю жизнь

*Столяр. Роспись из Дома Веттия в Помпеях.
Неаполь, Национальный музей*

в канцеляриях, они прекрасно ориентировались в этих вопросах. Квестор выбирался на один год, а в самом начале карьеры представлял лишь власть, но не знание дела, и без нужды никогда не вмешивался в споры с почтенным директором (начальником) своей канцелярии.

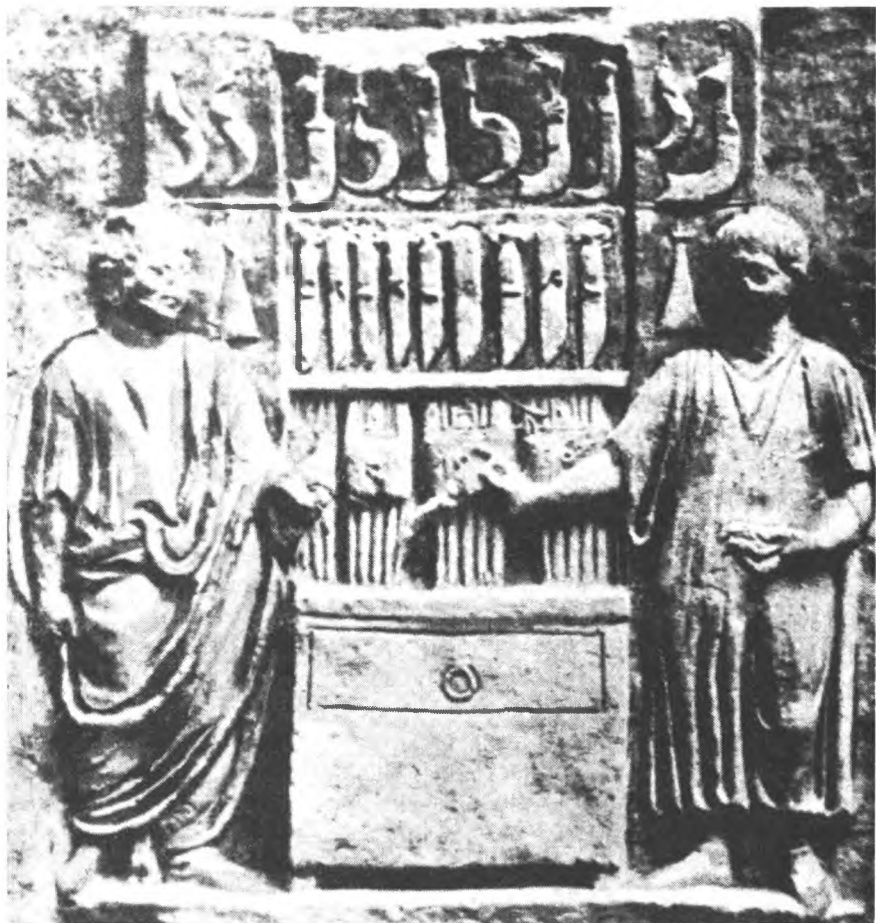
Во-вторых, представители граждан отдельных областей, т. е. так называемые *tribuni aegarii*, эрарии (римские граждане из низшего сословия, свободного от воинской повинности, но облагавшегося определенной денежной податью); они избирались из наиболее богатых для посредничества между всеми гражданами и казной.

В-третьих, члены многочисленных коллегий, то есть своего рода профессиональных союзов (либо цехов, корпораций), которые образовывали государство в государстве, имели своих представителей, свою казну, даже собственные монеты, своих богов-заступников, свои собственные празднества, проходившие или в римском центре цеха, или в пригородном кабачке. Коллегии, заключив соглашение, иногда принимали нежелательное участие в политической жизни и потому всегда находились под пристальным наблюдением государственной власти.

В третьей категории отдельную группу составляли вольноотпущенники (*libertini*). Отпуск на волю раба делал его римским гражданином, но не давал всей полноты прав; он не мог быть избранным на государственную должность (*ius honorum*), был ограничен в избирательных правах (*ius suffragii*): все вольноотпущенники подавали свои голоса в одном из городских районов (могли быть записаны только в 4-х городских трибах). *Libertinus* оставался клиентом своего прежнего хозяина, а ныне патрона, принимал его родовое имя, заменявшее ему имя собственного отца; итак, если свободный по рождению подписывался (вернее, надписывал): *M(arcus) Порций M(arcus) Porcius M(arci) f(ilius) Cato*, его вольноотпущенник Абаскант должен был писать: *M(arcus) Porcius M(arci) l(ibertus) Abascantus*. Под таким именем он становился членом любой коллегии и одновременно многочисленного класса вольноотпущенников, которые, естественно, имели свои интересы и соответствующим образом их защищали. Общественная роль вольноотпущенников была весьма значительной, особенно в жизни их патронов, которым они становились самыми близкими людьми. Как правило, вольноотпущенники были или варвары, или греко-азиаты, активное включение их в число римских граждан приводило к интенсивной ассимиляции.

В самом деле, сын вольноотпущенника становился абсолютно полноправным римским гражданином, в то время как «чистокровный» самнит или умбриец об этом не мог и мечтать.

Так выглядел состав римского гражданского общества во второй половине II века.

*Магазин с ножами. Рельеф.
I в. до н. э. Ватикан, музей Pio Clementino*

50

БРАТЬЯ ГРАКХИ

Знаменитый победитель Ганнибала Сципион Африканский, умирая в 183 году, выразил в своем завещании желание, чтобы младшая его дочь, Корнелия, пока еще малолетняя, в подобающее время была выдана замуж за его благородного противника, бывшего народного трибуна Тиберия Семпрония

Гракха. Пожелание героя было исполнено, и в благословенном этом союзе Корнелия подарила мужу троих детей. И не только родила, но и воспитала в духе староримских традиций, которые вынесла из патрицианского дома своего отца. Она гордилась своим достойным зависти потомством; рассказывают, что когда ее навестили подруги, жены магнатов, и с типично женским тщеславием стали хвастаться драгоценностями, Корнелия позвала своих детей и, указав на них, сказала: «Вот мои драгоценности».

Теперь дети выросли — трое, которым суждено было остаться в живых, дочь Семпрония и два сына, Тиберий и Гай. Семпронию выдали замуж за усыновленного брата, Сципиона Младшего. Оба юноши, как сыновья Гракха и внуки Сципиона Старшего, имели перед собой открытую карьеру в магистратуре. Сама Корнелия уговаривала их, и прежде всего Тиберия, старшего:

— Рим называет меня тещей Сципиона, но я предпочитаю, чтобы меня звали матерью Гракхов.

В положенное время Тиберий выставил кандидатуру на квестора, и народ, прекрасно помня его отца, охотно отдал ему свои голоса.

В качестве квестора он должен был сопровождать консула в Испанию; по дороге Тиберий проезжал через Этрурию. Его поразила пустыньность прекрасного края. Чем это объяснить? Оказалось, что это были *ager publicus*, занятые магнатами. Обработка этих земель не окупалась, потому что сицилийское и африканское зерно из вновь завоеванной провинции Африка оказывалось дешевле, чем итальянское; пахотные земли здесь были оставлены под луга и пастбища. Тиберий вспомнил римских граждан, которые толпились в атриумах Сципионов, Павлов и Клавдиев, да и в его собственном; там люди без земли, здесь — земля без людей; только одно средство может исправить данное бедствие. Такое средство существовало; двести лет назад народ принял закон Лициния и Секстия. На основе того закона была установлена предельная норма владения государственной землей (*ager publicus*), она не превышала 500 югеров (ок. $\frac{1}{4}$ га) для одного гражданина. Сейчас этот закон забыт. А если о нем напомнить народу?

Но, похоже, пока эту мысль приходилось оставить: Тиберий ехал в Испанию, чтобы служить в лагере консула Манцина, а в Испании шла война. Добавим, что война там была явлением обычным, хотя в тот момент обострилась; средоточием испанских военных сил стал героический город Н у м а н ц и я. Манцин осадил Нуманцию, но ему не повезло: во время одного из маневров испанцам удалось завлечь его в ущелье, похожее на Кавдинское; Манцию грозила гибель. Он начал вести с противником переговоры о капитуляции, но испанцы отослали обратно его гонцов:

«Мы не верим никому, кроме сына старого Гракха». Дело в том, что тот был у них когда-то наместником, и если бы все были на него похожи, то война не случилась бы. Итак, молодому квестору выпало стать посредником между неприятелем и консулом. Конечно, условия соглашения могли быть весьма тяжелыми, испанцы старались использовать выгоду своего положения. При этом вождю представлялась возможность отойти со штабом и войском, но оставив лагерь в руках врага. Ушел и Тиберий, но по дороге он вспомнил, что не годится появляться в Риме без табличек и записей с расчетами. Взяв с собой трех верных товарищей, он возвратился в Нуманцию, но уже не в роли посредника, а как римский солдат. Испанцы пригласили его к себе. Тиберий вздрогнул, испанцы заметили его колебание: «Сын старого Гракха может не опасаться». Тот принял приглашение; его встретили с чрезвычайными почестями, вернули казначейские книги и предложили взять все, что ему принадлежало в лагере. Тиберий

Женщина, играющая на цитре. Фрагмент росписи виллы около Помпей. Ок. 50 г. до н. э. Неаполь, Национальный музей

взял лишь жертвенный семейный ладан и, поблагодарив гостеприимного неприятеля, уехал.

А в Риме его ожидали большие неприятности. Сенат отклонил мир, заключенный консулом, и, чтобы оправдаться перед врагом, постановил выдать его испанцам. Те, однако, не пожелали его принять, и Манцин напрасно простоял целый день у ворот Нуманции.

Но это было всего лишь начало охлаждения между Тиберием и сенатом. Только начало. Тиберий был в лучшем значении этого слова самым замечательным юношей в Риме: облик его дышал благородством, полон удивительной деликатности; его речь, манеры — все отличалось редким обаянием. Помимо душевных качеств за ним укрепилась слава героя. Поражение римского войска в Испании, правда, не принесло ему лавров храбрости, но все помнили, как, будучи почти мальчиком, сражаясь в армии Сципиона Младшего (Эмилиана) в Африке, он первым оказался на стенах захваченного города. Всех покоряло его обаяние в частной беседе. Рассказывали, как однажды Тиберий находился в компании, где присутствовал Аппий Клавдий Пульхр, известный консулярный деятель, надменный патриций, как и все Клавдии. Все время он восхищался юношей, наконец не выдержал и сказал, что хотел бы иметь такого зятя. Тиберий, конечно, не преминул принять предложение с радостью. Вернувшись домой, Аппий весело позвал жену:

— Знаешь, Антистия, я посватал нашу Клавдию!

Матрона изумилась:

— Даже если посватал за самого Тиберия Гракха, ты должен был сначала посоветоваться со мной.

— Именно за него и посватал, — со смехом ответил старый патриций.

Наконец наступил обозначенный законом момент, когда Тиберий мог претендовать на следующую должность, выставить кандидатуру на народного трибуна. И снова удалось. Народ избрал его в числе десяти, составлявших коллегию на каждый год.

В то время трибуны давно перестали быть пугалом богатых; став сенаторами, они вели политику, соответствующую намерениям сената; если и старались кого-нибудь обуздать, то исключительно тогда, когда чиновник выступал против воли сената. Но Тиберий рассуждал иначе. Он мечтал о том, чтобы вернуть народу времена Лициния и Секстия; он хотел использовать свою власть для того, чтобы провести свой законопроект о разделе государственной земли (*lex agraria*).

Посмотрим, насколько обоснованными были его намерения по сути и по форме.

Что касается сути дела, то не подлежало сомнению, что аграрный вопрос требовал возможно скорейшего разрешения. Огромные территории

Италии пустовали из-за того, что владельцы земли переходили от земледелия к торговле скотом. Количество римских граждан, как свидетельствовали об этом цензы, все уменьшалось. При этом следует иметь в виду, что *ager publicus*, отданные на пастбища, без сомнения выиграли бы, если их разделить на parcelлы и раздать крестьянам; но те земли, которые обрабатывались потомками прежних владельцев, следовало оставить в прежнем состоянии, поскольку передача их крестьянам приводила к тому, что прежним владельцам оставалось идти по миру. Далее: округа, пригодные для более интенсивного хозяйствования, находились не только в Италии, но в большей степени в провинциях, в Сардинии, на Корсике, в Галлии, Испании. Там следовало регулировать излишек римского населения путем создания колоний. И в-третьих, нельзя забывать, что со времени Лициния и Секстия сильно изменились представления о богатстве; размер участка в 500 югеров, достаточный для своего времени, теперь, конечно, воспринимался совершенно иначе.

Теперь перейдем к форме проведения закона. Следует задать вопросы: целесообразно ли в связи с изменившимися отношениями проводить подобные законопроекты на народном собрании, минуя сенат? Что собой представлял тогда *populus Romanus Quirites*?

Постараемся избегать всяких крайностей. Под именем квиритов в свое время имели в виду высшую степень политического совершенства; слова «римский народ» самим своим звучанием ласкали ухо и разоружали любую критику. В последнее столетие — наоборот, этот «римский народ» описывали как вечно голодную, льстивую и бунтарскую чернь, готовую принести в жертву все блага страны ради куска хлеба. И то и другое представление неверны. Римский народ — от Кориолана до Камилла, от Камилла до Фабриция, от Фабриция до Сципионов — прошел долгую и основательную школу власти; воспитанный в такой школе, он действительно стал правящим народом, и с этой точки зрения ни один народ новой Европы не может с ним сравниться. Чтобы в этом убедиться, достаточно прочитать любую речь Цицерона, обращенную к народу (речи Катона и Гракхов, к сожалению, не сохранились), и сравнить их с выступлениями современных ораторов на митингах или со статьями, предназначенными для газеты. Не говоря уж о благородстве тона тогда и тривиальности нынче, само сравнение содержания, характера и хода мысли, линии выводов, подтверждают, что там главной задачей было либо убедить мыслящих людей, либо изменить их мнение, а здесь — вбить обухом свой взгляд в голову не способной мыслить толпе.

Да, так действительно и было; но к концу II века народное собрание практически стало фикцией. Римский народ рассеялся по Италии, и та его часть, которая осталась на прежнем месте, не очень спешила посещать

народные собрания. Вполне естественно, что тон там задавали клиенты того магистрата, который созывал собрание, и те, кто подавали за него свои голоса (как это происходило, вернее, делалось, мы уже видели), то есть наиболее организованная и заранее подготовленная часть. Вот почему так называемое народное собрание всегда утвердительно голосовало за предложение, выдвинутое магистратом, созывавшим собрание. Таким образом, при посредничестве народного собрания данный человек управлял государством и издавал законы; власть была единоначальная, т. е. т и р а н и я. Отсюда и святой обычай республиканского Рима не выносить на собрание никакого закона, пока его не рассмотрит и не примет собрание трехсот, наиболее зрелых по возрасту и опыту граждан, почти без исключения бывших магистратов. Противопоставления «сенат или народ», «аристократия или демократия» в данном случае превратились в видимость; в действительности нужно было выбирать между единоличной магистратурой и сенатом, тиранией и аристократией.

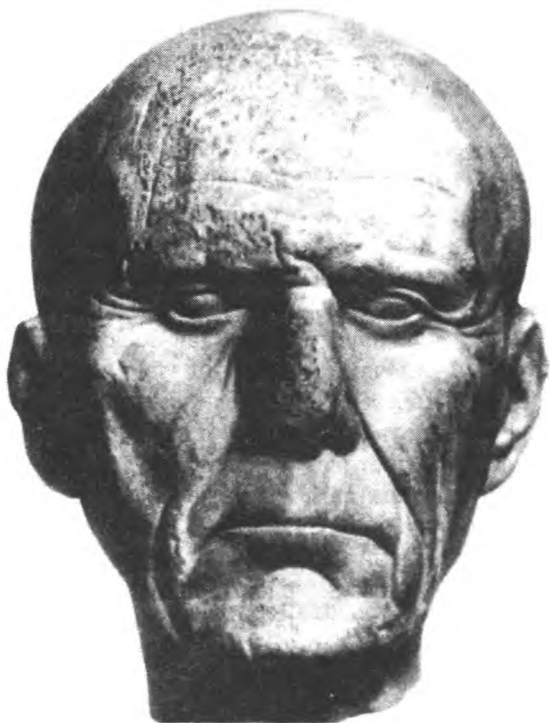
И неужели аграрный вопрос в сенате был столь безнадежным? Отнюдь. Многие видели в аграрном законе нужное и требуемое изменение отношений в сельском хозяйстве Италии. Друг Сципиона, Лелий, сам разрабатывал соответствующий законопроект, за что его прозвали *Sapiens* («Рассудительный», «Мудрый»); правда, он отказался от своего намерения, убедившись в непреодолимой позиции значительной части сенаторов; и все-таки то, что не удалось сегодня, могло получиться завтра — сочувствующих было достаточно.

Но Тиберий торопился. Идея спасения Италии казалась ему столь благородной и важной, его мастерство оратора вызывало такое вдохновение у народа, что он не почувствовал фатального характера пути, на который собирался встать. Начинания Тиберия поддерживал и его наставник, Блоссий из Кум (*Cumae*), философ-стоик, занимавший такое же положение, как в свое время Панеций при Сципионе Младшем. Суровый человек долга, но оторванный от реального мира теоретик, Блоссий советовал Тиберию действовать решительно, не считаясь ни с какими преградами. В таком же направлении убеждал его и тесть, Аппий Клавдий, относясь к коллегам-сенаторам как достойный продолжатель великого цензора Аппия Клавдия Слепого (318–280).

Тиберий начал действовать стремительно; избранный трибуном на 133 год, он представил народному собранию свой аграрный законопроект. В основной его части содержалось развитие старого закона Лициния и Секстия. Размер участка государственной земли, который допускался в собственность владельцу, не должен был превышать 500 югеров для него лично и по 250 югеров для его сыновей: одна семья могла иметь не более 1000 югеров. Излишки государственной земли должны быть разделены

на parcelлы по 30 югеров и розданы бедным гражданам в наследственную аренду, за которые они должны платить небольшой налог. Разделом земли должна была руководить постоянная комиссия, состоящая из трех членов и наделенная судебными полномочиями (т. е. решать отдельно в зависимости от того, является ли данный участок собственностью государства или частного лица).

До сих пор Тиберий формально был прав; он мог, будучи трибуном, от своего имени представлять народному собранию свои законопроекты (как *lex Sempronia agraria*), не только не считаясь с мнением своих коллег, но даже и не спрашивая о нем. Но священный закон (*lex sacrata*), оставляя каждому трибуну свободу инициативы, создал особый противовес в виде закона трибунской «интерцессии» (*intercessio*); по этому закону, если из десяти членов коллегии трибунов хотя бы один заявил протест, даже если остальные солидарны с автором выдвинутого предложения, голосование

*Мужской портрет. Вторая четверть I в. до н. э.
Chieti, Национальный музей Antichita*

не считалось правомочным. В этом законе-противовесе и заключалась основа республиканского правительства; коллегиальность решения приводила часто к тому, что позиция одного трибуна останавливала все дело.

Теперь это почувствовал на себе Тиберий. Как только он созвал народ на голосование, один из его коллег, *Марк Октавий*, заявил *intercessio*. Это был человек весьма степенного и скромного нрава, верящий в свои убеждения. Пришлось собрание распустить. Но право протеста принадлежало также и Тиберию, и он воспользовался им в отношении к действиям других магистратов, чтобы сломить их оппозицию: он запретил магистратам заниматься государственными делами (преторы не могли вершить суд, квесторы ассигновать деньги за расходы страны) до тех пор, пока не будет поставлен на голосование его законопроект. Вся государственная машина остановилась; сенат негодовал, но подчинился. Тиберий, уверенный, что сломил сопротивление, вновь предложил свой законопроект; увы — *Октавий* опять наложил *veto*. Благодаря посредничеству общих друзей удалось созвать заседание сената, посвященное решению аграрного закона — именно то, с чего следовало начинать. Сам закон имел в сенате много сторонников, но «вызывающая», по мнению многих, позиция, занятая Тиберием, весьма уменьшила их число: закон был отвергнут.

Что делать дальше? Легальные средства были исчерпаны, приходилось действовать нелегально. Тиберий созвал трибунов и предложил на голосование вопрос о том, кто из них, *Октавий* или Тиберий, должен покинуть коллегию. *Октавий* ответил, что закон не предполагает насильственного исключения из коллегии. Тогда Тиберий снова собрал народ и призвал граждан решить голосованием, может ли народный трибун, поступающий вопреки интересам народа, продолжать оставаться в этой должности?

Подобное снятие с должности тем более противоречило «священному» праву. Тем не менее Тиберий убедил народ голосовать. Одна за другой трибы начали объявлять свое решение; вот уже семнадцать из тридцати пяти проголосовали против *Октавия*, еще одна — и *Октавий* станет частным лицом. В последний раз Тиберий, не дожидаясь результатов, поспешил к *Октавию* и молил его не подвергать себя бесчестию, молил его снять свое вето. *Октавий* был потрясен благородством своего противника, слезы текли из глаз, но совесть не позволяла уступить, как и боязнь беславия, которой его покроют за слабость; он остался неумолим. Потеряв терпение, Тиберий приказал огласить итоги. Последняя триба высказалась против *Октавия*. Итак, большинство получено, *Октавия* лишили его звания. Не признавая правомочность приговора, *Октавий* остался на своем месте. Тиберий приказал кому-то из своих вольноотпущенников вывести его. Наиболее ретивые и разгоряченные среди

присутствующих хотели было напасть на Октавия, но его сторонники поспешили на помощь и завязалась драка. Октавию удалось спастись, но его верному рабу, защищавшему хозяина, выбили глаз. Кровь облила каменный пол Форума, первая кровь гражданской войны. Потрясенный Тиберий закрыл лицо руками: разве такого итога он ожидал?

Беззаконие свершилось, с этого дня начинается закат римского государственного строя, тот закат, в итоге которого с течением времени рухнула в пропасть и Республика.

Теперь не представляло никакого труда провести аграрный законопроект, он был принят, и оставалось избрать членов аграрной (полномочной) комиссии («аграрный триумvirат»). Народ избрал самого Тиберия, его тестя, Аппия Клавдия, и младшего брата, двадцатилетнего Гая Гракха. Эта комиссия явилась дальнейшим отступлением от республиканских правил, при этом двойным: негоже, чтобы магистрат, создающий некую новую структуру, был туда избран, вдвойне неприлично, когда в новую коллегию избирают членов одной и той же семьи. Несмотря ни на что, триумvirат был создан и немедленно начал свою деятельность, которая, как мы убедимся, оказалась весьма положительной.

Гракхам ничего другого не оставалось, как двигаться дальше по той же наклонной поверхности. То, что было сделано — исключение трибуна, — явилось нарушением «священного права закона», преступлением против величия римского народа (*crimen maiestatis*). Пока он — трибун, он — лицо священное и неприкосновенное, но Тиберий прекрасно знал, что с той минуты, как (к концу 133 года) его полномочия кончатся, его привлекут к ответственности. Значит, есть только одно средство избежать суда, тоже незаконное — вновь выставить свою кандидатуру на 132 год. Это называлось продолжением, непрерывностью магистратуры и не допускалось именно потому, чтобы не дать возможности уклониться от ответственности. Тиберий понимал, что народ неохотно совершит новое беззаконие, и для того чтобы его к этому склонить, следовало принять новые проекты демократических реформ.

Как раз в 133 году Рим получил новую провинцию на Востоке. Последний царь Пергама, Аттал III, во всех отношениях недостойный потомок своих блистательных предков, умирая, отписал свое государство римскому народу. Сенат еще в период организации провинции Македония в 148 году отошел от обычного принципа не создавать новые провинции на Востоке и, согласно принятой конституционной практике, принял наследство и добавил «провинцию Азия» к числу прочих. Но вместе с землями Рим получил и богатую казну Атталидов. Однако Тиберий внес в народное собрание законопроект, по которому эти сокровища должны быть переданы в распоряжение аграрного триумvirата на создание денежного

фонда для субсидирования новых собственников и покупку инвентаря новым землевладельцам. Это было новое проявление неуважения если не к закону, то к республиканским традициям. До сих пор экономические вопросы входили в компетенцию сената. Но народу такой закон понравился, он охотно его принял, поэтому Тиберий мог смело поместить свое имя среди кандидатов в трибуны на будущий год, обещая народу провести новые законы.

Итак, дальнейшее развитие единоличной власти? А может, и пожизненной? Разве это не тирания? Посыпались обвинения: Тиберий Гракх хочет стать римским царем! Некий Квинт Помпей уверял даже, что, живя по соседству с Тиберием, видел собственными глазами царскую диадему Атталидов, подаренную Тиберию как новому монарху.

Наступил день выборов. Инсинуации врагов достигли желаемого: на собрании оказалось много людей, настроенных крайне недоброжелательно к трибуну, и Тиберий понял, что нужно распустить собрание и отложить голосование до следующего дня. Но одновременно он почувствовал, что есть основание опасаться за свою жизнь, — кругом распространялись слухи, что враги затевают убийство, потому что тот, кто убьет, совершит не убийство, а исполнит гражданский долг против тирана. И вот Тиберий, еще до роспуска собрания, обращается к народу с речью, в которой указывает на грозящую ему опасность и просит в случае его гибели не оставить жену и детей. Многочисленные сторонники слушали, потрясенные. «Не позволим тебя обидеть!» — кричали взбудораженные люди; толпа направилась к его дому и сторожила всю ночь.

Ночь прошла относительно спокойно. Наутро должны были состояться два собрания. Внизу, на Форуме, собирался народ, наверху, на Капитолии — заседал сенат под председательством известного юриста Публия Муция Сцеволы. Тиберий покинул свой дом со своим наставником, философом-стоиком Блоссием. Когда он выходил из дома, два ворона с громким карканьем дрались на крыше и сбитый с крыши камень упал к его ногам. Тиберий вздрогнул: неужто это знамение богов?! Но Блоссий, ученик Панеция, не придавал значения суевериям и пытался успокоить Тиберия. «Что скажут люди, если узнают, что внук победителя Ганнибала испугался ворона и не выходит из дома!» Ему удалось развеять опасения Тиберия.

Когда они приближались к Форуму, друзья вышли его встретить: все идет как нельзя лучше, настроение собравшихся самое благоприятное. Вскоре он и сам в этом убедился — ему устроили горячую овацию. Обрадованный и полный надежд Тиберий предложил собравшимся приступить к голосованию по трибам. Дело пошло быстро. Оставалось огласить отдельные результаты. Но вдруг раздался крик: сенатор Фульвий Флакк, друг

Тиберия среди сенаторов, поспешно спустился с Капитолия и прорвался на трибуну. Появление сенатора вызвало всеобщее любопытство, но одновременно суматоху и шум. Что случилось? Оглашение итогов голосования оказалось прерванным. Флакк приблизился к Тиберию и сказал:

— Твои враги в сенате не могут убедить консула¹ перейти на их сторону, а потому замышляют расправиться с тобой сами, для этого вооружили множество рабов и вольноотпущенников.

Слова Флакка слышали только граждане, стоявшие близко от Тиберия. Они бросились на стражу, отобрали у них копья, которыми те сдерживали толпу, стали ломать их на части и вооружаться. Многие из-за шума не могли понять происходящее. Что случилось? Тиберий напрасно обращался к народу, даже в первых рядах не слышали его слов. Видя, что его не слышат, трибун пытался хотя бы жестом показать, в чем дело, показывая правой рукой на голову. В эту минуту возмущение достигло границ.

— Он хочет показать, что его жизни грозит опасность, — кричали друзья.

— Ложь! — отвечали враги. — Он требует для себя царской диадемы!

В то время как на Форуме продолжалась свалка, глашатаи побежали на Капитолий в сенат с известием, что Тиберий требует царского венца.

— Слышишь? — закричал консулу сенатор Назика, дальний родственник Тиберия, но самый яростный его враг. — Перестанешь сопротивляться?

— Не допущу беззакония, — спокойно ответил Сцевола.

— Консул изменил Республике, — заявил сенаторам Назика, — все, кому дорога республика, — за мной!

Сенаторы поспешили за ним, вооружившись, кто как мог. Все направились на Форум, к народу, к трибуну.

Если бы сюда бежали вооруженные рабы и вольноотпущенники с мечами, то народ защитил бы своего избранника; но люди увидели небольшую кучку сенаторов с пунцовыми отворотами, и старая привычка к уважению перевесила; народ рассеялся, и покинутый Тиберий бросился бежать. Недалеко от храма богини Верности, где стояли статуи семи римских царей, он, восьмой царь, упал. Там его и убили. Вместе с ним погибло около 300 его сторонников. Напрасно Гай Гракх просил, чтобы ему выдали тело брата для похорон; всех, кто погибли в тот день, выбросили в Тибр.

А где был в это время Сципион, олицетворение совести римского народа? Чтобы смыть позор с Манцина, он вел войну в Испании. Как всегда, ему сопутствовал успех; прежде всего, он восстановил в армии дисциплину,

¹ Муция Сцеволу.

а затем, что уже не представляло затруднения, захватил Нуманцию. К заслуженному и наследственному прозвищу «Африканский» ему добавили еще один, «Нуманцийский». Теперь он возвращался домой. Узнав о смерти зятя и ее обстоятельствах, он ответил стихами Гомера:

Так да погибнет любой, кто свершит подобное дело.

Одиссея, I, 47. Пер. М. Е. Грабарь-Пассек

Какое «дело»? Не аграрный закон, а узурпация единоличной антиреспубликанской власти, с венцом или без, все равно. Сенат, в свою очередь, дальнейшими актами подтвердил, что он вовсе не противится этому закону: триумvirат работал дальше, и результатом его деятельности было увеличение количества римских граждан на 80000. Триумvirат существовал несколько лет и был распущен после того, как выполнил свою задачу: потребовалось немало гражданского мужества, чтобы его ликвидировать; народ видел в нем воплощение дела своего любимца и в роспуске этой комиссии видел повторное убийство героя. Решить опасную задачу взялся Сципион, но это не прошло для него даром: однажды утром его обнаружили в постели мертвым (129). Тайна загадочной смерти никогда не была раскрыта.

Наступила тишина, но тишина зловещая. Продолжатели дела Тиберия сумели провести весьма важное по своим последствиям постановление; теперь трибун получил право выступать соискателем высшей выборной должности на следующий год. Становилось очевидным, для кого готовится подобное продолжение власти. Брат убитого, Гай Гракх, скоро по возрасту получал право выставить свою кандидатуру. Он разделял убеждения Тиберия, при этом значительно превышал его и своими политическими способностями, и ораторским талантом. Вдохновляло его и чувство, незнакомое старшему брату, — жажда мести. Мать Гая, Корнелия, знала об этих стремлениях сына и боялась за последствия. «Ты скажешь мне, — писала она сыну, — что месть — прекрасное дело. Никто глубже меня не может это прочувствовать. Мечь несет в себе и величие и красоту, но только тогда, когда она направлена на врагов и не в ущерб отчизне. Если избежать этого невозможно, то пусть — во имя отчизны — враги сохранят свою власть».

Предупреждения оказались напрасны. Гай, как только достиг соответствующего возраста, выставил свою кандидатуру в 123 году. Никогда прежде Форум не видел такого скопления народа. Все, кто когда-то благодаря законам Тиберия приобрел обеспеченность и благополучие, поспешили в Рим, чтобы помочь его брату. Излишне говорить, что он был избран. Главной его целью, естественно, стало восстановление аграрного триумvirата. Излишки от занятых магнатами земель были уже поде-

лены, оставались земли, переданные италийским общинам; чтобы облегчить процедуру передачи и этих земель, Гай предложил «вознаграждение» в виде предоставления жителям этих общин римского гражданства. Но это не решало проблему окончательно. Идея создания заморских колоний, перед которой стоял Тиберий, Гаю представлялась вполне реальной; первой такой колонией и должен был стать восстановленный Карфаген.

Как добиться того, чтобы римский народ принял эти законопроекты? Как обеспечить себе единоличную власть, без которой невозможна реализация подобной политики? Категоричный и уверенный в своей правоте Гай принял решение, которое Тиберию и не пришло бы в голову.

Во-первых, следовало обеспечить себе постоянную поддержку народа. Гай достиг ее при помощи закона, совершенно безнравственного и в конечном счете вредного и для пролетариата: он ввел за счет казны дешевую, практически дармовую раздачу хлеба для граждан, живущих в Риме. Но хлеб, предназначенный для продажи по твердой цене, доставлялся из провинции, и получалось, что римский люд начинал кормиться за счет труда жителей провинций; это значило также, что зерно для раздачи будут отныне везти отовсюду в столицу, увеличивая количество люмпен-пролетариата и усиливая деморализацию городской толпы; это, наконец, означало, что все, охваченные подобной благотворительностью, образуют мощную «гвардию», преданную своему благодетелю.

Теперь предстояло найти союзника для удовлетворения жажды мести, лучше всего среди эквитов. Здесь надлежит записать на счет Гая Гракха не одно, а целых два безнравственных закона: судебный и закон о провинции Азия. Оба требуют объяснения.

Гражданские суды входили в компетенцию преторов, которые назначали судей каждый раз из сенаторов; судья набирал заседателей и вместе с ними рассматривал и решал дело. Для уголовных преступлений существовал только народный суд, но в 149 году известный своим чутьем юридических тонкостей Луций Кальпурний Пизон (Frugi) учредил из сенаторов постоянную судебную комиссию (*quaestio perpetua*) по делам о вымогательствах (*repetundae*). По примеру этой комиссии были созданы и другие. До сих пор все судопроизводство находилось в руках сената. И вот Гай предлагает народу изменить положение вещей, чтобы все суды перешли в руки всадников (*lex Sempronia iudiciaria*). Это означало, что теперь устанавливался контроль над деятельностью наместников и на смену злоупотреблениям сенаторов явились новые, еще более тяжелые злоупотребления эквитов. При этом в ситуации, когда судить провинившегося (всадника) будут тоже всадники, исход такого процесса не вызывал сомнения.

Алчность всадников еще более усиливалась расширением откупной системы.

Мы помним, что в 133 году Пергам был включен в состав Рима под названием провинция Азия. Гай предложил ввести закон, по которому все доходы новой провинции передавались в руки всадников, а сбор их сдавался на откуп в Риме; тем самым цветущая провинция обрекалась на произвол откупщиков без всякого контроля. Мы скоро убедимся, до чего довели ее мздоимцы... Пока закон действовал наряду с предыдущим и гарантировал своему автору полную поддержку и помощь всадников, Гай отдавал себе отчет в своих поступках. Он называл свои законотворческие акты «кинжалом, брошенным на Форум, чтобы обескровить самые привилегированные сословия». Он хотел лишить высокого положения сенаторскую элиту и на ее место поставить всадников, не задумываясь над тем, что лучшую элиту заменяет худшей.

Закон, оказавший непосредственное влияние на судьбу его брата (*lex Sempronie de provocatione*, право апелляции к народному собранию), явился возобновлением и развитием древнего закона Валерия с тем же названием (449); он грозил суровым наказанием тому, кто осмелился бы приговорить к смерти римского гражданина, минуя народный суд.

Свои законы Гай провел в основном во время своего первого трибуната, некоторые он отложил до второго, чтобы расчистить дорогу к третьему. Сенат не препятствовал избранию его во второй раз, но избранию в третий раз решил сопротивляться. Но не при помощи *intercessio*, которое после истории с Октавием считалось ненадежным, а используя более безнравственный и хитроумный способ. Чтобы начать новую демагогическую атаку, виднейшие сенаторы решили обратиться к товарищу Гая по должности Марку Ливию Друзу, богатому, знатному и красноречивому трибуну. Сенаторы постановили, чтобы на каждое предложение Гая тот отвечал своим предложением, более радикальным. Когда Гай предлагал закон о создании двух колоний, то Друз увеличивал их количество до двенадцати; Гай предлагал разделить землю между неимущими, назначая всем платить подать в казну, Друз отдавал землю даром; особенно удачным оказалось заявление Друза о том, что он снимает свою кандидатуру из комиссии по исполнению его законопроектов. Это был язвительный удар в сторону аграрного триумvirата Гракхов, имевшего характер семейного комитета, и избавлявшего автора от обязанности принимать участие в невыполнимых проектах.

Цель была достигнута, народ пошел за Друзом. Друз при этом дал ясно понять, что он действует по совету сената, и авторитет последнего стал возрастать, а популярность Гая гаснуть.

Как раз в это время Гаю пришлось руководить закладкой нового Карфагена, и он отплыл в Африку на долгое время. Его враги во главе с консулом Опимием (избранным на 121 год) с большой пользой для себя исполь-

зовали его долгое отсутствие, беспрепятственно вели против Гая агитацию и укрепили свои позиции. Вернувшись в Рим, он застал сильно изменившееся настроение, и когда народ собрался на выборы трибунов, кандидатура Гая не прошла.

Но еще не все было потеряно. Гай в течение двух последующих лет оставался властелином Рима, провел ряд законов, враждебных сенату; его ненавидели, но открыто нападать не смели: формального нарушения закона он не совершил. Наступил январь 121 года. Новый консул (Луций Опиций) немедленно объявил свой проект отмены наиболее позитивного, но и наименее популярного закона о восстановлении Карфагена (Юнонии). Гай лично направился на Форум, чтобы противостоять отмене, с ним была толпа его сторонников, готовая дать отпор сенаторской партии. До начала собрания была принесена жертва перед храмом Юпитера Капитолийского; один из ликторов консула, Квинт Антиллий, держа внутренности жертвенного животного, приблизился к сторонникам Гая и крикнул:

— Ну, вы, негодяи, посторонитесь, дайте дорогу честным гражданам!

Один из сопровождавших Гая, выхватив кинжал, убил его, совершив тем самым не только убийство, но и чудовищное кощунство.

К счастью, дождь в тот день разогнал собрание, но наутро страсти разгорелись с новой силой. Труп Антиллия положили на погребальное ложе и понесли мимо курии; плач и причитания перемешивались с проклятиями в адрес убийц. Все чаще раздавалось имя Гая как истинного виновника происшедшего. Ему пришлось защищаться — и вот новая напасть: он не заметил, что в ту минуту с народом говорил один из трибунов, и получалось, что он, Гай, его прерывает, что считалось тягчайшим оскорблением «священного» права.

Положение становилось все более угрожающим. Опиций предпринял заранее нужные приготовления, и теперь уже не кучка сенаторов с палками, но целые вооруженные отряды готовы были принять участие в разбое.

Фульвий Флакк, один из лучших друзей Гая, уговорил его вместе со сторонниками отправиться на Авентин и занять его. Опиций окружил Авентин. Тогда Фульвий отправил своего сына на переговоры к Опицию, но тот потребовал безоговорочной сдачи. Фульвий понимал, что это значит, и, не обращая внимания на готовность Гая идти в сенат и склонять его к миру, снова послал сына. Опицию не терпелось начать бой, и он велел бросить юношу в тюрьму. Большой отряд пехотинцев и лучников бросился атаковать Авентин. Фульвий не мог долго сопротивляться, сторонники Гракха бросились бежать. Спрятавшегося Фульвия схватили и убили вместе со старшим сыном; друзья Гая уговорили его бежать за Тибр. Часть его защитников перешла на сторону Опиция, соблазненные обещанием помилования. «Вы останетесь вечно рабами!» — крикнул Гай.

бросившись на мост через Тибр. Погоня уже настигала его. Друзья, Помпоний и Лициний, попытались преградить дорогу погоне и ценой своей жизни ненадолго задержали преследователей. Теперь Гая сопровождал только один раб по имени Филократ. Они успели добраться до маленькой рощицы, посвященной Фуриям, и там раб сослужил ему последнюю службу — убил сначала господина, а потом себя.

Трупы убитых были брошены в Тибр. Начались расследования по делу авентинского мятежа; общее число гракхианцев, погибших в тот день и позже, достигло 3 тысяч человек. Согласно закону Семпрония о праве апелляции, сенат вынес окончательное постановление (*senatus consultum ultimum*): «Пусть консулы смотрят, чтобы государство не потерпело какого-нибудь ущерба» (*videant consules, ne quid respublica detrimenti capiat*). Напомним, что подобное постановление облакает консула (или консулов) неограниченными диктаторскими полномочиями и таким образом вводит-ся осадное, военное положение.

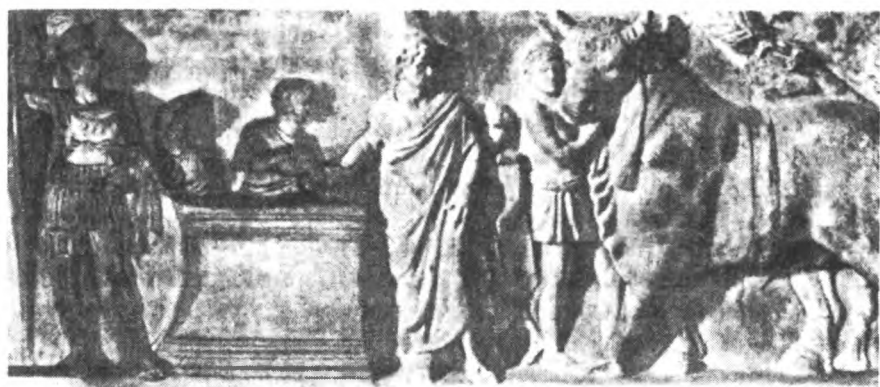
121 год прославился урожаем, и еще целое столетие люди вспоминали о «плодоносной осени Опимия» (*felix autumnus Opimii*). Но вспоминали и ту обильную кровь граждан, которой Опимий оросил родную землю.

51

ЮГ И СЕВЕР

Наступившее после трагической смерти младшего Гракха двадцатилетие называют периодом «реставрации Опимия»; это — эпоха внутренне относительно спокойная, но полная зародышей грядущих потрясений. Власть вернулась нобилиям, но, конечно, в несколько урезанном виде: судебный закон подчинял наместников провинций контролю всадников; в случае сложения наместниками полномочий закон угрожал судом тем, кто в бытность наместниками, «защищая интересы населения», «препятствовал» деятельности всадников. Тем не менее сенаторская олигархическая власть нобилей еще продержалась без помех до конца столетия.

Власть эта имела свои светлые и темные стороны; но если мы посмотрим на ситуацию внимательнее и отбросим ряд личностей, достаточно безнравственных, прежде всего того, именем которого названа реставрация, то мы поймем, что темные стороны стали итогом фатального развития обстоятельств, преодоление которых превосходило человеческие силы; зато светлые стороны заключались в активности самой элиты и в ее чувстве долга. И если в политической жизни итогом становится следующий этап упадка, то в культурной жизни мы наблюдаем несомненный прогресс,

*Рельеф алтаря Домиция Агенбарба.
115–100 гг. до н. э. Париж, Лувр*

предвосхитивший эпоху гуманизма, которому было суждено цвести в течение трех столетий.

Из темных сторон самым страшным было рабство, становившееся все более жестоким; об этом у нас будет разговор в следующих главах. Второе место занимал вопрос о расширении римских гражданских прав путем дарования их латинским общинам, а затем и остальным союзническим общинам Италии в ожидании еще весьма далеких времен, когда эти права получат и провинции, достигшие определенного уровня культуры. Многие нобили благосклонно смотрели на подобное поэтапное развитие событий и расширение круга полноправных граждан; но, увы, сам Гракх своим хлебным законом создал достаточно трудные для преодоления препятствия. Этот закон гарантировал каждому римскому гражданину, живущему в Риме, почти даром, определенное количество зерна; легко себе представить, какие толпы бездельников бросились бы в Рим, если бы все латины получили римские гражданские права, не говоря уж об италиках.

Третьей темной стороной было замедление процесса оснований колоний; закон о выводе колоний — *lex Sempronia de coloniis deducendis* связан с тем, что основные запасы государственной земли были в значительной степени исчерпаны, а аграрный вопрос все еще оказывался далеким от разрешения. Гай пытался решить его созданием колоний нового типа, вне италийских. Для варварских стран, где такие колонии создавались, это, конечно, было безусловно благотворным актом, который, с одной стороны, мог гарантировать землю римскому пролетариату, с другой — повысить бы производительность провинции и вызвать бы к жизни разнообразные очаги культуры. Но этим благим намерениям противостояла теория о Риме как господствующем городе и об Италии как господствующем крае. По этой теории колонии римских граждан в провинциях были неприемлемы. Основанная Гаем Гракхом новая колония Юнония (на месте Карфагена) не пережила своего основателя; только благодаря стечению счастливых обстоятельств удалось построить и сохранить нарбоннскую римскую колонию (Нарбонн) в южной Галлии Трансальпийской; долгое время имевшая важное значение как перегрузочный порт, она была единственной римской колонией вне Италии.

К светлым сторонам следует безоговорочно отнести культурное движение эпохи, связанное с объединением римского духа с греческим. Снова во главе римской элиты оказываются филэллины, но их филэллизм сильно отличался от филэллизма Фламинина, он был более глубоким и серьезным. Сердцевиной нового, одухотворенного эллинизма были, во-первых, эллинская философия, а во-вторых, эллинское искусство. Философия еще не имеет римских адептов, они появятся в следующую эпо-

ху, но греческие философы, развивая традиции Панетция и Блоссия, остаются наставниками совести государственных деятелей. Примером могут служить две светлые личности эпохи, оба Муция Сцевола, отец и сын. Отца мы уже знаем — это несгибаемый консул 133 года, отказавшийся выступить против Тиберия Гракха. Сын оказался достойным отца, став олицетворением справедливости. Они прославились не только на практике: оба были т в о р ц а м и системы римского права. Наполнив древние законы и эдикты духом греческой философии стоиков, они превратили их в прекрасный памятник человеческого разума, который в дальнейшем стал образцом для подражания и следования на все времена вплоть до наших дней. Если бы данная эпоха ничего больше не сотворила, кроме созданного обоими Сцеволами, то все равно имела бы право на благодарную память потомков и на прощение грехов, как осознанных, так и неосознанных.

И все-таки Сцевола-отец не был духовным вождем того поколения, которое появилось после смерти Сципиона Младшего. Официально им был М а р к Э м и л и й С к а в р, первый сенатор (*princeps senatus*), человек суровых, староримских обычаев. Патриций из обедневшего рода, как «новый человек» вынужден был с большим трудом пробиваться по служебной лестнице в государственные учреждения. Выбранный эдилом, но будучи человеком небогатым, он не мог организовывать для народа достаточно роскошные игры, но он обладал таким обаянием, таким *auctoritas*, выражаясь трудно переводимым латинским выражением, что это вовсе не помешало его дальнейшей карьере. *Auctoritas* Скавра была настолько высока, что цензоры 115 года избрали его первым сенатором (*princeps senatus*), хотя он еще не был цензором, — единственный пример подобного рода; цензорство он также получил в соответствующее время. О его авторитете свидетельствует и достойная защита семидесятилетнего патриция против обвинения, брошенного ему народным трибуном Квинтом Барием: «Квинт Барий обвиняет Марка Скавра, первого сенатора, в том, что тот помогал союзникам в бунте против Рима. Марк Скавр, первый сенатор, отрицает это, свидетелей нет. Кто прав — Квинт Барий или Скавр?»

Пристыженный трибун отказался от обвинения. Какими поступками было добыто такое влияние, покажут его действия во время северной войны, о которой речь пойдет ниже. Сам Эмилий Скавр из-за преклонного возраста участия в войне не принимал; его сын вместе со своим отрядом бежал. Отец запретил ему показываться на глаза. Молодой Скавр вернулся в армию и героической смертью искупил свою слабость.

Естественно, что как лидер нобилитета он постоянно подвергался ярым нападкам своих политических противников, пытавшихся всеми способами запятнать его репутацию; но те обвинения, которые попали в новейшие

исторические хроники, опровергают его посмертная слава и отголоски ее у Горация, поместившего Скавра среди героев древнего Рима наравне с Регулом и Павлом, названного «расточителем своей великой души».

Политическим лидером нобилитета был Скавр, культурным — Квинт Катулл, кружок которого после смерти Сципиона Младшего стал очагом филэллинистических и гуманистических устремлений. Человек деликатный и образованный, он, вместе с тем, стал одним из героев упомянутой Северной войны. Как и Скавр, Катулл писал дневники о своей политической деятельности, как и Скавр, украсил Рим и Италию внушительными и эффектными памятниками светского и религиозного характера.

Серьезную и сложную задачу тогдашней эпохи представляла защита северной, альпийской границы Италии от беспокойных, главным образом галльских, племен, заселявших горы. Одновременно необходимо было для создания сообщения по суше с Испанией, создать на юге нынешней Франции «провинцию Галлия» (теперешний Прованс) с главным городом Нарбонн. Таким образом создавалась весомая помощь давней и верной союзнице Рима, греческой Массалии (ныне Марсель), «проповеднице» эллинской культуры среди галлов. Мало того, господство римлян вызвало строительство замечательных военных дорог, в названиях которых сохранились имена их создателей; дороги эти, кстати сказать, служили своего рода артериями для культурного кровообращения между сердцем всего мира Рима и его далекими границами. Не подлежит никакому сомнению, что нобили думали прежде всего о себе, о возможности приумножения своих богатств и роскоши частной жизни. Великолепные Карины уже не удовлетворяли тех, кто привык к греко-восточной изысканности; начинают застраиваться Палатин по чертежам греческих архитекторов, привезенных из Коринфа, Кизика (милетская колония на северо-западном побережье Мраморного моря. — *Н. П.*), Пергама; вскоре становится заметным и влияние более отдаленных центров культуры — Антиохии и Александрии. Но не будем обвинять нобилей в излишнем стремлении к роскоши; следует иметь в виду, что последствием подобного стремления явилось появление изысканных греко-римских домов, какие восхищают нас и поныне в Помпеях.

Итогом художественной одухотворенности жизни был рост стремления сохранить эту жизнь, а следовательно, возникновение сильной и искренней любви к миру. Войны, которые велись за альпийские перевалы, имели целью единственно обеспечить Риму безопасность его естественных границ; Рим больше не стремился к дальнейшим завоеваниям, его задача была иной — гарантировать средиземноморским властям спокойное решение своих политических и культурных проблем.

Но этого не получилось. Именно теперь Рим оказался втянутым в две долгие и опасные войны, северную и южную. Южная началась несколько позже, раньше закончилась (111–106), поэтому мы займемся сначала именно этой войной.

Поводом стал вопрос о наследовании трона в Нумидии. После смерти Масиниссы страной правили одновременно три его сына — Миципса, Гулусса и Мастанабал, а после смерти двух младших — один Миципса, достаточно миролюбиво настроенный царь, любитель греческой культуры и верный союзник Рима. Он послал Сципиону под Нуманцией отряд нумидийской конницы под командованием своего племянника, Югурты. Этот Югурта, юноша смелый и решительный, своими энергичными действиями под стенами осажденного города заслужил полное признание римских военачальников. Пребывание в штабе главнокомандующего Югурта использовал в полной мере, чтобы завязать многочисленные полезные знакомства, получить всю необходимую информацию об общественной и частной жизни правящего нобилитета. Даже Сципион вынужден был ему напомнить, что царям и царевичам надлежит быть другом Рима, а не отдельных римлян...

Как бы то ни было, Югурта покрыл себя славой на военном поприще, завоевал любовь солдат и римских нобилей и стал весьма популярным, в то время как собственные сыновья Миципсы, Гиеспсал и Адгербал, оставались малозаметными личностями и в Нумидии, и тем более в Риме.

Поняв ситуацию, Миципса счел нужным усыновить Югурту и, умирая (118), оставить свое государство всем трем, как сонаследникам, полагая, что они будут действовать в такой же согласии, как он со своими братьями. Но его надежды не оправдались. Порывистый Гиеспсал не скрывал отвращения по отношению к «чужаку», да и тот не особенно с ним церемонился и, воспользовавшись первым удобным случаем, убил брата. Это стало поводом к гражданской войне. Нумидия в целом поддерживала законного наследника трона, но Югурта недаром был учеником великого Сципиона. Бездарный Адгербал, спасаясь от солдат Югурты, бежал в римскую провинцию Африка, то есть в бывшую область Карфагена, а оттуда в Рим, чтобы выступить в неблагоприятной роли царя-изгнанника.

Югурта, со своей стороны, также начал готовиться. Отлично зная, благодаря своим личным отношениям, миролюбивые настроения нобилитета, он мог предвидеть непопулярность в Риме идеи африканской войны. И в самом деле — суровых распоряжений не последовало; комиссия сената с Опимием во главе решила «забыть» об убийстве Гиеспсала, а царство разделить между соперниками, оставив Адгербалу как старшему столицу Цирту. Югурта подчинился, цели своей он достиг... наполовину. Как только комиссия уехала, он начал совершать набеги на земли,

подвластные брату, вынуждая того вновь обратиться за помощью в Рим. Более того, он вторгся в царство брата, сверг его и осадил Цирту. Сенат не выразил особой тревоги по этому поводу, справедливо полагая, что предоставил Адгербалу достаточно сил для самообороны, что избавляло римское правительство от участия в непосредственных военных столкновениях.

Но в Цирте жили и занимались торговлей много италиков, с ними нельзя было не считаться; поэтому в Африку направили новую комиссию во главе со Скавром.

Прибыв в Утику, главный город римской провинции, Скавр пригласил к себе Югурту. Тот послушно прибыл, но переговоры умышленно затягивал, прекрасно понимая, что Скавр не уполномочен был объявить ему войну. Переговоры пришлось прервать, Скавр вернулся в Рим, Югурта — под Цирту. Измученные осадой италики требовали капитуляции, уверенные, что Югурта не посмеет их тронуть. Но они горько ошиблись. Захватив город, победитель приказал перебить всех италиков и мужское население, а Адгербала замучил насмерть.

Югурта рассчитывал, что Рим, вынужденный беречь свои силы для северной войны, грозящей Италии, крайне неохотно свяжет себе руки новой войной на юге; но последняя его дерзость переполнила чашу терпения в Риме. Югурте объявили войну. Консул Кальпурний Бестий направился с войском в Нумидию. Он одержал несколько побед, но было понятно, что война в горных ущельях с Сахарой в тылу может тянуться бесконечно. И когда Югурта выразил желание начать переговоры, Бестий принял его, и был заключен мир; Югурта согласился выплатить контрибуцию, выдать беглецов и отдать боевых слонов.

Этого, разумеется, было мало; враги нобилитета с народным трибуном Меммием во главе считали, что Бестий позволил себя подкупить. По требованию трибуна к Югурте отправили претора с предложением прибыть в Рим и дать разъяснения относительно лиц, им подкупленных. Югурта послушно прибыл, но в ту минуту, когда он собрался дать показания, другой трибун наложил вето на ответ царя. Представлялось очевидным, что автор *intercedent* сам был подкуплен тем или теми, для которых показания Югурты могли оказаться небезопасными; но ничего не поделаешь. Обрадованный успехом, подлый Югурта пошел на новую хитрость. Тогда в Риме находился другой внук Масиниссы, сын Гулуссы — Массива. Видя, что Рим начинает терять доверие к Югурте, Массива сам решил выставить свою кандидатуру на нумидийскую царскую диадему. Югурта постановил расправиться с ним чисто по-африкански: он приказал одному из своей свиты убить претендента, но тот исполнил приказ, по-видимому, не очень умело. Дело приобрело огласку, и Югурте при-

шлось покинуть Рим. Потом рассказывали, что, уезжая, он часто оглядывался на столицу мира и бормотал: «О, продажный город! Быстро бы ты погиб, если бы нашелся на тебя покупатель!»

Положение Рима, в сущности, было как никогда непростым. Консулу и прочим его сторонникам легко было требовать от других энергично вести военные действия, но воевать в такой стране, как Нумидия, да еще с таким врагом, как Югурта, совсем нелегко. Для римлян «югуртинская война» выглядела чисто карательной экспедицией, не сулящей никакой прибыли, и в сенате она была крайней непопулярной. И действительно, судьба вскоре проявила себя очень жестоко по отношению к римскому командующему: в 110 году Авла Постумия Альбина заманили в ущелье, и ему пришлось заключить с Югуртой исключительно позорный мир, который сенат не принял. Для сохранения армии Альбин капитулировал, а его армия прошла под ярмом.

Позор Альбина и его армии приобрел новый оттенок, честь Рима требовала наказать нахального варвара. На 109 год сенат выдвинул на консула кандидатуру одного из лучших своих людей, К в и н т а Ц е ц и л и я М е т е л л а. Перед новым командующим стояла крайней трудная задача: когда он прибыл в лагерь, то застал абсолютно деморализованную неудачами армию. Пришлось начать с наведения жесткой дисциплины, довольствуясь мелкими победами, чтобы восстановить прежний римский дух войска. Конечно, война с Югуртой и его нумидийцами была войной особенной. Римляне столкнулись не с карфагенянами, с их городами и поселениями, перед ними были отряды на диких, необъезженных конях, которые рассыпались при поражении и снова появлялись в неожиданных местах; кругом были лишь горные луга, на которых ничем нельзя поживиться, африканское палящее солнце — при погоне в безводной пустыне — родная стихия нумидийских бедуинов, но зловещая мачеха для римских легионов. И все-таки за два года своего командования Метелл с невероятным трудом сумел захватить всю Нумидию; но пока оставался в живых Югурта, войну нельзя было считать оконченной. Метелл намеревался завершить свое дело в будущем, 107 году, но произошло нечто неожиданное.

В армии Метелла в качестве офицера служил «новый», очень энергичный человек, о котором придется еще много говорить, Г а й М а р и й. Командующий был весьма доволен его усердием; как-то в конце 108 года этот Марий пришел к Метеллу с просьбой отпустить его в Рим, чтобы он мог выставить свою кандидатуру. Полководец был прекрасный человек, в этом мы еще сможем убедиться, но и гордость Цецилиев не раз заявляла о себе, особенно когда Марий, не слушая отеческих уговоров старика, стал требовать увольнения. «А что так спешешь? — с презрительной

улыбкой спросил тот юношу. — Будет время выставить кандидатуру вместе с моим сыном».

Двадцатилетний сын Метелла служил у него в штабе.

Марий не забыл подобного оскорбления, с этой минуты он превратился в самого яростного врага Метелла и всячески старался его очернить. В разговорах с живущими в Африке всадниками он активно распространял всякие слухи об умышленном затягивании войны.

— Дайте мне половину войска, и я приведу вам Югурту в наручниках!

Эквиты направили в Рим соответствующие донесения, а там, благодаря агитации Меммия и его сторонников, почва была подготовлена. Кандидатура Мария прошла. Так начался первый консулат Мария 107 года — первый из семи, ему предначертанных. Тот же народ, который избрал его консулом, поручил ему и вести войну с Югуртой. Слезы брызнули из глаз гордого Метелла, когда он узнал о неблагодарности народа, но потомки, учитывавшие неслыханные трудности выигранной им войны, справедливо признали победителем именно Метелла, дав ему прозвище «Нумидийский».

Итак, далее вести его дело предписывалось Марию. Горделивое обещание привезти Югурту в наручниках он, конечно, не выполнил; поход Мария можно назвать удачным, но он ни на шаг не приближал его к взлелеянной цели, а скорее, наоборот, отдалял. Продвинув легионы к западной границе, к Мавритании, где хозяйничал тесть Югурты, Бокх, Марий так напугал его, что тот немедленно заключил союз с зятем, обещавшим ему за помощь уступить треть своей территории. В итоге вместо одного врага римляне получили двух. Но не напрасно Марию пророчили успех во всех начинаниях, а он отличался глубоким суеверием, — наступила зима, гнев Бокха остыл, и старый лис начал взвешивать выгоды — Рим или Югурта, семейные перипетии которого он знал великолепно на примере Гиempсала, Адгербала и Массивы. Желая подробнее изучить все обстоятельства, он предложил Марию прислать одного человека, а именно квестора, «очень храброго офицера», который, можно сказать, в последней битве спас свою армию. И вот перед нами появляется еще один «предназначенный судьбой» государственный деятель, Л у ц и й К о р н е л и й С у л л а.

Наступил решительный момент: довериться слову тестя Югурты более чем легкомысленно. Но Сулла считал себя избранником судьбы, он смело доверил себя сыну Бокха, взявшегося его проводить к отцу. Сулла не потерял веры в предназначение и тогда, когда Югурта, разгадавший замысел тестя, окружил войском дороги и обоим путникам пришлось буквально пробираться сквозь его лагерь. Итак, у мавританского царя находились и Сулла, и посол Югурты; в их присутствии Бокх некоторое вре-

мы раздумывал, какая измена выгоднее — выдать Суллу Югурте или Югурту Сулле. Каждый старался переманить его на свою сторону, но молодой римский патриций, вооруженный всеми чарами своего неодолимого обаяния, победил.

Бокх поступил с зятем по-африкански: заманил в засаду, перебил личную охрану, а Югурту, заковав в цепи, передал Сулле. Так начался 106 год.

Заметим мимоходом, что в том же году родились замечательные люди следующей эпохи, Помпей и Цицерон.

Югуртинская война окончилась, а что теперь делать с Нумидией? Упорядочение ее дел задержало Мария в Африке еще на два года. Рим, как мы уже говорили, не предполагал превратить ее в провинцию, так что западную часть Нумидии отдали Бокху в награду за его «услуги», восточную пожертвовали Гауде, последнему внуку Масиниссы, и при нем это государство, граничащее с провинцией Африка, снова стало самым верным союзником Рима. Только в 104 году Марию удалось вернуться в Рим. Здесь в связи с опасным поворотом дел северной войны победителя Югурты выбрали консулом второй раз, с явным нарушением республиканских традиций. Прежде чем отправиться на войну против варваров, Марий отпраздновал великолепный триумф. «Африканского тигра», закованного в цепи, провели перед многочисленной толпой римлян. На этот раз поступили иначе, чем с Персеем, — после окончания праздника Югурту отправили в тюрьму, где ему суждено было смертью искупить многочисленные преступления жизни.

Итак, Югуртинская война окончилась, но в чем ее суть? Для Рима она не представляла интереса — будет ли в Нумидии царем Адгербал, Югурта или Гауда; взаимные убийства в роду Масиниссы также ничем не отличались от африканских нравов и не могли оправдать столь затяжную войну, которая лишь благодаря гению Метелла и Мария, мастерству и удаче Суллы через пять лет закончилась. Нобилитет неохотно отправлял легионы в нумидийские степи; их вынудил так поступить Меммий и другой трибун. Почему? Частично именно потому, что нобили этого не хотели, а главной причиной явилась Цирта и гибель живущих там италиков, среди которых было много купцов из римского всадничества. Они богатели не только в провинциях, но и в соседних государствах, занимаясь крупными торговыми и финансовыми операциями; естественно, это вызвало зависть местного населения, и многочисленные группы эквитов были заинтересованы в том, чтобы обеспечить себе безопасность. Данное сословие было тесно связано и с народом, и с его вождями, трибунами, в борьбе против общего врага, сената; вот почему Рим дал себя втянуть в войну, которая стоила стольких жертв и легко могла стоять еще больших.

Такова была южная война. Совсем иной характер имела война северная — там действительно Рим боролся за свой уклад жизни. Спровоцировали войну германские племена, неожиданно появившиеся, как предполагалось, из-за северных морей для завоевания новых земель; вместе с женщинами и детьми они насчитывали несколько сотен тысяч. Главными среди этих племен можно назвать кимвров и тевтонов. Странное и грозное впечатление производили на южан светловолосые голубоглазые гиганты, когда медленно, уничтожая все на своем пути, двигались они с неуклюжими повозками-жилищами и переносными крепостями. Как бы ни было совершенно римское военное искусство, оно оказалось бессильным против туч, подобных саранче. Появление тевтонов стало предвестником германской лавины, которая через несколько столетий уничтожит античный мир. Намерения варваров поначалу были вполне мирные: они требовали земли для поселения, а Риму предлагали свои... услуги. Но требование было невыполнимо, и потому у подножия Альп начались военные действия.

В 113 году против варваров послали консула Гнея Папирия Карбона, он был разбит (около г. Нореи, в теперешней Каринтии); в 109 году такая же участь постигла Марка Юния Силана, в 107 — Лонгина, в 105 — Квинта Сервилия Цепиона. Перерывы в войне объясняются тем, что германцы, не зная искусства систематического ведения войны, отходили каждый раз на север от Альп. Так, после разгрома Цепиона, когда Италия, можно сказать, лежала у их ног беззащитной (разгром близ г. Араузиона — совр. Оранж), варвары предпочли искать счастья в Испании и, переправившись через Пиренеи, воевали с арвернами, которые довольно успешно защищали свою землю.

Тем временем Марий закончил югуртинский поход. Его снова избрали консулом, и в 104 году он двинулся в Галлию против германцев. Они еще находились в Испании, поэтому Марий имел время подготовиться к встрече с противником и поднять дух деморализованной неудачами армии. Врага ожидали только в будущем году, и Рим считал целесообразным избрать Мариа консулом и на 103 год — в третий раз. Германцы появились, не торопясь разделились на два войска; кимвры постановили перейти Альпы с востока, тевтоны отправились вдоль побережья. В результате наступили обоюдная бездеятельность и четвертое избрание (102) Мариа консулом; вторым консулом стал известный нам Катулл. Он занял италийское побережье Альп (Цизальпинская Галлия), а Марий, находясь в Галлии Трансальпинской, завладел позицией при впадении Изары в Рону и ждал в сильно укрепленном лагере в надежде загородить тевтонам Ганнибалову дорогу, ведущую к альпийским горным перевалам и к побережью. Тевтоны стремились немедленно начать сражение, но Марий не торопил-

ся. Огромный рост варваров, их дикие голоса, скорее звериные, чем человеческие, их многочисленность — все это производило на легионеров устрашающее впечатление. Так пусть враг сначала поломаёт зубы об укрепления римского лагеря, а солдаты освоятся с тем, что их так пугало. Кроме того, мы помним, что Марий был очень суеверен: он взял с собой сирийскую пророчицу по имени Марта и содержал ее с большими почестями, следуя всем ее указаниям. Она-то и не позволяла ему начинать битву. Но солдаты начали роптать:

— Что это? Копать рвы нас сюда прислали, что ли?

Это нетерпение радовало полководца, и он держал войско в лагере, прекрасно обеспеченном всем необходимым.

Наконец ожидание наскучило и варварам; обходя врага, они двинулись вниз широкой долиной Роны. Переход длился долго; проходя мимо лагеря римлян, они с оскорбительными насмешками спрашивали солдат, не хотят ли те что-нибудь передать своим женам. Марий выдержал все и, как только прошли последние отряды, сам двинулся вслед. Так они дошли до местечка Секстийские Воды (Aquaе-Sextiae), расположенного к северу от Массилии. Название с трудом можно распознать в современном г. Экс (Aix-en-Provence). Варвары с наслаждением бросились в теплые источники, которым место обязано своим названием, а Марий занял укрепленную, но лишенную воды возвышенность. Там он велел разбить лагерь.

— Откуда нам взять воды? — спросили солдаты.

— Оттуда, — ответил Марий и показал на Рону. Там действительно было много воды, но рядом находился враг. Следовало рискнуть. Несколько водовозов отправились за водой, а с ними и охраняющие отряды. Увидев людей у реки, амброны, родственные, видимо, тевтонам племена, находившиеся наподалеку, выскочили из источников и загородили им путь. Купание варварам не помогло, и римляне пиками заставили их вернуться в лагерь. Во время погони несколько варваров погибло, остальных в лагере приняли за трусов и предателей. Впрочем, и для римлян эта схватка с гигантами была не развлечением; тевтоны схватили мечи и бросились на легионеров, пытаясь вырвать щиты, охваченные каким-то диким упоением, не покинувшим воинов до последнего часа.

Пока это было начало, следовало ожидать более серьезного сражения. Теперь и Марта требовала начать бой. Марий вывел войско из лагеря, а перед этим незаметно выслал несколько вооруженных отрядов во главе с Марцеллом для окружения противника. Тевтоны даже не дали римлянам спуститься с горы; доведенные до ослепления гибелью своих соплеменников, они бросились штурмовать гору. Марий чрезвычайно умно воспользовался территорией, легионеры ловко прыгали на врагов, круша их

мечами, копьями, в чем и Марий, солдат из солдат, им не уступал. И вот начали слабеть ряды варваров, а в тылу раздается крик солдат Марцелла. Теперь наступает не просто отступление, но побег. Давимые с обеих сторон тевтоны торопились к себе в лагерь. И опять разыгрываются жуткие сцены. Женщины, предвидя рабство или плен, кончают жизнь самоубийством разными способами. Многие вешались на дышлах повозок. Особенно страшное зрелище явила одна тевтонка, которую нашли повесившейся на дышле вместе со своими детьми, подвешенными к ее ногам.

Количество пленных было огромно, но количество убитых — в два раза больше; местные жители необычный урожай для здешних мест приписывали обилию крови, пролитой во время тех боев.

Марий, забрав в качестве трофея лучшее оружие, приказал остальное сжечь в честь Вулкана; в момент принесения жертвы прибыли гонцы со срочным сообщением, что Марий избран консулом в пятый раз.

Пока еще, разумеется, не было основания для триумфа: вторая римская армия во главе с Катуллом, вторым консулом, стояла в Цизальпинской Галлии и ждала неприятеля, который скоро дал о себе знать. Римляне не выдержали страшного вида варваров и, не обращая внимания на призывы консула, начали отступать. Тогда Катулл, оберегая репутацию римских легионов, сам встал во главе отступающих войск и, двигаясь на запад, довел армию до г. Верцелл в сегодняшнем Пьемонте. Здесь он встретил Мариа, появление которого подняло дух легионеров и вынудило кимвров к переговорам. Не зная о поражении тевтонов, они выставили очень высокие требования земли для себя и для своих братьев-тевтонов.

— Не беспокойтесь о своих братьях, — с иронической умешкой ответил Марий. — Они получили от нас столько земли, сколько им нужно.

Кимвры побледили.

— Ложь!

Тогда Марий приказал привести взятых в плен у Секстийских Вод вождей; сомнения развеялись...

Наступил день сражения. Но Марий мечтал не только о собственной победе, но и об унижении Катулла. Соперничество двух консулов обострял еще тот факт, что один был из правящей аристократии, другой — из народной оппозиции. Победила удача Рима, и г. Верцелл в верховьях р. По, свидетель полного уничтожения кимвров, занял почетное место рядом со сражением у Секстийских Вод (101).

Осуществилось ли второе намерение Мариа? Придется сказать, что да. Деликатный Катулл очень страдал от спесивости Мариа, не желавшего делить славу победы с товарищем. Катулл вызвал местных жителей в свидетели и, проведя их по полю битвы, доказывал, что его легионы сделали больше, чем легионы Мариа. Сенат оценил его заслуги, признав

обоим консулам одновременный триумф; народ, однако, именно Мария считал освободителем Рима от северных варваров и видел в нем «третьего основателя Рима» (после Ромула и Камилла).

Все больше разрасталась легенда Мария, согласно которой этот избраннык судьбы со своей верой в чудо превращался в человека Провидения. В благословенном Провансе долго жила память о герое Секстийских Вод; она засверкала новым блеском и позже, когда эта страна приняла религию креста и христианская легенда соприкоснулась с древнеримской в истории о трех евангелических Мариях и сестре одной из них, Марте, прибывших на равнину Роны проповедовать веру Христа.

Святую Марту, победившую чудовище Тараску,¹ народ, не считаясь с хронологией, отождествлял с пророчицей римского героя, а его имя (Марий), похожее по звучанию на имена святых, завершило переплетение двух легенд в причудливое целое. И до сих пор население Прованса рассказывает о чудесах, мученичестве и святых делах, свершенных «генералом» Марием, тремя Мариями и ясновидицей Мартой, которая ведет на веревке (так ее изображают) полузверя, полурыбу богохульную Тараску.

52

ГАЙ МАРИЙ

Откуда же взялся этот легендарный герой, что взлелеял в своих мечтах предсказанное ему семикратное консульство в качестве свидетельства необыкновенного величия, неосознаваемого даже им самим?

Родился он около Арпина (запомним это название, мы еще к нему вернемся), в гористой области вольсков; его предки сражались в тех отрядах, которые Кориолан привел когда-то в свой родной Рим. Было это почти четыреста лет назад; вольски давно получили римское гражданство и научились говорить по-латински, хотя их произношение резало тонкий слух жителей столицы; отзвуки такого произношения не исчезли в речи Мария. Он был выходцем из небогатой крестьянской семьи, образование получил самое элементарное, без греческого языка. «Не буду учить язык, учителями которого являются наши подчиненные», — не раз говорил он. Сильный физически, с унылым выражением лица, чуждый всякой красоте, простоватый и даже резкий в обращении,

---

¹ Тараска в мифологии и фольклоре юга Франции — ужасное чудовище, обитавшее в лесу близ реки Роны и пожиравшее путников и моряков с проплывающих мимо судов. По преданию, его усмирила святая Марта (сестра Магдалины) при помощи знака креста и святой воды.

он отличался остро развитым чувством правды, неукротимой амбицией и железной силой воли.

Марий родился в 155 году. Первые военные успехи были достигнуты под знаменами Сципиона Младшего во время осады Нуманции. Уже тогда он обратил на себя внимание полководца мужеством и точным исполнением обязанностей. Сципион любил награждать тех, кто заслужил поощрение; однажды он вызвал Мариа к себе. Во время обеда зашел разговор о том, кто после него, Сципиона, будет признан главой государства. «Кто знает, — сказал Сципион, — может, вон тот юноша», — и показал на Мариа. Марий вздрогнул, шутка начальника показалась ему пророчеством. Когда он вернулся в Рим, то приложил все усилия, чтобы стать трибуном, и благодаря помощи Квинта Метелла цели достиг. Марий постарался проявить себя в новой должности и, не обращая внимания на сенат, представил народу проект демократического закона голосования в суде. Консул Котта предложил сенаторам признать этот закон по формальным причинам необязательным и привлечь трибуна к ответственности. Со своей стороны Марий пригрозил консулу тюрьмой, поскольку тот посягнул на «священную» власть трибуна. Консул обратился к Метеллу, и тот намеревался его поддержать, полагая, что сможет сломить сопротивление трибуна. Но Марий и Метелла бросил в тюрьму. Тогда сенат принял требование Мариа, ставшего благодаря своей решимости любимцем народа.

Так Марий расчистил себе дорогу к претуре. Правда, не все препятствия удалось ликвидировать — как-никак, он был «новым человеком»; тем не менее цели достиг.

Нам трудно понять, каким образом он, сын землепашца, человек отнюдь не изысканных манер, смог жениться на барышне из патрицианской семьи, Юлии, будущей тетке великого Цезаря. Да, в жизни этого необыкновенного человека все было необыкновенным.

Далее мы видим нашего героя в армии Метелла, сражающегося с Югуртой, затем в должности консула и — командующим войском. Как это произошло, мы говорили выше. Война для Мариа была родной стихией; ведя простую и суровую жизнь солдата, он стал божеством своих легионов. Как после войны с Югуртой, борьбы с тевтонами на него «падали» консулаты — мы уже знаем тоже. *Consul quintum* — вот чем был для него 101 год, когда он праздновал двойной триумф в качестве полного победителя в северной и южной войнах.

Консул в пятый раз? А что дальше? Благодаря его успехам мир достигнут на всех четырех границах страны; но кем станет герой кровавых сражений во время мира? Первым сенатором? Но им был Скавр; известно, что вовсе не военная слава, а политический опыт и дар красноречия

давали право первенства в сенате. Нет, не первым, не вторым, не третьим, не десятым. Эти должности занимали Метеллы, Катутеллы, Сцевола — высокообразованные люди, которые умели с приветливой улыбкой вести сложную политическую игру. Как может он, с грубым лицом, простоватым видом и примитивными солдатскими шутками оказаться среди них? Как сможет он принимать участие в их великосветских беседах, наполненных, согласно тогдашней моде, греческими словами и оборотами, которых он не понимает? С другой стороны, непрерывные консулаты, верховное командование вызывали в глазах пугливых призраков самодержца с полномочиями не только гражданскими, как Гракхи, но и военными; но для этой новой роли нужно суметь удержать в руках военную власть и поступить так, как полвека спустя поступит Цезарь. На это Марий решиться не мог. Может, потому что испугался последствий возможной неудачи? Или его ощущение реальности и закона запрещало встать на такой путь?

Марий действительно подготовил такой путь другому — своей в о е н н о й р е ф о р м о й. Еще в 107 году Марий начал набирать в войска путем добровольной вербовки людей неимущих, находившихся вне цензовых списков. Это привело к тому, что римское войско из гражданского ополчения превратилось в профессиональную армию. Согласно староримскому принципу, служба зависела от имущественного ценза — самые богатые служили в коннице, средние классы в тяжелой пехоте, пролетариат в легкой. Марий отменил принудительный набор и вербовал исключительно на добровольной основе среди римских и итальянских пролетариев; эти добровольцы по окончании определенного законом срока службы практически не могли вернуться к земле, потому что ее не имели; значит, они находились под знаменами, пока было возможно, — а потом? Что делать с ветеранами? Следовало обеспечить их землей. Вот эта новая забота о ветеранах и явилась для Мария естественным следствием новых реформ, и мы с ним еще встретимся.

В римской армии еще до реформы Мария укрепился обычай выделять среди легионеров отборный отряд, находившийся в лагере в непосредственной близости от praetorium, палатки полководца; он назывался отрядом преторианцев; здесь впервые появляется разделение военных сил на «армию» и «гвардию». Естественной становилась более тесная связь такого войска с личностью главнокомандующего; кто был его божеством, тот мог решиться на многое, не исключая царской диадемы... Но, повторяем, Марий не хотел или не решался встать на такой путь.

Триумф прошел, Югурта был отправлен в «холодную ванну», как называлось подземелье, где его ждала смерть. А дальше? Пятый консулат не принес Марию вождельенной власти; но перед ним были еще два срока,

в которые он верил всей душой. Теперь следовало подумать о шестых выборах на грядущий 100 год. Сенат сейчас, более чем когда-либо, станет противиться его избранию, тем более, что на горизонте не видно никакой войны. Надо заручиться помощью популяров.

Еще со времен Гракхов на политической сцене появляются две партии, возникшие во время Второй Пунической войны — вспомним Фламинина и Варрона, партию «популяр» (*populares*), т. е. народную партию, и «оптиматов» (*optimates*, знатные), представителей нобилитета. При преемниках Гракхов возник даже обычай: кандидат становился страстным популяром, получал должность, попадал в сенат, а там превращался в оптимата, сторонника власти нобилей. Таким был и Меммий, которого вы видели в войне с Югуртой; он сурово критиковал коррумпированность послов, отправленных к африканскому царю; теперь он превратился в активного защитника сената.

Но вернемся к нашему повествованию. Во главе популяров в 101 году стояли два человека, не столько последователи Гракхов, сколько пародия на них, — С а т у р н и н и Г л а в ц и я; первый старался получить должность трибуна, второй — претора. Оба предложили Марию союз: если он поддержит их своим влиянием, они, в свою очередь, обеспечат ему шестой консулат. Отдавал ли себе отчет герой многочисленных сражений, на что идет он, человек, тонко чувствовавший закон и право, вступая в союз с нарушителями законности? Снова приходится сказать, что этого мы не знаем. Но его опыт весьма поучителен.

Сначала проходили выборы консула. Сатурнин и Главция слово сдержали, потому что их ждала награда. Марий был избран в шестой раз. Затем наступили выборы претора, и здесь все прошло гладко. Известный народу по предыдущей деятельности, Главция получил необходимое большинство голосов. Но вот наступили выборы десяти трибунов, имя Сатурнина стояло в списке популяров, но кроме него были и кандидаты от оптиматов; начался подсчет голосов по трибам. Что же получается? Первым, получившим большинство голосов, оказывается кандидат от оптиматов, второй — тоже, и так до девятого. Надежд на десятого — мало, тем более что и здесь шансов у оптимата больше, кандидатом выступает всеми уважаемый гражданин Квинт Нунний. Вдруг среди собравшихся раздается крик:

— Нунний убит!

Убит? Кем? Это выяснится позже, но сейчас оставлять народ без трибунов «священный закон» запрещает; выборы нужно продолжить. Голоса, отданные за покойного, разумеется, пропадают, на его место ставят одиннадцатого кандидата, которым, конечно, оказывается Сатурнин.

Кто убил Нунния, так и осталось невыясненным, но римляне помнили поговорку, произнесенную одним из лучших юристов: *Is fecit, cui prodest* («Сделал то, кому это выгодно» — из трагедии Луция Аннея Сенеки Младшего «Медея». — *Н. П.*)

Тем временем наши «союзники» приступили к делу. Первой их задачей было наделение землей ветеранов Мария, сначала из отрядов римских граждан, потом — и это был важный новый шаг — многим италикам, которые таким путем получили бы римское гражданство. Землю для раздачи должна была дать внеиталийская колонизация, в частности Трансальпинская Галлия (которую, кстати, еще предстояло завоевать). Новые колонии предполагалось организовать как гражданские колонии. Председателем комиссии был бы избран Гай Марий, с самыми широкими военными и гражданскими полномочиями; деятельность комиссии рассчитывалась на несколько лет; если бы этот план прошел, Марий получил бы в свои руки огромные полномочия, делавшие его диктатором на неограниченное время, — то есть то, о чем он давно мечтал. Но как заставить народ принять такой закон? Большинство людей, привыкших к римским раздачам, не согласится на тяжелый труд в колониях. Чтобы сломить сопротивление, Сатурнин добавил законопроект, согласно которому и так почти символическая цена на хлеб была снята, что означало фактически бесплатную раздачу хлеба из государственных складов. Но реформы грозили казне банкротством, что, впрочем, мало беспокоило Сатурнина.

Наступил день голосования, ветераны Мария, естественно, как один, явились на Форум. Трибун попытался наложить вето — мы помним, что все, кроме Сатурнина, были из партии оптиматов. Сатурнин, поддерживаемый ветеранами, продолжает голосование; авгуры сообщают о неблагоприятных знаменьях, что приближается буря, — а по законам в подобных ситуациях собрание прерывается; Сатурнин призывает не обращать внимания на заявления пугливых, напоминая, что после грома «может быть и град». Закон принимается.

Но Сатурнин не довольствовался первым успехом. Он помнил, какая судьба была у закона младшего Гракха. Он добавил еще одну интересную оговорку: в течение пяти дней сенаторы должны были присягнуть в том, что будут этот закон соблюдать; неприсягнувшие подлежали удалению из сената и подвергались большому штрафу. Марий, как консул, обязан был показать пример. Мы отмечали, что сам закон был ему на руку, но, с другой стороны, он забрызган кровью Нунния; Марий не очень хорошо себя чувствовал в компании своих союзников. Поэтому он сказал: «Закон, если он закон, должен быть соблюден мною, и я присягаю в этом».

Такая обмолвка лишала смысл присяги, и тот, кто присягнул, мог всегда заявить, что закон, проведенный вопреки вето трибуна и предостережениям авгуров, не есть закон. Сенаторы охотно последовали примеру Мария; один только Метелл Нумидийский, слишком гордый, чтобы пользоваться увертками, отказался принести присягу и уехал в изгнание на остров Родос.

Сатурнин и Главция заметили в подобной двузначной присяге хитрость, и их азарт значительно поостыл. До реализации нового закона было еще далеко, закон этот, по сути, оказался значительно более запутанным, чем прежний закон Тиберия Гракха. Подошли новые выборы. Претор Главция выставил свою кандидатуру в трибуны, что противоречило закону, но разве это имело значение! Его противником выступил человек большой эрудиции, бывший популярь, ныне оптимат, Гай Меммий. Атмосфера в толпе накалялась, выборы затягивались, наступало время трибунских комиций; эти выборы, согласно «священному праву», не могли быть отложены. Кандидатом (на третий срок) снова выдвигается Сатурнин, но, помня свой сомнительный успех на прошлых выборах, он подготовил народу особую неожиданность. Тридцать лет назад на этом месте произошла наиболее памятная сцена: Тиберий Гракх, предчувствуя свою неудачу, просил собравшийся народ об опеке над его маленьким сыном. И вот теперь Сатурнин напомнил народу давнюю присягу и представил выборщикам в числе кандидатов якобы чудом спасшегося сына Тиберия. Обман не вызывал сомнения. Марий как консул приказал лже-Гракха заключить в тюрьму. Но народ, не желавший расставаться со своей иллюзией, силой отбил самозванца и выбрал его трибуном. Это уже был открытый бунт. Но на этом не кончилось. Наконец наступил день консульских выборов. Кто победит, Главция или Меммий? Кажется, Меммий... Но теперь партия Сатурнина использовала то же средство, что и в прошлом году: сколоченная ею шайка убила Меммию.

На этот раз терпение сената лопнуло, он решил принять крайние меры. Сенат потребовал от своего консула, т. е. Мария, взять на себя руководство, силой восстановить порядок и выступить против мятежников. Следовало использовать кровавые репрессии против недавних союзников. Военных сил вблизи Рима не было, пришлось вооружить молодежь оптиматов, командование над ними принял Сква; Сатурнин и Главция также приготовились к бою: они открыли тюрьмы и выпустили преступников, призвали рабов. Но против хорошо вооруженных оптиматов они оказались бессильны. Разбитые на Форуме мятежники отошли к Капитолию и там укрепились, но обороняться долго не могли. Марий приказал перекрыть трубы, доставляющие воду на Капитолий, и таким образом вынудил их сдаться. Марий хотел спасти жизнь своим бывшим союзникам и под

сильной охраной отправил их в курию на Форуме. Но озлобленная толпа аристократической молодежи забралась на крышу, разобрала ее и засыпала черепицей узников. Так закончился знаменитый мятеж Сатурнина в 100 году.

Много трупов оставил после себя Сатурнин; но среди трупов был один живой человек, сам Марий у заката своей власти шестого консульства. Он дорого заплатил за то, что, уважая закон, связался с людьми, законом пренебрегавшими. Теперь обе партии покинули Мариа. О новом консульстве не могло быть и речи, о председательстве комиссии по колонизации — тем более; закон Сатурнина пошел прахом, как и его автор. Кем теперь был герой африканских и германских войн? Даже память о его деяниях угасала. Югурта? — Его изгнал из Нумидии Метелл, а пленил и привел закованного в цепи — Сулла. Германцы? — С ними войну завершил Катулл.

Метелл, Сулла, Катулл — три ненавистных имени читал Марий в глубине холодных и издевательских взглядов, которые бросали на него нобили; шли приготовления к торжественной встрече Метелла, возвращавшегося из своего добровольного изгнания. Не захочет ли Марий принять участие в празднествах? Нет, он предпочитает отправиться в Пессинунт, в центр культа Кибелы в Малой Азии, чтобы принести там благодарственную жертву Великой Матери богов — ведь она в свое время обещала ему победу над тевтонами. Там, в Галатии, его ожидало новое и почетное знакомство — с царем Каппадокии и Понта, *Митридатом Евпатором*, соседом римских провинций в Азии. Митридат был крайне недоволен установлениями Рима, которые били по его интересам, о чем он и изложил Марию (разумеется, через переводчика). Но Марий, опять же через переводчика, ответил уклончиво: «Либо постарайтесь быть сильнее Рима, либо исполняйте его приказы».

Царь был удивлен: «Я много раз слышал римский язык, но впервые слышу откровенную речь». Однако совет принял и постановил быть сильнее Рима. Как это ему удалось, мы увидим позже.

Марий вернулся в Рим. Здесь по-прежнему его раздражали и Метелл, и Катулл, и прежде всего Сулла, который открыто приписывал себе заслуги побед над Югуртой. Он даже приказал сделать специальную печать, на которой в камне был изображен связанный Югурта, и этой печатью подписывал письма к друзьям. Мало того. Новый союзник Рима, нумидиец Бокх, желая образно представить и свои заслуги, отправил на Капитолий дар в виде фигуры богини Победы; богиня несла трофеи, а рядом с ними изображение сцены, где он, Бокх, передает связанного Югурту Сулле. Теперь Марий не мог приносить молитвы Юпитеру Капитолийскому, чтобы не встретиться с довольным и злорадным соперником.

Шестой консулат решительно не принес возлагаемых на него надежд, а только издали показал Марию диадему самодержца, чтобы сразу спрятать... Диадема... Если Марта была еще рядом, то она должна была бы ему сказать, что диадема предназначена не для него, а для дитя, с рождением которого именно в этом году Марий поздравлял своего зятя Гая Юлия Цезаря Старшего...

Да, шестой консулат не принес Марию новых выгод, а лишь уничтожил плоды первых пяти: популяры его оттолкнули, справедливо видя в нем виновника гибели своих вождей, Сатурнина и Главция, оптиматы не признали его возвращения в их ряды и по-прежнему сторонились, считая его своим врагом.

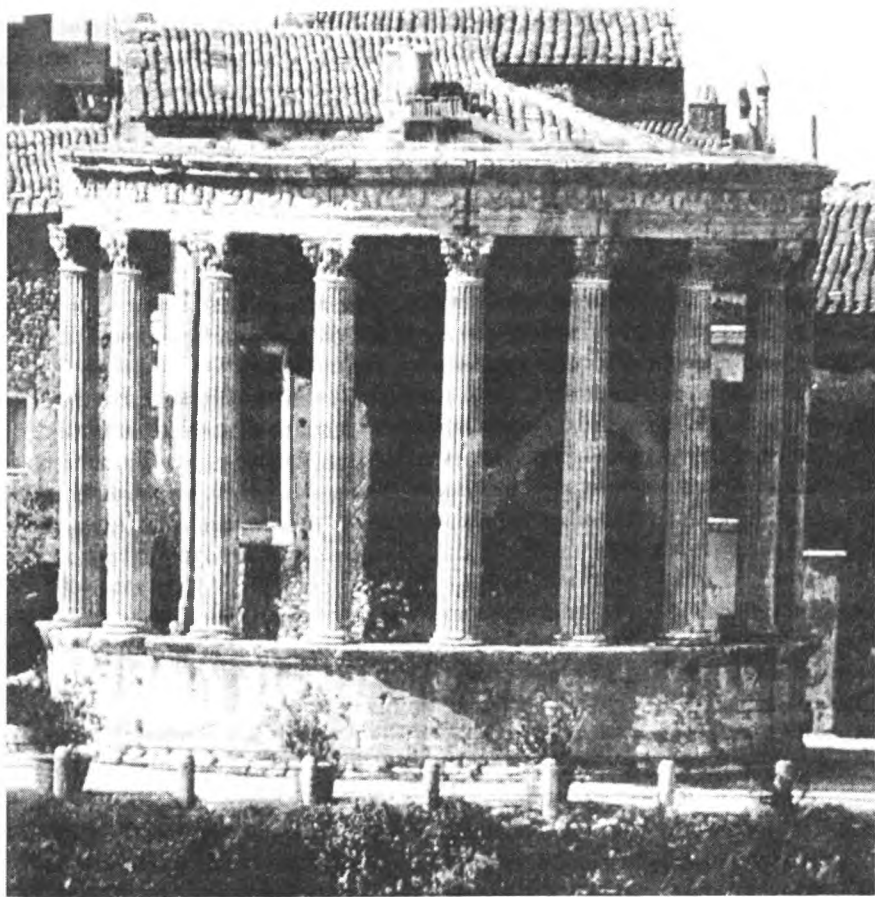
И все-таки, несмотря ни на что, Марий не расставался со своими амбициозными мечтами; будучи человеком суеверным, он верил в осуществление предначертанного ему седьмого консулата, последнего и решающего. Но когда он наступит?

В это время Риму был нанесен самый страшный удар со времен Ганнибала — разразилась война италиков, или Союзническая война.

53

ИТАЛИКИ И РИМ

О положении так называемых союзников (*socii*) разговор уже был неоднократно; появились они в итоге Самнитских и прочих, одновременно проводимых войн, которые привели к объединению Италии под гегемонией Рима. С побежденными Рим заключал соглашения, договоры, на основании которых они, покидая другие союзы, становились союзниками Рима. От них отбирали часть земель, которая становилась *ager publicus*, т. е. государственной землей, о чем речь была в главе о реформе Гракхов; частично эти земли служили основой для колоний, фундаментом римского могущества среди побежденных народов и очагом их романизации. Они сохраняли полностью самоуправление, никакой римский чиновник не вмешивался в их дела; они не платили налогов, но коль скоро обязались считать друзей или врагов Рима своими друзьями и врагами, то посылали в римские легионы вспомогательные отряды, ауксиллариев (*auxilla*). Во время войны с Ганнибалом эти формирования были равны силе легионеров, но в пропорциональном отношении весьма незначительны, если учесть серьезный количественный перевес местного населения. Бывало, особенно в эпоху славы, ауксиллариев было больше, чем римлян, в два раза; после военной реформы Мария их количество зависело от доброй воли самих союзников.

*Храм Весты (т. наз. Сивиллы) в Тиволи (Тибур) около Рима.
Нач. I в. до н. э.*

Подобная организация была хороша до поры до времени. Ее целесообразность прошла проверку во время нападения Ганнибала; он ошибся в расчетах, полагая, что с легкостью перетянет на свою сторону многих союзников. Но эпоха славы все изменила. Италию окружало целостное кольцо провинций, и их покорение становилось общей проблемой: на полях Испании, Македонии, Африки лилась кровь и римлян, и италиков, но все выгоды и почести получали исключительно римляне. Поэтому естественно, что союзнические государства стремились получить полное римское гражданство. Теперь это было тем более возможно, потому что суще-

ствовали общины, владевшие урезанными правами латинского гражданства (*ius sine suffragio*), так называемые *Latini*. Поначалу так назывались только жители Лации, *ager Latinus*; позже, по мере того, как с одной стороны, эти «общины», получая римское гражданство, превращались в муниципии, а с другой — возникали наряду с римскими и итальянские колонии, термин *nomen Latinum* переходил и на эти последние, а из названия племенного превращался в юридический.

Латины стали привилегированным союзником; их привилегии в первую очередь состояли в том, что в гражданском праве они сравнивались с римлянами, с которыми, во-первых, могли заключать имущественные договоры (*ius commercii*) и законные браки (*ius connubii*), а во-вторых, становиться римскими гражданами.

Таким образом, к концу II века к прочим политическим вопросам, занимавшим республиканское правительство, добавляется еще итальянская проблема, то есть вопрос предоставления италикам прав римских граждан. Трудность решения этой задачи заключалась в том, что имеющийся соответствующий закон, по сути своей демократический, противоречил интересам римского пролетариата. Происходило это потому, что закон Гая Гракха о дешевой раздаче зерна (*lex frumentaria*) стал огромной обузой для римской казны; по мере роста количества римских граждан неизмеримо возрастало выделение государством раздачи зерна. Это быстро поняла толпа, собиравшаяся на коммисиях, и, естественно, враждебно воспринимала всякую попытку расширения границ римского гражданства. Понял такую опасность и Гай Гракх; после его гибели нобили без труда отклонили его законопроект о предоставлении союзникам римского гражданства. Во второй раз произошло то же самое, двадцать лет спустя, когда Сатурнин, выступая о гражданстве для союзников, пытался подкупить народ предложением одноразового снижения цены на выделенное зерно. Мы уже говорили, что его мало интересовало состояние государственной казны, но оно отнюдь не было безразлично нобилиям, которые, разгромив мятеж Сатурнина, ликвидировали и оба его закона.

Можно себе представить, какое впечатление на италиков произвела мелькнувшая было нереализованная надежда. Власти отдавали себе отчет в тревожных настроениях и смотрели сквозь пальцы на распространившиеся факты самовольного присвоения гражданских прав живущими в Риме союзниками; для италиков это была некая лазейка. В 95 году консулами стали замечательный человек, К в и н т С ц е в о л а, сын Публия, олицетворение чувства законности, и его друг, великолепный оратор Л у ц и й Л и ц и н и й К р а с с. Для законопослушной души юриста Сцеволы всякое незаконное действие было отвратительно, кроме того, он заботился и об интересах римской казны. Они вместе провели закон, который под

угрозой суровых наказаний запрещал негражданам присваивать римское гражданство. Италики вернулись в свои города, и там их недовольство прорвалось. Везде создавались группы заговорщиков. Главный вопрос заключался в том, необходимо ли предпринимать шаги, чтобы вынудить Рим принять италиков в число своих граждан, или свергнуть римскую власть и объединиться в один союз без участия Рима.

Время было крайне тревожным, и сенат прекрасно понимал серьезность положения; по инициативе умеренного большинства сената один из его членов, Марк Ливий Друз (сын того, кто столь недостойно принимал участие в подавлении Гая Гракха), договорился с группами недовольных, обещая проведение требуемого ими закона. Задача облегчалась тем, что на 91 год Друз был избран консулом. Но следовало добиться одобрения народа и строптивых членов сената, поэтому Друз перед оглашением своего закона о гражданстве для союзников обдумал два постановления — одно для народа, другое для сенаторов. Народу он предложил проект хлебного закона, восстанавливающего и даже расширяющего раздачу хлеба. Сенаторов он хотел объединить судебным законом, на основании которого сенаторы и всадники получили бы равное количество мест в судебных комиссиях.

При проведении этих законов было допущено формальное нарушение. Если бы каждый закон передавался на голосование отдельно, то народная партия, по всей вероятности, отклонила бы судебный, а сенаторская хлебный. Чтобы помешать такому развитию событий, Друз объединил их в один законопроект, что являлось нарушением недавнего закона 98 года (*lex Saecilis Didia*), запрещавшего объединять в одно целое разнородные пункты. Друз добился своей цели, его законопроекты приняли. Его противник, консул Луций Марций Филипп, попытался протестовать и даже добился некоторой поддержки своей позиции. Но в стране уже утвердились новые «методы» решения вопроса: однажды вечером, когда Друз возвращался домой, его закололи кинжалом; кто приказал и кто исполнил убийство — навсегда осталось тайной.

«Друз убит!» — эти слова переходили из уст в уста по всей Италии, ненависть росла и привела к взрыву. В г. Аскулум в Пицене толпа растерзала римского претора, приехавшего в качестве следователя для изучения подозрительных переговоров города с соседними общинами. Так начался мятеж, вскоре охвативший северную и южную части Италии, переросший в Союзническую войну (90–88). Мятеж разгорался во всех районах, хотя и не захватил еще всех жителей. Многие общины сохраняли верность Риму, и прежде всего римские колонии, своего рода островки среди разбушевавшихся волн наводнения. Конечно, и действия объединившихся италиков были направлены прежде всего против этих

колоний. Возглавило мятеж сабелльское племя марсов, из которых был и мужественный начальник повстанческой армии Помпедий Силон.

Рим начал подготовку для разгрома мятежа. Представленный в начале 90 года ультиматум восставших, в котором Помпедий соглашался сложить оружие при условии предоставления повстанцам римского гражданства, римляне отвергли. Решительное завещание предков — не вести переговоров на земле Италии с вооруженным врагом — было выполнено в полной мере. Все усилия сосредоточились на ведении войны до победного конца. Командование приняли консулы 90 года, Луций Юлий Цезарь (его легатом был Сулла) и Публий Рутилий Луп, с легатом Марием. Между враждующими партиями в Риме наступило, наконец, согласие, а народ даже отказался (временно!) от раздачи хлеба, чтобы не отягощать казну. Союзники создали свою собственную государственную организацию, без Рима. В городе Корфиний, лежащем в центре Италии, в области пелигнов на востоке от Рима, повстанцы основали столицу, назвав ее Италией. Здесь заседал италийский сенат, состоявший из пятисот человек, проходили народные собрания и избирались должностные лица — два консула, 12 преторов и пр. — как в Риме.

Начались военные приготовления. До похода на Рим повстанцам предстояло вытащить из своего тела «занозы» в виде римских колоний, защита которых была первой обязанностью Рима. Отсюда вытекала казавшаяся хаотичность военных действий. Результаты первых сражений 90 года нельзя оценить однозначно, успехи были переменными. Консул Луп, попав в засаду, потерпел поражение и погиб. Но второй консул, Луций Цезарь, разбил Силона и своей победой поднял упавший было дух римлян. Марий, принявший командование после гибели Лупа, несмотря на свой преклонный возраст (ему к тому времени уже исполнилось 66 лет), вновь оказался достойным своей прежней военной славы. Сулла, как когда-то в Африке, активно помогал Марию. И все-таки успехи были на стороне италиков. Мятеж ширился, войска повстанцев, и прежде превышавшие численность римской армии, становились все более многочисленными. Казалось, судьба поддерживала италиков: царь Понта, Митридат, следуя совету Мария, постановил «быть сильнее Рима»; он понимал, что откладывать войну — значит потерять весь Восток.

В подобном опасном положении Рим прибег к средству, одновременно благородному и мудрому: по предложению Луция Цезаря народ постановил дать римское гражданство тем общинам Италии, которые сохраняли верность Риму. Положительные последствия подобного шага сразу принесли плоды, дальнейшее расширение мятежа было приостановлено. В начале следующего, 89 года, силы римлян возросли, а италиков значительно уменьшились. Относительно быстро покорилась южная

Италия, Рим теперь мог стягивать свои силы к центру, к столице повстанцев, которую успешно захватил. Падение «новой» столицы подействовало удручающе на тех, кто еще недавно мечтал о походе на Рим. После ряда успешных военных действий римской армии стало ясно, что «объединенные» италики перестали существовать, с Римом воевали теперь только самниты, оставленные своими союзниками. Так окончился 89 год.

Теперь окончательная победа Рима не вызывала никакого сомнения, что подтвердил следующий, 88 год. После первого поражения марсов остатками повстанческих отрядов командовал Силон, но счастье его покинуло, и в битве с римским главнокомандующим он потерпел поражение и погиб. Восстание, сердцем и душой которого был Силон, вскоре угасло. Избранный на 88 год консулом Сулла и на этот раз оказался предвестником окончательной победы. В течение неполного полугода он окончательно расправился с италиками, и теперь «счастливый» консул мог двинуться против Митридата. Но он не торопился; новые обстоятельства вынудили его предпринять наименее ожидавшийся марш — на Рим. Но об этом событии и об истории восьмидесятых годов мы расскажем позже.

Окончательный разгром восстания не решил всех проблем италиков; мы помним, что римское гражданство получили только общины, сохранявшие верность Риму. Признание гражданства остальных было вопросом времени. Рим не проявил ожесточения, и в течение последующих десяти лет вся Италия от Апеннин до южных морей получила право полного римского гражданства, Галлия Циспаданская — латинское гражданство. С той поры весь полуостров был объединен не только географически, но и политически.

Теперь в Италии (за небольшими исключениями) был только могущественный Рим, стоявший во главе муниципий и колоний, включенных в 35 римских триб. Все жители Италии получили право жить в Риме, участвовать в выборах магистратов и выступать в качестве кандидатов на государственные должности. Как уже говорилось, Рим не проявил мстительности к побежденным; когда великий поэт Овидий, самнит по происхождению, вспоминал об этих событиях сто лет спустя, то без всяких угрызений, а даже с гордостью писал о страхе, в каком жил тогда Рим из-за своих италийских соседей. Возобновились раздачи зерна, и все жители Рима могли его получить. Как в такой ситуации римская казна выдерживала подобную нагрузку, объяснить трудно, но постепенно финансовое напряжение дошло до точки кипения.

Финансовые проблемы были оборотной стороной проблем социально-политических. Раздача зерна, получение какой-либо части наследства по случаю смерти богача, выигрыш в театре, цирке, достижение легкого успеха для удовлетворения своей амбиции, различные честолюбивые или

материальные акции, дававшие неожиданный доход, — все эти обстоятельства привлекали в Рим, как правило, не лучшую часть италийского населения («накипь», «отбросы», говорили о них кандидаты, когда их никто не слышал). Итогом подобного наплыва явилась резкая пролетаризация столичного населения, рост люмпен-пролетариата. Более того, эта толпа, присутствовавшая на коммисциях, меньше чем когда-либо могла и количественно и качественно называться представителем римского народа. Иными словами, римская демократия, ценность которой подвергалась сомнению при Гракхах, теперь стала абсолютной фикцией.

Но как этому противостоять? К чему должен стремиться человек, для которого благо государства являлось высшим законом? Тот, кто выше фраз ценит дело, кто умеет делать выводы из жизненного опыта, тот должен признать, что разумно управлять страной можно как при монархическом, аристократическом, так и демократическом строе. А лучше всего — объединить и приспособить друг к другу все эти формы правления. Так советует Полибий. Как известно, демократическое устройство делится на два вида (системы): плебисцитный, когда все граждане лично принимали участие в принятии постановлений, и парламентарный, при котором различные населенные пункты выделяют своих представителей, которые создают «сейм», т. е. законодательный институт. Совершенно ясно, что система плебисцита возможна лишь в небольших государственных образованиях, когда гражданин может без труда лично присутствовать в столице для принятия участия в законодательных собраниях. Когда государство расширяет границы, демократическое устройство может удержаться лишь при условии замены системы плебисцита на парламентскую. Теперь Риму для сохранения демократии наступило время встать на парламентский путь. Но Рим не пошел по этому пути. Ни один из вождей даже не проявил никакой попытки показать возможность такого решения — до такой степени душе римлянина и вообще античному времени была чужда идея представительства.

Из вышесказанного становится понятным, что государственный деятель, поставивший благо родины своей целью, не мог честно и серьезно сотрудничать с партией популяров. Если он и сотрудничал, то только потому, что видел в этой партии орудие для достижения собственных целей и выгод. Мы уже видели, какие это были цели: прежде всего единоличная власть, то есть — монархия.

Иное дело сенат, нобилитет, оптиматы. Слишком рискованно, конечно, утверждать, что все они оказались на высоте. Тем не менее вся политика Рима в описанный период свидетельствует, что ядро было здоровым.

Действия соответствовали словам, и правящий сенат был истинным органом нобилитета, в то время как законодательные собрания (народ-

ные) уже с 89 года не были по сути органом народа, а потом и вовсе перестали быть выразителем его воли. И так, разумная политика была возможна лишь в том случае, когда на народные собрания предлагались законопроекты, принятые предварительно сенатом. В таких случаях подлинно осмысленная законодательная деятельность принадлежала бы сенату, а народные собрания остались бы институтом, эти законы утверждающим. Каждый факт переложения на народное собрание законодательной инициативы, равно как и случай с Гракхом и Сатурнином, которые лишь внешне были демократическими шагами, в сущности содействовали подготовке монархии.

Все эти обстоятельства следует учесть для правильной оценки политической борьбы, которая разыгралась в грядущее пятидесятилетие. Казалось, будто это — борьба аристократии с демократией, а по сути республика сражалась с монархией.

Но результатом Союзнической войны была не только окончательная утрата народным собранием своего значения; следует указать еще на одно политическое явление, достойное внимания.

В войне принимали участие Помпеи — по иронии судьбы единственный город, сохранившийся до нашего времени. Мы еще пройдемся среди его руин;¹ но уже сейчас можно упомянуть о таком феномене: жители Помпей были из кампанского племени, т. е. самнитами; они говорили на самом распространенном в Италии окском языке. Все надписи на стенах города до 89 года — на окском, но начиная с 88 года он вытесняется латынью. Таков итог получения римского гражданства, того дела, ради которого италии начали войну. Итог поистине потрясающий. Обычно народы встают на защиту своей родной речи от языка притеснителей; италии, наоборот, восстали, чтобы иметь право свой родной язык заменить на язык победителей.

Как объяснить подобное явление? Римляне никогда не навязывали покоренным народам свой язык. Будучи весьма высокого мнения о нем, они полагали, что пользоваться им — большая честь, которой можно добиться или за заслуги, или — как в данном случае — мечом. Можно лишь сожалеть, что новая Европа не следовала этому дальновидному и мудрому примеру. Ведь совершенно очевидно, что Помпеи — один пример из многих. С 89 года все итальянские наречия постепенно исчезают, вместо них появляется латинский язык, т. е. латынь.

Латинизированная Италия — вот знаменательный итог Союзнической войны.

---

¹ См.: *Зелинский Ф. Ф.* Римская Империя. 1999. С. 224.

МИТРИДАТ ЕВПАТОР

Рассказывая о греческом Востоке, мы ограничимся лишь той частью Малой Азии, которая была государством Атталидов, а позже, под римским управлением, провинцией Азия. Теперь обратим внимание далее на восток; минуя известную нам Галатию около сегодняшней Анкары, мы увидим ряд стран и народов, эллинская окраска которых становится все менее заметной — вплоть до Армении. Из всех стран здесь наибольший интерес представляет П о н т, который протянулся от греческого города Синопа на восток и на запад от Черного моря.

Основателем династии царей этой земли был Митридат I, которого с молодых лет связывали близкие отношения с Антигоном, а дружеские с его сыном, Деметрием Полиоркетом. Один из могущественных диадохов заподозрил Митридата в неблаговидных намерениях, что грозило утратой жизни; Деметрий вовремя предупредил последнего, и тот спасся бегством. Используя свои семейные связи, Митридат захватил Понт, где и началась история его династии.

Историческая судьба Митридата I известна мало, но даже если и были бы какие-то сведения, они нас не очень интересуют: деятельность всех этих царей сводилась лишь к захвату земель и накоплению сокровищ.

*Портрет Митридата VI Евпатора, царя Понта.
Тетрадрахма, 75 г. до н. э.*

С этой точки зрения неважно, идет ли речь о Каппадокии или Пафлагонии, Понте или Армении. Но теперь положение изменилось; с тех пор как в 133 году Азия стала римской провинцией, прочие государства полуострова оказались в полузависимом положении. И вот в 120 году в Понте на трон вступил человек, вернее, мальчик одиннадцати лет, для которого такое состояние дел представлялось весьма неудобным. Это был **М и т р и д а т VI**, прозванный **Е в п а т о р**.

Малолетние царевичи даже в греко-восточных государствах редко доживали до зрелого возраста, а тем более в странах «чисто» восточных. Их опекуны всегда старались захватить занимаемое ими место, часто при помощи матерей. Поэтому детство Митридата было полно опасностей; он сохранил жизнь буквально чудом, как охотник, укрывающийся в собственной стране. Благодаря суровой школе выживания, он вырос неслыханно сильным и закаленным человеком, ловким и умным, но одновременно крайне недоверчивым, вероломным и жестоким. Достаточно сказать, что еще в молодом возрасте он убил свою мать, затем брата и сестру, а позже троих сыновей и трех дочерей; прочих убийств он свершил нескончаемое количество. Но его личная семейная жизнь не представляет для нас особого интереса, главное — историческая роль, какую он сыграл в тогдашнем мире. Его политика опиралась на два фактора, созданных, правда, не им, но им умело использованных: на ситуации греческих колоний на юге сегодняшней Украины и ситуации римской провинции Азия.

Греческие колонии — прежде всего Ольвия в устье Днепра, Херсонес на западе Крыма недалеко от Севастополя и Пантикапея (ныне Керчь) на востоке того же государства. Эти колонии являлись проповедниками греческой культуры и эллинизма среди скифов и сарматов, будучи естественными посредниками в торговле между миром аборигенов-земледельцев и Грецией; они то расцветали, то шли к упадку, когда переселение народов нарушало их мирное отношение к местному населению. Теперь как раз наступало время очередной грозной волны, видимо связанное с этим переселением, волны, несущей кимвров и тевтонов на территории западного культурного мира. Внезапно появившиеся враги начали притеснять греков, требуя непомерной подати и угрожая их жизни. В этот же период Митридат для расширения своих земель присоединил к себе Колхиду и оказался в соседстве, правда, еще не в непосредственном, с Пантикапеем. Греки обратились к нему с просьбой о помощи и о защите, что было ему на руку; он изгнал находившиеся там орды варваров и даже присоединил к своим владениям новый район на Азовском море. При этом Митридат пользовался репутацией филэллина, что помогло ему реализовать свои малоазийские планы.

Римский сенат, хоть и занятый своими делами, тем не менее не без тревоги следил за ростом могущества Митридата Евпатора, но, желая укротить понтийского царя, совершал не очень удачные шаги. Скифские цари, изгнанные Митридатом, обратились к Риму за помощью, и тот оказался настолько неосторожным, что встал на их сторону вопреки интересам черноморских греков. Более энергично Рим вмешался в дела Малой Азии, когда Митридат занял Каппадокию, находившуюся недалеко от римской провинции. Мы не станем описывать многочисленные убийства и выступления самозванцев, при помощи которых понтийский царь сумел овладеть этой страной. Когда Рим выразил протест против захвата Каппадокии, Митридат, не желая своим упорством вызывать гнев Рима, склонил своего зятя, армянского царя Т и г р а н а, прийти на помощь оказавшемуся под угрозой союзнику. Но лицемерная кротость не усыпила бдительности Рима; осторожность его связана была с тем, что наместником Киликии как раз был известный нам Корнелий Сулла.

Здесь следует иметь в виду следующее.

Ослабление Родоса после войны с Персеем привело к тому, что неизменно выросла бесцеремонность пиратов, которые теперь, совершенно не опасаясь когда-то грозного родосского флота, устраивали дикую охоту на купеческие суда; в случае погони они находили убежище в бухтах горной страны между Тавром и Сирией — в Киликии. Следовательно, покорение их было естественным долгом Рима, который в свое время способствовал упадку Родоса. Попытка выполнить этот долг привела к тому, что в девяностые годы Киликия стала второй после Азии провинцией в Малой Азии. Наместником ее и был назначен Сулла. Военные силы наместника не представляли сколько-нибудь значительного контингента, но командующий являлся бесспорно выдающимся полководцем. Со свойственной ему смелостью он перешел Тавр, ворвался в Каппадокию, разбил союзника Митридата и вспомогательные отряды Тиграна и, тесня их, дошел со своими когортами вплоть до Евфрата. Впервые нога римского легионера ступила на берега этой исторической реки; Сулла понимал значение этого шага и использовал его так, как считал нужным.

Берега Евфрата входили в пределы владений Армении и Парфии, поэтому царь Парфии решил выслать своего представителя для переговоров как с решительным римским командующим, так и с новым царем Каппадокии, которого Рим поддерживал. Наступил исторический момент: первое соприкосновение Рима с чрезвычайно грозной в будущем Парфией. Успешные итоги зависели в большой степени от умелого использования ситуации, но здесь Сулла погрешил излишним усердием. Значительно позже римский историк Тацит усмотрел секрет римского успеха на Востоке в том, что главной заботой римлян была полнота власти, *imperium*,

а ее внешнюю сторону, «высокое качество», *superbia*, они охотно оставляли варварам. Но Корнелий Сулла прежде всего как раз и обратил внимание на внешнюю сторону проявления власти: рассказывают, что он поставил три трона: один для Ариобарзана (царя Каппадокии), другой — для Оробаза (посла царя Парфии, Арсака), третий для себя, и во время переговоров сидел посредине. Последний, узнав о подобном унижении своего представителя, страшно разгневался и велел того казнить за неумение поставить себя должным образом; с этой минуты отношения с Римом испортились вконец.

Эта замечательная «конференция на Евфрате» произошла в 92 году. Сулла временно получил полное удовлетворение, но, увы, только временно. В следующем году война с италийскими союзниками отвлекла внимание Рима от восточных дел, а Митридат, разумеется, не преминул воспользоваться удобной для себя политической конъюнктурой. Союзного Риму царя Каппадокии он выгнал и посадил на трон своего кандидата. В греческих колониях северного Причерноморья он сохранил (к счастью для культуры) прежние формы правления, но продолжал захватывать *Euksinus*¹ с юга и севера, продвигаясь к Балканскому полуострову. А поскольку его сильный флот не имел в этих водах достойного соперника, то в нем можно было видеть подлинного властителя Понта — не только небольшой страны, но и великого моря с тем же названием.

Рим понимал, что необходимо незамедлительно начать противодействие, в противном случае значение его в Азии будет ослаблено; не располагая большими военными силами, Рим направил в провинцию Азия в помощь наместнику очень опытного полководца, *М а н и я А к в и л и я*. Рассчитывали также, что полузависимые от Рима государства придут на помощь со своими полками. Эти надежды частично оправдались. Но более реальным оказался страх, который Рим вызывал у варваров только своим именем, страх, вызванный энергией Суллы. Митридат снова уступил, опять отозвал из Каппадокии своего фигуранта и освободил место для римского союзника.

Произошло взаимное недоразумение. С одной стороны, Митридат не очень осознавал слабость Рима в том тяжелом для него 90 году и, располагая полумиллионной армией, отступил перед небольшим корпусом *Аквилия*. С другой стороны, и *Аквилий* не отдавал себе отчета в подлинной мощи своего противника. Ничего удивительного, что каппадокийские «качели» ему наскучили, он понимал, что как только римская армия оттуда уйдет, Митридат опять выгонит римского ставленника и приведет

¹ *Euksinus* — *Euxini* (греч. гостеприимное). *Pontus Euxini* — древнегреческое название Черного моря.

своего. Чтобы противодействовать этому, Аквиллий, не располагая достаточными силами, приказал царю Вифинии Никомеру войти в пределы Понта. Но как только Митридат начал приготовления для отпора, Аквиллий запретил ему воевать с Никомером, союзником и другом римского народа.

Нужно признать, шаг был неразумный. Натянутая струна лопнула. Митридат бросил против Никомера все свои войска, и началась п е р в а я в о й н а с М и т р и д а т о м (89–84). Нужно еще учесть, так сказать, третье «недоразумение»: Аквиллий абсолютно не ориентировался в слабости римской власти в провинции Азия. Попробуем объяснить причины этой слабости.

Страна Азия была красива и плодородна, она могла прокормить многомиллионное население; при слабых персидских правителях не представлялось возможным в полной мере развивать свой потенциал; но под просвещенным и заботливым управлением Атталидов страна окрепла и расцвела. Такое положение дел могло продолжаться и дальше, когда Азия стала римской провинцией в 133 году. Но римляне не успели здесь пустить достаточно глубокие корни, когда Гай Гракх в 121 году подписал Азии смертный приговор, проведя свои фатальные законы, при помощи которых хотел купить себе расположение всадников, то есть денежной аристократии. Первый закон давал эквитам исключительное право на откуп; мгновенно эта несчастная страна была покрыта сетью спекулятивных товариществ; в римской казне они покупали за определенную, невысокую сумму право, скажем, сбора десятины зерна, а потом вытягивали с крестьян двойную или тройную сумму. Конечно, чрезмерно бесцеремонных спекулянтов наместник мог придерживать, тем более что обычно он назначался из состава сенаторов; но в таком случае наместник мог быть, например, обвинен во взяточничестве, что грозило обвинительным приговором, поскольку судьи, по закону того же Гракха, были из всадников. Это довольно скоро подтвердилось. В 94 году провинцией Азия начал управлять известный нам Квинт Сцевола, человек в высшей степени справедливый и положительный; его постановления, касавшиеся подведомственной ему территории, стали в дальнейшем образцом мудрого законодательства. Он в жестких руках держал эквитов-спекулянтов и не позволял им выжимать последние соки из провинции, за что и стал предметом их острой ненависти. Правда, его самого они не смели привлечь к суду, но использовали другой способ унижить честного служащего — обвинили его помощника, Рутилия Руфа, наиболее благородного и достойного человека, в вымогательстве (*repetundarum*). Конечно, судьи-всадники признали его виновным, и Рутилий, вынужденный удалиться в изгнание, выбрал ту самую провинцию, которую «ограбил» — Азию, и она приняла

его с такой невероятной любовью, что позднее, когда путь в Рим для него был открыт, не хотел туда возвращаться.

Итак, Рим много потерял, а спекулянты делали, что хотели; наместники, удрученные судьбой Рутилия, смотрели сквозь пальцы на их деяния; народ страдал, но, страдая — ненавидел и роптал. Ненависть укреплялась пророчеством, скорее возобновлением прежнего, столетней давности, тогда не осуществившегося. Как это пророчество возобновилось, мы увидим в следующей главе; здесь лишь упомянем, что над Римом вновь навис дамоклов меч предназначения, свершение которого ожидалось именно сейчас, в 83 году, а исполнителем его должен был стать Митридат. Прорицатели сулили ему господство над всем миром...

В религиозном отношении Азия была, конечно, наиболее восприимчивой римской провинцией, она первая приветствовала царя Понта как властителя мира. Поэтому успехи его были поразительны. Как только Митридат, а скорее его полководцы, греки Архелай и Неоптолем, начали свои походы, римское господство пало, вифинские и другие вспомогательные войска рассыпались. Аквиллий был окружен и взят в плен, и вся провинция с энтузиазмом приветствовала освободителя.

Таков был итог первого года войны; провинция Азия оказалась потерянной для Рима. Варварская душа Митридата обнажилась в полной мере: видите, насколько слаб Рим, которого боялся весь мир! Несчастливого старика Аквиллия он приказал пешком или на осле провести по всем городам провинции, подвергая мучениям и издевательствам, а на обратном пути в Пергам повелел влить в рот расплавленное золото: «Насытись богатствами Азии!» Прибыв в Эфес, понтийский царь приказал в один день по всей Малой Азии перебить римских граждан, включая женщин и детей, согласно царскому рескрипту. Около ста тысяч римлян пали жертвой «Эфесского эдикта» во время «Варфоломеевской ночи» античного мира.

Никогда еще Рим не испытывал подобного глумления. Варвар смог отважиться на такой шаг только потому, что уничтожение Рима считал делом неизбежным. И такое мнение, по всей вероятности, не лишено основания. В 88 году Рим, как мы видели в предыдущей главе, был охвачен огнем восстания и не мог мгновенно встать на свою защиту. Кроме того, Митридат имел не только сильную армию, но и мощный флот. Не теряя времени, он перенес войну в Европу. Греция тоже проявила себя настолько неразумно, что поверила в могущество будущего владыки мира; даже Афины забыли о Фламинине, Павле, Сципионе и признали «нового Диониса» из Понта; правда, в то время Афины находились под властью тирана, ратора Аристона, вообразившего себя подлинным властителем. Так обстояли дела в 88 году; на будущий год Митридат намеревался высадиться в Италии.

Но вместо этого произошло событие совершенно иного рода: Сулла встал в Греции. Как можно было осуществить такой гениальный и безумный шаг, об этом мы скажем ниже; пока заметим, что Сулла затеял поход не по распоряжению Рима, где правили тогда его политические враги, а по собственной инициативе, поддержанный преданными ему легионами, которые не хотели оставить героя Югуртинской, Германской и Союзнической войн. Кроме любви и поддержки легионеров у Суллы не было ничего: ни военного флота, ни денег, ни гарантированного снабжения — все ему предстояло добывать самому.

Другими словами, снабдить его всем необходимым предстояло несчастной Греции, которая чудовищными страданиями искупила свою «дионисову страсть». Сокровища Дельфы и Олимпии были реквизированы, храмы после такого удара никогда больше не вернулись к прежнему великолепию. Осаждены Афины, повалены знаменитые белые клены Академии, слушавшие Платона, пали в Пирее древние здания времен Перикла — все шло на изготовление осадных машин и боевых приспособлений. Аристотель вел себя мужественно, но вынужден был сдаться. А что дальше? Грецию можно занять и какое-то время получать провиант, опустошая ее закрома, но как перенести войну в Азию, если нет флота? Митридат имел не только собственный флот, он получил помощь от пиратов, обрадованных поражением общего врага и поспешивших предоставить свои корабли понтийскому царю. Тем временем политические враги Суллы в Риме расширяли свои акции, послав в Грецию сильную армию под командованием Валерия Флакка, но не против Митридата, а против него самого.

К счастью, недруг потерял ощущение реальности; он не слушал мудрых советов Архелая, прекрасно понимавшего, что время и так работает на Митридата; нетерпеливый царь, ослепленный количественным перевесом своей армии, издал приказ о сражении. Битва произошла около города, который однажды уже похоронил свободу Греции, при Херонее (86). Победил дух: армия Архелая была разбита, Сулла вырезал почти всех, жалкие остатки спаслись в Эвбее.

Опять можно спросить: а дальше что? С запада двигался Флакк с прекрасно вооруженной армией. Сулла уклонился от столкновения с римлянами. С востока Митридат выслал новую, столь же многочисленную армию. Сулла со свойственным ему презрением к опасности встретил войско Митридата при Орхомене в Беотии (85) и полностью уничтожил врага.

Сулла всегда верил в свою счастливую звезду; теперь удача перевесила чашу весов окончательно. Помощник Суллы, известный в будущем Лукулл, привел из Сирии флот, добровольно предоставленный сирийским царем. В армии Флакка тем временем произошел бунт, его легат Фимбрий убил командующего и направил войско не против Суллы, а против

Митридата. Этот деспот своими жестокостями похоронил всякое расположение Азии столь же быстро, как и обрел; в его кровавое правление блекли все нарушения римских всадников.

Под влиянием этой череды поражений Митридат стремился заключить мир, и Сулла, учитывая угрожающее положение римских дел, согласился на переговоры. Митридату пришлось отказаться от своих приобретений, виновники кровавой резни римлян были наказаны. Оставался Фимбрий. Сулла не торопился начать с ним сражение, хотя и расположился лагерем по соседству. И он не ошибся в своих расчетах: авторитет его после Херонеи и Орхомена вырос настолько, что братоубийственная война не произошла, легионеры Фимбрия начали толпами переходить на его сторону; бунтовщик Фимбрий заплатил смертью за свои преступления.

Теперь Сулла одержал окончательную победу. Он владел Азией. Некоторое время он оставался там, чтобы упорядочить дела, а затем, оставив в Азии легионы Фимбрия, вместе со своей прославленной в многочисленных боях армией сел на корабль и направился в Италию в город Брундизий.

Так начался 83 год, год Предназначения.

55

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Мог ли Рим считать себя удовлетворенным ходом войны с Митридатом? Несомненно, не мог. Исполнители кровавого «Эфесского эдикта» были наказаны, но главный виновник оставался по-прежнему царем Понта. Значительно меньше в свое время провинился Югурта в Цирте, но Рим не успокоился до тех пор, пока тот не занял место в «холодной бане» в римском подземелье. А почему теперь такая сдержанность? Причиной было революционное движение в Риме. Чтобы немного разобраться в ситуации, вернемся на несколько лет назад, к моменту окончания войны с италиками в 89 году.

Но прежде стоит напомнить читателю одно обстоятельство, которое, возможно, он не помнит.

Речь идет о некоем всемирном перевороте, переломе, каковой ожидали в год тысячелетия со дня падения Трои, т. е. в 183 году. Переворот не наступил. Что это значило? Неужто Сивилла ошиблась? Невероятно! Ведь значительная часть римских религиозных обрядов опиралась на ее пророчества: культ Аполлона, Деметры-Цецеры, Великой Матери и многих других богов. Сивилла не ошибается — в этом никто не сомневался, — и она ясно говорила о десяти веках после падения Трои. Может, непра-

вильно называли 1183 год годом ее разрушения? Но такое предположение казалось бесосновательным. Уж кто-кто, но Эратосфен, который провел измерение земного шара, определил длину его окружности, безусловно заслуживал доверия; его хронология была основой римской хронологии. Оставалось допустить ошибочные подсчеты тех «десяти веков». Говорили, что век — это сто лет, но на каком основании? Правда, «век» — это человеческая жизнь в самой растянутой протяженности, она рассчитывалась на сто лет; но верно ли? Да не совсем, потому что были известные случаи жизни сверх ста лет. Так какова граница нашей жизни? Начали считать, и оказалось — с т о и д е с я т ь лет! Теперь вопрос прояснился. Значит, десять веков — тысяча и сто лет. Троя пала в 1183 году, и ее потомок, Рим, должен был погибнуть в 83 году.

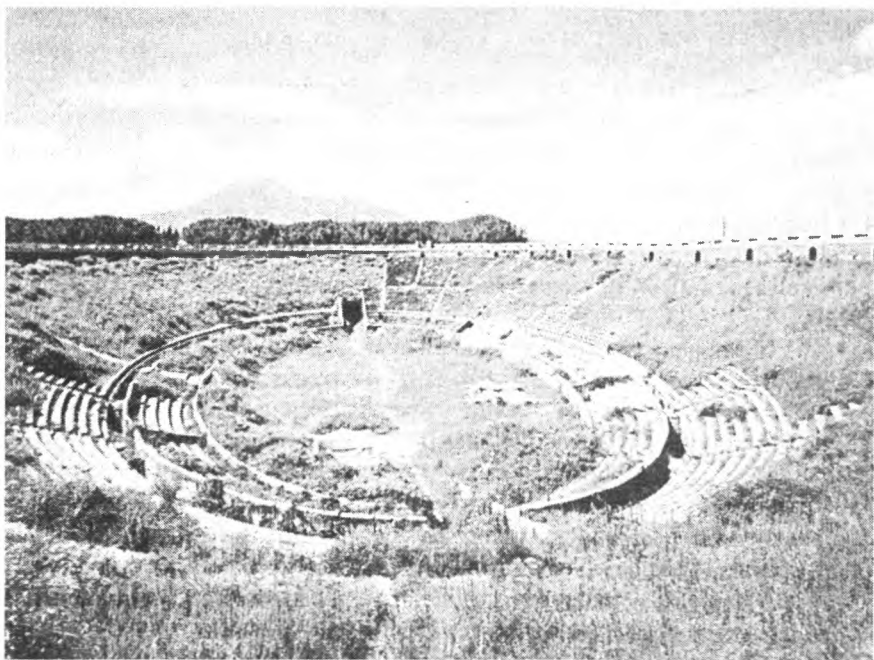
Теперь этот фатальный год приближался, тревога росла с каждым днем. Как произойдет уничтожение? Сивиллины книги хранились недоступными, их читали лишь сакральные коллегии, но вести из тех кругов доходили порой и до общественности. Сивилла пророчила еще в царские времена, в текстах ее предсказаний была речь о царе, царе над Римом. Значит, с наступлением этой эпохи власть захватит какой-нибудь недружественный царь; стали его искать, и взгляд остановился на Митридате. Но кто будет римским царем? Марий? Конечно, Марий мечтал об этом, но он не отвечал всем требованиям. Достойным трона может быть лишь потомок основателей Рима, то есть патриций. Значит, Сулла? Возможно, но могут быть и другие кандидаты. Так или иначе Рим погибнет, «Форум покроется палатками», жители будут истреблены, кроме горстки благочестивых, которые переселятся на Счастливые острова... Но где же эти острова? За границами Атласа (горная система на северо-западе Африки. — *Н. П.*), за Геркулесовыми столбами; нога человека там еще не ступала.

Страх рос неустанно. Там и тут видели различные пугающие знаки: молния среди ясного неба, искры над военным знаменем, вороны и мыши, пожирающие свое потомство, — все объяснялось наступлением новой эпохи. Особенно пугающими были заявления гаруспиков (*haruspices*), но не оказалось нового Катона, который бы поднял их на смех. Впрочем, всем было не до смеха.

Страсти разгорались все больше. Все могло случиться, все дозволено. На 88 год выдвинул кандидатуру на трибуна некий С у л ь п и ц и й Р у ф, выдающийся оратор, любимец толпы. Но он происходил из патрициев. Тем лучше, этого как раз и требовала Сивилла. Что касается условия получения трибуната, то есть способ помочь делу: Сульпиций торжественно «снял с себя патрициат», и народ избрал его трибуном. Не теряя времени, он набрал отряд личной охраны из молодых эквитов, которых назвал «антисенатом», и — стал «царем» Рима. О его законопроектах мы

говорить не будем, главное заключалось в том, что по решению преданной ему черни командование армии передавалось Марию, а следовательно, и ведение войны с Митридатом. От этого решения зависело, будут распоряжаться в восточных провинциях оптиматы или популяры. По приказу Сульпиция военные трибуны направились к Ноле, чтобы отобрать командование у Суллы и передать Марию.

Но Сульпиций плохо знал Суллу, а еще меньше его легионеров. Военных трибунов встретили градом камней. После короткого размышления Сулла повел легионы на Рим. Напрасно Сульпиций направил для переговоров преторов, те с трудом спасли свою жизнь. Сулла шел вперед, вошел в Рим через Эсквилинские ворота, созвал сенат — настоящий, не сульпициевский. На чрезвычайном судебном собрании Сульпиций и Марий были приговорены к смерти. Вскоре кратковременный царь Рима был убит и его голова прибита к трибуне оратора, а незадачливый командующий Рима против Митридата, чтобы избежать подобной участи, поспешно покинул столицу.

*Самый древний из сохранившихся римских амфитеатров.
Помпеи. Ок. 80 г. до н. э.*

Убийцы последовали за Марием. Он направился к морю, в Остию, чтобы найти судно и отправиться в Африку, где знали победителя Югурты и где было много друзей. Слава богам — спасен! Но нет: боги послали бурю, и около мыса Цирцея пришлось высадиться. Семидесятилетний старик пешком побрел вдоль берега моря. Голод докучал беглецу. Незнакомому никто не поможет; Мария, конечно, приняли бы, но чем — кинжалом или куском хлеба? Суша ненадежна, лучше плыть вдоль берега моря, хотя бы на маленьком суденышке. Буря прекратилась. Беглецы сидели на судне и шепотом переговаривались о возможной погоне. Под вечер причалили к берегу и, покинув судно, устроились на ночлег. Марий заснул мертвым сном. Когда под утро проснулись, судна уже не было. Видимо, преследователи не посмели совершить убийство, а выкрасть его также не хватило смелости. Ослабленные голодом товарищи Мария (они до последней минуты сохраняли верность своему полководцу) потеряли всякую надежду на спасение. Но Марий успокаивал:

— Чего вы боитесь? Мою жизнь охраняет чудо, мне предназначен седьмой консулат.

Что бы ни случилось, но нужно было раскрыться. Вот — хозяин жалкой лачуги на болотистом берегу Лирисы. Спросили:

— Не предашь?

Тот ответил, что не предаст, но не может обеспечить безопасности, мол, преследователи рядом, кружат недалеко.

— Пока что спрячь меня, как можешь.

В болоте у Лирисы, погрузившись по пояс в воде, ждал Марий ночи. Но посланцы Суллы не дали себя обмануть, они обыскали болото, вытащили шестикратного консула и привезли его в ближайший городок римской колонии Минтурны. Римская колония, значит, верная Сулле и сенату.

Мария заключили в тюрьму. Какая судьба его ждет? Конечно, смерть. Приговор прозвучал — отрубить голову! Легко сказать — отрубить голову! Но кто будет палачом? Может, гигант, германский пленник?! Тот за внушительное вознаграждение соглашается привести приговор в исполнение. С длинным мечом входит в камеру. Перед ним старик, который у Сектийских Вод и Верцеллах положил тысячи его соплеменников. Поднимает меч. Но старик останавливает его грозным взглядом:

— Неужели ты, раб, дерзнешь убить Мария?

Меч бессильно опускается, смущенный палач возвращается в курию:

— Сжальтесь, но я не мог убить Мария.

Смешались декурионы: варвар не смог, а они, римляне, смогли бы?

Снабдив Мария деньгами и провиантом, посадив на корабль, они отправили его на о. Искья в Неаполитанском заливе, куда прибыли остальные

ные изгнанники, чтобы отправиться дальше. Разумеется, они радостно приветствовали Мария, но никто не хотел их принимать. На Сицилии тоже был отказ. Тогда они высадились в Африке, в старом карфагенском порту и направились к пустынным взгорьям, где среди жалкой зелени лежали руины храма Сатурна. Здесь они ожидали гонца из Утики от претора Секстилия. Известие не предвещало ничего хорошего: претор Секстилий запретил Марию находиться в провинции Африка. С громким стоном упал Марий на развалины храма.

— Что передать претору? — спросил гонец.

— Возвести ему, что ты видел, как изгнанник Марий сидит на развалинах Карфагена.

Утешило Мариа лишь прибытие сына, с трудом избежавшего плена у нумидийского царя Гиемпсала II; отец и сын сели на корабль и направились на острова Керкина недалеко от берегов Африки. Там их оставили в покое, и старый полководец мог спокойно ожидать развития дальнейших событий и своего седьмого консулата.

Тем временем Сулла при поддержке легионов единолично правил Римом, проводил свои распоряжения, весьма ограничивающие законодательную инициативу народных трибунов, лишив их права ставить вновь на голосование законы, не утвержденные сенатом. Это было радикальное средство против будущих Гракхов, Сатурнинов и Сульпициев. Но как предотвратить покушение на эти законы во время отсутствия Суллы, который направился на войну с Митридатом? Если бы консульские выборы 87 года принесли желаемый результат... Но этого не произошло. Видимо, трибуны последнего десятилетия смогли хорошо организовать пролетариат; в цехах ремесленников и среди горожан шла активная агитация, и в 87 году в консулы вместе с энергичным оптиматом Гнеем Октавием был избран ярый демократ, популярь Луций Корнелий Ц и н н а. Корнелий! Потомок первых отцов древнего Рима, возможно, предсказанный Сивиллой царь, предвестник мирового переворота. Многие в это верили, и прежде всего сам Цинна.

Ситуация приобретала неблагоприятный оборот. Правда, оставалась одна надежда: закон Суллы содержал пункт, на который популяры не могли жаловаться, поскольку его предложил первым их собственный лидер, Сатурнин — консулы должны были включить новый закон в присягу. Но Цинна — это не Метелл. Когда его спросили, принесет ли он присягу, то ответил, что безусловно это сделает. Но сдержит ли? Безусловно, нет.

Едва Сулла отплыл, как начался второй акт Гражданской войны, после войны Сульпициевой, война Октавианская. Следует добавить, что lex

Italia, по которому право римского гражданства получали жители тех союзных общин, которые не отложились от Рима, вместе с тем и ограничивал эти права. Новые граждане могли голосовать только в восьми трибах из тридцати пяти, а двадцать семь сохранялись только для коренных граждан. Конечно, такое ограничение было временным и даже пока что разумным, потому что распыление римских голосов по всей Италии не представлялось пока желаемым. Но естественно, что италики с нетерпением ждали снятия подобных ограничений. Уже Сульпиций им это обещал, а теперь, чтобы заручиться их поддержкой, пытался сделать и Цинна.

Наступил день голосования; Октавий был человеком железной воли, а кроме того, за ним стояла Сивилла. Если Цинна — царь-предвестник светопреставления, конца света, то, может быть, изгнание его и предотвратит беспорядок и закон опять восторжествует? Началась борьба, затмившая резню времен Гракхов, Сатурнинов и Сульпициев; после жестокого противоборства тысячи трупов усеяли Форум, но Цинна со своими сторонниками вынужден был покинуть Рим. Среди его сторонников один человек выделялся необыкновенными качествами — К в и н т С е р т о р и й. Он искренне верил Сивилле, которая после грозного железного века обещала для благочестивых людей спокойную жизнь на Счастливых островах. Такая вера, видимо, и привела его в лагерь Цинны.

Цинну отрешили от консульства, его сторонников прогнали. Италики, из-за которых в основном разгорелся бунт, разными способами оказывали ему помощь. Для Мариа наступил многообещающий момент, и старый солдат его использовал. Его имя вновь приобрело огромный авторитет, италики собирались под знамена своего давнишнего противника. Вскоре Марий и Цинна, каждый со своей армией, двинулись на Рим, окружили и захватили его. Наступили страшные дни «террора Мариа»; теперь он припомнил своим врагам и Минтурны, и Сицилию, и развалины Карфагена. Цвет патрицианских родов был приговорен к смерти: и Катулл, и Сцевола, и Октавий. Жертвы падали тысячами. Напрасно Серторий молил Цинну остановить разгневанного и мстительного старика. Цинна, сам известный мало, высоко ценил значение имени героя и на террор смотрел сквозь пальцы. Мало того, он выставил кандидатуру Мариа и свою на консула 86 года.

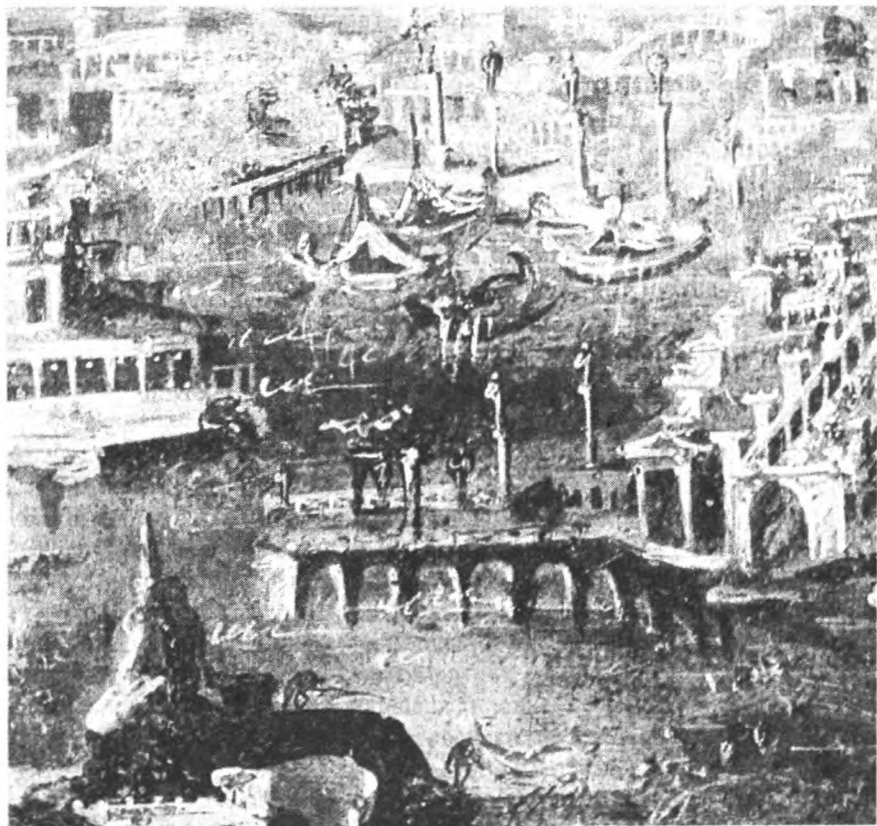
Марий торжествовал. Наконец он дождался седьмого консулата и осуществления своих давних мечтаний, помогавших ему в дни опасностей и бегства. Увы, одновременно со свершением мечты приближался конец этого фантастического жития.

Что ж с того, что Марий приговаривает к смерти всех, кто может ему угрожать, убивает вдесятеро больше? Главного врага его рука не доста-

нет. Сулла сражается на полях Беотии с Митридатом, а после победы вернется в Рим. Может, вернется нескоро, но кровожадного консула уже терзают ночные видения и зловещие сны, ему кажется все время, что он слышит чьи-то слова:

«Даже в отсутствие льва его логово людям ужасно...»

Более всего он страшился бессонницы, и, пьяный от крови, он начал пить вино, желая призвать сон, избавляющий от забот. Он напивался в неподходящую пору и в неподходящей его возрасту мере. Наконец он заболел, начал бредить, представляя, что сражается с Митридатом. Вот среди таких многочисленных призрачных битв его и наступила смерть, после семнадцати дней предназначенного ему седьмого консульства.

*Вид порта. Роспись из Стабиев.
Неаполь, Национальный музей*

Со смертью Мариа прекратился и террор. Наступило спокойное, но бесцветное царствие Цинны — именно царствие! Цинна назывался консулом, но из года в год он сам присваивал себе эту должность, не спрашивая народа, назначал и второго консула; голоса новых граждан теперь были равномерно распределены по всем 35 трибам, но этим и ограничивались «демократические» перемены.

А Сулла сражался и одерживал победы в Херонее, Орхомене, наконец — мир; заключив мир, он по республиканскому обычаю выслал в сенат письменный отчет о своих действиях, в котором обещал скорое возвращение и уверял в своих самых мирных намерениях. Обещал не тронуть законов о новых гражданах, а за убийства обязался наказать лишь главных виновников. Сулла писал это все с нерушимой верой в себя, словно и не существовало армии Цинны, которую выслали против него под командованием Валерия Флакка, и будто Италия не могла противопоставить его старой гвардии в два или три раза более многочисленную армию.

Что касается армии Цинны, то Сулла не ошибался: мы уже видели, что как только она оказывалась в непосредственном соприкосновении с победоносным командующим, то мгновенно превращалась из циннанской в сулланскую. С Италией было сложнее. Попытка Цинны выслать вторую армию в Грецию успеха не имела, солдаты взбунтовались, и Цинна, четыре года царствовавший в Риме, был убит. Наступил фатальный 83 год, а с ним и возвращение Суллы. Беглецы из уцелевших оптиматов поспешили к нему, предлагая ценную помощь, — и здесь мы впервые встречаем имена, которые будут часто упоминаться в следующей главе. Из Африки с небольшим отрядом прибыл *Марк Красс*, а из области Пицены с тремя легионами — *Гней Помпей*. Оба тогда были еще очень молодыми, двадцатилетними мужчинами, но опытный Сулла своим острым глазом сразу определил их таланты.

Начались военные действия. Прямая дорога из Брундизия, где Сулла высадился, вела в Рим через Капую, где находился один из двух консулов, Карбон. Сулла занял укрепленные позиции на склоне горы Тифаты. Армия Карбона в два раза превышала численность армии Суллы, но сам Сулла, как личность, в десять раз был выше Карбона. Уничтожающей все на своем пути лавиной ринулся он с горы на войско консула, разгромив его полностью; остатки отрядов вместе с вождем спаслись бегством в Капую. Второй консул, который бесславно носил славное имя Сципиона, опоздал и в битве участия не принимал; он мгновенно согласился на мирные переговоры с Суллой. Армия Сципиона вблизи наблюдала за солдатами Суллы, поражаясь их отчаянной смелости и суровой дисциплине; наконец началось братание, и целые когорты перешли на сторону сулланцев. Сципион, оставленный один в своей палатке, вынужден был принять условия неприятеля и уехать.

Сулла шел вперед, а вместе с ним — Фатум. «Торопись, — говорил ему прорицатель, появившись на дороге, — торопись, если хочешь о п е р е д и т ь п о ж а р К а п и т о л и я».

Напрасно: Фатум опередила Сулла. В ночь с 5 на 6 июля 83 года по неизвестной причине сгорел храм Юпитера Капитолийского, здание, воздвигнутое Тарквиниями. В тогдашнем всеобщем возбуждении этот пожар рассматривался как начало конца. Агония Рима... но когда наступит смерть? А кто знает? Может, немедленно? Может, после третьего удара молнии? Но первый удар разразился — началась трагедия умирания властной столицы. Именно тогда Серторий покинул Италию и отправился на поиски предначертанных Счастливых островов.

На следующий год (82) консулами избрали Мария Младшего, сына героя, и Карбона, главного сторонника Цинны. Силы демократов еще не исчерпались окончательно, им на помощь пришли италики, а особенно самниты, которые не забыли, чем они обязаны Цинне. Но Фортуна несомненно берегла Суллу.

Сулла разбил Мария около С а к р и п о р т а и вынудил к бегству в Пренесту; теперь дорога в Рим открыта. По приказу Мария, унаследовавшего от отца бессмысленную жестокость, в Риме началась новая резня оптиматов, которая значительно превышала по количеству убийства 87 года; вскоре появился и Сулла, но он недолго находился в Риме; ему предстояло усмирить горную Италию, где хозяйничала армия второго консула, Карбона. Это время самниты сочли самым удобным для нападения на безоружный Рим. Наступил критический момент: продолжая дело уничтожения, началом которого был пожар Капитолия, они не оставили бы камня на камне в столице своих угнетателей. К счастью, Сулла успел разгромить Карбона и ускоренным маршем двинулся навстречу врагу, приблизившемуся к Коллинским воротам. Здесь, около храма его богини-покровительницы Венеры Эрицинской, произошла решительная битва — последняя и самая страшная в этой гражданской войне. Здесь сражались не вождь с вождем, не войско с войском, здесь сражался римский народ с самнитами, счастье Суллы с предназначением наследников Илиона. Победа оказалась на стороне Рима и Фортуны его вождя.

Победитель незамедлительно созвал сенат в храме Беллоны на Марсовом поле; во время его выступления из соседнего здания доносились крики и шум падающих тел — это были самнитские пленные, которых убивали по приказу Суллы... Среди сенаторов началось роптание:

— Что это? Кто так кричит?

— Прошу не отвлекаться от серьезных вопросов на дела незначительные и внимательно слушать то, что я говорю...

*Сулла на коне. Золотая монета (золотой денарий).
Ок. 81 г. до н. э.*

56

СУЛЛА СЧАСТЛИВЫЙ

Корнелия Цинну в царствовании сменил Корнелий Сулла. Именно «в царствовании», так это понималось в тот период длительного конца света. Еще двадцать лет спустя люди тревожно спрашивали: два Корнелия уже были царями Рима, а кто будет третьим и последним?

Патрицианский род Суллы оставил заметный след в истории Рима, предком его был Корнелий Руфин, победитель самнитов. Но в последнее время род Корнелиев обеднел, и наш Сулла должен был начинать самостоятельную жизнь в достаточно скромных условиях. Природа его щедро одарила: красивый, светловолосый, голубоглазый, он везде обращал на себя внимание и быстро завоевывал симпатии как у молодых, так и старых людей. Это было не только приятно, но и выгодно: согласно римским обычаям, богатые люди, умирая, оставляли свое имущество не только наследникам; они отписывали значительную часть имущества и своим друзьям. Так Сулла разбогател, и тут ничего не было унижительного. В ранней молодости им владела страстная жажда роскошествовать, но когда ему исполнилось тридцать лет, а он родился в 138 году, амбиции перевесили эту страсть. «Любимец Венеры», как он себя называл, стал квестором и волею судьбы был причислен к консулу Марию, который как раз

тогда (107) вел войну с Югуртой. Для Мария присутствие Суллы нельзя назвать желательным — что можно ожидать от такого гуляки и ветреника? Но Сулла очень быстро убедил Мариа, что это мнение ошибочно. Прежде всего он умело обращался с солдатами; ласковостью, простотой, а если надо и жесткостью Сулла легко завоевал их сердца. Одновременно он сумел показать себя и на поле боя. Но главными успехами он все-таки был обязан не столько мужеству, сколько личному обаянию; именно поэтому Бокх выдал ему Югурту, что положило конец войне, но стало началом острой неприязни между Марием и Суллой.

После Югуртинской войны наступила Германская, затем, после короткого перерыва, Итальянская, наконец война с Митридатом. Во всех перечисленных войнах Сулла принимал активное участие, и Фортуна всегда была на его стороне. В те времена фортуна считалась личным качеством человека, и определенная доля правды в этом есть. В счастье Суллы верили его подчиненные, верили его солдаты, смело идя навстречу врагу. Успех, славу и добычу они заранее считали себе обеспеченными, коль скоро их полководцем является Сулла. Да и сам Сулла не только верил в свою удачу, но и хвастался ею более, чем своим выдающимся умом и не менее выдающейся отвагой. В воспоминаниях, которые он посвятил самому лучшему другу Лукуллу, он советует больше всего верить различным указаниям, которые богини дают во сне. Такое было и настроение, и состояние духа в эпоху нависшего над Римом Предназначения.

Именно в таком состоянии духа и вступил Сулла в сражение у Коллинских ворот. Потомок победителей самнитов обновил славу предков, Рим был спасен, а Сулла стал его царем.

Если бы его жизнь закончилась тогда, его можно было бы назвать самой выдающейся и прекрасной личностью в римской истории. Увы, Сулла остался в памяти потомков и жил в их возмущенных воспоминаниях не как героический победитель и спаситель Рима, а как автор кошмарных про с к р и п ц и й 82 года.

Возможно, его действия были спровоцированы. Пока он сражался на Востоке и в Италии, оба Мария, сначала отец, а потом сын, руководили и направляли террористическими выступлениями популяров в Риме; мало того — дом Суллы был разрушен, его жена и дети едва избежали смерти. Пусть же теперь популяры заплатят за свои грехи. Правда, обоих Мариев не было в живых, но их имя носил племянник семикратного консула, всеми уважаемый и любимый Марий Гратидиан. По приказу Суллы его приволокли к могиле убитого марианцами Катулла, победителя кимвров, и там подвергли медленной и чудовишной пытке. Роль палача без колебаний взял на себя человек, которому суждено было через двадцать лет стать палачом Рима, Лу ц и й С е р г и й К а т и л и н а.

Это всего лишь один пример. Убийства, раз начавшись, разрастались день ото дня: сенаторы, всадники, простой люд — все жили в неуверенности, смерть грозила каждому. Ужас охватил всех. Один из сенаторов (Гай Метелл) осмелился попросить Суллу по крайней мере назвать имена жертв, приговоренных к смерти, чтобы остальные могли быть спокойны за свою судьбу. Сулла согласился, и вскоре на стенах курии висел список из восьмидесяти имен. Остальные вздохнули свободно, но радость оказалась преждевременной. После первого списка появился второй, потом третий... Список «проскрибированных» рос бесконечно. Когда подсчитали количество, немного не хватало до пяти тысяч. Убийце присуждалась государственная награда, за укрывательство приговоренных, даже и родственников, грозила смертная казнь. Имущество убитых, движимое и недвижимое, скупалось за бесценок. Многие обогатились в то время, а более всего известный нам Марк Красс, да и сам Сулла не считал предосудительным обогащаться за счет несчастных жертв. Конечно, эти «сулланские собственники» везде встречали безграничное презрение и боялись ответственности в случае возвращения демократов.

Но что давало Сулле возможность распоряжаться жизнью и имуществом граждан? Он, как командующий армии, обладал лишь властью проконсула, следовательно, только военной властью, и даже не имел права входить за стены Рима. После смерти обоих консулов, Мария и Карбона, наступило бесцарствие (*interregnum*), объявленное сенатом. «Междущарь» (принцепс сената), Луций Валерий Флакк, внес в комиции законопроект о выборе, скорее, назначении, Луция Корнелия Суллы «Счастливого» (*Felix*), как он велел себя отныне называть, диктатором «для издания законов и установления порядка в государстве» (*dictator rei publicae constituendae*).

Закон получил название *lex Valeria*. Таким образом, через 120 лет была возобновлена диктатура, к которой не обращались со времен войны с Ганнибалом, но теперь эта диктатура была неограниченной, или, как говорилось, «на неопределенный срок». Сулла получил право поступать с жизнью и имуществом граждан, равно как и с имуществом государства, по своему усмотрению, вернее, согласно своим капризам. Он получил право расширять границы Рима, Италии и всего государства, основывать и уничтожать муниципии, назначать командующих войском, утверждать законопроекты и, наконец, сохранять эти чрезвычайные полномочия так долго, как ему заблагорассудится; хотя, напомним, что оформлена она была согласно самым строгим требованиям конституции. В сущности же это была власть монарха, без монархического названия, власть пожизненная, и, если бы этого захотел ее обладатель, даже и наследственная.

Думал ли об этом Сулла? Неизвестно. Но он считал, что его счастье, удача, переходит и на детей. Сына он назвал Фаустом (Faustus), а дочь Фаустой, находясь под бесспорным влиянием своей победы над троянским Предназначением в 83 году.

Если он получил право организации государственного строя, то он задумал использовать эту власть для весьма широких законодательных преобразований. Совершенно естественным для него было стремление восстановления власти нобилитета; эпоха, наступившая в 82 году, получила название в т о р о й (или сулланской) р е с т а в р а ц и и (первая произошла при Оптимии (121–87)). Вторая реставрация оказалась более решительной, Сулла окончательно расправился с реформами Гракха. Рассмотрим теперь в общих чертах законодательство нового диктатора.

Реформы Суллы формально преследовали цель восстановить господство аристократии, поэтому во главе государства был поставлен сенат, количество сенаторов (сильно истребленное вследствие трех терроров) пополнилось 300 новыми членами из всаднического сословия. Следует сразу отметить, что в сенат вошли младшие сыновья сенаторов, сулланские офицеры и «новые люди», вновь появившиеся на поверхности политической жизни. Мнение цензоров в расчет не принималось. Сулла увеличил число квесторов до 20, и они механически становились членами сената. Сенаторы объявлялись несменяемыми, а должность первого сенатора (*princeps senatus*), которого до сих пор назначал цензор, исчезла вместе с упразднением цензуры. Было установлено, что председательствующий консул первым спрашивает старшего (по количеству полученных голосов) из выбранных консулов, а до их выбора — кого найдет нужным из консулярных чиновников.

В магистратуре военная власть была отделена от гражданской. Консул, лишенный права командовать армией в провинции, превращался по сути в члена сената; 2 претора (количество их было увеличено до 8) получили гражданское судопроизводство в Риме, остальные стали председателями уголовных комиссий. Только через год службы консул и претор с титулами «проконсул» и «пропретор» могли получить провинцию и командование над находящейся там армией. Было восстановлено старое правило, по которому для вторичного избрания в консулы требовался десятилетний промежуток времени, а между выборами в квестуру и трибунат должно было пройти по меньшей мере два года. Власть народных трибунов свелась практически к фикции, так как все их законопроекты должны были проходить обязательное предварительное одобрение сената. Право на вето сохранялось, но возникло определение «неуместного вмешательства», за что трибуны подвергались штрафу. Был установлен строгий

порядок прохождения магистратур: квестура, трибунат или эдильство, претура, консулат.

Из двух привилегированных сословий сенаторы получили бесспорный перевес над всадничеством. У последних Сулла отобрал право на откуп с доходов провинции Азия и ввел обычный налог. Разумеется, это явилось благом для когда-то цветущей, но беспощадно обижаемой страны. Не меньшим, хотя и опосредованным смягчением условий жизни было то, что у всадников были отобраны уголовные суды, при помощи которых эквиты терроризировали наместников, пытавшихся препятствовать их спекуляциям. Жаль, что Сулла, вместо того чтобы ввести многосословный суд присяжных, как это было сделано двадцать лет спустя, ограничился тем, что вернул суды сенаторам, нарушая тем самым здоровый принцип разделения судебной и законодательной власти. Было увеличено количество постоянных комиссий уголовных судов (*quaestiones perpetuae*), разделенных по характеру преступлений; так возникли комиссии по делам о воровстве (*q. p. repetundarum*), о подкупе избирателей (*ambitus*), об оскорблении величия, т. е. превышении власти или о государственной измене (*majestatis*), о краже казны (*peculatus*), о насилии (*de vi*), об убийстве мужа (*inter sicarios et veneficos*).

Что касается граждан вообще, то после разгрома италийских повстанцев Сулла признал их полное равноправие, которое на основании *lex Iulia* 89 года давало им римское гражданство, каковым пользовались коренные римляне; но чтобы в связи с этим равноправием предотвратить излишнее сосредоточение нездоровых элементов в столице, Сулла проявил достаточную смелость и отменил раздачу хлеба, предоставляемые живущему в Риме пролетариату, что, в сущности, давало бесплатную еду бездельникам за счет тружеников провинции. Но подобной похвалы не заслуживает его деятельность относительно италийского населения в целом. Самым жестоким образом он обошелся с теми общинами, которые еще в 82 году поддерживали враждебных ему популяров, особенно это относилось к самнитам и этрускам. Самней был окончательно превращен в руины, у этрусков отобраны земли и розданы ветеранам, что превращало их в военные поселения. Сулла полагал, что таким способом он создаст преданную себе и сенату сельскохозяйственную армию; но своевольные солдаты Митридатовых войн оказались плохими хозяевами, они постепенно деградировали и вместо опоры порядка стали орудием недовольства, что проявилось уже двадцать лет спустя. Желая создать такую же армию преданных людей в Риме, Сулла отпустил на свободу 10 000 самых молодых и сильных рабов, конфискованных у проскрибированных. Увы, мы не располагаем точными данными, чтобы сказать, оправдали ли ново-

испеченные «Корнелии» (как их называли тогда) возложенные на них надежды и стали ли непосредственной опорой Суллы.

Таковы в общих чертах законы сулланской реставрации. Критиковать ее не представляет труда, тем более что она действительно не ликвидировала главных болезней, от которых страдало государство, в чем мы убедимся в следующей главе. Но если нельзя от человеческого разума требовать вещей выше его возможностей, если мы вспомним, что и через две тысячи лет не удалось создать нечто, даже в малой степени могущее гарантировать согласие в человеческой жизни, то придется признать, коль скоро переход к парламентарной демократии тогда был невозможен, то с республиканской точки зрения конституционные реформы Суллы явились, пожалуй, наилучшим выходом из возникшей анархии. Несомненным плюсом было то, что Сулла вернул оптиматам законность положения, нарушенного денежной элитой, он смягчил положение обиравемых ею жителей провинций. Минусом стало то, что он пренебрег заботой о восстановлении нравственного уровня возрожденного сената и наполнил его людьми весьма сомнительного свойства.

В минус следует записать и то, что Сулла вследствие своего чрезмерного рационализма практически ликвидировал многое, что для римской души представляло важное значение; сужая систему народных трибунов, убирая из своих реформ даже видимость демократических элементов, он давал своим врагам достаточно сильное оружие против себя. Конечно, эти недостатки довольно незначительны и их можно было устранить в будущем. Самым же отвратительным был факт, что новые «урожаи» в политической жизни выросли на почве, обогренированной кровью пяти тысяч проскрибированных. И эта кровь, согласно верованию людей античности, неминуемо должна была породить Эриний — и прежде всего Эринию гражданских войн. Создатель новой реформы не дожил до тех войн; его счастливая звезда помогала ему держать Эринию в узде летаргии в течение всей своей, правда, короткой жизни. Полный неколебимой веры в удачу, он совершил еще одну беспримерную странность.

Закон Валерия (о диктатуре Суллы), как мы видели, давал в руки диктатора бессрочные полномочия; но, похоже, Сулла не собирался отравлять властью всю жизнь. После двух с небольшим лет, закончив намеченные свои дела, Сулла созвал народное собрание и заявил, что слагает с себя диктаторские полномочия и становится обыкновенным рядовым римским гражданином; при этом он сказал, что готов нести ответственность за свои деяния с момента управления Республикой. Никто не посмел призвать его к ответственности.

Конечно, скажет каждый, ему, мол, легко было проявить такое великодушие, имея при себе десятитысячную гвардию «Корнелиев». Допустим,

но вот Сулла покинул Рим, отправился в свое кампанское имение, где вел жизнь широкую и шумную, в играх, охотах и роскошных празднествах; одновременно он работал и над своими дневниками. Ни один удар не коснулся его даже случайно, ни одна капля яда не попала в его праздничный кубок, ни один убийца не прокрался за портьеры его дома. В полной пассивности находились мстители за проскрибированных, нищие, недовольные отменой раздачи хлеба; грехи, за которые другой ответил бы уже тысячу раз, для Суллы проходят безнаказанно. Никто не осмеливается поднять руку на избранника Фортуны, на победителя не только римских врагов, но и самого римского Предназначения.

И смерть сама к нему пришла: сильное кровотечение остановило его жизнь в 78 году. Тело его перевезли в Рим, толпа провожавших к Марсову полю для сожжения росла с каждой минутой. Никогда Рим еще не видел подобных похорон.

Но Эриния до сих пор лишь дремала: как только Сулла «Счастливый» смежил вежды — она свои веки разомкнула.

VIII. КОНЕЦ РЕСПУБЛИКИ

57

СЕРТОРИЙ И ЛУКУЛЛ

Переходя к последнему акту великой трагедии, героиней которой была Римская республика, обратимся прежде всего к личностям, которым суждено было сыграть в ней главные роли.

Оставленный Суллой сенат, единственный орган власти, сохраненный в результате реформ, был более многочислен, чем предыдущий, но значительно ниже по качеству. Прежде всего потому, что самые лучшие люди погибли в результате террора обоих Мариев, самого Суллы, еще и потому, что для пополнения новыми членами не соблюдались особые требования; нравственные достоинства и гражданские заслуги не пользовались безоговорочным преимуществом. В число сенаторов попали будущие мздоимцы, как, например, «бич Сицилии», известный Вер, умелое разоблачение которого обессмертило Цицерона, а также завтрашние продажные судьи в уголовных комиссиях.

Тем не менее и сейчас в сенате были мужи, являвшиеся подлинным украшением этого органа. Среди представителей старшего поколения стоит назвать Метелла Благочестивого (Pius), сына Метелла Нумидийского, того самого, который отказался принести присягу на верность законам Сатурнина и потому вынужден был уехать в изгнание; благородное прозвище сын получил за ревностные старания в вопросе возвращения отца. Второй — К в и н т К а т у л л, сын победителя кимвров при Верцеллах, один из двух консулов 78 года, года смерти Суллы. Третий —

*Философ. Фрагмент росписи виллы Боскореале около Помпей
Ок. 50 г. до н. э.*

ближайший друг и помощник умершего, Лукулл, которому и посвящена настоящая глава. Потомки его знают в основном как основателя «лукулловых пиров», но мы его покажем с другой стороны. Упомянем еще одного замечательного и достойного человека, его брата, Марка; их взаимная любовь даже в Риме, славившемся семейными узами, считалась образцовой. Оба были убежденные аристократы, сулланцы чистой воды. Во главе умеренных стояли два брата — Гай Аврелий Котта и Марк Аврелий Котта, с достоинством носившие славные в римской истории имена. Среди молодых, не столько членов сената, сколько кандидатов, нужно назвать пятерых: Гней Помпей, Марк Красс, Цицерон, Катон Младший и Цезарь. Из них два первых прославились помощью, оказанной Сулле после победы над Митридатом при высадке у берегов Италии. Нам придется еще не раз говорить о них.

Это была группа сильных, энергичных, активных людей; они могли закончить дело спасения Рима, дело, начатое Суллой, введя, в частности, некоторые смягчения в его жесткое законодательство; они могли бы это сделать, если бы не сомнительный состав большинства правящего органа, что и проявилось сразу же после смерти бывшего диктатора. Один из двух консулов, сулланец Марк Лепид, которому предстояло отвечать перед судом за грабеж в бытность свою наместником в Сицилии, счел за лучшее перейти в партию популяров, у которых не было ни одного своего способного вождя; он пообещал им ни мало ни много как ликвидацию установлений Суллы и, естественно, прежде всего восстановление бесплатной раздачи хлеба. Он по сути охотно бы стал новым Цинной; направленный сенатом в Этрурию для подавления вспыхнувшего там мятежа, он сам поднял знамя восстания и решил использовать свою армию против сената. Но время было уже иное. Лепиду, правда, удалось привести армию к стенам Рима, но против него выступил второй консул, честный и благородный Катулл. Он разбил армию Лепида, тот бежал на Сардинию и вскоре умер от какой-то болезни. Так бессмысленно закончился нелепо затеянный *tumultus Lepidanus*, как его называли римляне.

Подобного «мятежа» могло и не быть, если бы не огромные полномочия, которыми сенат наделил лишенного совести консула-беглеца; к несчастью, как мы указывали, большинство в сенате стояло на крайне низком моральном уровне и тон задавали не вышеназванные честные и преданные Республике люди, а подлые и бесчестные личности, не лучше Марка Лепида; таким был и Корнелий Цетег. Он надеялся, что после Цинны и Суллы станет «третьим Корнелием» — царем Рима. Не получилось, а монаршая корона «третьего Корнелия» по-прежнему манила авантюристов... И все-таки усилия Цетега привели к тому, что влияние его

среди продажных членов большинства выросло, несмотря на возмущение популяров его распутной жизнью.

После бунта Лепида в Италии некоторое время было спокойно; государство в целом переживало весьма напряженный период. Над Азией по-прежнему висел дамоклов меч побежденного, но не уничтоженного Митридата, моря находились в полной власти пиратов, широко пользовавшихся плодами римских гражданских войн; западные провинции, обе Испании, практически были оторваны от Рима оставшимися сторонниками Цинны, эмигрантами из демократических кругов во главе с Квинтом Серторием.

Этот талантливый и благородный мечтатель искренне уверовал в предсказанный на 83 год конец света. Когда Гражданская война окончилась поражением его партии, т. е. сторонников Цинны, Серторий с кучкой единомышленников направился к берегам Атлантического океана на другую сторону Геркулесовых столбов, чтобы найти Счастливые острова, обещанные Юпитером богобоязненным сынам железного века после гибели мира. Его попытки увенчались успехом; моряки, прибывавшие с морских просторов, рассказывали ему об островах на океане недалеко от берегов Африки (сегодня мы называем их Канарскими), с приятным климатом, с почвой, рождающей без усилий человека все необходимое для жизни. Серторий загорелся желанием там поселиться, жить вдали от тирании, бесконечных войн. Он отплыл в Африку, но в Мавритании его захватил огонь пылающий там войны. Ехать дальше, прорвавшись сквозь пламя, не представлялось возможным; тем временем к нему явились послы от лузитанов западной Испании с просьбой возглавить их вооруженную борьбу с Римом.

Что послужило причиной того, что Серторий предложение принял, нам точно неизвестно, но с той минуты мы видим мечтателя-вождя в сопровождении его «белой лани», невиданного до той поры животного в Европе, видимо, антилопы, привезенной со Счастливых островов. Серторий относился к ней как к вестнице Артемиды, советовался с ней и поступал соответственно ее советам. Жители Испании — народ очень впечатлительный; Серторий и сам был человеком обаятельным, и присутствие чудесной лани повышало его авторитет. Испанцы обожествляли своего вождя и тысячами приносили присягу, клянясь отдать за него жизнь. Серторий не ограничивался приготовлением к войне; его методы управления Испанией кардинально отличались от старых. Для детей знатных испанцев Серторий организовал школу, где они обучались латинскому, греческому языкам и другим наукам, создавая тем самым прочную основу для цивилизации и романизации полуострова. Вскоре весь полуостров принадлежал Серторию: испанские провинции оказались для Рима потерянными, там появился новый Ганнибал; следовало ожидать, что, как

и прежний, он поведет свои испанские войска через Пиренеи и Альпы в Италию.

Этого допустить было нельзя. Началась война с Серторием (79–72). Поначалу, еще при жизни Суллы, против Сертория направили Метелла Благочестивого, полководца опытного и умного; но словно чудо хранило испанцев и, несмотря на храбрость и опыт, Метелл не смог одолеть Сертория. Тогда свои услуги предложил Помпей; однако назначить его командующим означало нарушить установленную Суллой строгую постепенность магистратур, а тридцатилетний всадник никаких еще курульных должностей не занимал и был частным лицом; такое *privatus cum impregio* рассматривалось как нереспубликанское явление. Но добытая им слава в Гражданской войне (он даже получил прозвище «Великий» — *Magnus*) сделала свое: Помпей получил армию и направился в Испанию.

А Серторий после успехов в войне с Метеллом стал еще более чем когда-либо почитаемым своими подданными. Белая лань, совсем ручная, всегда была при нем. Иногда она покидала его, и тогда Серторий впадал в отчаяние. Затем лань столь же неожиданно возвращалась, и Серторий понимал, что она посещала свою богиню и теперь пришла, чтобы передать ее волю. С такой верой народ непобедим. Помпей скоро в этом убедился, как и Метелл. Кто знает, как долго еще длилась бы эта война, если бы не измена в собственном лагере.

После разгрома бунта Лепида с небольшой кучкой сторонников на Сардинию ушел некто Марк Перпенна, личность столь же темная, как и его главнокомандующий Лепид. Всеобщая любовь к Серторию была для него как красное для быка, и он решил, что, если убрать обожаемого вожда, можно будет с легкостью занять его место. Воспользовавшись очередным успехом, он устроил у себя праздник и пригласил на него Сертория. Празднество было шумным и разнузданным; Серторий, приучивший своих людей к суровому и трезвому образу жизни, испытывал крайнюю неприязнь к подобному пьянству и хотел покинуть оргию. В этот момент Перпенна бросил кубок о землю — условленный знак для заговорщиков. Те набросились на Сертория и убили его.

Перпенна достиг своей цели, но успехом наслаждался недолго. Ореол чуда исчез, при бледном свете дня все приобрело обычную форму. Помпей легко разбил испанских и римских мятежников и вновь вернул испанские провинции Римской республике. С победоносной армией он вернулся в Италию (72). Что он там нашел, мы увидим в следующей главе, а пока что вернемся к году смерти Суллы и посмотрим, как разворачивались события на востоке римского мира.

Здесь со времени отъезда Суллы царил кажущийся мир, на короткий промежуток времени прерванный так называемый Второй Митридатовой

войной (83–81); она принесла преемнику Суллы, Мурене, полагающийся триумф, но в остальном ничего не изменилось. Положение дел было похоже на ситуацию в югуртинской Нумидии: народ не хотел войны — она была делом одного человека и окончиться могла лишь с его смертью. И еще: как в свое время Югурта искал поддержки у своего свекра, мавританского Бокха, так естественным союзником Митридата был его зять, армянский царь Т и г р а н. Человек тщеславный и беспокойный, он создал обширное царство, назвал себя «царем царей» и основал новую столицу с горделивым названием Тигранокерта (город Тиграна); для ее строительства он разрушил ряд городов своего государства. Но вмешиваться в войну с Римом не имел ни малейшего желания, несмотря на настойчивые просьбы тестя.

Митридат ни на минуту не оставлял мысли о возобновлении войны. Поводом для нее стало занятие Римом (75) В и ф и н и и, завещанной ему вифинским царем Никомедом IV. Таким образом, Рим становился непосредственным соседом Понта, угрожая положению Митридата на Черном море, которое тот считал своим. Митридат, возмущенный новым захватом, объявил римлянам войну — началась Т р е т ь я Митридатова война (74–63).

Его естественными союзниками были Тигран, Серторий и пираты. Первому он предложил союз при условии, что тот уступит ему всю Малую Азию; Серторий отдавал Вифинию, которой владел Сулла, но о том, чтобы лишиться давней римской провинции Азия, наследства Атталидов, даже и слышать не хотел. Это сильно охладило пыл Митридата: «Что же он скажет, находясь на Капитолии, если так трудно договориться с ним в изгнании?» Тем более ценной была помощь хозяев моря, пиратов; о «государстве» пиратов мы поговорим позже.

К счастью для Рима, в 74 году одним из консулов был Л у ц и й Л и ц и н и й Л у к у л л (брат Марка, наместника Македонии, который в будущем, в 71 году, придет на помощь Крассу против Спартака). Мы с ним немного знакомы: высокообразованный, филэллин по духу, страстный почитатель платоновской Академии, наиболее способный в то время полководец. Казалось, его роль против Митридата была заранее предопределена, но ему пришлось много унижаться перед распутным Цетегом, которого он ненавидел и презирал, и перед его фавориткой Прецией, чтобы получить необходимые полномочия. Но ради блага родины он готов был на все и цели достиг.

Первые выступления римлян, как обычно, окончились неудачей. Товарищ Лукулла, Марк Котта (Марк Аврелий Котта), получил командование единственным, но отборным римским флотом и отправился с ним в греческие воды. Митридат с корсарами оказался сильнее, и Котте пришлось

искать убежища в укрепленной пристани в Халкедоне (напротив Византия). Здесь он чувствовал себя в безопасности и мог спокойно ожидать Лукулла, спешащего к нему на помощь со своими легионами. Котта хотел разбить противника самостоятельно, предпринял вылазку, но пришлось отступить. Понтийский флот в погоне за отступающими судами ворвался в порт и уничтожил все морские силы Котты и Рима.

Это был тяжелый удар — как Сулла, так и Лукулл остро ощущали недостаток судов. Но прибытие Лукулла поправило ситуацию. Не обращая внимания на ропот солдат, рассчитывавших на большую добычу в оставленных городах Митридата, он без остановок шел к Халкедону, чтобы спасти остатки армии Котта.

— Жизнь одного римского солдата для меня дороже всех царских сокровищ, — говорил полководец. Солдаты послушались, но недовольство стало началом разногласия командующего с армией.

Да, в этом и заключался трагизм положения Лукулла. Его легионы состояли в основном из так называемых фимбрианцев, новых наемников Цинны, посланных под командованием Валерия Флакка против Суллы; сначала они допустили убийство Фимбрием своего начальника, а затем от Фимбрия перешли на сторону Суллы. Крайне чувствительные в вопросах военной чести римляне не торопились распустить деморализованные легионы, чтобы наградить солдат после службы землей, поэтому легионеры провели на чужбине более десяти лет. Успехи Лукулла их привлекали, и поначалу все шло благополучно.

Освободив войско Котта, Лукулл двинулся против основных сил Митридата, осаждавших греческий город Кизик в Пропонтиде, где жила еще прежняя отвага Эллады. Началась знаменитая двойная осада — осаждавшего город Митридата осаждали войска Лукулла. Геройство жителей оказало римлянам существенную помощь. И несмотря на значительный количественный перевес армии Митридата, длившаяся почти всю зиму осада привела к полному уничтожению понтийского войска. Летом 73 года Митридат бежал на территорию своего царства, оставив около 200 000 трупов под стенами Кизика.

Кончился первый этап войны — изгнание Митридата из оккупированной им провинции; теперь начался второй период, война на территории Понта. Здесь армию Лукулла задержала столица Митридата, Амиса; осада города заняла всю следующую зиму. Овладение ею Лукулл оставил своему помощнику, Мурене, а сам с основными силами направился в другой город Понта, Кабуру. Здесь находились главные сокровища царя; когда и Кабира была взята, Митридат отказался от дальнейшего сопротивления и бежал к тестю, Тиграну. Но прежде чем покинуть Понт, он

самым чудовищным образом перебил всех своих жен и сестер, чтобы они не попали в руки победителей.

Так поразительно быстро закончился второй этап войны; вчерашний владыка Азии искал убежища у своего еще сильного родственника и соседа, как когда-то Югурта у Бокха. Для Лукулла бегство Митридата стало своего рода указанием, как поступать дальше: следовало идти по стопам Мария и требовать от Тиграна выдать опасного беглеца. Но для Мария такое опасное поручение исполнил Сулла, Лукулл же мог его поручить только своему зятю, Аппию Клодию. Но Аппию Афродита не помогала, и Тигран ему отказал.

В ответ Лукулл мог только объявить войну самому Тиграну. Силы его, правда, были невелики, так как он часть войск оставил в Понте; располагая едва десятью тысячами солдат, Лукулл тем не менее переправился через Евфрат для осады новой столицы армянского государства Тигранокерты. Когда гонец принес весть о наступлении армии Лукулла, Тигран велел его повесить; конечно, делу это не помогло. Когда Тигран увидел, что приближается сам главнокомандующий, то начал смеяться: «Для полководца — слишком много, для войска — маловато». Он верил в свою двухсоттысячную армию, в которой одних к а т а ф р а к т о в¹ было значительно больше, чем солдат у Лукулла. Но в римской армии был Лукулл...

Напрасно друзья предостерегали Лукулла, напоминая, что избранный для сражения день — годовщина поражения римлян с кимврами — неудачный. Но Лукулл им ответил: «Благодаря мне этот день станет удачным». И сдержал слово. Безошибочным взглядом, достойным главнокомандующего его ранга, он нашел некую возвышенность, которую не догадался занять Тигран. Захватив ее, он, словно ураган, налетел на армию неприятеля, а его легионеры рубили и крушили отступающих. В донесении сенату Лукулл сообщил: «С их стороны погибло сто тысяч, с нашей — пять человек».

Такого сражения даже в полной славы военной истории Рима еще не было, хотя до конца войны могло случиться всякое. Испуганный Тигран передал руководство армии тестю, старому Митридату; под тяжелой рукой опытного полководца положение приобрело совсем иной оборот. Лукулл попытался быстрым маршем добраться до собственно Армении и увенчать свою победу, но суровый климат гористой страны заставил его повернуть обратно. Одной такой неудачи оказалось достаточно, чтобы глухое недовольство солдат, которых не могли объединить никакие успехи, сменилось открытым мятежом.

---

¹ Катафракты — особый вид конницы, впервые появившейся у персов. Тело всадников защищал чешуйчатый панцирь, голову — шлем с забралом. Основное вооружение — копье.

Мы помним прежние причины недовольства, теперь присоединились новые. Страстный филэллин, Лукулл не позволял грабить греческие города, во-первых. Во-вторых, щедро награждая солдат, он не забывал и о себе — его палатка была полна самых разнообразных художественных предметов, которые кололи глаза солдатам. Возможно, они и не обратили бы особого внимания на это, но в армии появился второй его тесть, брат злополучного Аппия, Публий Клодий, о котором мы еще услышим. Демагог и склочник высшего класса, в разговорах о Лукулле он все время упоминал о тяготах многолетних походов и ставил в пример Помпея, награждавшего своих солдат за менее значительные победы в войне с Серторием. Пропаганда подействовала, и прежние фимбрианцы отказали в послушании своему полководцу.

Лукуллу теперь оставалось одно — для увенчания героических дел — еще более героическое отступление. Отступление из Месопотамии до провинции Азия, осуществленное во главе взбунтовавшейся армии, среди тысячи опасностей в неприятельской стране — знатоки военного дела ставят наравне с отступлением 10 000 греков под командованием Ксенофонта; и количество войска, и путь были те же самые. Успех был полный; как древние герои сказочных боев, без потерь, он добрался до назначенных мест, и должность Лукулла занял Помпей (66).

Прежде чем говорить о Помпее, расскажем до конца историю Лукулла. В Риме в его отсутствие подняли голову враги, главным образом всадники-спекулянты, недовольные честным ведением дел в провинции Азия. Еще Сулла, правда, отобрал у всадников право на откуп, но он же обложил провинцию жесточайшей контрибуцией за резню римских граждан, и всадники легко воспользовались новой ситуацией: они давали общинам в долг необходимые капиталы с огромными ростовщическими процентами. Азия была доведена до полной нищеты; случалось, что родители для оплаты долгов продавали детей в рабство, эквиты без зазрения совести набивали свои кошельки. Лукулл, освободившись от военных забот, решил восстановить правосудие и законность. К откупщикам и мздоимцам он применял самые жесткие меры; начал с того, что запретил брать за ссуду более одного процента, ограничил общую сумму процентов размером самой ссуды; его постановление предоставляло займодавцу право лишь на четвертую часть доходов должника. Азия вздохнула свободней, прославляя имя своего благодетеля.

Но, вернувшись в Рим, Лукулл понял, что его политическая жизнь закончена; он спокойно и достойно принял столь несправедливый поворот в своей жизни. Поклонник блаженства, но не распутного, а изысканного и одухотворенного, он вознаграждал теперь себя за тяготы и неудачи азиатских походов. Начал строить дворцы и виллы — в Риме, в Альбанских

горах и на берегу благословенного Неаполитанского залива. Он любил соединение архитектуры с природой, то единение, которое так восхищает нас в помпеянских росписях: легкие колоннады окружены благоухающими перелесками, волны разбиваются о фундамент изящного павильона... Не для одного себя строил Лукулл. Приветливый хозяин охотно принимал друзей на прославившихся «лукулловых пирах», пирах, которые значительно больше побед у Кизика, Кабиры и Тигранокерта прославили имя этого человека. Как бы то ни было, именно духовное наслаждение он ставил на первое место. Мы помним, он не позволял грабить эллинистические греческие города, но сокровища Митридата и Тиграна считал своей законной добычей. Его дворцы и виллы были украшены произведениями греческого резца и кисти, они стали настоящими музеями, охотно показываемыми гостям. Еще охотнее Лукулл открывал доступ в библиотеку, почти первую в Риме, открытую для публичного пользования. Поклонник науки и литературы находил здесь не только шкафы и столы: полные прохлады колоннады, тенистые аллеи влекли для прогулки со свитком в руке, и сам хозяин, полный энергии и доброжелательства, не раз приходил побеседовать с учеными на разные интересные его темы.

Так жил Лукулл в последние годы жизни, тихо, спокойно, не помня обид, нанесенных ему даже Помпеем, лишившим его плодов победы в Азии; так же тихо и спокойно он ушел из жизни, почти на двадцать лет пережив своего друга Суллу. Только его смерть напомнила римлянам, что Лукулл был человеком великих военных заслуг; народ хотел обязательно похоронить его со всеми торжествами на Марсовом поле; немалых трудов стоило брату уговорить поклонников умершего позволить ему спокойно почитать под дубами любимого *Tusculanum* на Альбанской горе.

Ныне не только героические деяния полководца ушли в небытие; дворцы, виллы, музеи и библиотеки исчезли с лица земли. Только один «памятник» напоминает людям о Лукулле и о его азиатских походах: это наша любимая черешня. Она в обилии росла на берегах Понта, греки называли ее *kegas* по скрученному, как рог, стволу дерева. От ее имени многие приморские города понтийской области получили название *serase*, *serises*. Здесь и увидел ее Лукулл; дерево понравилось, и он велел его перевезти в Италию, где черешня была еще неизвестна. Из Италии она распространилась по всей Европе, от романских народов ее название переняли немцы (*Kirschen*), от них и славяне (черешня, *czereśnia* с сохранением немецкого *n* во множественном числе). И если уже стоит память о Лукулле ассоциировать со вкусом, то пусть ее символом станет милый дар весны, а не пресловутые «лукулловы пиры»...

СПАРТАК

Нам снова придется вернуться немного назад, к тому моменту, когда война с Серторием приближалась к концу и когда замечательная победа Лукулла под Кизиком претворила в жизнь надежды римлян на Востоке. Это был 73 год.

Мы помним, что уничтожение римского мира ожидалось в 83 году. Подтверждением этих ожиданий стал пожар на Капитолии, символе вечности города и его щите. Но когда обреченное на уничтожение государство обрело спасителя в лице Суллы, то жизнеспособность пророчества, как обычно бывает, приспособилась к новым обстоятельствам: утверждалось, что судьба Рима решится тремя ударами, нанесенными с промежутками в десять лет. Получалось, что второй удар должен прогреметь в 73 году. Так и случилось.

Кроме национального святилища на Капитолии, у его подножия, на Форуме, находилось столь же почитаемое место — негаснувший огонь Весты, символ неприкосновенности и внутреннего бессмертия жизни домашнего очага города. Ни одна статуя не представляла верующим черт богини; Веста — это сам огонь, который горел в ее круглом храме. Его берегли весталки (*Virgines Vestales*), которые здесь, во «дворе Весты» (*atrium Vestae*), вели суровую монастырскую жизнь под надзором старшей из них (*Virgo Vestalis Maxima*). Народ оказывал им всяческое почтение, но и они были обязаны себя блюсти и свято хранить обет девственности, который дали богине. И вот в 73 году случилось нечто, словно гром

Битва гладиаторов. Рельеф. Аматерн. I в. до н. э. Аквилей

поразившее утвердившийся порядок вещей: выяснилось, что две весталки нарушили клятву. Это значило оскорбление богини государственного очага, проникновение смертельной заразы внутрь самого государства, запятнание родного огня. Что бы это ни значило, но разъяснение страшной загадки не заставило себя ждать: в том же 73 году вспыхнуло восстание рабов.

Почему именно сейчас? Чтобы выяснить это, попробуем понять, чем было рабство в античном мире вообще, а в особенности в I в. до н. э. Рабство в самой старой форме, т. е. такой правовой порядок, при котором один человек как раб становится вещью другого человека, своего хозяина — ныне встречается лишь у диких народов; такое рабство — своего рода производное первобытных условий общественной жизни. Культурный античный мир унаследовал подобную организацию от своих праотцов с давнего времени, и с этой точки зрения и греки, и римляне не отличались от иных античных народов. Но в трудах мыслителей, лучших поэтов и философов, затем в области законодательной и по сути самой жизнью они осуждали рабство. И если ныне мы считаем рабство позорным, то в этом огромная заслуга античного мира. Главным обоснованием рабства было сознание, что правовые отношения могут существовать только между согражданами или союзниками, их нет между врагами, поэтому в случае победы побежденные вместе со всем своим имуществом становились собственностью победителя. Совершенно естественно, что такое рабство грозило скорее женщинам, чем мужчинам, пленник редко бывает покорным и ревностным рабом. В той общине, какую нам описывает Гомер, рабы являются исключением, это в большей части похищенные или купленные в детстве люди. Рабынь там много, они используются главным образом для домашней работы — изготовление пряжи, ткачество, размол зерна, изготовление хлеба. И позже, вплоть до VI века рабы не имели большого значения в хозяйстве, поэтому Периандр¹ коринфский мог отменить рабство в своем государстве, не опасаясь особых серьезных потрясений в экономической жизни.

В V и VI веках положение дела меняется, но нужно различать сельские и промышленные хозяйства. В сельском хозяйстве благодаря Солону (пока мы рассматриваем ситуацию в Афинах) преобладала мелкая собственность, а с нею свободный крестьянский труд; разумеется, они имели свою Ману, Сирию, Тратту, но это были скорее товарищи, разделявшие

---

¹ Периандр — с 627 г. до н. э. тиран Коринфа. Во время его правления наблюдался хозяйственный и культурный расцвет (подъем торговли, ремесел, керамического производства), наделение беднейших крестьян землей, запрещение заниматься работорговлей, содействие культуре и искусству.

труд своих хозяев. Бедная почва Аттики не могла прокормить свое население, зерно нужно было привозить извне, а для этого вывозить предметы собственного производства; чтобы завоевать заграничные рынки, следовало так рассчитать, чтобы производство этих предметов стоило дешево, поэтому и необходим был дешевый, принудительный и не очень дорогой свободный труд. Поэтому массовый рабский труд прежде всего появился в производстве, хотя масштабы были невелики; отец Демосфена, например, которого считали владельцем значительной мастерской по изготовлению оружия, использовал труд 33 рабов. Поэтому в Греции рабство вообще не являлось элементом особенно вредным, иногда появлялись сообщения о бегстве рабов, но никогда о восстаниях.

Иначе было на Западе, в Карфагене. В этом государстве, как мы уже говорили, впервые невольничий труд был использован в широком масштабе в сельском хозяйстве — в хозяйствах типа плантаций (латифундий), о которых мы имеем представление по известной с детства «Хижине дяди Тома». Из Карфагена эта система распространилась на Сицилию, а потом и в Италию. Этому способствовал ряд факторов. Римские крестьяне в периоды войны, естественно, прекращали работы на земле и постепенно передавали ее «соседям — наследникам», богачам, увеличивавшим таким образом размеры своих латифундий. Эти богачи, видя в земельном имуществе главный источник своего благосостояния (мы помним, что сенаторам было запрещено заниматься торговлей), старались вести свое хозяйство как можно дешевле, то есть при помощи рабского, а не свободного труда. Свободные крестьяне, теряя землю и работу у собственников земли, вынуждены были отправляться в Рим. Так, с одной стороны, возникали безработица и бесплатная раздача хлеба, отягощающие казну, а с другой — неимоверный рост латифундий. Рабов поставляли бесконечные войны, особенно на Востоке, и постоянная охота на людей, чем непрестанно занимались пираты. Пленники были ненадежными рабами, их следовало держать в жестких условиях; их делили на «десятки» и «сотни» под надзором «десятников» и «сотников»; ночевали они, как правило, в подземных эргастулах (*греч.* *ergasterion*), работали под ударами палки, за непослушание и прочие провинности подвергались истязаниям и распятию. Естественно, что они испытывали ненависть и к своим хозяевам, и к государству, которое поддерживало подобное злодеяние.

Рабский труд, помимо его принципиальной безнравственности, что следует подчеркнуть прежде всего, создавал непреодолимую конкуренцию для свободного труда крестьянина и приводил крестьян к полному разорению, увеличивая массы столичного безработного пролетариата (люмпен-пролетариат), основу бунтов в государстве; деклассированная чернь в дальнейшем сыграла роковую роль в вырождении демократии и гибели Республики; рабство, кроме того, приводило к вырождению и культурного

италийского слоя; миллионы выходцев из темных и суеверных племен Севера, Востока и Юга, превращаясь из свободных людей в рабов, невольно опускались еще ниже и умственно, и нравственно. Рабство наполняло Италию миллионами враждебно настроенных людей, которые ждали любого повода, чтобы от слов перейти к делу.

Таким действием и было восстание 73 года, не первое восстание рабов в Римской республике; уже в конце II века на Сицилии разгорелись две «войны рабов», как мы их называем. Но это было в провинции, которая с давних времен и по сегодняшний день была классической землей тайных товариществ и заговоров. Тогда восстание обошло Италию именно потому, что тут основной вид хозяйства — скотоводство, не способствовал концентрации рабов в одном месте. Конечно, разрозненные бунты и здесь могли иметь место, и гражданские войны часто приводили к тому, что целые группы рабов выпускались на свободу, им давали оружие, используя для узких интересов отдельных кланов. Но до мятежей и восстаний среди рабов не доходило.

Одним из факторов, который повлиял на взрыв восстания и о котором пойдет речь, можно назвать чисто римский институт — г л а д и а т у р а (кстати, пришедшая, по всей вероятности, из этрусских погребальных игр в публичные зрелища); подробнее это явление мы опишем ниже;¹ здесь достаточно сказать, что гладиаторами (от *gladius* — меч) назывались рабы, предназначенные для сражения с оружием в руках друг с другом не на жизнь, но на смерть во время игр — для утешения народа, собиравшегося смотреть на них. Таких пар (*paēia*) бывало несколько десятков, подобное жестокое развлечение в те времена охватило всю Италию и случалось даже в провинциях; в гладиаторы отбирали самых сильных, ловких и смелых, особенно среди военнопленных. Разумеется, эти люди и в неволе помнили о своей былой свободе и горели страстным желанием вернуть ее себе. Поэтому гладиаторов держали под строгим надзором в особых «школах» (*ludi*), точнее говоря — в казармах.

И вот именно в 73 году несколько десятков гладиаторов сбежали из капуанских казарм и заняли недоступную позицию на Везувии. В то время вулкан не действовал, поверхность его утопала в виноградниках и прочей зелени; гора еще не имела той формы, которая образовалась позже повторяющимися извержениями. Рабы-гладиаторы, превратившись в шайку свободных разбойников, сеяли беспокойство в окрестных городах «счастливой Кампании»; гладиаторы выбрали трех вождей, главным из которых был С п а р т а к из Фракии. В жилах этого выдающегося человека текла кровь не только свободная, но и родовитая; по крайней мере,

¹ См.: Зелинский Ф. Ф. Римская Империя. 1999. С. 247.

имя его свидетельствует о происхождении из рода Спартокидов, давшего вождей и царей Боспорского царства в Тавриде.

Во время бегства гладиаторы захватили огромное количество оружия, легко отбили маленький отряд, посланный из Капуи, и, завладев настоящим военным оружием, сменили свое ненавистное гладиаторское снаряжение. Римляне направили против восставших претора Гая Клодия с трехтысячной армией. Клодий расположился лагерем у подножия горы, где находился единственный удобный спуск, предполагая голодом заставить рабов сдаться. Но Спартак оказался хитрее: из растущих кругом лоз дикого винограда он приказал сплести легкие лестницы, по которым его сподвижники спустились по отвесным склонам горы на равнину. И в то время как Клодий думал, что стережет повстанцев, Спартак напал на него с тыла и завладел лагерем римлян. Добытое таким образом оружие позволило восставшим хорошо вооружиться. Так же поступал Спартак и после второй и третьей победы (претор Публий Вариний и его ликторы), так что вскоре его армия насчитывала около 70 000 человек.

Положение становилось весьма серьезным; римское правительство поняло опасность, и сенат счел необходимым направить против Спартака обоих консулов, Луция Геллия и Гнея Корнелия Лентула. Задача римлян облегчалась тем обстоятельством, что в рядах повстанцев начались разногласия; меньшая часть его войска, состоявшая из галлов и германцев, под командованием Крикса отделилась от основной армии и начала действовать самостоятельно, занимаясь главным образом грабежом. Консул Геллий направил против Крикса часть своих легионов под командованием претора Квинта Аррия, который напал на мятежников около горы Гаргана в Апулии и разбил их; сам Крикс погиб. Но Спартак был еще силен, он нанес поражение Лентулу, Геллию и Аррию в Галлии Итальянской и, казалось, овладел всей Италией.

Спартак не поддавался эйфории победы; он понимал и свою слабость, основанную на недостаточной подготовке людей, осознавал он и опасность похода на Рим, чего требовали его солдаты. Он хотел использовать свой успех для благополучного ухода из Италии, где, как он надеялся, все его люди станут свободными и вернуться в родные места. Но его солдаты и слышать не хотели об этом — как можно покинуть благословенную Италию, где столько неразграбленных богатств? Оставив первоначальный план, Спартак неожиданно направил свою армию на Рим; уж если суждено оставаться в Италии, то нужно прежде всего покончить с данным государственным строем и на его месте установить... что? Кто может знать, какие мысли родились в его смелой и умной голове? Но его отряды и на это не согласились. Как правильно заметил Моммзен, они вынудили Спартака остаться вождем разбойников, а он хотел быть командующим армией.

Убийство, кражи, поджоги — вот чего хотели подчиненные Спартака, разбойники-рабы, «гайдамаки» Италии, выражаясь современным языком. Уничтожались имения, сжигались дома, дворцы, а порой и города; особенно тщательно рабы грабили склады вина, и позже часто говорили об уцелевших амфорах «счастливой осени Опимия», имея в виду то, что они избежали разбоя. С неслыханной жестокостью расправлялись рабы с пленными, что неудивительно, потому что и римляне не видели в них военных пленников и распинали как взбунтовавшихся рабов. Бывшие гладиаторы не оставались в долгу и заставляли своих пленников выступать им на потеху в роли гладиаторов. Так, во время тризны по Криксу было замучено триста пленных римлян.

Рим охватило отчаяние. Следовало признать, что Спартак — это серьезный противник, и потому необходимо послать против него такого же достойного военачальника. Лукулл тогда сражался с Митридатом, Помпей с Серторием, так что на войну со Спартаком отправили проконсула Марка Лициния Красса. Мы вспоминали о нем, но теперь, в связи с выполнением им главного военного задания, ставшего основой для дальнейшей политической карьеры, следует сказать подробнее.

Он происходил из не очень богатой семьи и молодые годы провел в более чем скромных условиях. Но именно поэтому в нем развилась неслыханная жажда богатства, ставшая на всю жизнь его движущей силой, жажда, которая затмила остальные, совсем недюжинные способности. Выбившись на поверхность благодаря своим талантам, в частности, и мастерству оратора, наследственному в роду Лициниев, Красс получил значительное состояние; но победа Мария и Цинны в 87 году уничтожила все плоды его усилий. Ему пришлось бежать, он укрылся в Испании у своего друга Вибия Пациана. Но и здесь опасность его не оставила. Вибий не решился принять Красса у себя дома и предоставил «гостю» пещеру около моря, удобную и прекрасно подготовленную для жизни в ней днем и ночью. В ней Красс провел восемь месяцев, не испытывая ни в чем недостатка.

После смерти Цинны Красс отправился в Африку и присоединился к Метеллу Пию, затем, поссорившись с Метеллом, присоединился к Сулле. Сулла принял его благосклонно, но не ставил так высоко, как Помпей, с которым Красс по этой причине яростно соперничал. Красс оказал Сулле многочисленные услуги, но не забыл и о себе — жажда золота овладевала им все сильнее. На этот раз он полностью достиг своей цели: чудовищные проскрипции предоставили возможность собрать за бесценок имущество обреченных. При помощи операций, перед которыми вздрагивали люди с более впечатлительной совестью, Красс стал самым богатым человеком в Риме, но именно поэтому и пристало к нему весьма оскорби-

тельное прозвище, которым римляне называли людей, собиравших добро проскрибированных, — *Secator* («собирающий имущество, разрезанное на части»). Но в личной жизни Красс отличался приветливостью и услужливостью, охотно помогал бедным друзьям и давал деньги в долг без процентов, хотя потом весьма настойчиво требовал долг вернуть.

Наступившее после десятилетия диктатуры Суллы время Красс провел в Риме, стараясь всеми способами усилить свое влияние. С точки зрения военных заслуг, конечно, он не мог при таком образе жизни равняться ни с отсутствующим Лукуллом, ни с Помпеем, но при этом считался одним из лучших военачальников за свое участие в Гражданской войне.

Теперь после новой победы Спартака вспомнили о Крассе, и он охотно принял возложенную на него обязанность, надеясь, что станет, после Суллы, вторым спасителем Рима. Приняв от консулов абсолютно деморализованную армию, Красс прежде всего предпринял ряд мер для восстановления дисциплины, используя суровое средство — *децимация*. Войско было поделено на десятки, каждый солдат подходил к урне, в которой находилось десять шаров: десять белых и один черный. Вытягивавший черный шар подвергался казни. Так Красс казнил 4 000 солдат: не всякое проигранное сражение окупалось такой ценой... Успех подобного средства сомнителен, но Красс достиг желаемого. Его войско вернуло себе утраченную боеспособность, и теперь он мог идти против врага.

И действительно, в 71 году наступил перелом. Первые же столкновения принесли Крассу победу. Спартак отступил на юг, на полуостров Регий, откуда предполагал переправиться с армией на Сицилию и там собрать новые силы. Суда он рассчитывал получить от пиратов, но те, взяв деньги, обманули его. Красс был уверен в себе: он решил перекрыть сообщение через перешеек и вырыл от одного моря до другого глубокий широкий ров, а вдоль рва возвел высокую прочную стену. Теперь он отгородил полуостров от остальной Италии и спокойно ждал голодной смерти зажатых в ловушке шайки рабов или сдачи их на милость победителя.

Но ему не удалось достичь победы таким «легким способом». Спартак, дождавшись снежной и бурной ночи (зима 72/71 г.), засыпал небольшую часть рва землей, хворостом и ветками и прорвался сквозь окопы римлян; он снова очутился в Лукании. После такой неудачи Красса охватила паника, он потребовал от сената помощи — вызвать Помпея и Лукулла; так ему пришлось признать свою слабость. За такой необдуманный шаг он дорого заплатил в будущем. Однако настроение малодушия быстро прошло — ему помогли новые раздоры в стане Спартака. Часть войска отделилась и разместилась вдоль Луканского озера. Узнав об этом, Красс поторопился воспользоваться ситуацией, быстро разгромил отделив-

шихся галлов и германцев под командованием Каста и Ганника. Возможно, он одержал бы окончательную победу, но вовремя появился Спартак и спас остатки армии. Однако эта помощь не остановила раскола, и Красс смог атаковать мятежников второй раз. Он уничтожил более 12 000 рабов, все погибли на поле брани, сражаясь до последней капли крови.

Тем временем Помпей, закончив войну с Серторием, возвращался в Италию и очень надеялся отобрать лавры у Красса. Красс не мог этому воспрепятствовать, тем более что сам в минуту слабости попросил о помощи. Он спешил окончить войну до прибытия Помпея в Италию и решил немедленно напасть на Спартака. Последний тоже предпочитал встретиться с каждым полководцем отдельно. Решающая битва разыгралась на р. Силариус, в Апулии. Перед началом боя к Спартаку подвели коня — он убил его собственным мечом:

— Если мы победим, будет много хороших коней, а в случае поражения для бегства он не понадобится.

Спартак сражался как лев, лично убил двух центурионов, пытаясь прорваться к Крассу. Римская стойкость взяла верх; мужественный вождь бунтовщиков, покинутый своими соратниками, бежавшими с поля битвы, окруженный врагами, он пал под их ударами, не отступая ни на шаг и сражаясь до конца.

Разбежавшиеся отряды были истреблены Помпеем, который позволил себе в донесении сенату написать, что Красс выиграл лишь сражение, а он — войну, уничтожив ее корень.

Ненависть Красса к Помпею возросла еще больше. Красс, разумеется, не требовал большого триумфа за победу в войне с рабами, но малый триумф, так называемый «пеший» (о в а ц и я, при которой победитель ехал не в триумфальной колеснице, но верхом или пешком) он получил; правда, он принес ему больше насмешек, чем почестей. Так римляне быстро забыли о прошедших бедах.

В любом случае грозная война окончилась: огонь Весты снова горел спокойным, ровным светом. Надолго ли?

ПОМПЕЙ ВЕЛИКИЙ

Тысячи крестов с распятыми на них рабами почти два месяца служили страшным украшением Аппиевой дороги, «царицы дорог», от Рима до Капуи и свидетельствовали всем проезжавшим о победе государственной власти над опасным внутренним врагом. Победа была окончательной — какие бы еще потрясения не происходили в будущем, такого вос-

стания рабов больше не повторилось. Но неужели можно говорить, что причиной был страх, вызванный жестокой расправой? Или признать практическую ценность террора? Нисколько.

Мы говорили уже, что не античный мир был изобретателем рабства, но он был, бесспорно, первым и единственным, признавшим безнравственность и вредность подобного института. Сначала греческие поэты, в особенности Еврипид, указывали на общность человеческой природы, которая не позволяет, чтобы один человек был собственностью, вещью другого. Затем философия, особенно направления стоиков, расширила то же учение среди своих многочисленных адептов. Философия стоиков проникла в Рим и повлияла на римскую науку о праве — нам известны ее реформаторы, оба Сцеволы. Медленно, но уверенно шла работа по смягчению условий жизни рабов, им было признано право на брак (*contubernium*), право на личную собственность (*peculium*); постепенно ограничивалось самоуправство хозяина.

*Портрет Помпея Великого.
Копенгаген, Глиптотека Ny Carlsberg*

— Что такое раб? Лучший скромный друг, — говорит своим читателям Сенека. Таковы постоянные и благотворные пути прогресса.

Что касается войны 73–71 годов, то при всей нашей симпатии к личности Спартака не стоит жалеть, что победил не он, а твердость и организованность Рима. Соратники Спартака своим предпочтением к грабежу и поджогам, а не к свободе, к которой их призывал их вождь, показали, что они не были готовы к власти. Если бы тогда они победили, то вся культура была бы потоплена в крови и на место римского правопорядка пришел бы хаос, из тьмы которого человечеству пришлось бы долго и медленно вновь пробиваться к свету, чтобы, быть может, через тысячу лет оказаться там, где оно находилось тогда.

Италия не сразу излечилась от жестокостей спартаковского мятежа. Уничтоженные деревни, сожженные дома еще долгое время были наглядным свидетельством пронесшейся над страной бури; кто знает, сколько невосполнимых сокровищ погибло в ее урагане? Конечно, Лукулл был не первым, кто украшал свою виллу изделиями греческих мастеров; но, по крайней мере, создавались условия для культурного возрождения страны; Рим вздохнул свободно и был благодарен своему избавителю. Избавителю — но кто им был? Красс сломил силу рабов, но Помпей «выкорчевал корень войны». Победы Помпея были ярче, громче, но геройство Красса — ближе. За Помпея говорило его действие, за Красса его слова, унаследованное красноречие. Самым необходимым было то, чтобы оба, наконец, договорились между собой. Так и случилось, и оба в следующем году (70) были избраны консулами.

Первое консульство Помпея и Красса в 70 году стало поворотным пунктом в истории упадка Республики; оно завершило вторую сулланскую реставрацию и начало новый период демократических реформ. Чтобы это понять, стоит ближе познакомиться с тем консулом, который и был творцом этого перелома, с Помпеем.

Он родился в 106 году; ему было 24 года, когда возвращение Суллы в Италию впервые предоставило возможность выдвинуться на военно-политической сцене. Мы помним, как диктатор оценил его услуги, оказанные ему юношей. Его успеху способствовали и внешние данные, вызывавшие симпатию. Лицом он был похож на Александра Македонского, об этом Помпей знал и всячески старался подражать великому полководцу. Он умел очаровывать и привлекать людей, особенно солдат, но этот дар он получил не по наследству; его отец, наоборот, будучи начальником армии во время Союзнической войны, своим жестким отношением вызвал всеобщую ненависть; но наш Помпей стал предметом безграничной любви.

Когда Сулла приказал ему отобрать у сторонников Цинны провинцию Африка, Помпей с неслыханной быстротой сумел выполнить это трудное

поручение. Вернувшись в столицу, Утику, он нашел там распоряжение Суллы распустить войско, кроме одного легиона; солдаты и слышать не хотели о разлуке с любимым молодым командующим; они начали роптать и готовы были выступить против Суллы. Помпей напрасно старался их убедить не противодействовать распоряжению диктатора, и только когда пригрозил солдатам в случае их непослушания покончить жизнь самоубийством, те смирились и дисциплина была восстановлена. В Риме услужливые «друзья» не преминули донести Сулле, что Помпей от него отошел и что провинция Африка вновь потеряна для Рима; и тем большее было удивление, а потом восторг, когда в палатке Суллы появился Помпей со словами:

— Я выполнил твой приказ!

Сулла при всех протянул ему руку и, делая намек на Александра Великого, которого обожал и которому следовал молодой солдат, громко сказал: «Приветствую тебя, Помпей В е л к и й!», дав тем самым понять, что не только в военных делах, но и в умеренности и владении собой заключено подлинное величие. Так возникло прозвище Помпея.

Но недолго Помпей был сторонником Суллы, суровый аристократизм которого не привлекал его вовсе. С другой стороны, популяры, которым не хватало умного лидера, всячески заманивали его на свою сторону. Пользуясь слепой любовью, которую испытывал к нему народ, вопреки желанию Суллы, он поддержал кандидатуру Лепида на консульство в 78 году.

— Я вижу, молодой человек, что ты рад своему успеху, — сказал ему самодержец, который уже тогда собирался уйти с политической сцены. — Как это благородно и прекрасно с твоей стороны, что Лепид, отъявленный негодяй, по твоему ходатайству перед народом избран консулом. Пришла пора тебе не дремать и быть настороже: ведь ты приобрел врага, гораздо более сильного, чем ты сам.

Предсказание Суллы подтвердилось довольно скоро. Он еще не сомкнул веки, как Помпей под руководством Катуллы вынужден был усмирять «мятеж Лепида».

Вскоре он пожелал принять участие в войне против Сертория, с которым Метелл Пий не мог справиться. Но сенат вовсе не имел намерения и желания доверить легионы молодому человеку, который до сих пор не занимал еще ни одной курульной должности. Естественными помощниками проконсула Метелла были консулы того года, Брут и Лепид Ливий, полные ничтожества. Тем большее было удивление, когда за Помпея стал выступать один из ярых аристократов, Марций Филипп: «Что в том удивительного, — говорил он в шутку, — если я, Филипп, люблю н а ш е г о Александра?!»

*Римский вождь, приносящий жертву.
Рельеф из Civita Castellana 40–50 гг. до н. э.*

— И ты предлагаешь, — возражали ему возмущенно, — чтобы его, не бывшего еще и квестором, послать на войну вместо консула?

— Нет, вместо обоих, — ядовито отвечал Марций Филипп, намекая на сомнительную ценность обоих консулов, которые своим избранием были обязаны интригам Цетега.

Помпей достиг цели. Сражаясь с Серторием, он вновь дошел до Геркулесовых столбов. Правда, разбил Сертория не он, а рука негодяя убийцы, но войну Помпей закончил и — тут же получил от сената распоряжение поторопиться на помощь Крассу, который, как мы помним, сам об этом просил. Дальнейшую историю мы знаем. Римляне пережили еще много тревожных дней, когда Помпей со своим войском приблизился к воротам Рима. А что если он захочет стать новым Суллой? Но Помпей помнил, за что умерший диктатор назвал его Великим, и обещал, что после триумфа, которого ему никто не отказывал, распустит армию — и обещание свое выполнил.

Помпей имел обязательства и относительно партии популяров. Их надлежало также выполнить. Государственная конституция, навязанная Суллой, вызывающе нарушала прославленную Полибием гармонию трех элементов в пользу аристократии, и определенное сглаживание различий было необходимо. Даже многие аристократы с горечью воспринимали ограничения трибунской власти, института столь же древнего, как и сама Республика. Правда, отобранное у трибунов право получать курульную должность было возвращено пять лет назад, но они по-прежнему не имели законодательного права. Помпей вернул им его; с этого времени стало возможным проведение трибунами законопроектов дорогой «плебисцита», без предварительного одобрения сенатом. И трибуны, как мы увидим, отблагодарили Помпея.

Столь же жестким казалось предоставление исключительно сенаторам судебных комиссий; как мы видели, и суды эквитов были необъективными, что подтвердило в том же 70 году дело наместника провинции Сицилия Верреса, который, пользуясь поддержкой своих коллег в суде, мог беззастенчиво грабить провинцию.

Цицерон, ровесник Помпея, особенно прославился тем, что разоблачил злоупотребления и мздоимство Верреса. Под влиянием его блестящих речей «Против Верреса» возникла необходимость новой судебной реформы: был создан всесловный суд присяжных, в котором поровну представлялись сенаторы, всадники и представители народа. Тогда, наконец, утвердилась подлинная справедливость в римском судопроизводстве; доверие к судам вскоре стало повсеместным, а когда отец будущего поэта Горация хотел показать сыну образец безупречного гражданина, показывал ему кого-нибудь из судей.

Подобные реформы заслуживают одобрения; менее достойными можно считать иные действия, при помощи которых Помпей решил отблагодарить тех, кто поддерживал его кандидатуру: всадникам он вернул право откупа в провинции Азия, возвращая, таким образом, прежние кошмары в несчастную страну, вздохнувшую свободней благодаря установлениям Лукулла; следуя требованиям популяров, Помпей восстановил зерновые раздачи, вновь создавая трудности для казны. Не подлежит сомнению, что сам Помпей чувствовал опасность, заключающуюся в возвращении закона Гракхов. Но популяры оказывали давление, требуя более радикальных действий, так что можно говорить о некоем консенсусе, которым удалось от них откупиться.

Что касается общей ситуации, то следует отметить, что политический горизонт Рима за последние годы значительно прояснился. Италия была усмирена, провинции присоединены, даже восточные, где Лукулл вел победоносную войну с Митридатом (до бунта его легионов и до вынужденного возвращения). Казалось, что есть все основания для нормальной политической жизни. Впервые после диктатуры Суллы избрали цензоров, которые должны были провести чистку сената от недостойных людей, оказавшихся здесь благодаря снисходительности диктатору. «Чистку» провели самым радикальным образом: 64 сенатора покинули курию. Потом пришла очередь и для всадников; здесь всеобщее внимание привлекла процедура, принятая у эквитов: по истечении установленного срока военной службы следовало привести коня для осмотра и отчет о военной деятельности и получить отставку; цензоры Геллий и Лентул восседали на своих креслах в полном облачении. Среди всадников неожиданно появился Помпей. Да, консул Помпей еще не был сенатором, консулат был его первой курульной должностью, и только после снятия консульства он мог получить место на сенаторской скамье. Послушный предписаниям предков, Помпей, ведя под уздцы коня, подошел к возвышению, на котором сидели цензоры. Он ждал установленных вопросов, чтобы получить право «привести коня», то есть право оставаться среди equites.

— Помпей Магн, я спрашиваю тебя, все ли походы, предписанные законом, ты совершил?

— Да.

— Под чьим командованием?

— Я совершил все походы, и все проведены под моим собственным командованием.

Ликующие крики народа, собравшегося на Форуме, заглушили традиционный ответ главного цензора:

— Traduc equum (Провести коня).

Успех всегда приятен. А что дальше? После окончания консульства Помпей Великий занял полагающееся ему место на скамье сенаторов среди прочих государственных деятелей; но для осуществления намерения править государством необходимо было быть политиком и оратором. Помпей же был лишь совершенным полководцем... Только? Но разве много таких талантов? Отнюдь. Но что делать, если закон не позволяет отдать военную власть частным лицам? Помпей почувствовал себя ненужным и отодвинутым от власти, а его соперник Красс, благодаря ораторскому искусству, приобретал все большее влияние.

Но перевес Красса был временным. Выше говорилось о том, что политический горизонт разъяснился, хотя одна туча оставалась: п и р а т ы. Мы уже не раз упоминали о них, теперь настала пора сказать подробнее.

В самые давние времена, о которых пишет Гомер, морской разбой считался занятием столь же дозволенным, как и морская торговля, а может, еще почетнее. Города основывались на некотором расстоянии от моря, чтобы избежать нападения со стороны морских хищников. В далеком прошлом расцвет греческих морских республик освободил восточную часть Средиземного моря от этой чумы; особенно благотворной в этой области оказалась деятельность Афин. После падения Афин роль стража порядка переняла республика на острове Родос. Но вследствие войн Рима с Персеем и Родос потерял свое значение; Рим мало занимали морские дела, охрана моря ослабла, и во второй половине II в. пиратство вновь подняло голову.

Но и корсар не может вечно блуждать по морю, ему тоже нужно гнездо на суше, как для убежища, так и для хранения награбленных сокровищ; такие гнезда обычно строились в местах, где недоступные горы вплотную подходили к берегу и образовывали между мысами глубокие и надежные заливы. Такова была гористая Киликия в юго-восточной части Малой Азии, затем — остров Крит, издавна славившийся отчаянными пиратами. Третий, столь же удобный район, — это теперешняя Далмация, но здесь, на Адриатическом море, римляне все-таки старались избавиться от таких неудобных соседей.

Гражданские войны первой половины I века были прекрасной почвой для деятельности пиратов. Теперь они представляли настоящее государство с собственной четкой организацией и даже с собственной религией; это было учение персидского Митры, о котором мы поговорим подробнее позже.¹ В распоряжении пиратов было не менее тысячи легких быстроходных судов, командовали ими греки, и языком команды также был греческий. Пираты могли везде набирать людей; их свободная,

¹ См.: Zieliński T. Religia Cesarstwa Rzymskiego. Toruń. 1999. T. V.

удалая жизнь влекла многих, не желавших довольствоваться честным заработком дома.

Пираты постоянно находились в состоянии войны с Римом; если схваченный ими пленник был настолько неосторожен, что называл себя римским гражданином, пираты с самым серьезным видом приносили ему тогу и римскую обувь (*calceus*), оказывали ему всяческие почести, а когда им надоедала подобная забава, предлагали по спущенной лестнице «пройтись по волнам». Многие города для собственного спокойствия платили им дань, другие подвергались жестоким грабежам и разрушению. В одной из своих речей против Верреса Цицерон очень ярко описывал неожиданное появление эскадры корсаров в порту Сиракуз, чтобы дискредитировать бездеятельность наместника острова. Но самое страшное было в том, что, пользуясь своей безнаказанностью, пираты все чаще захватывали богатых людей, чтобы получить за них выкуп (мы еще увидим, как сам Цезарь попал к ним в руки), грабили транспорты с зерном, предназначенным для Рима и Италии. В итоге цена на зерно росла, порой отсутствие зерна вызывало голод и недовольство населения. Популярны использовали такую ситуацию для борьбы с сенатом, который не может или не хочет ничего предпринимать; пусть в таком случае, считали они, предоставит им поле деятельности, им — лидерам народа.

Найти такого лидера не представлялось делом сложным: Помпей хотел, мог и должен был им стать. Он опытный солдат, закаленный во многих военных операциях, а в гражданской жизни Рима не находил для себя соответствующей роли. Почему же сенат не хотел доверить ему такое серьезное дело, как покорение пиратов и умиротворение моря? Причиной было фатальное недоразумение: сенаторы не доверяли Помпею. Чтобы гарантировать успех акций против пиратов, нужно главнокомандующего наделить широкими полномочиями, отдавая ему власть над всеми морями и всем морским побережьем, т. е. сделать его хозяином всей Республики; но захочет ли Помпей, исполнив поручение, отказаться от этой власти? Кто его знал, мог уверенно сказать, что да, откажется. Это был человек ярко выраженного республиканского образа мышления, он доказал это дважды, добровольно распустив армию после африканской войны и после войны с Серторием. Знал его и Цицерон, который уже в то время считался самым замечательным оратором Рима; но Цицерон, закончив свой срок эдила в 69 году, теперь стал рядовым сенатором и заседал среди эдильов, которым не часто приводилось выступать в присутствии государственных консульских деятелей, поэтому помочь Помпею он не мог. Складывалось ощущение, что дело Помпея в сенате проиграно; и вот человека, которого через двадцать лет тот же орган признает своим щитом против

дерзкого узурпатора Цезаря, он сейчас фанатически ненавидит. «Если хочешь быть вторым Ромулом, — кричали ему, — не забывай о его конце».

В сенате Помпей проиграл. Но, будучи еще консулом в 70 году, Помпей вернул трибунату законодательную инициативу; один из трибунов, Авл Габиний, внес в 67 году на обсуждение в народном собрании законопроект, предоставлявший Помпею не только командование флотом, но и прямое единовластие и неограниченные полномочия на всем пространстве Средиземного моря и прибрежной полосе на 60 км в глубину. Напрасно оптиматы сопротивлялись, законопроект был принят, и Помпей оказался во главе государства. В его распоряжении находились 500 судов, армия из 120 000 легионеров и 5000 конницы. Избрание Помпея произвело поразительное впечатление: цены на продовольствие мгновенно упали — до такой степени все были убеждены, что господство пиратов окончится, наконец, раз и навсегда.

Помпей прекрасно осуществил возлагаемые на него надежды. В то время ему было сорок лет, зенит бурной жизни сильного и стойкого человека. Он незамедлительно принялся за дело со свойственной ему железной энергией; именно здесь проявился его блестящий талант организатора. Все морское пространство Средиземного моря он разделил на тринадцать частей, в каждой части сосредоточил определенное число кораблей с избранным им начальником во главе. Пиратские корабли даже и не пытались защищаться от столь умело организованной облавы, они постарались спрятаться в свои гнезда в Киликии. Не прошло и сорока дней, как выступил Помпей, а уже вся западная часть Средиземного моря стала свободной от надоедливого врага, сицилийское и африканское зерно свободно разгружалось в италийских портах.

Оставалась вторая и главная часть работы: успокоить восточную половину Средиземного моря и захватить пиратские гнезда в гористой Киликии. Гнезда эти пираты защищали со всем мужеством отчаяния; у Коракесия произошла решающая битва, разбойники были окончательно разбиты, оставшиеся в живых сдались. Впрочем, потом об этом они не жалели: Помпей рассчитывал не без основания, что мирные обычаи и перемена образа жизни и местожительства отблагодарит оступившегося человека; поэтому он приказал поселить их вдали от соблазнительной и разрушительной морской стихии, в маленьких безлюдных горах Киликии, городках, уничтоженных войной с Митридатом.

А война с Митридатом приобрела тогда неожиданный поворот. Мы знаем, как это произошло: тайная агитация Публия Клодия деморализовала армию Лукулла, солдаты взбунтовались против своего начальника и вынудили его, отказавшись от итогов значительных побед, вести их обратно в провинцию Азия. Бывшие «фимбрианцы» теперь были распушены

по домам, остальные римские силы не представляли особого значения; легионы, которые стояли у Киликии согласно закону Габиния (проконсульская власть предоставлялась Помпею на 3 года), подчинялись, естественно, Помпею. Вполне понятно, что после неудачного похода Лукулла завершить войну нужно поручить Помпею. Соответствующий законопроект в 66 году внес один из народных трибунов, Манилий; в законопроекте говорилось о передаче Помпею командования на Востоке с вручением ему высшего империя (*imperium maius*) по отношению к другим полководцам и с правом самостоятельно объявлять войну и заключать мир, практически о назначении Помпея командующим в войне с Митридатом. Опять разгорелись страсти, как год назад. На этот раз нобили выдвинули для расправы с трибуном лучшего оратора из своей среды, Квинта Катула, который в свое время разгромил «мятеж Лепида». Толпы квиритов с уважением выслушали речь уважаемого сенатора, который спокойно и беспристрастно описал заслуги любимца богов и народа, но... посоветовал беречь такого человека:

— Кого же другого вы найдете, если потеряете Помпея?

— Тебя! — закричали все единодушно, и сенаторам оставалось смириться.

Это была значительная победа, но еще более ценной оказалась помощь Помпею от Цицерона. В тот год Цицерон был претором и мог самостоятельно выступать перед народом. На созванном собрании Цицерон произнес свою великолепную речь «*De imperio Sp. Pompeii*», одну из лучших, в которой дал волю сердцу, полному благородных порывов. Закон Манилия приняли, и победитель врагов Рима в Африке и в Европе отплыл громить их на третьем континенте.

И опять счастье сопутствовало Помпею, потому что против Тиграна выступил его сын, Тигран Младший. Мать его, дочь Митридата, естественно, находилась под подозрением «царя царей», как, впрочем, и сам Митридат, что они оба поддерживают дерзкого юношу. В результате этих «недоразумений» произошел полный разрыв союза между обеими монархиями. Митридат теперь мог рассчитывать на Фраата, парфянского царя, но хитрый варвар, взвесив силы Митридата и Помпея, предпочел заключить с последним соглашение, выговорив себе Месопотамию как награду за нейтралитет. Митридат оказался в полном одиночестве.

Но одного счастья мало, нужно уметь им пользоваться. На этом и зиждется талант полководца. Митридат после отступления Лукулла сумел укрепиться в своем царстве, а Помпей, как мы помним, имел мало солдат в провинции Азия. Должно ли ему ждать, пока не присоединятся киликийские легионы? Они еще далеко, а Помпей хотел воспользоваться удоб-

ным моментом. И он принял смелое решение — переправился через реку Галис (ныне Кызыл-Ирмак). Митридат, в ту пору уже семидесятилетний старик, предложил мир; но Помпей поставил условие — полное подчинение Риму, и приходилось войну продолжать. Митридат, не желая лобового столкновения с римской армией, начал отступать в надежде, что противник устанет от преследования по неизвестным местам. Но надежда подвела; благодаря отступлению понтийского царя Помпей смог соединиться с киликийскими легионами. Теперь он удвоил преследование, настиг Митридата, окружил и разбил наголову. Митридат намеревался бежать к Тиграну, но вместо гостеприимства он услышал о награде за свою голову. Тогда пришлось обернуться в сторону Кавказа и Закавказья, в Боспорское царство, где правил его сын-бунтарь Махар.

Помпей продолжал преследовать царя. Чем больше он углублялся в те края, тем более фантастические пейзажи открывались перед ним. Вот сказочный Тасос, еще не тронутый ногою римлян, вот золотая Колхида: омывающее ее море расцвечено парусами римских судов, на которых новые аргонавты ожидали нового Язона. Дальше — жаркие горы Грузии, где жили мужественные иберы, далее Аракс, Кура. Там каменная стена Кавказа. Перейти ее? Соблазн велик, но победил разум. Царь-изгнанник был оставлен своей судьбе, которую вскоре и решил сам, а победитель направился в обратный путь.

Все описанные походы заняли 66 и часть 65 года. Остаток года Помпей провел в Понте, упорядочивая дела новой римской провинции. На следующий год он направился в Сирию. Здесь еще правили Селевкиды, но они ничем не напоминали своих великих предков-монархов. Антиох Эпифан, тот, при котором сто лет назад восстали Маккавеи, несмотря на свои недостатки, был последним, достойным внимания представителем династии. После его смерти начались многолетние войны претендентов, они окончательно разрушили страну и погубили благосостояние греческих городов — Антиохии, Дамаска, Берита (Берута) (ныне Бейрут) и др. Эти войны стали убийственным кормом для алчных царевичей и их разбойничьих шаек. Единственный способ прекратить нескончаемые смуты, уничтожившие страну, — включить ее в состав римского государства.

После Понтийского царства это была вторая значительная добыча римского оружия; Помпей занимался организацией новой провинции, когда произошло событие, равнозначное третьему серьезному успеху, — смерть Митридата в Боспорском царстве. Старый захватчик успел сбросить с трона и наказать взбунтовавшегося сына Махара, занять его место и даже начал готовить новый поход против Рима, но не через Кавказ, а через

Балканы. Однако приготовления вызвали ропот новых подданных, а из ропота вырос бунт. Второй сын Митридата, Фарнак, встал во главе мятежников, и судьба старика была решена.

Столица Боспорского царства, Пантикапей, открыла ворота повстанцам. Мольбы Митридата были напрасны: многократный сыноубийца не мог ожидать жалости от своего сына: ему оставалось покончить жизнь самоубийством; сначала он отравил своих жен и детей, а потом сам принял яд. Но его организм, с детства приученный к ядам, не поддался действию зелья; кругом лежали трупы членов его семьи, но смерть не хотела забирать царя. Тогда он вызвал галльского наемника и приказал себя убить.

Так в 63 году окончилась третья война Митридата.

Помпей продолжал приводить к порядку дела в Сирии, но неожиданно началась короткая Иудейская война. Мы помним, что род Хасмонеев, к которому принадлежал Иуда Маккавей и его братья, получил власть над страной. Именно в тот момент, когда римские легионы овладели Сирией, два брата этого рода вели спор за царскую корону. Разумеется, что на Помпея выпала роль судьи в столь сложном вопросе. Но Помпей, как и в Сирии, предпочитал занимать сторону народа; представителями народа он считал фарисеев, ставивших целью создание религиозной организации, независимой от светской власти. Они требовали убрать царей и восстановить власть первосвященника. Вторая партия, саддукеев, поддерживала представителей торгового капитала, эллинизированной интеллигенции и военных. Спор привел к военному столкновению римской и иудейской армий; сопротивление иудеев было сломлено. Иерусалим сдался, Сион был захвачен, а его защитники погибли — кто от меча, кто от топора. Таинственный храм открыл свои ворота перед победителем, но тот, однако, сокровищ не коснулся. Многие жители Иерусалима потянулись вслед за легионами, возвращавшимися в Рим; там они создали многочисленную общину, самую главную в «рассеивании» иудеев. Мы еще вернемся к этой общине.¹

Итак, задача была решена, великая задача: распространение власти римских орлов² до берегов Евфрата. Помпей был на вершине славы — и только теперь он узнал, что родной город, для блага которого он сделал так много, чуть не был стерт с лица земли. Наступил третий фатальный год: после пожара на Капитолии в 83 году, после осквернения богини Весты в 73-м, пришла, как считали многие, последняя, окончательная катастрофа, заговор Катилы.

¹ Подробнее см.: *Зелинский Ф.* Римская Империя, 1999. С. 205.

² Орел (*лат.* аквила) — со времен Мария военный знак римского легиона.

60

ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

Страшный человек, о котором предстоит говорить в настоящей главе, уже нам знаком. Это он, после повторного овладения Рима Суллой в 82 году, по приказу последнего чудовищным образом истязал на могиле Квинта Катутла Старшего, убитого Марием, племянника последнего, Мария Гратидиана. Как видно, Катилина был одним из палачей на услугах Суллы. С того времени прошло без малого 20 лет. Луций Сергий Катилина — таково было его полное имя — и в 40 лет не изменил свои склонности. А склонности его были такими, какие часто встречаются у людей без будущего, — любым способом использовать сегодняшний день. Происходил он из обедневшего патрицианского рода, вращался среди обеспеченных людей и ни в чем себе не отказывал, чувствуя себя с ними на равной ноге. Другой в таком положении давно провалился бы в пропасть, был бы мгновенно забыт, как забывают о схваченном за руку негодяе. Но природа одарила Катилину фантастическим даром, просто дьявольским обаянием. И благодаря этому дару он достиг успеха и удачи, пока, наконец, его не настигла кара.

Страстное желание избавиться от кредиторов и добыть средства на роскошную жизнь привело к тому, что двадцатипятилетний юноша предложил Сулле услуги палача; тот, как мы знаем, не был излишне разборчив в выборе оружия, и вот «сбившийся с пути» патриций со стальным взглядом и железной рукой нашел у Суллы соответствующее своим способностям занятие. Гратидиан был самой известной жертвой, но не единственной; злоупотребляя доверием диктатора, Катилина включил в список проскрибированных собственных недругов, прежде всего кредиторов. Добыча получилась огромная, но недостаточная на длительное время, следовало искать иные источники. Катилина имел все возможности для очаровывания женщин, женщины постарше отписывали на него значительные суммы в завещаниях, молодые мечтали о замужестве с обаятельным патрицием. Он женился на одной — очень богатой, но за короткое время и этот золотой источник оказался исчерпанным, оставив Катилине помимо ненужной уже жены еще и сына. От жены он освободился, каким способом, неизвестно, но сына оставил при себе; видимо, некоторые крохи совести все-таки он имел.

Государственная служба тоже могла быть источником доходов, и молодой патриций сразу же начал хлопоты в этом направлении. Первая ступень — квестура — сама по себе не приносила большой выгоды, но являлась условием дальнейших шагов, и миновать ее не представлялось воз-

возможным. Трибунат для Катилины как для патриция был недоступен, да и малопривлекателен, эдильство требовало значительных сумм на народные игры. Так Катилина дожил до сорока лет, возраста претора; он выступил как кандидат и был избран на 68 год. Должность судебная для честного человека абсолютно неприбыльна, но для нашего героя, не брезговавшего взятками, могла принести немало денег. Главная же ценность претуры заключалась в том, что она давала дорогу для пропретуры, а затем и наместника провинции, источника безмерных доходов. Провинцию получали путем жеребьевки, Катилина получил «счастливый билет» и богатую Африку, наследие давнего Карфагена.

Итак, в 67 году Катилина стал претором Африки, и вскоре в Рим начали приезжать депутаты из городов, от корпораций и цехов с жалобами на невероятные злоупотребления, немилосердные поборы, установленные по всей стране алчным наместником. Катилине при возвращении в Рим грозил судебный процесс в уголовной комиссии *herbundatum* (о денежных суммах, подлежащих обратному взысканию). Все зависело от того, кто выступит в качестве обвинителя. Недостатком римского законодательства было отсутствие государственной прокуратуры, и не было представителя государственной власти для вынесения уголовного обвинения. В качестве обвинителя выступил наш второй знакомый, П у б л и й К л о д и й, тот самый, кто год назад вызвал мятеж в войске Лукулла. Действовал ли он в сговоре с обвиняемым (учитывая сходство их натур, этого нельзя исключать) или просто неуклюже и непрофессионально, мы не знаем. Но обвиняемый был оправдан.

Теперь Катилина мог в полной мере наслаждаться радостями жизни: запасы африканского золота казались бесконечными. Но часть золота пришлось отложить на покупку голосов в связи с предстоящими выборами. Выдвижение кандидатуры на 65 год не принесло желаемого результата, Катилина был отведен по формальным мотивам как находящийся под судом. В такой ситуации африканского золота могло не хватить, и следовало подумывать о других источниках.

Катилина сохранил старые неисчерпаемые средства — очаровательная улыбка, милые слова... Аврелия Орестилла, богатая вдова, о которой писал современный историк Саллюстий, что «кроме красоты, ни один порядочный человек не находил в ней ничего, достойного похвалы» (О заговоре Катилины, 15, 2. — *Н. П.*), не хотела иметь взрослого пасынка; Катилина был нетребователен и «небольшую» помеху для Орестиллы готов устранить. Мы помним, что от первого брака у Катилины был сын, совсем мальчик, но ничто так не старит молодых женщин, как взрослые дети. Следовало решиться: либо Орестилла с наследством, либо сын... Остат-

ки совести еще звучали в душе авантюриста, но вскоре замолкли. Сын Катилины неожиданно умер, а отец женился на красивой богатой женщине с каменным сердцем.

Теперь уже ничто не могло остановить Катилину. Страшный год Сивиллы, 63-й, с его третьим и окончательным ударом, приближался: почему бы Катилине не нанести этот удар? Средством, ведущим к цели, как и в начале II века, оставался заговор, а вербовать заговорщиков Катилина умел мастерски. Помимо заговора в Риме следовало иметь и армию; ее можно создать в этрусских военных колониях Суллы. Мы помним, что в Этрурии, на землях своих политических врагов, Сулла поселил ветеранов, но свежее испеченные крестьяне оказались плохими хозяевами, они быстро растратили все пособия и теперь мечтали о новом Сулле и новых проскрипциях.

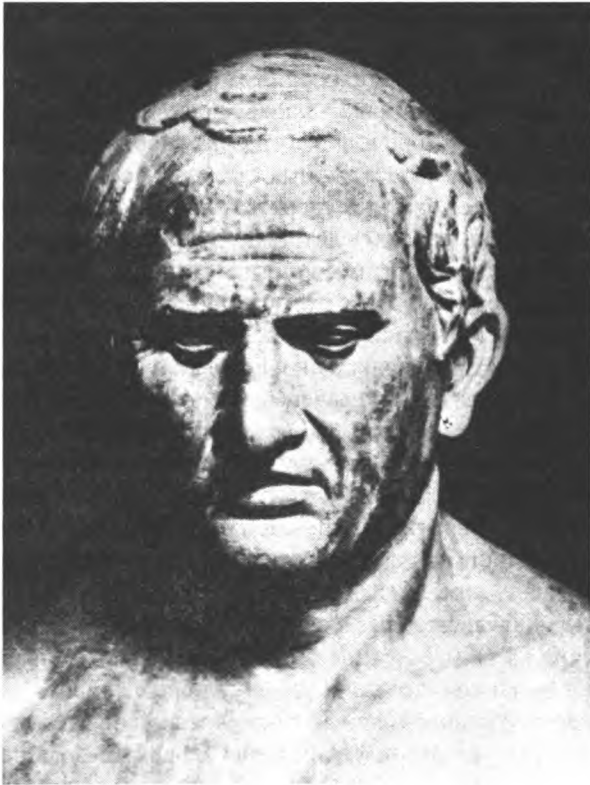
Не помешала бы и помощь какого-нибудь иностранного государства. Когда-то галлы, перебравшись через Альпы, заполонили своими ордами всю северную и центральную Италию, и лишь Капитолий задержал их продвижение. Теперь, правда, в их родных краях шли бесконечные гражданские войны, а юго-восточная Галлия со времен Гракхов стала римской провинцией, но такое положение дел как раз удобно: память об утраченной свободе еще жила среди отважных галлов, и если это уснувшее море раскачать, кто знает, сможет ли сдержать разбухшую, грозную волну Капитолий, сгоревший двадцать лет назад в знак гнева богов против вознамерившихся уничтожить Рим.

Эти силы понадобились бы в том случае, если бы Катилина избрал дорогу бунта; но он пока располагал и законными средствами. Похоже, что нобилитет не настроен враждебно. Головокружительные успехи Помпея в войне с Митридатом вызывали беспокойство у многих сенаторов; во главе недовольных стояли Марк Красс, давний соперник победителя, и начинавший политическую карьеру Гай Цезарь. Разумеется, никто из них вовсе не собирался закрепить триумф Катилины, его хотели выдвинуть лишь как орудие против Помпея. Как только он выполнит свою роль, можно и убрать. Точно так же думал и он о своих союзниках — лишь бы помогли стать консулом, а потом...

Сегодня нам нелегко ориентироваться в той темной истории. Для проведения выборов консула нужны были прежде всего деньги, поскольку покупка голосов широко практиковалась у новых квиритов, скопившихся в Риме из всех уголков нищей Италии. Хватило ли Катилине африканского золота? Или ему помог своим неисчерпаемым богатством Красс? Если да, то сделал это тихо и незаметно. Как бы то ни было, но выборы на 64 год обманули надежды Катилины, консулами стали иные кандидаты.

Но Катилина не сдался и со всей неудержимой энергией начал готовиться к выборам следующего, фатального 63 года. И тут он встретил соперника в лице Марка Туллия Цицерона.

С именем этого необыкновенного человека воображение связывает невероятный расцвет римского ораторского искусства. Цицерон родился в Арпине (Самний), значит, был земляком Мария; но вся его любовь сосредоточилась на той римской конституции, которую прославили некогда Сципионы и Полибий, первые — делом, последний — словом. Филэллин в стиле Фламинина и Лукулла, Цицерон все плоды, сорванные им с древа греческой культуры, хотел посвятить во славу своей римской отчизны. Как и его земляк, Марий, он был homo novus, «новый человек», не имевший ни родственных связей, ни богатства; единственным его оружием в борьбе за существование и власть был дар, которым его щедро одарила природа, — дар красноречия. Пользуясь этим даром, Цицерон

Портрет Цицерона. Ватикан, музей Pio Clementina

сражался с выявленными после диктатуры Суллы злоупотреблениями аристократии; венцом этих усилий стало обвинение сулланца Гая Верреса, наместника Сицилии, в мздоимстве.

Но в тот год консулом был Помпей, который вернул нарушенное равновесие римской конституции. Неудивительно, что Цицерон всей душой был на стороне продолжателя традиции Сципионов. Храбрый солдат, Помпей не умел оперировать словом и в сенате был обречен на неудачу, поэтому помощь Цицерона прекрасно восполняла недостаток консула.

Будучи претором в 66 году, он великолепной речью помог Помпею получить командование армией против Митридата, оказав тем самым неоценимую услугу государству; но это привело к отсутствию в Риме сильного союзника; в 64 году, когда Цицерон выставил свою кандидатуру на консула, Помпей был далеко и не мог ему помочь. О покупке голосов нельзя было и думать, и не только потому, что Цицерон не обладал необходимыми суммами, но и потому, что он не считал возможным пользоваться подобным средством. Следовательно, можно рассчитывать лишь на верный дар природы — на свое выступление.

Но не только Цицерон и Катилина выставили свои кандидатуры на консулат 63 года; были еще достаточно бесцветные, хотя по большей части приличные люди. Я добавил «по большей части», имея в виду Г а я А н т о н и я, человека из хорошей семьи, но беспокойного, алчного и амбициозного. На него и обратил внимание Катилина, стараясь любой ценой не допустить избрания Цицерона, честность и порядочность которого мешали бы осуществить его замыслы. Катилина заключил соглашение с Антонием о взаимной поддержке на выборах. Это значило, что они вместе подкупали выборщиков, которые за условленную взятку обязались отдавать свои голоса одновременно за Катилину и за Антония. Казалось, что теперь можно спокойно ожидать результатов.

Счастье второй раз обошло Катилину. Голоса всех центурий получил Цицерон, второе место занял Антоний. Конечно, при помощи союзника Антония проваленный Катилина мог многое сделать, но Цицерон постарался устроить так, чтобы этот союз оказался бессмысленным, воздействуя на самую чувствительную струну своего коллеги — алчность. Как известно, после окончания срока консульства римский чиновник как проконсул получал в управление провинцию: для многих, как и для Антония, провинция становилась главным соблазном. «Консульскую провинцию» сенат определял еще до выборов, то есть заранее было известно, что консулы 63 года в 62-м станут правителями Македонии и Галлии Цизальпинской. Фортуна решала, кому выпадет первая, кому вторая. Но для таких людей, как Антоний, эти провинции не представляли одинаковой ценности. Македония — богатый край, пограничное положение которого

позволяло наместникам вести малозначащие войны с полудикими племенами, что давало надежду на триумф. Галлия, наоборот, не давала никаких материальных выгод, перспектива долгих походов против боевых племен Альпийских гор никого не привлекала. Ничего удивительного, что Антоний мечтал о Македонии, а Галлии боялся как огня. Этим воспользовался Цицерон, в характере которого не было ни алчности, ни тщеславия. Он заключил с Антонием любовное соглашение, гарантируя последнему Македонию без жеребьевки, но при условии, что тот окончательно порвет с Катилиной. Антоний с радостью согласился и с той поры верно служил своему коллеге. Год 63-й мы смело можем назвать годом консульства Цицерона, не обращая внимания на второго консула.

Теперь Цицерон, получив свободу действия, приступил к борьбе беспощадной и умелой. Его целью, как сам он выразился в одной из своих речей, было «вырвать Рим из бездны Фатума», куда хотели его ввергнуть не только Катилина, но и его союзники, то ли по легкомыслию, то ли из самоуверенности. Несмотря ни на что, Рим не должен погибнуть, а согнуть должна была извечная гидра несогласия, чтобы затем начала господствовать гармония всех конструктивных сил государства.

К решению этой задачи Цицерон более чем кто-либо чувствовал призвание; будучи родом из всадников, он, конечно, пользовался доверием этого влиятельного сословия, но, с другой стороны, его благородная политика привлекала благосклонность лучшей части и нобилитета, людей типа Катутла и Лукулла. Цицерон надеялся, что, используя свое безотказное оружие — потрясающее искусство красноречия, он сумеет привлечь на свою сторону и народ.

Началась борьба. Ободренный Цезарем народный трибун Публий Сервилий Рулл внес законопроект о новых участках земли, то есть о продаже большей части государственных земель (*ager publicus*) и покупке земли у частных лиц и у муниципиев, а потом раздаче ее беднейшим гражданам без права отчуждения. Сразу надо сказать, что такой закон лишил бы государство всех доходов от сдачи в аренду этих *ager publicus*. Конечно, он был весьма привлекателен для римского пролетариата, но лишал Помпея всех плодов его побед, не говоря уж о практически диктаторской власти, которой были бы наделены исполнители закона на местах. Тем временем сыновья тех, кого Сулла объявил вне закона, стали громко заявлять претензии на высшие должности, в частности, членов комиссии децемвиров с весьма неограниченными полномочиями. Начинается дискредитация новых консулов. Появляется какой-то забытый всеми старик, и его привлекают к ответственности за якобы совершенное сорок лет назад убийство Сатурнина — только для того, чтобы смутить народ памятью о столь популярном в свое время человеке. Какие-то люди стараются

вызвать ненависть народа к государственному деятелю, который когда-то предоставил эквитам (после сенаторов) специальные места в театре; третьи просто натравливают народ на целые слои общества, четвертые требуют вернуть «законные» права детям жертв сулланской проскрипции...

Последнее обстоятельство требовало от Цицерона самого внимательного отношения. Он понимал, что возвращение прав, отобранных Суллой, «сыновьям проскрибированных» — естественное требование справедливости; но исправить положение сейчас было невозможно, судьба Рима и так висела на волоске. Возвращение прав молодежи, воспитанной в ненависти к сенату, равнялось усилению шайки Катилины. И Цицерон с пламенной речью обращается непосредственно к ним с просьбой, во имя блага высших государственных интересов, временно не требовать удовлетворения. Цицерон побеждает. Он побеждает всех и везде. Читая его «консульские речи» (к сожалению, не все они дошли до наших дней), потомуки поражаются той исключительной убежденностью, какой он мог склонить народ отказаться от своих естественных и насущных претензий — во имя чего? Во имя Р е с п у б л и к и (res publica). Потому что сам Цицерон свято в нее верил, пламенно любил Республику, обреченную на уничтожение; многие поколения именно от него научились любить отчизну.

Катилина энергично и осмотрительно действовал на два фронта. Как и прежде, он втягивал в свое тайное сообщество людей смелых и не обремененных излишней совестью. Один запутался в долгах, другой влюбился без взаимности, третий искал чего-то еще, но Катилина каждого умел утешить... при условии полного подчинения. Говорили и о других действиях — о неожиданной смерти богатых отцов, о ночных сборищах, об освящении подрывного союза кровью невинных — совсем как в вакханалиях начала II века. Сколько было правды в тех слухах, а сколько возбужденной фантазии людей — это, разумеется, даже и тогда выяснить не представлялось возможным.

Катилина не спешил с исполнением своего преступного плана, он все еще льстил себя надеждой, что получит консульство на следующий, 62 год. Но и в третий раз он потерпел поражение, консулами стали Юний Силан и Лициний Мурена (сын военачальника времен второй войны с Митридатом) — оба кандидаты от нобилитета. Тогда Катилина начал действовать, его гонцы были везде, где находились очаги подготовленного заговора. В Этрурии, недалеко от сегодняшней Флоренции, задачу решить легко, так как ветераны Суллы, не приспособленные к работе на земле, готовы были, как один, присоединиться по сигналу, данному решительным главарем. Но в других местах Катилина с тревогой замечал какие-то странные

помехи, парализующие его инициативу, словно чья-то невидимая рука медленно, но твердо путала все его шаги.

Что это означало — сегодня мы знаем.

Чтобы все понять, следует помнить, что античное время не знало тайной полиции, необходимого средства защиты государства от законспирированных заговорщиков, поэтому Цицерон, будучи консулом, равно как и его предшественники, мог рассчитывать исключительно на собственные силы. А потому не стоит удивляться, что Рим так долго терпел эту развивающуюся заразу. Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы на помощь консулу не пришло в нашем понимании — счастливое обстоятельство, а в его — божественное Провидение.

В числе заговорщиков оказался некий Квинт Курий, неудачник и в области денежных «операций», и в области сердечных дел. Предметом его страданий была жестокая, но красивая Фульвия. Не получая от нее взаимности, он начал с таинственным видом обещать, что вскоре получит огромные средства. Фульвия не преминула сообщить об этих обещаниях некоторым людям, и об этом узнал Цицерон: он так напугал Курия, что жалкий повеса стал его покорным слугой и доносчиком. Конечно, Курий знал не обо всем — Катилина был достаточно осторожен, чтобы таких людей не допускать на тайные совещания, но достаточно много деталей, известных широкому кругу заговорщиков, он передал Цицерону, в частности сообщил, что во главе стоят два Корнелия, Лентул и Цетег (Публий Корнелий Лентул и Гай Корнелий Цетег). Два — слишком много, но кто из них будет там «третьим Корнелием», которому Сивилла, после Цинны и Суллы, предсказала безраздельное царствование в Риме? Цетег был умнее и более решительный, но Лентул — претор, значит, имел преимущество, потому что даже разбойники подчинялись силе пурпурной каймы курульной тоги.

Что делать Цицерону? Арестовать Катилину и прочих главарей? Это могло ухудшить ситуацию. Цицерон имел лишь доносы. Катилина еще не совершил такого преступления, за которое можно привлечь к ответственности; в сенате, как мы знаем, Катилина имел друзей, которые или не верили в возможность заговора, или относились к Катилине снисходительно-пренебрежительно как к «новому человеку» на должности консула. Было ясно, что, пока Катилина руководит заговором в Риме, члены его шайки будут сохранять чрезвычайную осторожность, а римляне не разберутся в ситуации, пока их не охватит со всех сторон пламя пожара. Нужно было как можно скорее заставить Катилину покинуть город, а руководство заговора передать Лентулу. Тогда половина задачи будет выполнена.

Цицерон, используя испуг сенаторов, получил от них так называемое *senatus consultum ultimum*, право, которое гласило: *Videant consules, ne*

quid respublica detrimenti capiat (Пусть консулы наблюдают, чтобы Республика не потерпела какого-нибудь ущерба). Это равнялось введению осадного положения и наделяло консулов чрезвычайными полномочиями; следует, однако, помнить, что популяры никогда не признавали законность такой формы, если она принималась на основе старых традиций сената, а не на основе закона, принятого народом. Поэтому Цицерон не спешил воспользоваться данными ему полномочиями, но постановление сената позволяло ему, как он говорил, «держат меч наготове».

Катилина собрал участников заговора на тайное совещание, где решались подробности выступления, разделение ролей в запланированной драме поджогов и убийств. Сразу после совещания, как ни в чем не бывало, Катилина появился в сенате и хотел занять свое место среди преторов, но те немедленно отвернулись от него, словно от зачумленного. Катилина сидел, как в пустоте, не зная, что это значит. Но вот встает консул и над головами государственных мужей обращается прямо к Катилине:

— Когда же, наконец, Катилина, перестанешь ты злоупотреблять нашим терпением? (Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?)

Удар грома следовал один за другим. При всей страстности речь Цицерона была произнесена очень искусно, артистически; консул начал предъявлять сенатору все его сомнительные дела, так умело соединяя факты, что Катилина понял: этот человек знает все! Вот она, невидимая рука, которая мешала каждому его движению и везде ставила препоны! Земля зашаталась под заговорщиком, испуганный, он направился домой, а оттуда, как вихрь, за Тибр, в Этрурию, к своей армии, состоявшей из взбунтовавшихся сулланских ветеранов. Так Цицерон добился своей цели.

Руководство заговором занял менее опасный «третий царь», Лентул. Этого и добивался Цицерон, он знал, что ослепленный амбицией новый лидер облегчит полное раскрытие всех планов. Так и случилось. Воспользовавшись прибытием в Рим послов от галльского племени аллоброгов с жалобами на римских спекулянтов, Лентул решил привлечь их к движению. Он обещал им золотые горы, если те поддержат мятеж Катилины своими военными отрядами. Хитрые аллоброги сразу поняли, что обещания Лентула дают им в руки синицу, которая куда важнее журавля в небе, и раздумывали, как бы получше использовать добытую тайну.

Согласно благородному римскому обычаю, победитель какого-либо народа становился его «патроном», то есть представителем в сенате, и должность эта была наследственной. Аллоброгов победил когда-то Фабий Максим, брат Сципиона Младшего. Теперь их патроном был Квинт Фабий Санга. К нему и обратились за советом послы, а Санга сообщил

обо всем Цицерону. По совету последнего они ответили Лентулу согласием, но потребовали от него и других вождей письменного послания к аллоброгам, скрепленное личными печатями, — иначе, мол, им не поверят. Получив необходимые бумаги, послы с провожатыми, выделенными Лентулом, направились к мосту через Тибр; там их окружили, и компрометирующие документы попали в руки Цицерона.

Теперь и вторая часть задачи исполнена: заговор раскрыт, против его главарей появились неопровержимые доказательства государственной измены. Какие выводы сделал Цицерон? Поступая в строгом соответствии с законом, он должен был обвинить их в комиссии *maiestatis* перед судом присяжных, состоящей из 75 членов в равном количестве из сенаторов, эквитов и третьего сословия; так было установлено еще законом *lex Aurelia iudiciaria*, утвержденным семь лет назад при консульстве Помпея, в результате реформы суда, проведенной Луцием Аврелием Коттой. Но процедура могла затянуться, и Рим за это время сгорел бы не один раз; да и кто знает, какой приговор вынес бы суд? Страх перед заговорщиками был огромный — даже если бы никто из судей не поддался бы подкупу, разве террором нельзя заставить вынести оправдательный приговор?

Цицерон понимал, что лучше поставить под удар свою жизнь, не прячась за спину судебной коллегии. Теперь он вынул «меч из ножен» и, пользуясь своими полномочиями, предложил сенату привлечь разоблаченных заговорщиков к судебной ответственности.

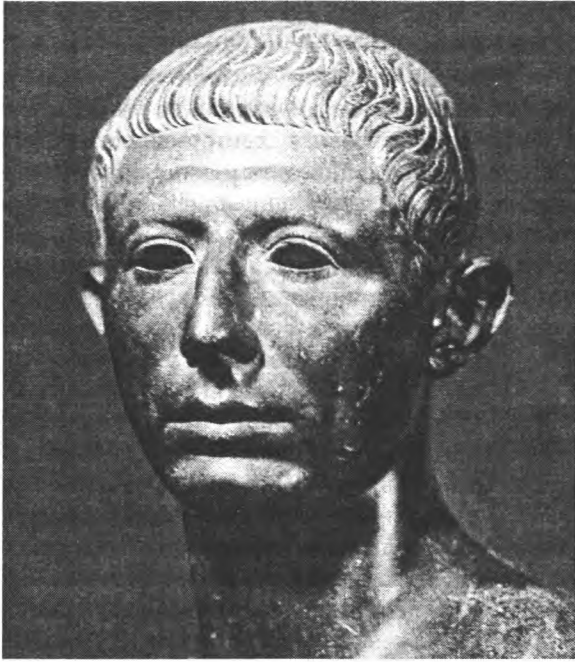
Сенат собрался для суда над заговорщиками. Консул спросил обвиняемых, узнают ли они свои печати; отрицать было невозможно. Прочитали письмо — факт измены государству, самой страшной измены, был очевиден. Цицерон, как председательствующий консул, обратился к Силану и Мурене высказать свое *sententia* (таков был порядок, установленный Суллой, который отменил должность *princeps senatus*). Силан высказался за *summum supplicium*, то есть, как всем стало ясно, за высшую меру — смертную казнь. К этому мнению присоединился и Мурена. Цицерон обращался по очереди ко всем присутствующим. Все разделяли мнение Силана и высказались за установленную формулировку: *C. Silano assentior*.

Казалось, вопрос решен, но, по установившейся традиции, следовало спросить всех, теперь очередь была за преторами. Одним из них был Цезарь. Его положение оказалось весьма щекотливым. Все знали, что еще недавно он поддерживал амбициозные планы Катилины; как теперь он выскажется о своих недавних сообщниках? Цезарь нашел выход, достаточно умный и достойный. Он сослался на старые законы, особенно на закон Гракха, согласно которому решение о смертной казни может принять только народное собрание. Он убедительно представил сенаторам

ту огромную ответственность, которую они берут на себя, нарушая этот закон, и, со своей стороны, предлагал для преступников пожизненное заключение под стражу в различных муниципиях. На практике это означало признание невинности, потому что можно было ожидать освобождения осужденных силой; но признак ответственности угнетающе подействовал на сенаторов. Силан попросил слова для разъяснения дела (это разрешалось) и сказал, что под *sumptum supplicium* он тоже понимал пожизненное заключение, поскольку для римских граждан смертная казнь без решения народного собрания не допускается. Остальные с радостью присоединились к такой позиции. После Цезаря то же предложили преторы (*praetorii*), а затем эдилы и небольшая группа бывших эдилов (*aedilicii*). После них наступила очередь трибунов, среди них *М а р к а К а т о н а*, наиболее честного и незапятнанного государственного деятеля тогдашнего Рима. Два идеала горели в его душе и руководили его поступками: образ прадеда Катона Старшего и образ истинного мудреца, выпестованного школой стоиков. «Чего требует долг?» — главный его вопрос. Ответом в данном случае для Катона могло быть одно — изобличенных показаниями аллоброгов в том, что эти люди готовили против своих сограждан и отечества резню, поджоги и другие злодеяния, схваченных на месте преступления, надлежит казнить по обычаю предков. Сенат, меняя свое мнение, вовсе не проявлял особую гуманность, а испугался ответственности. Против такого отношения к долгу и выступал Катон, его мужественная речь наполнила души сенаторов таким гневом, что при голосовании огромное большинство выступило за смертную казнь.

Приговор был приведен в исполнение в тот же день под надзором самого консула; пять заговорщиков — Лентул, Цетег, Статилий, Габиний и Цепарий — были казнены. Когда консул вышел к толпе, среди которой находилось много сторонников заговорщиков, надеявшихся похитить главарей, он громко крикнул *vixere* («Они жили!») (так говорили римляне о мертвых, не желая произносить зловещих слов), народ принял весть радостными аплодисментами. Теперь все поняли, что Рим, наконец, и в самом деле «вырван из бездны Предназначения». Сенат счел уместным присоединиться ко всеобщей благодарности консулу-спасителю, Цицерон был почтен гражданским венком и новым титулом «отца отечества» (*pater patriae*). Титул этот подтверждал, что именно Цицерону Рим обязан своим спасением.

И в самом деле, радикальные меры, принятые против заговорщиков, окончательно ликвидировали заговор; Рим, наконец, освободился от разъедающего в течение трех лет кошмара. Конечно, этрусский бунт во главе с Катилиной еще тлел, но его разгром уже не представлял трудности, потому что теперь враг был явным и к тому же сильно ослабевшим.

*Портрет Катона Утического.
Из Volibilis (Марокко)*

Против Катилины сенат выслал второго консула, Антония. Этот ничтожный человек, когда-то сообщник Катилины, в день решающей битвы симулировал болезнь и сражением руководил его легат, Петрей, честный и храбрый служака. Битва произошла около г. Пистория (Пистойя). Все мятежники после отчаянного сопротивления пали смертью храбрых. Но это произошло только в следующем, 62 году.

Впрочем, 63 год приближался к концу. Цицерон, покидая свой пост, намеревался обратиться к народному собранию с прощальной речью. Однако Метелл Непот, один из новых трибунов, посоветовал ему:

— Поклянись лишь, что ты правил согласно закону.

Требование ловкое и хитрое. Цицерон не мог произнести такой клятвы, потому что казнь сторонников Катилины нарушала закон Гракха. Но Непот получил возможность немедленно убедиться в том, насколько был выше его человек, которого он хотел унижить:

— Клянусь честью, что я спас отчизну!

— И мы клянемся! — с энтузиазмом закричали собравшиеся.

61

ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ

Благодаря невероятному присутствию духа Цицерон сумел поражение сменить на триумф, хотя выступление Непота стало зловещим знаком готовящихся интриг. Дело было не в личности трибуна; Непот происходил из старой семьи оптиматов, Цецилиев Метеллов, а молодые оптиматы начинали свою карьеру, ища, искренне или нет, поддержки у популяров, чтобы вернуться под родные знамена. Главное же было в том, что Непот — подставное лицо Помпея.

Отсюда возникал разлад весьма серьезного свойства, углублявшийся год от года, пока не привел в конечном итоге к упадку Римской республики. Помпей в лице Цицерона имел честного союзника, о чем мы уже знаем еще и потому, что до наших дней сохранилась корреспонденция великого оратора. Но Помпей об этом не знал. Он больше чем кто-либо добавил славы римскому оружию на Востоке, но теперь с опаской смотрел на свое будущее: что его ждет, когда он, расставшись с армией, вернется в Рим как обычный сенатор?

Сможет ли победитель Митридата справиться с униженной гордостью не только Лукулла, но и его сильных сторонников? Сможет ли справиться с интригами и богатством Красса и амбициями молодого Цезаря? Вот если бы в его отсутствие какой-нибудь авантюрист попытался низвергнуть страну в анархию, а испуганный сенат позвал бы его спасти себя и республику — тогда бы он получил полное право и на диктатуру, и на долгосрочную власть. Катилина мог и хотел вызвать в стране хаос, и потому Помпей в глубине души желал ему успеха. Но этому хаосу противостоял Цицерон — и на его сообщение, полное радостного пафоса, Помпей послал сдержанный ответ, а затем и ненадежного Метелла, облеченного властью трибуна.

А дальше? Теперь невозможно надеяться, что сенат призовет победителя войти в Рим во главе армии. Он мог это сделать, не обращая внимания на сенат; не представляло большого труда убедить солдат в том, что праздный сенат не признает заслуженных наград за военные успехи. В Риме это прекрасно понимали, знали, что в душе Помпея борется амбиция с гражданским чувством закона, и с тревогой ожидали, какое чувство победит... Тревога, однако, быстро развеялась, и в третий раз перевесило чувство законности. Помпей, едва высадившись в Брундизии, распустил свои войска. В такой обстановке это был акт гражданского мужества, достойный самого широкого одобрения. Если бы сенат тогда лучше ориентировался в ситуации, если бы он принял в свое лоно лояльного начальника армии, который своими сказочными победами прославил имя Рима,

то судьба Республики, руководимой Помпеем и Цицероном, героями меча и слова, не вызывала бы никаких опасений еще долгие годы.

Однако возникшие единожды подозрения усыпить нельзя. Конечно, Помпей получил блестящий триумф, какого Рим доселе не видывал. Но как только начались обсуждения распоряжений Помпея на Востоке, он встретил крайне решительную оппозицию сената, тем более неприятную и получившую одобрение, потому что, как известно, природа поспешила и не одарила его красноречием. И Цицерон, и Цезарь молча смотрели на его безнадежное положение: один с грустью, другой с тайной надеждой.

Но прежде чем надежде суждено было осуществиться, произошло событие, в сущности, незначительное, но приобретшее первостепенное значение благодаря личности героя, Публия Клодия. Мы знаем его, как, впрочем, и весь Рим, исключительно с отрицательной стороны — смутьян, вызвавший недовольство в армии Лукулла. Бездельник и гуляка, каких тогда в Риме было предостаточно, он происходил из патрицианской семьи Клавдиев и пользовался привилегиями своего происхождения... Не всегда и даже не часто; проводя время главным образом среди общества маргиналов, он предпочитал называть себя Клодием, а не Клавдием (*Clodius*, *Claudius*).

В Риме существовал обычай, согласно которому девушки из хороших семей совершали каждый год таинственные ночные празднества, посвященные так называемой Доброй богине (*Bona Dea*), которые проходили в доме кого-нибудь из высших сановников. В 62 году такая честь выпала дому Цезаря, который был претором и высшим жрецом (*Pontifex maximus*). В этот чисто женский праздник все мужчины, включая и хозяина дома, должны были покинуть дом. Клодий, который давно старался привлечь внимание жены Цезаря, красавицы Помпеи, решил воспользоваться праздником. Пользовался ли он взаимностью Помпеи, нам неизвестно; переодевшись во флейтистку, Клодий проник в дом высшего жреца, то ли предварительно договорившись с Помпеей, то ли желая завоевать ее сердце смелым поступком. Клодия знали в лицо в римском обществе; мать Цезаря обратила внимание на подозрительную флейтистку, подняла шум, и дело могло закончиться весьма печально для бесцеремонного гуляки, если бы не подкупленная служанка, которая помогла ему бежать.

Конечно, разразился скандал, и невероятный, но его раздули до размеров огромной политической аферы. Праздник был осквернен, римский сенат, в котором было немало людей набожных, почувствовал глубокое оскорбление богини, хоть и называемой Доброй, но по сути достаточно грозной, особенно теперь, когда боги милостиво позволили Риму не рухнуть в бездну Фатума.

Цезарю следовало отреагировать первому — как наиболее оскорбленному хозяину и супругу. Но он не хотел доставить радость своим врагам, выступая в роли с достаточным привкусом дурного вкуса. Он немедленно развелся с Помпеей и произнес тогда знаменитые слова: «Жена Цезаря должна быть вне всякого подозрения».

Такое решение проблемы освободило его от борьбы с нахальным патрицием, который со временем мог оказаться ему полезным. Цезарь сосредоточил свое внимание на обеспечении после окончания годичной претуры наместничества в Испании, где его ожидало прекрасное поле деятельности.

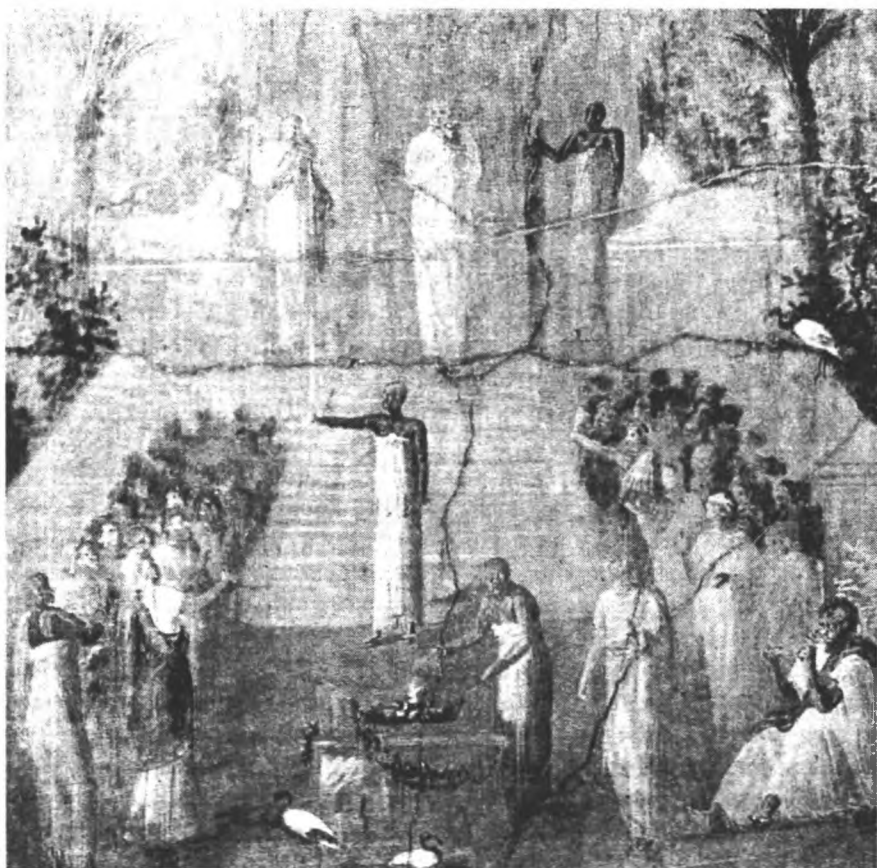
Но сенат постановил провести дело вне зависимости от позиции Цезаря; в связи с серьезностью проблемы и высоким положением преступника была созвана специальная уголовная комиссия для рассмотрения вопроса о профанации святости, совершенного Публием Клодием. Клодий не признавал свою вину, при помощи подкупленных свидетелей он пытался доказать, что в ту ночь находился вне Рима, в Интерамне. К несчастью, нашелся человек, который в тот злополучный вечер видел Клодия в Риме, это был Цицерон. Вызванный свидетелем, он сказал всю правду. Показания Цицерона произвели катастрофическое впечатление, Клодий считал, что дни его сочтены. В таком отчаянном положении оставался один выход — подкупить судей. Клодий при помощи своих богатых друзей пустил в дело золото и достиг цели: незначительным большинством голосов он был признан невиновным.

Такой приговор стал поражением сената, и прежде всего Цицерона, свидетельство которого, таким образом, признавалось недействительным. А Цицерон и без этого переживал нелегкие времена. Помпей отверг его дружбу — кстати, к величайшему вреду для обоих. Пример Непота нашел последователей. Все чаще в политических и судебных выступлениях «отец отчизны» слышал упреки, что без правомочного суда *indicta causa* привел в исполнение смертную казнь над римскими гражданами. Теперь он приобрел еще одного смертельного врага в лице Клодия, который, конечно, не мог простить опасного свидетельства. Если бы Клодий мог стать народным трибуном, в какой бы острый кинжал он перековал бы это сакраментальное *indicta causa*! Увы, он был патрицием, а для патрициев трибуна́т недоступен. Тогда Клодий решил перейти в плебейское сословие, что было вполне возможно при помощи фиктивного усыновления, совершенного каким-либо плебеем. На подобной религиозной процедуре должен был присутствовать высший жрец, то есть Цезарь, бывший муж Помпеи и хозяин оскверненного дома. Конечно, мстительный святотатец не мог рассчитывать на благосклонность Цезаря. Приходилось ждать, пока

ограничиваясь угрозами. А Цицерон прекрасно знал, что день, когда Клодий получит трибунат, станет предвестником его гибели.

Тем временем Цезарь, пропретор (наместник) Испании (61), успешно защищал свою провинцию от беспокойных соседей, и его победы открыли ему дорогу к триумфу. Но его безумная амбиция не могла удовлетвориться только празднованием, которое для многих иных полководцев было достаточно почетным венцом удачных военных походов. Цезарь чувствовал в себе достаточно сил, чтобы взять в руки власть над Римом. Обо всех его стремлениях знали все и везде. Правление провинцией, конечно, усилило влияние Цезаря, но ему не хватало союзников. Где их ис-

Мистерии Изиды. Фрагмент росписи из храма Изиды в Геркулануме. II – сер. I в. н. э. Неаполь, Национальный музей

кать? Разумеется, среди недовольных. А к недовольным принадлежал Помпей, которому по-прежнему не удавалось получить от сената утверждение его распоряжений на Востоке; недовольным был и его недруг Красс, который, несмотря на богатства и интриги, до сих пор не получил никакой значительной должности в государстве. Их можно считать кандидатами в союзники, но необходимо их предварительное согласие, а это, в свою очередь, требовало большой ловкости. Хорошо бы еще заполучить Цицерона с его красноречием, что тоже казалось не особенно трудным делом, ведь ему в связи с маячившим призраком последствий *indicta causa* крайне необходим сильный союзник! Цезарь, очень любивший этого волшебника слова, обращался к нему с предложениями подобного рода, но никакие усилия не увенчались успехом: привлечь закоренелого республиканца на свою сторону не удалось. Итак, оставались Красс и Помпей, с которыми Цезарь заключил тайное соглашение — так возник в 60 году первый триумвират, под знаком которого Рим прожил следующие десятилетия. Политический союз укрепился и личным — Помпей женился на дочери Цезаря, Юлии. В охочем на сплетни римском обществе этот брак вызвал насмешливые комментарии: зять был на шесть лет старше тещи, а жена вдвое младше мужа. Несмотря на такую разницу, Юлия искренне любила седеющего героя мировых войн, она стала добрым гением не только триумvirата, но, как оказалось после ее преждевременной смерти, и всего римского государства.

Одно из условий заключенного соглашения — поддержать кандидатуру Цезаря на консула на следующий, 59 год, причем Цезарь обязался, став консулом, исполнять желания своих союзников — прежде всего на созванном народном собрании утвердить отвергнутые сенатом распоряжения Помпея на Востоке. На выборах победил Цезарь, и сенат не смог противодействовать союзу политического разума Цезаря, славе Помпея и богатству Красса. Правда, сенаторская партия провела-таки на место второго консула своего человека, Марка Кальпурния Бибула. Но ярый оптимат оказался совершенно бессильным по отношению к энергии своего замечательного коллеги, он мог лишь ограничиваться шумными и бесплодными протестами.

Консульство 59 года можно назвать противоположностью консульству 63 года; тогда сенат под руководством Цицерона был правящим органом государства, сейчас он стал лишь тенью такой власти. Все самые важные государственные дела находились в руках триумvirата, законодательную силу его решениям придавало народное собрание, которое, по сути дела, утратило свое прежнее значение и послушно исполняло наказания того же триумvirата. С грустью смотрел Цицерон, как гибнут плоды его трудов: «Тяжело думать, — писал он своему лучшему другу Аттику, — как пре-

красно было государство в дни моего консульства». Цезарь с уважением относился к чувствам великого патриота; но когда тот в приступе бесконечного отчаяния прервал свое молчание и произнес пламенную речь по поводу одного политического процесса, сравнив Рим недавний с Римом теперешним, то разгневался не на шутку и велел сообщить Клодию, что в качестве Pontifex maximus готов ему помочь, если тот захочет перейти в плебейское сословие.

Вскоре разыгралась грозная для Цицерона комедия. Римский закон, доверяя здравому рассудку гражданина, не ограничивал возраста ни усыновителя, ни усыновляемого; Клодий не отказал себе в удовольствии еще раз поиздеваться над законом и в свои сорок лет выбрал усыновителем настолько молодого человека, что «отец» оказался младше «сына». Но формальные требования были выполнены: Клодий стал плебеем и немедленно представил свою кандидатуру в народные трибуны на 58 год. Он пошел и дальше, начав собирать военные банды, чтобы терроризировать народное собрание. Целей своих он не скрывал, все чаще страшные слова «*indicta causa*» звучали в ушах одураченного народа.

Цезарь испугался, поняв, в чьи руки он отдал величайшего оратора, и решил его спасти. Одним из первых актов его консульства стало введение аграрного закона, скорее, обновление законопроекта Сервилия Рулла еще при Цицероне. Руководство за выполнением этого закона возлагалось на комиссию из 20 человек, члены которой объявлялись неприкосновенными. Одно место в связи со смертью члена комиссии освободилось, и Цезарь предложил его Цицерону. Цицерон понимал, что, принимая предложение Цезаря, он избавит себя от всяких покушений его заклятого врага, но и на этот раз отверг протянутую руку помощи. Тогда Цезарь решил предоставить Цицерона собственной судьбе. Год консульства Цезаря подходил к концу, и на следующий год начиналась его служба наместником в Цизальпинской и Трансальпинской Галлиях, которую он, вопреки традиции, обеспечил себе сроком на пять лет.

А теперь покинем Рим вместе с Цезарем на короткое время и перенесемся в Галлию, которая в течение восьми лет была территорией деятельности этого великого вождя и политического деятеля. Когда начиналось его консульство, Риму принадлежала по «эту сторону» Альп так называемая *Provincia*, т. е. побережье Средиземного моря (за исключением союзного государства Массалия в низине Роны); а когда через восемь лет Цезарь возвращался со своими легионами в Рим, то вся Галлия до Рейна, Ла-Манша и Атлантического океана признавала власть римлян. Но не в этом заключается величие деяний Цезаря — сегодня нас мало восхищает завоеватель, который, проливая кровь своих и чужих солдат, стремится

лишь к территориальным завоеваниям, и тем более не вызывает восхищения угнетатель и притеснитель.

Завоевание Цезарем Галлии принесло живущим там племенам не неволю, а духовное освобождение; эти способные племена получили доступ к пути культурного расцвета. Галлия неосознанно чувствовала выгоду нового положения и охотно приняла от Рима семена романизации и римскую власть... Эта власть была предоставлена Галлии даже тогда, когда Рим и вся Италия вынуждены были подчиниться германским варварам. Такие результаты положительно выделяют Цезаря от прочих завоевателей и ставят его имя рядом с именем Александра Македонского; один силой оружия создал греческий Восток, другой — римский Запад. Современные французы с сочувствием изучают события восьмилетней войны галльских племен за независимость, а имя последнего их героя Верцингеторикса окружают заслуженным почитанием; но если бы французы могли повернуть вспять колесо истории, то вряд ли захотели бы признать, что галльских войн Цезаря не было, поскольку это стало бы равнозначным отказу от своей великой культуры, не исключая и прекрасного языка.

Мы не станем вдаваться в детали той исторической борьбы, нам пришлось бы описать ее в соответствии с традиционным описанием победителя, содержащегося в его великолепных «Записках о Галльской войне». Прискорбно, но нам нужно возвращаться в Рим.

Здесь интересы отсутствующего Цезаря охраняли Помпей и Красс, точнее, Помпей и Юлия, которая внешне не вмешивалась в политику, но невидимыми узами любви связала мужа с отцом. Могло, правда, показаться, что сила триумвирата слабеет, потому что банды Клодия везде сеяли страх и его неукротимая воля якобы торжествовала. Как и следовало ожидать, первую атаку он направил против Цицерона: «отец отчизны» был изгнан, а его дом, скромно, но изысканно украшенный греческими произведениями искусства, был разрушен; жена и дети с трудом избежали гибели. И это было только начало. Казалось, словно злой дух вселился в смутьяна-трибуна. После Цицерона изгнали и Катона под благовидным предлогом дипломатического поручения на остров Кипр. Но Клодию и этого было мало; пользуясь тем, что триумвират не очень обращает внимание на его злоупотребления, он направил свои ядовитые выступления против Помпея, а потом и против Цезаря, своего благодетеля, объявив недействительными все установленные им законы и распоряжения. Естественно, что этим он прежде всего ставил себя в смешное положение, поскольку признавал недействительным и собственный переход в плебейское сословие, а следовательно, и собственный трибунат со всеми привилегиями, благодаря которым он мог что-то признавать недействительным.

Но Клодий, похоже, не обращал на это внимания. Наконец терпение лопнуло и коса нашла на камень.

Из споров Клодия с триумвиратом первые выгоды извлек сенат. Еще до окончания года трибуната сенат провел на народном собрании закон об амнистии Цицерона. «Отец отчизны» вернулся в Рим, и отчизна приветствовала его большим триумфом, ставшим настоящим вознаграждением за все горести изгнания.

Клодий, даже и не будучи трибуном, оставался хозяином улицы и при помощи своих шаек немало докучал своим врагам. Но теперь сенат мог бороться с ним его собственным оружием; с разрешения сената, некий Тит Милон, готовый на все и невероятно смелый, «более нахальный, чем Клодий», собрал собственную банду и с успехом противодействовал Клодию. Положение сената усилилось, а триумvirата ослабло.

Триумвирату пришлось консолидироваться. В 56 году, в Луке (северная Этрурия), состоялась встреча триумвиров. Итоги встречи были весьма успешными. На встрече триумвиры условились, что Помпей и Красс получают повторное консульство (на 55 год), на что, кстати, имели право, поскольку десятилетний обязательный промежуток после первого консульства давно прошел; после консульства они получали на пять лет управление провинциями — Помпей обеими Испаниями, Красс — Сирией; триумвиры также решили продлить полномочия Цезаря, истекавшие в 54 году, еще на пять лет, а потом он получал еще консульство на 48 год.

После встречи в Луке силы триумvirата окрепли, а оппозиция сената на какое-то время сложила оружие. Конечно, повторное консульство Помпея и Красса не представляло особой ценности, все прекрасно понимали, что это лишь средство для получения обоими провинций и легионов, там находившихся. Особенно нетерпеливым был Красс, Сирия обещала ему горы золота, которые он жаждал добавить к своим богатствам в Риме. Не ожидая конца консульства, он покинул Рим. Напрасно народный трибун Атей своим вето пытался удержать его от подобного беззакония, Красс не посчитался с его протестом. Тогда Атей, защищая растоптанные «священные права» власти трибуна, бросился к городским воротам и, поставив пылающую жаровню, начал изрекать страшные, приводящие в ужас проклятия, которые на этот раз исполнились в полной мере.

Однако, не Сирия влекла Красса. Потенциально богатая страна была в достаточной степени опустошена алчностью тогдашнего наместника, «новой Семирамиды», как его в шутку называли, известного нам Габиния. Не Сирия! За Евфратом лежала золотая Парфия, наследница персидских царей. Феодалное государство, ослабленное внутренними раздорами, казалось не очень сильным, чтобы сдержать напор римских легионов.

А дальше — дальше лежала еще более богатая страна — Индия. Однако проконсул, несмотря на свое нетерпение, не мог начать немедленно поход дорогой Александра Македонского; следовало захватить оставшееся богатство ограбленной провинции, сокровища, спрятанные в храмах, особенно в Иерусалиме. Теперь к проклятиям возмущенных иудеев присоединялось проклятие Атея. Так прошел 54 год, и начать поход можно было лишь в 53-м. Крассу исполнилось шестьдесят лет. Это немного для того здорового времени, хуже было другое — не хватало опытных командиров. Был сын, Публий, прошедший под командованием Цезаря прекрасную военную школу в Галлии, еще несколько преданных офицеров, в частности, квестор Кассий (Гай Кассий Лонгин),¹ о котором нам еще предстоит сказать многое, — да, но этого мало. Красс тем не менее верил в свой успех. Из Антиохии до Вавилона шла историческая дорога через Армению, сейчас особенно подходящая из-за враждебных отношений между армянами и парфянским царем Ородом. Но этот путь был более долгим, а арабский эмир Абгар, под властью которого находились племена пустыни, посветовал спешить: мол, дорога свободна — парфяне заняты спасением своих сокровищ и бегством в недоступные горы. Красс, охваченный жаждой добыть сокровища, поверил Абгару и повел свои легионы (40 000 человек) через пустыню до города К а р р ы. И в самом деле, неприятеля нигде не встретили, но тишина и пустота начинали казаться подозрительными; Красс послал Абгара на разведку. Абгар ушел и... пропал. Красс начал тревожиться, неужто его верный друг попал в засаду? Всего несколько дней длилось недоумение и... враг появился — справа, слева, со всех сторон, а среди его отрядов нетрудно было увидеть белые плащи Абгара и его бедуинов.

Теперь уж спасения не было. Храбрость римских легионеров в «живых» песках пустыни против неуловимой конницы парфян не помогла. Молодой Красс во главе своего отряда пытался прорваться, но, окруженный и засыпанный вражескими стрелами, мог лишь героически погибнуть. Его голову на копье отнесли к палатке римского полководца со словами: «Оставляем тебе ночь, чтобы оплакать сына, а завтра жди нашего возвращения!» И вернулись. Старый Красс погиб так же героически, как и его сын, значительная часть римского войска была перебита, десять тысяч взято в плен; только немногим, с Кассием во главе, удалось добраться до Сирии.

Таков был итог битвы под Каррами 53 года и неудачного парфянского похода нового Александра. Непобедимые римские орлы украсили храмы парфян, легионеры всемогущего Рима обрабатывали поля на далеком

---

¹ Гай Кассий Лонгин — будущий убийца Цезаря.

Тигре, и когда римляне, ровно десять лет спустя после заговора Катилины, ошеломленные новым страшным громом, с тревогой изучали пророчества Сивиллы, то уже не галлов видели в роли гробовщика Рима: по каменным плитам Форума над молчаливым прахом Ромула им слышался топот парфянского всадника.

62

ЦЕЗАРЬ

Триумвират распался. Еще до поражения под Каррами, в 54 году, умерла красивая и благородная Юлия, которая своей любовью освящала союз отца и мужа. Теперь погиб и Красс, который решительным голосом мог смирять противостоящие мнения Цезаря и Помпея. В скором времени следовало ожидать важных решений.

Отсрочить развитие событий мог лишь парфянский поход; но, во-первых, Парфия была далеко, во-вторых, храбрость Кассия, с одной стороны, и раздоры среди парфян, с другой, предотвратили непосредственные последствия поражения под Каррами и спасли Сирию от погрома. Страх прошел, но ситуация в Риме оставалась сложной. По-прежнему шли потасовки между шайками Милона и Клодия — совсем как в стародавние времена. Результат выборов часто зависел от того, кто первым занял Марсово поле.

Чрезвычайное положение требовало чрезвычайных средств. И Рим в 52 году стал свидетелем необычайного зрелища: Помпей в качестве консула *sine collega*, т. е. без товарища. Назначение с полным набором конституционных нарушений. Даже сам термин был несообразным: этимологически *consul* и значит *collega*; незаконным был третий консулат, поскольку от предыдущего прошло едва два года; кроме того, Помпей еще исполнял должность проконсула в Испании, которую получил на пять лет, от 1 января 54 года. Но важнее всего было одолеть анархию и разбой на улицах Рима. В этом деле еще раз и в последний Помпею улыбнулось счастье; Клодий и Милон случайно встретились на Аппиевой дороге около храма Доброй богини. Узнал ли Клодий богиню, празднества в честь которой он осквернил десять лет тому назад? Можно предположить, что богиня его узнала. В завязавшей схватке Клодий был ранен и бежал в соседний дом, где по приказу Милона был убит. Смерть Клодия вызвала бунт римской черни, пожелавшей торжественно сжечь обожествляемого ею «бойца за свободу» в здании сената (и с самим зданием, конечно); но Помпей ловко воспользовался ситуацией, чтобы освободить Рим и от второго разбойника. Он созвал суд над Милоном, и, несмотря на блиста-

тельную речь Цицерона, который и на этот раз счел своим долгом защитить друга, тот был осужден и отправлен в изгнание в Мессалию; благодаря красоте того греческого города изгнание не стало для Милона сильно неприятным концом его жизни. Но для Рима такой приговор стал благом, люди вздохнули свободно, потому что, наконец, анархия прекратилась.

Воспользовавшись благоприятным настроением в сенате, Помпей провел серию законов. На основе одного из них он очистил этот орган от нежелательных элементов в списках сенаторов от эквитов и третьего сословия. Другой закон устанавливал, что бывшие консулы и преторы получали

Портрет Октавиана. Окл. 40 г. до н. э. Рим, Национальный музей

наместничество не тотчас после окончания их служебного года, а лишь через пять лет; наконец, закон четко устанавливал права магистратов, требуя, в частности, личного присутствия для выставления собственной кандидатуры. Все эти законы, конечно, были весьма разумны, но и отчетливо направлены против Цезаря; они на практике означали ликвидацию всех соглашений, заключенных в Луке. Прежде всего, тогда было продлено управление Галлией Цезарю на пять лет, то есть до 1 марта 49 года (именно до 1 марта, а не до 1 января, потому что первый срок Цезаря в Трансальпийской Галлии наступил с двухмесячным опозданием). Если бы не новые законы Помпея, Цезарь мог бы спокойно находиться в своей провинции Галлия до 1 января 48 года, потому что только после этого срока туда мог направиться новый консул; друзья Цезаря провели бы его кандидатуру на консульство 48 года, как было оговорено в Луке и, разумеется, без его личного присутствия; став консулом и, следовательно, неприкосновенным, он сумел бы сам позаботиться о своей безопасности и власти.

Теперь все эти расчеты рухнули.

Консулы 49 года могли быть направлены в провинцию не раньше чем через пять лет, значит, не раньше 1 января 43 года. Это значило, что сейчас, на 49/48 год, следовало послать кого-нибудь из консулов прежних лет, а это решал сенат уже с 1 марта. Личное участие стало обязательным, следовательно, Цезарь уже летом 49 года должен был явиться в Рим, а поскольку с момента перехода границы города проконсул терял *impegium* и становился частным лицом, то любой мог привлечь его к ответственности за деятельность в провинции посредством какой-нибудь уголовной комиссии, будь то *de repetundis*, *de vi* или *de maiestatis*. Судий назначал Помпей, следовательно, исход можно было предвидеть заранее. Друзья Цезаря, понимая ситуацию, требовали от Помпея, чтобы, по крайней мере, вопрос о личном участии в баллотировании был решен, учитывая исключительное положение Цезаря. Помпей выразил согласие, но соответствующее дополнение внес после утверждения закона народным собранием, поэтому враги Цезаря легко могли объявить это дополнение недействительным.

Итак, после долголетней вражды наступило примирение Помпея с оптиматами. Все понимали, что жертвой такого соглашения должен стать Цезарь, положение которого осложнялось многими обстоятельствами: смертью Юлии, поражением Красса и восстанием Верцингеторикса, грозившим потерей всех плодов шестилетнего правления в Галлии.

Развитие событий вело к неминуемому концу, итогом которого мог быть только разрыв Помпея с Цезарем и вторая гражданская война. Кто же из них прав, а кто виноват? Люди близорукие любят судить личности,

будь то Цезарь или Помпей, подсчитывая их ошибки и незаконные действия; люди с более глубоким умом стараются оценить общее положение страны, политическое и экономическое, положение, терявшее стабильность еще со времен Гракхов, хотя и не по их вине, и сохранявшее некоторую устойчивость благодаря жестоким мерам Суллы; но еще глубже проникает в суть явления мысль тех, кто, не разделяя ни того, ни другого мнения, преклоняются перед неуловимой силой Фатума, именно сейчас закладывавшей для человечества новое «тело»: монархию Цезарей, которую она скоро оживит новым духом, христианской религией. Видимо, должно было наступить великое оцепенение, замирание, чтобы потом произошло столь же великое возрождение; а мы, не пытаясь объяснить необъяснимое, постараемся просто рассказать, как действовали и страдали люди, поневоле ставшие орудием тех сил.

В грядущей борьбе перевес был на стороне Помпея, он владел всеми козырями, кроме одного. Помпей находился в Риме и держал в руках законодательные органы, сенат, с которым он примирился, народное собрание, которое он освободил от террора улицы; Италия с ее военными силами подчинялась его команде; армия, хотя со времен Суллы и не вернулась к прежней готовности, могла по первому сигналу стать грозной. Помпей, герой трех континентов, владел всеми провинциями, кроме Галлии, и всеми находившимися там легионами. Испанией он владел как проконсул; наконец, на его стороне были все зависимые от Рима цари и государства, из которых одна Массалия лежала в самом сердце провинции неприятеля. Революция легко могла уничтожить все государства, обязанные своим существованием римскому сенату. Помпей решительно был прав, когда утверждал, что ему достаточно топнуть ногой, как вся Италия наполнится войсками. Что мог противопоставить Цезарь со своими девятью легионами, занятый проблемами в провинции, только что полученной им, но уже возбужденной?

И все-таки на стороне Цезаря был весьма важный фактор: именно он был единственным командующим бесконечно преданного ему войска, в то время как Помпей делил власть с сенатом, с которым внешне примирился, но не учитывать его мнение не мог.

Сенат, в свою очередь, тоже делился на партии, может, и не очень различные (как в нынешних парламентах), но дававшие знать о своих намерениях. Там были безоговорочные сторонники Помпея, но были и умеренные, настроенные не столь категорично в вопросе кандидатура Цезаря; были и решительные оптиматы, настроенные как против Помпея, так и Цезаря; были ригористы в нравственных вопросах с Катонем во главе, были, наконец, сторонники мира любой ценой. Учитывая такой пестрый состав сената, становится понятным, насколько был необходим человек,

который силой своего слова смог бы примирить всех со всеми. К несчастью, этот человек, а им был, разумеется, Цицерон, весь 51 год, неожиданно для себя, провел в далекой Киликии в качестве проконсула. Это произошло в результате того самого закона Помпея, по которому получить провинцию могли только люди, закончившие срок службы пять лет назад, и поневоле их пришлось искать именно из консулов и преторов 52 года; так Цицерон получил провинцию.

51 год прошел в бесплодных совещаниях, решающим мог стать следующий, 50 год. Противники Цезаря решили использовать благосклонное отношение большинства сенаторов и постарались обеспечить помощь всех десяти трибунов, поскольку даже один трибун своим правом вето мог юридически приостановить все постановления сената. Среди избранных на 50 год трибунов один вызывал сомнение, но помпеянцы напрягли все силы, чтобы его избрание сделать недействительным и провести на это место надежного человека, молодого и способного Гая Скрибония Куриона, до сих пор использовавшего свой дар невероятного красноречия для нападков на Цезаря. Затея удалась полностью.

Но вот приблизительно в середине 50 года, когда должно было быть принято решающее постановление сената о лишении Цезаря армии и провинции, Курион выступил в сенате с неожиданным предложением. Зачем ограничиваться полумерами? Все чрезвычайные полномочия противоречат духу конституции. Поэтому пусть оба, и Цезарь и Помпей, одновременно сложат свои полномочия над провинциями и над войском. Такая идея, блистательно сформулированная в великолепной речи Куриона, настолько ошеломила сенаторов, что с невероятным большинством голосов была принята. Но шило в мешке не утаишь, и скоро стало известно, что запутавшийся в долгах Курион просто продал свой дар красноречия Цезарю, понимавшему, что Помпей никогда не откажется от провинции, и тем самым рассчитывавшему вбить клин между сенатом и проконсулом.

Итак, сенат вотировал соответствующее постановление, но группа сторонников Помпея, хотя и была в меньшинстве, решила не сдаваться; она предложила Помпею командование над военными силами Республики для борьбы со взбунтовавшимся проконсулом, и тот согласился. Цезарь не спешил, он не торопился начинать гражданскую войну. Наступил день 10 декабря, когда новые трибуны начинали свою деятельность; среди них оказался горячий цезарист, человек с великим будущим, М а р к А н т о н и й. Рассчитывая на его помощь, Цезарь направил в сенат ультимативное письмо, требуя осуществления предложения Куриона. Письмо было прочитано на торжественном заседании 1 января 49 года. На этот раз сторонники Помпея подготовились гораздо лучше; по их предложению се-

нат потребовал от Цезаря передать свои провинции новым наместникам и распустить армию; когда Марк Антоний объявил протест, его засыпали оскорблениями и угрозами, так что он вынужден был, переодевшись в раба, покинуть город.

Цезарь тогда находился в Равенне, самом южном городе своей провинции, с ним был всего один легион. От Италии его отделяла маленькая речка с памятным с тех пор названием Р у б к о н. Узнав о судьбе ультиматума, Цезарь произнес знаменитые навеки слова: *alea jacta est*, что буквально значит «кости брошены». Перейдя Рубикон, он занял ближайший италийский город Аримин. Началась в т о р а я г р а ж д а н с к а я в о й н а.

Мы не станем описывать подробности войны и отдельных эпизодов. Помпея в этой войне было просто не узнать: куда подевалась его прежняя решительность и быстрота действия — качества, благодаря которым он стал героем трех частей света?

Было ясно, что его действия связывал сенат, эти консулы и преторы, люди, в бытность начальниками сами плохо выполнявшие приказы полководца. С первой минуты, отказавшись от обороны Рима, Помпей начал собирать силы в Луцерии (в Апулии). Цезарь почти без помех прошел Италию, города которой вовсе не хотели ни осады, ни разрушений. Приказы Помпея его подданные выполняли без особого рвения: они даже не сумели вывести из Рима государственную казну (эрарий), которая попала в руки неприятеля. Успехи Цезаря вынудили Помпея покинуть Луцерию и отойти к Брундизию, что было равнозначно прекращению обороны Италии вообще. Таков был итог первых двух месяцев войны.

Но эти события были лишь вступлением к самым важным в будущем решениям. Мы помним, что все провинции выступали на стороне сената: запад, юг и восток. На западе — Испания, собственная провинция Помпея; сюда прежде всего и направился Цезарь. Но так как верная сенату Массилия преграждала дорогу его легионам, то одновременно с акцией в Испании ему приходилось руководить осадой прекрасного города, центра греческой цивилизации на Западе. Воспоминание об осаде наполняет нас грустью, но предотвратить его не представлялось возможным. Массилия погибла после пятисот лет существования. После Массилии, при г. Илерде, к северу от Эбро, значительная часть испанской армии капитулировала. Еще не прошел весь 49 год, как весь запад был в руках Цезаря.

Правда, на юге Цезарь потерпел поражение; Курион, который хотел следовать железной воле своего великого вождя, был разбит в Африке нумидийским царем Юбой и героической смертью искупил легкомыслие своей жизни. В результате этого поражения Италия оказалась отрезанной от зерновых провинций; начался голод.

Весь мир с напряженным вниманием следил за итогом грядущего военного столкновения двух вождей. Словно по воле рока это столкновение вновь приобретало, как во времена Митридата, характер сражения между Западом и Востоком. Правда, теперь Помпей выступал в роли давнего врага побежденного восточного царя. Действительно, он покинул Италию и все силы направил в Диррахий; разъяренный Цезарь бросился за ним в погоню, имея немногочисленные отряды, которые могли быть легко окружены и уничтожены, если бы Помпей имел недавнюю свободу действия. Но Помпея сдерживал его штаб, поэтому он выжидал; тем временем Цезарь получил подкрепление, и Помпею пришлось отойти от Эпира к Фессалии, недалеко от г. Фарсала. И здесь произошла та битва, которая, как признавали потомки, имела решающее значение для всей войны. Легенда сравнивала Фарсалу с Марафоном;¹ рассказывали, что здесь, на равнине, каждый год в ночном тумане встают отряды погибших и в призрачной битве повторяется вечное столкновение Запада с Востоком. Разбитый Помпей бежал на юг, в Египет. Когда-то он помог захватить трон Птолемею Авлету, теперь там на престоле были его дети, Птолемей Дионис и Клеопатра. Помпей мог ожидать их благодарности, но их опекун, Потин, благодарность понимал по-своему, по-восточному. Вместо того чтобы связывать судьбу Египта с павшим величием, он решил оказать услугу восходящей славе победителя. Свершилось ужасное: герой трех частей света был убит по приказу Потина в тот самый момент, как вступил на палубу корабля, который должен был отвезти его на берег. Все произошло на глазах обезумевшей жены и сына.

Но если Потин думал, что столь ужасным актом коварства он получит благодарность от Цезаря, то сильно ошибся. Цезарь не пользовался восточными методами. Оказавшись в Александрии, он решил действовать по-римски, наводя порядок в вопросах наследования египетского престола. Прежде всего он вызвал к себе десятилетнего Птолемея и шестнадцатилетнюю Клеопатру, успевших, разумеется, после смерти отца поссориться друг с другом. Видимо, красота молоденькой наследницы фараонов произвела впечатление на Цезаря; на это, возможно, никто не обратил бы внимания, но контрибуция, наложенная на богатый город, вызвала всеобщий ропот. У Цезаря были незначительные силы, египтяне окружили победителя Помпея в занятом им городе, в птолемеевском дворце. Началась так называемая *А л е к с а н д р и й с к а я* война. В конечном счете Цезарь одержал победу, но она дорого стоила, он по-

---

¹ Марафон (*лат.* Marathon) — поселение на северо-восточном побережье Аттики. Здесь афинское войско Мильтиада разгромило в 490 г. до н. э. персов. По преданию, отправленный гонец пробежал 40 км до Афин и упал замертво.

терял всю зиму 48/47 года, в течение которой сторонники Помпея успели собрать свои силы.

Но даже покорив Александрию, Цезарь не мог двинуться против оставшихся сторонников Помпея. Правда, Восток после сражения у Фарсала признал власть победителя, но царь Боспора, Фарнак, который пятнадцать лет назад убил своего отца, Митридата, теперь решил воспользоваться римской гражданской войной, чтобы заполучить родной Понт. Для Цезаря, впрочем, эта война имела характер временного эпизода; разбив Фарнака при г. Зеле в Малой Азии, он сообщил об этом в Рим одному из своих друзей: «Пришел, увидел, победил» (знаменитые слова *Veni, vidi, vici*). Вся кампания была окончена в пять дней. Но самая важная борьба наступила позже.

После потери Запада и Востока у помпеянцев остался только Юг, провинция Африка и верный союзник, царь Нумидии Юба. Там тоже начали подготовку новой армии для защиты Республики от грозящей монархии; ее политическим лидером был Метелл Сципион, тесть Помпея, а душой — Катон Младший. Армия представляла достаточно значительную силу, даже и без предложенной армии Юбы. Центром республиканцев была Утика, главный город провинции еще со времен гибели Карфагена. Здесь собирался сенат, второе правительство независимой Республики, в качестве противовеса сенату в Риме, признавшему власть Цезаря.

Положение Цезаря по-прежнему оставалось не очень надежным. После неприятностей с Фарнаком и в Александрии в Италии его ожидало новое испытание — мятеж в собственных легионах, которые, находясь в «счастливой» Кампании, вовсе не собирались менять ее равнины на африканский зной. Усилия офицеров были напрасны. Цезарю пришлось самому начать с ними переговоры. Бесстрашный, как всегда, он стоял перед ними — один против десяти тысяч.

— Чего вы хотите?

— Увольнения! — грозно хором ответили бунтовщики.

— Хорошо, к в и р и т ы, вы уволены, обещанное вознаграждение получите, когда я с о с в о и м и с о л д а т а м и отпраздную триумф.

В одну минуту настроение переменилось; ведь «квиритами» со времен Ромула, согласно принятой традиции, называли римлян в гражданской жизни, но никогда солдат... Мятежники начали умолять вождя принять их вновь на службу, обещая верно исполнять свой долг. Теперь началась Африканская война.

Война эта длилась недолго, ее судьбу решило одно сражение, при Т а п с е (46). Битва была в высшей степени кровавой, пехота Цезаря напала на противника, когда тот еще строил лагерь, слоны неприятеля, испуганные метательными снарядами, бросились на своих, помпеянцы молили

о пощаде. Но разъяренные солдаты, возбужденные боем с неприятелем, дважды разбитым, не слушали приказаний командиров и никого не брали в плен. Много римской крови оросило пески Тапсе; остатки войска с Катонем во главе нашли временное убежище в Утике. Последний раз созвал Катон свой сенат, задавая ему вопрос: что делать? «Сдаться», — был ответ большинства под давлением жителей Утики, которые любой ценой старались избежать осады. «Да, сдаться, но перед этим вырезать этих трусливых и никчемных жителей». Против этого запротестовал Катон: «Последние минуты Республики не могут быть запятнаны кровью!» Собственной грудью он заслонил безоружное население от гнева своих сторонников: он помог бежать тем, кто, как и он, считали невозможным пойти на соглашение с победителем. Сам Катон отказался от бегства; когда стало ясно, что надежды на спасение Республики нет, он расплатился за ее уничтожение добровольной смертью. Потомки назвали его Катонем Утическим (*Cato Uticensis*), поставив в одном ряду со Сципионами Африканским и Азиатским, с Метеллами Македонским и Нумидийским и с другими представителями славы процветавшей Республики.

Цезарь понял, что кровь Катона всегда будет тяготеть, как грозная туча, над всеми его действиями и, опасаясь этого, совершил, может впервые в жизни, неблагородный поступок, оскверняя память героя в издевательском памфлете и карикатурной маске во время празднования триумфа. Эти усилия мало что изменили, наоборот, вскоре Рим был ошеломлен невероятным событием: любимец Цезаря *М а р к Б р у т* женился на Порции, дочери умершего вождя республиканцев.

В остальных областях у Цезаря не было поводов для неудовольствия; гражданская война окончилась, можно начинать строительную работу на развалинах Республики. Цезарь легко получил диктатуру на десять лет и право представлять народ, а точнее, назначать магистратов; фактически это означало монархию, но без названия.

Начало новой эпохи было достойно ознаменовано упорядочением календаря, чрезвычайно неудобного, когда расхождение между гражданским и астрономическим годом достигло 90 суток. Римская республика признавала лунный календарь, насчитывавший 355 дней, приходилось периодически выравнять его с солнечным, вставляя «переходный» месяц. Подобные вставки, часто зависящие от политической конъюнктуры, привели к хаосу в календаре. Со свойственной ему смелостью и решительностью Цезарь ввел знаменитый в дальнейшем *ю л и а н с к и й к а л е н д а р ь*, которым в принципе пользуемся и мы и который основан на лунном (египетском) календаре, состоящем из 365 дней и с периодическим добавлением не месяца, а одного дня. Переходный год для выравнивания разницы содержал 15 месяцев, это был так называемый «бесконечный»

46 год. Он принес Цезарю новую, заслуженную почесть: следующий после Junius (июня) республиканский месяц Quintilis был назван в его честь Julius (июль).

Но это было лишь начало реформ, в голове победителя роились воистину царские идеи мирного упорядочения мира. Мирного, да, но осуществлению таких идей должна была предшествовать еще одна война, последняя, «Сивиллина война» с врагом по предназначению, Парфией. Кровь Красса, пролитая в далеких Каррах, все еще требовала отмщения, римские орлы по-прежнему украшали парфянские святыни, римские легионеры продолжали обрабатывать поля Месопотамии в парфянской неволе. Еще одна победа была необходима для славы римского оружия... А потом... Что потом? Этот вопрос с тревогой задавали себе республиканцы, из которых уцелела лишь горстка. Тапсе принесла Риму монархию, хотя и без названия, а что принесет победа над Парфией?

Конечно, дело пошло не так легко. Прежде чем ушел в бездну прошлого «бесконечный» год, он успел наполнить душу диктатора досадой по поводу нового восстания в Испании. Мятеж возглавили два сына Помпея — Гней и Секст, изгнавшие наместника провинции. Легаты Цезаря не могли с ними справиться, и Цезарю самому пришлось направиться на дальние границы Запада. Успех ему сопутствовал и на этот раз. 17 марта 45 года при г. Мунде восемь легионов Цезаря разбили 13 легионов противника. Гней Помпей погиб, но Секст остался жив, а вместе с ним и ростки будущих волнений. Да, Помпей был счастливым человеком: он оставил прекрасных сыновей, которые продолжали его дело. Цезарь сыновей не имел, хотя и не терял надежды; тем не менее, ожидая собственного сына от Кальпурнии, он усыновил родившегося в 63 году, когда консулом был Цицерон, сына своей племянницы, Гая Октавия, который с той минуты получил имя Г а й Ю л и й Ц е з а р ь О к т а в и а н.

После битвы под Мундой можно, наконец, было заняться подготовлением похода на Парфию; наступало время новых трудов, радостных для Цезаря и его сторонников, тревожных для республиканцев прежнего склада, которых оставалось в сенате еще предостаточно. Огромная империя представлялась им как бескрайнее кладбище, на котором тлели кости убитых их идейных сторонников. Что с того, что магистратура сохраняет внешне свой республиканский вид, что народ «выбирает» консулов преторов, трибунов? Пустая комедия, которая скоро закончится. Стоит только Цезарю вернуться победителем с восточной войны... Впрочем, неужто он будет долго ждать? Ведь Сивилла оставила ясное пророчество о фатальной войне: победа в ней предназначена царю. Если Рим, конечно, мечтал о победе...

Прошел 45 год. Наступил 44-й. На этот год Цезарь выставил свою и Марка Антония кандидатуры на консула. Марк Антоний еще в бытность трибуном в начале 48 года спровоцировал разрыв между Помпеем и Цезарем. Уезжая на Восток, Цезарь поручил Антонию правление Италией (назначил заместителем), но, по всей вероятности, оно вызвало неудовольствие Цезаря, и Антоний оказался в немилости. Антоний проводил время со своей женой, Фульвией, достойной женой Клодия и Куриона... Но теперь Цезарь помирился с Антонием, и было похоже, что тот вновь начнет править страной, когда Цезарь отправится на Восток. Но в качестве кого направится туда? Консула? Диктатора? А что говорила Сивилла?

Можно рискнуть изучить почву. В это время как раз должны были пройти веселые февральские празднества Луперкалии, римский карнавал, праздник очищения и плодородия. В этот день каждый мог переодеться в Луперка, то есть Сатира; в таком костюме можно позволить себе любые шутки. Цезарь как председательствующий консул за-

Портрет Клеопатры, найденный в Шершеле (Алжир)

нял свое куриальное кресло; вот подбегает к нему Антоний и предлагает ему царскую диадему... Что скажет народ? Буря аплодисментов? Увы, нет; гробовая тишина. Дрожащей рукой отодвинул роковой дар Цезарь, и только тогда раздалось приветствия. Второй раз — опять то же самое; третий — опять... Да, придется Сивилле подождать; сначала победа, а потом...

Однако республиканцы ждать не хотели, и прежде всего Гай Кассий, на которого были обращены взгляды всех, когда начинался разговор о парфянском походе. Кассий, бывший помощник Красса, сохранил часть римской армии после поражения под Каррами, да еще защитил Сирию от вторжения победителя. Это был решительный республиканец, но Цезарь не тронул его после победы; Кассий, однако, не мог примириться с перспективой, которую готовил стране победитель Помпея. Он при этом чувствовал, что для успеха заговора во главе его должен встать человек, пользующий бóльшим влиянием, чем он. Сама судьба на эту роль назначила Марка Брута, человека, любимого и народом и диктатором, потомка того Брута, который когда-то, изгнав Тарквиниев, основал Республику. Кроме того, он был сторонником философии стоиков с ее жестким представлением о долге и самодостаточной добродетели, точно так же, как и его дядя Катон, на дочери которого он был женат. Тот Брут, Луций, основал Республику; что ответит его потомок, когда притесняемая Республика обратится к нему с мольбой о помощи? Неужели скажет, что любит тирана, своего благодетеля? А тот Брут разве не любил своих сыновей? И все-таки принес их в жертву, потому что они вознамерились вредить Республике.

По милости Цезаря Марк Брут в тот год был претором. С некоторых пор он начал обнаруживать на своем кресле записки: «Ты спишь, Брут?» Петля предназначения затягивалась все туже, скоро имя Брута начинают упоминать вместе с именем Кассия; сначала единицы, а потом и десятки людей решили встать на защиту обреченной Республики. И среди них не оказалось предателя. Фатум завис над Римом; беспокойные, тревожные слухи, различные невероятные гадания слышались повсюду. Астрология в те годы прочно укрепилась в головах граждан Рима. «Берегись мартовских ид», — сказал Цезарю один из знатоков новой науки.

Мартовские иды (15 марта) были днем заседания сената, который нынче, при Цезаре, собирался не очень часто; именно этот день заговорщики избрали для исполнения своего замысла. Цезарь ничего не подозревал, накануне вечером он был в гостях и домой вернулся поздно. Сенаторы уже собрались, а Цезарь все не приходил. Тогда заговорщики послали за ним одного из своих, Децима Брута. Поначалу Цезарь, ссылаясь на нездоровье, решил не приходить, но, уступая доводам Брута, велел отнести

себя в курию Помпея, где проходило заседание. По дороге среди прохожих он встретил своего астролога и, шутя, сказал:

— А ведь мартовские иды наступили!

— Да, наступили, но не прошли, — спокойно ответил тот.

Тем временем заговорщики, еле живые от страха, ожидали, приедет или нет Цезарь? К Каске подошел знакомый сенатор:

— Ты от меня многое скрываешь, но Брут мне все сказал!

Каска побледнел:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да ты, похоже, кандидат в эдилы, или куда еще...

Каска не сразу пришел в себя. Брут и Кассий стояли тут же. Сенатор Лепид, проходя мимо них, шепнул:

— У вас все получится, но действуйте быстро.

Они переглянулись и увидели, как тот направился к дверям, куда принесли носилки диктатора, и долго с ним разговаривал. Что это значит? Предал или не предал?

Конечно, не предал. Цезарь вошел в курию и занял место на куриальном кресле; другого консула, Антония, один из заговорщиков задержал за дверями курии. Тим Цимбр, как было условлено, бросился к ногам сидевшего Цезаря, словно хотел просить о помиловании своего брата; остальные заговорщики окружили диктатора, делая вид, что поддерживают просьбу Цимбра. Разгневанный Цезарь встал с кресла и движением руки приказал отойти от него. Тогда Цимбр схватил его за тогу, она упала с плеч и обнажила грудь под туникой. Это был условный знак; в ту же минуту все выхватили спрятанные под одеждой кинжалы. Каска первым вонзил кинжал в спину Цезаря, его примеру последовали остальные. Цезарь со стоном упал перед статуей Помпея, основателя курии, словно искал защиты у своего врага. И вот он увидел перед собой Брута с поднятым кинжалом.

— И ты с ними, мой Брут?..

Это были его последние слова.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Абгар (эмир) 401
Аврелий Котта
    (противник Мария) 314
Аврелий Котта, Марк 353, 356,
    357
Аврелия Орестилла
    (жена Катилины) 382
Агамемнон 178
Агафокл (сын Лисимаха) 152, 170,
    222
Агелай из Навпакта 207
Агесилай (дядя Агиса IV) 197–199
Агесистрата (мать Агиса IV) 197,
    199
Агиата (жена Агиса IV) 200, 202
Агис IV 197–200, 203
Адгербал (сын Миципсы) 305,
    308, 386
Адриан (Публий Элий Адриан)
    255
Аквилий Маний 331, 333
Акция Луций 262
Александр Македонский 86, 137,
    162, 163, 169, 192, 196, 257,
    370, 399, 401
Алкей 227
Альбин (консул 110 г.) 307
Амата 26
Амулий 27
Андроник — см. Ливий Андроник
Анк Марций 33, 34
Анний Милон, Тит 402
Анний Цимбр, Тит 414
Антигон (племянник Филиппа V)
    247
Антигон I Гонат 151, 153, 170, 172,
    175, 176, 196, 204, 253
Антигон II Дозон 195, 202–205,
    221, 225
Антигон Одноглазый 139–149,
    161, 328
Антигона (жена Пирра) 86
Антиох I Сотер 140, 150, 172, 177,
    178
Антиох II Теос 163, 175, 177, 195
Антиох III Великий 204, 205, 221,
    231–240, 243, 245, 292
Антиох IV Эпифан 255–258, 379
Антиох Ястреб (Гиеракс) 195
Антипатр (полководец Александра
    Македонского) 168
Антипатр (царь Македонии) 139,
    149, 172
Антоний Гай 385, 392

- Антоний Марк 386, 406, 407, 412–414
 Апама (жена Селевка I) 169
 Аполлон 181, 185, 194, 217, 240, 242, 335
 Аполлоний с Родоса 167
 Апулей Сатурнин, Луций 316–320, 322, 327, 339
 Арат (сын Арата из Сикиона) 225
 Арат из Сикиона 196, 198–200, 202, 225
 Арес 40
 Ариадна 266
 Аристарх из Самоса 166
 Аристарх из Самофракии 166, 190
 Аристомед из Милета 143
 Аристомен (царь Мессении) 98
 Аристон (тиран Афин) 333, 434
 Аристотель 139, 155, 191, 192
 Аристофан 154, 156, 189
 Аристофан из Византии 160
 Аррий Квинт 365
 Арсиноя (дочь Лисимаха) 177
 Арсиноя (дочь Птолемея I) 170
 Арсиноя (дочь Птолемея III) 177, 205
 Артемида 40, 189, 355
 Архелай из Каппадокии 333, 334
 Архидам (брат Агиса IV) 201
 Архидамия (бабка Агиса IV) 197, 199
 Архимед 123, 124, 166
 Атей 400, 401
 Атий Невий 36
 Атий Тулл 51, 52
 Атилий Регул, Марк 101, 102, 104
 Аттал I 178, 179, 181, 182, 184, 194, 195, 205, 217, 221, 231
 Аттал II 179
 Аттал III 179, 293
 Аттис 187
 Афина 40, 182, 184, 190, 240
 Афродита 40, 150, 185, 358
 Ахелой 45
 Ахилл 85, 228
 Ацилий Глабрион, Маний 233, 234, 237
Барий Квинт 303
 Беллона 343
 Береника I 169, 170
 Блоссий из Кум 290, 294, 303
 Бокх (царь Мавритании) 308, 309, 319, 345, 356, 359
 Бона Деа 394
 Бренн (вождь кельтов) 173, 174
 Бренн (вождь сенонов) 64–67
 Бриаксис 148, 165
 Брут — см. Юний
Вакх 243
 Валерий Левин, Марк 121
 Валерий Публий 59
 Валерий Публикола, Публий 43, 46
 Валерий Флакк, Луций (консул 195 г.) 241, 334
 Валерий Флакк, Луций (консул 86 г.) 342, 346
 Вейовис 63
 Великая Мать (Кибела) 186
 Венера 40, 343
 Веррес Гай 373, 385
 Верцингеторикс 399, 404
 Веста 361, 368, 380
 Ветурий Кальвин, Тит 76
 Ветурия (мать Кориолана) 52
 Виргиния
 (дочь Луция Виргиния) 57–59
 Волумния (жена Кориолана) 52
 Вулкан 312
Габиний Авл 377, 400
 Гадес 165

- Гай (вождь нумидийский) 131
 Гамилькар Барка 102–108
 Ганнибал Барка 106–121, 221–
 223, 229, 231, 233, 236, 238,
 240, 246
 Ганнон Великий 109, 118
 Гасдрубал (зять
 Гамилькара Барки) 108
 Гасдрубал (сын Гискона) 128, 131
 Гасдрубал Барка 110, 113, 121,
 125, 127–135, 156, 217, 218
 Гасдрубал Бифиас 270–273
 Гауда (внук Масиниссы) 309
 Геллий Луций 365, 374
 Гелон 96, 98
 Гера 40
 Геракл (Геркулес) 85
 Гераклит из Эфеса 241
 Гермес 40, 189, 194
 Геронд из Кос 168, 190
 Герофил из Халкидона 166, 177,
 264
 Герсилия (дочь
 царя сабинян Тация) 29, 30
 Гефест 40
 Гиempсал (сын Миципсы) 305, 308
 Гиempсал II 339
 Гиерон II Младший 98, 99, 112,
 121–123
 Гиероним (внук Гиерона II) 121,
 122
 Гиероним из Кардии 176
 Гиппарх из Никеи 166
 Гиппий 41
 Гипподам из Милета 162
 Гиппократ с о. Кос 150
 Гискон (карфагенский
 полководец) 126, 131
 Главкий 86, 87
 Гликерия (возлюбленная
 Менандра) 156
 Гомер 166, 167, 189, 190, 228, 272,
 362, 375
 Горации (братья) 31, 32
 Гораций (Квинт Гораций Флакк)
 84, 117, 194, 373
 Гораций Коклес, Марк 44, 49
 Гораций Марк 59
 Гостилий Гай 286, 295
 Гракх — см. Семпронии
 Гракх Гай (Г. Семпроний Гракх)
 286, 293, 295–300, 302, 322,
 323
 Гракх Тиберий (Тиб. Семпроний
 Гракх) 238, 286–298, 303, 318
 Гулусса (сын Масиниссы) 305,
 306
 Деметра 40, 164, 165, 181, 186,
 187, 216, 292, 335
 Деметрий (сын Филиппа V) 246,
 277
 Деметрий Полиоркет 137–154,
 165, 166, 169, 170, 328
 Деметрий Фалерский 139–157,
 165, 168, 169, 191, 192
 Демосфен 90, 142, 143, 228
 Деций Мус, Публий 82, 83
 Диана 40
 Дидона 25, 94, 95
 Дией (стратег ахейский) 269
 Динократ с Родоса 162
 Дионис 184
 Дионисий I 97
 Дионисий II 97
 Дионисий Фракийский 190
 Дуилий Гай 100
 Еврипид 149, 159, 167, 219, 228,
 261, 369
 Зевксис из Гераклеи 220, 228
 Зевс 184, 251, 255, 258

- Зенодот из Эфеса 166, 169
 Зенон из Китиона 176, 186, 191
- Иалис** 145
 Изиды (Исида) 164, 165, 187
 Исократ 191
 Иуда Маккавей 258, 259, 380
 Ицилий Луций 57, 58
- Ионатан** 259
- Калавий** (сенатор) 78
 Калипсо 216
 Каллимах из Кирены 168
 Кальпурний Бестий, Луций 306
 Кальпурний Бибул, Марк 397
 Кальпурний Пизон, Луций 296
 Кальпурния (жена Цезаря) 410
 Камилл —
   см. Фурий Камилл, Марк
 Кассандр 86, 139, 146, 148, 165, 168
 Кассандра 261
 Кассий Лонгин, Гай 401, 402, 413, 414
 Катилина —
   см. Сергей Катилина, Луций
 Катон Младший (Марк Порций) 234, 237, 241–245, 264–267, 283, 353, 391, 399, 405, 409, 410, 412
 Катон Старший 260, 270–273, 391
 Квинкий Фламиалл, Луций 245
 Квинкий Фламинин, Тит 223–229, 232, 243, 245, 246, 260, 263, 316, 333
 Квинкий Цинциннат, Дуций 53–55
 Квинтилиан Марк Фабий 191
 Квирин 30
 Кибела 319
 Кинеас из Фессалии 87–90
- Кир 96, 257
 Кирка (Цирцея) 216
 Клавдий
   (вольноотпущенник) 59
 Клавдий Аппий
   (брат Клодия) 358
 Клавдий Аппий
   (консул 143 г.) 288, 290, 293
 Клавдий Аппий (Слепой) 80, 81, 89, 90, 290
 Клавдий Аппий Красс 55–59
 Клавдий Атт 277
 Клавдий Марцелл, Марк 106, 119
 Клавдий Нерон, Гай 129
 Клавдия
   (жена Тиберия Гракха) 288
 Клеомброт 198, 199
 Клеомен (сын Леонида II) 200–204
 Клеон
   (афинский полководец) 154
 Клеоним (отец Леонида) 197
 Клеопатра I 231, 255
 Клеопатра II 255
 Клеопатра VII 408
 Клодий Публий 359, 377, 382, 394–396, 398, 400–402
 Конкордия 70
 Кора 181
 Корнелий Сулла, Луций 308, 309, 319, 324, 325, 330, 334–351, 355, 357, 360, 361, 366, 367, 371, 373, 374, 381, 383, 387, 390, 405
 Кориолан —
   см. Марций Кориолан Гней
 Корнелий Лентул, Публий 388, 389, 391
 Корнелий Сулла, Руфин 344
 Корнелий Сулла, Фауст 347
 Корнелий Сципион (консул 83 г.) 342

- Корнелий Сципион Азиатский,
Луций 234, 236, 237, 242
- Корнелий Сципион Африканский
Старший Публий —
см. Сципион Африканский
Старший
- Корнелий Сципион Назика 250,
251
- Корнелий Сципион Эмилиан
Африканский, Публий —
см. Сципион Африканский
Младший
- Корнелий Сципион, Гней 111, 125
- Корнелий Сципион. Публий
(отец Сципиона Африканского
Старшего) 111–113, 125
- Корнелий Цетег, Гай 388, 391
- Корнелий Цетег, Публий 353, 373
- Корнелий Цинна, Луций 370
- Корнелия (дочь Сципиона
Африканского) 285, 286, 296
- Котий (царь Фракии) 252
- Кратет из Маллы 186
- Крикс 365, 366
- Ксантипп (карфагенский
полководец) 101
- Ксенофонт 359
- Ксеркс 96, 173
- Куриации (братья) 31, 32
- Курий Дентат, Маний 83, 92, 93
- Курий Квинт 388
- Лавиния (дочь Латина) 26
- Лаодика (мать Селевка I) 141
- Лаокоон 185
- Латин 25
- Лелий Гай 133
- Лелий Сапиен, Гай 290
- Леонид (царь Спарты) 173, 197–
200
- Ливий (священнослужитель) 83
- Ливий Андроник, Марк 93, 216–
220
- Ливий Друз, Марк (консул 123 г.)
298
- Ливий Друз, Марк (консул 91 г.)
323
- Ливий Макат, Марк 120, 129
- Ливий Тит 134, 214, 215
- Ликорт (стратег Ахейского союза)
253
- Ликург 187, 196, 197, 200, 201
- Лисандр (спартанский эфор) 197,
198
- Лисандра (дочь Птолемея I) 171
- Лисимах (диадох Александра
Македонского) 140–149, 152,
170–172, 175, 187
- Лисипп из Сикиона 182
- Лициний Красс, Луций 322
- Лициний Красс, Марк 342, 346,
353, 366–368, 370, 373, 375,
383, 393, 397, 399–402
- Лициний Красс, Публий 244
- Лициний Лукулл, Луций 334, 345,
353, 356–368, 370
- Лициний Лукулл, Марк 353
- Лициний Мурена, Луций (отец)
356
- Лициний Мурена, Луций (сын)
387, 389
- Лициний Столон, Гай 68, 71, 286,
288–290
- Лукреция (жена Тарквиния
Коллатина) 41
- Лутаций Катулл Капитолийский,
Квинт 304, 351, 353, 380, 386
- Лутаций Катулл, Гай 120, 103,
105, 109
- Лутаций Катулл, Квинт 304, 312,
319, 340, 345
- Луцилий Гай 262

- Магон** (карфагенский полководец) 96
Магон Барка 118, 126, 126
Маккавей 255–260, 379
Манилий Гай 378, 384
Манлий Марк 67
Марий Филипп, Квинт 247, 248
Марий Гай 307–320, 324, 336–340, 342, 344–346
Марий Гай Младший 343, 345
Марий Гратидиан, Гай 345, 381
Марк Аврелий 176
Марс 40
Марта (пророчица Гая Мария) 311, 320
Марцелл 122–125, 220–224
Марций Гай 126, 127
Марций Кориолан, Гней 49–52, 213, 313
Марций Филипп, Луций 323, 370, 371
Масинисса 131–135, 270, 272, 305
Массива (внук Масиниссы) 306, 308
Мастанабал (сын Масиниссы) 305
Маттафий 258
Махар (сын Митридата VI) 379
Меммий Гай 316, 318
Менандр 154–161, 167, 168, 218, 219
Менений Агриппа 47
Меркурий 40
Метий Суфетий 87, 88
Метоп (житель Тарента) 87
Минерва 218
Минуций (консул 458 г.) 53
Минуций Руф, Марк 115, 116
Митра 375
Митридат I 321
Митридат VI Евпатор 319, 324, 325, 329–337, 339, 341, 354, 356, 375–380
- Миципса** (сын Масиниссы) 305
Муммий Луций 269
Муций Сцевола, Гай 44, 49
Муций Сцевола, Квинт 303, 322, 332, 340, 369
Муций Сцевола, Публий 294, 303, 369
- Навсикая** 216
Невий Гней 217, 218
Невий Марк 237
Неоптолем (вождь Митридата VI) 333
Неоптолем (сын Ахилла и Деидамии) 85
Нептун 128
Никомед I 177
Никомед III 332
Нума Помпилий 30, 31, 36, 242
Нумитор 27
Нунний Квинт 316, 317
- Овидий** (Публий Овидий Назон) 325
Октавиан (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 411
Октавий Гней 339, 340
Октавий Марк 292, 293
Октавия (жена Марка Антония) 403
Опимий Луций 298, 299, 305, 317
Ород (царь Парфии) 401
Осирис 164, 165
- Пакувий Марк** 262
Папирий Курсор, Луций 74–76, 79, 80
Панеций 263, 295, 303
Папий Брутул 74, 76
Папирий Карбон, Гней (консул 113 г.) 310

- Папирий Карбон, Гней (консул 85–83 гг.) 342, 343, 346
Папирий Марк 65
Папирия (жена Эмилия Павла) 248
Пенелопа 216
Периандр 362
Перикл 142, 162, 181, 335
Персей (царь Македонии) 176, 246–248, 250–255, 267, 330, 331
Петр св. 43
Петрей (легат) 392
Пигмалион (брат Дидоны) 94, 95
Пирр 85–94, 97, 137, 151, 152, 170, 172, 173, 196, 214, 216
Писистрат 255
Пифагор 84, 90, 241
Плавт (Тит Маккий Плавт) 156, 218–220
Платон 191, 228, 240, 335
Плутарх 191, 202, 264
Полибий из Мегалополиса 210, 212, 214, 253, 263, 268, 326, 373, 384
Поликсенид 235
Помпедий Силон, Квинт 324
Помпей Великий (Гней Помпей Магн) 342, 353, 355, 359, 366–380, 383, 385, 393–395, 397, 399, 400, 402–409, 411
Помпей Квинт 284
Помпей Секст 411
Помпея (жена Цезаря) 394, 395
Понтий Габий 65
Понций Коминий 65
Попилий Гай 256
Порсенна 43, 44
Порций Катон Младший, Марк — см. Катон Младший
Порция (дочь Катона Младшего) 410
Посейдон 228
Постумий Спурий 76, 78, 79
Потин (советник Птолемея XII) 409
Пракситель 184, 220, 228
Преция (фаворитка Гнея Корнелия Гетега) 356
Приам 25
Протоген 145
Птолемей I Сотер 86, 137, 139, 140, 146–150, 161–170, 175, 196
Птолемей II Филадельф 88, 163, 169, 175–177
Птолемей III Эвергет 166, 177, 195, 202, 203, 205
Птолемей IV Филопатор 203, 205, 221
Птолемей V Эпифан 205, 221, 231, 255
Птолемей VI Филометор 256
Птолемей VII Эвергет 256
Птолемей XI Авлет 408
Птолемей XII Дионис 408
Птолемей Керавн 169–173
Рацилия (жена Цинцинната) 53
Рея Сильвия 27
Рем 27, 28
Ромул 27–29
Рутилий Луп, Публий 324
Рутилий Руф 332, 333
Саллюстий Крисп, Гай 382
Сальвий (самнитский вождь) 251
Сатурн 218
Секстий Латеран, Луций 68, 71, 286, 288–290
Секстилий (претор) 339

- Селевк I Никатор 140, 145–153, 168, 170, 175
Селевк II Каллиник 195
Селевк IV Филопатор 255
Семпроний Тиберий (консул 218 г.) 111–113
Семпроний Гракх, Гай — см. Гай Гракх
Семпроний Гракх, Тиберий (отец братьев Гракхов) 237, 284
Семпрония (жена Сципиона Африканского Младшего) 286
Сенека (Луций Анней Сенека) 317, 370
Серапис 165
Сервий Каска, Публий 414
Сервий Рулл, Публий 386, 398
Сервий Туллий 36–38
Сервилий Главция, Гай 316
Сергий Катилина, Луций 345, 381–393
Серторий Квинт 340, 343, 354–356, 361, 361
Сет 165
Сивилла 39, 335, 336, 340, 411–413
Сикций Луций 57
Симон (сын Маттафия) 259
Сифакс (правитель Нумидии) 131–133
Сихей 94
Скопас 182, 184
Скрибоний Гай 406, 407
Сократ 189, 228
Солон 36, 55, 219, 362
Софокл 159, 167, 228
Софонисба (дочь Гасдрубала) 131–133
Спартак 364–368, 370
Стратоника (дочь Деметрия) 148–150
Сульпиций Руф, Публий 336, 337, 340
Сципион Африканский Младший (Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский) 117, 126–128, 249, 260, 269–273, 275, 286, 296, 303, 314, 342, 349, 410
Сципион Африканский Старший (Публий Корнелий Сципион Африканский Старший) 126–128, 137, 207, 220, 229–239, 242, 263, 285, 410
Тарквиний Аррунт 37
Тарквиний Гордый 38–44
Тарквиний Коллатин 41
Тарквиний Луций 37
Тарквиний Секст 41
Тарквиний Старший 34
Тарпея (весталка) 29
Тацит 330
Телеф 178, 185
Теофраст (Феофраст) 155, 156
Теренций Варрон, Гай 116, 117
Теренций Публий 156, 219, 262
Тигран Младший 330, 356, 378, 379
Тимофей 164, 165, 181, 187
Тиресий 272
Тит Таций (царь сабинян) 29, 34
Тихе (Фортуна) 122, 123, 142
Туллия (жена Тарквиния Аррунта) 37
Туллия (жена Тарквиния Гордого) 37, 38, 41
Тулл Гостилий 30, 31, 33
Турн 26
Фабий Кунктатор, Квинт 115, 119, 120, 124, 130, 134, 220, 248

- Фабий Максим Аллоброг, Квинт 389
Фабий Максим Эмилиан, Квинт 248
Фабий Максим, Квинт 80–83
Фабий Пиктор, Квинт 217, 242
Фабий Рулиан Максим, Квинт 74
Фабий Санга, Квинт 389
Фабриций, Гай 90, 91
Фарнак (сын Митридата VI) 380, 409
Фауста (дочь Корнелия Суллы) 347
Фаустул 27
Фемистокл 142, 228
Феокрит 169, 185
Фессалоника (мать Антипатра) 151
Фидий 181, 184, 220, 228, 258
Фила (дочь Антипатра) 149, 151, 152, 176
Фила (дочь Селевка I) 176
Филемон из Сиракуз 160
Филетер 170, 171, 175, 177–179, 181
Филипп (сын царя Персея) 267
Филипп II Македонский 196, 202, 226
Филипп V Македонский 121, 204, 205, 207, 215, 220
Филиппид (поэт) 154, 155
Флавий Фимбрий, Гай 334, 335
Флакк —
см. Фульвии, Валерии и пр.
Фламиний Гай 106, 114, 115, 215
Фламинин —
см. Квинкций Фламинин, Тит
Фортуна — см. Тихе
Фраат (царь парфян) 378
Фурий Камилл, Марк 62, 65, 67, 68, 70, 213
Фульвий Флакк, Квинт 119
Фульвий Флакк, Марк 294, 299, 357
Фульвия (жена Марка Антония) 388, 412
Хасмонеи 259, 380
Цезарь (Гай Юлий Цезарь) 315, 320, 353, 376, 383, 386, 390, 393–414
Цецион (консул 105 г.) 310
Церера 40, 217, 335
Цецилий Метелл Пий, Квинт 351, 354, 366, 371
Цецилий Метелл Македонский, Квинт 268, 269, 275
Цецилий Метелл Непот, Квинт 392, 393
Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт 307–309, 314, 318, 319, 339, 351, 410
Цецилий Метелл Сципион, Квинт 409
Цецилия Метелла 81
Цинна 339, 340, 342–344, 354, 357
Цицерон (Марк Туллий Цицерон) 275, 289, 351, 353, 373, 376, 378, 384–400, 403, 406
Чандрагупта 146
Эвандр 216
Эвандр (придворный царя Персея) 247, 252, 253
Эвдамид (сын Агиса IV) 200
Эвклеид (царь Спарты) 201
Эвклид из Александрии 166
Эвмен (полководец Александра Македонского) 140, 247
Эвмен I 177
Эвмен II 179, 184, 231, 236, 239, 245, 252, 270

- Эвридика (жена Птолемея I) 165,
 168, 169, 172
 Эдип 158
 Эмилий Лепид, Марк (отец) 353,
 371
 Эмилий Лепид, Марк (сын) 414
 Эмилий Павел Македонский,
 Луций 116, 117
 Эмилий Павел, Луций 248–255,
 260
 Эмилий Скавр, Марк 303, 304, 306
 Эмилия (жена Цициона
 Африканского Старшего) 248
 Эней 25, 26, 95, 216, 239, 240
 Энний Квинт 91, 115, 218, 241,
 260–262
 Эпамонид 173, 195
 Эпигон (скульптор) 182, 184
 Эпикур 90, 156, 191
 Эрасистрат из Кеоса 150, 166, 265
 Эратосфен из Кирены 166, 239, 336
 Эсхин 144
Юба (царь Нумидии) 407, 409
 Югурта 305–309, 314–316, 319,
 335, 338, 345, 356, 358
 Юлий Цезарь, Гай (отец
 диктатора) 320
 Юлий Цезарь, Луций 324
 Юлий Цезарь, Гай (диктатор) —
 см. Цезарь
 Юлия (жена Гая Мария) 314
 Юлия (жена Помпея Великого)
 397, 399, 402, 404
 Юний Брут, Децим 413
 Юний Брут, Тиберий 42
 Юний Брут, Тит 42
 Юний Брут, Марк 410, 413, 414
 Юний Силан, Децим 387, 413
 Юний Силан, Марк 310
 Юнона 40
 Юпитер 254, 299, 319, 343
Язон 153
 Янус 30

Открытка: 1935 г. 29 марта? (Написано латинскими буквами, по-русски): *Дорогая моя Адочка, поздно хватил-ся, чтобы поздравить тебя с днем твоего рождения — было бы поздно даже, если бы я это сделал в написанном 22-го числа письме, а я это и там по рассеянности упустил. Только сегодня полученное письмо твоей сестрицы мне об этом напомнило. Не обижайся, моя родная, я тебя не меньше люблю, а только память иногда изменяет. Вчера кончил лекции перед весенними ваканциями (каникулами. — Н. П.), теперь погрузился в научную работу. Крепко тебя с сестрицей целую. Твой*

ПРИЛОЖЕНИЕ

К БИОГРАФИЧЕСКОМУ ОЧЕРКУ О Ф. Ф. ЗЕЛИНСКОМ, НАПИСАННОЕ ЕГО ДОЧЕРЬЮ АРИАДНОЙ ФАДДЕЕВНОЙ

В очерке не сказано об обстоятельствах, послуживших препятствием для выезда в Варшаву вместе с моим отцом нашей семьи: меня, моей сестры Тамары и нашей матери Софии Петровны Червинской.

Перед своим окончательным отъездом из Петрограда в Варшаву отец отправил нас в Полоцк, где жила бывшая гувернантка его старших детей Софья Федоровна Пантеровская. Она была крестной матерью моей старшей сестры Тамары. Мы, дети, называли ее Киской. Полоцк находился недалеко от тогдашней границы с Польшей, и отец считал, что оттуда проще будет организовать наш переезд в Варшаву. Все документы для оформления нашего переезда были подготовлены. В одном из писем отец писал: «Дорогие мои дочурки, скоро-скоро мы увидимся, и другой разлуки уже не будет». Но тут произошло то, чего никто не мог предвидеть.

Наша мама была верующей и, находясь в Полоцке, часто посещала церковь в Спасском монастыре, основанном в XII веке преподобной Ефросинией, княжной Полоцкой. Мама познакомилась со многими монахинями. Последствия этого знакомства изменили всю нашу судьбу. Одна из монахинь, занимавшая пост казначеи монастыря, оказала на маму столь сильное влияние, что она решила отказаться от мирской жизни и уйти в монастырь. Мама отказалась ехать в Варшаву и забрала в монастырь нас с сестрой. Это стало тяжелым ударом для нашего отца.

Жизнь в монастыре была невеселой, но вскоре стала еще хуже — когда советская власть ликвидировала монастырь, а на его месте устроила военный городок. Монахинь выселили на пустырь в 18 км от Полоцка. Раньше на месте пустыря был лес, но в 1918 г. немцы вырубили его, оставив только огромные пни. Участки с пнями чередовались с болотами, заросшими кустиками ольхи. Место было совершенно дикое, никаких строений. Однако среди монашек нашлось немало энтузиасток, не побоявшихся трудностей и решивших поселиться на этом пустыре. В их числе были игуменья, казначея и наша мама. Там нас ждали лишения и тяжкий труд. Это стало новым ударом для отца. Он горячо протестовал против нашего переселения в это дикое необжитое место, где не было даже школы, но ничего не мог поделать, так как жил по другую сторону «железного занавеса», и путь в Советскую Россию был для него закрыт. Тяжело переживая разлуку с нами, он продолжал заботиться о нас, присылая крупные суммы денег и детские вещи — красивые платица, туфельки. Но эти нарядные вещи в тех условиях, в которых мы жили тогда, нам некуда было и надевать, и мама отдавала их за бесценок своим знакомым в Полоцке. Первое время отец еще надеялся, что мама изменит свое решение. Но этого не произошло. Скоро она постриглась в монахини и стала носить монашескую одежду. Надо отметить, что официально наша община не именовалась монастырем, а называлась трудовой артелью «Пеньки». Монашки были великими труженицами и вручную корчевали огромные пни и возделывали поля. Имелось большое стадо коров и другая домашняя скотина. Мама была рядовой работницей, и ее блестящее образование (она окончила Бестужевские курсы, музыкальную школу и знала пять иностранных языков) было ей здесь ни к чему. Отец мечтал дать нам такое же блестящее образование, как и своим старшим детям, но в тех условиях это было невозможно. Мы даже в школу не ходили. Мама занималась с нами дома сама, но времени для этого оставалось слишком мало: все поглощал тяжелый труд — и у мамы, и у нас, детей. Можно себе представить, как тяжело переживал это отец. В своих письмах он горячо протестовал против таких методов нашего воспитания, но мама оставалась непреклонной. Слишком сильно было влияние на нее матушки-казначеи.

Отец писал нам с сестрой письма, полные любви, нежности и боли от разлуки, и я, подрастая, поняла и оценила это и горячо полюбила его. У меня и сестры Тамары завязалась с ним задушевная переписка. Я мечтала о том, что он приедет, возьмет нас к себе и мы будем неразлучны с ним в новой счастливой жизни. Но время шло, а в нашей жизни ничего не менялось. И вот наступил период коллективизации. В окрестных деревнях, как и везде, было проведено раскулачивание (ограбили и выслали на север лучших хозяев, мама их знала лично). А затем власти обратили внимание и на трудовую артель «Пеньки». Провели собрание и объявили монахиням, чтобы они отправлялись на все четыре стороны. Начальство в лице игуменьи, казначея отдали под суд, а с ними заодно и нашу маму. Никакого начальственного поста она не занимала, была рядовым членом артели и выполняла черную работу. Тем не менее она была арестована, должно быть, потому, что имела высшее образование, верила в Бога и переписывалась с нашим отцом. Всех трех судили и приговорили к трем годам тюрьмы — сначала в Полоцке, а затем в Витебске. Статья, по которой их осудили, называлась: «организация лжеколхоза». Между тем артель существовала вполне официально с разрешения советской власти.

Итак, монашки разъехались кто куда, территория артели опустела, и на ней остались только мы с сестрой, в домике, построенном на деньги папы. Мы совершенно растерялись. Бросились в Полоцк к Киске, но она сказала, что теперь уже ничем нам помочь не может, так как ее лишили права голоса как бывшую домовладелицу (мать оставила ей в наследство два дома), а также за переписку с нашим отцом. Она напомнила, что всегда была против нашего переселения на «Пеньки» и предупреждала маму, что это добром не кончится. Теперь ей во флигель вселили двух сотрудников ГПУ, так что и жить у нее нам негде. С такой биографией, как у нас — отец за границей, мать в тюрьме, — здесь нам нигде не будет хода. Она посоветовала нам возвратиться в нашу избу на Пеньках и постараться попасть в колхоз, так как колхозники теперь в почете, это смягчит нашу участь. Мы так и сделали. Земля бывшей артели автоматически вошла в состав вновь образованного колхоза «Парижская коммуна», и мы стали его несовершеннолетними членами. Мы работали сперва по уходу за свиньями, а затем на других сельхозработах. Несмотря на то, что работали мы очень добросовестно, колхозное начальство считало нас людьми второго сорта из-за нашего происхождения. Нас ущемляли во всем, и мы терпели это. Через полгода к нам вернулась мама. Она подала кассационную жалобу, и срок заключения был сокращен до полугода. Но мама недолго пробыла с нами. Вскоре ее вновь арестовали. В нашей избе был произведен обыск, взяли все книги отца и его письма. Справедливости ради надо

сказать, что эти двое сотрудников ГПУ вели себя очень корректно и не позволили себе ни одного грубого слова. Маму продержали в одиночной камере около года и много раз допрашивали. Они все допытывались, куда мама тратила те крупные суммы денег, которые присылал нам отец. Их удивляла нищенская обстановка, в которой мы жили, и наша жалкая одежда. Вернувшись из тюрьмы после второго ареста, мама рассказывала, как страшно ей было находиться столько месяцев в одиночной камере. Однако на допросах следователи вели себя с мамой очень тактично, не оказывали никакого давления и в конце концов освободили без всяких ограничений. Мама испытывала к ним чувство глубокой благодарности за дарованную свободу, хотя не была ни в чем виновата. Видно, и в это страшное время даже в органах ГПУ оставались еще порядочные люди. Ведь ей при еезаграничной переписке легко могли приписать любую шпионскую деятельность и отправить в ГУЛАГ или просто расстрелять, как это происходило со многими ни в чем не повинными людьми. Но местное колхозное и иное начальство отреагировало на возвращение мамы совсем по-другому. Ее лишили права голоса, а это означало, что она становилась совсем бесправным человеком. Сестру и меня исключили из колхоза. Перед директором колхозной вечерней школы-семилетки, которую мы теперь посещали, поставили вопрос об исключении нас и из школы. Это было как удар грома среди ясного неба. Рушились все наши мечты об образовании. Мы мечтали, окончив семилетку, поступить в один из техникумов в Полоцке (высших учебных заведений там не было — это был маленький городок). Будучи исключенными из колхоза, мы стали «чуждыми для советской власти элементами» и потеряли право на продолжение образования. И тут нам на помощь пришла мама. Нужно сказать, что после ликвидации артели «Пеньки», бывшей практически монастырем, она поневоле должна была вернуться к мирской жизни. Мама по-прежнему оставалась глубоко верующей, но в корне изменила свое поведение и отношение к нам. Мама стала, как и до поступления в монастырь, энергичной и решительной. Обратившись в полит. отдел округа, она добилась нашего восстановления в колхозе и восстановления ее самой в праве голоса. Результатом этого было то, что ее приняли в колхоз. И тут перед властями колхоза встал вопрос — какую работу ей поручить. Посылать человека с высшим образованием и знанием пяти языков чистить навоз или на другие черные работы не решились. В колхозной школе не хватало преподавателей, а по иностранному языку и совсем не было. Однако в школу маму не решились допустить из-за ее монашеского прошлого: а вдруг она окажет вредное религиозное воздействие на юные души. Поразмыслив, решили назначить ее заведующей яслями. Мама решительно взялась за дело. Ясли под ее руководством процветали, и дети к ней тяну-

лись, однако у начальства все же возникли опасения — не будет ли она оказывать вредное идеологическое воздействие на грудничков. Маму отстранили от заведования яслями, и некоторое время она находилась не у дел. В конце концов сложный вопрос с мамой был разрешен — ее назначили заведовать свинофермой, справедливо полагая, что свиному подолью ее религиозные убеждения на повредят. У мамы и на этом поприще дела пошли успешно. Возвращаясь несколько назад, скажу, что, опасаясь репрессий за родственные связи с границей, мама изменила нашу фамилию Зелинские на Червинские и написала отцу, чтобы он не подписывал свои письма к нам словом «папа», а как крестный. Это было для него очередным тяжелым ударом. Его возмущало и оскорбляло это абсурдное положение — почему его дети должны скрывать, что их отец — знаменитый профессор и ученый с мировым именем только потому, что он живет в другом государстве. Он писал маме: «Ведь я не эмигрант, а гражданин дружественного государства, и переписка со мной никого компрометировать не может». Однако подписывать свои письма к нам словом «крестный» он не стал и впоследствии ограничивался словом «твой».

Однако это было похоже на страуса, который прячет голову под крыло и воображает, что его никто не видит. Все равно вся округа знала, кто наш отец. Гонения и притеснения продолжались, и еще больше опасаясь за нас, мама была вынуждена на время прервать нашу переписку. Это время оказалось длиною в два года, но об этом я скажу позже.

По окончании колхозной вечерней семилетки мы с сестрой решили попытаться осуществить давнюю мечту — поступить в техникум. В нашем положении это было очень сложно. Главным препятствием был господствовавший тогда классовый подход к образованию. Он действовал на протяжении примерно 20 лет — с 1917 по 1937 г. Поступающий в техникум или вуз должен был представить документы о том, чем занимались его родители до революции, после революции и в настоящий момент. Для детей служителей Церкви, торговцев, частных предпринимателей, офицеров царской армии, бывших юристов и других категорий, и уж конечно для имеющих родителей за границей — путь к образованию был наглухо закрыт. Все же подали заявления колхозному начальству с просьбой отпустить нас на учебу и выдать соответствующие документы. В ответ получили отказ: «Нечего им учиться, пусть работают в колхозе». Положение казалось безнадежным. Но мама решила бороться. Она опять обратилась в полит. отдел. Начальник, выслушав ее, сказал, что это не его дело вмешиваться в этот конфликт, но тут же, понизив голос, шепнул: «Обратитесь в сельсовет». Должно быть, сельсовету было дано соответствующее указание, нам сейчас же были выданы все необходимые документы. Справка о нашем соц. происхождении гласила: «Родители такой-то гражд-

данки до революции служащие, после революции служащие, в настоящий момент члены колхоза». И ни слова о том, что у нас отец за границей. Теперь путь к образованию был для нас открыт. Горячо поблагодарив секретаря сельсовета, как на крыльях помчались мы домой. Жили мы теперь не в нашей избе на Пнях, а в густонаселенном колхозном доме. Надо было соблюдать строгую конспирацию, чтобы в колхозе раньше времени не узнали о наших замыслах и не стали чинить препятствий. Рано утром, до рассвета, мы через окно выбрались в сад и бегом направились в Полоцк. Документы мы сдали в строительный техникум и после вступительных экзаменов были зачислены на первый курс... Трудно описать радость и счастье, охватившее нас: сбылась наша заветная мечта. Нам дали место в общежитии, хлебную карточку, назначили стипендию. Директору техникума мы сообщили наши опасения в отношении возможных происков со стороны колхозного начальства, но он успокоил нас: «Теперь вы наши, и мы вас никому не отдадим». Все это казалось нам счастьем в сравнении с прежним житьем на Пнях и в колхозе.

Мы решили возобновить переписку с отцом. Нам казалось, что в городе будет легче скрывать ее, чем в деревне, где каждый человек на виду. Получать письма будем до востребования. Написали и ждали с тревогой ответа. Ответ пришел очень скоро. Отец писал, как он страдал и волновался за нас все эти долгие два года нашего молчания, не зная его причин. Он был рад, что мы выбрались из той глухомани и хоть где-то учимся. Сообщил, что каждый месяц будет присылать нам по 10 долларов на Торгсин. Вскоре пришли и доллары. Мы были просто ошеломлены свалившимся на нас богатством. В то время как все остальные магазины были в основном пусты, в Торгсине было решительно все, очень дешево и самого высокого качества, но только за доллары или золото. Мы впервые получили возможность распорядиться присланными нам деньгами.

Сколько я помнила себя, мы всегда были плохо одеты, и нам было обидно, что наши сверстницы и в городе и в деревне выглядели барчуками в сравнении с нами. Теперь у нас появилось все, что только мы могли пожелать, — красивые платья, туфли, шубки.

Мы ушли из общежития и снимали комнату в частном доме у очень милой интеллигентной женщины. Решили вытащить маму из колхоза. К этому времени в колхозе сменился уже четвертый председатель, и пятый оказался очень порядочным человеком. Он очень хорошо относился к маме и не хотел отпускать ее, но понимал, что ей с ее образованием не следует всю жизнь оставаться при свиньях.

Мы славно зажили втроем с мамой. Того, что присылал папа, вполне хватало для безбедного существования. Правда, сестре Тамаре пришлось уйти из строительного техникума, где были очень высокие требования

к математике, которая ей давалась с трудом, но она поступила на рабфак. Маме же не дали работу по специальности в школе или техникуме Полоцка из-за ее «криминального» монашеского прошлого. Теперь она просто отдыхала после всего пережитого.

Мы были счастливы, снова получая письма от отца, полные любви, заботы и тревоги за нас. Теперь он обращался к нам, как к взрослым. Рассказывал всю историю его знакомства с нашей мамой, писал, что не он виноват в нашей разлуке — такой была воля мамы, не с его стороны наступило разлюбление. Именно такое слово он употребил — разлюбление. «Мои дорогие дочурки, вашу судьбу я мечтал так хорошо устроить, а теперь живу в безнадежной разлуке. Будем же хотя бы письмами смягчать эту боль. И помните всегда, что вы Зелинские, хотя теперь называетесь иначе. Помните, что в вас моя кровь».

Отец горячо желал, чтобы мы общались с его старшими детьми. Все они, особенно Феликс, относились к нам с большим участием. В Варшаве с ним оставалась только младшая из старших дочерей Вероника, слабая здоровьем и не имевшая своей семьи (первая жена его Луиза скончалась еще в 1923 г.). Отец бывал у Феликса в Германии, и однажды я получила от Феликса очень хорошее задушевное письмо. Отец просил меня писать брату. Я тоже желала этого, но мама сказала, что это невозможно, переписка с братом в Германии для нас еще опаснее, чем с отцом в Варшаве, это грозит нам жестокими репрессиями. Пришлось отказаться от столь желанной переписки, чем я очень огорчила папу. Объяснить ему это, по понятным причинам, было нельзя.

Если бы не эти огорчения, нашу жизнь в Полоцке можно было бы назвать вполне счастливой, особенно в сравнении с прежней. Но не оставлял страх — что, если в техникуме узнают, что наш отец никакой не колхозник, а знаменитый профессор Варшавского университета? Тогда нам несдобровать. На наших глазах несколько человек были исключены за то, что их родители при проверке оказались не теми, за кого себя выдавали. Мальчик с нашего курса был исключен за то, что его отец не выполнил «твердое задание» — так назывался непосильный налог, налагаемый на тех крестьян, которые отказались вступить в колхоз. В любой момент подобное могло произойти и с нами. Но пока мы продолжали учиться. Я заканчивала второй курс, и вскоре в моей жизни произошли большие перемены. На втором курсе заканчивалось преподавание всех общеобразовательных дисциплин, а на 3-м и 4-м оставались только специальные. Лица, окончившие 2-й курс, могли быть допущены к вступительным экзаменам в вуз. Разумеется, администрация техникума была не заинтересована отпускать таким образом своих питомцев, но в порядке исключения это иногда делалось для детей влиятельных в городе родителей. И тогда у

меня зародилась казавшаяся несбыточной мечта о высшем образовании. Ранее я и думать об этом не могла при нашем нищенском состоянии. Техникум был пределом наших желаний. Но теперь, при столь значительной материальной поддержке со стороны отца, стало возможным уехать в другой город и поступить в вуз. В Полоцке, как я уже упоминала, высших учебных заведений не было, и я со своей подругой Соней решила попытаться осуществить нашу мечту. Сложность заключалась в получении нужных документов. Ведь у нас не было влиятельных родителей. И тут на помощь пришел счастливый случай. Мы получили все, что было нужно. Теперь надо было решить, в какой город ехать. Мое горячее желание было учиться в Петербурге (тогда Ленинграде). Там жили моя сводная сестра Людмила Фаддеевна и брат по отцу Адриан Иванович Пиотровский. С ними мне очень хотелось встретиться, и папа горячо этого желал. Но мама решительно возражала против этого, говоря, что нам с нашей заграничной перепиской и шатким положением в Петербург не следует и соваться. Она предложила мне ехать в Воронеж, куда после освобождения из тюрьмы переселилась ее любимая матушка-казначей. Так я попала в Воронеж. Тамара пока оставалась в Полоцке, продолжая учиться на рабфаке.

Нам с подругой повезло. Несмотря на большой конкурс, удалось успешно сдать вступительные экзамены и поступить в университет на биологический факультет. Вскоре в Воронеж приехала и мама. Здесь не было известно о ее «криминальном» прошлом, и она легко могла получить место преподавателя в одном из сельскохозяйственных техникумов в Воронежской области. С ее знаниями она вполне могла бы преподавать и в вузе, но ей было отказано из-за отсутствия советского диплома. Диплом об окончании Бестужевских курсов сочли недостаточным.

Для меня началась счастливая студенческая жизнь, но чувство страха не оставляло меня. Это был 1935 год, и в стране все еще господствовал нелепый «классовый подход к образованию». И опасность моего разоблачения по-прежнему висела надо мной.

С отцом у меня продолжалась душевная переписка. Он продолжал помогать материально сперва через Торгсин, а после его ликвидации — через банк. Я ни в чем не знала нужды. Его огорчило то, что я выбрала Воронеж, а не Петербург. Объяснить причину этого выбора было нельзя. Выбор факультета он одобрил и хотел, чтобы я специализировалась в области генетики.

Прошло 2 года с момента моего поступления в университет, когда вышло постановление правительства об отмене «классового подхода к образованию». Теперь можно было учиться независимо от своего социального происхождения. Камень свалился с моей души. Что бы ни произошло,

меня уже не смогут исключить из университета. Я вздохнула с облегчением, но беда все же пришла. Я жила в студенческом общежитии, переписка с папой шла через почтамт до востребования. В университете о ней не знали. Но, на мое несчастье, в нашу комнату поселили одну из студенток — Екатерину Кучкину. Она была много старше всех нас и отличалась злым и завистливым нравом. Кучкина выкрала у меня письмо отца и донесла на меня в отдел кадров университета. Исключить из университета уже не могли, но начались притеснения. Меня вычеркнули из списка отличников и лишили полагающихся льгот, в том числе повышенной стипендии. Я стала человеком второго сорта. Но худшее было впереди. Меня вызвали в органы НКВД и потребовали, чтобы я прекратила переписку с отцом: «Он — чуждый элемент, и вы не должны иметь с ним ничего общего».

Я ушла из этого мрачного здания в полном отчаянии. Не выполнить требования НКВД невозможно. Это были годы особенно жестоких репрессий. Редкий день проходил, чтобы мы не узнавали об арестах родителей и близких родственников многих наших студентов. Они вдруг оказывались «врагами народа». Их близкие исчезали бесследно, а сами они оказались выброшенными из своих квартир. Знали мы и об арестах среди студентов общежития, часто самых талантливых. По ночам я с тревогой прислушивалась — не раздастся ли стук в нашу дверь, не моя ли очередь разделить эту участь. И вот теперь я опять должна нанести удар горячо любимому отцу — прекратить переписку с ним. А он как будто предчувствовал что-то. В его письмах сквозила тревога. В одном из них он писал: «Если и случится так, что прекратится наша переписка, то помните — когда я буду умирать, моя последняя мысль будет о вас». Я долго и мучительно обдумывала все происшедшее и пришла к такому решению. Мне оставалось учиться 2 года. Эти 2 года я не буду писать отцу. А когда закончу университет и получу диплом — напишу, и будь, что будет.

После всего, что произошло, тяжело было оставаться в Воронеже. Я воспользовалась представившейся возможностью и перевелась в Ростовский-на-Дону университет на четвертый курс. По странному совпадению оба эти университета были связаны с судьбой отца. В Дерптском университете отец защищал свою докторскую диссертацию, а Ростовский оказался бывшим Варшавским. Во время Первой мировой войны в 1915 г. оба эти университета были переведены соответственно в Воронеж и Ростов.

Эти два года учебы в Ростове на четвертом и пятом курсах у меня не было заграничной переписки, и они проходили более или менее спокойно, но, как оказалось в дальнейшем, не все было гладко. Видимо, отдел кадров Воронежского университета вместе с моим личным делом прислал

и компромат. Это стало ясно при выписке дипломов. Я была отличницей, и у меня была самая высокая успеваемость, тем не менее два человека с нашего курса с оценками ниже моих получили дипломы с отличием, а мне дали обычный диплом.

Как и было мною задумано, после получения диплома я написала отцу в Варшаву. Письмо было заказное, и сотрудница почты указала мне на ошибку в адресе: надо было писать не «Польша, Варшава», а «Германия, Варшава». Это было в 1940 г., и я не знала, что Польша была уже разделена между Гитлером и Сталином. Варшава отошла к Германии.

Я с тревогой ждала ответа, но письмо вернулось с пометкой «Адресат выбыл». Сердце сжало тяжелым предчувствием. Что это могло значить? Ведь у папы было столько близких друзей. Они сообщили бы мне, если бы с ним что-нибудь случилось. Я не знала, что Варшава тогда была уже разгромлена и нет уже ни университета, ни квартиры папы, ни его библиотеки. Только много лет спустя мне удалось узнать о судьбе отца, но об этом будет рассказано ниже.

Незадолго до окончания пятого курса я вышла замуж. Мужа, закончившего в том же году машиностроительный институт, оставили на работу в Ростове, поэтому в Ростове осталась и я. Жили мы у его матери в коммунальной квартире. Надо было искать работу, а это в то тревожное время было непросто. Всюду шли сокращения. Я мечтала о научной работе, но тогда это не удалось, и я поступила на Ростовский завод плавящих сыров на должность микробиолога, а затем была назначена завлабораторией. Место было неплохое, коллектив дружный и отношение ко мне исключительно хорошее, но меня не оставляла мечта о научной работе. А тут грянула Великая Отечественная война. Мужа мобилизовали на фронт, и я осталась с трехмесячной дочкой на руках. Немцы стремительно наступали, и скоро Ростов из глубокого тыла стал прифронтовым городом. Немцы нещадно бомбили его. Он был оккупирован дважды: в ноябре 1941 г. на одну неделю и в 1942 г. на семь месяцев. Во время второй оккупации моя маленькая дочка умерла. В феврале 1943 г. Ростов был освобожден. Я продолжала работать на заводе, а в 1944 г. мне удалось получить квартиру отдельно от свекрови, но в том же доме. После окончания войны я попыталась перейти на научную работу, но это оказалось невозможным. На моей биографии лежало теперь новое пятно: «находилась на оккупированной территории». То, что муж был на фронте, а я с маленьким ребенком на руках не имела возможности эвакуироваться, во внимание не принималось. Из науки таких людей изгоняли, даже если они уже много лет там работали. Мне пришлось остаться на заводе и радоваться, что есть хоть такая работа.

О дальнейших событиях моей жизни продолжу несколько ниже, а теперь скажу о судьбе Тамары и мамы. Тамара после окончания рабфака поступила на первый курс двухгодичного учительского института в Тамбове, вышла замуж за студента второго курса того же института, но вскоре вынуждена была оставить учебу, т. к. ждала ребенка. Она уехала к маме на станцию Рамонь, где мама преподавала в плодоовощном техникуме. Там у Тамары в 1937 г. родилась дочь Лидия. Муж Тамары по окончании учительского института также приехал в Рамонь, но в техникуме работы ему не нашлось. Маме пришлось уйти из техникума, где ее очень ценили, и переехать на станцию Глубокая Ростовской области, где получили работу и она, и ее зять в железнодорожной школе. У Тамары в это время было уже двое детей. Муж ее оказался, мягко говоря, непорядочным человеком, и все заботы о семье легли на маму. Вскоре брак распался. Маму не оставляла мысль найти работу в высшей школе, для чего она поступила заочно в Московский педагогический институт иностранных языков. Тамара поступила на заочные курсы переводчиков, что дало ей возможность работать в школе. В 1938 г. они переехали в Ессентуки, но из-за тяжелых квартирных условий детей на время отправили в Воронеж к уже не раз упоминавшейся матушке-казначее. В 1941 г., когда они поехали в Воронеж за детьми, в пути их застала весть о начале войны. В Воронеж они доехали, но вернуться назад уже не смогли — поезда обслуживали только фронт. Остались без вещей, без средств к существованию, с двумя маленькими детьми. Оставаться у матушки-казначей было нельзя, она сама была в крайней нужде. Пришлось уехать в глухую деревню в Воронежской области, где они и прожили почти все годы войны в тяжелых условиях. Благодаря тому, что у меня теперь была своя квартира, у них появилась возможность переселиться ко мне в Ростов. В 1944 г. приехала мама, а в 1945-м Тамара с двумя маленькими дочками — Лидией и Еленой. Отец всегда желал, чтобы мы с сестрой не разлучались. Теперь это его желание осуществилось. То, что я работала на пищевом производстве, помогло нам выжить в те трудные годы. Мама смогла поехать в Москву и сдать последние экзамены в Московском пединституте. В Ростов она вернулась уже с дипломом. Вскоре она получила место преподавателя немецкого языка на кафедре иностранных языков Ростовского университета, при этом завкафедрой, высокообразованный человек, сказал, что ей незачем было предъявлять два диплома, т. к. диплом об окончании Бестужевских курсов он ценит выше советского. Мама и Тамара прожили у меня соответственно 12 и 11 лет, а затем мама получила от университета отдельную квартиру. В университете она работала до выхода на пенсию в 1959 г. Тамара, живя в Ростове, закончила пединститут, отделение иностранных языков.

В 1953 г. умер Сталин, и после разоблачения его культа в моей жизни произошли значительные перемены. Исчез из анкеты бессмысленный пункт «находился на оккупированной территории», наличие которого делало человека изгоем в обществе, приоткрылся «железный занавес», изолировавший нас от внешнего мира. Теперь я могла осуществить свою давнюю мечту — уйти в науку. Я получила работу в одном из научно-исследовательских институтов университета, в отделе радиобиологии. Впоследствии защитила диссертацию на степень кандидата биологических наук. Продолжала там работать до выхода на пенсию в 1977 г.

Все эти годы меня не оставляла мысль об отце. Мучило желание узнать о его судьбе, и с наступлением «хрущевской оттепели» я решила написать ему. Написала по-прежнему адресу: Польша, Варшава, Университет. В душе у меня еще теплилась слабая надежда, что он жив. Ведь у нас от природы был очень здоровый организм. По его словам, все врачи твердили, что он по крайней мере на 20 лет моложе своей метрики. Надежды не сбылись. Ответ пришел, но не от отца, а от его ученицы — доцента, а впоследствии профессора Варшавского университета. Она с прискорбием сообщала, что папы нет в живых. Он скончался в 1944 г. у своего сына Феликса в Верхней Баварии. Лидия Винчук прислала нам адрес Феликса, и у меня завязалась с ним оживленная переписка. Мама стала переписываться с женой Феликса Карен, самой близкой подругой ее юности. Она написала нам о последних годах жизни нашего отца. В 1959 г., когда в Варшаве отмечали столетний юбилей папы, мы получили изданные в Польше книги «Независимая Греция» и «Римская Республика» и юбилейный номер журнала «Меандр».

В 1964 г. Карен умерла. Феликс был безутешен. Моя переписка с ним продолжалась, но в дальнейшем, с крушением оттепели и поворотом вспять, ее пришлось прекратить. Гласность и свобода переписки с внешним миром пришли к нам слишком поздно.

У Феликса не было детей. У старшей дочери Людмилы Фаддеевны Бенешевич (Аматы) были два сына-близнеца 1913 г. рождения, талантливые юноши были замучены в 1937 г. в сталинских лагерях. Амата скончалась в 1967 г.

Младшие дочери Ариадна Фаддеевна и Тамара Фаддеевна живут в Ростове-на-Дону. Их дети — внуки Фаддея Францевича: сын Ариадны Олег Алексеевич 1948 г. р. и дочь Лариса Алексеевна 1954 г. р.; у Тамары дочери Лидия 1937 г. р. и Елена 1938 г. р., сын Петр 1954 г. р.

У средней дочери Корнелии, жившей в Японии, — сын и дочь, внуки Фаддея Францевича, об их судьбе мне ничего не известно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВЕРТИКАЛЬ ЖИЗНИ

(Наброски к биографии Ф. Ф. Зелинского) 5

I. ЦАРСКИЙ РИМ

1.	Основание Рима	25
2.	Рим при первых царях	30
3.	Тарквинии	34

II. БОРЬБА СОСЛОВИЙ

4.	Первые годы Республики	42
5.	Священная гора	44
6.	Кориолан	48
7.	Цинциннат	52
8.	Децемвиры	55
9.	Новые завоевания	59
10.	Камилл	62

III. ОБЪЕДИНЕНИЕ ИТАЛИИ

11.	Первая Самнитская война	71
12.	Вторая Самнитская война	74
13.	Квинт Фабий и Аппий Клавдий	80

14.	Третья Самнитская война	81
15.	Тарент	84
16.	Пирр, царь Эпира	85
17.	Пирр и Фабриций	88
18.	Смерть Пирра	91

IV. КАРФАГЕН

19.	Прошлое Карфагена	94
20.	Мамертины	97
21.	Первая Пуническая война	99
22.	Гамилькар Барка	104
23.	Галлы	106
24.	Баркиды в Испании	107
25.	Начало Второй Пунической войны	110
26.	Тразименское озеро и Канны	113
27.	Ганнибал в Капуе	117
28.	Архимед	121
29.	Сципионы в Испании	125
30.	Гасдрубал Барка	128
31.	Победа Рима	130

V. ГРЕЧЕСКИЙ ВОСТОК

32.	Деметрий Полиоркет	137
33.	Менандр	154
34.	Александрия	161
35.	Разгром галлов	170
36.	Пергам	178
37.	Греческая школа	187
38.	Возрождение Спарты	194
39.	Восток в период Ганнибаловых войн	204

VI. ЭПОХА СЛАВЫ

40.	Римская держава	210
41.	Эллинизм в Риме	215
42.	Фламинин	221
43.	Братья Сципионы	229
44.	Тысячелетие Трои	239

45.	Эмилий Павел	245
46.	Маккаеи	255
47.	«Ceterum censeo...» («А кроме того, я полагаю...»)	260
48.	Сципион Младший	267

VII. ЗАКАТ

49.	Римское общество	274
50.	Братья Гракхи	285
51.	Юг и Север	300
52.	Гай Марий	313
53.	Италики и Рим	320
54.	Митридат Евпатор	328
55.	Первая Гражданская война	335
56.	Сулла Счастливый	344

VIII. КОНЕЦ РЕСПУБЛИКИ

57.	Серторий и Лукулл	351
58.	Спартак	361
59.	Помпей Великий	368
60.	Заговор Катилины	381
61.	Первый триумвират	393
62.	Цезарь	402

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН	415
------------------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ к биографическому очерку о Ф. Ф. Зелинском, написанное его дочерью Ариадной Фаддеевной	425
--	-----

Дирекция издательства:

О. Л. Абышко

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Е. И. Шиленкова

Ответственный редактор:

Н. А. Папчинская

Редактор:

Л. А. Абышко

Корректоры:

Н. П. Дралова

Н. М. Баталова

OCR - Давид Титиевский, июль 2017 г., Хайфа

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 24.01.2002. Подписано в печать 21.03.2002.

Формат 60×88/16. 28 п. л. Тираж 1300 экз. Заказ № 3196

Отпечатано с оригинал-макета в Академической типографии «Наука» РАН.
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia

